2 p A. 21166 = x. — 2. —

№ 238.
C
3

П IV 46

ГРАЖДАНСКАЯ ДѢЕСПОСОБНОСТЬ

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ

ДО КОНЦА XVII ВѢКА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Н. ДЕБОЛЬСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1903.

К

По опредѣленію юридическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшается.

Деканъ *Д. Гриммъ.*

8 октября 1902 года.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

3973
28

Посвящается

дорогому моему отцу

Николаю Григорьевичу

Дебольскому.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Внутренняя исторія права, имѣющая цѣлью изучить исторію развитія народнаго правосознанія, должна обращаться къ изслѣдованію дѣйствія тѣхъ или иныхъ нормъ права въ средѣ даннаго общества, такъ какъ на раннихъ ступеняхъ развитія общественной и государственной жизни, благодаря широкому распространенію обычая, законодательные памятники не содержатъ всего права. Особенно эта черта древняго права должна быть принимаема во вниманіе при изученіи цивильныхъ отношеній. Мы почти не имѣемъ данныхъ въ указахъ, уставахъ и законодательныхъ сборникахъ относительно большинства институтовъ права гражданскаго. Поэтому, изслѣдователь невольно ищетъ выраженія господствовавшихъ тогда въ сознаніи общества нормъ въ юридической жизни самого общества и, конечно, прежде всего въ изслѣдованіи юридическихъ сдѣлокъ. Только изъ актовъ частной дѣятельности лицъ и изъ отношенія правительственной власти къ этимъ актамъ выясняется вопросъ о понятіи юридической личности въ данное время и въ данномъ обществѣ, взглядъ на природу объекта сдѣлки и на тѣ juris vincula, которыя признавались необходимыми какъ обществомъ, такъ и правительствомъ для дѣйствительности юридической сдѣлки. Это изученіе должно дать изслѣдователю матеріалъ для сужденія о постепенномъ сло-

женіи юридическаго института, о нормирующей дѣятельности законодателя въ сферѣ частнаго самоопредѣленія и, наконецъ, о постепенной эволюціи въ области общественнаго правовоззрѣнія, создавшаго въ концѣ концовъ тѣ основы, на которыхъ дѣйствуетъ и развивается современное право. Вотъ тѣ основанія, изъ которыхъ исходилъ авторъ настоящаго изслѣдованія, приступая къ работѣ. Но по отношенію исторіи Русскаго Права онъ встрѣтилъ нѣкоторыя особенности, вытекающія изъ недостаточной разработанности многихъ вопросовъ по исторіи русскаго гражданскаго права. Первымъ такимъ вопросомъ, безъ рѣшенія коего оказалось невозможнымъ изучать область цивильныхъ отношеній древней Руси, былъ вопросъ о лицѣ. Кто могъ выступать въ сферѣ гражданскаго оборота, каковы были требованія какъ со стороны общества, такъ и со стороны правительственной власти къ лицу для опредѣленія его право- и дѣеспособности? Въ литературѣ русской исторіи и исторіи русскаго права мы имѣемъ богатый матеріалъ для сужденія о положеніи лица въ древней Руси и въ Московскомъ государствѣ съ точки зрѣнія публичноправовой и экономической. Но отвѣта на предложенный выше вопросъ мы не имѣемъ, если не считать разбросанные по отдѣльнымъ курсамъ и изслѣдованіямъ отрывочные намеки. Въ 1855 году, правда, появилась книга г. Гладкова „О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности по началамъ древняго россійскаго законодательства“; но изслѣдуя лишь небольшой кругъ законодательныхъ памятниковъ, книга эта совершенно недостаточна и не рѣшаетъ ни одного такого вопроса, который бы не былъ затронутъ въ классическомъ трудѣ К. А. Неволина по исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ.

Всѣ эти обстоятельства навели автора на мысль разработать тему, составляющую предметъ настоящаго изслѣдованія. Не претендуя на конечное разрѣшеніе всѣхъ намѣченныхъ

отдѣльныхъ вопросовъ, авторъ самъ сознается, что нѣкоторые изъ нихъ оставлены имъ недостаточно разработанными. Но онъ позволяетъ себѣ надѣяться, что ученая критика приметъ во вниманіе какъ обширность задачи изслѣдованія, такъ и трудность выяснить дѣйствительное значеніе юридической личности на зарѣ русской общественной и государственной жизни и при томъ условіи, что до настоящаго времени наше дѣйствующее гражданское право не знаетъ общаго опредѣленія цивильной право- и дѣеспособности лица какъ физическаго, такъ и юридическаго.

Въ приложеніи къ изслѣдованію авторъ помѣстилъ нѣкоторые документы, относящіеся, по его мнѣнію, къ темѣ, изъ Императорской Публичной Библіотеки и Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Приложенія эти размѣщены по тремъ группамъ, причемъ подъ лит. А напечатаны акты изъ Сборника XVI вѣка копій съ грамотъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ № Q, IV, 120 и ранѣе сего напечатаннаго авторомъ въ полномъ видѣ въ XIII вып. „Вѣстника Исторіи и Археологіи“, издаваемаго С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Нынѣ эти акты переиздаются въ систематическомъ порядкѣ и изъ нихъ исключены ранѣе напечатанные другими лицами и учрежденіями. Подъ лит. Б печатаются акты того же Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря XVII в., по копіямъ въ сборникѣ того же времени, хранящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ № Q, IV, 113. Наконецъ, подъ лит. В напечатаны нѣкоторые изъ столбцовъ Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, главнымъ образомъ порядныхъ въ крестьяне и бобыли первой половины XVII в.

Выпуская въ свѣтъ настоящее изслѣдованіе, авторъ приноситъ глубочайшую благодарность своимъ учителямъ и руководителямъ.

Дорогому учителю и глубокоуважаемому профессору Василію Ивановичу Сергѣевичу авторъ обязанъ глубокой благодарностью за постоянное руководство съ перваго курса университета, и для автора составляло бы предметъ гордости, если бы онъ могъ надѣяться, что на данномъ трудѣ отразились пріемы критическаго изслѣдованія, заимствованные у его учителя.

Глубочайшую благодарность приноситъ авторъ глубокоуважаемому профессору Николаю Львовичу Дювернуа. Тема настоящаго труда есть результатъ изученія русскаго гражданскаго права подъ его руководствомъ; его совѣты постоянно направляли автора по избранному пути.

Глубокоуважаемый профессоръ Сергѣй Ѳеодоровичъ Платоновъ своими совѣтами, помощью и указаніями вводилъ автора въ кругъ интересовъ и задачъ изслѣдованія по русской исторіи и археографіи. Съ глубокою благодарностью авторъ позволяетъ себѣ считать его однимъ изъ самыхъ дорогихъ и уважаемыхъ своихъ учителей.

Глубокоуважаемымъ профессорамъ Адольфу Христіановичу Гольмстену и Василію Николаевичу Латкину приноситъ авторъ глубочайшую благодарность за ихъ постоянное вниманіе къ его работѣ.

Глубочайшую благодарность выражаетъ авторъ дорогому товарищу Сергѣю Александровичу Шумакову за его постоянное содѣйствіе и присылку составленныхъ имъ описей грамотъ Коллегіи Экономіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Искренно благодаритъ авторъ библіотекарей Императорской Публичной Библіотеки, Владиміра Петровича Ламбина, Ивана Аѳанасьевича Бычкова, Александра Исаевича Браудо и Николая Дмитріевича Чечулина за ихъ просвѣщенное содѣйствіе автору при работѣ надъ настоящимъ изслѣдованіемъ.

Съ благодарностью обращается авторъ къ товарищамъ по службѣ въ Археографической Коммиссіи Сергѣю Александровичу Адріанову и Павлу Леонтьевичу Ежову за ихъ помощь и содѣйствіе въ пользованіи архивнымъ матеріаломъ.

Женѣ своей, Маріи Евдокимовнѣ Дебольской авторъ приноситъ глубочайшую благодарность за помощь и трудъ при корректурѣ его книги.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе. . . . . V—IX

ГЛАВА I.

Предварительныя замѣчанія.

§ 1. Отсутствіе законодательнаго опредѣленія дѣеспособности (1—2); § 2. Сепаратизмъ древняго права въ связи съ существованіемъ мелкихъ общественныхъ союзовъ (2—6); § 3. Союзный строй древняго общества въ противоположность современному индивидуализму и вліяніе его на право (6—11).

ГЛАВА II.

Естественныя условія дѣеспособности.

I. Полъ.

§ 4. Полъ не служилъ ограниченіемъ дѣеспособности (12—15); § 5. Ограниченія дѣеспособности женщинъ вытекали изъ условій брачнаго союза. Эти ограниченія были фактическими, а не юридическими (15—22).

II. Возрастъ.

§ 6. Отсутствіе точнаго опредѣленія возраста какъ условія дѣеспособности въ старомъ правѣ. Методъ индивидуальнаго изслѣдованія. Постепенное установленіе формальнаго признака (22—27); § 7. Вліяніе родительской власти на дѣеспособность дѣтей. Дѣти отдѣленныя и неотдѣленныя. Правоспособность отдѣленныхъ дѣтей (27—30); § 8. Личная правоспособность неотдѣленныхъ дѣтей. Постепенное установленіе ихъ правовой личности (30—34); § 9. Имущественная правоспособность неотдѣленныхъ дѣтей. Она шире, чѣмъ личная. Несомнѣнно существовала по отношенію къ посторонниимъ лицамъ. Весьма вѣроятно существовала и по отношенію къ родителямъ (34—37); § 10. Дѣеспособность дѣтей совершеннолѣтнихъ (37—42).

III. Здоровье.

§ 11. Значеніе физическихъ недостатковъ въ древнемъ правѣ. Вліяніе церкви. Сумасшествіе. Глухонѣмые (42—46).

ГЛАВА III.

Спеціальныя условія дѣеспособности.

§ 12. Постепенное развитіе соціальныхъ классовъ и бытовыя условія, послужившія основаніемъ для этого (47—54).

I. Холопы.

§ 13. Личная правоспособность холопа. Его честь. Убійство холопа. Особенность Судебника 1589 г. (54 — 63); § 14. Отношеніе правоспособности къ дѣеспособности. Римское право. Средневѣковая Европа. Попущеніе господина въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. Дѣеспособность холоповъ по русскому праву Русской Правды, Пскова, Новгорода и Московскаго государства (63—76); § 15. Кабальное холопство. Указъ 1586 года. Кабала безъ займа. Значеніе процентовъ въ кабальномъ холопствѣ. Жилецкія записи. Отрабатываніе долга по Уложенію (76—83).

II. Личный наемъ.

§ 16. Правовыя ограниченія лицъ, состоящихъ въ личномъ наймѣ по современнымъ законодательствамъ (83—85); § 17. Закупы Русской Правды. Мнѣніе проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о связи закупничества со служилой кабалою и независимое отъ денежныхъ отношеній положеніе кабальныхъ холоповъ (85—91); § 18. Юридическая природа закупничества. Это наемный работникъ (91—99); § 19. Личный наемъ по Псковской Судной грамотѣ. Она не ограничивала дѣеспособности наймита. Добровольные холопы въ Московскомъ государствѣ. Ихъ дѣеспособность не ограничивается подъ вліяніемъ личнаго найма (99 — 104); § 20. Изгои (105 — 107); § 21. Закладни. Теорія г. Павлова-Сильванскаго. Ограниченія ея. Ошибочность отождествленія съ жилыми записями. Право- и дѣеспособность закладней (107 — 115); § 22. Задворные люди и монастырскіе дѣтеныши (115—117).

III. Сельское населеніе.

§ 23. Смерды—свободные люди. Ограниченія ихъ дѣеспособности (117—123); § 24. Сельское населеніе Пскова и Новгорода. Изорники, кочетники, огородники. Ихъ полная право- и дѣеспособность (123—130); § 25. Крестьяне. Вопросы, подлежащіе рѣшенію (130—132); § 26. Личная и имущественная правоспособность черныхъ крестьянъ. Прикрѣпленіе къ тяглу (132—136); § 27. Запрещеніе перехода черныхъ крестьянъ на владѣльческія земли. Мнѣнія проф. М. А. Дьяконова и критика ихъ проф. В. И. Сергѣевичемъ. Разборъ этихъ мнѣній (136—140); § 28. Вопросъ о прикрѣпленіи жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Новѣйшія сочиненія по этому предмету. Значеніе указовъ 1597, 1601, 1602 и 1607 гг. Прикрѣпленіе состоялось къ концу

XVI вѣка. Разборъ мнѣнія проф. М. А. Дьяконова о крестьянахъ-новопорядчикахъ въ XVII вѣкѣ (140—150); § 29. Санкція прикрѣпленія (150—153); § 30. Бытовая обстановка, на почвѣ которой совершилось прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ. Приниженное положеніе крестьянъ. Барщина, задолженность. Истинное значеніе этихъ обстоятельствъ. Отличіе кабалы отъ прикрѣпленія крестьянъ (153—162); § 31. Значеніе старины. Фактъ старожильчества не могъ имѣть юридическаго значенія. Разборъ мнѣнія проф. М. А. Дьяконова (162—171); § 32. Старожильчество служило лишь фактической основой для прикрѣпленія крестьянъ (171—172); § 33. Мотивы прикрѣпленія (172—174); § 34. Значеніе барщины (172—176); § 35. Московское государство не знаетъ полной собственности на землю (176—178); § 36. Поэтому юридическимъ прикрѣпленіемъ крестьянъ Московское правительство не могло ихъ отдать въ частную собственность землевладѣльцевъ. Отношенія крестьянъ къ господину не могутъ быть конструированы по типу чисто цивильныхъ отношеній (178—180); § 37. Стремленія землевладѣльцевъ XVII вѣка сблизить крестьянство съ холопствомъ (180—185); § 38. Мѣропріятія Московскаго правительства, вліявшія на ухудшеніе положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ (185—186); § 39. Юридическая природа отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Условія поряда. Значеніе барщины. Поземельныя повинности (die Reallasten). Теоріи по этому предмету. Отношенія эти были до прикрѣпленія крестьянъ арендой. Сравненіе съ Римомъ и Западной Европой (187—198); § 40. Со времени прикрѣпленія крестьянъ отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ измѣнились. Они соотвѣтствуютъ понятію Bauerlehn. Такой же характеръ имѣли и отношенія черныхъ крестьянъ къ верховной власти (198—201); § 41. Дѣеспособность черныхъ крестьянъ не была ограничена (201—203); § 42. Вліяніе прикрѣпленія на дѣеспособность владѣльческихъ крестьянъ. Она постепенно ограничивается, сперва фактическими попытками землевладѣльцевъ, а затѣмъ и законодательствомъ (203—207).

IV. Городское населеніе.

§ 43. Городское населеніе древнѣйшей Руси. Полная право- и дѣеспособность торговыхъ людей. Дифференцированіе сословій въ Московскомъ государствѣ. Дѣленіе городского населенія на классы. Посадскіе люди (207—214); § 44. Полная дѣеспособность посадскихъ людей. Такая же дѣеспособность высшихъ классовъ городского населенія (214—217).

V. Духовенство.

§ 45. Духовенство древнѣйшей Руси не представляло по имущественной право- и дѣеспособности отдѣльнаго класса населенія (217—218); § 46. Въ Московскомъ государствѣ всѣ лица бѣлаго и чернаго духовенства были вполнѣ право- и дѣеспособны. Нѣкоторыя ограниченія появились лишь въ Уложеніи 1649 года (218—221); § 47. Фактическая право- и дѣеспособность иноковъ. Попытки правительства ее ограничить (221—222).

VI. Князь и служилые люди.

§ 48. Полная право- и дѣеспособность высшихъ сословій. Ограниченія, вытекавшія изъ международныхъ договоровъ (222—225); § 49. Ограниченія въ правѣ распоряженія вотчинами въ Московскомъ государствѣ не ограничивали право- и дѣеспособности служилыхъ людей (225—228); § 50. Родовой выкупъ. Онъ не вліялъ на дѣеспособность лица (228—230).

VII. Иностранцы и иновѣрцы.

§ 51. Вѣротерпимость въ древней Руси (230—232); § 52. Отношенія къ иновѣрцамъ послѣ раздѣленія церквей и въ Московскомъ государствѣ (232—235); § 53. Понятіе иностранца. Ограниченія для жителей иныхъ княженій и областей Русскихъ (235—240); § 54. Права иностранцевъ служилыхъ въ древнѣйшей Руси, въ Новгородѣ и Псковѣ и въ Московскомъ государствѣ (240—242); § 55. Личная правоспособность неслужилыхъ иностранцевъ въ Руси до-Московской (242—245); § 56. Ихъ полная дѣеспособность (245—246); § 57. Право- и дѣеспособность неслужилыхъ иностранцевъ въ Москвѣ; ограниченія иностранныхъ торговцевъ (246—250); § 58. Право- и дѣеспособность служилыхъ иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ. Ихъ ограниченія вытекали изъ иновѣрія иностранцевъ (250—255).

ГЛАВА IV.

Дѣеспособность коллективныхъ единицъ и безсубъектныхъ имуществъ.

I. Предварительныя объясненія.

§ 59. Значеніе союзнаго строя. Юридическія лица въ древнѣйшей Руси дѣйствовали въ предѣлахъ государства (258—259).

II. Семья.

§ 60. Значеніе семьи (259—260); § 61. Приданое. Исторія его. Юридическая природа. Общность права супруговъ на приданое во время брака (260—268); § 62. Помѣстья (268—270); § 63. Отношеніе супруговъ къ приданому была die Gesammthandverhältniss (270—271); § 64. Параферпальное имущество супруговъ (271—273); § 65. Вообще общности правъ на недвижимое имущество у супруговъ не было (273—276); § 66. Не было и общности обязательственныхъ правъ (276—278); § 67. Не было общности правъ и у родителей съ дѣтьми. Вообще семья не была коллективнымъ лицомъ (278—281).

III. Родъ.

§ 68. Мнѣнія о родовыхъ вотчинахъ (281—284); § 69. Право предпочтительной покупки и право выкупа вытекаютъ не изъ первоначальной общности имущественныхъ правъ (284—286); § 70. Родовой выкупъ не предполагаетъ у рода общности имущественной. Онъ покоится на моральныхъ основаніяхъ (286—289).

IV. Овщина.

§ 71. Понятіе общины (290—292); § 72. Время возникновенія общины. Древнѣйшая община не извѣстна намъ со стороны имущественныхъ правъ (292—295); § 73. Новѣйшія теоріи общины (295—299); § 74. Община существовала какъ одно изъ коллективныхъ лицъ и выступала въ гражданскомъ оборотѣ (299—301); § 75. Внутреннія отношенія въ общинѣ и владѣніе землею (301—303); § 76. Общинные участки (303—306); § 77. Вліяніе общины на право- и дѣеспособность ея членовъ; передѣлы; право выкупа (306—310).

V. Церковь.

§ 78. Церковь какъ юридическое лицо и отношеніе къ ней правительственной власти (310—314); § 79. Право- и дѣеспособность церкви (314—317); § 80. Имущества pia causa. Ограниченія дѣеспособности церкви (317—320).

VI. Государство.

§ 81. Государство въ древней Руси очень слабо сознавалось юридическимъ лицомъ (320—322); § 82. Земли государственныя и государевы. Казна (322—325).

VII. Товарищества.

§ 83. Корпораціи и товарищества на паяхъ древнѣйшей Руси (326—328); § 84. Корпораціи были юридическими лицами. Товарищества—таковыхъ не представляли (328—331); § 85. Братчины (331—333); § 86. Юридическія лица въ Московскомъ государствѣ (333—335).

VIII. Безсубъектныя имущества.

§ 87. Русское право до конца XVII в. не знало безсубъектныхъ имуществъ съ правами юридическихъ лицъ (335—337).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

I. Частные акты.

	стран.
1. Данныя 1397—1484 гг. (№№ 1—36)	341—352
2. Договорная 1448—1469 гг. (№ 37)	352—353
3. Духовныя 1435—1551 гг. (№№ 38, 39)	353—356
4. Закладная до 1468 г. (№ 40)	357
5. Купчія 1397—1557 гг. (№№ 41—78)	357—371
6. Межевыя 1475—1485 гг. (№№ 79—80)	371—372
7. Мѣновныя 1397—1482 гг. (№№ 81—85)	372—375

II. Оффиціальные акты.

1. Жалованныя грамоты 1397—1500 гг. (№№ 86—150)	375—410
2. Грамоты указныя 1432—1485 гг. (№№ 151—157)	410—412

СТРАН.

Б.

1. Вкладная 1583 г. (№ 1) 413
2. Данныя 1534—1582 гг. (№№ 2—5) . . . . . 414—415
3. Кабала 1579 г. (№ 6) 416
4. Купчія 1518—1586 гг. (№№ 7—22) . . . . . 416—427
5. Мѣновныя 1573—1574 гг. (№№ 23, 24) . . . . . 427—430

В.

1. Полюбовная раздѣльная запись 1663 г. . . . . 431—432
2. Отпускная 1638 г. . . . . 432—433
3. Порядная 1620 г. 433
4. Порядная 1621 г. 434
5. Порядная 1622 г. . . . . 434—435
6. Порядная 1622 г. . . . . 435—436
7. Порядная 1653 г. . . . . 436—437
8. Поручная 1654 г. 437
9. Порядная 1619 г. . . . . 437—438
10. Порядная 1654 г. . . . . 438—439
11. Порядная 1623 г. . . . . 439—440
12. Порядная 1628 г. 440

CORRIGENDA.

Напечатано.	*Должно быть.*
Стр. 42, прим. 2, 5-я стр. снизу „1880. S. 14, 599“.	1880. S. 14, sqq.
Стр. 52, прим. 2, 2-я стр. снизу „Власти Московскихъ Государей“	„Власть Московскихъ Государей“
Стр. 62, прим. 3, 5-я стр. снизу „Спб. 1880“	„Спб. 1880, стр. 135—142“
Стр. 71, прим. 2, 3-я стр. снизу „1838, стр. 17—19“	1888, стр. 17—19
Стр. 300, прим. 4, 3-я стр. снизу „А. Юр. № 121“	А. отн. до Юр. Б., I, № 35
Стр. 302, прим. 5, 8-я стр. снизу „А. Юр. № 121“	А. отн. до Юр. Б., I, № 35

ГЛАВА I.

Предварительныя замѣчанія.

§ 1. Гражданская сдѣлка, являясь волеизъявленіемъ, направленнымъ на измѣненіе правоотношенія, предполагаетъ активную правовую дѣятельность со стороны субъекта, другими словами, предполагаетъ его дѣеспособность. Малолѣтній, расточитель, безумный, оставаясь субъектомъ права, очевидно, не могутъ быть субъектами гражданской сдѣлки, въ виду дефектовъ ихъ физической или нравственной природы, лишающихъ ихъ волеизъявленіе необходимыхъ для дѣйствительности гражданской сдѣлки качествъ. Это положеніе не требуетъ доказательствъ. Но при изслѣдованіи вопроса о дѣеспособности, особенно въ историческомъ его развитіи, мы наталкиваемся на значительныя трудности. Такъ, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, что и въ дѣйствующемъ нашемъ гражданскомъ правѣ мы не находимъ общихъ опредѣленій гражданской дѣеспособности. Ст. 698 т. X ч. 1 перечисляетъ разряды физическихъ и юридическихъ лицъ, кои могутъ пріобрѣтать права на имущества, по различію самыхъ имуществъ и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ. Затѣмъ, въ примѣчаніи 1 къ сей статьѣ указывается, что отдѣльныя постановленія по сему предмету имѣются въ законахъ о состояніяхъ, особомъ приложеніи къ симъ законамъ, отдѣльныхъ уставахъ, учрежденіяхъ и положеніяхъ и въ сводѣ военныхъ постановленій. Независимо сего мы находимъ опредѣленія

дѣеспособности въ различныхъ частяхъ X тома, напр., ст. ст. 217—224, 2022 и т. д. и въ Уставахъ Гражданскаго Судопроизводства и Вексельномъ [1]). Если мы припомнимъ, что древнее русское право, какъ вообще всякое право на раннихъ ступеняхъ своего развитія, совершенно не склонно было къ общимъ опредѣленіямъ, что, напротивъ, постоянно шло отъ частнаго конкретнаго случая [2]), то мы можемъ уже a priori сказать, что мы не найдемъ тамъ общихъ опредѣленій гражданской дѣеспособности. И дѣйствительно, ближайшее знакомство съ законодательными памятниками какъ Кіевской, такъ и Московской Руси, а равно вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова и великаго княжества Литовскаго вполнѣ подтверждаютъ это положеніе. Такимъ образомъ, при выясненіи вопроса о томъ, кто могъ быть субъектомъ гражданской сдѣлки по русскому праву того или иного періода, мы будемъ, съ одной стороны, основываться на отдѣльныхъ частныхъ опредѣленіяхъ указанныхъ памятниковъ, а съ другой, будемъ пользоваться сохранившимися до нашего времени слѣдами гражданскихъ сдѣлокъ, въ видѣ актовъ и записей, и изъ анализа ихъ содержанія постараемся вывести тѣ реквизиты лица, которые требовались для дѣйствительности сдѣлки. Но предварительно мы считаемъ долгомъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній касательно характера стараго русскаго права и положенія отдѣльнаго лица, такъ какъ только сквозь призму этого общаго обзора мы получимъ истинное представленіе о дѣйствительномъ значеніи дѣеспособности въ древней Руси.

§ 2. Всякое право, въ моментъ его сложенія и первоначальнаго существованія, склонно носить черты сепаратизма, т.-е. развиваться по отдѣльнымъ небольшимъ группамъ и обществамъ, причемъ члены того или иного союза пользуются защитой права именно какъ члены этого союза и поскольку они ими являются. Такъ и въ древнѣйшемъ Римѣ мы встрѣ-

---

[1]) Подробно это изложено у проф. Н. Л. Дювернуа „Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву“. Спб. 1889 г., стр. 306—320 и „Чтенія по Гражд. Пр.“ т. I, в. II. Спб. 1898 г., стр. 321—351.

[2]) Проф. В. И. Сергѣевичъ. „Русскія Юрид. Др.“, т. II, в. I. Спб. 1893, стр. 336.

чаемъ параллельное развитіе нормъ права сабинскаго, латинскаго и этрусскаго [1]). Болѣе того, въ каждомъ сложномъ семействѣ, каковымъ была римская familia, домовладыка былъ и законодателемъ и судьей: „mulieri vir judex pro censore est; imperium habet“, говоритъ Каттонъ [2]). Такое семейное общество мы находимъ и у древнихъ грековъ, и у германцевъ [3]). У этихъ послѣднихъ мы вообще замѣчаемъ сепаратизмъ права, доведенный до весьма значительной степени. Каждый франкъ временъ Меровинговъ только какъ членъ даннаго племени и поскольку былъ членомъ этого племени пользовался защитою права [4]). То же самое было и въ древней Швеціи, гдѣ къ виновному примѣнялось право не только его племени, но даже непремѣнно на территоріи этого племени [5]). У родственныхъ намъ славянскихъ народовъ мы встрѣчаемъ это явленіе еще въ гораздо позднѣйшее время. Напримѣръ, въ Черногоріи до 1796 года, когда былъ составленъ Петромъ I первый кодексъ, всѣ входящія въ составъ княжества 42 племени и даже отдѣльные роды этихъ племенъ (братства) судились и вѣдались главарями по своимъ отдѣльнымъ обычаямъ, которые и сохранялись и передавались преемственно предками потомкамъ, какъ ихъ родовыя и племенныя традиціи [6]). У насъ въ древней Руси мы встрѣчаемъ аналогическое явленіе; первоначальный лѣтописецъ говоритъ:

„Имяху бо обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свои нравъ“.

Врядъ ли есть основаніе полагать, чтобы эти обычаи и нравы въ значительной степени отличались по своему содержанію у различныхъ племенъ, тѣмъ болѣе, что самъ лѣто-

---

[1]) E. Kuntze „Excurse über Römisches Recht.“ Leipz. 1880. S. 48—54; 80—81.

[2]) A. Gellii X, 23.

[3]) G. Mandry „Das gemeine Familiengütterecht“. Band I. Tübing. 1871. S. 48 passim.

[4]) Heinr. Brunner „Deutsche Rechtsgeschichte“. B. I, 1887. S. 39.

[5]) K. v. Amira „Nordgermanisches Obligationenrecht“. B. I, Leipz. 1882, S. 17 § 3.

[6]) P. Дарестъ „Изслѣдованія по исторіи права“, русск. пер. Спб. 1894, стр. 213.

писецъ, противопоставивъ полянамъ древлянъ, затѣмъ говоритъ, что родимичи, вятичи и сѣверъ живутъ по одинаковымъ обычаямъ. Поэтому приведенныя слова лѣтописи слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что эти племена пользовались каждое, хотя бы и сходными по содержанію, юридическими нормами, но признавали эти нормы своими родовыми и племенными традиціями и только въ такомъ качествѣ имъ подчинялись. Въ виду такого сепаратизма права, Правда Русская говоритъ [1]): „А исъ своего города въ чюже землю извода нѣтъ“. Только въ очень ограниченныхъ предѣлахъ дѣйствуетъ преемственно одна и та же традиція. Право, культивируясь на этихъ незначительныхъ территоріяхъ [2]), среди небольшого круга близко стоявшихъ другъ къ другу лицъ, хорошо знавшихъ другъ друга, было общеизвѣстно и, очевидно, примѣнялось не по принципу отвлеченнаго толкованія, а по аналогіи. Это послѣднее обстоятельство отразилось и на Русской Правдѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ статьи, представляющія собою лишь конкретные случаи изъ практики. Напримѣръ [3]):

„А конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубили Дорогобудьци“. (Ак. 21).

Въ виду сказаннаго, примѣненіе нормы каждый разъ требовало соучастія представителей даннаго союза, какъ въ моментъ заключенія сдѣлки, такъ и въ моментъ осуществленія права. Русская Правда, напримѣръ, въ древнѣйшемъ спискѣ, ставитъ условіемъ [4]), чтобы вопросъ о сдѣлкѣ и ея эффектѣ рѣшался 12-ю послухами. Институты свода и гоненія слѣда по тому же законодательному памятнику [5]) суть такое же привлеченіе сочленовъ союза къ дѣлу суда и слѣдствія [6]). Вообще, приведенныя соображенія даютъ основаніе заключать,

[1]) Владимірскій-Будановъ „Хрестоматія по ист. русск. пр.“. В. I к. 1885, стр. 48 (Русск. Пр. Кар. ст. 36).

[2]) О мелкихъ территоріяхъ древней Руси см. пр. В. И. Сергѣевичъ „Русск. Юр. Др.“ т. I, Спб. 1890 г., стр. 1 и слѣд.

[3]) Владимірскій-Будановъ „Хрест.“ I, стр. 30.

[4]) Ibid., стр. 27—28 (Русск. Пр. Ак. ст. 14) и пр. 19.

[5]) Русск. Пр. (Кар.) ст. ст. 32 и 88 (Владимірскій-Будановъ „Хрест.“ I, стр. 46 и 65).

[6]) Владимірскій-Будановъ „Хрест.“ I, стр. 46, пр. 48 и стр. 63, пр. 111.

что въ древнѣйшій періодъ русскаго права отдѣльное лицо пользовалось правомъ не какъ „гражданинъ и человѣкъ“, а какъ членъ даннаго родового, племенного или общиннаго союза. Поэтому-то лицо, по какой-нибудь причинѣ вышедшее изъ союзнаго строя, изъ системы извѣстныхъ формъ общежитія, оказывалось въ весьма печальномъ положеніи и нуждалось въ покровительствѣ какого-нибудь уже верховнаго общества, напр., церкви. Такими лицами въ древней Руси были изгои. Это люди, по справедливымъ объясненіямъ Калачова [1]) и К. Аксакова [2]), порвавшіе связь съ союзомъ (не касаясь вопроса, какимъ—родовымъ или общиннымъ). Выкупившійся на свободу холопъ, осиротѣвшій князь, неумѣющій грамотѣ поповъ сынъ, разорившійся купецъ [3]),—всѣ они оказывались внѣ связи съ прошлымъ и въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи [4]). Они оказываются такъ чужды всѣмъ, что даже не имѣютъ мстителя за себя [5]). Тяжесть положенія изгоевъ такими словами рисуется современнымъ духовнымъ писателемъ [6]): „И се паки горѣе всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы: не имутъ бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ созданнаго рукою Божіею человѣка...“ Очевидно, что отъ хозяина зависѣло не дѣлать освобожденнаго раба изгоемъ: ему только надо было устроить его въ какомъ-нибудь опредѣленномъ соціальномъ положеніи, крестьяниномъ, купцомъ и т. п., и вчерашній изгой снова вступалъ въ опредѣленную сферу юридическихъ отношеній. Въ противномъ случаѣ изгои нуждались въ покровительствѣ высшихъ и поступали подъ покровительство церкви на ряду съ людьми богадѣльными и убогими. Это никому не интересныя, никому не нужныя лица, лишенныя связи со всякимъ право-творящимъ и право-охраняющимъ общественнымъ союзомъ.

---

[1]) „Арх. ист. и практ. свѣд. отн. до Россіи“ 1850, I, стр. 57. „О значеніи изгоевъ“.

[2]) „Собр. Соч.“ I, стр. 38.

[3]) Перечислены въ церковномъ уставѣ кн. Всеволода 1125—1136 г. Владимірскій-Будановъ „Хрест.“ I, стр. 227.

[4]) В. И. Сергѣевичъ „Русск. Юр. Др.“ I, стр. 264—265.

[5]) Русск. Пр. (Ак.) ст. 1 (Владимірскій-Будановъ „Хрест.“ I, стр. 23).

[6]) Русск. Ист. Библ. VI, 842.

Связь правовой фигуры отдѣльнаго лица въ древней Руси съ извѣстнымъ союзомъ приводитъ насъ ко второму вопросу, подлежащему нашему рѣшенію прежде, чѣмъ мы приступимъ къ детальному изученію условій дѣеспособности по русскому праву, именно къ вопросу о значеніи индивидуализма для русской юридической старины.

§ 3. Новое право какъ Западной Европы, такъ и наше проникнуто духомъ индивидуализма во всѣхъ отношеніяхъ цивильнаго порядка. Центромъ его является отдѣльная persona, со всѣми реквизитами право- и дѣеспособности. Это наслѣдіе Рима, примѣненіе къ нашей почвѣ нормъ, выработанныхъ въ Юстиніановскомъ законодательствѣ. По справедливому замѣчанію проф. Н. Л. Дювернуа [1]), индивидуализація права есть естественное условіе развитого правового быта „гдѣ разъ опредѣлившаяся сфера конкретныхъ юридическихъ отношеній удерживаетъ свойство обособленности, принадлежности ихъ къ этой именно сферѣ, съ характеромъ постояннымъ и объективно распознаваемымъ". Древнее право не имѣетъ характера такой опредѣленности и обособленности отдѣльныхъ частей, и въ особенности, по общепризнанному мнѣнію, представляетъ смѣшеніе публичнаго и частнаго права [2]). Вообще, изслѣдователи, хотя впрочемъ въ сравнительно позднѣйшее время, пришли къ заключенію, что индивидуализмъ и возвышеніе личности совершенно не являются необходимымъ условіемъ гражданскаго права, что возможенъ такой гражданскій правовой бытъ, при которомъ личность не играетъ такой роли. Трудами Г. С. Мэна [3]), Маурера [4]), О. Гирке [5]) и другихъ установлено, что всѣ человѣческія общества начинаютъ свою исторію съ союзовъ родовыхъ и общинныхъ. Въ древней Руси на первыхъ порахъ мы также встрѣчаемъ цѣлую сѣть мелкихъ союзовъ, носившихъ характеръ рода, общины, позднѣе правительственнаго органа и т. п. Родовыя

---

[1]) „Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву". Спб. 1889, стр. 238.

[2]) Л. Гусаковъ „Деликты и договоры", passim.

[3]) „Древній законъ и обычай", рус. пер. Спб. 1884.

[4]) Geschichte der deutschen Dörfer.

[5]) „Geschichte der deutschen Genossenschaftsrecht". B. I. Berl. 1868. S. 1—40.

отношенія находятъ свое выраженіе въ Русской Правдѣ, въ институтѣ родовой мести за членовъ рода [1]). Эти отношенія такъ сильны, что въ сравнительно позднее время мы встрѣчаемся съ идеей объ общности интересовъ всего рода, о связи его членовъ между собою. Нерѣдко, напримѣръ, мы сталкиваемся съ совокупными дѣйствіями въ сферѣ частно-правовой жизни восходящихъ и нисходящихъ. „Се язъ", пишетъ князь Ухтомскій [2]), „со своими дѣтьми, со княземъ Дмитріемъ, да со княземъ Даниломъ, да со княземъ Іваномъ продали есмя..." Очевидно, что князь Ухтомскій не считаетъ себя полномочнымъ и единоличнымъ собственникомъ своего имущества. Всякое отчужденіе имущества предполагаетъ право у членовъ родового союза выкупить его. Поэтому мы постоянно встрѣчаемся въ актахъ съ оговорками, что продажа совершена „безъ выкупа", „въ вѣкъ" [3]). При отсутствіи подобныхъ оговорокъ является логическій выводъ о правѣ поворота имущества. Мы имѣемъ одинъ любопытный документъ средины XVI вѣка, духовное завѣщаніе князя Кѣмскаго-Нащокина, написанное передъ отправленіемъ его съ царемъ Иваномъ Грознымъ въ Казанскій походъ, гдѣ имѣется слѣдующая оговорка [4]): „а будетъ моеи братьи и моимъ племянникомъ до тѣхъ земель, и онѣ велятъ землю оцѣнити людемъ добрымъ по отца нашего духовной грамотѣ, да цѣну дадутъ въ Кириловъ монастырь". Невольно является соображеніе, что у завѣщателя была мысль о томъ, что племянники его имѣютъ какое-то право нарушить его распоряженіе,—право столь сильное, что оно не подчиняется никакой clausul'ѣ и самый вопросъ объ убыткахъ какъ-то уходитъ на второй планъ. Какъ результатъ этихъ родовыхъ тенденцій возникъ, и въ нашемъ законодательствѣ Московскаго времени институтъ родового выкупа [5]). На ряду съ родомъ дѣйствовало и общинное на-

[1]) Русск. Пр. (Ак.) I (Владимірскій-Будановъ „Хрест." I, стр. 22—23).
[2]) Прилож. А № 78.
[3]) А. О. до Ю. Б. II, № 156 и въ другихъ купчихъ.
[4]) Прилож. А № 39.
[5]) К. А. Неволинъ „Ист. Рос. Гр. Зак.". Спб. 1857 г., т. I, стр. 344. Ср. В. Никольскій „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ". М. 1859, стр. 264 и слѣд.

чало, подъ которымъ мы здѣсь понимаемъ союзъ, основанный на сходствѣ условій жизни, общности занятій и интересовъ. Точно также еще въ Русской Правдѣ мы находимъ слѣды вліянія этого союза на своихъ членовъ. Это вервь. Правда, верви приданъ княжескими распоряженіями [1]) характеръ отчасти административной единицы, съ опредѣленными территоріальными границами. Но самый фактъ сообщенія извѣстной общинѣ такого административнаго значенія предполагаетъ, конечно, уже сравнительно развитое сознаніе среди членовъ ея своей близости и общности интересовъ. Члены верви по Русской Правдѣ отвѣчаютъ другъ за друга, и въ случаѣ убійства, совершеннаго однимъ изъ нихъ, должны или его выдать, или платить поголовно дикую виру [2]). Точно также вервь несетъ отвѣтственность за вора, если онъ не отысканъ, а слѣдъ приводитъ въ предѣлы данной верви [3]). Въ старомъ Литовскомъ статутѣ, являющемся до нѣкоторой степени продолженіемъ и развитіемъ Русской Правды [4]), мы находимъ копные суды и гоненіе слѣда на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Русской Правдѣ [5]). Затѣмъ, мы имѣемъ доказательство того, что опредѣленное общество, скажемъ сельское, представляло столь тѣсную связь своихъ членовъ, что интересы ихъ были весьма близки. Всякое распоряженіе, главнымъ образомъ имущественное, одного изъ членовъ могло касаться и другихъ и логически влекло за собою вмѣшательство этихъ послѣднихъ. Это признавалось и со стороны правительства, которое, получивъ доказательство, что извѣстное дѣйствіе одного изъ членовъ союза отозвалось невыгодно на другихъ, нерѣдко давало возможность его парализовать. Напр., мы имѣемъ двѣ грамоты XV вѣка Верейскаго князя Михаила Александровича, по коимъ онъ дозволилъ, въ одномъ случаѣ

---

[1]) Грыцько „Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ". (Арх. Ист. и практ. свѣд. 1860—61, V, стр. 156).

[2]) Русск. Пр. (Кар.) ст. ст. 3 и 4 (Владимірскій-Будановъ „Хрест." I, стр. 36).

[3]) Ibid. ст. 80 (Владимірскій-Будановъ „Хрест." I, стр. 63 и пр. 111).

[4]) Леонтовичъ „Русская Правда и Литовскій Статутъ" (Кіевск. Унив. Извѣстія, 1865 г. №№ II, III и IV).

[5]) Демченко „Притонные люди и копная сторона" (Варш. Унив. Изв., 1899 г., V).

заложенную, а въ другомъ пожертвованную монастырю землю выкупить крестьянамъ. Есть полное основаніе полагать, что это отголосокъ старины—признаніе за крестьянскимъ обществомъ права перерѣшить вопросъ объ имуществѣ одного изъ своихъ членовъ согласно общественной выгодѣ [1]). Наконецъ, институтъ послуховъ, столь распространенный въ старой Руси, какъ въ Кіевскій, такъ и въ началѣ Московскаго періода, и на востокѣ и на западѣ, есть отголосокъ того быта, когда люди, живущіе тѣснымъ обществомъ, всѣ знаютъ другъ друга и могутъ на судѣ явиться и свидѣтелями доброй славы даннаго лица—спеціальная задача послуха [2]) и поручиться за обвиняемаго и даже вылѣзти на поле биться [3]). Таковы были естественныя условія, въ коихъ приходилось развиваться личности на Руси. Но при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи мы замѣчаемъ и нѣчто новое. Вслѣдъ за образованіемъ въ центрѣ Россіи сперва трехъ великихъ княженій, затѣмъ единаго Московскаго государства, оказываются уже непримѣнимыми прежніе простые порядки, цѣли государства усложняются, въ самомъ правительствѣ на смѣну прежняго стремленія быть рыцаремъ-наемникомъ являются тенденціи осѣдлой государственной власти. Вслѣдъ за симъ начинается тяжелая работа приспособленія молодой страны къ новымъ условіямъ жизни. Частные интересы отдѣльныхъ лицъ приносятся въ жертву великой цѣли. Всякій классъ населенія получаетъ опредѣленныя рамки своей дѣятельности и на него возлагается опредѣленное государственное тягло [4]). И вотъ, съ XV вѣка вольные слуги постепенно начинаютъ терять свободу отъѣзда; изъ добровольныхъ дружинниковъ они становятся княжескими чиновниками [5]). Помѣстья, извѣстныя еще и ранѣе, являются

---

[1]) Прилож. А № 124 и А. о. до Ю. Б. I, № 35 (стр. 124).

[2]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи". Спб. 1890 г., стр. 678—679.

[3]) Грыцько, „Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ" (Арх. Ист. практ. св., 1860—1861 г., V, стр. 146—147).

[4]) Прекрасный очеркъ этого движенія см. С. Ф. Платоновъ „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв." Спб. 1899 г., стр. 126—180. Авторъ, разсматривая соціальныя условія жизни указаннаго періода, рисуетъ тяжелую картину народнаго угнетенія.

[5]) Проф. В. И. Сергѣевичъ, „Русск. Юр. Др." I, стр. 316—324.

прекраснымъ способомъ закрѣпостить служилыхъ людей на пользу государства. Помѣстная система вноситъ съ собою рядъ ограниченій свободы распоряженія своимъ недвижимымъ имуществомъ [1]). Нѣкоторые принципы помѣстной системы распространяются и на вотчины. Указами 1551 г., 1562 и 1572 гг. [2]) запрещено служилымъ князьямъ Ярославскимъ, Стародубскимъ, Ростовскимъ, Суздальскимъ, Тверскимъ, Оболенскимъ, Бѣлозерскимъ, Воротынскимъ, Мосальскимъ, Трубецкимъ, Одоевскимъ и другимъ служилымъ князьямъ продавать свои старинныя вотчины, мѣнять и давать въ приданое за дочерями и сестрами. Выморочныя вотчины отходили на государя... Вотчины, на которыхъ было много долговъ, брались въ казну, откуда кредиторамъ уплачивалось по ихъ претензіямъ... Мѣры эти были столько же ограниченіемъ гражданскихъ правъ служилыхъ князей, сколько попыткой создать заповѣдныя имѣнія [3]). Городское и посадское населеніе постепенно обособилось отъ сельскаго. Правда, и въ Московскомъ государствѣ, даже въ XVII в., мы встрѣчаемъ крестьянъ и живущихъ въ городѣ, его посадѣ, и посадскихъ, пахавшихъ землю [4]), но это переживаніе. Правительство стремится разграничить тотъ и другой классъ населенія, создать отдѣльныя сословія. Понятно, что съ помощью послѣдовавшаго къ концу XVI вѣка прикрѣпленія крестьянъ [5]) это удается довольно легко. Крестьянское населеніе получаетъ совершенно особенное юридическое положеніе, а городское населеніе, въ лицѣ своихъ торговыхъ классовъ, также пріурочивается къ отправленію нѣкоторыхъ государственныхъ функцій: таковы были сборы пошлинъ съ торговли, откупа и т. п. [6]). Ко

---

[1]) С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.“ Спб. 1897 г., passim.

[2]) А. И. I, №№ 154 и 221.

[3]) По этому поводу см. А. Д. Градовскій, „Собр. Соч.“, т. II. Спб. 1899 г., стр. 162—163.

[4]) Проф. В. И. Сергѣевичъ, „Русск. Юр. Др.“ I, стр. 279, 283.

[5]) Подробнѣе объ этомъ ниже. См. нашу статью „Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр., 1895 г., X) и рецензію на соч. проф. Дьяконова въ Вѣстн. Права 1899 г., № II.

[6]) Проф. В. И. Сергѣевичъ, „Р. Юр. Др.“ I, стр. 289.

времени Уложенія посадскіе люди уже оказались прикрѣпленными къ землѣ [1]).

Все нами выше сказанное не имѣло цѣлью давать изслѣдованія положенія русскаго общества въ древней Руси. Мы лишь въ очень краткихъ словахъ постарались дать картину того строя, въ средѣ коего приходилось дѣйствовать субъекту гражданской сдѣлки. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ возвращаться не разъ къ отдѣльнымъ сторонамъ общественной и государственной жизни до-Петровской Руси. Здѣсь же намъ представляется достаточнымъ этого небольшого очерка, ибо читатель и съ помощью его усмотритъ общій фонъ взаимной зависимости, постояннаго стремленія государства вторгнуться въ сферу частныхъ отношеній, на которомъ не было никакой возможности развиться въ Русскомъ Правѣ тому индивидуализму, которымъ проникнуто право Римское. Наши законы всегда были комплексомъ привилегій, а не суммой правъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы далеки отъ мысли приходить къ извѣстнымъ и нѣкогда распространеннымъ выводамъ о совершенномъ поглощеніи личности, о невозможности искать на Руси самостоятельной частной собственности и т. п. Нѣтъ, еще разъ долгомъ считаемъ повторить, что цѣлью нашей было обратить вниманіе, что всякая личная индивидуальная дѣятельность даже въ сферѣ чисто цивильныхъ отношеній, каковыми являются подлежащія нашему изслѣдованію гражданскія сдѣлки, невольно приходила въ столкновеніе съ нормами публичнаго порядка, такъ что въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется обратить вниманіе какъ при изслѣдованіи дѣеспособности, такъ и при очеркѣ объектовъ гражданской сдѣлки на цѣлый рядъ ограниченій, совершенно ничего общаго не имѣющихъ съ цѣлями гражданскаго права и цивильнаго оборота, а всецѣло вытекающихъ изъ требованій права государственнаго и общественнаго.

---

[1]) XIX, 1, 2, 22.

ГЛАВА II.

Естественныя условія дѣеспособности.

I. Полъ.

§ 4. Русскому праву изучаемаго нами обширнаго періода времени съ Русской Правды до Петра Великаго не были знакомы ни легальная опека женщинъ, извѣстная римскому праву до временъ Императора Юстиніана [1]), ни другія ограниченія propter infirmitatem sexus, въ родѣ s. c. Velleianum. По Русской Правдѣ женщина послѣ смерти мужа, при малолѣтствѣ дѣтей, остается распорядительницей имущества.

„Аще жена сядеть по моужи, то дати еи часть, а оу своихъ дѣтей взяти часть, а что на ню мужь возложилъ, тому же есть госпожа...“ (Кар. ст. 106).

„Аще жена оборчется [2]) сидѣти по мужѣ, а ростеряеть добытокъ...“ (Кар. ст. 113).

„А материя часть дѣтемъ не надобѣ, но кому мати всхощеть, тому дасть: дасть ли всѣмъ, и всѣмъ роздѣлять...“ (Кар. ст. 114).

Изъ этихъ статей очевидно, что вдова, во-первыхъ, являлась самостоятельной собственницей выдѣленнаго ей мужемъ при жизни имущества, а во-вторыхъ, могла самостоятельно

---

[1]) Dernburg. „Pandecten“ B. I. Berl. 1894, S. 129, Nota 6.

[2]) „Обѣщаетъ оставаться вдовою“ по толкованію М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Хрест. I, стр. 74, пр. 145.

распоряжаться и общимъ имѣніемъ, причемъ случалось, что она его „ростеряетъ“. Значитъ полъ не служилъ основаніемъ къ ограниченію дѣеспособности. Это же мы находимъ и въ дальнѣйшемъ развитіи нашего права. Такъ по Псковской Судной Грамотѣ мы читаемъ:

„А на которомъ человѣкѣ имуть сочити долгу по доскамъ или жонка, или детина...“ (ст. 36).

Значитъ, женщина могла отдавать деньги въ долгъ и искать ихъ судомъ. Далѣе, по тому же законодательному памятнику, женщина имѣла право оставлять свою собственную вотчину по завѣщанію [1]). По Новгородской Судной Грамотѣ женщина могла вести самостоятельно дѣла и въ судѣ, въ такомъ случаѣ могъ являться повѣреннымъ ея сынъ, но могла и она сама „цѣловать крестъ“, но изъ уваженія къ полу, у себя на дому, „передъ истцомъ и передъ приставы Ноугородскими“ [2]).

И въ старомъ Литовскомъ статутѣ 1529 года, совершенно аналогично Русской Правдѣ, мы находимъ постановленіе, что вдова послѣ смерти мужа, во время малолѣтства дѣтей, можетъ управлять имуществомъ.

„Вдова, которая седитъ на вдовьемъ столцы“ (арт. 2 разд. IV).

„Пакли бы которы отмер детей своих не полецавши никому; тогды жона дети маетъ ховати и на всемъ именьи седети на вдовьемъ столцы до летъ детиныхъ“ (арт. 7 того же разд.).

Изъ частно-правовой практики XV вѣка мы знаемъ, что женщины завѣщаютъ свои вотчины, какъ монастырямъ [3]), такъ и другимъ лицамъ [4]), жертвуютъ [5]), покупаютъ [6]) и продаютъ [7]). Тотъ же порядокъ сохранился и въ Москов-

---

[1]) Пск. Суд. Гр. 88 „А оу котораго человѣка помреть жена безъ рукописаніа“...

[2]) Новг. Суд. Гр. 16 „А кому будетъ какое дѣло до старѣйшей жены или до житьей, кои вдовы...“

[3]) Прил. А №№ 125, 139.

[4]) Ibid. № 124.

[5]) Ibid. № 31, 9.

[6]) А. о. до Юр. Б. II № 156 passim. С. Г. Г. и Д. I №№ 99, 101, 103, 109 и др.

[7]) Д. М. Мейчикъ. „Грамоты XIV и XV вв. М. Арх. М. Юст.“ М. 1883, passim.

скомъ государствѣ, какъ это видно изъ цѣлаго ряда сдѣлокъ и судебныхъ дѣлъ позднѣйшаго времени [1]). Въ Судебникахъ, какъ извѣстно съ точки зрѣнія гражданскаго права значительно уступающихъ Псковской Судной Грамотѣ, мы не встрѣтимъ особыхъ по этому поводу опредѣленій.

Но въ ст. 52 Княжескаго Судебника и въ ст. 19 Царскаго мы встрѣчаемъ повтореніе статьи Псковской Судной Грамоты. Тамъ говорится, что если на кого взыщетъ „жонка, или дѣтина малъ и т. д.“, то въ случаѣ „поля“ они имѣютъ право нанять за себя наймита. Очевидно, что „жонка“ признается вполнѣ дѣеспособной и можетъ являться правоспособнымъ лицомъ въ процессѣ. Эта же статья нѣсколько измѣняется въ Судебникѣ Царя Ѳеодора Ивановича. Тамъ ст. 30 говоритъ: „на комъ взыщетъ женка или дѣвка и мал детина, или хто взыщетъ на женке или на девке, ино их судить судомъ. А досудятся до поля или до целования, ино поле отставить, дати вѣра на отвѣтчикову волю, а сверхъ того по суду, какъ суд былъ; а ни лично вершити дела, ино срочити к нам на Москву, чеи суд.“. Тутъ также женщина является вполнѣ правоспособной стороной въ процессѣ, значитъ признается ея гражданская дѣеспособность. Кромѣ того въ ст. 163 того же Судебника Царя Ѳеодора Ивановича предполагается случай, что сестра можетъ быть свидѣтельницей при составленіи купчей.

По Уложенію же 1649 года женщина нисколько не ограничивается въ своей дѣеспособности.

„А которая купленая вотчина, послѣ умершаго дана будетъ женѣ его, опричь дѣтей, и она въ тои вотчинѣ вольна. А иному никому до той вотчины дѣла нѣтъ“ (XVII, 6).

Равнымъ образомъ есть основаніе полагать, что и по Уложенію, какъ по Русской Правдѣ, жена могла въ малолѣтство дѣтей нераздѣльно и самостоятельно управлять имуществомъ и нести за него отвѣтственность; именно конецъ ст. 203 гл. X говоритъ:

...„И послѣ умершаго заимщика тотъ долгъ платить женѣ его и дѣтемъ...“

[1]) Не перечисляя документовъ, отсылаемъ читателя къ массѣ ихъ, отпечатанныхъ А. Ю., А. отъ до Юр. Б., въ Актахъ Ѳедотова-Чеховскаго и др.

Дальнѣйшая, затѣмъ, практика, до самаго конца XVII вѣка даетъ намъ также яркую картину всевозможныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, заключенныхъ женщинами вполнѣ самостоятельно [1]).

Такимъ образомъ для насъ ясно, что полъ по русскому до-Петровскому праву не служилъ основаніемъ къ ограниченію дѣеспособности.

§ 5. Но теперь возникаетъ у насъ слѣдующій вопросъ. Все, что̀ мы разсматривали до сихъ поръ, касалось вдовъ, управлявшихъ своимъ имуществомъ самостоятельно. Но не являлся ли бракъ для женщины ограниченіемъ ея дѣеспособности, какъ это было у древнихъ народовъ Германскаго племени [2]).

Тацитъ, напр., говоритъ [3]):

„Severa illic matrimonia, nec ullam morum partem magis laudaveris. Nam prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt, exceptis admodum paucis, qui non libidine, sed ob nobilitatem plurimis nuptiis ambiuntur. Dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert“.

На этотъ вопросъ отвѣчать такъ же категорически нельзя. Женщина, какъ женщина, ограниченію не подлежала. Но по обычному русскому праву, искони дѣйствовавшему на Руси, женщина, вступая въ бракъ, въ личномъ отношеніи подчинялась мужу. К. А. Неволинъ [4]) пытается ограничить это мнѣніе, высказанное впервые Эверсомъ и Рейцомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не признать, что въ древнѣйшее время мужъ, по всей вѣроятности, не подлежалъ отвѣтственности за убійство своей жены [5]). Проф. Сергѣевичъ, разсматривая этотъ вопросъ, совершенно справедливо указываетъ [6]), что „нашъ древній бракъ, насколько о немъ можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ, не есть союзъ двухъ равноправныхъ существъ: вступая въ бракъ, женщина поступала подъ власть мужа“. Затѣмъ, все,

---

[1]) См. стр. 14, пр. 1.

[2]) Zoepfl, „Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte“. 4 Auflage. Braunschw. 1872, B. III.

[3]) „Germania“ XVIII. Ср. XIX и XX.

[4]) П. собр. с., т. III, стр. 75 passim. (Спб. 1857 г.).

[5]) Ibid., стр. 79.

[6]) „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 563—564.

что мы знаемъ о бытѣ русскихъ какъ изъ свѣдѣній, оставленныхъ современниками-русскими [1]), такъ и иностранцами [2]), путешествовавшими по Россіи, постоянно говоритъ о подчиненномъ положеніи жены, о жестокихъ нравахъ мужей и т. п. Владиміръ Мономахъ, въ своемъ поученіи дѣтямъ, совѣтуетъ не давать женѣ надъ собою власти [3]). Очевидно, что на подобной почвѣ не могла развиться особая самостоятельность въ замужней женщинѣ и можно сказать, что она не должна была особенно стремиться къ свободѣ гражданскаго оборота. Но при этомъ мы видимъ, что легальныхъ ограниченій дѣеспособности у замужней женщины не было и она по закону совершенно такъ же, какъ и вдова, могла имѣть собственность и вполнѣ самостоятельно ею и по поводу нея распоряжаться. Мы приходимъ къ этому выводу по слѣдующимъ соображеніямъ.

К. А. Неволинъ [4]) категорически заявлялъ, что „раздѣльность имущества супруговъ была кореннымъ началомъ русскаго такъ же, какъ и греко-римскаго законодательства“, и далѣе, указавъ, что отъ до-Петровскаго времени не сохранилось свидѣтельствъ ни о правѣ каждаго супруга распоряжаться независимо другъ отъ друга своимъ имуществомъ, ни о правѣ одного распоряжаться имуществомъ другого [5]), сообщаетъ, что супруги взаимно перекрѣпляли имѣніе и вступали другъ съ другомъ въ обязательство и не отвѣчали одинъ за долги другого, приходитъ къ заключенію, что по общему правилу супруги имѣли право самостоятельнаго распоряженія своимъ отдѣльнымъ имуществомъ [6]). Выводы К. А. Неволина

[1]) Лѣтописи: Лавр., стр. 6, Соф. 1-я, стр. 150. Котошихинъ „О Россіи“ XIII, 10.

[2]) Ибнъ-Фоцланъ, Герберштейнъ, Коллинсъ (цитировано у Неволина op. cit., стр. 80—81, пр. 191).

[3]) Лавр. подъ 6604 г., Ср. Грушевський. „Історія України — Руси“ Львов 1898, т. I, стр. 215. „Куплена чи вхоплена жінка з початку мусіла бути такою ж властністю чоловіка, такою ж річию його інвентара, як і всеки инына“. Ср. стр. 218 passim.

[4]) П. Собр. Соч., т. III (Спб. 1857), стр. 92—93.

[5]) Ibid., стр. 93—95.

[6]) Ibid., стр. 96—104. При этомъ считаемъ долгомъ оговориться, что мы здѣсь имѣемъ въ виду лишь дѣеспособность замужней женщины. О положеніи ея имущественныхъ правъ подробнѣе будемъ говорить при разсмотрѣніи дѣеспособности коллективныхъ единицъ.

цѣликомъ принялъ К. Алексѣевъ [1]) и позднѣе К. П. Побѣдоносцевъ [2]). Въ свою очередь проф. Сергѣевичъ оспариваетъ это мнѣніе. Онъ указываетъ [3]), что, согласно уставу Владиміра Святого, „пошибаніе между мужемъ и женою о животѣ“ рѣшалось духовенствомъ, которое, по всей вѣроятности, дѣйствовало въ этомъ отношеніи по началамъ византійскаго права, вошедшаго въ кормчія и ограничивавшаго дѣеспособность замужней женщины [4]). Если мы теперь обратимся къ источникамъ русскаго права, мы должны признать, что заявленіе К. А. Неволина объ отсутствіи свѣдѣній о правѣ супруговъ распоряжаться своимъ отдѣльнымъ имуществомъ несправедливо. Во-первыхъ, самое правило церковнаго устава в. кн. Владиміра о рѣшеніи спора по поводу движимаго имущества между мужемъ и женою уже предполагало возможность такого спора. Полагать, что это было благодѣтельное нововведеніе для огражденія имущества жены, какъ это дѣлаетъ К. Алексѣевъ [5]), у насъ нѣтъ никакихъ основаній; напротивъ, должно признать болѣе справедливымъ вышеприведенное толкованіе проф. Сергѣевича, согласно коему это новое правило являлось стремленіемъ ограничить права жены. А если это такъ, то мы должны признать, что по основнымъ русскимъ понятіямъ жена могла распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ. И это подтверждается всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ развитія института. По договору Новгорода съ Нѣмцами 1270 года [6]), жена, въ случаѣ своего поручительства, отвѣчала за долги мужа. Значитъ, жена имѣла право поручиться и не поручиться за долгъ мужа. Ея имущество не составляло части общаго имущества супруговъ и она могла самостоятельно принять участіе въ сдѣлкѣ мужа или уклониться отъ

---

[1]) „Объ отношеніяхъ супруговъ къ имуществу въ древней Россіи и Польшѣ“ (Чт. М. О. И. и Д. Р. 1868, II, стр. 12).

[2]) „Курсъ гражданскаго права“. Спб. 1896, ч. II, стр. 134.

[3]) „Лекціи“ Спб. 1890, стр. 569 и слѣд.

[4]) „Кормчая“ („Законъ Леона и Константина“ зачат. 2, гл. 3, 4, 5 и „Зак. град.“ гр. 9, гл. 6—10; гр. 30, гл. 11).

[5]) Op. cit., стр. 12.

[6]) И. Е. Андреевскій. „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ“. Спб. 1855, ст. XXI.

этого. Точно такъ же изъ вышеприведенной ст. 36 Псковской Судной Грамоты мы знаемъ, что „женка“ могла являться истцомъ въ дѣлѣ о взысканіи долга по неформальнымъ документамъ. Нѣтъ основаній думать, что она не могла искать и по формальнымъ. Въ этой статьѣ говорится „женка“, очевидно для обозначенія пола, но принимая во вниманіе, что во всѣхъ статьяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о вдовѣ, это прямо указывается, мы можемъ признать, что въ ст. 36 подъ женкой разумѣется вообще особа женскаго пола безотносительно къ ея матримоніальному положенію. Далѣе отъ XV вѣка до насъ дошли во множествѣ гражданскія сдѣлки, въ коихъ жены самостоятельно распоряжались своимъ имуществомъ: онѣ продаютъ свою землю мужьямъ [1]) и постороннимъ лицамъ [2]): именно

„Се язъ князь Дмитреи Юрьевич купил есми оу Фетиньи оу Ивановы жены оу Юрьевич в Бѣжитском Версѣ еи села“...

Въ одной договорной грамотѣ XV-го же вѣка мы читаемъ [3]):

„А что отець нашъ князь великій поволилъ своей боярыни Маріе Федоровѣ Федоровича Голтяевѣ дати тобѣ свои села; и тобѣ тѣ села вѣдати по тому, какъ были за Маріею, а судъ и дань на тѣхъ селехъ наша Великихъ князей“...

Слова о томъ, что великій князь „поволилъ“ относятся не къ тому, что М. Голтяева женщина и жена, а къ тому, что разрѣшается уступка вотчины другому князю вопреки общему правилу „а селъ ти въ моей отчинѣ въ великомъ княженіе во всемъ не купити, ни держати, ни закладнеи не держати“ (ibid.).

Судебники ничего не говорятъ по интересующему насъ вопросу. Хотя въ ст. 192 Судебн. Царя Ѳеодора Ивановича 1589 г. говорится, что если выданная замужъ дочь умретъ раньше отца и останутся дѣти у ней, то отецъ не имѣетъ права требовать возвращенія приданаго „взимковъ“, если же она умретъ бездѣтною—то онъ можетъ взять обратно, что̀ давалъ. Это указываетъ, на отношенія изъ приданаго, отно-

---

[1]) А. Ю. № 71, XXVIII „Се купилъ Филипей Семеновицъ у Ульянѣ, у своеи жены..“

[2]) Д. М. Мейчикъ. „Грамоты XIV и XV вв. Москов. Арх. Мин. Юст.“. М. 1883, стр. 120, № 3.

[3]) С. Г. Г. и Д. I № 97 (1473 г.).

шенія особыя, и будетъ разсмотрѣно ниже. Но практика Московскаго государства держалась того же взгляда. Если даже признать, что взгляды Б. Н. Чичерина на характеръ владѣнія великихъ княгинь ихъ селами и городами [1]) слишкомъ тенденціозными, какъ по этому поводу указываетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ [2]), въ смыслѣ сообщенія актамъ публичнаго права характера частнаго, то мы все-таки не можемъ не замѣтить, что великія княгини дѣйствовали вполнѣ самостоятельно въ сферѣ пожалованія вотчинъ и льготъ изъ своихъ имѣній. На это существуетъ масса примѣровъ [3]). Независимо сего до насъ дошли и чисто гражданскія сдѣлки, напр., мѣна имѣніемъ между мужемъ и женою [4]), а разъ допускалась сдѣлка супруговъ между собою, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ какъ раздѣльности имущества—нельзя вступать въ сдѣлку съ самимъ собой,—такъ и права у жены самостоятельнаго распоряженія своимъ имуществомъ, такъ какъ мужъ, являясь контрагентомъ сдѣлки, не могъ быть ни представителемъ, ни попечителемъ своей жены. И въ дальнѣйшемъ мы встрѣчаемъ уже прямо указы, что жены имѣютъ право продавать и закладывать свои вотчины сами непосредственно „своими именами“ [5]), хотя общая практика XVII вѣка выработала правило, что какъ мужъ, такъ и жена отчуждаютъ свое недвижимое имущество сообща, отъ имени ихъ обоихъ [6]). Но при этомъ не можемъ не умолчать и о спеціальныхъ ограниченіяхъ дѣеспособности замужней женщины, возникшихъ въ древней Руси. Ихъ, впрочемъ, немного, всего два. Первое изъ нихъ встрѣчается въ Великомъ Новгородѣ и является ограниченіемъ процессуальной правоспособности. Именно въ Новгородской Судной Грамотѣ сказано:

„А цѣловать боярину и житьему и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женню“ (ст. 17).

---

[1]) „Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“ „Опыты по исторіи русскаго права“. М. 1858, стр. 260 и слѣд.

[2]) „Обзоръ ист. рус. пр.“. К. 1900.

[3]) Напр. А. о. до Ю. Б. I № 31, XII, Прил. А № 12, А. А. д. I № 95 и др.

[4]) А. Ю. № 103.

[5]) П. С. З. 762.

[6]) П. С. З. №№ 762, 803.

„А позовутъ боярина и житьего и купца въ его землѣ или въ женнѣ, ино ему отвѣчать, или отвѣтчика послать въ свое мѣсто и въ женне, потому крестному цѣлованію“ (ст. 18).

Проф. Сергѣевичъ совершенно справедливо указываетъ, что въ Новгородѣ по вопросамъ брачнаго права замѣчается рецепція права Римскаго [1]). Очевидно и въ данной статьѣ мы имѣемъ попытку такой конструкціи, по коей мужъ являлся легальнымъ представителемъ своей жены въ гражданскомъ процессѣ. Влекло ли это за собою какое-нибудь ограниченіе въ правѣ жены самостоятельно распоряжаться своимъ имуществомъ, мы не знаемъ.

Второе ограниченіе дѣеспособности замужней женщины было введено Иваномъ Грознымъ. Въ указѣ этого государя 1557 года мы читаемъ [2]): „а духовный судъ: которая жена у мужа умретъ а напишетъ въ духовной мужа своего въ приказщики: и тому мужу въ приказщикѣхъ не быти, а та духовная не въ духовную, потому что жена въ его волѣ, что ей велитъ писати, то она и пишетъ“. По поводу этого ограниченія должно замѣтить, что К. А. Неволинъ [3]) совершенно справедливо указалъ, что оно рисуетъ не юридическую, а фактическую подчиненность жены, и кромѣ того этотъ указъ является скорѣе ограниченіемъ дѣеспособности мужа, а не жены. Онъ впрочемъ весьма любопытенъ и будетъ нами еще принятъ во вниманіе ниже при разсмотрѣніи внутренняго состава гражданскихъ сдѣлокъ. При этомъ можно указать, что въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, точно такъ же, какъ и въ восточной Россіи, не существовало ограниченія дѣеспособности на основаніи пола, дѣеспособность замужней женщины была нѣсколько ограничена: она совершала гражданскія сдѣлки съ согласія мужа и искала въ судѣ assistentia maritalis [4]).

Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ дѣлитъ исторію отношеній между супругами по имуществу на три періода: древнѣйшая эпоха—имущество жены находится въ собствен-

[1]) „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 571.
[2]) А. И. I, стр. 257.
[3]) П. С. Соч. Спб. 1857, т. III, стр. 78.
[4]) К. Алексѣевъ. Op. cit., стр. 87.

ности мужа, отъ XIV—XVII в. — общность имущества и съ XVIII в. раздѣльность [1]). Не можемъ не указать на произвольность подобной схемы. Мы видѣли, что источники не даютъ права къ подобнаго рода заключенію. Мы уже отмѣчали, что въ этомъ отношеніи должно различать тотъ матеріалъ, который даютъ намъ акты и законодательные памятники, отъ той картины супружескихъ отношеній, которая индуктивно строится изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ о бытѣ русской семьи въ Московской и до-Московской Руси. Мы видѣли, что по всѣмъ юридическимъ даннымъ жена не была ограничена въ правѣ собственности и распоряженіи своимъ имуществомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы уже сказали, что она de facto находилась въ такой физической и нравственной зависимости отъ мужа, что рѣшить вопросъ о свободѣ ея волеизъявленія въ положительномъ смыслѣ врядъ ли возможно. Жена могла до средины XVII в. свободно отчуждать свою собинную вотчину. Для дѣйствительности сдѣлки не требовалось участія мужа. Но почти несомнѣнно, что жена не смѣла, въ дѣйствительности, дѣйствовать вопреки волѣ мужа.

Итакъ, въ заключеніе обзора отношеній пола къ дѣеспособности въ древней Руси до временъ Петра I, мы должны признать, что тутъ не было ограниченія дѣеспособности по полу. Нѣкоторая неопредѣленность въ положеніи дѣеспособности женщинъ вызвана была ея зависимымъ фактическимъ личнымъ отношеніемъ къ мужу. Но намъ кажется, что на основаніи приведенныхъ выше данныхъ можно утверждать, что гражданская сдѣлка и замужней женщины была дѣйствительна. Въ сохранившейся массѣ документовъ, относящихся къ частному праву, мы не встрѣчаемъ ни одного протеста по поводу сдѣлки жены подъ предлогомъ неимѣнія согласія ея мужа. Напротивъ, эти сдѣлки признавались вполнѣ дѣйствительными и позднѣе, съ установленіемъ явки документовъ въ приказѣ, получали правительственную санкцію наравнѣ съ прочими [2]). И церковные суды съ попытками примѣненія у насъ византійскихъ юридическихъ нормъ, и Московское правительство имѣли цѣлью урегулировать взаим-

[1]) „Обз. ист. русск. пр.“, изд. 1900, стр. 446—457.

[2]) Прил. В № 1.

ныя отношенія супруговъ, оградить слабѣйшаго и установить опредѣленный взглядъ на ихъ имущество. Законодателя и правителя интересовалъ, какъ и современныхъ ученыхъ, писавшихъ по этому поводу, вопросъ о правѣ собственности на семейное имущество, объ общности или раздѣльности его, особенно для цѣлей юридическихъ консеквенцій изъ задолженности одного супруга, завѣщательнаго права, права наслѣдованія и приданаго. Вопросъ же о допущеніи гражданскихъ сдѣлокъ замужнихъ женщинъ безъ участія мужа никого особенно не интересовалъ, конечно, въ виду того, что фактически жена почти всегда выступала самостоятельной стороной въ гражданской сдѣлкѣ съ вѣдома и часто подъ вліяніемъ мужа, если не явно, то молчаливо изъявленнымъ. Мужъ же въ традиціяхъ родной старины и ученіяхъ Св. отцовъ находилъ такую моральную помощь своей физической силѣ при которой, конечно, всегда могъ сокрушить вольнодумство и неповиновеніе своей супруги. Если же, несмотря на это, до насъ дошло весьма значительное, сравнительно, количество документовъ, сообщающихъ о самостоятельныхъ гражданскихъ сдѣлкахъ женъ, если существовало замѣчательно самостоятельное и высокое положеніе вдовы въ домѣ своего покойнаго мужа: положеніе независимой хозяйки, главы дома и распорядительницы всѣхъ предпріятій хозяйственно-промышленнаго характера, то мы можемъ только сказать, что, значитъ, въ народномъ сознаніи дѣеспособность женщины не была ограничена, а лишь подвергалась порою пріостановкѣ вслѣдствіе неупражненія ея женщиною подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ, почти всегда фактическихъ, причинъ.

II. Возрастъ.

§ 6. На всякой степени развитія права при опредѣленіи дѣеспособности принимался въ разсчетъ возрастъ лица. Даже можно сказать, что возрастъ въ этомъ отношеніи въ раннихъ эпохахъ исторіи игралъ бо́льшую роль, чѣмъ теперь. Это вполнѣ понятно при патріархальномъ строѣ семьи, когда summum jus имѣлъ одинъ pater familias, всѣ же другіе члены семьи занимали подчиненное правовое положеніе и при нормальномъ положеніи вещей считались людьми alieni ju-

ris [1]). Въ древней Руси мы не встрѣчаемъ, правда, такой опредѣленности семейныхъ отношеній, какъ въ Римѣ, но все-таки и здѣсь, по господствовавшимъ обычаямъ, главою семьи былъ отецъ, и сыновья, не отдѣленные отъ него, не имѣвшіе своего соціальнаго положенія, находились подъ его отеческою властью [2]). Родительская власть какъ въ Римѣ [3]), такъ и у германскихъ народовъ [4]) простиралась до права на жизнь и смерть дѣтей. Профессоръ Сергѣевичъ полагаетъ [5]), что нѣтъ основаній отрицать этого права и для древнѣйшей, языческой Руси, особенно принявъ во вниманіе свидѣтельства о существованіи сего права у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ. Такимъ образомъ, намъ здѣсь надлежитъ разобрать два вопроса: во-первыхъ, съ какого возраста наступало гражданское совершеннолѣтіе въ древней Руси, т.-е. съ какого возраста лицо дѣлалось вполнѣ дѣеспособнымъ, а во-вторыхъ, вліяніе patriae potestatis на дѣеспособность дѣтей.

По германскимъ законамъ установлялась гражданская зрѣлость въ 15 л. [6]). Но сдѣлки, заключенныя до этого возраста, не были окончательно недѣйствительны, такъ какъ „quod si intra expressum tempus non revocaverit, in sua firmitate permaneat“ [7]).

К. А. Неволинъ приводитъ [8]) значительное число данныхъ, изъ коихъ видно, что съ самыхъ древнѣйшихъ временъ существовало сознаніе о невозможности упражнять свое право при отсутствіи гарантій разумѣнія, представленныхъ зрѣлымъ возрастомъ. Но если мы обратимся къ скуднымъ даннымъ источниковъ, то мы увидимъ, что въ древнѣйшее время гражданское совершеннолѣтіе опредѣлялось путемъ индивидуальнаго изслѣдованія зрѣлости каждаго отдѣльнаго лица. Это подтверждается какъ лѣтописными сказаніями о несовершенно-

---

[1]) Dernburg. „Pandekten“ Berl. B. I § 52.
[2]) К. А. Неволинъ. „П. С. Соч.“ Спб. 1857, т. III, стр. 311.
[3]) Dernburg, „Pandekten“. Berl. 1894. B. I, § 52, S. 122.
[4]) Grimm, „Deutsche Rechtsalterthümer“, S. 461.
[5]) „Лекціи“. Спб. 1890. Стр. 590.
[6]) См. напр., Lex Burgundionum, tit. LXXXVII § 1.
[7]) Ibid. §§ 2 и 3.
[8]) „П. С. Соч.“ Спб. 1857, т. III, стр. 396 пр. 17, стр. 397—399.

лѣтіи Игоря и Святослава [1]), такъ и Русской Правдой. Въ этой послѣдней сказано:

„А еже боудеть оу моужа въ домоу дѣти малы, а не движася сами собою печаловати, а мати имъ поидеть замоужь, токмо имъ ближнии боудеть, томоуже дати на роуцѣ и съ добыткомъ и зъ домомъ донежѣле възмогоуть“..... (Кар. ст. 111).

Очевидно, что вопросъ о томъ, когда дѣти „възмогоуть“ могъ рѣшаться лишь близкими людьми, въ этомъ заинтересованными. Впрочемъ, не на основаніи закона или обычая, а путемъ частнаго соглашенія, въ отдѣльныхъ случаяхъ и сепаратнаго указа, опредѣлялся иногда и терминъ, съ коего данное лицо становилось совершеннолѣтнимъ [2]). Въ приводимой К. А. Неволинымъ [3]) цитатѣ, взятой имъ изъ Печерскаго Патерика, указывается, что нѣкій мужъ Іоаннъ, умирая, оставилъ опеку надъ своимъ малолѣтнимъ сыномъ и управленіе его имуществомъ своему духовному брату Сергію; при этомъ Іоаннъ заповѣдалъ „тому, да егда возрастетъ сынъ его, тогда отдасть ему сребро и злато.... Доспѣвъ же Захарія пятнадесяти лѣтъ, восхотѣ взяти сребро и злато свое у Сергія“. Очевидно, что въ этомъ случаѣ опекуну предоставлялось полное право рѣшить, когда его питомецъ окажется достаточно зрѣлымъ для самостоятельнаго распоряженія своимъ имуществомъ.

Проф. Владимірскій-Будановъ приводитъ случай, когда по договору князей устанавливается 12-лѣтній возрастъ какъ срокъ совершеннолѣтія [4]).

Псковская Судная Грамота также нигдѣ не опредѣляетъ условій дѣеспособности по возрасту. Мы тамъ только встрѣчаемъ глухіе термины „жена и дѣти“ [5]) „меньшій братъ“ [6]). Очевидно здѣсь разумѣются случаи, когда дѣти и младшіе

---

[1]) Лавр., стр. 9 и 24.

[2]) Р. С. Г. Гр. и Д. т. I, стр. 138 № 63.

[3]) Op. cit., стр. 396 пр. 17, п. 3.

[4]) Влад.-Буд. „Обзоръ ист. русск., пр. Кіевъ 1900 г., стр. 368, ср. С. Г. Г. и Д. Т. I, стр. 738.

[5]) Ст. 85.

[6]) Ст. 94 и 95.

братья еще не въ состояніи самостоятельно распоряжаться своимъ имуществомъ. Затѣмъ уже приводилось свидѣтельство этого законодательнаго памятника о случаѣ взысканія долга по требованію малолѣтняго „дѣтины“, какъ говоритъ Псковская Судная Грамота [1]). Въ такомъ случаѣ за него на полѣ бьется наймитъ.

Въ обоихъ судебникахъ, кромѣ повторенія этой послѣдней статьи Псковской Судной Грамоты, мы не встрѣчаемъ ничего касательно недѣеспособности малолѣтнихъ. Эти же статьи гласятъ слѣдующее:

А на комъ чего взыщетъ женка или дѣтина малъ . . . . . ино наймита наняти волно“ (Суд. 1497 г., ст. 52).

„А на комъ взыщетъ женка или дѣтина малъ . . . . . ино имъ наймита наняти волно“ (Цар. Суд. 1551 г., ст. 19) то же, какъ мы видѣли выше, повторяется и въ ст. 30 Судебника Царя Ѳеодора Ивановича 1589, съ отмѣною лишь поля между наймитами сторонъ.

Наконецъ въ практикѣ до XV в. включительно, насколько это извѣстно изъ дошедшихъ до насъ актовъ, никогда не возникало сомнѣній относительно вліянія возраста на дѣеспособность. Мы уже выше указывали, что родители нерѣдко совершали гражданскія сдѣлки отъ имени себя и своихъ малолѣтнихъ дѣтей [2]). Въ случаяхъ же сиротства, по всей вѣроятности, союзный строй общества и связи общинныя и родовыя гарантировали справедливость по отношенію опредѣленія достаточной зрѣлости даннаго лица. Этому еще способствовало наблюденіе церкви, которая, впрочемъ, по всей вѣроятности, въ случаяхъ обращенія къ ея авторитету руководствовалась постановленіями римскаго права [3]). Но съ XVI в. рядомъ отдѣльныхъ указовъ, послѣдовавшихъ послѣ изданія Судебника, установляется опредѣленный возрастъ, съ коего лицо становилось дѣеспособнымъ. Именно такимъ возрастомъ опредѣляется 15-лѣтній, который и сохраняется до конца XVII вѣка. Сперва

---

[1]) Ст. 36.

[2]) См., напр., А. о до Ю. Б. II № 147, VIII, Прилож. А №№ 31, 32 и др.

[3]) „А то все приказахъ епископу управливати, а смотря въ манаканунъ“.... Церк. Уст. В. кн. Всеволода 1125—1136 гг. (Владимірскій-Будановъ „Хрест.„ I стр. 231).

этотъ возрастъ былъ установленъ указомъ Ивана Васильевича Грознаго 1556 г. для цѣлей публичныхъ. Этимъ указомъ въ 15 лѣтъ дѣти служилыхъ людей призывались къ дѣйствительной службѣ, верстались въ новики [1]). Затѣмъ уже указомъ 7067 г. сентября 1-го, даннымъ казначеямъ, Царь Иванъ Васильевичъ постановилъ [2]):

„Которые люди учнутъ у кого займовати денги на кабалы на себя учнутъ давати за ростъ служити, и кто на комъ взыщетъ по служивой кабалѣ, и отвѣтчикъ кабалу оболживитъ, а скажетъ, что онъ сына боярскаго служивого сынъ, и про то государь велѣлъ сыскивати: будетъ тотъ человѣкъ... лѣтъ болши пятнадцати... а та будетъ на него кабала... писана въ тѣхъ лѣтѣхъ, какъ ему минуло пятнадцать лѣтъ, и по тѣмъ кабаламъ государь приговорилъ на дѣтей боярскихъ судъ давати... и будетъ тотъ человѣкъ сына боярскаго служивого сынъ, а менши пятинадцати лѣтъ, и тѣ кабалы государь приговорилъ отставливати“.

Далѣе возрастъ 15 лѣтъ распространенъ указомъ Царя Василія Ивановича Шуйскаго 1607 г. марта 9-го, какъ срокъ совершеннолѣтія, на крестьянъ [3]).

Наконецъ, по Уложенію Царя Алексѣя Михаиловича, установляется общій возрастъ, съ коего лица считаются совершеннолѣтними, для всѣхъ сословій. Но возрастъ этотъ видоизмѣняется сообразно различію тѣхъ актовъ [4]), которые должны совершать эти лица. Именно по гл. 7 ст. 17, въ службу не принимаются лица моложе 18-ти лѣтъ. По гл. 14 ст. 1 представители тяжущихся сторонъ не могутъ быть моложе двадцати лѣтъ. Но ст. 5 этой же 14-й главы говоритъ, что если тяжущіеся, за неимѣніемъ представителей, „а людей у нихъ нѣтъ“ „а перемѣнитца имъ будетъ нѣкимъ“, должны будутъ сами крестъ цѣловать, то, хотя нормальнымъ срокомъ дѣеспособности признается и для нихъ 20-лѣтній, могутъ допускаться къ самостоятельнымъ юридическимъ дѣйствіямъ съ 15-ти лѣтъ. Пятнадцати же лѣтній возрастъ установленъ,

---

[1]) Док. къ А. И. I, стр. 94.

[2]) А. И. I № 154.

[3]) К. А. Неволинъ. „П. Собр. Соч.“ Спб. 1857. Т. III, стр. 399 и пр. 27.

[4]) Сказано въ смыслѣ „дѣйствій“ юридическихъ вообще.

въ качествѣ начала совершеннолѣтія, и для случаевъ продажи себя въ холопы [1]) и для исковъ противъ дѣйствій опекуновъ по имуществу опекаемыхъ [2]). Съ 1652 года, согласно указанію К. А. Неволина [3]), вновь возстановляется 15-лѣтній возрастъ для принятія въ государственную службу.

Вотъ все, что имѣется въ до-Петровскомъ законодательствѣ и судебной практикѣ относительно возраста, съ коего лицо становилось дѣеспособнымъ. Къ сему должно присовокупить, что по старому Литовскому Статуту, мы, съ одной стороны, встрѣчаемъ статью, гдѣ совершенно аналогично Русской Правдѣ просто говорится о несовершеннолѣтнихъ [4]): „дети летъ своих суполных немаючы“ не могутъ совершать „тестаментовъ“, съ другой же стороны, въ арт. 18 разд. 1 прямо устанавливается совершеннолѣтіе для мужчинъ въ 18 лѣтъ, а для дѣвицъ въ 15 лѣтъ.

§ 7. Другой вопросъ, поставленный нами на рѣшеніе, именно вопросъ о вліяніи на дѣеспособность малолѣтнихъ и неотдѣленныхъ дѣтей родительской власти, требуетъ предварительнаго рѣшенія вопроса о правоспособности этихъ дѣтей, ибо при отрицательномъ рѣшеніи сего послѣдняго отпадаетъ, конечно, и первый. Тутъ мы должны, прежде всего, указать, что при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи мы всегда принимаемъ во вниманіе, что для начала дѣеспособности всегда, по русскому праву, существовалъ, хотя первоначально и неопредѣленный возрастный терминъ, какъ это слѣдуетъ изъ вышесказаннаго. Во-вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что рѣчь здѣсь можетъ идти лишь о случаяхъ, когда сыновья не отдѣлены отъ родителей, такъ какъ очевидно, что эманципированныя дѣти освобождались отъ дѣйствія родительской власти въ смыслѣ юридическомъ. На это существуетъ весьма много очень опредѣленныхъ указаній [5]). Самый фактъ отдѣленія дѣтей до XVI вѣка

[1]) Ул. XX, 20 и 110.

[2]) Ул. XVI, 23, 54. Совершеннолѣтіе лицъ женскаго пола по Уложенію (гл. XVI, от. II) наступаетъ также съ 15 лѣтъ. Совершеннолѣтія для вступленія въ бракъ не касаемся.

[3]) Op. cit. стр. 339 пр. 32.

[4]) Разд. V арт. 17.

[5]) К. А. Неволинъ. „П. С. Соч.“ Спб. 1857, т. III, стр. 348—355. В. И. Сергѣевичъ. „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 592—594.

не имѣлъ опредѣленной юридической квалификаціи. Внѣ всякаго сомнѣнія, что согласно каноническимъ правиламъ и практикѣ греко-византійскаго права, а также и исконнымъ обычаямъ, дѣвица, вышедши замужъ, выходила изъ-подъ личной зависимости отъ родителей, отдѣлялась отъ нихъ юридически. Но относительно сыновей мы не встрѣчаемъ, до вышеприведеннаго указа 1556 г. Царя Ивана Васильевича Грознаго о томъ, что съ 15 лѣтъ дѣти служилыхъ людей должны были верстаться на службу, опредѣленій юридическихъ способовъ выдѣла сыновей и ихъ эманципаціи [1]). Несомнѣнно, что фактически это отдѣленіе сыновей существовало. Именно въ ст. 66 Судебника 1497 г. и 76 Судебн. 1550 г. постановлено [2]), что „по полной грамотѣ холопъ, по тіунству и по ключю, по селскому холопъ съ докладомъ и безъ докладу и съ женкою и съ дѣтми, которые у одного государя. А которые его дѣти у иного или себѣ учнутъ жити, то не холопи". Послѣднее именно и касается отдѣленныхъ дѣтей. Во-вторыхъ, исторія междукняжескихъ отношеній рѣшительнымъ образомъ рисуетъ картину самостоятельности сыновей при жизни ихъ отцовъ и не только самостоятельности, но и дѣйствій противныхъ и иногда даже враждебныхъ отцу [3]). Напр. Новгородцы получили себѣ княземъ, при жизни Владиміра Святославича, сына его Ярослава. Лѣтописецъ говоритъ:

„Посади Ярослава Новѣгородѣ" (Лавр. подъ 6490 г.) Но затѣмъ Ярославъ Владиміровичъ считаетъ себя вполнѣ самостоятельнымъ правителемъ и дѣйствуетъ сообразно выгодамъ своего княжества, совершенно игнорируя интересы отца и его кіевскаго княжества. Онъ отказался платить отцу по 2000 гривенъ въ годъ, такъ что между нимъ и отцомъ отношенія обострились до того, что старый Владиміръ вздумалъ начать войну противъ своего непокорнаго сына, „но разболѣся" [4]). Псковская Судная Грамота даетъ намъ примѣръ

[1]) Сравни В. И. Сергѣевичъ, op. cit., стр. 594.

[2]) Влад.-Буд. „Хрест." II, стр. 106 и 163.

[3]) Весьма рѣшительно подтверждаетъ проф. Сергѣевичъ op., cit., стр. 185, ссылаясь на соч. С. М. Соловьева „Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ".

[4]) Лавр. подъ 6522 г. И лѣтописецъ хотя и признаетъ вражду отца съ сыномъ дѣломъ грѣховнымъ, но ничего не возражаетъ противъ мѣропріятій

самовольнаго отдѣленія сына изъ-подъ власти отца. Именно тамъ сказано:

„Аже сынъ отца, или матерь не скормить до смерти, а пойдетъ изъ дому, части ему не взять“ (Пск. Суд. Гр. ст. 53).

Тутъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее: сынъ выдѣляется изъ дому тогда, когда онъ долженъ былъ „кормить“ своихъ родителей, очевидно, за ихъ болѣзнью и дряхлостью. Весьма вѣроятно, что отецъ въ полной силѣ могъ принять какія-нибудь репрессивныя мѣры противъ ухода сына, который въ такомъ случаѣ обратился бы въ бѣгство. Но затѣмъ мы не видимъ въ нашемъ законодательномъ памятникѣ никакой попытки возстановить нарушенное положеніе вещей. Отдѣленіе сына влечетъ за собою лишь логическое послѣдствіе его разрыва съ семьей: онъ лишается части семейнаго имущества. Во всемъ же остальномъ онъ вполнѣ право- и дѣеспособный человѣкъ. Очевидно, что и бѣгство сына изъ дома, если бы таковое произошло, въ случаѣ если сынъ уже въ возрастѣ, не влекло бы за собою его возвратъ подъ отеческую власть: по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ для утвержденія сего никакихъ доказательствъ. Такимъ образомъ, мы можемъ, какъ кажется, сказать, что и до XVI вѣка, когда былъ установленъ путь легальной эманципаціи сыновей, отдѣленіе взрослыхъ сыновей происходило какъ путемъ добровольнаго выдѣла сына, такъ и путемъ самовольнаго разрыва послѣднихъ родственныхъ узъ. Никакихъ ограниченій въ смыслѣ правовомъ это для отдѣленнаго не представляло, кромѣ правъ, вытекающихъ изъ нарушеннаго имъ союза съ родителями. Впрочемъ въ литературѣ на этотъ предметъ существуетъ нѣсколько иная точка зрѣнія. К. А. Неволинъ, выступивъ съ категорическимъ утвержденіемъ правоспособности и дѣеспособности какъ отдѣленныхъ, такъ и неотдѣленныхъ дѣтей [1]), въ то же время указываетъ, что дѣти не могли требовать выдѣла себѣ части отцовскаго имущества [2]). Конечно, противъ этого никто спорить не будетъ, такъ какъ если бы дѣтямъ было предо-

---

Ярослава, такъ какъ они всецѣло соотвѣтствовали представленію о княжеской власти.

[1]) „П. С. Соч.“ Спб. 1857, т. III, стр. 337—353.

[2]) Ibid., стр. 348—349.

ставлено это право—этимъ въ корнѣ нарушались бы всѣ юридическія конструкціи какъ института брака, такъ и института собственности. И въ современномъ правѣ мы не встрѣчаемся съ подобнымъ явленіемъ, за исключеніемъ весьма прискорбнаго по своимъ послѣдствіямъ, деморализирующаго общество и нарушающаго справедливость права взрослыхъ сыновей крестьянина требовать не личной эманципаціи—это было бы вполнѣ естественно и искони существуетъ, а выдѣла части имущества [1]). К. П. Побѣдоносцевъ называетъ это „правиломъ внѣ закона, принадлежащимъ въ кабинетной юстиціи“ [2]). Дѣло въ томъ, существовала ли личная эманципація сыновей до XVI в., и противъ этого К. А. Неволинъ не возражаетъ. Защищая юридическую опредѣленность отдѣленія взрослыхъ сыновей отъ родителей до XVI в. проф. Сергѣевичъ [3]) также не указываетъ ни на ограниченія право- и дѣеспособности выдѣлившихся самовольно дѣтей, ни на ихъ in integrum restitutionem. Установивъ фактъ существованія на Руси съ древнѣйшихъ временъ эманципаціи взрослыхъ сыновей, личной—независимо отъ воли родителей, а съ выдѣломъ имущества—по доброй волѣ сихъ послѣднихъ, и повторяя еще разъ, что относительно право- и дѣеспособности этихъ отдѣленныхъ дѣтей не можетъ быть и рѣчи, что „отецъ и отдѣленныя дѣти“, по словамъ К. А. Неволина [4]), „были другъ для друга по отношенію къ имуществамъ совершенно какъ постороннія лица“, мы переходимъ теперь къ вопросу о правоспособности и затѣмъ дѣеспособности неотдѣленныхъ дѣтей.

§ 8. Правоспособность неотдѣленныхъ дѣтей до временъ историческихъ, конечно, не можетъ быть опредѣлена, и по всей вѣроятности должно согласиться съ мнѣніемъ проф. Сергѣевича [5]), которое мы уже имѣли случай приводить, что и въ до-христіанской Руси родители имѣли надъ дѣтьми право жизни и смерти [6]). Очевидно, что при этомъ условіи трудно говорить

[1]) Общ. кр. пол. 51 п. 5 прим., прил. по прод. 1890 г.

[2]) „Курсъ Гражданскаго Права“. Спб. 1896, часть II, стр. 189.

[3]) „Лекціи“ Спб. 1890, стр. 592—593.

[4]) „П. С. Соч.“. Спб. 1857, т. III, стр. 349.

[5]) „Лекціи“. Спб., 1890 стр. 590.

[6]) Ср. К. А. Неволинъ „Op. cit.“, стр. 311—312. Ср. М. Грушевський „Історія Украіни-Руси“. Львовъ, 1898, т. I, стр. 218—219.

о какой-нибудь цивильной правоспособности дѣтей. Но со временъ, отъ которыхъ до насъ дошли болѣе или менѣе достовѣрныя историческія данныя, мы можемъ, съ полною увѣренностью, признать существованіе правоспособности неотдѣленныхъ дѣтей какъ личной, такъ и имущественной, но послѣдней въ большей степени, чѣмъ первой. Личная правоспособность неотдѣленныхъ дѣтей должна быть разсматриваема въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ и въ отношеніи ихъ родителей. Въ существованіи личной правоспособности дѣтей, находящихся подъ отеческою властью по отношенію къ постороннимъ лицамъ не можетъ быть сомнѣнія, и никто никогда не высказывалъ по этому пункту отрицательнаго взгляда. Вся система родственнаго союза и родственной защиты, съ круговою местью гарантировала этихъ дѣтей отъ обидъ извнѣ [1]). Ни въ одномъ законодательномъ памятникѣ мы не видимъ ограниченія неотдѣленныхъ дѣтей по отношенію къ ихъ личной неприкосновенности, а равно и по отношенію къ праву занимать тѣ или иныя должности общественныя и правительственныя. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что еще задолго до XVI в. на практикѣ и по обычаю сынъ, занимающій общественную или правительственную должность ео ipso отдѣлялся изъ-подъ отеческой власти. По отношенію же къ родителямъ личная правоспособность неотдѣленныхъ дѣтей была весьма значительно ограничена. Съ введеніемъ христіанства, церковь, соотвѣтственно каноническимъ требованіямъ, рѣшительнымъ образомъ ограничила право родителей на жизнь ихъ дѣтей. Но при этомъ обнаруживается слѣдующее интересное явленіе. Убійство дѣтей невинныхъ, совершонное съ цѣлью путемъ этого убійства скрыть преступленіе или достичь иныхъ преступныхъ результатовъ строго карается какъ духовными, такъ и свѣтскими судами. Такъ убійство дѣвицей незаконнаго своего дитяти судилось до Уложенія церковью [2]), очевидно на основаніи греко-римскаго права [3]), по коему означенное преступленіе наказывалось

[1]) К. А. Неволинъ. Op. cit., стр. 315 и пр. 43. Шпилевскій „Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ". К. 1869.

[2]) Церковн. Уставы Владиміра (простр. ред.) и Всеволода.

[3]) См. заключеніе Церковн. Уст. Всеволода.

смертью [1]). По Уложенію за убійство дѣтей, прижитыхъ въ блудѣ, полагалась смертная казнь. Именно тамъ сказано:

„А будетъ которая жена учнетъ жити блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей, сама или иной кто по еѣ велѣнью погубитъ, а сыщетца про то допряма, и такихъ беззаконныхъ женъ, и кто по еѣ велѣнью дѣтей ее погубитъ, казнить смертью безо всякія пощады....“ (XXII, 26).

Статья эта въ Уложеніи, по изысканію И. Е. Забѣлина [2]), заимствована уже не изъ церковнаго законодательства, а изъ Литовскаго Статута. Къ обыкновенному же убійству приравнивалось и нечаянное во снѣ задушеніе ребенка, при условіи нахожденія убійцы въ пьяномъ видѣ. Если же родитель былъ трезвъ, то церковь разсматривала такое невольное убійство болѣе легкимъ преступленіемъ [3]).

Между тѣмъ, убійство родителями виновныхъ дѣтей, очевидно при ихъ наказаніи, всегда разсматривалось или какъ ненаказуемое, или какъ слабо наказуемое дѣяніе, составлявшее лишь превышеніе власти. До средины XVII в. источники совершенно молчатъ по этому поводу. По Уложенію же отецъ или мать за убійство законныхъ сына или дочери подвергается тюремному заключенію на одинъ годъ и церковной епитиміи, состоявшей во всенародномъ объявленіи въ церкви своего грѣха [4]). Это же правило вошло и въ Новоуказныя статьи 1669 г. [5]). Дѣти, при этомъ, во все время разсматриваемаго нами періода были лишены права жаловаться на своихъ родителей. Уложеніе говоритъ:

„А будетъ который сынъ или дочь учнутъ бити челомъ о судѣ на отца или на матерь; и имъ на отца и на матерь

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“ 1890 стр. 592 и слѣд.

[2]) „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи“ (Калачевъ „Арх. истор.-юрид. свѣд. 2 изд. 1876 г., кн. I, отд. II, стр. 20).

[3]) Калайдовичъ „Памятн. Росс. слов. XII в.“, с. 200 „Вопрошаніе Кириково“. Цитировано у К. А. Неволина П. С. Соч., т. III, стр. 319 (Спб. 1857 г.), пр. 61.

[4]) Улож. XXII, 3.

[5]) П. С. З. 441, 89.

ни въ чемъ суда не давати; да ихъ же за такое челобитье бити кнутомъ и отдати ихъ отцу и матери“ (XXII, 6).

Это же правило повторено и въ Новоуказныхъ статьяхъ 1669 года [1]). Однако нельзя полагать, что неотдѣленныя дѣти были въ личномъ отношеніи совершенно безправны по отношенію къ родителямъ. И церковь и гражданское законодательство дѣлали неоднократныя попытки ограничить родительскій произволъ. Именно, еще въ Церковномъ Уставѣ князя Ярослава Владиміровича, краткой редакціи, въ ст. 21 сказано, что если дѣвица или молодой человѣкъ будутъ насильно обвѣнчаны родителями и что-нибудь сдѣлаютъ надъ собою, то „отецъ или мать епископу въ винѣ, а исторъ имъ платити“. Это весьма замѣчательное для своего времени ограниченіе родительской власти, конечно, на практикѣ не достигало того, чтобы родители не стѣсняли воли дѣтей при ихъ бракѣ. Въ самомъ Уставѣ говорится о винѣ въ случаѣ попытки на самоубійство или самоубійства. Ну, а если самоубійства не произошло? Очевидно, что никакой вины со стороны родителей въ такомъ случаѣ не признавалось. Вся практика какъ домосковской, такъ и московской жизни на Руси рисуетъ намъ картину постояннаго вмѣшательства родителей въ дѣло устройства браковъ ихъ дѣтей. Въ чинѣ обрученія и вѣнчанія XIII—XIV вв. не упоминается, чтобы священникъ спрашивалъ брачущихся, своею ли волею они вступаютъ въ бракъ [2]). Произволъ родителей при заключеніи браковъ ихъ дѣтей подтверждаетъ для болѣе поздняго времени и Котошихинъ [3]). Дальнѣйшимъ ограниченіемъ родительской власти было запрещеніе родителямъ, находящимся самимъ въ холопствѣ или въ монашествѣ отдавать своихъ дѣтей въ холопство. Именно:

„А полному и докладному холопу сына своего свободнаго, который ся у него родилъ до холопства, не продати... А у кого отецъ въ черньцѣхъ, или мати въ черницахъ и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полныя и у докладныя не стояти-жъ“... (Суд. 1551, 76).

---

[1]) П. С. З. № 92.
[2]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 580.
[3]) „О Россіи“, XII.

Такова личная правоспособность неотдѣленныхъ дѣтей по отношенію къ ихъ родителямъ. Она, какъ видно, была очень невысока. Да и тѣми ограниченіями родительской власти, которыя существовали, дѣти, въ виду лишенія ихъ права приносить жалобы на родителей, не могли пользоваться по личной иниціативѣ, а требовалось вмѣшательство церкви или государства. Въ заключеніе вопроса о личной правоспособности неотдѣленныхъ дѣтей должно упомянуть, что въ наукѣ существуетъ разногласіе относительно того, было въ древней Руси, какъ въ древнемъ Римѣ и у другихъ народовъ Европы, напр. германцевъ, единовластіе въ семьѣ отца или двоевластіе отца и матери. К. А. Неволинъ [1]) полагаетъ, что „власть надъ дѣтьми всегда принадлежала у насъ обоимъ родителямъ". Проф. Сергѣевичъ [2]) по этому поводу замѣчаетъ: „Въ виду несомнѣнной и тяжелой зависимости жены отъ мужа трудно допустить, чтобы ей могла принадлежать равная съ мужемъ власть надъ дѣтьми". Мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, что въ законодательныхъ памятникахъ упоминаются, почти всегда, при опредѣленіи отношеній къ дѣтямъ, оба родителя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отъ дѣтей требовалась такая же pietas по отношенію къ матери, какъ и къ отцу. Равнымъ образомъ мы уже выше упоминали о томъ, что въ случаѣ смерти мужа, при малолѣтствѣ дѣтей, мать сохраняетъ за собою всю отеческую власть. Хотя по мнѣнію проф. Сергѣевича это правило есть слѣдъ вліянія Эклоги на русское право [3]), но оно весьма твердо было воспринято симъ послѣднимъ и постоянно осуществлялось на практикѣ [4]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно признать, что правъ и пр. Сергѣевичъ и при жизни мужа власть жены обнаруживалась обыкновенно только настолько, насколько мужъ это позволялъ.

§ 9. Имущественная правоспособность неотдѣленныхъ дѣтей была, вообще говоря, гораздо шире, чѣмъ личная. Вопросъ

---

[1]) „П. С. Соч.". Спб. 1857, т. III, стр. 314.
[2]) Op. cit., стр. 591.
[3]) „Лекціи", Спб. 1890, стр. 591.
[4]) Ср. исторію Маріи Борецкой.

этотъ также долженъ быть разсмотрѣнъ съ двухъ сторонъ: въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ, и, затѣмъ, въ отношеніи ихъ родителей. Въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія, что и неотдѣленныя дѣти по Русскому праву съ самыхъ древнихъ временъ, отъ которыхъ до насъ дошли историко-юридическіе памятники, обладали имуществомъ независимымъ отъ ихъ родителей. Мы уже имѣли случай сказать, что нашему праву не была извѣстна та суровая опредѣленность отношеній родственнаго союза, которая проходитъ красной нитью черезъ республиканскій періодъ Римскаго права [1]). Нормы греко-римскаго права, которое могло вліять на русскую юридическую жизнь, были гораздо мягче [2]). Изъ Русской правды мы узнаемъ, что имущество, оставшееся послѣ смерти матери, составляло собственность ея дѣтей, а не ея мужа. Именно тамъ говорится:

„... боудуть ли дѣти, то что первои жены, то то възмоуть дѣти матери своеи, любо си на женоу боудеть възложилъ, обаче матери своеи възмоуть“ (Кар. ст. 106). Т.-е. отецъ не имѣетъ права имущество, оставшееся послѣ смерти первой его жены, отчуждать помимо своихъ дѣтей отъ перваго брака. Эта статья Русской Правды, по признанному наукой толкованію К. А. Неволина [3]) и В. И. Сергѣевича [4]), есть заимствованіе изъ Эклоги, произведенное вслѣдствіе подчиненія Уставомъ о церковныхъ судахъ Владиміра дѣлъ о наслѣдствѣ вѣдѣнію духовныхъ властей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что опредѣленность приведенной статьи Русской Правды и разобранный въ ней казусъ являются заимствованіемъ греко-римскаго права. Но врядъ ли можно предполагать, чтобы самое понятіе о раздѣльности, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, имущества родителей и дѣтей было совершенно чуждо русскому праву и К. А. Неволинъ, по нашему мнѣнію, поступаетъ слишкомъ доктринёрно, когда указываетъ на вліяніе греко-римскаго права въ томъ случаѣ, въ коемъ отцы дарили

---

[1]) Dernburg, „Pandekten“. Berl. 1894. Bd. I, § 52, S. 122.
[2]) Ibid. Cp. Eclog. XVI. 2; XVII. 1, 6—10. Prochir. XXII, XXVI. 4.
[3]) „П. Собр. Соч.“. Спб. 1857, т. III, стр. 346.
[4]) „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 591.

дѣтямъ свое движимое имущество, покупали неотдѣленнымъ дѣтямъ вотчины и поступались имъ своими вотчинами и помѣстьями [1]). Все, что намъ извѣстно по этому поводу, рисуетъ картину очень неопредѣленныхъ отношеній по имуществу между родителями и дѣтьми. К. А. Неволинъ приводилъ много данныхъ въ подкрѣпленіе того положенія, что родители снабжали неотдѣленныхъ дѣтей отдѣльнымъ имуществомъ [2]). Но онъ же указываетъ, что до конца XVII в. родители могли отобрать это имущество отъ дѣтей [3]). Только указомъ 11 іюня 1683 г. было поставлено въ этомъ отношеніи ограниченіе отеческому произволу [4]). Такая же неопредѣленность господствовала и въ отношеніи распоряженія имуществомъ—о чемъ мы скажемъ ниже. Мы видѣли уже ту легкость, съ которой на Руси происходило отдѣленіе взрослаго сына изъ-подъ отеческой власти: онъ уходилъ, насильственно разрывалъ связь съ семьей и дѣло было кончено. Лица, нежелавшія лишаться отцовскаго благословенія, разрыва съ домомъ, отлученія отъ наслѣдства, должны были за то нести нѣкоторую сумму зависимости отъ родителей, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, очень несуровой по добродушію русскаго характера, насколько онъ вырисовался по историческимъ даннымъ и по бытовымъ описаніямъ, но довольно непріятной по своей неопредѣленности и значительной доли вспыльчиваго самодурства, обильные примѣры котораго намъ даетъ наша старина. Въ примѣръ мягкости родительскихъ отношеній укажемъ на извѣстный эпизодъ изъ дѣтства Яна Усмошвеца, на отношенія Владиміра къ Святополку, на презрительную уступчивость Ивана Грознаго царевичу Ѳеодору, на нѣжную мягкость извѣстнаго Ордина Нащокина къ своему сыну Ивану, кончившему карьеру бѣгствомъ въ Польшу. Примѣрами самодурства могутъ служить отношенія матери къ Ѳеодосію Печерскому, убійство Иваномъ Грознымъ старшаго сына и разсказы, сообщаемые Герберштейномъ и Котошихинымъ. Но, несмотря на эту

---

[1]) Op. cit., стр. 347.
[2]) Ibid., стр. 347, пр. 148, 149, 150.
[3]) Ibid., стр. 347, пр. 151.
[4]) П. С. З. № 1020.

неопредѣленность юридическихъ отношеній, должно еще разъ подтвердить, что дѣти по русскому праву съ древнѣйшихъ временъ могли имѣть свое отдѣльное имущество. Для рѣшенія вопроса о дѣеспособности неотдѣленныхъ дѣтей насъ интересуютъ, разумѣется, дѣти совершеннолѣтнія. Но здѣсь въ подкрѣпленіе приведеннаго положенія о возможности для дѣтей имѣть свое отдѣльное имущество должно указать, что еще въ Русской Правдѣ съ достаточной полнотой формулированы правила объ опекѣ малолѣтнихъ дѣтей. Напр., въ ст. 111 Кар. сп. прямо указывается, что если вдова въ малолѣтствѣ дѣтей выйдетъ замужъ за новаго мужа, то она не можетъ быть опекуншей дѣтей своихъ. Ихъ имущество вполнѣ выдѣлено изъ родительскаго (въ данномъ случаѣ матерьняго) имущества. Мать, управлявшая въ малолѣтство дѣтей, послѣ смерти мужа, общимъ семейнымъ имуществомъ и растратившая дѣтскую часть, обязана, согласно ст. 113 Кар. сп. Русской Правды, уплатить дѣтямъ причитающуюся имъ долю. По ст. ст. 88 и 89 Псковской Судной грамоты въ имуществѣ умершаго безъ завѣщанія супруга пережившій супругъ имѣетъ лишь право пожизненнаго пользованія, въ случаѣ если не вступитъ во второй бракъ. Все это вполнѣ точно подтверждаетъ, что и древнѣйшему русскому праву было свойственно понятіе о возможности раздѣльности имущества дѣтей и родителей.

Что касается до имущественной правоспособности неотдѣленныхъ дѣтей по отношенію къ постороннимъ лицамъ, то въ этомъ не можетъ и возникать сомнѣній, разумѣется, права этихъ дѣтей вполнѣ охранялись и болѣе родителями даже, чѣмъ ими самими. Здѣсь только укажемъ, что по Новгородской Судной грамотѣ неотдѣленный сынъ является легальнымъ представителемъ своей матери-вдовы въ процессѣ (ст. 16).

§ 10. Рѣшивъ вопросъ о правоспособности отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ дѣтей въ зависимости отъ вліянія на нихъ отеческой власти, мы должны теперь перейти къ ближайшему для насъ вопросу о дѣеспособности. Мы уже выше оговорились, что при рѣшеніи этого послѣдняго вопроса мы подразумѣваемъ всегда дѣтей совершеннолѣтнихъ.

Ни въ одномъ изъ сохранившихся до насъ юридическихъ

и историческихъ памятниковъ мы не встрѣчаемъ ни одного упоминанія объ опекѣ или попечительствѣ взрослыхъ дѣтей ихъ родителями при совершеніи первыми гражданскихъ сдѣлокъ по имуществу. Единственнымъ ограниченіемъ является постановленіе Царскаго Судебника, по толкованію К. А. Неволина. Мы цитировали уже эту статью, запрещающую родителямъ, находящимся въ холопствѣ или въ монашествѣ, продавать въ холопство своихъ дѣтей. Но изъ нея никоимъ образомъ нельзя сдѣлать того вывода, какой дѣлаетъ знаменитый цивилистъ: совершенно изъ нея не слѣдуетъ, что дѣти не имѣли права продавать себя въ рабство безъ согласія родителей. Да на практикѣ и не могло возникнуть такого ограниченія, такъ какъ отдѣленіе совершеннолѣтнихъ дѣтей отъ родительской власти происходило на Руси, какъ мы видѣли, очень просто. Изданныя въ т. XIII Русской Исторической Библіотеки подъ редакціей проф. С. Ф. Платонова кабальныя новгородскія книги прекрасно подтверждаютъ этотъ фактъ, давая обширный матеріалъ, рисующій очень распространенное поступленіе въ кабалу молодыхъ людей, на разспросѣ показавшихъ себя гулящими или сиротами и затѣмъ безъ дальнѣйшей провѣрки принятыхъ въ холопство [1]). Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей не было никакой возможности требовать родительскаго укрѣпленія сдѣлки временной самопродажи взрослыхъ дѣтей. Приведенныя статьи, еще разъ подкрѣпленныя ст. 137 и 138 Судебника Царя Ѳеодора Ивановича 1589 г., и имѣютъ дѣло, намъ кажется, во-первыхъ, съ дѣтьми малолѣтними, а во-вторыхъ — съ неотдѣленными. Мы видѣли, что личная власть родителей была такъ значительна, что они могли дѣтей своихъ, наказывая, убить и продать въ рабство. Изъ ст. 138 Судебника 1589 г. явствуетъ, что они имѣли право, когда только пожелаютъ, выкупать своихъ дѣтей изъ рабства безотносительно, согласенъ или нѣтъ господинъ на этотъ выкупъ. Вотъ въ этихъ-то правахъ родители холопы и чернецы и ограничиваются по приведеннымъ статьямъ. Напротивъ, и историческія данныя, и юридическіе акты даютъ намъ довольно

---

[1]) См., напр., стр. 11, 13, 14 и др.; цитируется по отдѣльному оттиску. Спб. 1895 г.

яркую картину полной дѣеспособности совершеннолѣтнихъ, независимо отъ того, находились они подъ родительскою властью или нѣтъ. Напр., въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича 1410 говорится о покупкѣ его сына [1]).

„А что сынъ князь Иванъ купилъ село у Ортема въ Ростуновѣ слободкѣ, въ удѣле брата своего князя Ярослава".

Хотя по поводу этого примѣра долгомъ считаемъ оговориться: Мы ниже увидимъ, какъ ненадежны были границы частнаго и публичнаго права въ древней Руси, особенно до окончательнаго упроченія Московскаго государства. Нерѣдко, для приданія сдѣлкѣ большей прочности, стороны испрашивали спеціальный рескриптъ князя по поводу этой сдѣлки [2]). Еще чаще сдѣлки, совершенныя сыновьями князей правителей, затѣмъ утверждались ихъ отцами (или старшими родственниками, сидѣвшими въ данномъ княженіи на престолѣ). Но это не была ни tutella, ни cura, а утвержденіе акта, который былъ въ одно и то же время и частноправовымъ и публичнымъ. Позднѣе Московское правительство выступило съ цѣлымъ рядомъ ограниченій въ этомъ смыслѣ лицъ княжескихъ, прежде владѣтельныхъ, фамилій, какъ мы это увидимъ ниже. Возвращаясь къ предыдущему примѣру, мы должны обратить вниманіе на слѣдующее: вслѣдъ за приведенными словами князь Серпуховскій это село, купленное однимъ сыномъ его у другого, завѣщаетъ второму, а первому, взамѣнъ его, оставляетъ села Сеситрово и Струниково. Такимъ образомъ получается нѣкоторая двойственность впечатлѣнія. Съ одной стороны, сынъ покупаетъ и владѣетъ какъ вполнѣ дѣеспособное лицо. А съ другой стороны, его купля не представляется полною его собственностью. Мы сказали выше, что имѣемъ дѣло съ имуществомъ не чисто цивильнаго, но цивильно-публичнаго порядка. Мы далѣе увидимъ, съ какой точки зрѣнія должны смотрѣть, по нашему мнѣнію, на объекты гражданской сдѣлки по русскому праву Московскаго времени. Здѣсь же намъ достаточно, что сынъ признается дѣеспособнымъ и можетъ покупать себѣ имѣнія. Мы имѣемъ слѣдующее мѣсто изъ

---

[1]) Р. С. Г. Гр. и Д., т. I, № 40.
[2]) Прил. А, № 103.

другой духовной. Князь Юрій Васильевичъ въ 1472 г. завѣщаетъ [1]):

„А господину своему Великому князю даю свое селце Семеновъское... А сыну его князю Ивану село свое Мячково, да другое Мячково, что за рѣкою, да Лодыгинское, да Тяжино и зъ деревнями“...

Мы имѣемъ случаи, гдѣ сынъ фигурируетъ въ гражданской сдѣлкѣ рядомъ съ отцомъ, лично подписывая акты, и тѣмъ признаваемый дѣеспособнымъ [2]). Равнымъ образомъ сынъ выступаетъ въ процессѣ представителемъ отца такъ же и въ Московское время, какъ и по Псковской судной грамотѣ [3]). Проф. Владимірскій-Будановъ говоритъ по поводу этого слѣдующее [4]): „Вопросъ: могъ ли неотдѣленный сынъ имѣть собственное имущество, разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ“... Выше, въ томъ же мѣстѣ, почтенный ученый говоритъ: „Отецъ при жизни своей допускаетъ выдѣлъ дѣтей и беретъ часть на прожитокъ: этою частію онъ распоряжается одинъ; отсюда является рядъ такихъ актовъ, въ которыхъ отецъ, отчуждая вотчину, между прочимъ, гарантируетъ неприкосновенность сдѣлки и отъ дѣтей своихъ. Другой случай: взрослый сынъ получаетъ при жизни отца помѣстье въ отводъ и тамъ заводитъ свое отдѣльное хозяйство, между тѣмъ, родовыя вотчины остаются подъ управленіемъ отца;—возникаютъ отдѣльныя имущества у невыдѣленнаго сына и отдѣльныя сдѣлки обѣихъ сторонъ“. Это говоритъ ученый — сторонникъ теоріи объ общности родового имущества въ древней Руси. И онъ не можетъ отрицать полной дѣеспособности неотдѣленныхъ сыновей. Въ настоящее время насъ не интересуетъ вопросъ о соотношеніи индивидуальнаго самоопредѣленія и союза. Мы частью сказали по этому поводу нѣсколько словъ выше, частью скажемъ далѣе, здѣсь же можемъ лишь повторить, что мы, конструируя понятіе дѣеспособности по старому русскому праву, трактуемъ по необходимости отдѣльныхъ лицъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I, № 96, стр. 231.
[2]) С. Шумаковъ, „Угличскіе акты“, № LIII.
[3]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 10.
[4]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 464, пр. 1.

внѣ множества связей: мы глубоко убѣждены, что дѣйствительность гражданскихъ сдѣлокъ въ древней Руси зависѣла главнымъ образомъ и прежде всего отъ признанія такой сдѣлки даннымъ союзомъ: родомъ, общиной, племенемъ и т. п. Но это является общимъ фономъ, тою постоянною величиною, которую можно исключать при опредѣленіи перемѣнной. И когда мы говоримъ, что отдѣленный и не отдѣленный сынъ равно были дѣеспособны и могли самостоятельно заключать гражданскія сдѣлки, то не касаемся вопроса о дальнѣйшей судьбѣ объекта этой сдѣлки. Ограниченія же, возникающія изъ союзнаго строя, были одинаковы и для дѣтей и для отцовъ, и потому при разсмотрѣніи ихъ взаимныхъ отношеній могутъ быть совершенно игнорированы. Выше приведенъ указъ 1556 года, по которому опредѣляется совершеннолѣтіе въ 15 лѣтъ [1]). Тамъ, между прочимъ, говорится: „а кто на комъ взыщетъ служилой человѣкъ по кабалѣ, и отвѣтчикъ кабалу оболживитъ, и скажетъ, что онъ сына Боярскаго служилаго сынъ, и про то Государь велитъ сыскать, да будетъ тотъ человѣкъ, который кабалу оболживилъ, сына Боярскаго служилаго сынъ больши 15 лѣтъ... а менши 15 лѣтъ...“ По всей видимости и тотъ и другой случай имѣютъ дѣло съ неотдѣленными сыновьями, ибо они еще на службу не верстаны. Сдѣлка во второмъ случаѣ признается недѣйствительною не по зависимости сына отъ отца, а отъ возраста. И отъ XVII вѣка до насъ дошли неоднократные примѣры того, что взрослые сыновья признаются вполнѣ дѣеспособными и совершаютъ самостоятельно гражданскія сдѣлки, независимо того, отдѣлены они или неотдѣлены. Мы знаемъ, напр., что и неотдѣленныя (отеческія) дѣти, при верстаніи на службу, получаютъ самостоятельное жалованье [2]). Сыновья выступаютъ въ процессѣ вмѣсто отца [3]) и т. п. Этимъ мы можемъ кончить вопросъ о положеніи несовершеннолѣтнихъ и дѣтей по отношенію къ дѣеспособности по русскому праву до XVIII в.

---

[1]) Судебникъ Татищева, изд. 2-е. М. 1786, стр. 189, § 149.
[2]) П. С. З., № 1, № 86, III.
[3]) Акты Ѳедотова-Чехов. I, № 10.

III. Здоровье.

§ 11. Послѣднимъ изъ естественныхъ условій дѣеспособности гражданской является отсутствіе физическихъ недостатковъ, лишающихъ субъекта возможности понимать, разумѣть, видѣть, слышать, говорить и т. п., т.-е. отсутствіе всего того, что затрудняетъ, съ одной стороны, производство дѣйствій, необходимыхъ при совершеніи сдѣлки, а съ другой стороны возбуждаетъ сомнѣніе въ доброй волѣ, въ истинности волеизъявленія. Древность, какъ извѣстно, не отличалась особенною мягкостью. Борьба за существованіе была столь сильна и примитивна, что слабые члены общества весьма быстро погибали въ ней. Ими не дорожили. Они лишь обременяли своихъ сородичей и потому довольно широко былъ распространенъ обычай убивать дѣтей, отличающихся физическими недостатками. Это было право родителей. Такъ было у галловъ, по свидѣтельству Цезаря, у балтійскихъ славянъ, у германцевъ [1]). У этихъ послѣднихъ даже послѣ принятія христіанства сохранилось право родителей выбрасывать на произволъ судьбы уродовъ [2]). О. Штоббе сообщаетъ [3]), что по швейцарскому обычному праву изслѣдовались каждый разъ, при рожденіи, волосы, голова, глаза, ротъ, руки и ноги, полъ, чтобы опредѣлить, представляетъ ли собою новорожденное существо человѣка или нѣтъ. Согласно саксонскому зерцалу гермафродитъ хотя долженъ былъ получать алиментъ отъ родителей, но былъ не дѣеспособенъ и вся его имущественная правоспособность заключалась въ правѣ наслѣдованія [4]). Калѣка, нѣмой, слѣпой, прокаженный, по статуту Гозлау, не могли наслѣдовать собственности, съ которой слѣдовало нести военную службу [5]). Согласно лонгобардскому праву прокаженный счи-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“, изд. 1890, стр. 588—589.

[2]) K. Maurer, „Ueber die Wasserweihe des germanischen Heidenthums“, 1880. S. 14, 599.

[3]) „Handbuch d. Deutsch. Privatrechts“. I B. 3-e Auflage. Berl. 1893, § 39, S. 295, Anmerk. 10.

[4]) Sachsensp. I. 4.

[5]) Stobbe, op cit. § 40, S. 345, Anm. 5.

тался гражданскимъ мертвымъ [1]). Что касается до древней Руси, то наши источники не даютъ намъ данныхъ относительно права родителей убивать при рожденіи дѣтей-уродовъ и слабыхъ. Скорѣе, по справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича [2]), должно признать, что это право было, чѣмъ, какъ дѣлаетъ К. А. Неволинъ [3]) изъ молчанія источниковъ выводить обратное заключеніе. Во всякомъ случаѣ исторія уже не знаетъ этого права. Первоначальные наши юридическіе памятники совсѣмъ молчатъ о правоспособности лицъ, пораженныхъ физическими недостатками. Относительно уродовъ должно замѣтить, что наши лѣтописцы съ душевнымъ трепетомъ и съ предвѣщаніемъ грядущихъ золъ тщательно всегда отмѣчаютъ на листахъ своихъ анналовъ дошедшее до нихъ извѣстіе о рожденіи какого-нибудь урода. Напр. подъ 6573 г. лѣтописецъ сообщаетъ „Въ си же времена бысть дѣтищь вверьженъ въ Свѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша и въ воду; бяшете бо сиць: на лици ему срамши удове, иного нелзѣ казати срама ради“ [4]). Тутъ мы имѣемъ полное свидѣтельство, что уродъ, лишенный человѣческаго образа, не считался за человѣка и не былъ правоспособенъ: родители его стремились убить, посторонніе же относились къ нему какъ къ рѣдкому звѣрю. Но убогіе, не лишенные человѣческаго образа, глухіе, калѣки и т. п., уже съ первыхъ временъ введенія христіанства стали подъ покровительство церкви. По уставу Св. Владиміра больницы находились подъ покровительствомъ церкви, въ ея вѣдѣніи [5]). Митрополитъ судитъ богадѣльныхъ людей, защищаетъ и представляетъ. Въ уставѣ князя Всеволода 1125—1136 гг. говорится [6]) „А се церковныа люди:... слѣпець, хромець болници“... „или митрополитъ или епископъ — тыи вѣдають между ими судъ или обиду, или кому прикажуть, или котораго задницы, или бу-

---

[1]) Ed. Rothar, LXXVI.
[2]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“, изд. 1890, стр. 590.
[3]) П. С. Соч., т. III, Ист. рос. гражд. зак., т. I (изд. 1857), стр. 345.
[4]) П. С. Р. Л., т. I, подъ приведеннымъ годомъ.
[5]) „Хрест.“ Владимірскаго-Буда новскаго, I к., 1885, стр. 214.
[6]) Ibid., стр. 229—230.

деть иному человѣку съ тыми людьми рѣчь (или) обчій судъ". Изъ этихъ статей мы усматриваемъ, что лица, пораженныя физическими недостатками, не были лишены правоспособности: они могли имѣть тяжбу, завѣщать, наслѣдовать и т. п. Только ихъ дѣеспособность была ограничена. Людей безъ роду представлялъ въ этихъ случаяхъ епископъ черезъ посредство своихъ слугъ. Вѣроятно, въ другихъ случаяхъ, родственники. Имѣя въ виду, что по условіямъ нашего древняго процесса и крѣпостного производства всѣ документы прочитывались устно, составлялись въ присутствіи послуховъ—обыкновенно людей близкихъ, сородичей, не являлось надобности въ законной регламентаціи ограниченія дѣеспособности людей больныхъ и слабыхъ. Ихъ право въ достаточной мѣрѣ охранялось тѣмъ союзомъ, къ которому они принадлежали, и администраціей. Надо предположить, что никакихъ общихъ правилъ по этому поводу не было: иногда въ составленіи гражданской сдѣлки, можетъ быть, могъ участвовать и глухой и нѣмой, иногда онъ кѣмъ-нибудь представлялся. Должно замѣтить, что по древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ требовалось полное разумѣніе и непринужденное согласіе контрагентовъ при составленіи сдѣлки (объ этомъ см. подробнѣе ч. II). Поэтому безумный и сумасшедшій, вѣроятно, подлежали полному ограниченію дѣеспособности. Здѣсь только укажемъ, что съ древнѣйшихъ, сравнительно, временъ, завѣщатель упоминалъ, что онъ составлялъ тестаментъ въ „здравомъ умѣ и твердой памяти": напр. въ XIII в. „Во имя Оца и Сына и Стго Дха. Се яз раб Бжеи Патрекѣи и отходя сег свѣт, своим цѣлым оумом пишю грамот дшвную"... (А. о. до Ю. Б. I № 82) или „Во имя отца и сына святаго духа. Се язъ, рабъ Божіи инокъ геронтеи, пишу грамоту душевную пpi своем животѣ, своим цѣлымъ умомъ" (Прил. А, № 38, 1435—1447) [1]). К. А. Неволинъ приводитъ [2]) свидѣтельство А. Ю. (№ 85) гдѣ напечатанъ документъ 1568 г., въ коемъ сынъ выступаетъ въ гражданской сдѣлкѣ представителемъ своего отца, который отъ старости „опростѣлъ умомъ".

---

[1]) Ср. Прил. А, № 39 и мн. др. въ А. о до Ю. Б. I.

[2]) П. С. С., т. III (изд. 1857), § 211, стр. 437.

Но до XVII в. русское право не знало легальной опеки сумасшедшихъ. По аналогіи съ современнымъ бытомъ нашего крестьянства, мы можемъ заключить, что сумасшедшихъ постигала обыкновенно печальнѣйшая участь: буйныхъ держали всю жизнь на цѣпи, смирные играли роль дурачковъ и т. п.

На подобную судьбу безумнаго мы встрѣчаемъ намекъ въ словѣ Даніила Заточника.

„А безумнаго аще и кнутомъ бьеши, развязавъ на санехъ, не отъимеши безумія его“ [1]).

Никому не было до нихъ дѣла, государство ими не интересовалось, какъ лицами для него вполнѣ безполезными. Извѣстной гарантіей нѣкотораго ухода за сими несчастными служило лишь то, что они находились подъ надзоромъ своего союза или семьи. Болѣе удачная судьба постигала религіозное помѣшательство и въ глазахъ невѣжественныхъ окружающихъ они иногда являлись лицами, одаренными сверхъестественными силами. По литовскому старому статуту 1529 г. также нѣтъ общаго правила относительно сумасшедшихъ. Только по отношенію къ составленію тестамента сказано:

„Теж уставуемъ, иж каждая парсона волна и моцна будеть о речахъ своихъ тестаментъ чинити, окром тых парсонъ нижей написанныхъ, которые парсоны, про то, иж подле права не мают ничого своего вологого тестаментом никому отдати... Разума отходячьи, а ведже тые ком к собе приидут моцны тестаменты свои чинити (арт. 17 разд. V).

Т.-е. въ періодъ lucidi intervalli лицо признается дѣеспособнымъ. Въ этой тонкости очевидно вліяніе римскаго права. Въ Московскомъ государствѣ первыя легальныя ограниченія лицъ, пораженныхъ физическими недостатками, встрѣчаются только со второй половины XVII вѣка. Именно, еще согласно Уложенію 1648 г.

„А будетъ послѣ котораго, умершаго останутся дѣти глухи и нѣмы, а братья ихъ, или сестры учнутъ обидить ихъ и отцова или матерня имѣнія учнутъ ихъ отлучать, раздѣлити по жеребьямъ всѣмъ поровну, чтобы изъ нихъ никто изобиженъ не былъ“ (XVII, 15), т.-е. признается полная право-

---

[1]) Приведенъ у В. И. Сергѣевича, Юр. др., I, стр. 109.

способность и глухихъ и нѣмыхъ. Даже въ позднѣйшемъ указѣ 1676 г. [1]) мы встрѣчаемъ дозволеніе глупымъ и глухонѣмымъ поступаться своимъ помѣстьемъ кому хотятъ: „помѣстья свои сдавать всякому вольно“. Это полнѣйшее признаніе дѣеспособности лицъ, пораженныхъ физическими недостатками и даже душевно-больныхъ. Только указомъ 1677 г. [2]) запрещается глупымъ (которые приравниваются при этомъ къ плутамъ и пьяницамъ) мѣняться своими помѣстьями.

---

[1]) П. С. З. № 683.
[2]) П. С. З., № 700, I, стр. 5 и 27.

ГЛАВА III.

Спеціальныя условія дѣеспособности [1]).

§ 12. Извѣстно, что Русь домосковская не знала сословій: въ ней были лишь соціальные классы, раздѣленные по экономическому своему положенію и по профессіямъ [2]). Вчерашній крестьянинъ могъ быть сегодня воиномъ, завтра купцомъ, затѣмъ стать въ число лучшихъ людей, попасть ко двору князя, стать его бояриномъ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя отрицать, что имущественное положеніе и профессія играли и въ древнѣйшее время значительную роль въ дѣлѣ опредѣленія право- и дѣеспособности. Несомнѣнно, что древнѣйшій бытъ русскихъ славянъ былъ, главнымъ образомъ, земледѣльческимъ, хотя отъ очень раннихъ временъ дошли до насъ свидѣтельства иностранцевъ о военно-торговыхъ предпріятіяхъ руссовъ. Но съ начала государственности, съ призванія князей, мы видимъ, что приднѣпровская Русь получаетъ характеръ военнаго стана съ преобладаніемъ военнаго элемента. Извѣстно

---

[1]) Собственно, въ противоположность второй главѣ, объ естественныхъ условіяхъ дѣеспособности, слѣдовало употребить терминъ „искусственныя“, но авторъ на это не рѣшился.

[2]) В. И. Сергѣевичъ, „Юр. др.“, I, стр. 173 и слѣд. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи русскаго права“, К. 1900, стр. 28—39. Н. П. Загоскинъ, „Исторія права русскаго народа“. Казань, 1899, т. I, стр. 426—427. А. Рейцъ, „Опытъ россійскихъ государств. и гражд. законовъ, пер. Ѳ. Морошкина. М. 1836, § 6, стр. 35.

что все княженье Олега, Игоря, Святослава, Владиміра Св. прошло въ безпрестанныхъ войнахъ, походахъ, набѣгахъ, произведенныхъ, къ тому же, по большей части безъ всякихъ политическихъ цѣлей, очень схожихъ съ былыми набѣгами туркменовъ и недавними курдовъ. Въ то же время на сѣверо-западѣ, въ Великомъ-Новгородѣ, уже тогда получаетъ преобладаніе жизнь военно-торговая, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ Западомъ. При изученіи характера древне-русскихъ соціальныхъ отношеній, послужившихъ основою для выработки правового положенія тѣхъ или иныхъ классовъ общества, намъ и необходимо обратить вниманіе на то, что на фонѣ общаго земледѣльческаго быта въ домонгольской Руси получили преобладаніе военные и торговые классы. Древняя Русь вела натуральное и экстензивное хозяйство [1]). Но въ районѣ южно-русской государственной жизни въ Приднѣпровьѣ и въ Червонной Руси сельское хозяйство не могло вестись безъ постоянной поддержки его военной силой, въ виду того, что на границѣ, въ степяхъ, постоянно находились орды то хазаръ, то печенѣговъ, то половцевъ, которые вѣчно угрожали земледѣльцу; „оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ, ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его и дѣти его и въ его имѣне“... говоритъ Владиміръ Мономахъ про условія южно-русскаго земледѣлія [2]). При этомъ вполнѣ естественно, что воинъ являлся необходимымъ покровителемъ земледѣльца, который въ свою очередь его кормилъ. Какъ болѣе сильный, воинъ получалъ тамъ преобладающее значеніе. На сѣверо-западѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, уже въ очень раннее время не хватало собственнаго хлѣба, да и было болѣе выгодно вести торговлю и служить въ торговыхъ предпріятіяхъ, чѣмъ пахать землю. Землю тамъ пахали Новгородскія колоніи, на Двинѣ, въ Ростовѣ. Преобладающимъ лицомъ въ этой мѣстности были купецъ, глава торговой фирмы, которымъ кормилась масса меньшихъ людей и покровительствомъ и предстательствомъ передъ

---

[1]) П. Н. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры“. Спб. 1898, стр. 65—75.

[2]) П. С. Р. Л., I, подъ 6611 г.

вѣчемъ держался иногда цѣлый громадный край, имъ же въ то же время эксплуатируемый. Только на востокѣ, въ центральной Россіи, въ предѣлахъ Москвы, Владиміра, Ростова, Суздаля, Нижняго-Новгорода, люди спокойно жили, кормясь отъ рукъ своихъ, земледѣліемъ [1]). И вотъ мы видимъ, что въ Приднѣпровьѣ и княженіи Галицкомъ является бояринъ воинъ, въ Новгородѣ и Псковѣ—бояринъ-купецъ, въ Сѣверо-восточной Руси—бояринъ-землевладѣлецъ. Поэтому и въ законодательствѣ Кіевской Руси мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, регламентацію личныхъ родовыхъ отношеній, вопросы о личной обидѣ и уголовныя преступленія. Въ Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ съ особенною тщательностью разработаны вопросы гражданскаго оборота и обязательственнаго права. Въ законодательствѣ Москвы, послѣ интересовъ фискальныхъ, болѣе всего удѣлено вниманія сельскому хозяйству. Тѣмъ, что̀ мы сказали, мы имѣли цѣлью показать, что и при отсутствіи сословнаго строя все-таки получалась цѣлая лѣстница людей, стоявшихъ выше и ниже въ глазахъ закона, болѣе и менѣе право- и дѣеспособныхъ, болѣе и менѣе полноправныхъ. Только это опредѣлялось не принадлежностью къ той или иной кастѣ, а экономическими отношеніями, и не было преградъ, кромѣ личнаго труда и удачи, для того, чтобы, начавъ съ низшей, достигнуть самой высшей ступени экономическихъ благъ, стать тѣмъ самымъ на верху соціальной лѣстницы и получить сумму правъ [2]).

Но несомнѣнно, что съ теченіемъ времени такая свобода въ возвышеніи своего экономическаго и соціальнаго положенія, оставаясь юридически тою же самою, фактически болѣе и болѣе затруднялась. Классы болѣе сильные стремились унизить и притѣснить болѣе слабые и бѣдные. Эти послѣдніе находились у первыхъ съ очень ранняго времени въ значительной экономической зависимости. Мы не говоримъ уже объ институтѣ холопства и о полной свободѣ самопродажи въ рабство, обусловленной въ Русской Правдѣ лишь публичностью и извѣст-

---

[1]) П. Н. Милюковъ, op. cit., стр. 73.

[2]) Примѣры приводятся у М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 34.

ными символическими дѣйствіями [1]). Но и положеніе низшихъ разрядовъ свободныхъ людей было часто очень незавидное, съ экономической точки зрѣнія. Мы видѣли, что на югѣ Россіи земледѣліе стоитъ въ зависимости отъ военной силы, его защищавшей. Крестьянинъ долженъ былъ или становиться подъ покровительство человѣка, могшаго его защитить отъ печенѣга или половца, или долженъ былъ идти на сѣверъ искать счастья въ глухихъ лѣсахъ, по сосѣдству съ финскими племенами. И шли, многіе шли, колонизуя сѣверо-востокъ; но все же часть оставалась и попадала въ зависимость отъ бояръ-воиновъ и горожанъ-купцовъ. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что при широтѣ и громадномъ количествѣ земли земледѣльцы вели столь экстенсивный образъ хозяйства [2]), что, постоянно расхищая естественныя богатства страны, весьма скоро стали нуждаться въ болѣе интензивномъ хозяйствѣ, въ болѣе усовершенствованныхъ (конечно сравнительно) орудіяхъ, въ лѣсѣ, въ скотѣ, въ поземѣ и т. п. И не имѣя возможности добыть это сами, брали въ ссуду у болѣе богатыхъ землевладѣльцевъ, платя за это часто трудомъ на него и исполненіемъ натуральныхъ повинностей [3]). На сѣверо-западѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ мы видѣли, образовалась жизнь промышленно-торговая. Но не всѣмъ была удача, не всѣ были равно предпріимчивы, и вотъ вокругъ немногихъ сильныхъ и богатыхъ торговыхъ фирмъ, какъ Борецкіе и др., образовываются толпы подручныхъ людей, приказчиковъ, управителей факторій, слугъ и затѣмъ просто голытьбы, черни, худшихъ людей — очень схожихъ съ тою сволочью римскихъ гражданъ, которая служила въ Римѣ такимъ ужаснымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ энергичныхъ предводителей [4]). Положеніе окраинъ, благодаря централизаціи управленія и законодательства въ Новгородѣ, было также очень невысоко, сравнительно со старѣйшимъ городомъ [5]). На сѣверо-востокѣ, въ

---

[1]) Ст. 102, Тр. сп.

[2]) П. Н. Милюковъ, op. cit., стр. 65 и сл.

[3]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, op. cit., стр. 139.

[4]) Н. И. Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства. Спб. 1863, т. II, стр. 19 и слѣд.

[5]) В. И. Сергѣевичъ, „Юр. Др.“, I, стр. 5 и сл.

центральной Россіи, сельское населеніе, въ первые вѣка исторической жизни свободное и независимое, жило вблизи мирныхъ финскихъ населеній, ихъ постепенно ассимилировало, и, благодаря дикому краю, богатому естественными сокровищами, дичью, пчелами, звѣрями и т. п., не знало экономическаго гнета. Это были смѣлые, энергичные люди „Рязаньци, суровіи человѣци и свѣрѣпіи и высокоумьльвіи люди суще...“ [1]), говоритъ новгородскій лѣтописецъ про этихъ независимыхъ и грубыхъ жителей сѣверо-востока. Новгородцы понимали и любили веселыхъ и рыцарственныхъ князей южной Руси, яркими представителями которыхъ были оба Мстислава [2]), но и кіевляне смотрѣли на восточныхъ суздальцевъ и рязанцевъ какъ на людей необразованныхъ, мужиковъ: это были двѣ культуры, взаимно противоположныя. Татарское нашествіе уничтожило жизнь въ Приднѣпровьѣ. Культурная жизнь заглохла на много лѣтъ, чтобы развиться вновь подъ сѣнью чужого, враждебнаго латинства. Жители ушли частью на сѣверъ, частью на западъ, въ Галицію. Новгородъ и Псковъ, свободные отъ татарскаго погрома, на время ушли въ свою собственную жизнь и въ борьбу за русскую землю съ западными врагами, которые подъ сѣнью кроваваго латинскаго креста стремились удовлетворить свою жажду наживы. Они вынесли на себѣ всю тяжесть этой страшной германской волны, которая разбилась и отхлынула отъ твердынь Пскова и Вильны и разсѣялась у устья Невы. Вліять на дѣла восточной Руси Новгородъ въ то время не могъ. Да и у князей Суздальско-Владимірскихъ была въ рукахъ полная возможность заставить Новгородъ ихъ не безпокоить и даже ихъ слушать. Это хлѣбъ. Мы видѣли, что у Новгорода не хватало своего хлѣба. Стоило восточно-русскимъ князьямъ закрыть водную систему, по которой везли хлѣбъ въ Новгородъ, и новгородцы гибли отъ голода. Это средство не разъ съ успѣхомъ примѣняли Андрей Юрьевичъ, Всеволодъ Юрьевичъ и его преемники [3]). Русская культура,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XVI (лѣтопись Аврамки), стр. 94—95, подъ 6879 (1371).

[2]) Костомаровъ, op. cit., т. I, стр. 88 и слѣд.

[3]) Костомаровъ, op. cit., т. I, стр. 114.

православіе и государственность сохранились въ борьбѣ съ татарами благодаря восточно-русской землѣ. Эта борьба, въ связи съ предыдущимъ характеромъ, выработаннымъ въ независимой земледѣльческой жизни на краю тогдашняго цивилизованнаго міра, послужили основаніями для соціальнаго строя московскаго государства. Мы знаемъ, что старые города Ростовъ и Суздаль очень скоро потеряли свое значеніе старѣйшихъ, главныхъ городовъ [1]). Затѣмъ настала очередь и Владиміра, и исторія XIV и первой половины XV в. сосредоточивается въ Москвѣ, Рязани и Твери—городахъ новыхъ (мы не говоримъ здѣсь пока о Литовскомъ в. княжествѣ, а о Новгородѣ и Псковѣ сказано выше). Государственная жизнь начинаетъ здѣсь нуждаться, главнымъ образомъ, не въ воинахъ, а въ чиновникахъ и дипломатахъ. Дѣла съ ордою требуютъ пока не военной силы, а ума и хитрости, а также и денегъ. Населеніе, пораженное ужасомъ предыдущихъ набѣговъ орды, какъ напуганное стадо тискалось около своего пастыря: оно забыло о своихъ вольностяхъ, боясь лишь неволи татарской. Одержавшее верхъ въ борьбѣ съ Тверью и Рязанью, Московское государство съумѣло превосходно воспользоваться такимъ положеніемъ вещей. Путемъ духовной проповѣди оно стремилось распространить въ народѣ идею богоустановленности власти [2]). Событія показали людямъ, что только за сильнымъ Московскимъ государемъ можно жить не боясь татаръ и нѣмцевъ. Къ Москвѣ потянулись вольные слуги отъ другихъ князей. Они шли даже съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ своихъ вольностей. На мѣсто вольныхъ слугъ становятся чиновники. Бояре вмѣсто того, чтобы быть лучшими въ экономическомъ положеніи людьми, становятся чиновниками же. Всѣ классы общества подѣлены по степени ихъ пользы для фиска. Всякій несетъ свое тягло. Всякій приноситъ крупицу въ общую сокровищницу Москвы. И такъ какъ эта сокровищница служитъ на борьбу за народность и православіе, то не было и противодѣйствій, сколько-нибудь значительныхъ, такому порядку ве-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 16 и слѣд.

[2]) М. А. Дьяконовъ, „Власти Московскихъ государей". Спб. 1889, passim.

щей. Такъ создалось въ Москвѣ раздѣленіе классовъ общества на сословія съ предоставленіемъ каждому чину своей чести, своихъ правъ и наложенія на нихъ спеціальныхъ обязанностей. Съ покореніемъ Новгорода и Пскова это было распространено и на эти города.

Успѣхъ этой организаціонной дѣятельности Московскихъ государей, по справедливому замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина [1]), произошелъ оттого, что „князь и народъ и хотѣли одного, и думали одинаково". Несомнѣнно также, что на дальнѣйшее взаимное положеніе сословій и на выработку юридическихъ регламентацій играло весьма большую роль и экономическое положеніе государства и населенія [2]). Мы на этомъ здѣсь подробнѣе останавливаться не будемъ, далѣе, при очеркѣ дѣеспособности лицъ, принадлежавшихъ къ тому или иному сословію, мы не преминемъ вернуться къ этому вопросу. Здѣсь же скажемъ еще лишь слѣдующее. Положеніе сельскаго населенія и горожанъ, словомъ, всѣхъ производителей страны, требовало въ тяжелую эпоху татарскаго владычества твердой и сильной власти, которая ихъ охраняла бы отъ враговъ внѣшнихъ (татаръ, нѣмцевъ, литовцевъ, а сперва и тверичей и рязанцевъ), и препятствовала бы установиться въ областяхъ, колонизованныхъ и окультуренныхъ народомъ, и утвердиться кіевской аристократіи и новгородскому патриціанству. Духовенство, всегда на Руси очень близкое къ народу [3]), помимо этихъ цѣлей, имѣло еще въ виду охрану православія. Вольные слуги сами невольно помогали этому, видя въ возвышеніи Москвы (а также въ свое время Твери и Рязани) выгоду для себя, ища службы у богатаго князя, гдѣ разсчитывали на хорошее кормленье и жалованье [4]). Разъ утвердившись, Московская государственная власть съумѣла подчинить себѣ князей удѣльныхъ, заневолить вольныхъ слугъ путемъ крестоцѣловальныхъ записей и рядомъ энергичныхъ мѣръ. При этомъ вѣрные слуги щедро жаловались помѣстьями и кормленьями.

---

[1]) „О колонизаціи великорусскаго племени" (Ж. М. Н. Пр. 1867, іюнь, стр. 776—784).

[2]) П. Н. Милюковъ, op. cit., стр. 81 и сл.

[3]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., II, в. II, стр. 514.

[4]) Ibid., I, стр. 343 и слѣд.

Помимо идеи, было выгоднѣе быть вѣрнымъ. Извѣстнаго рода приниженное положеніе народной массы было вызвано ея обѣднѣніемъ, ростомъ населенія, недостаткомъ свободныхъ земель. Люди смѣлые и энергичные шли въ казаки или колонизировали крайній сѣверо-востокъ. Остальные брали въ аренду помѣщичьи и монастырскія земли, поступали подъ покровительство сильныхъ землевладѣльцевъ. Къ этому присоединилась задолженность. Для крѣпостного права оставался всего одинъ шагъ. Таковы были, по нашему мнѣнію, бытовыя условія развитія соціальнаго различія между классами домонгольной Руси и въ Московскомъ государствѣ. Теперь намъ надо приступить къ вопросу о томъ, въ какія юридическія рамки они вылились, словомъ, разсмотрѣть соціальныя условія дѣеспособности по русскому допетровскому праву.

I. Холопы.

§ 13. Русское право, какъ и всякое другое, на ранней ступени своего развитія знало различіе свободныхъ и несвободныхъ людей. Всѣ дошедшіе до насъ историческіе и юридическіе памятники, отъ какой бы ранней эпохи они ни были, уже встрѣчаются съ явленіемъ рабства [1]). Несмотря на вообще безправное положеніе рабовъ, они не могутъ быть разсматриваемы лишь какъ объекты права, а должны быть помѣщены и въ отдѣлѣ субъектовъ гражданской сдѣлки [2]). Съ этой послѣдней точки зрѣнія намъ слѣдуетъ выяснить представлялъ ли рабъ personam или нѣтъ. Въ какомъ отношеніи стояла его дѣеспособность (буде таковая была) къ имѣющейся у него въ небольшомъ размѣрѣ правоспособности. И, наконецъ, какой былъ эффектъ заключенной имъ сдѣлки.

Проф. В. И. Сергѣевичъ совершенно справедливо замѣчаетъ [3])... „исходя изъ мысли, что рабъ есть собственность, предки наши не могли же не замѣчать, что есть разница между собствен-

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 97 (изд. 2). М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. Спб. 1900, стр. 380.

[2]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, op. cit., стр. 380 и слѣд. В. И. Сергѣевичъ. Русск. Юр. Др., I, стр. 101 (изд. 2).

[3]) Loc. cit.

ностью человѣкомъ и всякой другой собственностью"... И дѣйствительно, мы уже съ очень ранняго времени замѣчаемъ, что жизнь раба, хотя и очень слабо, но охраняется. У него очень рано даже появляется своя „честь". По древнѣйшей Русской Правдѣ полагается пеня за убійство холопа [1]). Правда, это не за всѣхъ холоповъ. Вообще же по Русской Правдѣ еще убійство холопа разсматривается, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія имущественнаго вреда, причиненнаго его господину.

„А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть но аже будетъ безъ вины убьенъ то за холопъ урокъ заплатити или за робу а князю 12 гривнѣ продаже". (Калачевъ LXXXIV) [2]).

Такой характеръ этой статьи особенно ясно обрисовывается изъ сравненія съ слѣдующимъ мѣстомъ Русской Правды:

„А о оже уведеть чюжь холопъ либо робу платити ему (очевидно уведшему) за обиду 12 гривнѣ. А князю продаже 12 гривне а челядинѣ или украдше или уведенъ есть". (ibid. CVII) [3]).

Эта послѣдняя статья стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи со статьями Русской Правды, назначающей наказанія за покражу коня, овцы и т. п. [4]). Но нѣкоторые виды холоповъ охраняются по Русской Правдѣ такъ же, какъ и свободные, путемъ пени или виры. Именно княжій отрокъ, поваръ, тиунъ домашній (управитель) и конюшій, сельскій тиунъ княжескій и обыкновенный княжескій холопъ [5]). На то, что тутъ, вопреки вышеприведенному общему положенію, рѣчь идетъ не объ убыткахъ, а о вирѣ, указываетъ то, что эти статьи помѣщены сейчасъ же послѣ статьи, указывающей на вознагражденіе вирнику, а также, то, что они перемѣшаны со статьями о вирѣ за убійство ремесленника и смерда. За ними непосредственно слѣдуетъ опять статья о поклепной вирѣ. Проф. В. И. Сергѣевичъ говоритъ [6])

---

[1]) Ак. ст. 21, 22, 23 и 24. Ср. Кар. 13, 14 (Влад.-Буд. Хрест., I, стр. 30 и 39).

[2]) „Предв. юридич. свѣд. для полнаго объясненія Русской Правды". I. Спб. 1880, стр. 183—184.

[3]) Ibid., стр. 196—197.

[4]) Ibid., №№ CVIII, CIX, стр. 197—198. Ср. В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др., I, стр. 100—101.

[5]) Кар. ст. 9, 10, 11 (Владим.-Будановъ. „Хрест.", I, стр. 39).

[6]) Юр. Др., I, стр. 100.

сперва, что приведенныя статьи составляютъ оцѣнку рабовъ, т.-е. размѣръ „урока“, смотря по пользѣ раба. Но далѣе онъ же соглашается [1]), что „за убійство нужныхъ имъ людей князья могли карать, какъ хотѣли“. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ приведенныхъ статьяхъ рѣчь шла о княжескихъ и боярскихъ рабахъ, несшихъ очень часто оффиціальныя государственныя обязанности [2]), и вѣроятно вира за ихъ убійство назначена именно въ соотвѣтствіи съ ихъ государственнымъ значеніемъ.

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ для выясненія этого противорѣчія признаетъ, что и смердъ и ремесленникъ не могли также быть объектами преступленія [3]). Позднѣе мы увидимъ совершенную произвольность такого рода толкованія. Но какъ бы то ни было, вообще, по Русской Правдѣ, жизнь раба охраняется не столько по отношенію къ нему самому, сколько по отношенію къ той пользѣ, которую онъ приноситъ. Таково было законоположеніе. Но de facto онъ и въ этомъ случаѣ охранялся сильнѣе. По крайней мѣрѣ церковь съ очень раннихъ временъ, сейчасъ послѣ принятія христіанства, выступила на защиту рабовъ, и не только отъ смерти, но и отъ жестокаго обращенія. Напр., въ Изборникѣ Святослава 1076 г. говоритъ Ксенофонтъ дѣтямъ: „и въ работѣ сущая, акы своя чады любита, и уныя милуя и старыя свободы съподобита, пищу имъ до съмрьти дающа“. Въ поученіяхъ св. Луки и митрополита Іоанна требовалось отъ господъ давать рабамъ достаточное содержаніе, регулировалось право наказанія „а больше 30 ранъ не велитъ“ [4]). Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Русской Правдѣ, представляющихъ собою прямыя заимствованія изъ греко-римскаго права [5]), сказано [6]): „Аще кто біетъ раба своего или рабу свою жезломъ, а умретъ отъ руку

---

[1]) Ibid., стр. 123.

[2]) Ibid., стр. 119—122.

[3]) „Хрестом.“, I, стр. 39, пр. 17.

[4]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр. К. 1900, стр. 400. О дѣятельности духовенства въ этомъ духѣ въ Византіи см. Финлей „Греція подъ Рим. влад.“. М. 1877, стр. 138—139 и примѣч.

[5]) Ср. Р. И. Б. VI, 124.

[6]) П. С. Р. Л., т. XVI. Лѣтопись Аврамки. Спб., 279—300.

его, судомъ да ся мьстить. Аще ли пребудетъ день или два, да не митъ: свое бо есть имѣніе". Тутъ запрещается убивать раба. Но смерть, хотя и произошедшая отъ побоевъ, не вмѣняется въ вину, такъ какъ господинъ имѣетъ право бить раба. Честь раба начинаетъ охраняться закономъ лишь съ Судебника 1550 г. Но мы имѣемъ свидѣтельства, что на незаконное сожительство съ рабою наше законодательство и церковь смотрѣли иначе, чѣмъ на сожительство съ иновѣрцами. Именно, мы имѣемъ свидѣтельство, что цѣломудріе рабыни если не охранялось, это было бы слишкомъ много для того времени, то во всякомъ случаѣ, будучи нарушено, влекло нѣкоторыя непріятныя послѣдствія для нарушителя и возмѣщенія въ пользу ея. Именно въ ст. 110 Карамзинскаго сп. Русской Правды [1]) мы читаемъ:

„Аще боудоуть робьи дѣти оу моужа, то задници имъ не имати; но свобода имъ (съ) матерью".

Это же подтверждается и въ уставѣ вел. кн. Всеволода 1125—1136 г. „о церковныхъ судѣхъ и людехъ и мѣрилѣхъ торговыхъ", гдѣ кромѣ того указывается, что освобожденные вмѣстѣ съ матерью „робичичи" (дѣти рабы) получаютъ коня, доспѣхи и покруть, т.-е. первоначальное обзаведеніе [2]).

Но первое спеціальное огражденіе чести рабы мы встрѣчаемъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII в. (1195) [3]).

„Оже кто рабу поверьжеть насильемъ, а не соромитъ, то за обиду гривна, пакыли соромитъ, собѣ свободна" (ст. 14).

Приблизительно то же постановленіе повторяется и въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича 1229 г. съ Ригою, Готландомъ и Нѣмецкими городами [4]).

„Аже насилуетъ робѣ, а боудоутъ на него послоуси, дати емоу гривна серебра. Такова правда взята Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомъ березѣ" (ст. 19).

Далѣе, нѣкоторымъ шагомъ, въ смыслѣ болѣе гуманнаго отношенія къ холопамъ, должно указать на извѣстную ст. 76

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, „Хрест.", I, стр. 73.

[2]) Ibid., стр. 231 и прим. 29.

[3]) Владим.-Буд., Хрест., I, стр. 96. Ср. В. И. Сергѣевичъ Юр. Др., I, стр. 113—114.

[4]) Владим.-Буд., Хрест., I, стр. 104.

Кар. Списка Русской Правдѣ (Тр. 58). Она даетъ исторію нѣкотораго смягченія участи виновнаго раба [1]).

„Аже холопъ оударитъ свободна моужа, а убѣжитъ въ хоромы, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господиноу 12 гривенъ; а за тѣмъ аще гдѣ налѣзеть оудареный то своего исца, который его оударить, и Великыи князь то Ярославъ Володимеричь былъ оуставилъ оубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны, или взяти, или бити развязавъше, или взяти гривна коунъ за соромъ".

Сущность этой статьи заключается въ томъ, что наслѣдники Ярослава запретили самовольное убійство холопа-оскорбителя со стороны оскорбленнаго, замѣнивъ это выкупомъ или тѣлеснымъ наказаніемъ. Но въ подробностяхъ эта статья вызвала многіе комментаріи и, по замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича, „до сихъ поръ еще не нашла себѣ удовлетворительнаго объясненія" [2]). Именно, что касается интересующаго насъ здѣсь вопроса о судьбѣ холопа, должно указать, что мы присоединяемся вполнѣ къ толкованію проф. В. И. Сергѣевича, который говоритъ [3]): „Безспорно, что рабъ можетъ быть безнаказанно убитъ за вину, это допускаетъ статья 84-я. Также считаемъ безспорнымъ, что обиженный не всегда убивалъ раба и между прочимъ потому, что рабъ иногда успѣвалъ скрыться". Ярославъ на мѣсто самовольнаго убійства установилъ смертную казнь. Сыновья же замѣнили ее тѣлеснымъ наказаніемъ [4]).

Таковы были первые проблески признанія за рабами человѣческаго достоинства. Въ дальнѣйшемъ развитіи нашего права мы замѣчаемъ и въ законодательныхъ памятникахъ болѣе опредѣленныя правила, гарантирующія жизнь раба отъ произвола господина, да и на практикѣ, насколько это можно судить по литературнымъ памятникамъ, установился (вѣрнѣе укрѣпился) сравнительно гуманный взглядъ на холопа. Такъ, напр., въ Двинской уставной грамотѣ [5]) сказано:

---

[1]) Ibid., стр. 61—62.

[2]) Юр. Др., I, стр. 105.

[3]) Ibid., стр. 107—108. Тамъ же на стр. 105—110 приведены комментаріи Б. Н. Чичерина и М. Ф. Владимірскаго-Буданова и ихъ критика.

[4]) О выраженіи „бить развязавши" см. ibid, стр. 109.

[5]) Владимірскій-Будановъ, „Хрест.", I, стр. 129.

„А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа, или рабу, и случиться смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ“ (ст. 11).

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ комментаріи къ этому мѣсту справедливо замѣчаетъ [1]): „Убіеніе холопа стороннимъ лицомъ есть преступленіе; убіеніе его хозяиномъ (неумышленное) не наказуется; объ умышленномъ законъ молчитъ, предполагая, что всякій собственникъ дорожитъ своими вещами“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый замѣчаетъ [2]), что по способу выраженія, въ Двинской уставной грамотѣ „убійство холопа считалось грѣхомъ, или же, что непредумышленное (огрѣшится—ошибется) убійство его не карается штрафомъ. Во второмъ случаѣ спеціальное упоминаніе объ отсутствіи штрафа за непредумышленное убійство холопа заставляетъ думать о существованіи штрафа за намѣренное убійство его“.

Въ Духовныхъ поученіяхъ XV и первой половины XVI в. мы постоянно встрѣчаемъ наставленіе быть милостивыми къ рабамъ [3]). Напр., Іосифъ Волоцкій говоритъ: „отъ божественныхъ писаній, како повелѣваютъ не яко раби имѣти, но яко братію миловати“ [4]). Въ Домостроѣ попа Сильвестра мы также встрѣчаемъ совѣтъ быть милостивымъ къ холопамъ [5]). Соотвѣтственно этому и въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича и въ послѣдующихъ указахъ, и въ Судебникѣ царя Ѳеодора Ивановича, въ указахъ XVII в. и наконецъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича мы находимъ постоянное отношеніе къ рабу какъ къ человѣку, лишь пораженному ограниченіемъ правоспособности. Мы не станемъ здѣсь приводить подробно статьи указанныхъ законодательныхъ памятниковъ по данному предмету, такъ какъ, съ одной стороны, они подробно изложены у В. И. Сергѣевича [6]) и М. Ф. Владимірскаго-Буда-

---

[1]) Ibid., стр. 129, пр. 20.

[2]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 399—400. Ср. В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др., I, стр. 133 (изд. 2-е).

[3]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 114

[4]) Ibid.

[5]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 400.

[6]) Юр. Др., I, стр. 113—116 и 122—123.

нова [1]), а съ другой стороны, насъ интересуетъ личная правоспособность рабовъ лишь постольку, поскольку она служитъ основаніемъ или объясненіемъ ихъ имущественной правоспособности. Остановимся лишь на новомъ памятникѣ, Судебникѣ 1589 г., тѣмъ болѣе, что постановленіе его возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Именно въ ст. 137 его сказано [2]):

„А по госдрву указу по робе холопъ, а по холопе робы нетъ".

Проф. В. О. Ключевскій [3]) указываетъ, что эта статья была попыткой измѣнить существовавшую обычную и узаконенную норму, что по рабѣ холопъ и по холопу раба, и попытку неудавшуюся. „Предстоитъ", говоритъ онъ, „выяснить, какими соображеніями былъ внушенъ и почему не удался этотъ указъ, по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ ли онъ хотя нѣкоторое время". С. К. Богоявленскій, которому наука обязана отысканіемъ этого памятника, только замѣчаетъ слѣдующее [4]): „Въ ней (въ этой статьѣ) мы находимъ неожиданную новость:... нельзя думать, что это описка, такъ какъ далѣе мы не находимъ повторенія фразы стараго Царскаго Судебника „а по холопѣ раба" (ст. 76 Царскаго Судебника). Составитель Судебника указываетъ и на то основаніе, по которому онъ рѣшился занести это нововведеніе—царскій указъ". Позволимъ себѣ привести посильную догадку по двумъ вопросамъ, намѣченнымъ В. О. Ключевскимъ. Во-первыхъ, по какому указу было введено это новое правило? Намъ кажется, что по указу 1586 г. Именно, это былъ недошедшій до насъ указъ, регламентировавшій по новому способы укрѣпленія холопства [5]). Мы приходимъ къ этому выводу на основаніи слѣдующихъ соображеній: дошедшій до насъ указъ 105 г. (1593 г.) между прочимъ говоритъ [6]):

„А которые люди, до государева царева и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи уложенья, въ прошлыхъ годѣхъ, до лѣта 7094 году іюня до 1 числа, били челомъ въ службу

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.". К. 1900, стр. 397—406.
[2]) „Сборн. Мат. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., VII, М. 1900, стр. 37—38.
[3]) Ibid., стр. XV.
[4]) Ibid., стр. XII—XIII.
[5]) Владимірскій-Будановъ, „Хрест.", III, стр. 88, пр. 3.
[6]) Ibid., стр. 89—90.

боярамъ и дворянамъ и т. д.... а въ книгѣ тогда, въ Приказѣ холопья суда, тѣ служилые кабалы не писаны; и которые люди, съ государева царева и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи уложенья, лѣта 7094 году іюня съ 1 числа, били челомъ въ службу... и кабалы служилые на себя давали на Москвѣ съ докладу Холопья Суда и во всѣхъ городахъ съ вѣдома приказныхъ людей... и которые люди впредь съ лѣтъ 7105 году февраля съ 1 числа били челомъ въ службу и впредь учнутъ бити челомъ въ службу... и тѣмъ всѣмъ людемъ, и женамъ и дѣтемъ, и которые жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ своимъ, по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ, а отъ государей своихъ имъ не отходити". Такимъ образомъ былъ особый указъ 1 іюня 1586 г., регламентировавшій условія поступленія въ холопство и постановившій, чтобы кабалы записывались на Москвѣ въ Приказѣ Холопьяго Суда, а въ другихъ городахъ у приказныхъ людей. Имъ были введены кромѣ того нѣкоторыя особыя нормы. Именно, въ указѣ 105 года говорится [1]): „И которые люди служатъ въ холопствѣ у бояръ, и у князей, и у дворянъ, и у приказныхъ людей, и у дѣтей боярскихъ и у всякихъ служилыхъ людей и у гостей и у всякихъ торговыхъ людей, по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ, полные люди: и тѣ люди, и жены ихъ и дѣти, въ холопствѣ тѣмъ своимъ государемъ и ихъ дѣтямъ, по прежнему государеву уложенью по Судебнику". Ничего новаго, сравнительно съ укоренившимся взглядомъ на холопство въ связи съ бракомъ холопа, этотъ указъ 105 г. не вводитъ. Слѣдовательно, по указу 94 г. было какое-либо измѣненіе господствующей нормы, которая этимъ указомъ 105 г. возстановилась. Поэтому этотъ пунктъ вызвалъ нѣкоторое недоумѣніе профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, который, комментируя его, говоритъ [2]), что указъ постановляетъ, что „на женъ и нисходящихъ полнаго холопа не нужно брать новыя крѣпости" (иначе трудно объяснить включеніе въ этомъ законѣ такой общеизвѣстной тогда нормы).

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Хрест.", III, стр. 88.
[2]) Ibid., стр. 88—89, пр. 5.

Но по этой общеизвѣстной нормѣ именно и не требовалось брать особыхъ крѣпостей на женъ холоповъ—ибо „по холопѣ роба“ [1]). Но дѣло въ томъ, полагаемъ мы, что этимъ-то указомъ 1586 г. и было введено правило „по холопѣ не раба“, которое и было введено въ ст. 137 проекта Судебника 1589 г. Норма эта, очевидно, заставляла господъ, желавшихъ, чтобы жены ихъ рабовъ (буде они не рабы) стали ихъ рабами, брать на нихъ особыя крѣпости, что они могли дѣлать и de jure и de facto, такъ, они могли не позволить иначе брака своему холопу [2]). Существовала эта норма до 1593 г., когда приведеннымъ указомъ 105 г. и была отмѣнена, съ возстановленіемъ прежней нормы. Затѣмъ должны мы сдѣлать по поводу ст. 137 и этой нормы слѣдующія замѣчанія. Она, въ сущности, не являлась чѣмъ-то совершенно идущимъ въ разрѣзъ съ тенденціями государства. Какъ въ правѣ крѣпостномъ, по отношенію къ укрѣпленію крестьянъ (мы это увидимъ ниже), правительство санкціонировало и регламентировало запрещеніе вывода и вызова крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, прежде всего по отношенію къ чернымъ, государевымъ крестьянамъ, обративъ вниманіе, что отъ перехода черныхъ крестьянъ на владѣльческую землю страдаетъ фискъ [3]), такъ и въ вопросахъ о способахъ укрѣпленія холоповъ правительство всегда блюло свои интересы. Оно было очень озабочено, чтобы брались узаконенныя пошлины какъ съ лицъ, поступившихъ въ холопы, такъ и съ освобождаемыхъ отъ рабства [4]). Поэтому правительство врядъ ли было довольно, если лица, несшія то или иное тягло, поступали въ холопы. Въ XVII вѣкѣ мы видимъ уже, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не по холопу раба, а наоборотъ, свободная жена освобождала и мужа, заставляя

---

[1]) „В. Суд.“, ст. 76, ibid., II, стр. 163.

[2]) Конечно, до указа Царя Василія Шуйскаго. Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 120—121 (изд. 2-е).

[3]) Лаппо-Данилевскій, „Прямое облож. въ Моск. госуд. въ XVI и XVII в.“ Спб. 1888.

[4]) См. ст. ст. 16, 17, 18, 42. 43 Судебн. 1497; ст. ст. 34, 35, 40, 63, 65, 66, 77. Суд. 1550 г. и ст. ст. 81, 82, 83, 88, 139. Суд. 1589 г. Владим.-Будан. „Хрест.“, II, стр. 87—88, 98, 135, 137, 154—155, 164. Сб. М. Г. Арх. М. И. Д. VII, стр. 24—25, 38.

его лишь сѣсть въ тягло [1]), а съ другой стороны, иногда и мужъ освобождалъ жену-рабу, лишь съ обязательствомъ уплатить выводную плату въ 50 рублей [2]). Согласно мнѣнію И. Забѣлина [3]), часть этихъ статей Уложенія новыя, послѣднее же правило взято изъ указа 7069 г. (1561 г.). Мы имѣемъ нѣсколько указовъ отъ этого времени, два изъ нихъ касаются холоповъ, но между ними не имѣется подобнаго правила. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ замѣчаетъ, что источниками для составленія XX ч. Уложенія служили записныя книги вѣдомствъ казначеевъ и Приказа Холопьяго Суда [4]), но это Уложеніе полнѣе ихъ и даетъ основаніе полагать, что многіе указы до насъ не дошли. Здѣсь мы имѣемъ подобные же случаи. Во всякомъ случаѣ мы можемъ констатировать, что и юридическое положеніе личной правоспособности холоповъ было совсѣмъ не такъ принижено, какъ этого можно было ожидать по существу предмета. М. Ф. Владимірскій-Будановъ совершенно справедливо говоритъ [5]): „относительно правоспособности холоповъ такъ же, какъ и относительно правъ на нихъ господина, въ нашихъ памятникахъ замѣчается двойственность. По однимъ источникамъ, опредѣляющимъ юридически положеніе холоповъ, послѣдніе лишены всякой правоспособности; по другимъ же, говорящимъ о фактическомъ положеніи ихъ, они являются надѣленными нѣкоторыми правами". Это особенно ясно сказывается, какъ мы сейчасъ увидимъ, по отношенію къ ихъ имущественнымъ право- и дѣеспособности.

§ 14. Нормально, особенно въ современномъ правѣ, гдѣ мы не знаемъ лицъ совершенно лишенныхъ правоспособности, мы встрѣчаемъ такое взаимное отношеніе право- и дѣеспособности, при которомъ вторая ограниченнѣе первой. И по старому праву, какъ мы видѣли по отношенію къ полу, возрасту, физическимъ недостаткомъ, ограниченію подлежитъ главнымъ

---

[1]) Уложеніе XI, 17—18, XIX, 38.

[2]) Ibid. XX, 27. Ср. Владим.-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр." К. 1900, стр. 384.

[3]) „Свѣд. о подлин. улож.", „Арх. истор. юр. св." Калачова, 1876, 2-е изд. т. I, отд. II, стр. 18—20.

[4]) „Обзоръ", стр. 241—242, пр. 1.

[5]) „Обзоръ ист. русск. пр." К. 1900, стр. 397.

образомъ упражненіе своей правоспособности, т.-е. дѣеспособность. И по современому праву какъ русскому, такъ и другихъ европейскихъ народовъ, встрѣчаемъ совершенно то же самое явленіе. Это аксіома, не требующая доказательствъ: дѣеспособность предполагаетъ правоспособность. При изученіи юридическаго положенія холоповъ по старому русскому праву мы встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе: ихъ дѣеспособность несравненно шире ихъ правоспособности. Интересно, что это явленіе не исключительно русское, а общее, касающееся всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ рабство; мы сейчасъ приведемъ тому доказательство. Здѣсь же скажемъ, что на эту сторону вопроса, сколько намъ извѣстно, еще не обращали должнаго вниманія.

По римскому праву рабъ не былъ persona. Онъ не имѣлъ capitis. „Servus autem manumissus capite non minuitur, quia nullum caput habuit“ [1]). Они не имѣютъ индивидуальнаго различія по правамъ „In servorum condicione nulla differentia est“ [2]). Но въ то же время рабъ принималъ постоянное участіе въ гражданскомъ оборотѣ, являясь весьма часто одною изъ сторонъ въ гражданскихъ сдѣлкахъ. Э. Кунце говоритъ [3]): „рабы были машинами того времени... рабы служили въ качествѣ способа заключать договоры (Contrahirungsinstrumente) при гражданскомъ оборотѣ... и рабъ не былъ только сообщателемъ (nuntius) вмѣсто письма, но лично договаривающимся представителемъ господина“. Послѣдствія пекуліарныхъ отношеній отражаются на рабѣ: производя какую-либо торговлю или ведя какое-либо дѣло пекуліарно, онъ при освобожденіи лично за него отвѣчаетъ, онъ признается бывшимъ дѣеспособнымъ лицомъ „Pomponius et eum, qui in servitute peculiaria mancipia prostituta habuit, notari (infamiia) post libertatem ait“ [4]), очевидно, даже въ томъ случаѣ, если послѣ освобожденія рабъ уже не продолжаетъ этого позорнаго дѣла. Общеизвѣстны случаи участія рабовъ въ гражданскомъ оборотѣ. Правда, если рабъ дѣйствовалъ отъ имени господина,

[1]) 4. J. de cap. minutione, I, 16.
[2]) 4. J. de jur. person, I, 3.
[3]) „Excurse über Röm. R. Leipz. 1880. S. 573.
[4]) 4, 3, D. (De his qui notantur infamia), III, 2.

то онъ настолько становился его alter ego, что могъ совершить самъ по отношенію къ себѣ manumissio и отчужденіе [1]). Но если рабъ дѣйствуетъ не по прямому порученію господина, то для эффекта гражданской сдѣлки „nihil interest, sibi an domino an vero sine alterutra eorum adjectione dari stipuletur“ [2]). „Si servus rei publicae vel municipii vel coloniae stipuletur, puto velere stipulationem“ [3]). Такимъ образомъ, рабъ являлся по Юстіанову законодательству дѣеспособнымъ: онъ заключалъ гражданскія сдѣлки, онѣ были дѣйствительны; но онъ все же былъ не правоспособенъ: „sive mihi, sive sibi, sive conservo suo sive impersonaliter dari servus meus stipuletur, mihi adquiret“ [4]). Для самого раба возникала, и то подъ вліяніемъ juris gentium, лишь obligatio naturalis по заключеннымъ имъ сдѣлкамъ, при чемъ освобожденіе раба не мѣняло характера этого обязательства, влеча за собою, въ случаѣ obligationes ex delicto, actionem [5]). Историческія объясненія такому порядку вещей легко найти, и они намѣчены въ цитированныхъ экскурсахъ Кунце [6]). Юридическая же конструкція такого положенія вещей можетъ быть лишь слѣдующая: при гражданской сдѣлкѣ не важно, контрагируетъ ли рабъ или свободный. Контрагируетъ лицо ведущее торговлю, промышленное предпріятіе и гарантирующее свой контрактъ этимъ предпріятіемъ. Вмѣстѣ съ peculium'омъ, такъ же какъ съ mandat'омъ, конституируется persona раба. Такъ, въ Россіи, въ текущемъ столѣтіи, крѣпостной крестьянинъ Шереметева, ведшій многотысячную торговлю на Невскомъ, вступалъ въ гражданскія сдѣлки не въ качествѣ лица alieni juris, а по торговому свидѣтельству. Для контрагентовъ non interest получитъ ли рабъ выгоду отъ сдѣлки лично для себя или господина. Ихъ же убытки обезпечиваются правомъ иска къ

---

[1]) 40 D. (de stipul. servorum), XXXXV, 3.
[2]) 1 pro D. ejusdem.
[3]) 3, D. ejusdem.
[4]) 15 D. ejusdem.
[5]) Ad. Schmidt. „Die Persönlichkeit der Sklaven“. 1868. S. 9—13. E. Kunze. „Cursus d. Röm. K.“. Leipz. 1879, § 748, S. 525.
[6]) „Excurse“. S. 573—574.

господину объ убыткахъ (actiones noxales)[1]). Что же касается до того, какое же значеніе могло имѣть волеизъявленіе раба въ сдѣлкѣ, то здѣсь должно различать три случая: А) рабъ заключаетъ сдѣлку bona fide и animo domine. По полученіи рабомъ договореннаго эквивалента, хозяинъ требуетъ сей послѣдній себѣ и отбираетъ. Это притязаніе господина ничего общаго со сдѣлкой не имѣетъ и является самостоятельнымъ юридическимъ дѣйствіемъ, нисколько не поражающимъ правъ противной стороны на ея эквивалентъ. Это аналогично тому, что у купца, отдавшаго вещь и получившаго деньги, затѣмъ ихъ крадутъ. Развѣ отъ этого сдѣлка не дѣйствительна? Откуда у раба является animus domini и на основаніи его bona fides? Очевидно на почвѣ бытового порядка вещей (Thatbestand), по обычаю, по привычкѣ, наконецъ, быть можетъ, по обѣщанію со стороны господина. Неисполненное рабомъ въ этомъ случаѣ обязательство влечетъ за собою искъ и вознаграждается изъ peculium'a. То, что произойдетъ затѣмъ у раба съ господиномъ, опять-таки ни сдѣлки, ни иска не касается. Убытки, превышающіе peculium, конечно, не вознаграждаются, если только не былъ со стороны раба dolus malus. (Въ этомъ случаѣ отвѣчаетъ господинъ). Они теряются, какъ теряются деньги, данныя въ кредитъ несостоятельному человѣку, свидѣтельствуя лишь о легковѣрности кредитора. Б) Рабъ заключаетъ сдѣлку явно отъ имени господина—конструкція договора довѣренности и В) Сдѣлка заключается рабомъ для господина, но безъ довѣренности и не явно на его имя—конструкція договора коммиссіи.

Совершенно то же самое мы имѣемъ и по отношенію къ болѣе новымъ бытовымъ и юридическимъ условіямъ средневѣковой Европы, гдѣ, кромѣ того, фактическое положеніе рабовъ еще смягчилось благодаря христіанству. Согласно Франкскому праву, рабы, какъ и у насъ на Руси, могли, въ качествѣ княжескихъ слугъ, исполнять функціи правительственныхъ чиновниковъ. Бывали при Меровингахъ графы изъ несвободныхъ[2]). Въ придворной гвардіи (Antrustiones), соотвѣт-

---

[1]) Ibid., S. 574.

[2]) Heinr. Brunner. „Deutsche Rechtsgeschichte", Leipz. 1892, II B., § 81, S. 169.

ствовавшей нашимъ отрокамъ, служили, между прочимъ, и рабы. А антрустіоны, какъ и отроки, исполняли часто правительственныя функціи [1]). Такія лица, понятно, пользовались и въ гражданскомъ правѣ, какъ матеріальномъ, такъ и формальномъ, преимуществами свободныхъ, смотря по желанію государя. Слуги епископа, слуги короля въ процессѣ имѣли право присягать, вопреки общему запрещенію присяги рабовъ по ея недѣйствительности [2]). Рабы могли имѣть свою собственность [3]). Совершенно соотвѣтственно нашимъ намѣстничьимъ тіунамъ рабы графа исполняли обязанность его помощниковъ [4]).

По русскому праву также внѣ сомнѣнія, что рабы могли имѣть свое имущество и въ случаяхъ конституціи ихъ личной правоспособности путемъ пекуліума или мандата, они являлись дѣеспособными участниками гражданскаго оборота. Давъ рабу пекуліумъ, сдѣлавъ его тѣмъ дѣеспособнымъ, господинъ отвѣчаетъ за него [5]):

„Оже кто поустить холопа въ торгъ, а должаеть, то выкупати его господину, а лишатися его нелзѣ“ (ст. 128 Кар.). Но если рабъ самостоятельно, безъ вѣдома господина, выступилъ на торговое поприще, то, во-первыхъ, онъ отвѣчаетъ за свои долги передъ своими контрагентами лишь въ случаѣ обмана, т.-е., если контрагенты не знали, что онъ рабъ. При этомъ отъ господина вполнѣ зависѣло, платить долги раба или отказаться отъ раба, уступивъ его самого кредитору [6]). Совершенно аналогично римскому праву все, что̀ рабъ добудетъ путемъ гражданской сдѣлки, составляетъ собственность господина [7]). „Оже холопъ бѣгая добоудеть товару, то господину холопъ и долги, господину и товаръ“. В. И. Сергѣевичъ вообще замѣчаетъ [8]): „Въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ запрещеній для раба имѣть собственность и вступать въ сдѣлки,

[1]) Ibid., § 71, S. 99.
[2]) Ibid., § 104, S. 390.
[3]) Ibid., S. 413, Anm. 12.
[4]) Ibid., S. 188.
[5]) Владимірскій-Будановъ, „Хрест.“, I, стр. 79.
[6]) Ст. 127 Кар. (ibid., стр. 79).
[7]) Ст. 130 Кар. (ibid., стр. 80), ср. выше стр. 65.
[8]) Юр. Др., I, стр. 118.

не нарушая правъ господина". При этомъ уважаемый авторъ совершенно справедливо отмѣчаетъ моментъ установленія право- и дѣеспособности рабовъ путемъ частнаго волеизъявленія ихъ господъ, ихъ „попущеніемъ" [1]). Мы видѣли, что совершенно то же было и въ Римѣ. Должно при этомъ замѣтить, что М. Ф. Владимірскій-Будановъ съ большимъ основаніемъ отмѣчаетъ сходство приведенныхъ ст. 127, 128 и 130 Карамзинскаго сп. Русской Правды съ правомъ Византійскимъ [2]).

По договору смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г. [3]):

„Аже латининъ дастъ княжю хълопоу въ заемъ, или инъмоу доброу челвкоу [4]), а оумрете не заплативъ, а кто емльть его остатъкъ, томоу платити немчиноу" (ст. 12).

Б. Н. Чичеринъ [5]) и М. Ф. Владимірскій-Будановъ [6]) полагаютъ, что эта статья является первымъ признаніемъ право- и дѣеспособности рабовъ, что она стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ Русской Правдой и объясняется тѣмъ, что ст. 127, 128 и 130 этой послѣдней составлены не согласно дѣйствительнымъ условіямъ тогдашняго быта, а представляютъ собою заимствованіе изъ греко-римскаго законодательства.

Съ своей стороны проф. В. И. Сергѣевичъ не видитъ здѣсь никакого противорѣчія [7]). Эта статья „предполагаетъ у рабовъ собственность, а не узаконяетъ собственности рабовъ. Это большая разница. Статья, собственно, ничего не вводитъ новаго, а отправляется лишь отъ существующаго: есть рабы, которые имѣютъ собственность, а потому они и вступаютъ въ сдѣлки отъ своего имени и передаютъ имѣніе свое наслѣдникамъ. Статья предполагаетъ эту практику и говоритъ: по обязательствамъ, заключеннымъ умершими рабами, отвѣчаютъ ихъ наслѣдники". Въ послѣднемъ изданіи своего курса М. Ф.

---

[1]) Ibid., стр. 123—124.

[2]) „Хрест.", I, стр. 102, пр. 19.

[3]) Ibid., стр. 101.

[4]) По указанію М. Ф. Влад.-Буд., loco cit., въ рижской редакціи того же договора вмѣсто „доброу челвкоу", поставлено „или боярьскоу".

[5]) „Опыты", стр. 149.

[6]) Op. cit., стр. 101—102, пр. 19.

[7]) Юр. Др., I, стр. 117.

Владимірскій-Будановъ возвращается къ этому предмету и говоритъ [1]), что по русской правдѣ рабъ не отвѣчаетъ за свои долги; „здѣсь (въ ст. 127 Кар. сп.) нѣтъ предположенія о порученіи холопу сдѣлки со стороны господина, ибо объ этомъ есть другая—слѣдующая—статья". Но почтенный ученый упускаетъ изъ виду, что здѣсь-то, въ ст. 12 Смоленскаго договора, именно предполагается, если не порученіе (о порученіи нѣтъ слова и въ ст. 128, которую цитируетъ проф. Владимірскій-Будановъ), то „попущеніе" господина. А это попущеніе, какъ по Юстиніанову законодательству, такъ и по Русской Правдѣ конституировало право- и дѣеспособность раба. Во всякомъ случаѣ внѣ сомнѣнія, что у холопа по древнѣйшимъ русскимъ юридическимъ памятникамъ могла быть своя „собина", какъ этотъ родъ имущественныхъ отношеній весьма характерно называется въ одной духовной 1562 г. [2]). Рабская собственность затѣмъ встрѣчается, какъ мы видѣли, въ договорахъ съ нѣмцами: князья московской эпохи раздаютъ рабамъ села и помѣстья [3]). Отдѣльное имущество встрѣчается у рабовъ и частныхъ лицъ [4]). В. И. Сергѣевичъ приводитъ „любопытный фактъ общаго займа господина съ его рабами" [5]). По Уложенію 1649 г. у рабовъ могли быть свои рабы. Именно: „А которые люди, бѣгаючи отъ всякихъ чиновъ людей, живутъ... за дворовыми людьми" (XX, 4). Уложеніе также констатируетъ фактъ, что часто на посадахъ дворовыми мѣстами и лавками владѣли холопы и запрещаетъ это, при чемъ запрещеніе мотивируется не тѣмъ, что это холопы, а тѣмъ, что данными имуществами, положенными въ тягло, могли владѣть лишь посадскіе люди [6]). Дѣеспособность рабовъ точно такъ же

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр." К. 1900, стр. 398.

[2]) „Акты" Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 94, стр. 276. Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 126.

[3]) В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др., I, стр. 129—130 (изд. 2-е).

[4]) А. отн. до Ю. Б., № 103, I.

[5]) Юр. Др., I, стр. 126.

[6]) Улож. XIX, 15—16. Достойно вниманія, что въ Уложеніи, въ гл. XIX, два параграфа 15 (цитируемъ по изданію 1779 года). И данное мѣсто напечатано во второмъ изъ одноименныхъ §§. Такъ какъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ (Обзоръ, изд. 1900, стр. 399) также ссылается на § 15, то должно думать, что это погрѣшность, общая въ изданіяхъ Уложенія.

признается всѣмъ древне-русскимъ законодательствомъ, конечно, подъ тѣмъ же условіемъ „попущенія“ со стороны господина. И по Русской Правдѣ, согласно статьямъ 127, 128 и 130 Кар. списка, которыя мы уже цитировали, рабъ, дѣйствовавшій въ гражданскомъ оборотѣ съ вѣдома и согласія господина, былъ вполнѣ дѣеспособной persona (ст. 128 и 130). По отношенію къ согласію господина Русская Правда предусматриваетъ два случая: согласіе господина дано post factum (ст. 127) и предварительно (ст. 128). Эффектъ гражданской сдѣлки одинъ и тотъ же: она дѣйствительна. Ст. 127, на основаніи которой проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ заключалъ [1]) о томъ, что по русскому праву рабъ вполнѣ не правоспособенъ, и что сдѣлки его недѣйствительны, при болѣе внимательномъ анализѣ приводитъ къ обратному, интересному выводу. Спрашивается, будетъ ли дѣйствительна сдѣлка, заключенная, хотя бы и по ошибкѣ, съ лицомъ недѣеспособнымъ и влечетъ ли она за собою другое обязательство, кромѣ obligationis naturalis? Согласно мнѣнію извѣстнѣйшихъ цивилистовъ [2]), должно дать по этому предмету отрицательный отвѣтъ. Если я далъ деньги въ долгъ лицу недѣеспособному, то я лишаюсь права ихъ искать судомъ, хотя бы я сдѣлалъ это по ошибкѣ. Я сохраняю лишь право на иски о вредѣ и убыткахъ, причиненныхъ преступнымъ дѣйствіемъ (обманомъ) противной стороны. Между тѣмъ, въ ст. 127 Кар. сп. Русской Правды мы встрѣчаемъ въ случаѣ заключенія по ошибкѣ сдѣлки съ рабомъ признаніе этой сдѣлки: рабъ не освобождается отъ отвѣтственности (непосредственной, или, если господинъ захочетъ, посредственной черезъ сего послѣдняго), но является, очевидно, лицомъ дѣеспособнымъ. Положеніе, что если контрагентъ раба вошелъ съ нимъ въ гражданскую сдѣлку, вѣдая, что онъ рабъ, то ли-

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 398.

[2]) См. H. Dernburg. „Pandekten“. Berl. 1894, B. I, § 87, Absatz 2, S. 204. Рѣш. Гр. Касс. Д-та 1872 г., №№ 203 и 1149. Повидимому, только въ одномъ случаѣ допускалась дѣйствительность этой сдѣлки по римскому праву, именно въ случаѣ если сторона, незнающая о недѣеспособности другой, обладала преимуществомъ имѣть juris ignorantiam См. 9, pr. D. (de jur. et fact. ignor.), XXII, 6.

шается своихъ кунъ, имѣетъ своею цѣлью, по нашему мнѣнію, не ограниченіе дѣеспособности раба (всегда, повторяемъ, производной, путемъ „попущенія“ господина), но огражденіе интересовъ господина, поставленнаго въ необходимость противъ своей воли (безъ „попущенія“) отвѣчать за раба или лишаться сего послѣдняго. Таковъ, впрочемъ общій смыслъ всѣхъ законоположеній, признающихъ недѣйствительность сдѣлокъ съ недѣеспособными лицами (малолѣтними, безумными, расточителями), при условіи знанія контрагентомъ о недѣеспособности этого лица [1]). Въ дальнѣйшемъ развитіи нашего права мы замѣчаемъ еще съ большею ясностью выраженіе приведенныхъ началъ въ признаніи дѣеспособности рабовъ. Мы видѣли уже, что въ XIII в., согласно договору Смоленска съ нѣмцами, рабъ можетъ (очевидно и здѣсь съ согласія господина) вести торговыя дѣла и оставлять наслѣдство. Въ Псковской Судной грамотѣ мы не имѣемъ особыхъ постановленій, касающихся дѣеспособности холоповъ. Болѣе того: въ ней вообще совершенно не упоминается о нихъ. Очевидно, что положеніе ихъ было такъ ясно, опредѣленно и общеизвѣстно, что не требовало регламентаціи. Къ тому же для право- и дѣеспособныхъ гражданъ Псковскихъ, которые путемъ этой грамоты ограждали себя отъ княжескаго произвола [2]), не было никакого интереса говорить о рабахъ, своей собственности. Это вообще отличіе этого законодательнаго памятника отъ Русской Правды и Новгородской Судной грамоты. Эти обѣ имѣли цѣлью кодифицировать обычай. Псковская же грамота [3]) была актомъ политическимъ, хартіей вольностей. Соотвѣтственно этому въ Новгородской Судной грамотѣ мы уже встрѣчаемъ значительное число статей, посвященныхъ вопросу о юридическомъ положеніи холоповъ: Именно:

---

[1]) Поэтому, согласно рѣш. Гражд. Касс. Д-та 1875 г., № 973, нарушеніе правилъ, ограждающихъ имущественные интересы малолѣтнихъ (именно въ данномъ случаѣ ст. 277 т. X ч. 1) не даетъ права третьимъ лицамъ искать признанія недѣйствительности сдѣлки.

[2]) В. Н. Латкинъ. „Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права“. Спб., 1838, стр. 17—19.

[3]) Ср., напр., ст. 61, 108. (Владимірскій-Будановъ. „Хрест.“, I, стр. 156, 171).

„А пъсковитину не послуховать, ни одерноватому холопу. А холопъ на холопа послухъ“ ст. 22 [1]).

Мы видимъ, что здѣсь холопъ сопоставляется съ Псковитяниномъ. Проф. Владимірскій-Будановъ, комментируя это мѣсто, говоритъ, что Псковитянинъ не могъ быть послухомъ какъ иноземецъ [2]). Мы по этому послѣднему поводу замѣтимъ нѣсколько словъ ниже. Во всякомъ случаѣ это сопоставленіе очень интересно. Далѣе же разрѣшается холопу быть послухомъ противъ холопа. Уже это прямо установленіе его capitis. Далѣе ст. 36 Новгородской Судной грамоты дѣлается значительный шагъ впередъ, сравнительно съ Русской Правдою въ установленіи личной правоспособности раба. Она требуетъ, чтобы господа преступнаго холопа, чей онъ ни будь, ставили его передъ судомъ. Рабъ отвѣчаетъ уже лично. „А до суда надъ нимъ силы не дѣять, а кто силу доспѣетъ ино тымъ его и обинить“ [3]). Слѣдующія 37 и 38 ст. той же грамоты подтверждаютъ и развиваютъ приведенное положеніе. Первая изъ нихъ запрещаетъ господину, подъ отвѣтственностью штрафа, укрывать преступнаго холопа, а вторая прямо подтверждаетъ личную отвѣтственность холопа: „и онъ самъ увѣдается съ своимъ истцомъ по своей исправѣ опричь осподаря“ [4]). Между тѣмъ по Русской Правдѣ рабъ еще не всегда лично отвѣчаетъ. Это предоставляется его господину: хочетъ выдастъ раба, хочетъ заплатитъ за причиненные рабомъ, какъ будто домашнимъ животнымъ, убытки. Такъ ст. 76 Кар. списка Русской Правды

---

[1]) Влад.-Буд. „Хрест.“, I, стр. 190.

[2]) Ibid., стр 190, пр. 28.

[3]) Ibid., стр. 197. Интересно, что въ комментаріи къ этому мѣсту (ibid., стр. 197—198, пр. 44) Влад.-Будановъ совершенно упускаетъ изъ виду, что дѣло идетъ о холопѣ. „А кому будетъ дѣло до владычня человѣка... и т. д. Онъ говоритъ, что дѣло о холопствѣ—обвиненіе въ холопствѣ. Недоразумѣніе. Во-первыхъ — холопство не вина. А во-вторыхъ, что же холопа обвинять въ холопствѣ. Очевидно вопросъ идетъ о принадлежности холопа. Равнымъ образомъ не видимъ здѣсь и слѣдственнаго процесса. Слѣдственный процессъ противополагается состязательному. Авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать не то. Онъ, очевидно, указываетъ на переходъ уголовнаго процесса изъ характера частнаго обвиненія въ характеръ обвиненія публичнаго.

[4]) Ibid., стр. 198—199.

говоритъ слѣдующее [1]) „Аже холопъ оударитъ свободна моужа, а убѣжитъ въ хоромы, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господиноу 12 гривенъ". М. Ф. Владимірскій-Будановъ толкуетъ это мѣсто такъ: „12 гривенъ есть уголовный штрафъ за укрывательство виновнаго холопа (хозяинъ дѣлается участникомъ въ дѣяніи своего холопа, или, правильнѣе, совершаетъ особое преступленіе — укрывательство, за которое подвергается уголовному взысканію). Эта плата не есть ни возмездіе обиженному или выкупъ раба, ни уголовный штрафъ за личное оскорбленіе. Оскорбленіе, нанесенное холопомъ, не есть преступленіе, такъ какъ виновникъ его не обладаетъ правоспособностью" и отсылаетъ къ ст. 43 того же списка [2]). Мы видѣли уже выше, что признать холопа неправоспособнымъ вообще по Русской Правдѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній. Но и помимо того, въ данномъ мѣстѣ получается совершенная непослѣдовательность: если рабъ неправоспособенъ, если его дѣяніе не есть преступленіе, то за укрывательство чего же отвѣчаетъ господинъ? Ст. 43, въ свою очередь, не подтверждаетъ толкованія почтеннаго ученаго. Согласно ей, холопъ за воровство, какъ несвободный, не наказывается продажей — уголовнымъ штрафомъ, а господинъ его платитъ истцу двойную обиду — т.-е. двойную стоимость похищенной вещи [3]), вознагражденіе за вредъ и убытки. То же должны мы разумѣть и въ ст. 76. Вторая же половина приведенной статьи дозволяетъ, въ случаѣ встрѣчи, обиженному лично расправиться съ рабомъ. Но уже сыновья Ярослава постановили замѣнить личное самоуправство публичнымъ и уголовнымъ наказаніемъ, именно тѣлеснымъ [4]). Проф. В. И. Сергѣевичъ, впро-

---

[1]) Влад.-Буд. „Хрест.", I, стр. 61.

[2]) Ibid., стр. 61—62, пр. 107.

[3]) Что „обида" значитъ именно это, см. ст. 29 тоже Кар. Сп. (Влад.-Будан. „Хрест.", I, стр. 45). Общее наименованіе частнаго вознагражденія носитъ имя урока (см. ст. 40, 41 и 42 Кар. сп. „Русск. Пр." Хрест. Влад.-Буд. I, пр. 50. Его же „Обзоръ", стр. 317, и В. И. Сергѣевичъ „Лекціи", изд. 1894 г., стр. 331. В. И. Сергѣевичъ (loc. cit.) совершенно такъ же, какъ и мы, толкуетъ приведенное мѣсто Русской Правды, подводя обиду подъ понятіе урока.

[4]) См. объ этомъ подробнѣе В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др., I, стр. 105—109.

чемъ, весьма справедливо замѣчаетъ [1]): „толкованіе ея (т.-е. этой статьи 76 Кар. сп.) представляетъ чрезвычайныя трудности, и неудивительно, что она до сихъ поръ не нашла себѣ удовлетворительнаго объясненія". Одно только несомнѣнно, что согласно концу приведенной статьи одною изъ мѣръ взысканія съ преступнаго раба, установленной Ярославичами, было „взяти гривна коунъ за соромъ", т.-е. онъ разсматривался какъ лицо, способное оскорбить другое лицо, а не какъ животное или вещь.

Въ правѣ Московскаго періода русской исторіи мы также неоднократно встрѣчаемся съ признаніемъ за рабомъ дѣеспособности, конечно производной, попущеніемъ и приказаніемъ ихъ господина. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ даже прямое признаніе дѣеспособности и правоспособности холопа. Согласно договорамъ князей между собою, холопы получали право судиться даже съ господами своими, подъ условіемъ только поруки [2]).

„А кто холопъ или раба имется тягати съ осподаремъ, и пошлется на правду, а не будетъ по нихъ поруки, ино ихъ обвинити".

Въ духовной грамотѣ великаго князя Василія Васильевича 1462 г. мы читаемъ, что князь давалъ помѣстья своимъ холопамъ [3]), мы приводили выше случай участія раба въ гражданскихъ сдѣлкахъ. Можно привести еще нѣсколько: ключники князя Серпуховскаго Владиміра Андреевича покупали села [4]). Холопы-чиновники получали на себя лично доходъ отъ государственной службы [5]). Проф. В. И. Сергѣевичъ приводитъ нѣсколько примѣровъ даренія и купли, совершенной холопами въ XV вѣкѣ [6]). Есть случай, что господинъ закладываетъ свой залогъ подъ солидарною отвѣтственностью со своими холопами [7]). Правда, этотъ случай долженъ быть

---

[1]) Юр. Др., I, стр. 105.

[2]) А. А. Э., т. I, № 14 (1398 г.); ср. ibid., № 88 и С. Г. Гр. и Д., I, № 28. Объяснены у В. И. Сергѣевича. Юр. Др., I, стр. 99—100, примѣч.

[3]) С. Г. Гр. и Д., I, стр. 207. Ср. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Хрест.", II, стр. 7, пр. 12.

[4]) В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др., I, стр. 129—130 (изд. 2-е).

[5]) В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др., I, стр. 122.

[6]) Ibid., стр. 122—123.

[7]) Ibid., стр. 126.

объясненъ такъ: очевидно, что сдѣлку залога могъ совершать одинъ только собственникъ и земли и холоповъ. Слова этого документа: „а въ тѣхъ деньгахъ есми съ своими людми единъ человѣкъ, кой насъ въ лицѣхъ, на томъ денги", должно понимать какъ ловкій пріемъ избавить себя лично отъ непріятной процедуры быть проданнымъ за долги или подвергнуться правежу. Очевидно, что авторъ сего документа, Власъ Никитинъ, сынъ Фрязиновъ именно имѣлъ въ виду для такой личной отвѣтственности подставить одного изъ своихъ холоповъ. Но во всякомъ случаѣ этотъ актъ показываетъ намъ, что попущеніемъ господина холопъ могъ поручиться за него и отвѣчать за него на судѣ; словомъ, изображаетъ производную дѣеспособность холопа, доведенною до такой степени, съ какою мы встрѣчаемся лишь въ Римскомъ правѣ.

Московское время узаконило и новый способъ для выхода холопа на волю. Именно въ Судебникѣ 1497 г. сказано [1]). „А холопа полонитъ рать татарскаа, а выбѣжитъ изъ полону, и онъ слободенъ, а старому государю не холопъ". По справедливому замѣчанію Лохвицкаго, на этомъ постановленіи отразились взгляды Христіанской церкви [2]). Какъ извѣстно, Судебникомъ 1550 года была установлена опредѣленная и довольно высоко оцѣненная холопья честь [3]). Ст. 76 того же закона запрещается полному и докладному холопу продавать въ рабство своего свободнаго сына [4]). Слѣдовательно, до этого времени было это можно. Холопъ, во-первыхъ, до половины XVI в., значитъ, имѣлъ всѣ, до крайняго предѣла, родительскія права, а во-вторыхъ, могъ совершать гражданскую сдѣлку. Далѣе въ этомъ Судебникѣ гораздо полнѣе развито постановленіе Судебника 1427 г. о дарованіи свободы бѣжавшимъ изъ плѣна холопамъ. Именно, тутъ предвидится случай побѣга холопа вмѣстѣ со своимъ господиномъ, или безъ него, за границу (эмиграція) и обратное возвращеніе на родину. Совершенно ясная статья эта [5]) почему-то вызвала недоумѣніе и Рейца,

[1]) Ст. 56 (М. Ф. Владимірскій-Буда новъ, „Хрест."; II, стр. 101).
[2]) Ibid., стр. 101, примѣч. 89.
[3]) Ст. 26 (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Хрест.", II, стр. 130).
[4]) Ст. 76 (ibid., стр. 163—164).
[5]) По изд. М. Ф. Владимірскаго-Буданова 80-я („Хрест.", II, стр. 166—167).

и М. Ф. Владимірскаго-Буданова [1]). Именно, тамъ сказано, что если холопъ, эмигрировавшій одинъ, безъ господина, вернется назадъ, то онъ остается попрежнему холопомъ „опричь того, нѣчто кому государь пожалуетъ дастъ волную грамоту". Названные ученые стараются выяснить, почему и какъ Государь Московской земли могъ дать свободу бѣглому частному холопу. Но изслѣдователи упустили изъ виду, что подъ словомъ „государь" во всей этой статьѣ, вездѣ, разумѣется господинъ холопа, а не государь московскій; а господинъ, конечно, всегда могъ дать свободу своему холопу. Конецъ этой статьи означаетъ только, что въ то время, какъ свободный, эмигрировавшій за границу, при возвращеніи подлежитъ наказанію, холопъ, не пріобрѣтая, правда, никакихъ льготъ, не теряетъ status quo ante и попрежнему, черезъ отпускную господина, можетъ получить свободу.

Далѣе, сепаратнымъ указомъ 7111 года августа 16-го (1603 г.) предоставлена была свобода тѣмъ холопамъ, которыхъ господа въ голодные годы „не хотя кормити" выгнали отъ себя безъ отпускныхъ [2]).

§ 15. Тутъ слѣдуетъ еще остановиться на особомъ видѣ рабства, возникшемъ и развившемся въ Московской Руси, именно — на рабствѣ кабальномъ. Какъ извѣстно, кабальное холопство есть холопство въ уплату процентовъ съ занятаго въ долгъ капитала. Въ такомъ опредѣленіи его согласны всѣ изслѣдователи [3]). Понятіе объ этомъ холопствѣ прямо вытекаетъ изъ содержанія самыхъ актовъ о займѣ, въ которыхъ мы неизмѣнно читаемъ: се азъ... занялъ столько-то рублей... а за ростъ мнѣ служить (у кредитора) во дворѣ" [4]). По справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича, „служилой кабалой достигалось почти полное закрѣпленіе должника. Обязываясь служить за ростъ, должникъ отдавалъ въ распоряженіе кредитора всѣ свои производительныя силы. Эта обязательная работа могла быть

---

[1]) Ibid., стр. 167, пр. 193.

[2]) Ibid., в. III, стр. 98—99. Указн. книга приказа Холопьяго Суда, III.

[3]) См. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 148 и слѣд. В. О. Ключевскій, „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи" („Р. Мысль". 1885, Августъ).

[4]) См. А. отн. до Ю. Б., II, № 127 и „Записная книга крѣпостн. актамъ XV и XVI вв.", изд. Арх. Ком. подъ редакціей А. С. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1898 passim.

прекращена только уплатой капитала. Но гдѣ взять капиталъ, если проценты платились личной работой?“ [1]). Въ наукѣ въ достаточной степени выяснены условія заключенія служилыхъ кабалъ, а также эффектъ этихъ сдѣлокъ. Равнымъ образомъ проф. В. И. Сергѣевичъ съ достаточною полнотою передалъ исторію мѣропріятій правительства для урегулированія и смягченія положенія кабальныхъ холоповъ [2]). Съ нашей точки зрѣнія намъ надлежитъ здѣсь указать, существуетъ ли различіе по правовому положенію и, въ особенности, по размѣрамъ дѣеспособности, между кабальными холопами и другими видами холоповъ, и въ связи съ этимъ сказать нѣсколько словъ объ юридической природѣ института кабальнаго холопства, необходимыхъ для выясненія, въ дальнѣйшемъ, вопроса о положеніи крестьянъ. Что касается до перваго пункта, то слѣдуетъ отмѣтить, что кабальный холопъ былъ совершенно такимъ же холопомъ, какъ и другіе. Разница была лишь въ томъ, что полный холопъ былъ холопомъ вѣчнымъ, а кабальный до 1586 г.—до уплаты долга, а съ этого времени до смерти кредитора. Проф. В. И. Сергѣевичъ [3]) замѣчаетъ, что до 1586 г. лица, служащія во дворѣ господина, собственно были свободными. Только фактически они не свободны. Врядъ ли это такъ. Кабальный холопъ служитъ во дворѣ господина пока тотъ не проститъ ему долга, или пока онъ самъ не уплатитъ этого долга. По указу 1586 г. кабальные холопы оставались холопами по смерть господина [4]). Вліяетъ ли то или другое условіе прекращенія рабства на самый институтъ рабства. Очевидно, нѣтъ. До указа 1586 г. теоретически кабальный холопъ въ каждый моментъ могъ заплатить долгъ и господинъ не имѣлъ права долѣе его держать у себя холопомъ. По словамъ проф. В. И. Сергѣевича [5]), съ 1586 г., по указу 1597 года, „ка-

---

[1]) Юр. Др., I, стр. 148.

[2]) Ibid., стр. 147—155.

[3]) Ibid., стр. 148—149 и 151. Ср. стр. 166—167 по изд. 2-му.

[4]) А. И., I, № 221, II.

[5]) Юр. Д., I, стр. 153. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ совершенно справедливо указалъ, что кабальные холопы всегда и до указа 1586 г.—холопы, рабы, хотя и условные, временные. „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1900, стр. 392, пр. 2.

бальные, и новые и старые, обращаются во временныхъ холоповъ и лишаются права прекращать свое зависимое состояніе уплатою долга, но зато въ моментъ смерти кредитора всѣ они получаютъ свободу, не платя по кабалѣ". Позволимъ себѣ замѣтить, что кабальные не обращаются въ временныхъ холоповъ, ибо они ими были, а лишь измѣняются условія прекращенія этого холопства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сущности, измѣняются и условія сдѣлки. Дѣйствительно, до указа 1586 г. холопство по служилой кабалѣ было платежемъ процентовъ: „за ростъ служити". Этотъ же терминъ остался и послѣ названнаго указа, и встрѣчается въ кабалахъ XVII в. Но разъ кабальный человѣкъ не имѣлъ права уплатить долга, а по смерти кредитора получалъ свободу безъ уплаты своего долга, то очевидно, что съ этого времени служба по кабалѣ стала уплатой не только процентовъ, но и занятаго капитала. На это не было обращено вниманія въ наукѣ. Между тѣмъ, очевидно, что съ этимъ измѣненіемъ институтъ кабальнаго холопства сталъ весьма близко походить на полное холопство: въ кабалѣ субъектъ бралъ деньги въ заемъ и оставался холопомъ за то по смерть кредитора. Полный холопъ продавалъ себя и оставался холопомъ навсегда, по свою смерть. Въ сущности, для тогдашняго міросозерцанія, неразличавшаго даже такихъ институтовъ, какъ купля-продажа и залогъ [1]), вѣроятно представлялось, что между этими обоими видами холопства не существуетъ особенной разницы. Такимъ образомъ, получился вполнѣ естественный переходъ къ кабалѣ безъ займа, возникающій со второй половины XVII в. [2]). Посредствующимъ звеномъ было постановленіе указа 1597 г., что всѣ вольнонаемные слуги (добровольные холопы), прослужившіе полгода, безъ ихъ согласія, обращаются въ кабальныхъ холоповъ [3]). Уложеніе же обращало ихъ въ кабальныхъ холоповъ уже по прослуженіи лишь трехъ мѣсяцевъ [4]). Уложеніе, впрочемъ, вообще не допускаетъ уже поступленія въ полное

[1]) К. А. Неволинъ. Собр. сочин., V, стр. 60 и слѣд. Contra *Мейчикъ*, „Грамоты XIV и XV вв.". М. 1883, стр. 76—77.

[2]) По мнѣнію проф. В. И. Сергѣевича м. б. и ранѣе. Юр. Д., стр. 156.

[3]) А. И., II, № 85.

[4]) Гл. XX, 16, 17.

(докладное) холопство, а знаетъ лишь челобитье въ кабальные холопы [1]). Кабалы эти пишутся уже безъ упоминанія о занятыхъ деньгахъ, такъ какъ эта послѣдняя часть акта становится несущественной. Проф. В. И. Сергѣевичъ [2]) обратилъ вниманіе, что формы этихъ служилыхъ кабалъ безъ займа являются естественнымъ развитіемъ началъ указовъ 1586 и 1597 гг., но почтенный ученый не указалъ, что и самое измѣненіе института кабальнаго холопства въ смыслѣ приближенія къ полному холопству было вполнѣ естественнымъ развитіемъ этихъ же указовъ, и потому даже выражаетъ удивленіе на столь значительное измѣненіе института [3]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, подробно разсматривая юридическую природу кабальнаго холопства [4]), въ значительной степени отступаетъ отъ общепринятаго взгляда. Уважаемый ученый исходитъ изъ соображенія, что „закупы“ Русской Правды были кабальными холопами. При разсмотрѣніи дѣеспособности закуповъ мы разберемъ эти мнѣнія. Здѣсь же можемъ разсмотрѣть мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова о кабальномъ холопствѣ, безъ уклоненія въ эпоху Русской Правды. Авторъ вполнѣ справедливо, какъ мы выше сказали, указываетъ, что кабальное холопство всегда было рабствомъ. Но затѣмъ онъ не согласенъ съ принятымъ толкованіемъ ст. 78 и 82 Царскаго Судебника о кабалѣ. Намъ кажется, что ст. 82. „А кто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити, ни у кого, жити имъ о себѣ, а на денги имъ ростъ давати“, можетъ быть передана лишь такъ, какъ это дѣлаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [5]), т.-е. въ смыслѣ запрещенія брать въ одно и то же время $^0/_0$ на занятый капиталъ и служилую кабалу. Проф. Владимірскій-Будановъ въ свою очередь говоритъ, что этой статьей вообще воспрещается служба за ростъ и прибавляетъ [6]): „Ни въ какихъ памятникахъ, а еще менѣе въ Судебникѣ, не говорится о такомъ двойномъ ростѣ. Да

[1]) Гл. XX, 7.
[2]) Юр. Др., I, стр. 157, прим. 2.
[3]) Юр. Др., I, стр. 157.
[4]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 390—397.
[5]) Юр. Др., I, стр. 149—150.
[6]) Op. cit., стр. 392, пр. 2.

онъ и невозможенъ, когда рѣчь идетъ о службѣ за ростъ. Подобнаго явленія не знаетъ ни одна правовая исторія какого бы то ни было народа, оно и практически невозможно, ибо человѣкъ, служащій во дворѣ, не имѣетъ никакихъ средствъ добывать имущество для уплаты роста". Поэтому онъ полагаетъ, что объясненіе, собственно говоря, требуетъ не эта, 82 ст., а статья 78. Прежде чѣмъ перейти къ его объясненію этой статьи, позволимъ себѣ указать, что по древне-германскому праву, въ случаѣ самозалога (или, что́ также случалось, залога одного лица въ обезпеченіе долга другого) „кабальный" былъ рабомъ кредитора, и работалъ на него, а проценты, сверхъ того, уплачивались на занятый капиталъ. „Selbstbürge" долженъ былъ служить кредитору, пока не уплачивалъ долга и %. Работа была лишь добавочнымъ обязательствомъ, „in subsidium" [1]). Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ Германіи подобное же явленіе. То же было и въ южной Италіи въ средніе вѣка [2]). Обращаясь къ объясненію ст. 78, слѣдуетъ замѣтить, что она такъ ясно составлена, что трудно представить, какъ можно ее толковать иначе, чѣмъ это принято въ наукѣ.

Статья 78 гласитъ: „А которые люди волные учнутъ бити челомъ княземъ и бояромъ, и дѣтемъ боярскомъ, и всякимъ людемъ, а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити" [3]). Читать ее иначе, что служить за проценты—нельзя,—мы не имѣемъ права. Вторая половина этой статьи запрещаетъ брать служилую кабалу на полныхъ и докладныхъ холоповъ. Если, согласно М. Ф. Владимірскому-Буданову, служилая кабала есть договоръ личнаго найма, то для чего является запрещеніе заключить его съ холопами? Холопъ могъ взять въ долгъ денегъ у господина. Это понятно. Но кто же будетъ со своимъ холопомъ, обязаннымъ и такъ служить во дворѣ, заключать договоры такого найма, по коему этотъ холопъ также обязанъ работать во дворѣ? Въ указѣ 1597-го года прямо говорится: [4]) „И

---

[1]) Otto Stobbe. „Handbuch des deutschen Privatrechts. Berl. 1898, III Band, § 238, S. 366—367.

[2]) Ibid., S. 363, Anm. 4.

[3]) М. Ф. Владим.-Будановъ, „Хрест.", II, стр. 165.

[4]) А. И., I, № 221, П.

денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати и челобитья ихъ въ томъ не слушати". Тутъ, очевидно, рѣчь идетъ о томъ, чтобы не брать денегъ у кабальныхъ холоповъ въ возвратъ долга, съ уплатою коихъ они становились бы свободными. Всѣ конструкціи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова по этому поводу должны быть признаны слишкомъ смѣлыми. Предположить, что сумма 15 рублей, назначенная тою же ст. 78, какъ максимумъ долга, могущаго быть акцессидированнымъ службою, есть нѣчто схожее съ „выпускомъ" Литовскаго права—мы не имѣемъ никакихъ основаній. Только работа и служба лица, выданнаго головою, до выкупа истцу, переводилась на деньги, по разсчету годъ за пять рублей [1]). Относительно же службы вообще мы данныхъ не имѣемъ. Къ дальнѣйшимъ контроверзамъ о добровольномъ холопствѣ мы вернемся при разсмотрѣніи вліянія личнаго найма на дѣеспособность.

Въ нашей литературѣ существуетъ указаніе на особыя отношенія, весьма близко соприкасающіяся къ кабальному холопству. Названіе для этого новаго вида служилыхъ кабалъ безъ записи это — жилецкія записи въ случаѣ службы „по животъ господина". Онѣ фигурировали въ старой юридической практикѣ на ряду съ обычными кабалами, написанными по прежней формѣ. А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ самый ранній изъ извѣстныхъ намъ образцовъ такой записи. Онъ очень кратокъ [2]): „Осипъ Игнатьевъ сынъ билъ челомъ въ службу Борису Федорову сыну Вельяшеву по его животъ и ему Осипу съ своею женою у Бориса Вельяшева служить по Борисову смерть; а женитца ему у Бориса у Вельяшева на сѣнной дѣвкѣ, на Настастьице Степанове дочери; а ничто по Борисову душу Богъ пошлетъ, и Борису его послѣ своего живота отпустить его съ женою и детей его на волю; что у него живота наживетъ, і в приданое и детей его не дати за своими детми". „Актъ" относится къ 1596 г. Возвращаясь къ сравненію положенія кабальнаго хо-

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ", стр. 662.

[2]) „Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI в.". Спб. 1898, столб. 52, № 148.

лопа съ полнымъ (докладнымъ), укажемъ, что и въ кабальномъ холопствѣ, какъ и въ другихъ, рабство сообщалось женѣ по мужу и мужу по женѣ [1]). Дѣти, рожденныя въ кабалѣ, становились кабальными холопами [2]). Бѣглыхъ кабальныхъ холоповъ отыскивали и возвращали ихъ господамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и полныхъ холоповъ [3]). Кабальные холопы точно такъ же служили объектами гражданскихъ сдѣлокъ: мы имѣемъ случаи раздѣла имуществъ, причемъ дѣлятся и кабальные холопы, получавшіе послѣ сего наименованіе „дѣловыхъ“ кабальныхъ холоповъ [4]), ихъ хозяева вступаютъ между собою въ договоры относительно бѣглыхъ кабальныхъ людей, записавшихся на службу къ другому лицу [5]), кабальныхъ холоповъ даютъ въ приданое [6]), есть даже случай завѣщанія относительно кабальнаго холопа [7]), которое, по справедливому замѣчанію академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, обращало кабальнаго холопа въ стариннаго (полнаго) [8]). Могли ли кабальные холопы имѣть свое имущество? По точному смыслу института слѣдуетъ полагать, что у кабальныхъ холоповъ могло быть свое собственное имущество, такъ какъ они служатъ изъ-за процентовъ и должны были, сверхъ того, заплатить долгъ. Но, какъ мы видѣли, съ 80-хъ годовъ XVI в. характеръ кабальнаго холопства измѣняется, приближаясь къ холопству полному. Есть основаніе полагать, что право собственности, до указа 1586 г. фактически невозможное для кабальнаго холопа, съ этого времени стало и юридически невозможнымъ, очевидно, безъ попущенія господина [9]). Тутъ, кстати, слѣдуетъ замѣтить, что Уложеніе, вообще довольно внимательно слѣдившее за потребностями жизни (напр., какъ мы далѣе увидимъ въ институтѣ „жилыхъ“ записей), не могло игнорировать и случаевъ,

---

[1]) Ул., гл. XX, 83, 85, 86.
[2]) Ул., гл. XX, 30.
[3]) Ук. 1593 г. („Хрест.“ Влад.-Буда́н., III, стр. 92).
[4]) Зап. К., № 97—98.
[5]) Ibid., №№ 436, 437, 299, 28, 270.
[6]) Ibid., №№ 376, 269, 541 и др.
[7]) Ibid., № 449
[8]) Пред., стр. XXII—XXIII.
[9]) См. вышеприв. записи подъ № 148 изъ Зап. кн., ст. 52.

что люди, занявшіе деньги въ долгъ, отработывали его, или отработывали проценты и установило особую таксу для сего, опредѣливъ, какая цѣнность соотвѣтствовала году работы взрослаго мужчины, женщины и дѣтей. Это не называлось кабалой, но соотвѣтствовало понятію старой служилой кабалы до указа 1586 г. [1]). Мы уже видѣли, что Уложеніе Царя Алексѣя Михаиловича не различаетъ кабальныхъ и полныхъ холоповъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Уложеніе, по справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича [2]), вводитъ нѣкоторыя новыя ограниченія въ юридической сферѣ несвободнаго класса Московской Руси. Именно, Уложеніе вообще запрещаетъ холопамъ (всякаго вида) всѣ сдѣлки на недвижимыя имущества, даже съ согласія господина. Въ этой области холопы не дѣеспособны. Именно, тамъ запрещено холопамъ покупать и держать за собою въ закладъ вотчины [3]) и покупать по городамъ тяглые дворы, лавки, погреба, амбары и соляныя варницы [4]).

Но и по Уложенію холопы признаются дѣеспособными по совершенію юридическихъ сдѣлокъ на движимое имущество, даже подъ обезпеченіе недвижимыхъ, только со слѣдующимъ ограниченіемъ [5]): 1) залогомъ не могли, согласно вышеприведенному, быть вотчины и 2) просроченные залоги должны были продаваться лицамъ, имѣвшимъ право ихъ купить, и холопы не могли, какъ это у насъ было узаконено lege generale, становиться непосредственно собственниками въ просроченныхъ залогахъ. Но цѣна проданнаго имущества поступала въ распоряженіе холопа. Тутъ, впрочемъ, также очевидно подразумѣвается „попущеніе“ господина.

II. Личный наемъ.

§ 16. Отъ лицъ, вполнѣ лишенныхъ свободы, мы должны перейти къ разсмотрѣнію положенія лицъ, поступавшихъ, по договору личнаго найма, въ услуженіе къ хозяину. Съ совре-

[1]) Ул., гл. XX, ст. ст. 39 и 40.
[2]) Русск. Юр. Др., I, стр. 158—160.
[3]) Гл. XVII, 41.
[4]) Гл. XIX, 15.
[5]) Ул., гл. XIX, 16.

менной юридической точки зрѣнія, понятно, ничего нѣтъ общаго между холопствомъ и личнымъ наймомъ. Но исторія показываетъ иное, и отраженіе былого правовоззрѣнія до сихъ поръ замѣчается на нашей дѣйствительности, входитъ даже въ наши кодексы и гласитъ устами юристовъ, врядъ-ли подозрѣвающихъ, что они являются глашатаями переживающаго юридическаго явленія — отождествленія рабства и личнаго найма. По недавно упраздненному Прусскому Landrecht'у [1]) наниматель имѣлъ право подвергать прислугу тѣлесному наказанію. По новому Германскому Уложенію [2]), нарушеніе договора личнаго найма, безъ уважительныхъ причинъ, невозможно, и убытки не оцѣниваются денежнымъ эквивалентомъ, а влекутъ полицейское исполненіе. По дѣйствующему Русскому праву, лица, находящіяся въ личномъ услуженіи, не могутъ быть присяжными засѣдателями [3]), ограничены въ правѣ быть свидѣтелемъ [4]). По проекту новаго русскаго гражданскаго уложенія, договоръ личнаго найма, подобно Германскому праву, не переводится на деньги [5]). Но особенно поразителенъ, по своей близости къ постановленіямъ Русской Правды о „закупахъ“ новый законъ о наймѣ на фабричныя работы, вполнѣ обращающій договоръ личнаго найма во временное холопство [6]). Думаемъ даже, что основанія новыхъ законодательныхъ памятниковъ не иныя, чѣмъ въ древней Руси: конечно, Русь до-Петровская не знала капиталистическаго экономическаго строя. Но несомнѣнно, что однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ ограниченій правовой личности наемнаго работника служило экономическое положеніе. Съ одной стороны, хозяинъ нуждался въ наиболѣе дешевой и подчиненной рабочей силѣ. Съ другой стороны, обездоленный, потерянный, гулящій человѣкъ являлся всегда слабымъ контрагентомъ и

[1]) R. II, tit. 5, cr. 185. Равно какъ по дѣйствующимъ Остзейскимъ законамъ. См. III, ст. 4200, 4203 и 4025.

[2]) Bürg. Ges. B. ст. 615—630. Ср. М. Брунъ. въ „Русск. Мысли“ 1897 г., № II, 2, стр. 72—73.

[3]) Учр. Суд. Уст. ст. 86.

[4]) Уст. Гр. Суд. ст. 417, п. 1.

[5]) Кн. V, ст. 430, 433, 435 и мотивы коммиссіи.

[6]) Собр. узак. и расп. 1901 г., ст. 1247.

легко подчинялся предлагаемой ему участи. Въ эпоху Русской Правды, когда еще сильны были союзныя связи, можно полагать, что въ личное услуженіе не шли люди, обладающіе этими связями. А такъ какъ вся правовая личность субъекта того времени опредѣляется именно ими, то эти лица были такими изгоями въ правовой жизни, какъ и тѣ четыре вида, которые перечислялись кн. Всеволодомъ въ извѣстной грамотѣ [1]). Въ Московское время правительству былъ цѣненъ лишь тяглый человѣкъ. Онъ оберегался отъ прочихъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ [2]), онъ не допускался въ службу и т. д. Что же касается до „гулящихъ", вольныхъ людей, то правительству было гораздо важнѣе, чтобы они состояли въ полной опредѣленной зависимости отъ лица, заслуживающаго довѣрія, чѣмъ бродили по лицу родной земли безъ дѣла и грабили караваны на Волгѣ. Тенденціи же хозяевъ были, конечно, тѣ же, что и въ болѣе раннее время. Въ настоящее время, несомнѣнно, въ отношеніи къ лицамъ, служащимъ по личному найму, сохранился выработанный вѣками холопскаго обихода презрительный взглядъ: очень можетъ быть, что на немъ основано нѣкоторое неправомѣрное ихъ положеніе. Но главной основой все-таки служитъ экономическое основаніе: какъ вести сельское хозяйство безъ рабочихъ рукъ? Какъ быть, если прислуга уйдетъ?

Въ виду сказаннаго мы не можемъ удивляться, что древность наша придавала договору личнаго найма нѣкоторыя черты рабства.

§ 17. Личный наемъ извѣстенъ на Руси съ очень стараго времени. Первое упоминаніе о немъ мы находимъ въ Русской Правдѣ, въ статьяхъ о закупахъ. Какъ извѣстно, въ наукѣ Русской исторіи и исторіи Русскаго права до сихъ поръ нѣтъ опредѣленнаго рѣшенія вопроса о юридической природѣ закупничества. Проф. В. И. Сергѣевичъ доказываетъ [3]), что закупъ—наймитъ, закупничество—личный наемъ; оставляя въ сторонѣ старое воззрѣніе на закупа, какъ на лицо себя за-

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 272 (изд. 2).
[2]) Ibid., стр. 234 и слѣд.
[3]) Р. Юр. Др., I, стр. 177.

ложившее (Мейеръ [1]), Неволинъ [2]), укажемъ, что проф. В. О. Ключевскій высказалъ взглядъ, по которому закупничество сближается съ кабальнымъ холопствомъ, а это послѣднее—съ крѣпостнымъ крестьянствомъ [3]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ высказываетъ, что закупъ аналогиченъ добровольному холопству и оба эти явленія сближаетъ съ служилой кабалой безъ записи (жилецкой записью) [4]), признавая, въ то же время, ролейнаго закупа крестьяниномъ, жившимъ на владѣльческой землѣ и представляющимъ первый примѣръ тѣхъ правовыхъ ограниченій, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи юридической жизни древней Руси вылились въ крѣпостное право [5]). Другіе изслѣдователи примыкаютъ къ одному изъ этихъ направленій. Авторъ настоящей работы уже имѣлъ случай высказаться по этому вопросу, признавъ правильною точку зрѣнія проф. В. И. Сергѣевича [6]). Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о томъ, что кабальное холопство могло повліять на прикрѣпленіе крестьянъ. Кромѣ ранѣе высказаннаго, весьма убѣдительнаго, мнѣнія проф. В. И. Сергѣевича [7]), а въ послѣднее время одинъ изъ его противниковъ, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, въ новомъ изданіи своего капитальнаго труда, подробно разсматривая различныя контроверзы въ области исторіи русскаго права, окончательно доказалъ, что никоимъ образомъ нельзя говорить о вліяніи кабалы на прикрѣпленіе крестьянъ [8]). Такимъ образомъ, можетъ быть, здѣсь лишь рѣчь о томъ: былъ ли обыкновенный закупъ неполнымъ (позднѣе добровольнымъ) холопомъ или нѣтъ, и былъ ли ролейный закупъ крестьяниномъ, жившимъ на владѣльческой землѣ. Прежде всего позволимъ себѣ сказать, что такое двойственное

---

[1]) „О правѣ залога“ („Юрид. Сборн.“, Каз. 1855 г.), стр. 225.

[2]) К. А. Неволинъ. Ист. Рос. Гр. Зап., т. III (П. С. С., Спб. 1857, т. V), стр. 147.

[3]) „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“ („Русск. Мысль“ 1885, VIII, стр. 14).

[4]) „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1900, стр. 389, пр. 1.

[5]) Ibid., стр. 38—39.

[6]) „Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческ. крест.“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, ноябрь).

[7]) Русск. Юр. Др., I, стр. 177—190.

[8]) „Обзоръ“, стр. 153—154.

пониманіе закупничества немыслимо. Одно противорѣчитъ другому. Или закупъ—работникъ, наймитъ, неполный (по выраженію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова) холопъ, или онъ арендаторъ. Что ролейный закупъ не арендаторъ, не крестьянинъ, жившій на владѣльческой землѣ, намъ кажется много говорить нѣтъ основаній: такъ этотъ вопросъ разъясненъ проф. В. И. Сергѣевичемъ. Къ тому, что̀ говорено уже по этому предмету, какъ названнымъ ученымъ, такъ и другими, позволимъ себѣ лишь указать на слѣдующее: во-первыхъ, если бы ролейные закупы дѣйствительно были арендаторами, то наши памятники, какъ лѣтописи, житія святыхъ и т. п., упоминали бы о нихъ, такъ какъ они неоднократно говорятъ о земледѣльцахъ. Но тамъ мы имѣемъ въ этомъ значеніи лишь извѣстныя наименованія: смердъ, изорникъ, позднѣе крестьянинъ. Закупъ намъ извѣстенъ изъ одной лишь Русской Правды. Слѣдовательно, это явленіе, хотя почему либо и заслуживавшее регламентаціи, было врядъ ли очень распространено, а въ земледѣльческой странѣ врядъ ли бы памятники молчали о земледѣльцахъ. Во-вторыхъ, мы едва ли имѣемъ основаніе полагать, чтобы въ эпоху Русской Правды былъ настолько развитъ институтъ аренды, чтобы заслуживалъ особаго толкованія и законодательнаго акта. По крайней мѣрѣ имѣющіяся данныя относительно весьма неинтенсивнаго, натуральнаго хозяйства древней Руси заставляютъ насъ полагать, что земледѣліе того времени, при обиліи земли, не знало арендаторовъ [1]). Къ этому еще слѣдуетъ присовокупить, что закупы Русской Правды, будучи людьми свободными (ибо за побѣгъ только, т.-е. за нарушеніе договора личнаго найма) лишались свободы [2]), были ограничены, какъ далѣе увидимъ, въ нѣкоторыхъ личныхъ правахъ. Между тѣмъ, крестьяне, даже въ позднее время, послѣ ихъ прикрѣпленія, не знали тѣхъ ограниченій, какія касались закуповъ. Разсматривая исторію развитія государственныхъ и иныхъ ограниченій въ частноправовой сферѣ человѣка, какъ у насъ, такъ и на Западѣ

---

[1]) П. Н. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры“ (Спб. 1898 г., I, стр. 67 и слѣд.

[2]) Русск. Пр. Кар. сп. ст. 70. („Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 58).

Европы, мы видимъ какъ разъ обратное явленіе: параллельно съ развитіемъ государственности идетъ и развитіе ограниченій частныхъ правъ, уже въ новѣйшее время снова освобождающихся отъ государственной опеки. Поэтому и съ этой точки зрѣнія позволительно усумниться, чтобы закупы могли быть крестьянами, жившими на владѣльческихъ земляхъ. Такимъ образомъ, остается одинъ отвѣтъ: закупъ, это—наймитъ, слуга, добровольный холопъ позднѣйшаго времени. Къ такому выводу приходитъ, въ концѣ концовъ, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [1]). Но уважаемый изслѣдователь, не довольствуясь этимъ опредѣленіемъ, устраняющимъ всѣ споры, дѣлаетъ попытку связать закупничество съ кабальнымъ холопствомъ. Мы видѣли уже, что названный ученый не признаетъ возможнымъ считать кабальное холопство службою за проценты. Мы старались доказать ошибочность этого сомнѣнія. Здѣсь же намъ надлежитъ разсмотрѣть вопросъ объ отношеніи и преемственной связи между кабальнымъ и добровольнымъ холопствомъ и тогда уже мы можемъ приступить къ нашей непосредственной задачѣ, т.-е.—къ выясненію вліянія личнаго найма на дѣеспособность лица. Ходъ разсужденій проф. Владимірскаго-Буданова таковъ: кабальное холопство не есть результатъ долга. Служилая кабала, это—договоръ о поступленіи на службу, во временное холопство. Мы знаемъ, говоритъ изслѣдователь, такихъ временныхъ холоповъ въ эпоху Русской Правды, это—закупы. Отсюда прямой выводъ о томъ, что это одно и то же явленіе, тотъ же институтъ [2]). Прежде чѣмъ разбирать настоящее положеніе, долгомъ считаемъ оговориться: мы выше не разъ говорили, что закупничество сходно съ добровольнымъ холопствомъ. Но, во-первыхъ, ни закупничество, ни добровольное холопство не были временнымъ холопствомъ въ смыслѣ временнаго рабства, и мы сейчасъ увидимъ, что они противополагаются рабству, а во-вторыхъ, нѣтъ связи добровольнаго холопства съ кабальнымъ. Именно, изъ только-что приведенной ст. 70 Кар. сп. Русской Правды мы знаемъ, что бѣглый закупъ становился обельнымъ холопомъ. Значитъ, закупъ не

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 389, пр. 1.
[2]) Ibid., стр. 390—397, пр. 2.

обельный холопъ. Закупъ имѣлъ право иска противъ своего хозяина [1]), холопъ такового не имѣлъ. Отношенія закупа и хозяина болѣе или менѣе равноправныя. Обида со стороны хозяина освобождаетъ закупа отъ исполненія договора [2]). Наконецъ, закупъ отвѣчаетъ имущественно за убытки, причиненные имуществу хозяина [3]). Такихъ отношеній у раба къ хозяину быть не могло, ибо имущество раба—собственность господина. Все это, очевидно, черты прямо противоположныя рабству, хотя бы и временному. Въ памятникахъ Московской эпохи, когда мы встрѣчаемъ термины кабальнаго и добровольнаго холопства, оба эти вида холопства противополагаются другъ другу. Именно, указъ 1593 г. о добровольныхъ холопахъ говоритъ: „А о волныхъ людехъ приговорилъ государь со всѣми бояры: которые люди на Москвѣ и по городамъ, служатъ у кого добровольно... а сыщутъ что тотъ добровольный холопъ...“ [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со свободными людьми. И они по этому указу обращаются при опредѣленныхъ условіяхъ въ кабальныхъ: „а сыщутъ что тотъ добровольный холопъ у того человѣка служилъ съ полгода: и на тѣхъ волныхъ холопей служилые кабалы давати и челобитья ихъ въ томъ не слушати, потому что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ“ [5]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что добровольные холопы противополагаются кабальнымъ. Больше того, послѣднее мѣсто указа 1593 г. подтверждаетъ нашу мысль о происхожденіи служилой кабалы изъ займа, такъ какъ мотивируетъ принудительную кабальную запись сдѣланнымъ долгомъ „потому что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ“. Мы уже сказали, что самая ранняя изъ извѣстныхъ намъ жилецкихъ записей (кабала безъ займа) относится къ 1596 году [6]). Между тѣмъ служилыя кабалы, мотивированныя займомъ „а за ростъ служити“ дошли до насъ,

[1]) Русск. Пр. Кр. сп. ст. 70 („Хрест.“ Влад.-Буданова, I, стр. 59).
[2]) Ibid., ст. 73 („Хрест.“ Влад.-Будан.“, I, стр. 60).
[3]) Ibid., ст. 71 и 72 („Хрест.“ Влад.-Будан., III, стр. 59).
[4]) Указ. Кн. Прик. холоп. суда („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 93).
[5]) Ibid.
[6]) „Записн. книг. крѣп. актамъ“, столб. 52, № 148.

по мнѣнію проф. В. И. Сергѣевича [1]), согласившагося во второмъ изданіи своего труда съ указаніемъ г. Павлова-Сильванскаго—съ 1481 г. [2]), а по справедливому замѣчанію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова [3]), можетъ быть, были и ранѣе. Слѣдовательно, усматривать въ этихъ видахъ холопства одинъ институтъ нельзя, а слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [4]), считать служилую кабалу безъ займа развитіемъ заемной служилой кабалы, происшедшимъ въ силу указа 1586 года. При этомъ позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе: проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, критикуя мнѣнія проф. В. И. Сергѣевича относительно кабальнаго холопства, указываетъ, что этотъ послѣдній ученый относитъ возникновеніе кабалы ко времени старѣйшему конца XIII в. и по этому поводу замѣчаетъ: „Почему это? почему именно конца XIII в., не начала или середины, или XII в.? Авторъ не объясняетъ. Загадка, однако, понятна: къ концу XIII в. относится пространная Русская Правда, а въ ней статьи о закупничествѣ, которыя какъ разъ соотвѣтствуютъ понятію кабалы, но которыя проф. Сергѣевичъ толкуетъ въ смыслѣ договора найма". Приведенное замѣчаніе есть плодъ прискорбнаго недоразумѣнія. Проф. В. И. Сергѣевичъ различаетъ, какъ извѣстно, ростовую (болѣе раннюю) и служилую кабалу. Къ XIII в. онъ относилъ ростовую кабалу. Почему? Потому что самое слово это татарское и могло перейти къ намъ лишь послѣ ихъ нашествій. Между ростовой кабалой, т.-е. между роспис憂 въ полученіи денегъ въ долгъ съ обязательствомъ ихъ уплатить съ процентомъ, и между закупничествомъ Русской Правды мы никакого сходства и преемственности не видимъ. Деньги брались въ долгъ и въ эпоху Русской Правды [5]). Закупничество, какъ ни понимать его, такъ ли, какъ проф. В. И. Сергѣевичъ, или какъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, т.-е., наймитомъ ли или крестьяниномъ или слугою, предполагаетъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, лишь одно отно-

[1]) Русск. Юр. Др., I, стр. 155 (изд. 2-е).
[2]) „Люди кабальные и докладные" (Ж. М. Н. Пр. 1895 г. № I, стр. 11).
[3]) „Обзоръ ист. русск. пр." К. 1900, стр. 391, пр.
[4]) Op. cit., стр. 163 (изд. 2-е).
[5]) Русск. Пр. Ак. сп. ст. 14. Кар. сп. ст. 44, 45, 47—69.

шеніе къ найму: закупъ получаетъ деньги за свою работу впередъ. Явленіе это извѣстно и намъ. Но, конечно, никто не станетъ разсматривать писателя, взявшаго авансъ въ журналѣ, или прислугу, получившую деньги за работу впередъ, какъ кабальныхъ холоповъ. Такимъ образомъ, мы можемъ, намъ кажется, устранить всѣ теоріи, связывающія закупа съ крестьянами и кабальными холопами. Единственною остается аналогія закуповъ и добровольныхъ холоповъ—т.-е. вольнонаемныхъ слугъ.

§ 18. Приступая къ разсмотрѣнію юридической природы закупничества, мы должны, прежде всего, привести всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о нихъ единственный памятникъ, гдѣ они упоминаются, Русская Правда. Мы узнаемъ изъ этого законодательнаго памятника, что если закупъ бѣжитъ отъ господина, то становится холопомъ [1]). Но онъ можетъ открыто идти требовать своихъ денегъ судомъ отъ господина, и тогда судъ долженъ разобрать дѣло. По этому послѣднему пункту Русская Правда говоритъ такъ: „идетъ ли искати кунъ, а явлено ходить къ князю, или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то не робятъ его, но дати емоу правда“ [2]). Проф. В. И. Сергѣевичъ даетъ этому мѣсту особое толкованіе: слова „идетъ ли искати кунъ“ онъ поясняетъ: „занять денегъ“ [3]). Мы не можемъ согласиться съ такимъ объясненіемъ уважаемаго ученаго. Мы не видимъ здѣсь никакого намека на заемъ. Статья Русской Правды вполнѣ опредѣленно противополагаетъ два дѣйствія, направленныхъ противъ господина: тайное бѣгство, наказуемое обращеніемъ свободнаго закупа въ холопа, и явное—обращеніе къ судебной власти для полученія кунъ или вслѣдствіе обидъ господина. Проф. В. И. Сергѣевичъ говоритъ о закупѣ какъ о наемномъ работникѣ и указываетъ, что онъ „погашаетъ свой долгъ, если беретъ плату впередъ, работою [4]). Но онъ можетъ и не брать платы впередъ. И тогда хозяинъ обязанъ ихъ ему платить,

---

[1]) Ibid., ст. 70. Кар. сп.
[2]) Ibid. („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 59).
[3]) Русск. Юр. Др., I, стр. 181.
[4]) Русск. Юр. Др., I, стр. 178.

въ противномъ случаѣ закупъ имѣетъ право искать ихъ по суду. Въ такомъ же смыслѣ наемной платы мы понимаемъ и ст. 71. „Но еже далъ емоу господинъ плоугъ и борону, отъ него же копу емлетъ, то то емоу погоубившу платити". Проф. В. И. Сергѣевичъ понимаетъ слова „отъ него же копу емлетъ" какъ взятую впередъ плату [1]). Мы не усматриваемъ для сего основаній и полагаемъ, что скорѣе возможно здѣсь подразумѣвать періодическую плату, въ виду формы „емлетъ" [2]). Но вѣроятно, что очень часто эти наемные холопы получали плату впередъ: мы это усматриваемъ, во-первыхъ, изъ довольно темной ст. 73 Кар. сп. Русск. Правды. Она гласитъ слѣдующее [3]):

„Оже господинъ преобидитъ закоупа, оуведѣть вражду и и оувередитъ цѣноу, а введеть вкоупоу его или отарицоу, то то емоу все воротити, а за обиду емоу платити 60 коунъ; аще ли прииметъ на немъ коунъ, то опять емоу воротити куны, что будетъ приялъ, а за обидоу ему платити три гривны продажи". Прежде всего укажемъ, что проф. В. И. Сергѣевичъ объясняетъ слова „отарица" какъ peculium [4]). Это объясненіе весьма уясняетъ смыслъ статьи. Уважаемый изслѣдователь толкуетъ эту статью такъ: хозяинъ можетъ уменьшить закупу наемную плату, отобрать его имущество и заложить его. За это онъ отвѣчаетъ [5]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ свою очередь говоритъ, что „введеть вкопоу" — уменьшитъ его долю копенъ хлѣба. Позволимъ себѣ по этому поводу замѣтить, что если принять объясненіе слова отарица какъ peculium, т.-е. какъ имущество хозяина, данное закупу для оборота [6]), то статья эта должна быть понимаема такъ: „Если господинъ обидитъ закупа, начнетъ съ нимъ вражду,

[1]) Ibid., стр. 178.

[2]) „Къ вопросу о прикр. влад. крест." (Ж. М. Н. Пр. 1895, стр. 5, по отд. отт.).

[3]) „Хрест." Влад.-Буд., I, стр. 60.

[4]) Русск. Юр. Др., I, стр. 182.

[5]) Ibid.

[6]) Dernburg, „Pandekten". Berl. 1894, II, § 14, S. 39 „Peculium war ein dem Hausuntergebenen vom Hausvater eingeräumtes Sondervermögen, welches thatsächlich dem Hausuntergebenen überlassen war, rechtlich aber in dem Eigenthum des Hausvaters blieb".

уменьшитъ наемную цѣну, ложно увеличивъ сдѣланный закупомъ долгъ или данный ему peculium, то этотъ убытокъ долженъ быть возвращенъ закупу и кромѣ того полагается особый штрафъ за обиду въ 60 кунъ. А „введеть вкопоу“ и можетъ быть понимаемъ, какъ введетъ въ сумму, взятую впередъ. Наконецъ, слова „пріиметь ли на немъ кунъ“ мы не имѣемъ основаній объяснять залогомъ закупа. Можетъ быть и такъ. Но вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, объяснить это мѣсто какъ насильственный захватъ имущества закупа, которое въ такомъ случаѣ должно быть возвращено съ уплатою штрафа въ 3 гривны. Дальнѣйшія слова той же статьи говорятъ также о деньгахъ, полученныхъ наймитомъ впередъ: „продастъ ли господинъ закоупа обель, то и намиту слобода во всѣхъ коунахъ; а господину платити за обидоу 12 гривенъ продажи“ [1]). Если господинъ, пользуясь своимъ фактическимъ преимуществомъ, продастъ кому-либо своего наемнаго работника въ качествѣ раба, то сдѣлка признается недѣйствительной и работникъ освобождается отъ обязанности служить для отработки полученныхъ впередъ денегъ. Конецъ этой статьи, вполнѣ ясный, также требуетъ нѣсколькихъ словъ: „аще ли господинъ бьетъ закоупа про дѣло, то безъ вины есть; бьетъ ли не смысля, пьянъ, безъ вены, то яко же свободномоу платити, такъ и въ закоутѣ“ [2]). Тѣлесное наказаніе свободнаго наемнаго человѣка насъ не должно удивлять. То же допускалось и въ XIX в. Прусскимъ Landrecht'омъ [3]).

Послѣдняя фраза, противопоставляющая, какъ будто, закупа свободному человѣку, даетъ основаніе проф. М. Ф. Владимірскому-Буданову замѣтить, что „въ самой Русской Правдѣ закупъ противополагается свободному человѣку“ [4]). Проф. В. И. Сергѣевичъ совершенно справедливо замѣтилъ: „наниматели пользовались всякимъ случаемъ, чтобы обратить наймита въ обельнаго холопа. Потребовалось оказать закупамъ защиту“ [5]). Въ данномъ мѣстѣ мы усматриваемъ лишь новое

[1]) Ст. 73 Кар. сп. („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 60).
[2]) „Хрест.“ Влад.-Буд., стр. 60.
[3]) II, tit. 5, ст. 185.
[4]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 30—39, пр. 2.
[5]) Р. Юр. Др., I, стр. 181. Ср. 122 ст. Кар. сп. („Хрест.“, I, стр. 77).

напоминаніе, что закупъ свободный человѣкъ. Есть интересный варіантъ статьи о закупахъ, повидимому, представляющій попытку толкованія ихъ, съ указаніемъ на юридическую природу закупничества. Именно въ сп. Мусина-Пушкина и въ Троицкомъ сп. Русской Правды сказано: „вда цѣну (а въ дачъ) не холопъ, ни по хлѣбѣ робятъ, ни по придатцѣ; но оже не доходятъ годы, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть“ [1]). Изъ этой статьи мы видимъ, что обычнымъ срокомъ найма былъ годъ. Наемная плата давалась впередъ. При этомъ поясняется: такой человѣкъ, т.-е. получившій наемную плату впередъ, ни холопъ, ни несостоятельный должникъ въ точномъ значеніи этого слова, отрабатывающій свой долгъ, ни лицо, работающее въ видѣ уплаты процентовъ („по придатцѣ“, по нашему мнѣнію, можно передать лишь словомъ „проценты“). По объясненію проф. В. И. Сергѣевича [2]), эти отрицательныя слова суть поясненія того, какъ платилась цѣна. Такое объясненіе невозможно, такъ какъ статья именно говоритъ, что наемные работники „ни по хлѣбѣ“ работаютъ „ни по придатцѣ“. Далѣе, ст. 71 и 72 Кар. сп. Русской Правды [3]) не требуютъ особаго объясненія. Мы уже выяснили, почему не считаемъ „ролейнаго закупа“ крестьяниномъ, жившимъ на владѣльческой землѣ. Поэтому естественный смыслъ этихъ статей таковъ: Если наемный работникъ растратитъ данное ему для работы имущество хозяина, то за это онъ платитъ. Если же потеря имущества произошла безъ его вины: „оже изъ хлѣва изъ забоя выведуть“—то онъ не отвѣчаетъ. Равнымъ образомъ онъ не отвѣчаетъ, если погибнетъ то его собственное имущество, съ которымъ онъ нанялся на работу. Именно, какъ и теперь, рабочіе на сельскія работы часто нанимались съ ихъ собственной лошадью, съ ихъ собственными орудіями. Уничтоженіе этихъ орудій, конечно, причиняющее вредъ и нанимателю, который на нихъ разсчитывалъ, не влечетъ и обязанности со стороны закупа ихъ возстановлять на свой счетъ, очевидно въ видахъ того, что для закупа

[1]) В. И. Сергѣевичъ, op. cit., стр. 180.

[2]) Ibid., стр. 180. Ср. наше объясненіе съ объясненіемъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова „Хрест. по ист. русск. пр.“ в. I, стр. 77, пр. 166.

[3]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 59.

ихъ потеря еще тяжелѣе, чѣмъ для хозяина [1]). Затѣмъ, мы видимъ изъ ст. 77 Кар. сп., что закупъ можетъ быть послухомъ лишь въ „малѣ тяжѣ, по нужѣ“, т.-е. въ незначительномъ процессѣ, по необходимости. Такое ограниченіе, во-первыхъ, не является особымъ ограниченіемъ личныхъ правъ лица [2]), а во-вторыхъ, это ограниченіе вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что „послухъ“ былъ въ эпоху Русской Правды не свидѣтелемъ факта, а свидѣтелемъ доброй славы стороны на судѣ, Mitbürge германскаго права [3]). Такимъ послухомъ могъ быть лишь человѣкъ вполнѣ независимый, какъ юридически, такъ и фактически, и, вѣроятно, всегда представитель того союза, къ коему принадлежитъ сторона. Мы же уже сказали, что полноправный членъ союза въ то время врядъ ли шелъ въ личный наемъ. Наемниками, батраками были, очень вѣроятно, изгои. Такое лицо, понятно, не могло быть и послухомъ. Проф. В. И. Сергѣевичъ въ объясненіи этой статьи говоритъ, что свидѣтельство на послуха не возлагалось въ виду его экономической малозначительности, въ виду того, что это бѣдный, ничтожный человѣкъ [4]). И это вполнѣ вѣроятно. Наконецъ, намъ остается объяснить послѣднюю ст. Русской Правды о послухахъ, какъ ст. 75 Кар. сп. [5]). Она довольно темна и требуетъ толкованій. Указанная статья говоритъ.

„Оже закоупѣ оуведетъ что (по Тр. сп. ст. 57 „Аже закоупъ выведеть что) [6]), то господинъ въ немъ; но еже и гдѣ

---

[1]) Ср. объясненіе проф. В. И. Сергѣевича, Русск. Юр. Др., I, стр. 179—180.

[2]) Ср. т. XVI, ст. 417 п. 1 Уст. Гр. Судопр.

[3]) Н. Л. Дювернуа. „Источники Права и Судъ въ древней Россіи“. М. 1869, стр. 181—182 и 193—195. Ср. В. И. Сергѣевичъ „Лекціи и изслѣд.“. Спб. 1890 г., стр. 678—680. М. Ф. Владимірскій-Будановъ „Обзоръ“. К. 1900, стр. 642—643. Послѣдній авторъ приводитъ въ своей хрестом. (I, стр. 41—42, пр. 25) свѣдѣн. объ аналогич. явлен. въ Чехіи на основаніи Rad. Práwa zemskiego Въ посл. изд. „Обзора“ (стр. 642) авторъ указываетъ, что и въ эпоху Русск. Прав. иногда смѣшивали видока и послуха. Врядъ ли такъ. Ст. 24 Кар. сп. въ концѣ именно говоритъ о свидѣтелѣ доброй славы, ручающагося за то, что обвиняемый не могъ начать ссоры. Слова Кирил. Туровск. могли имѣть значеніе не лжесвидѣтеля, а ручательства за завѣдомо дурного человѣка.

[4]) Русск. Юр. Др., I, стр. 182.

[5]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 61.

[6]) Н. В. Калачевъ, „Русская Правда по четыремъ ея спискамъ“. Спб. 1889, стр. 13.

налѣзоуть, то передь заплатить господинъ его конь или ино что боудеть възял, а емоу холопъ обельный; пакы ли господинъ его начнетъ не хотѣти платити зань, а продасть и и отдасть же преже за конь, или за волъ, или за товаръ, что боудеть взялъ, а поробокъ (въ другомъ спискѣ „прокъ“) емоу взяти самомоу себѣ“. Проф. В. И. Сергѣевичъ объясняетъ эту статью такъ [1]) „Огражденіе правъ нанимателей имѣетъ въ виду и 57 ст. Тр. сп. Если закупъ дѣлался должникомъ третьяго лица, то онъ не отвѣчалъ лично, ибо это могло повести къ нарушенію интересовъ нанимателя, а предоставлялся въ полную его власть... господинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ заблагоразсудится; можетъ, уплативъ причиненный убытокъ, сдѣлать его холопомъ своимъ и можетъ продать его обель для возмѣщенія убытка... Закупъ могъ быть долженъ господину за порчу его вещей, за впередъ полученную плату и пр. Если бы онъ отвѣчалъ самъ за убытки третьимъ лицамъ, интересы господина его могли бы быть этимъ нарушены. Въ огражденіе ихъ онъ и предоставляется въ полную его власть“. По нашему мнѣнію, справедливѣе объяснилъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Слова „оуведеть что“ названный ученый объясняетъ какъ „украдетъ“ [2]). И это вполнѣ совпадаетъ съ другимъ мѣстомъ Русской Правды, напр., до сопост. ст. ст. 72, 73 и др. [3]). Слова „то господинъ внемъ“ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ дополнилъ изъ другихъ списковъ словами „въ томъ не платить“ [4]). Значитъ, если закупъ у кого либо что-нибудь украдетъ, то наниматель за это не отвѣчаетъ имущественно. Дальнѣйшій смыслъ этой статьи, по нашему мнѣнію, таковъ: „но если захватятъ закупа, то господинъ (хозяинъ) можетъ заплатить за украденную вещь и тогда, и только подъ этимъ условіемъ, пріобрѣтаетъ закупа себѣ въ полное холопство. Если же хозяинъ не хочетъ этого, то можетъ продать закупа третьему лицу и тогда изъ вырученной суммы долженъ уплатить стоимость украденной вещи, а остальное („прокъ“) мо-

---

[1]) Русск. Юр. Др., I, стр. 184.
[2]) „Хрест.“, I, стр. 61, пр. 106.
[3]) Ibid., стр. 59, 61.
[4]) Ibid., I, стр. 61, пр. 106.

жетъ взять себѣ. Но затѣмъ, намъ кажется, статья эта не запрещаетъ и третьяго случая, и вѣроятно самаго обычнаго, именно, что хозяинъ совершенно отступается отъ закупа и взысканіе поступаетъ на личность закупа.

Вотъ все, что мы знаемъ о закупахъ. На основаніи сказаннаго мы должны опредѣлить ихъ юридическую природу такъ: закупъ наемный работникъ. Онъ можетъ имѣть свое имущество [1]), имѣетъ право иска на хозяина [2]), а потому, понятно, и на третьихъ лицъ. Помимо правоспособности, закупъ и дѣеспособенъ, онъ можетъ быть послухомъ, хотя и въ исключительныхъ случаяхъ [3]). Закупъ вступаетъ въ юридическія сдѣлки со своимъ хозяиномъ [4]), и отвѣчаетъ передъ нимъ имущественно [5]). Ограниченія его правъ касаются правъ личныхъ и зависятъ отъ его экономическихъ неблагопріятныхъ условій и матеріальной зависимости отъ нанимателя. Здѣсь, приступая къ разсмотрѣнію дальнѣйшаго развитія института личнаго найма въ древней Руси, долгомъ считаемъ сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ закупа къ займу. Мы видимъ, что заемъ и полученіе наемной платы закупомъ впередъ не суть необходимые признаки закупничества. Закупъ вполнѣ мыслимъ и безъ всякаго отношенія къ займу. Между тѣмъ, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [6]) говоритъ, что слово „закупъ“ дожило до довольно позднихъ временъ въ западно-русскомъ языкѣ и въ этомъ послѣднемъ имѣетъ весьма точное значеніе, причемъ авторъ приводитъ примѣръ городенскаго „жида“, который „жаловался судьѣ на Понаргица и его жену въ томъ, что они запродали зятя своего и жену его въ рублѣ грошей пану Внучку—который продержалъ запроданнаго одинъ годъ и выпустилъ ему „выпусту“ изъ занятаго рубля 20 грошей; а потомъ панъ перевелъ того закупа жиду за 70 грошей, у жида онъ служилъ одинъ годъ и получилъ выпусту 26 грошей; затѣмъ ушелъ прочь и остальныхъ

[1]) Ст. 71 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 59).
[2]) Ст. 70 (ibid.).
[3]) Ст. 77 (ibid., стр. 62).
[4]) Ст. 73 (ibid., стр. 60), ст. 57 Тр. сп.
[5]) Ст. ст. 71 и 72 („Хрест.“, I, стр. 59).
[6]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 38, пр. 2.

54 грошей не возвратилъ. Судья присудилъ уплатить истцу 54 гроша". „Это", продолжаетъ изслѣдователь: „не наемный слуга, ибо здѣсь не срокомъ работы опредѣляется сумма денегъ, а суммою денегъ — срокъ работы". По этому поводу позволимъ себѣ замѣтить, во-первыхъ, что и „закупъ" даннаго случая — свободный человѣкъ: онъ могъ уйти отъ жида и отвѣчалъ имущественно за убытки. Во-вторыхъ, мы считаемъ весьма рискованнымъ изъ позднѣйшаго значенія того или иного термина объяснять его первоначальную природу. Мы имѣемъ массу примѣровъ, что слово, вполнѣ опредѣленное въ извѣстномъ смыслѣ въ болѣе старое время, въ позднѣйшее время получало не менѣе опредѣленный смыслъ, часто взятый изъ одного изъ признаковъ первоначальнаго значенія, часто совсѣмъ иной. Послухъ Русской Правды въ XIV вѣкѣ уже становится свидѣтелемъ факта, равнымъ вѣдоку. Тіунъ-ключникъ, холопъ, становится чиновникомъ при намѣстникѣ. Также всѣ государственныя должности средневѣковой Франціи, Сенешаль, Коннетабль и др., не даютъ понятія непосредственно о своемъ происхожденіи изъ холопскихъ обязанностей при лицѣ короля [1]). Мы полагаемъ, что и въ данномъ случаѣ западно-русское право могло заимствовать одинъ изъ признаковъ закупа—его задолженность, работу для уплаты взятаго впередъ жалованья, и примѣнить его къ видоизмѣненному явленію. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ эволюціей института, а не съ тождествомъ. Наконецъ, мы не усматриваемъ, почему обязанность отслужить за опредѣленную сумму опредѣленное время противорѣчитъ понятію найма. Возьмемъ примѣръ изъ нашей обычной сельскохозяйственной практики. Очень часто крестьяне пользуются выгономъ землевладѣльца съ обязательствомъ работать на него опредѣленное количество дней. То же практикуется и при займѣ. Мы полагаемъ, что оба эти явленія можно конструировать, какъ личный наемъ, съ уплатою впередъ эквивалента, причемъ лицо нанимающееся обязывается отработать извѣстное количество дней. Въ случаѣ нарушенія— получается отвѣтственность имущественная. Заемъ опредѣляется

[1]) Ср. Dareste de la Chavanne. „Histoire de l'administration en France". Pag. 186.

формулой do ut des [1]). А здѣсь имѣемъ do ut facias. Въ заключеніе обозрѣнія постановленій Русской Правды о закупахъ слѣдуетъ упомянуть, что ст. 121 Русск. Пр. предполагаетъ поступленіе въ личный наемъ ключникомъ. Для этого требуется, чтобы поступающій въ ключники впередъ уговаривался, что онъ не дѣлается холопомъ [2]). По справедливому заключенію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, вѣроятно это распространялось и на наемныхъ холоповъ [3]).

§ 19. По справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича, возражавшему Мейеру, Неволину и Б. Н. Чичерину, видѣвшимъ въ закупничествѣ самозалогъ, причемъ послѣдній изъ авторовъ полагалъ, что закупничество перешло въ закладничество и потомъ въ кабальное холопство, личный наемъ извѣстенъ всѣмъ памятникамъ нашего стараго законодательства [4]). Мы сейчасъ къ нимъ перейдемъ, здѣсь же позволимъ себѣ замѣтить, что „закладни“ очень интересное явленіе древней жизни и также никакого отношенія къ кабалѣ не имѣли. Мы о нихъ будемъ говорить далѣе. Здѣсь же лишь замѣтимъ, что закладничество, явленіе близкое къ римской кліентеллѣ, средневѣковому вассальству [5]), могло имѣть соприкосновеніе и къ закупничеству, не въ томъ видѣ, какъ это полагаетъ Б. Н. Чичеринъ [6]). Закладнями, конечно, становились всѣ обездоленные, слабые, могли и закупы. Это не эволюція института, а случайное совпаденіе.

Вольный наемъ извѣстенъ Псковской Судной Грамотѣ. Ст. 40 этого памятника гласитъ [7]):

„А которой наимить дворной пойдеть прочь отъ государя, не достоявъ своего оурока, іно ему найму взяти по счету, а сочить ему найма своего за годъ, чтобы 5 годовъ, или 10 годъ стоявши, и всѣхъ тыхъ ему годъ (стоявши) найма со-

---

[1]) Dernburg. „Pandekten“. Berl. 1894, II, § 1, S. 3.

[2]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 77.

[3]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 626.

[4]) Р. Юр. Др., I, стр. 185.

[5]) Н. П. Павловъ-Сильванскій. „Закладничество Патронатъ“. Спб. 1897, стр. 15—16.

[6]) „Опыты по ист. русск. пр.“. М. 1858, стр. 154.

[7]) „Хрест.“ Влад.-Буданова, I, стр. 148.

чити, какъ отыде за годъ сочити, толко будеть найма не ималъ оу государя; а толко пойдеть болши года, ино имъ не сочити на государехъ". Статья эта довольно темна. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ объясняетъ ее такъ [1]): „если дворовый работникъ отойдетъ отъ хозяина не достоявши условленнаго срока, то получаетъ заработную плату по разсчету (времени), но только за одинъ (послѣдній) годъ, хотя бы онъ (работникъ) стоялъ 5 или 10 годовъ; изъ заработной платы всѣхъ этихъ годовъ ему позволяется искать, если онъ прежде не бралъ платы у хозяина, только за одинъ (послѣдній) годъ; если же пройдетъ больше года, то работникамъ не искать на хозяевъ": При такомъ объясненіи является противорѣчіе между первой и второй частью статьи. Именно, наймитъ получаетъ плату „по счету". И вдругъ все-таки оказывается, что плата эта идетъ лишь за послѣдній годъ. Мы понимаемъ вторую часть статьи, какъ постановленіе о давности иска. Именно, если наймитъ не достоитъ (не дослужилъ) указаннаго срока, опредѣленнаго въ договорѣ, то онъ получаетъ плату по разсчету за прослуженные годы. Но право иска онъ имѣетъ лишь въ теченіе года послѣ ухода. Если онъ, прослуживъ 5 или 10 лѣтъ, потребуетъ плату черезъ годъ, то получаетъ ее, подъ условіемъ неплатежа ему ея ранѣе; если же пройдетъ болѣе года, то наймитъ теряетъ право иска [2]). Затѣмъ, мы знаемъ, что наймитъ, отслуживши свое время, получаетъ право искать денегъ на господинѣ [3]), причемъ дѣяніе господина даже квалифицируется какъ кража [4]). Въ случаѣ спора, при отсутствіи письменныхъ памятниковъ, дѣло рѣшалось присягой [5]). Изъ этого всего мы видимъ, что личный наемъ по Псковской Ссудной Грамотѣ не связанъ ни съ какимъ правовымъ ограниченіемъ. Договоръ личнаго найма разсматривается какъ гражданская сдѣлка, что, впрочемъ, вполнѣ понятно въ Псковской

---

[1]) „Хрест. по ист. русск. пр.", I, стр. 148, пр. 97. Ср. „Обзоръ". К. 1900, стр. 626.

[2]) Ср. Энгельманъ. „Систематъ. излож. гражд. зак., содерж. въ Псковск. Суд. Гр. Спб. 1885, § 38, стр. 66, пр. д.

[3]) Ст. 39. („Хрест." Влад.-Буд., I, стр. 147).

[4]) Ibid., стр. 147—148, пр. 96.

[5]) Ст. 41 (ibid., стр. 148).

Ссудной Грамотѣ, этомъ блестящемъ памятникѣ цивилистическаго правосознанія. Равнымъ образомъ, и въ послѣдующей юридической практикѣ и законодательствѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ ограниченій право- или дѣеспособности вольнонаемныхъ слугъ. Извѣстно, и въ литературѣ русской исторіи и исторіи русскаго права неоднократно указывалось [1]), что общей тенденціей Московскаго государства было преслѣдованіе добровольнаго (вольнонаемнаго) холопства. Правительство смотрѣло косо на этотъ институтъ и, идя рука объ руку съ желаніемъ же и нанимателей, дѣлало неоднократныя постановленія, что служба по вольному найму, не сопровождаемая особыми договорами, по истеченіи извѣстнаго срока, сперва въ теченіе 6 мѣсяцевъ [2]), потомъ, по Уложенію, въ теченіе 3 мѣсяцевъ [3]), обращалась въ холопство. Впрочемъ, Судебники 1497 и 1550 годовъ знаютъ виды вольнонаемной службы и безъ договора. Ст. 54 Судебника 1497 г. говоритъ [4]): „А наймитъ не дослужитъ своего урока, а пойдетъ прочь, и онъ найму лишенъ“. Полнѣе правило то же повторяется ст. 83 Судебника 1550 г. „А наймитъ у государя не дослужитъ уроку своего, да пойдетъ прочь, и онъ найму лишенъ. А который государь наймиту не захочетъ дать найму, и уличитъ его въ томъ наймитъ, и на томъ доправить наемъ вдвое“ [5]). Обѣ эти статьи касаются того же случая, который заинтересовалъ Псковскую Ссудную Грамоту, и въ обоихъ Судебникахъ вопросъ этотъ рѣшается гораздо категоричнѣе. Но и здѣсь мы видимъ вполнѣ свободныхъ людей, могущихъ уйти отъ нанимателя когда угодно, не несущихъ никакой особой отвѣтственности за это; интересы обѣихъ сторонъ охраняются почти равномѣрно. Ушедшій до срока наймитъ тѣмъ нарушаетъ договоръ и лишается своего жалованья. Хозяинъ, неплатящій денегъ наймиту, наказывается особыми штрафами въ пользу пострадав-

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Обзоръ“. К. 1900, стр. 626. В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др., I, стр. 163 (изд. 2). Карамзинъ „Ист. Г. Росс.“, XI, 69 и др.

[2]) Указъ 1593 г. („Указ. кн. Холоп. суд.“. „Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 93).

[3]) Улож., гл. XX, 16, 30.

[4]) „Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 101.

[5]) Ibid., стр. 168.

шаго. Независимо сего по ст. 66 Судебника Ивана III, по ключу обращался въ холопы лишь сельскій кличникъ. Городской можетъ быть и безъ особаго договора свободнымъ [1]). По Судебнику Царя Ивана IV, по ст. 76, холопство вообще должно было сопровождаться докладною грамотою или полною [2]). Значитъ, мы имѣемъ обратное, по сравненію съ Русской Правдою, явленіе: тамъ всякій кличникъ, нормально, холопъ. Договоръ ограждаетъ его свободу. Здѣсь ключникъ не холопъ. Договоръ ведетъ къ холопству. До насъ дошло много договоровъ о службѣ, ограждавшихъ свободу вольнонаемныхъ слугъ [3]). Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о правахъ вольнонаемныхъ, мы должны выяснить одинъ терминъ, который можетъ привести къ недоразумѣнію и коснуться одного весьма интереснаго явленія. Уложеніе 1649 г. запрещаетъ нѣкоторымъ лицамъ пріобрѣтать холоповъ. (Какъ мы уже сказали— Уложеніе знаетъ новыхъ лишь кабальныхъ холоповъ). Эти лица: попы, діаконы и церковнослужители, холопы и не тяглые люди по отношенію къ тяглымъ [4]). Они держатъ слугъ по записямъ. Записи эти нигдѣ не названы, лишь въ ст. 116 гл. XX названа запись въ службу тяглыхъ людей нетяглыми „житейскою“. Проф. В. И. Сергѣевичъ называетъ эти записи „жилыми“ [5]). Мы уже сказали выше, при разсмотрѣніи кабальнаго холопства, что „жилецкая“ запись есть та же служилая кабала безъ займа. Здѣсь намъ надлежитъ оговориться: мы имѣемъ здѣсь весьма интересное явленіе: Уложеніе знаетъ для вновь продающихъ себя въ рабство одинъ видъ холопства—холопство кабальное [6]). Кабальное холопство и по Уложенію было „по животъ господина“ [7]). Жилая или жилецкая

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 106.

[2]) Ibid., стр. 163.

[3]) См., напр., А. о. до Юр. Б., II, № 127, XV. Ср. В. И. Сергѣевичъ. Р. Юр. Др., I, стр. 187, и М. Ф. Влад.-Будановъ. „Обзоръ“. К. 1900, стр. 626—627.

[4]) Гл. XI, ст. 32; гл. XX, ст. ст. 104, 105, 106.

[5]) Русск. Юр. Др., I, стр. 186. Уложеніе слово „жилая“ запись знаетъ, но употребляетъ его въ примѣненіи къ особ. случаю: покупки несостоятельнаго лица въ правежѣ. (Гл. XX, ст. 46).

[6]) Гл. XX, ст. 7.

[7]) Гл. XX, ст. ст. 12, 15, 52.

запись была „по животъ господина на урочные годы“ [1]). Такимъ образомъ, существенной разницы между кабалой и жилой записью не было. Жилая запись „по животъ господина“ была тою же служилой кабалой. Уложеніе, въ то же время, знаетъ чисто личный наемъ: во-первыхъ, наемъ крестьянъ, очевидно отпущенныхъ на заработки ихъ хозяевами, на опредѣленныя работы [2]); во-вторыхъ, служба безкабальная, въ теченіе 3 мѣсяцевъ [3]). По окончаніи этихъ работъ они отпускаются, и не было никакихъ записей. Очевидно, что „жилая“ запись явилась естественнымъ дополненіемъ закона, вызванная потребностью жизни. Съ одной стороны, оказались лица, не желавшія служить по смерть нанимателя. Съ другой стороны, правительство признало нужнымъ лишить нѣкоторыхъ лицъ права имѣть холопа. Должна была явиться, сверхъ неподвижной формы служилой кабалы, особая форма зависимости, менѣе неподвижная. Такой явилась „жилецкая или жилая запись“. Запись эта, съ одной стороны, могла совпадать съ служилой кабалой и форма ея „по животъ господина“ ничѣмъ не отличалась отъ этой послѣдней [4]). Съ другой стороны, жилецкая запись могла быть даваема на опредѣленный срокъ, на урочные годы. Въ такомъ видѣ она приближалась къ личному найму. Но мы позволяемъ себѣ усумниться, чтобы эту запись можно было квалифицировать какъ личный наемъ. Во-первыхъ, личный наемъ всегда влекъ за собою имущественный искъ, а не принужденіе къ исполненію договора [5]). И Уложеніе знаетъ такіе иски и, противодѣйствуя „добровольному“ холопству, ихъ запрещаетъ [6]). По отношенію же къ „жилымъ“ записямъ Уложеніе знаетъ, кромѣ платы неустойки (заряда), принудительное возвращеніе ушедшаго слуги. Если ушелъ отецъ, то

---

[1]) Гл. XX, ст. 44.

[2]) Гл. XI, ст. 32.

[3]) Гл. XX, ст. 16.

[4]) Ср. „Зап. книга крѣп. акт. XV—XVI вв.“ Спб. 1898, ст. 52, № 148 и А. о. до Юр. Б. II, № 127, XII.

[5]) Исключеніе составляютъ новѣйшіе законодательные акты, напр., Preussische Landrecht, нашъ проектъ Гражд. Улож. кн. V, ст. 435 и т. п.

[6]) Гл. XX, ст. 17.

дѣти и жена служили во дворѣ господина по его животъ [1]). Во-вторыхъ, эти „жилыя“ записи и Уложеніемъ выдѣлены отъ добровольнаго холопства. Поэтому мы можемъ назвать ихъ временнымъ холопствомъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ ошибался, смѣшивая добровольное холопство съ служилой кабалой, но весьма правильно и тонко подмѣтилъ это среднее явленіе и сходство жилыхъ записей съ служилой кабалой, опредѣляя службу по жилой записи какъ временное холопство [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что институтъ личнаго найма проходитъ черезъ всю исторію нашего права, начиная съ Русской Правды. Лица, служащія по найму, хотя отчасти и ограничены въ своихъ личныхъ правахъ, или, вѣрнѣе, могутъ легко, при извѣстныхъ условіяхъ, потерять свободу, но сами люди свободные и право- и дѣеспособны.

Въ виду того, что въ актахъ, удостовѣрявшихъ юридическія сдѣлки, не писалось, обыкновенно, соціальнаго состоянія лицъ, совершавшихъ эти сдѣлки, мы не можемъ привести письменныхъ документовъ по пріобрѣтенію, отчужденію и т. п. имуществъ, совершенныхъ завѣдомо лицами, служившими въ то время по найму. Болѣе того, полагаемъ, что въ дѣйствительности наймиты, понятно, никогда почти и не пріобрѣтали во время своего услуженія недвижимыхъ имуществъ. Но юридически они имѣли на это право и мы не знаемъ никакихъ запрещеній имъ самимъ выступать въ сдѣлкахъ въ качествѣ дѣеспособныхъ лицъ. Напротивъ, все, что мы знаемъ объ ихъ отношеніяхъ къ хозяевямъ, ихъ процессуальная правоспособность, заставляетъ насъ признавать ихъ полную гражданскую дѣеспособность. На этомъ мы можемъ закончить разсмотрѣніе вліянія личнаго найма на юридическую природу лицъ. Теперь намъ надлежитъ перейти къ нѣкоторымъ видамъ личной зависимости, очень мало еще выясненнымъ въ литературѣ; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о людяхъ, находящихся внѣ общей жизни, внѣ общества, изъ которыхъ, вѣроятно и набирался контингентъ кандидатовъ въ эти зависимыя положенія.

---

[1]) Гл. XX, ст. 44 и 45.

[2]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 395, пр. и 397, пр. пункта 2, (mutatis mutandis, т.-е. вмѣсто добров. холопъ поставить „жилыя записи“).

§ 20. Такимъ разрядомъ лицъ обездоленныхъ, находящихся внѣ общественныхъ связей, были въ древней Руси такъ называемые „изгои“. Мы не будемъ останавливаться на ихъ понятіи, съ достаточной подробностью выясненномъ работами Н. В. Калачова [1]), К. С. Аксакова [2]), В. И. Сергѣевича [3]). Это люди, находящіеся внѣ сферы данныхъ общественныхъ отношеній, не имѣющіе покровительства въ томъ союзѣ, къ которому принадлежали раньше или они сами (разорившійся купецъ, вышедшій на свободу холопъ), или ихъ отцы (неграмотный поповъ сынъ, осиротѣвшій князь). Въ сущности, всѣ приведенные нами авторы, несмотря на кажущееся противорѣчіе, между собою согласны. Н. В. Калачовъ считалъ изгоя лицомъ, находящимся внѣ родовыхъ отношеній, К. С. Аксаковъ—исключеннымъ изъ общины. В. И. Сергѣевичъ говоритъ [4]), что „это бѣдные, жалкіе люди, лишившіеся обыкновенныхъ въ ихъ положеніи средствъ существованія“. Мы не беремся здѣсь рѣшать характера тѣхъ союзовъ, какіе существовали въ древней Руси и внѣ которыхъ, по справедливому замѣчанію Н. Л. Дювернуа [5]), не было возможности юридически проявлять себя отдѣльному лицу. Нельзя отрицать и слѣдовъ быта родового, вѣрнѣе, семейственнаго, очень возможно, что эти большія семьи принимали постепенно характеръ общинъ [6]). Нѣтъ основанія отрицать и тотъ характеръ союзовъ, который придаетъ имъ проф. В. И. Сергѣевичъ, т.-е. союзовъ для особыхъ цѣлей, совмѣстной охоты, войны и т. п. [7]). Наконецъ, въ эпоху Русской Правды несомнѣнно существовали союзы административнаго характера, напр. верви [8]). Все это могло существовать параллельно, совмѣстно, совпадая и

---

[1]) „О значеніи правъ и состоянія изгойства въ др. Руси“. („Арх. ист. юр. свѣд.“, I, Спб. 1850).

[2]) Собр. Соч., I, стр. 38.

[3]) Р. Юр. Др., I, стр. 263—267.

[4]) Р. Юр. Др., I, стр. 264.

[5]) „Источн. права и суд. др. Россіи“. М. 1869 г., стр. 99 и слѣд.

[6]) Грушевській, „Історія Украіни Руси“. Львовъ, I, 1898, стр. 220—225.

[7]) „Лекціи и изслѣдов.“ Спб. 1883, стр. 23 и слѣд.

[8]) См. Русск. Пр. Кар. сп., ст. ст. 4, 5, 6. („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 36, 37, 38).

пересѣкаясь. Изгои были во всякомъ случаѣ лицами, находящимися внѣ защиты этихъ союзовъ, чуждыя имъ, ненужныя, а потому, конечно, мелкіе, бѣдные. Какъ извѣстно, изгои пользовались покровительствомъ церкви. Церковь была ихъ патрономъ. Они были подчинены суду духовенства [1]). Но, затѣмъ, мы не знаемъ особыхъ ограниченій и право и дѣеспособности изгоевъ. По Русской Правдѣ за убійство изгоя полагался такой же выкупъ въ 40 гривенъ, какъ и за другихъ свободныхъ мужей [2]). Никакихъ ограниченій ихъ въ сферѣ имущественной мы не знаемъ. Слѣдуетъ, конечно, указать, что изгойство предполагало жалкое, бѣдственное существованіе и потому, въ дѣйствительности, вѣроятно никогда изгоямъ и не приходилось заключать юридическихъ сдѣлокъ. Но право на это они, конечно, имѣли. Печальное положеніе изгоевъ привело къ тому, что именемъ ихъ стали вообще называть людей, находившихся въ имущественной зависимости отъ другихъ. Мы знаемъ, что въ жалованныхъ и данныхъ грамотахъ встрѣчается выраженіе „деревни и села со изгои“ [3]). По мнѣнію проф. В. И. Сергѣевича [4]), „это значитъ, что князь, одаряя монастырь своей землей, передаетъ ему и тѣ участки, которые сданы были крестьянамъ“. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ еще рѣзче выражается по этому поводу [5]). „Всѣ прочіе изгои, не входившіе въ составъ младшей дружины князя, составляли обыкновенно крѣпостное населеніе селъ... это происходило оттого, что главнымъ (и типическимъ) источникомъ изгойства былъ либертинатъ... Вольноотпущенные такъ же, какъ и въ римскомъ правѣ, не дѣлались въ силу своего отпущенія вполнѣ свободными, а оставались въ нѣкоторыхъ какъ бы зависимыхъ обязательственныхъ отношеніяхъ къ прежнему господину. Весьма часто случалось, что вольноотпущенный, не имѣя средствъ къ жизни, селился на землѣ своего господина и мало-по-малу дѣлался его крѣпостнымъ. Изгои, попадавшіе подъ опеку

[1]) Уст. Св. Владиміра и В. кн. Всеволода („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 214, 229).

[2]) Кар. сп. ст. 1; Ак. сп. ст. 1. („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 22—23 и 35).

[3]) Доп. къ А. И., I, № 4.

[4]) Русск. Юр. Др., I, стр. 265.

[5]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 380.

церкви, поступали или въ крѣпостное состояніе на церковныхъ земляхъ, или въ состояніе городскихъ обязанныхъ церкви ремесленниковъ". Согласно сему, названный ученый выражаетъ мнѣніе, что изгои не были полноправными лицами [1]). Позволимъ себѣ замѣтить, что мы совершенно ничего не знаемъ о положеніи вольноотпущенныхъ въ древнѣйшее время. Все, что говоритъ по этому поводу уважаемый Кіевскій профессоръ, представляетъ собою область домысловъ, предположеній и не можетъ быть ничѣмъ подкрѣплено. Мы слишкомъ мало имѣемъ свѣдѣній объ изгояхъ, чтобы такъ категорически опредѣлять ихъ положеніе. Мы уже сказали, что не имѣемъ никакихъ указаній на ограниченіе ихъ право- и дѣеспособности. Напротивъ, дошедшія до насъ, правда, отъ болѣе поздняго времени, отпускныя даютъ полное основаніе заключать, что рабы, отпущенные на свободу, переставали находиться въ какой-нибудь зависимости отъ господина [2]). Точно такъ же не думаемъ мы, чтобы изгои, упоминаемые въ Ростиславовой грамотѣ, были крестьянами, хотя это возможнѣе, чѣмъ совершенно произвольныя положенія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Проф. В. И. Сергѣевичъ [3]) весьма остроумно по этому поводу сближаетъ изгоевъ съ позднѣйшими „сиротами". Но мы думаемъ, что всего правильнѣе не подводить этихъ изгоевъ, жившихъ на княжеской землѣ и перешедшихъ вмѣстѣ съ нею къ монастырю, ни подъ какую опредѣленную категорію. Это были изгои, жалкіе, обездоленные люди, жившіе подъ защитой того или иного лица.

§ 21. Къ этимъ отношеніямъ, въ послѣднее время внимательно изучаемымъ Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ [4]), мы теперь и перейдемъ, повторяя еще разъ, что для древнѣйшей Руси контингенты такихъ зависимыхъ людей доставляли изгои. Н. П. Павловъ-Сильванскій увлекся идеей отыскать въ строѣ нашей древней жизни тѣ же начала фео-

---

[1]) Ibid.

[2]) „Старинные Акты г. Шуи". В. Борисовъ. М. 1853, № 184. Ср. интересный образецъ отпускной въ приложеніи В № 2.

[3]) Русск. Юр. Др., I, стр. 265.

[4]) „Закладничество Патронатъ". (Зап. Имп. Русск. Археол. Общества, т. IX. Спб. 1897, стр. 185—237).

дализма, которыя опредѣляли жизнь средневѣковой Европы [1]). Не можемъ не замѣтить, что находимъ идею эту въ высшей степени плодотворной, давшей трудамъ изслѣдователя, благодаря талантливой разработкѣ предмета, весьма большой интересъ. Самые недостатки, невозможность съ достаточною полнотою привести сравненіе весьма рельефно оттѣняютъ особенности русской жизни. Признавая, что авторъ нѣсколько увлекся при изученіи закладничества, слишкомъ расширяя это понятіе и подводя подъ него многіе совершенно отличные институты, какъ, напр., кабальное холопство и т. п. [2]), мы тѣмъ не менѣе вполнѣ соглашаемся съ его точкой зрѣнія именно на природу закладничества. Мысль свою, что закладни древнѣйшаго времени и закладчики Московскаго государства были лицами, не заложившими свою свободу въ обезпеченіе своего займа, а кліенты вассалы, Н. П. Павловъ-Сильванскій заимствовалъ у С. М. Соловьева и обосновалъ на грамматическомъ толкованіи слова „закладываться“ [3]). Несмотря на то, что мнѣніе его идетъ въ разрѣзъ съ установившимся взглядомъ [4]), намъ кажется оно весьма убѣдительнымъ. Въ дополненіе къ грамматическому толкованію автора позволимъ себѣ указать, что мы имѣемъ нѣсколько актовъ, представляющихъ собою купчія, гдѣ въ условія объ очисткѣ постоянно противополагается закупъ, залогъ, продажа. „А та моя вотчина никому не закуплена, не заложена, не продана“ [5]), а въ одномъ случаѣ еще прибавлено „и не запродана“ [6]). Мы полагаемъ, что это надо понимать, что вотчина не сдана въ аренду, не заложена, не продана и не запродана. Это еще новое доказательство противъ сравненія закупа и закладного человѣка.

---

[1]) Кромѣ названнаго сочиненія, см. „Феодальныя отношенія въ Удѣльн. Руси (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. іюль), и особенно „Новое объясненіе закладничества“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, октябрь, стр. 444—453).

[2]) „Закладничество Патронатъ“ (Зап. И. Арх. Общ. кн. IX, стр. 216—218).

[3]) Ibid., стр. 191—194.

[4]) См. у Н. П. Павловъ-Сильванскій. Op. cit., стр. 187—194, подробное изложеніе литературы предмета. Разборъ теоріи названнаго автора съ противоположной точки зрѣнія см. В. И. Сергѣевичъ „Закладничество древней Руси“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, сентябрь, стр. 111—133).

[5]) Прил. Б № 10—15.

[6]) Акты Алексѣевыхъ изъ Яренска. З. И. Р. Арх. Об. IX, стр. 297.

Поэтому мы считаемъ возможнымъ опредѣлить закладничество какъ поступленіе подъ защиту сильныхъ людей, въ нѣкоторую отъ нихъ зависимость. Для нашей темы интересъ представляетъ, собственно говоря, лишь вопросъ о томъ, были ли они дѣеспособны и въ какой степени. Но предварительно мы считаемъ необходимымъ выяснить, во-первыхъ, подробности о существѣ сдѣлки закладничества и, во-вторыхъ, разъяснить связь этого института съ другими видами зависимости, тѣмъ болѣе, что во второмъ случаѣ мы должны признать нѣкоторыя изъ положеній г. Павлова-Сильванскаго ошибочными. Изслѣдователь различаетъ закладней удѣльнаго періода и закладчиковъ Московской эпохи, особенно XVII в. Первые отдавались подъ защиту, закладывались князьямъ и другимъ лицамъ вмѣстѣ со своею землею [1]). Таковыми были въ XVII в. „вкладчики“ въ монастырь [2]). Закладчики же XVII в. отдавались въ кліенты лишь лично [3]). По поводу перваго положенія мы позволимъ себѣ только замѣтить, что разсматриваемыя авторомъ явленія говорятъ, въ сущности, о перемѣнѣ подданства, о переходѣ въ подданство другого князя. Изслѣдователь самъ указываетъ, что намъ извѣстны лишь случаи междуудѣльнаго закладничества [4]). А такъ какъ, во внутреннемъ отношеніи, отдѣльныя княжества XIII—XIV вв. должно признать самостоятельными государствами [5]), то вопросъ идетъ о перемѣнѣ подданства. Заключать отсюда, что такое же явленіе было и внутри княжествъ, мы не можемъ. Очень вѣроятно, что было, и подтвержденіемъ его служитъ вышеприведенное мѣсто изъ грамоты 1150 г., что села даются „со изгои“. Но это все-таки лишь гипотеза, какъ признаетъ и самъ авторъ [6]). Но представляло ли собою внутреннее закладничество также отдачу не только себя, но и своей земли подъ патронатъ сильнаго человѣка, сомнительно. Вассальныя отношенія вполнѣ естественны для того

---

[1]) Op. cit., стр. 221—236.

[2]) Ibid., стр. 198.

[3]) Ibid., стр. 197—215.

[4]) Ibid., стр. 235.

[5]) Ср. нашу статью „Междукняжескія отношенія по договорамъ“ (Ист. Сб. IV (Изд. Ист. Общ. при Имп. Спб. Унив.).

[6]) Op. cit., стр. 222.

времени. Изгой и другой беззащитный человѣкъ охотно, конечно, поступалъ подъ защиту боярина, входилъ въ составъ его челяди или селился на его землѣ и т. п. Но при неустойчивомъ отношеніи къ землѣ, при весьма экстенсивномъ хозяйствѣ, при обиліи земли врядъ ли было основаніе, во-первыхъ, у лица, имѣющаго землю, искать патрона, а во-вторыхъ, у патрона пріобрѣтать землю, когда и такъ онъ могъ ее имѣть сколько угодно. Иное дѣло закладничество личное. Не лишая человѣка свободы, оно связывало его съ патрономъ. При вѣчевомъ бытѣ, гдѣ на вѣчѣ всѣ дѣла рѣшались единогласно, причемъ единогласіе достигалось побѣдой одной партіи надъ другой [1]), всякому видному дѣятелю необходимо было имѣть многое множество кліентовъ. Поэтому, мы встрѣчаемъ въ Великомъ Новгородѣ особенно частое упоминаніе о закладничествѣ и несомнѣнно, что та худая чадь, которая окружала лучшія фамилія Новгорода, кричала для нихъ на вѣчѣ и билась на мосту у Св. Софіи, состояла изъ ихъ вассаловъ, кліентовъ, закладней [2]).

Что касается до сравненія закладничества удѣльнаго времени съ вкладчиками въ монастырь, то мы, по правдѣ сказать, не видимъ здѣсь никакого сходства и считаемъ фразу Н. П. Павлова-Сильванскаго простымъ недоразумѣніемъ. Во-первыхъ, закладничество - вассальство есть отношеніе изъ области государственнаго права, установленіе частнаго подданства. Вкладъ — сдѣлка гражданскаго характера. Во-вторыхъ, вкладъ имѣетъ весьма опредѣленное значеніе: это дареніе pia causa. Если собственникъ вкладываемаго имущества выговаривалъ себѣ права жить тамъ пожизненно, условіе это очень часто встрѣчалось [3]), то такая сдѣлка представляла собою дареніе pia causa на случай смерти, подъ условіемъ по-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ. Русск. Юр. Д., т. II, в. I, стр. 63—69.

[2]) Сущность возраженій проф. В. И. Сергѣевича на теорію Н. П. Павлова-Сильванскаго заключается въ доказательствѣ того, что трудно у насъ на Руси найти полныя черты феодализма западной Европы. Уважаемый ученый, конечно, правъ. Но намъ кажется, что г. Павловъ-Сильванскій имѣлъ цѣлью указать на общность историческаго развитія, а не на полную аналогію.

[3]) См. Шумаковъ, „Углицкіе акты“, № XXXIX, стр. 75.

жизненнаго пользованія имуществомъ со стороны вкладчика. Мы знаемъ, впрочемъ, особый видъ вклада на сѣверѣ Россіи. Мы имѣемъ указанія источниковъ, что вкладчики составляли съ монастыремъ одно цѣлое, были одной общиной, имѣли своихъ выборныхъ и т. п. [1]). Но разсматривая составъ вкладчиковъ, мы находимъ и монаховъ и мірянъ [2]). Очевидно, что и вкладчики Устюжской и Холмогорской епархій не были кліентами. Мы полагаемъ, что это были люди, вкладывавшіе въ монастырь свой трудъ — они являлись „потрудиться“ [3]) и составляли съ братіею одну общину, сообща владѣвшую землею и сообща рѣшавшую всѣ дѣла. Наконецъ, что касается до объясненія понятія „закладчиковъ“, то мы вполнѣ согласны съ г. Павловымъ-Сильванскимъ. Но изслѣдователь не останавливается на рѣшеніи одного этого вопроса. Онъ, во-первыхъ, сравнивая закладчиковъ съ добровольными холопами, подводитъ вторыхъ подъ понятіе первыхъ [4]) и, во-вторыхъ, дѣлаетъ обзоръ такъ называемыхъ закладныхъ людей [5]). Вообще говоря, всякій изслѣдователь частнаго явленія очень часто склоненъ бываетъ расширять его понятіе. Это мы замѣчаемъ и у г. Павлова-Сильванскаго. Выше мы уже имѣли случай отстаивать независимость добровольнаго холопства отъ служилой кабалы. Съ этимъ согласенъ и нашъ авторъ. Но мы также не усматриваемъ данныхъ, по которымъ можно бы было признать добровольныхъ холоповъ и закладчиками. Очень можетъ быть, что они и закладывались за послѣднихъ, можетъ быть и нѣтъ. Г. Павловъ-Сильванскій указываетъ, что добровольное холопство не есть личный наемъ. Онъ говоритъ [6]): „какіе это добровольные наймиты, точно не всякая сдѣлка найма есть добровольное соглашеніе“. Но, во-первыхъ, „добровольные наймиты“, какъ знаетъ и изслѣдователь, есть терминъ не источниковъ, а неудачное выраженіе К. А. Неволина, а, во-вторыхъ, мы и до сихъ поръ употребляемъ какъ синонимъ лич-

[1]) Р. И. Б. XIV, № 52.
[2]) Р. И. Б. XIV, № 65.
[3]) Р. И. Б. XIV, стр. 407.
[4]) Op. cit., стр. 208—209.
[5]) Ibid., стр. 216—221.
[6]) Ibid., стр. 209, пр. 1.

наго найма выраженіе „вольный наемъ“ [1]). Право отказа существуетъ, конечно, и у наймитовъ; при сдѣлкѣ личнаго найма обыкновенно уходу слуги предшествуетъ или со стороны хозяина, или со стороны наймита отказъ. А такъ какъ и закладничество, и добровольное холопство были актами, не лишавшими лица свободы, добровольными, которые могли нарушаться во всякое время, то точно разграничить ихъ, конечно, нельзя. Но точно такъ же нельзя увѣрять, что всякое добровольное холопство — закладничество, и вотъ почему: какъ извѣстно, послѣ указа 1593 г. добровольное холопство послѣ 1/2 года службы, а по Уложенію, послѣ 1/4 года службы, обращалось въ кабальное холопство. Закладчиковъ, прибавимъ, всегда такъ и называемыхъ нашими актами, это постановленіе, по всей видимости, не коснулось, но, напротивъ, правительство борется съ нимъ путемъ прямыхъ и категорическихъ запрещеній [2]). Запрещенія эти, впрочемъ, врядъ ли начались уже съ Судебника 1550 г., ибо мы сомнѣваемся, чтобы приводимое изслѣдователемъ [3]), даже по его редакціи, мѣсто ст. 91 этого Судебника говорило о закладничествѣ. Это просто запрещеніе торговымъ людямъ, пріѣзжавшимъ въ монастырь для торга, жить въ монастырѣ. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что нѣтъ никакихъ прямыхъ данныхъ для того, чтобы приравнивать добровольныхъ холоповъ къ закладчикамъ. Это два параллельныхъ явленія, которыя иногда совпадали, иногда нѣтъ.

Отъ закладчиковъ г. Павловъ-Сильванскій, какъ мы выше сказали, отличаетъ закладныхъ людей. Эти послѣдніе, по его мнѣнію, были люди, жившіе по жилымъ записямъ. Намъ кажется, что это мѣсто изслѣдованія представляетъ собою рядъ недоразумѣній. Авторъ говоритъ: „Въ XVI вѣкѣ состояніе личнаго заклада опредѣлялось „служилой кабалой“ [4]). Это, конечно, невѣрно, ибо кабальный холопъ того времени не обезпечивалъ собою долга, а вырабатывалъ проценты, служилъ

---

[1]) Ср. „Словарь русск. яз.“, сост. II Отд. И. Ак. Наукъ, т. I, стр. 503.
[2]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, op. cit., стр. 209—213.
[3]) Ibid., стр. 209—210.
[4]) Op. cit., стр. 216.

„за ростъ", какъ это уже нами объяснено. Далѣе, г. Павловъ-Сильванскій вполнѣ справедливо указываетъ, что Уложеніе, на ряду со служилой кабалой—единственнымъ видомъ новаго холопства, скажемъ мы,—знаетъ и записи за ростъ служити. Мы уже объ этомъ говорили. Это новый видъ прежней, до указа 1597 г., служилой кабалы и соотвѣтственно чему, повторимъ, не самозакладъ. Но далѣе авторъ, слѣдуя за проф. В. О. Ключевскимъ [1]), говоритъ, что эта служба происходила по жилымъ записямъ. Мы не думаемъ, чтобы можно было сказать это такъ категорично. Уложеніе знаетъ терминъ жилая запись и примѣняетъ его къ случаю, когда кто-нибудь выкупитъ лицо съ правежа и возьметъ на него такую запись [2]). Кромѣ того, Уложеніе говоритъ о житейскихъ записяхъ [3]); и проф. В. О. Ключевскій и Н. П. Павловъ-Сильванскій ихъ смѣшиваютъ, впрочемъ, какъ и большинство изслѣдователей [4]). Мы не можемъ настаивать, чтобы эти термины не смѣшивались. Но несомнѣнно, что въ указанныхъ мѣстахъ Уложенія говорится о разныхъ юридическихъ явленіяхъ. Именно, какъ мы сказали, Уложеніе знаетъ запись за долгъ и за ростъ служити [5]). Жилая запись послѣ правежа есть запись за долгъ служить. Но, кромѣ того, Уложеніе знаетъ запись на службу, даваемую, во-первыхъ, тѣми лицами, которыя не имѣли права поступать въ холопы [6]) и, во-вторыхъ, тѣмъ, кто не имѣлъ права держать кабальныхъ холоповъ [7]). Это надо различать. Житейскія записи были или на урочные годы, или по животъ господина [8]). Въ первомъ случаѣ, какъ мы уже отмѣтили, онѣ соотвѣтствуютъ личному найму, во второмъ, являясь также личнымъ наймомъ, приближались къ кабальному холопству того вида, который единственно знаетъ Уложеніе. Съ институтомъ заклада они не имѣютъ ничего общаго, а заемъ является

---

[1]) „Происх. крѣп. правъ въ Россіи". (Русск. М. 1885, VIII, стр. 30).
[2]) Гл. XX, стр. 46.
[3]) Гл. XX, стр. 116.
[4]) Напр., В. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I, стр. 186.
[5]) Гл. XX, ст. 39, 46.
[6]) Гл. XX, стр. 32; XX, 116.
[7]) Гл. XX, стр. 104, 105.
[8]) Улож. гл. XX, стр. 44.

при нихъ случайнымъ и несущественнымъ для конструкціи признакомъ. Только по отношенію къ спеціальному явленію самозалога и залога людей другими, которое далѣе разсматриваетъ Н. П. Павловъ-Сильванскій относится терминъ „закладные“ люди [1]). Такое явленіе несомнѣнно существовало. Во-первыхъ, очень обычнымъ явленіемъ было закладывать своихъ холоповъ [2]). Затѣмъ, особенно среди инородцевъ Сибири, очень было распространено закладывать себя самого [3]). Несомнѣнно, что холопъ, заложенный господиномъ, не прибавлялъ и не убавлялъ своихъ правъ. Зная, что у насъ въ то время отношеніе залогопринимателя къ залогу очень приближалось къ праву собственности, и право собственности сообщалась залогопринимателю непосредственно послѣ пропуска срока платежа [4]), мы можемъ полагать, что заложенный холопъ служилъ залогопринимателю, а самозаложенный человѣкъ очень близко соотвѣтствовалъ кабальному холопу.

Что касается до право- и дѣеспособности, то мы полагаемъ, что закладни и закладчики-кліенты пользовались ими въ полной мѣрѣ. Мы не знаемъ никакихъ ограниченій, кромѣ того, что они судомъ и данью тянули не государству, а патронамъ [5]). И разбираемый нами авторъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что закладничество не ограничивало правъ закладчика, и самая зависимость во всякій данный моментъ могла быть нарушена [6]). Проф. С. Ѳ. Платоновъ также полагаетъ, что закладничество (въ видѣ дворничества) не вліяло на юридическую природу лица [7]). Еще одно соображеніе вполнѣ убѣждаетъ, что закладчики были дѣеспособны: договоръ закладничества былъ неформальнымъ, и, благодаря запрещенію правительства, закладничество было явленіемъ болѣе фактическимъ,

---

[1]) Op. cit., стр. 218—221.

[2]) А. о. до Ю. Б. II, № 126, VIII.

[3]) С. Г. Гр. и Д. III, № 60; А. И. III, № 213; IV, № 181, Н. С. З. № 1579, 1792 и др.

[4]) Д. И. Мейеръ, „О правѣ залога“. („Юрид. Сб.“ Каз. 1855 стр. 225).

[5]) А. А. Э., IV, № 32 и 36, 45.

[6]) Op. cit., стр. 200.

[7]) Ж. М. Н. Пр. 1890, № 5, стр. 152. Цитируемъ по сочин. Н. П. Павлова-Сильванскаго, стр. 208, пр. 1.

чѣмъ юридическимъ. А потому, понятно, что не могло быть и рѣчи объ ограниченіи дѣеспособности закладчиковъ.

§ 22. Въ заключеніе обзора вліянія зависимыхъ состояній на право- и дѣеспособность, слѣдуетъ упомянуть о задворныхъ людяхъ и монастырскихъ дѣтенышахъ, въ послѣднее время внимательно и подробно изслѣдованныхъ проф. М. А. Дьяконовымъ [1]). По его указаніямъ, задворные люди состояли изъ холоповъ и наймитовъ [2]), монастырскіе дѣтеныши изъ крестьянъ и наймитовъ [3]). Изслѣдователь не касается вопроса о закладчикахъ. Но очень вѣроятно, что въ числѣ задворныхъ людей было не мало закладчиковъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и выраженія писцовыхъ книгъ, и Уложенія. Выраженія писцовыхъ книгъ весьма неопредѣленны и отмѣчаютъ лишь, имѣются ли на задворныхъ людей кабалы или нѣтъ [4]). Поэтому весьма вѣроятно, что среди безкабальныхъ задворныхъ людей было много закладчиковъ [5]); указъ 1624 г. 14 октября игнорируетъ отношеніе задворныхъ людей къ господину, считая ихъ юридически неразрывными съ волостью [6]). Уложеніе повторяетъ это же правило о томъ, что всякая имущественная отвѣтственность падала на самого задворнаго человѣка, а не на его хозяина [7]). Такимъ образомъ, по отношенію къ задворнымъ людямъ мы можемъ сказать, что ихъ право- и дѣеспособность опредѣлялась ихъ юридическимъ положеніемъ, а не фактомъ задворничества. Холопы (кабальные и старинные) и трактовались какъ холопы, наймиты—какъ лица, служащія по вольному найму, закладчики—какъ закладчики [8]). Поэтому

---

[1]) „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ". Спб. 1898, стр. 241—322.

[2]) Ibid., стр. 248—261.

[3]) Ibid., стр. 298—306.

[4]) Ibid., стр. 259.

[5]) Ср. С. Ѳ. Платоновъ, Ж. М. Н. Пр. 1890 № 5, стр. 152. А. С. Лаппо-Данилевскій. „Организ. Кр. Облож.", стр. 146—147.

[6]) А. И. III, № 167, стр. 303. „А которые задворные померли и тѣхъ людей животы продавать въ волость.

[7]) Гл. XXI, ст. 68. Цитируемая г. Дьяконовымъ ст. 67 той же главы (op. cit., стр. 242, пр. 3) относится не къ задворнымъ людямъ, а къ холопамъ.

[8]) Не можемъ не отмѣтить, что М. А. Дьяконовъ въ свою очередь дѣлаетъ попытку опредѣлить добровольное холопство и считаетъ его равнымъ

и слова указа 1624 г. и Уложенія объ имущественной отвѣтственности задворныхъ людей можно отнести только къ людямъ, жившимъ за дворомъ безъ кабалы, т.-е. къ наймитамъ и закладчикамъ. Теперь, прежде, чѣмъ сказать нѣсколько словъ о монастырскихъ дѣтенышахъ, не можемъ не отмѣтить указанія проф. М. А. Дьяконова на „дѣловыхъ“ людей [1]). По мнѣнію автора, это почти тѣ же задворные люди. Разницу онъ усматриваетъ лишь въ томъ, что вторые жили во дворѣ или при немъ, а первые отдѣльно, особыми дворами [2]). Мы позволимъ себѣ замѣтить, что, благодаря сопоставленію Уложенія, мы скорѣе всего могли признать дѣловыхъ людей не наемными работниками. Именно этотъ законодательный памятникъ говоритъ: „А который хлѣбъ на старыхъ помѣщиковъ сѣяли дѣловые, или наемные люди, и тотъ хлѣбъ жати старымъ помѣщикамъ самимъ, а крестьянъ того хлѣба пахоты дѣловыхъ и наемныхъ людей жати не заставливать“ [3]). Можно полагать, что дѣловые люди, всего вѣрнѣе, были пашенными холопами, какіе могли быть и закладчиками [4]).

Монастырскіе дѣтеныши, по мнѣнію проф. М. А. Дьяконова, какъ выше указано, составлялись изъ дѣтей крестьянъ, обѣднѣвшихъ крестьянъ и наемныхъ работниковъ. По мнѣнію же проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова [5]), вообще дѣтеныши, изъ кого бы они ни состояли, были наймитами. Во всякомъ случаѣ и по отношенію къ этимъ лицамъ должно отмѣтить, что ихъ право- и дѣеспособность опредѣлялась не тѣмъ, что они были монастырскіе дѣтеныши, а или крестьянствомъ, или личнымъ наймомъ. Другими словами, эти три указанные вида зависимыхъ отношеній (задворные люди, дѣловые и монастырскіе дѣтеныши)

задворничеству (op. cit., стр. 258). Такимъ образомъ, кромѣ защищаемаго нами мнѣнія пр. В. И. Сергѣевича о личномъ наймѣ, каждый изслѣдователь подводитъ это явленіе подъ тотъ институтъ, которымъ интересуется: кабала, закладничество, задворничество.

[1]) Op. cit., стр. 287—294.

[2]) Op. cit., стр. 291—292.

[3]) Гл. XVI, ст. 38.

[4]) Ср. прекрасную статью М. А. Липинскаго въ „Трудахъ Ярославскаго областного историко-археологическаго съѣзда“. Ярославль 1902. Уважаемый авторъ подробно разбираетъ мнѣніе М. А. Дьяконова.

[5]) „Обзоръ исторіи русск. пр.“ К. 1900, стр. 627.

имѣютъ значеніе лишь съ точки зрѣнія экономической и бытовой, съ точки же зрѣнія юридической безразличны, ибо не вліяютъ на юридическую природу лица и право- и дѣеспособность.

III. Сельское населеніе.

§ 23. Сельское населеніе древнѣйшей Руси носило наименованіе смердовъ. Въ этомъ согласны почти всѣ изслѣдователи [1]). Постепенно же имъ усвоивается другое общее названіе—крестьяне [2]). Параллельно съ симъ названіемъ мы знаемъ и другія, въ Псковской Судной грамотѣ изорники, кочетники [3]), позднѣе серебряники [4]), сироты [5]) и т. д. Вопросъ о положеніи сельскаго населенія допетровской Россіи имѣетъ очень большую литературу, съ очень раннихъ временъ интересовалъ историковъ и юристовъ, и несмотря на то, во многихъ своихъ сторонахъ имѣетъ очень много неразрѣшенныхъ вопросовъ. Мы не можемъ, конечно, подробно и всесторонне на нихъ останавливаться, такъ какъ многіе изъ нихъ выходятъ за предѣлы нашей темы. Но, тѣмъ не менѣе, намъ необходимо выяснить нѣкоторые изъ нихъ, ибо на нихъ зиждется и конструкція право- и дѣеспособности крестьянъ. Прежде всего намъ надлежитъ выяснить, были ли смерды свободны, затѣмъ, были ли они имущественно правоспособны и, наконецъ, дѣеспособны. Согласно Русской Правдѣ, смерды были свободны. Именно ст. 42 Кар. сп., перечисляя штрафы за кражу скота, говоритъ: „то ти ouроци смердомъ, оже платять княжю про-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др. I, стр. 156—169. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1900, стр. 36—37. Б. Н. Чичеринъ. „Обзоръ истор. разв. сельск. общины въ Россіи“. („Опыты“, стр. 7). Рейцъ. „Оп. истор. росс. госуд. и гр. зак.“, русск. пер. М. 1836 г., стр. 36. В. О. Ключевскій. „Краткое пособіе по русской исторіи“, 2 изд., М. 1900, стр. 38. Разборъ противныхъ мнѣній Лешкова, Никольскаго и Никитскаго см. у проф. Сергѣевича, op. cit., стр. 173—176.

[2]) В. И. Сергѣевичъ, op. cit, стр. 191.

[3]) Ст. ст. 42, 43, 44, 51, 63, 75, 76, 84, 85, 86, 87, 93. „Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 149, 150, 152, 156, 159, 160, 163, 164, 166.

[4]) Б. Н. Чичеринъ, „Холопы и крестьяне въ Россіи“. („Опыты“, стр. 183, пр. 2).

[5]) В. И. Сергѣевичъ, op. cit., стр. 265.

дажу“ [1]), а ст. 43 о холопахъ говоритъ: [2]) „Оже боудетъ холопи... ихъ-же князь продажею не казнитъ“. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича [3]) и М. Ф. Владимірскаго-Буданова [4]), смерды, наказываемые „продажей“, были свободными людьми. О „продажѣ“ какъ наказаніи смердовъ говоритъ и ст. 89 Кар. сп. „Оже моучитъ смердъ смерда безъ княжа словы, три гривны продажи, а за моуку гривна кунъ“ [5]). Но мы полагаемъ, по сравненію этого мѣста со ст. 135 того же списка, что здѣсь слово „смердъ“ употреблено въ противоположеніе князю, какъ подданный. Даже, принимая чтеніе Ак. сп. [6]) и Троицкаго [7]), можно думать, что здѣсь идетъ рѣчь и не о смердѣ въ смыслѣ низшаго класса людей, а вообще о людяхъ: „Или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны“. Статья эта запрещаетъ примѣненіе уголовнаго наказанія безъ суда князя [8]). Но, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, смерды, будучи свободными людьми, находились въ нѣкоторой зависимости отъ князя, по мнѣнію однихъ, это объясняютъ тѣмъ, что они жили на земляхъ князя [9]), другіе же прямо ихъ называютъ людьми князя [10]). Весьма вѣроятно, что въ древнѣйшее время почти всѣ смерды жили не на частно-владѣльческихъ земляхъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы уже въ эпоху Ярослава и его сыновей всѣ свободныя земли разсматривались

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 50.
[2]) Ibid., стр. 50—51.
[3]) Русск. Юр. Др. I, стр. 170.
[4]) „Хрест.“ I, стр. 50, пр. 68.
[5]) Ibid., стр. 66.
[6]) Ст. 31. („Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 31).
[7]) Ст. 71.
[8]) М. Ф. Влад.-Будановъ, „Хрест.“ I, стр. 31, пр. 14.
[9]) М. Ф. Владим.-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 37 и пр. 2.
В. О. Ключевскій, „Кр. пособіе по русской исторіи“. К. 1900, стр. 38.
[10]) В. Н. Лешковъ, „Русск. нар. и государство. М 1858, стр. 157.
В. Н. Никольскій, „О началахъ наслѣдованія по древ. русск. пр.“ М. 1859, стр. 356 и слѣд.
П. П. Цитовичъ, „Исходные моменты въ исторіи русск. пр. наслѣд.“ Харьк. 1870, стр. 35 и слѣд.
А. И. Никитскій, Очеркъ внутр. ист. Пскова“ 1873, стр. 279.

какъ собственность князя. Мы не полагаемъ, конечно, чтобы земли князя были строго выдѣлены изъ общаго состава земель княженія уже въ ту эпоху [1]), но нельзя сказать и обратно, что государство было поглощено вотчиннымъ хозяйствомъ князя. Это послѣднее явленіе наблюдается лишь въ періодъ образованія отдѣльныхъ княжествъ-государствъ: Московскаго, Тверского, Рязанскаго и Литовскаго, очень вѣроятно не ранѣе XIV в. [2]). Напротивъ, мы имѣемъ нѣкоторыя свидѣтельства, указывающія, что въ народномъ правосознаніи и того ранняго времени частное имущество князя выдѣлялось изъ общей массы государственныхъ имуществъ. Именно, мы знаемъ, что Великій Новгородъ въ договорахъ съ князьями постоянно выговариваетъ условіе, чтобы князьямъ въ Новгородской волости „селъ не купити, также и ихъ бояромъ“ [3]). Такимъ образомъ, смерды могли жить и на княжескихъ собственныхъ земляхъ и на государственныхъ. Изслѣдователи второй категоріи, называющіе ихъ людьми князя, именно считаютъ, что смерды жили на собственныхъ земляхъ князя. Это мнѣніе совершенно невѣрно, такъ какъ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, что смерды жили и на государственныхъ земляхъ. Именно, въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о волненіяхъ въ Псковѣ идетъ рѣчь о томъ, что смерды были освобождены отъ дани городу Пскову [4]). В ст. 21 договора Великаго Новгорода съ королемъ Казиміромъ 1471 г. говорится. „А купець пойдетъ въ свое сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло“ [5]). Поэтому мы несомнѣнно можемъ сказать, что смерды жили и на государственныхъ земляхъ. Но идя далѣе, мы, на основаніи источниковъ, замѣчаемъ, что смерды жили и на частновла-

---

[1]) П. Н. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры“. Спб. 1898 г. I, стр. 151 и слѣд.

[2]) В. О. Ключевскій, Op. cit., стр. 58—59.

[3]) С. Г. Г. и Д. I, №№ 1, 2, 3, 4, 5 и др. А. А. Э. I, № 87. Ср. В. И. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др. I, стр. 90. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Хрест.“ I, стр. 208, пр. 18.

[4]) Псков. лѣт. 1 и 2 подъ 1485—1486 гг. Ср. Объясненія этого мѣста у В. И. Сергѣевича, Русск. Юр. Др. I, стр. 168—169 и М. Ф. Владим.-Будановъ. „Обзоръ“. К. 1900, стр. 36.

[5]) „Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 208. Ср. его объясненіе ibid., стр. 208, пр. 20.

дѣльческихъ земляхъ. Мы имѣемъ лѣтописное свидѣтельство [1]) подъ 1229 г. о томъ, что князь Михаилъ Всеволодовичъ „вда свободу смердамъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чужую землю. А симъ повелѣ, кто гдѣ живетъ, како уставили передніе князи, тако платити дань". Это мѣсто, по справедливому объясненію проф. В. И. Сергѣевича [2]), именно говоритъ о томъ случаѣ, когда смердъ, оставивъ свою (вѣрнѣе волостную) землю, садился на частную. Въ виду всего сказаннаго мы имѣемъ полное право считать смерда вообще сельскимъ жителемъ, земледѣльцемъ, ненаходившимся ни въ какой спеціальной зависимости отъ князя. Совершенно согласно съ этимъ мы видимъ, что его право- и дѣеспособность имущественная не ограничена, какъ мы пояснимъ это далѣе. Что же касается до личной правоспособности, то здѣсь надо сказать слѣдующее: собственно говоря, разъ мы признали смердовъ вообще за сельчанъ, то можно о нихъ говорить съ этой точки зрѣнія, не обращая вниманія на наименованіе. Но чтобы не было основаній сомнѣваться въ право- и дѣеспособности именно смердовъ, мы здѣсь будемъ говорить только о таковыхъ. По Русской Правдѣ мы не знаемъ ограниченія ихъ личной правоспособности. Напротивъ, мы видѣли, что они трактуются какъ и другіе свободные люди [3]). Но смерды, несомнѣнно, люди худые, низшіе классы населенія. Поэтому мы можемъ уже a priori предполагать, что они должны постоянно подвергаться опасности притѣсненій и стѣсненій своихъ общегражданскихъ правъ со стороны болѣе сильныхъ и богатыхъ. Въ Русской Правдѣ мы еще этого не замѣчаемъ. Въ XI, XII и XIII вѣкахъ смерды наравнѣ съ другими классами населенія уча-

---

[1]) П. С. Р. Л. III, стр. 44—45.

[2]) Р. Юр. Др. I, стр. 198—199. Мы отказываемся отъ предложеннаго нами объясненія, что здѣсь рѣчь идетъ о переходѣ въ другое княженье. („Къ вопр. о прикр. всѣхъ крест." М. Н. Пр. 1895 № 11).

[3]) Ср. въ Русской Правдѣ. Ак. сп. ст. 23. „Хрест." I, пр. 30. „А въ смердѣ и въ хо(ло)пѣ 5 гривенъ". (Ср. Кар. ст. 13 „Хрест." Влад.-Буд. I, стр. 39). Мы принимаемъ чтеніе Троицкаго сп. (ст. 13 Н. В. Калачева, стр. 13), принятое и В. И. Сергѣевичемъ (Р. Юр. Др. I, стр. 172—173). Не знаемъ, почему пр. М. Ф. Владимірскій-Буда новъ настаиваетъ на явно невѣрномъ чтеніи Академическаго и Карамзинскаго списка. („Обзоръ". К. 1900, ст. 39).

ствуютъ въ войнахъ [1]), иногда достигаютъ высшихъ ступеней въ управленіи при дворѣ князя [2]). Въ виду этого и имущественно они правоспособны: смерды имѣютъ свою недвижимую собственность [3]), своихъ холоповъ и другую движимость [4]). Особенностями его положенія былъ, во-первыхъ, меньшій выкупъ за „муку“, именно: за муку смерда взыскивалось всего 3 гривны, а за муку высшихъ классовъ по 12 гривенъ [5]). Во-вторыхъ, выморочное имущество послѣ смерда шло въ пользу князя. Ст. 103 Кар. сп. Русской Правды говоритъ: „Оже смердъ оумретъ безъ дѣти, то задница князю; оже боудуть оу него дьщери дома, то даяти часть на ня; аже ли боудутъ за мужьми, то не дати части“ [6]). По поводу пониманія этой статьи идетъ споръ. В. Н. Никольскій [7]) и за нимъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ [8]) полагаютъ, что это правило допускаетъ наслѣдованіе по закону въ средѣ смердовъ только для мужского потомства. Дочери вообще не наслѣдуютъ, а получаютъ лишь выдѣлъ приданаго. По мнѣнію же П. П. Цитовича [9]), признаваемому и В. И. Сергѣевичемъ [10]), подъ словомъ дѣти должно понимать и сыновей и дочерей. Вторая часть статьи поясняетъ первую и регламентируютъ случай, когда послѣ смерда остаются замужнія дочери. Мы признаемъ второе мнѣніе болѣе правильнымъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ, сравнивая эту статью со слѣдующей, 104, что если правильно мнѣніе проф. Цитовича, „то тогда не зачѣмъ было отдѣльно говорить о смердьемъ наслѣдствѣ, въ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII (Воскр.) подъ 1019 г. I (Ипат.) подъ 1221 г.

[2]) И. С. Р. Л., т. II (Ипат.) подъ 1240 г.

[3]) П. С. Р. Л., т. III (Лавр.) подъ 1103 г. „Погубите смердовъ и ролью ихъ“.

[4]) Р. Правда. Тр. сп. ст. 13. Ак. сп. ст. 25. („Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 30).

[5]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др. I, стр. 171. (Ак. сп. ст. 31—32).

[6]) „Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 70.

[7]) „О началахъ наслѣдованія по древ. русск. пр.“ М. 1859, стр. 356 и слѣд.

[8]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 479—480 и пр. 1.

[9]) „Исходные моменты въ исторіи русск. пр. наслѣд.“ Харьк. 1870 стр. 35.

[10]) Русск. Юр. Др. I, стр. 176.

противоположность боярскому и людскому". По этому поводу позволимъ себѣ замѣтить, что противоположеніе есть. Выморочное имущество послѣ смердовъ идетъ князю. А послѣ другихъ классовъ, вопреки общему мнѣнію, не идетъ. Мы ни слова не знаемъ объ этомъ изъ Русской Правды и не знаемъ, на какомъ основаніи кіевскій ученый неоднократно говоритъ о правѣ князя на выморочное имущество вообще [1]). Кромѣ того, намъ кажется, что правильнѣе читать ст. 104 по Троицкому списку, гдѣ не говорится о боярахъ, а лишь о боярской дружинѣ, при чемъ выморочное имущество идетъ боярину [2]). Вотъ и всѣ ограниченія имущественной правоспособности смердовъ по Русской Правдѣ.

Какъ мы выше видѣли, упоминаются смерды и въ Псковѣ и въ Новгородѣ. Въ Псковской Судной грамотѣ о смердахъ ничего не говорится: они тамъ, очевидно, разсматриваются подъ видомъ изорниковъ, кочетниковъ и т. п. О смердахъ въ Псковѣ мы знаемъ изъ вышецитированнаго отрывка Псковской лѣтописи [3]). По свидѣтельству его мы можемъ сказать, что смерды были обязаны князю и городу Пскову (государству) данью и барщиной: „всякіи работы урочныи знати". По справедливому объясненію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова [4]) тутъ идетъ рѣчь о государственныхъ повинностяхъ, а не о частныхъ, ибо въ противномъ случаѣ бояре не стояли бы за отпускъ (освобожденіе) смерда отъ этихъ повинностей. Вотъ все, что̀ извѣстно о Псковскихъ смердахъ. Вѣроятно, что и

---

[1]) „Обзоръ". К. 1900, стр. 479—480.

[2]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи и изслѣд." Спб. 1899, стр. 423—431.

[3]) Псков. 1 подъ 1485—1486 гг., стр. 266; 2-я подъ тѣми годами, стр. 43 и слѣд.

а) „И оттолѣ начатъ быти брань и метежъ великъ межю посадники, и бояры и житьими людми; по неже сіи всѣ въсхотѣша правити слово князя великого, смердовъ отпустити... а черніи люди, молодіи, всего того не всхотѣша, рекуше: Мы о всего томъ прави и не погубитъ насъ о томъ князь великій".

б) „И потомъ, по малѣ времени, прилучися нѣкоему попу у воровскихъ смердовъ чести грамоти, и пайде тую грамоту, како смердомъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову и всякіи работи урочныи по той грамотѣ имъ знати".

[4]) „Обзоръ ист. русск. пр." К. 1900, стр. 36, пр. 1.

они были вполнѣ право- и дѣеспособны, но матеріальная приниженность ихъ уже выразилась въ томъ, что они обязаны были барщиной. Въ Новгородской Судной грамотѣ также нѣтъ упоминанія о смердахъ. Но въ договорахъ Великаго Новгорода съ князьями и съ королемъ Казиміромъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя постановленія, опредѣляющія юридически положеніе смердовъ. Мы уже говорили, что и по этимъ памятникамъ смерды свободные люди [1]). Но затѣмъ и въ Новгородѣ смердъ въ юридическомъ отношеніи слабѣе другихъ классовъ свободнаго населенія и въ одной статьѣ договора съ Казиміромъ IV 1471 г. ставится на одну ступень съ холопомъ [2]). Ему запрещается „вадити", т.-е. доносить, на „осподу", такъ же какъ холопу и рабѣ. Проф. М. В. Владимірскій-Будановъ толкуетъ это мѣсто такъ, что смерду запрещается вчинять искъ противъ хозяина [3]). Мы думаемъ, что здѣсь идетъ рѣчь не объ искѣ противъ хозяевъ, а о доносахъ на Новгородское правительство. Оспода здѣсь означаетъ власть. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ признаетъ, что здѣсь говорится о политическихъ доносахъ и для своего толкованія долженъ придумать фикцію „стараго" смерда [4]).

§ 24. Русская Правда не знала другого сельскаго населенія, кромѣ смердовъ. Земля обработывалась или ими, причемъ или на оккупированныхъ ими участкахъ свободной земли, которую скоро стали разсматривать какъ государственную, или на арендованной у болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, или самими землевладѣльцами черезъ посредниковъ холоповъ и наемныхъ работниковъ. Но уже очень скоро мы, какъ сказано, встрѣчаемся и съ новыми наименованіями сельскихъ обывателей. Прежде, чѣмъ переходить къ общему положенію крестьянъ [5]),

---

[1]) Догов. съ Кавим., ст. 21. („Хрест." Влад.-Буд. I, стр. 209).

[2]) Ст. 20. („Хрест." Влад.-Буд. I, стр. 208). „А холопъ или роба или смердъ почнетъ на осподу вадити, а тому ти, честны король, вѣры не нять".

[3]) „Хрест." I, стр. 208, пр. 19 и опредѣленіе. „Обзоръ". К. 1900, стр. 39.

[4]) „Хрест." I, стр. 208, пр. 19.

[5]) Проф. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что названіе крестьянина начинаетъ завоевывать себѣ общее признаніе въ самомъ концѣ XIV в. (1391 г.) Русск. Юр. Др. I, стр. 191.

особенно обрисовавшемуся въ XIV и XV вв. въ центральной Россіи, мы скажемъ нѣсколько словъ о положеніи нѣкоторыхъ лицъ особыхъ наименованій, по Псковской Судной грамотѣ и по документамъ Великаго Новгорода. Они, конечно, также подходятъ подъ общій терминъ крестьянъ, какъ и ранніе смерды, но мы считаемъ удобнѣе разсмотрѣть положеніе сельскаго населенія этихъ своеобразныхъ республикъ ранѣе и отдѣльно, чтобы затѣмъ могли говорить преимущественно о крестьянахъ Московскаго государства. По Псковской Судной грамотѣ мы знаемъ изорниковъ [1]), кочетниковъ [2]) и огородниковъ [3]). По согласному объясненію ученыхъ [4]), всѣ эти термины означаютъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Изъ нихъ изорники занимались спеціально земледѣліемъ, огородникъ бралъ въ аренду огороды, а кочетники рыбныя ловли (исады) [5]). Мы должны разсмотрѣть вопросъ о томъ были ли они дѣеспособны. Для сего необходимо сперва опредѣлить степень ихъ личной и имущественной правоспособности. По справедливому замѣчанію г. Энгельмана [6]), хотя огородники и кочетники встрѣчаются, кажется, въ двухъ всего статьяхъ Псковской Судной грамоты, но къ нимъ примѣнялись, по всей вѣроятности, всѣ постановленія этого законодательнаго памятника объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ аренды имуществъ, т.-е. и тѣ статьи, гдѣ говорится объ однихъ изорникахъ. Мы будемъ, поэтому, разсматривать ихъ вмѣстѣ. Прежде всего эти лица—свободны. Именно, мы знаемъ, что изорникъ (и кочетникъ и огородникъ) имѣютъ право отказываться отъ продолженія договора аренды, такъ же какъ и хозяинъ [7]). Въ случаѣ ухода арендатора безъ отказа, собственникъ земли имѣетъ къ

---

[1]) Ст. ст. 42, 47, 51, 63, 75, 76, 84, 85, 86, 87 и 93. („Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 149, 150, 152, 156, 157, 159, 160, 163, 164).

[2]) Ст. ст. 42, 43 (ibid., стр. 149, 150).

[3]) Ст. ст. 42, 44 (ibid., стр. 149, 150).

[4]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др. I, стр. 238 и слѣд. М. Ф. Влад.-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 37 — 38. Б. Н. Чичеринъ. „Опыты“, стр. 175. И. Энгельманъ, „Граж. Зап. Пск. Суд. Гр.“ см. 1855, стр. 133.

[5]) И. Энгельманъ, Op. cit., стр. 49. Ср. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, отр. 37, 38.

[6]) Op. cit., стр. 51, пр. 1.

[7]) Ст. 42. („Хрест.“ Влад.-Буд., I стр. 149).

нему лишь имущественный искъ объ убыткахъ [1]). Изорникъ имѣетъ право иска противъ арендодателя [2]). Онъ вообще отвѣчаетъ за убытки [3]). Наконецъ, онъ пользуется общими наслѣдственными правами [4]). Соотвѣтственно сему, изорникъ имѣетъ свое имущество, коимъ отвѣчаетъ за убытки, причиненные хозяину [5]). Но особенность положенія изорника оставила слѣдъ и въ постановленіяхъ Псковской Судной грамоты. Изорникъ человѣкъ безземельный, у него, очевидно, нѣтъ своего недвижимаго имущества, работая на которомъ, онъ могъ бы жить [6]). Поэтому онъ естественно попадаетъ въ матеріальную зависимость отъ арендодателя. Изъ Псковской Судной грамоты мы узнаемъ, что очень часто изорникъ вступалъ съ собственникомъ земли кромѣ договора аренды и въ договоръ займа. Хозяинъ „сочитъ“ (ищетъ) серебра на изорникѣ [7]), имѣетъ на немъ „записи“ [8]). Кромѣ того, при заключеніи договора найма имущества собственникъ давалъ нерѣдко „покруту“, „подмогу“ Московскихъ памятниковъ, т.-е. пособіе въ видѣ зерна для обсѣмененія полей и т. п. [9]). Изъ этой матеріальной зависимости вытекало доминирующее положеніе арендодателя надъ арендаторомъ. Результатомъ такого положенія вещей было преимущественное право хозяина на движимое имущество изорника, ушедшаго или умершаго, для возмѣщенія своихъ убытковъ [10]). Затѣмъ имѣется еще два постановленія Псковской Судной грамоты, которыя могутъ быть объяснены, какъ ограничивающія права изорника. Обѣ эти статьи темны и требуютъ еще своего объясненія. Ст. 63 говоритъ: „А который изорникъ отречется оу государя села, или государь его отрьчетъ, а государю взять оу него все половину своего изор-

[1]) Ст. 76 (ibid., стр. 160).
[2]) Ст. 75 (ibid., стр. 159).
[3]) Ст. 43 и 44 (ibid., стр. 150).
[4]) Ст. ст. 84—86 (ibid., стр. 163—164).
[5]) Ст. 76 (ibid., стр. 160) и ст. 84 (ibid., стр. 163).
[6]) Это фактъ, но очевидно, что юридически онъ имѣетъ право пріобрѣтать и имѣть свою недвижимость.
[7]) Ст. 44. („Хрест.“ Влад.-Буд.“ I, стр. 150).
[8]) Ст. 85 (ibid., стр. 163), ст. 93 (ibid., стр. 166).
[9]) Ст. 44, 51, 76, 84, 85, 86 (ibid., стр. 150, 152, 160, 163).
[10]) Ст. 76 и 84 (ibid., стр. 160 и 163).

ника, а изорникъ половину“ [1]). Проф. В. И. Сергѣевичъ отказывается объяснить подробнѣе это правило, передаетъ его буквально и, повидимому, склоняется къ мысли, что слѣдствіемъ отказа изорника продолжать договоръ аренды было право господина на половину имущества изорника [2]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ объясняетъ это мѣсто иначе. Именно, онъ сравниваетъ эту статью съ 42, гдѣ говорится, что въ случаѣ нарушенія договора не въ срокъ, хозяинъ лишается причитающейся ему части плодовъ, и полагаетъ, что половина, получаемая въ данномъ случаѣ арендодателемъ, есть половина плодовъ, а не имущества изорника [3]). И. Энгельманъ [4]) еще ранѣе высказалъ такое же мнѣніе. Мы полагаемъ, что понять эту статью буквально нельзя потому, что Псковская Судная грамота весьма тщательнымъ образомъ гарантируетъ движимое имущество изорника. Именно, если изорникъ сбѣжитъ за рубежъ, то его движимое имущество продается господиномъ въ присутствіи пристава съ публичнаго торга [5]). Если онъ умретъ не оставивъ жены и дѣтей, братьевъ и племени, то его движимое имущество также продается съ публичнаго торга въ присутствіи приставовъ и „стороннихъ“ людей [6]). Если же останутся наслѣдники, то имущество переходитъ къ нимъ, а

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буданова. I, стр. 157.

[2]) Русск. Юр. Др. I, стр. 239.

[3]) „Хрест.“ I, стр. 157, пр. 136.

[4]) „Систем. излож. Гражд. Зак. Псков. Суд. Гр.“ Спб. 1855, стр. 56—57.

[5]) Ст. 76. („Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 160). Конецъ этой статьи: „а изорникъ на государи живота не сочитъ, а сочити псковскимъ“ возбуждаетъ сомнѣніе въ литературѣ: По мнѣнію М. Ф. Владимірскаго-Буданова, здѣсь ошибка переписчика (op. cit., стр. 161, пр. 160). И. Д. Бѣляевъ объясняетъ, что здѣсь изорнику запрещается преслѣдовать господина за нарушеніе формальностей, а право это предоставляется Псковскимъ судьямъ. („Крестьяне на Руси“, стр. 28—29). И. Энгельманъ думаетъ, что изорникъ по этой статьѣ не имѣетъ права на остатокъ отъ продажи имущества, за возмѣщеніе прироста (op. cit., стр. 54), а онъ идетъ г. Пскову. Мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что буквальный смыслъ этого мѣста статьи простъ: сбѣжавшій за рубежъ изорникъ не можетъ заявлять претензій на продажу его движимаго имущества; это право принадлежитъ лишь псковскимъ изорникамъ (т.-е. не сбѣжавшимъ).

[6]) Ст. 84 (ibid., стр. 163).

арендодатель имѣетъ лишь право иска объ убыткахъ [1]). Наконецъ, изорникъ можетъ спорить съ хозяиномъ о правѣ собственности на движимое имущество [2]). Въ виду этого мы не можемъ признать, чтобы такой громадный штрафъ налагался за законное [3]) дѣйствіе изорника. Конечно, доискаться точнаго смысла статьи трудно. Но всѣ данныя говорятъ за правильность гипотезъ гг. Энгельмана и Владимірскаго-Буданова. Другая статья, также неясная, дѣлающая постановленія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ограничивающія изорника, есть вторая половина ст. 75. „А старому изорнику возы вести на государя“ [4]). Несомнѣнно, что попытки, сдѣланныя И. Энгельманомъ [5]) и Устряловымъ [6]), объяснить это мѣсто весьма неудовлетворительны. Первый полагаетъ, что „старый“ означаетъ „вышеупомянутый“, который долженъ во время процесса продолжать полевыя работы. Второй толкуетъ такъ: надо читать не „возы вести“ а вмѣстѣ „возвести“, т.-е. требованіе очной ставки, не объясняя слова „старый“. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ даетъ иное объясненіе, онъ полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о барщинѣ, о натуральной повинности стараго (т.-е. стариннаго) изорника возить возы для арендодателя [7]). Важность этой повинности онъ защищаетъ ссылкой на „повозъ“, которымъ обязаны были нѣкоторыя покоренныя племена древней Руси [8]). Мы не отрицаемъ того, что изорники обязаны были барщиной. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что барщиной же были въ то время (во второй половинѣ XV в.) обязаны въ пользу города Пскова, какъ мы видѣли выше, смерды, „издѣлье разное знаютъ“. Но мы думаемъ, во-первыхъ, что барщина заключалась въ гораздо болѣе цѣнныхъ для собственника земли работахъ, чѣмъ возка воза для него. „По-

---

[1]) Ст. 85, 86 (ibid., стр. 163).

[2]) Ст. 87 (ibid., стр. 164).

[3]) См. ст. 42 (ibid., стр. 149).

[4]) Ibid., стр. 159.

[5]) Op. cit., стр. 113.

[6]) „Изслѣдованіе Псковской Судной грамоты“. Спб. 1855, стр. 134 и 176—177, пр. 143.

[7]) „Хрест.“ I, стр. 159—160, пр. 155.

[8]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 39 и пр. 1, и 151 и пр. 1.

возъ“ древней Руси, если и былъ натуральной повинностью, что́ сомнительно [1]), являлся обязанностью возить княжескихъ гонцовъ. Это совершенно иное дѣло. Во-вторыхъ, мы сомнѣваемся, чтобы барщиной были обязаны лишь старинные изорники и полагаемъ, что нѣтъ основаній „старый“ понимать какъ старинный. Несомнѣнно, что это мѣсто Псковской Судной грамоты испорчено переписчикомъ, и мы еще разъ отказываемся его выяснить [2]). Думаемъ, что оно должно имѣть отношеніе къ первой половинѣ статьи объ искѣ по неформальнымъ обязательствамъ и касаться процесса. Наконецъ, необходимо сказать нѣсколько словъ по вопросу объ исполненіи и нарушеніи договора аренды. Согласно ст. 42 Пск. Суд. грамоты [3]), отказъ изорнику со стороны арендодателя въ продолженіи договора аренды или, обратно, отказъ изорника отъ аренды, могъ происходить одинъ разъ въ годъ, именно 14 ноября. Эта статья, конечно, нисколько не умаляетъ гражданскихъ правъ изорника, кочетника и огородника, такъ какъ имѣетъ дѣйствіе и противъ арендодателя. Договоръ аренды, конечно, могъ нарушаться и не только въ этотъ день. Но тогда онъ влекъ за собой нежелательныя послѣдствія для стороны, нарушившей настоящее правило: хозяинъ лишался причитающейся ему арендной платы и плодовъ [4]), а изорникъ рисковалъ, что его имущество будетъ продано съ публичнаго торга [5]). Но, во всякомъ случаѣ, ни хозяинъ не могъ быть обязанъ додержать арендатора до срока, ни сей послѣдній

---

[1]) И. Я. Гурляндъ, „Ист. ямской гоньбы въ Россіи“. Яр. 1900 г., стр. 25. Ср. нашъ разборъ означенной книги въ Ж. М. Н. Пр. 1901 г., № 6, стр. 492.

[2]) См. нашу ст. „Къ вопросу о прин. влад. крест.“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, № 11 стр. 7 отд. отт.).

[3]) „Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 149. „А которой государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику, или огороднику, или кочетнику, ино отрокъ быти о Филипове заговенне; такожъ захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднику или кочетникъ, ино тому жъ отроку быти, а иному отроку не быти, ни отъ государя ни отъ изорника, ни отъ кочетника ни отъ огородника. А запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ отрока государева, ино ему правда дать, а государь не досчитался четверти, изъ огородной части, или съ ы сада рыбной части“.

[4]) Ст. 42 („Хрест.“ Влад.-Буд., стр. 149).

[5]) Ст. 76 (ibid., стр. 160).

оставаться или возвратиться на арендуемую землю. Нарушеніе договора влекло лишь искъ объ убыткахъ [1]). Будучи правоспособнымъ, изорникъ и дѣеспособенъ. Мы не имѣемъ, правда, какихъ-либо актовъ, составленныхъ лицами, носившими названіе изорниковъ. Но дѣеспособность ихъ явствуетъ уже изъ самой Псковской Судной грамоты. Мы видимъ, что кочетникъ можетъ заложить имущество, данное ему въ арендное пользованіе собственникомъ [2]). Изорникъ самъ ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ [3]). Онъ споритъ съ арендодателемъ о своемъ имуществѣ [4]). Конечно, особенно ясна дѣеспособность изорника при соображеніи, что онъ, въ сущности, такой же крестьянинъ, какъ и лица, носившія это общее наименованіе въ центральной Россіи. Поэтому, мы думаемъ, что къ изорнику можно примѣнить все то, что̀ мы будемъ говорить о дѣеспособности крестьянъ въ XV вѣкѣ.

Новгородскія уставныя грамоты также не знаютъ общаго наименованія „крестьянинъ“. Новгородская Судная грамота вообще не касается этого вопроса. А договоръ съ Казиміромъ IV 1471 года, говоря о крестьянахъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, называетъ ихъ, какъ мы видѣли, смердами [5]). Здѣсь мы укажемъ, что, наоборотъ, частные акты, дошедшіе отъ Новгородской области въ большемъ числѣ, уже очень рано (уже въ концѣ XIV в.) говорятъ о крестьянахъ [6]). Нѣкоторые договоры Великаго Новгорода упоминаютъ половниковъ и ставятъ условіе: „А старостѣ ни холопа, ни рабы, ни половника безъ господаря, твоимъ судьямъ не судити“ [7]). Мы о половникахъ будемъ говорить ниже. Здѣсь же отмѣтимъ,

---

[1]) Ст. 43, 44, 51 (ibid., стр. 150, 152). Ср. В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др. I, стр. 207.

[2]) Ст. 43 (ibid., стр. 150). Тутъ встрѣчается неясность въ томъ, что̀ именно закладываетъ кочетникъ. Въ статьѣ сказано: „весну“. По объясненію Ѳ. И. Буслаева, принимаемому проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ весна—это поле, работа на полѣ („Хрест.“ I, стр. 150, пр. 101). Мы же полагаемъ что „весна“ д. имѣть отношеніе къ рыбной ловлѣ.

[3]) Ст. 51 и 75 (ibid., стр. 152 и 159).

[4]) Ст. 87 (ibid., стр. 164).

[5]) Ст. ст. 20 и 21. („Хрест.“ Влад.-Буд. I, стр. 208).

[6]) А. А. Э. I, № 11.

[7]) А. А. Э. I, № 2. Ср. С. Г. Г. и Д., I, № 10.

что изъ этой статьи, конечно, нельзя дѣлать никакого вывода о право- и дѣеспособности арендаторовъ, и она регламентируетъ лишь частновладѣльческій судъ, даруемый иммунитетнымъ владѣльцамъ [1]).

§ 25. Покончивъ съ разсмотрѣніемъ положенія сельскаго населенія особыхъ наименованій въ древнѣйшей Руси и на сѣверо-западныхъ окраинахъ, мы можемъ теперь перейти къ изученію широкаго вопроса о право- и дѣеспособности крестьянъ вообще. Чтобы не удаляться отъ темы, мы должны строго намѣтить тѣ вопросы, которые намъ необходимо рѣшить для выясненія дѣеспособности крестьянъ. Прежде всего нельзя не обратить вниманія, что юридическое положеніе крестьянъ не было во все продолженіе многихъ вѣковъ до Петра Великаго однимъ и тѣмъ же. Оно послѣдовательно измѣнялось. Поэтому мы должны, во-первыхъ, разсмотрѣть древнѣйшее положеніе крестьянъ. Засимъ, выяснить, какъ измѣнялось, въ связи съ какими явленіями, ихъ юридическое положеніе и правоспособность, и затѣмъ, какъ эти измѣненія отразились на ихъ дѣеспособности. Какъ уже сказано, литература о крестьянахъ весьма обширна и въ самое послѣднее время [2]) этотъ вопросъ вызвалъ особенно оживленные споры. По отношенію къ крестьянамъ слѣдуетъ различать исторію крестьянъ, жившихъ на государственныхъ, черныхъ, волостныхъ земляхъ [3]) и жившихъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Несомнѣнно, что въ древнѣйшее время были мелкіе землевладѣльцы-собственники [4]). Въ Новгородской области и на сѣверѣ мы ихъ встрѣчаемъ и позднѣе. Въ центральной же Россіи уже въ XIV, XV вв. мы не можемъ говорить о крестьянахъ-соб-

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Хрест.“ I, стр. 208, пр. 19.

[2]) Въ 1899—1901 гг. появились труды проф. М. А. Дьяконова, акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго, проф. В. И. Сергѣевича ниже поименованные.

[3]) Проф. М. А. Дьяконовъ (и нѣкотор. другіе) называетъ ихъ спеціально „тяглыми“. („Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Москов. Госуд.“. Спб. 1899, стр. 9 и слѣд.). По справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича, это названіе не точно, ибо тягло несли и частновладѣльческіе крестьяне. Разница лишь въ размѣрѣ тягла. („Древности Русскаго Землевл.“ Ж. М. Н. Пр. Апрѣль 1901 г., стр. 333—335).

[4]) В. И. Сергѣевичъ, „Древности Русск. Землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900. № 9, стр. 79—80.

ственникахъ: таковыхъ не было. Да и собственность крестьянъ въ Новгородѣ, какъ увидимъ далѣе, была неполная. Тутъ вообще слѣдуетъ замѣтить, что, какъ мы это подробнѣе разсмотримъ во второмъ отдѣлѣ, Московское государство не знало такого полнаго права частной недвижимой собственности, какъ право Римское. Постепенно выработался такой взглядъ на земельную собственность, что она служитъ, прежде всего, цѣлямъ государства, допускается лишь подъ условіемъ служенія этимъ цѣлямъ, и что правительство имѣетъ полное право регламентировать, ограничивать и охранять право распоряженія. Мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что Московская Русь не знала полной собственности, а лишь ограниченную [1]). Поэтому, когда мы говоримъ, что черные крестьяне не были собственниками своихъ земель, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что они не имѣли той полноты власти, какую давало dominium римскаго права. Впрочемъ, въ литературѣ есть указанія, что въ сравнительно позднее время мы встрѣчаемъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, крестьянъ-собственниковъ. Именно, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ подъ это понятіе подводитъ новгородскихъ „своеземцевъ“ [2]). По мнѣнію И. Д. Бѣляева [3]), съ которымъ согласенъ и Н. Д. Чечулинъ [4]), своеземцы были мелкими новгородскими землевладѣльцами, позднѣе образовавшими классъ дворянъ и помѣщика. По обстоятельному изслѣдованію В. И. Сергѣевича, своеземцы были вообще частные собственники въ Новгородской области, независимо отъ ихъ соціальнаго положенія: и бояре, и купцы, и попы, и крестьяне и юридическія лица [5]). Мы же по этому поводу позволимъ себѣ замѣтить, что своеземцы если и были крестьянами, то въ очень раннее время, а уже въ сравнительно позднѣйшее, когда мы имѣемъ съ ними дѣло по актамъ, они были землевладѣльцами-помѣщиками, подъ понятіе коихъ подходили и юридическія лица, и духовенство,

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, op. cit. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, стр. 83—86.

[2]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 146, пр. 1.

[3]) „Разсказы изъ Русской исторіи“. II, стр. 68.

[4]) „Города въ Московскомъ Государствѣ.“ Спб. 1887, стр. 126.

[5]) „Древн. Русск. Землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, стр. 62—65 и пр. 2 на стр. 65—66).

и купцы. Съ этимъ, повидимому, согласенъ и В. И. Сергѣевичъ [1]), между мнѣніемъ коего и словами И. Д. Бѣляева и Н. Д. Чечулина мы, въ сущности, не усматриваемъ особаго противорѣчія. Мы имѣемъ указанія памятниковъ отъ очень поздняго времени, что крестьянинъ покупаетъ у священника купленную его вотчину (полдеревни) [2]), именно отъ 1696 г., только можно предполагать, что купленная его вотчина попадетъ въ тягло—почернѣетъ, такъ сказать [3]).

Говоря о крестьянахъ и ихъ отношеніи къ землѣ, необходимо коснуться еще одного весьма спорнаго вопроса, подлежащаго собственно говоря, разсмотрѣнію позднѣе, при обзорѣ дѣеспособности юридическихъ лицъ: это объ отношеніи крестьянъ къ общинѣ и къ волости. Мы подробнѣе будемъ говорить объ этомъ при разсмотрѣніи юридическихъ лицъ и объектовъ юридической сдѣлки. Здѣсь же долгомъ считаемъ сказать, что и послѣ работъ проф. В. И. Сергѣевича [4]) и П. Н. Милюкова [5]) мы не можемъ не признавать общины исконнымъ явленіемъ русскаго права, и считаемъ, что общинное землевладѣніе въ древней Руси могло быть, и община есть явленіе независимое отъ крѣпостного права [6]) и только имъ развитое и оформленное.

§ 26. Обращаясь послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ исторіи юридической природы крестьянъ, мы начнемъ съ крестьянъ черныхъ, жившихъ на государственныхъ и княжескихъ земляхъ. Прежде всего мы должны выяснить ихъ личную и имущественную правоспособность. По справедливому замѣчанію Б. Н. Чичерина [7]), „свободный переходъ крестьянъ—повсемѣстное явленіе въ древней Россіи“. Намъ кажется, что

---

[1]) Ibid., стр. 67.

[2]) А. о. до Юр. Б. II, № 117, XXX.

[3]) Ср. Неволинъ. Ист. Росс. Гр. Зак., т. II, § 266 (П. С. С. 1857, т. IV, стр. 134—135).

[4]) Ibid., стр. 77—81.

[5]) „Очерки по исторіи русской культуры“. Спб. 1898 г. I, стр. 65—75.

[6]) В. И. Сергѣевичъ, op. cit. (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. № 9, стр. 88—89). См. ниже гл. IV.

[7]) „Холопы и крестьяне въ Россіи“ („Опыты по ист. русск. пр.“ М. 1858, стр. 175).

изслѣдованія проф. В. И. Сергѣевича [1]) съ достаточной убѣдительностью показали, что крестьяне до второй половины XVI вѣка были лично свободны [2]). Въ самое послѣднее время обширное изслѣдованіе этому вопросу посвятилъ проф. М. А. Дьяконовъ, разсмотрѣвшій какъ исторію тяглыхъ, такъ и владѣльческихъ крестьянъ [3]). Работа эта вызвала нѣсколько рецензій [4]), отдѣльный очеркъ проф. В. И. Сергѣевича [5]) и основательную работу академика А. С. Лаппо-Данилевскаго [6]).

Проф. М. А. Дьяконовъ защищаетъ мнѣніе, по которому исконнымъ явленіемъ въ Московскомъ государствѣ было ограниченіе свободнаго перехода, какъ онъ называетъ, тяглыхъ, т.-е. жившихъ на владѣльческихъ земляхъ и платящихъ подати, черныхъ людей какъ въ деревняхъ, такъ и въ посадахъ [7]). Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія названный ученый приводитъ слѣдующія соображенія: прежде всего онъ останавливается на постановленіи Царскаго Судебника, ст. 91 коего запрещаетъ торговымъ людямъ жить въ монастырѣ и требуетъ, чтобы ихъ сводили вонъ [8]). Мы видѣли уже, что Н. П. Павловъ-Сильванскій въ свою очередь толкуетъ эту статью, какъ запрещеніе принимать закладчиковъ (стр. 112). Теперь проф. Дьяконовъ видитъ въ этихъ торговыхъ людяхъ тяглыхъ людей. Поясняетъ это свое мнѣніе онъ ссылкою на Стоглавъ. Въ Стоглавѣ разсматриваются дѣйствительно весьма интерес-

---

[1]) Русск. Юр. Др. I, стр. 207 и слѣд. (изд. 2-е).

[2]) И проф. В. И. Сергѣевичъ (подобно нѣкоторымъ другимъ: К. П. Побѣдоносцеву, М. Н. Погодину), полагаетъ, что до самаго Уложенія крестьяне лично были свободны. См. „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № II, стр. 349—353).

[3]) „Очерки изъ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.“. Спб. 1898.

[4]) Наша статья въ „Вѣстн. Права“ 1899 г. Февр., Н. Рожковъ въ „Ж. М. Н. Пр. 1899, № 1.

[5]) „Древн. русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, ст. 332—348).

[6]) „Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Москов. государ. XVI—XVII вв. (Отчетъ о 41 присужденіи наградъ графа Уварова). Спб. 1901, стр. 51—170 и отдѣльно.

[7]) Op. cit., стр. 1—10.

[8]) Ibid., стр. 2—3.

ные вопросы, касающіеся какъ посадскихъ людей, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, такъ и крестьянъ [1]). Мы сейчасъ вернемся къ этому мѣсту Стоглава, а здѣсь позволимъ себѣ сказать, что совершенно не усматриваемъ связи пресловутой ст. 91 Судебника 1550 г. со Стоглавомъ. Мнѣніе Дьяконова по существу не новое. Онъ самъ указываетъ, что еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ его высказалъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ первомъ изданіи своей „Хрестоматіи“ [2]). Не видимъ никакого основанія затемнять простой и ясный смыслъ данной статьи. Она говоритъ, что церковныхъ людей судитъ святитель и его судьи. „А торговымъ людямъ городскимъ въ монастырѣхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворѣхъ; а которые торговые люди учнутъ жити въ монастырѣхъ, и тѣхъ съ монастырей сводити, да и намѣстникомъ ихъ судити. А на монастырѣхъ жити нищимъ, которые питаются милостынею отъ церкви Божіи“ [3]). Намъ кажется, что статья просто запрещаетъ жить и торговать въ монастырѣ купцамъ, говоря, что на монастырскихъ хлѣбахъ могутъ жить лишь нищіе. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что ст. 91 Судебника 1550 г. не можетъ служить доказательствомъ прикрѣпленія посадскихъ людей, какъ это думаютъ проф. Владимірскій-Будановъ и проф. М. А. Дьяконовъ. Постановленіе Стоглава стоитъ безъ всякой связи съ Судебникомъ. Мы въ настоящемъ мѣстѣ будемъ говорить только о крестьянахъ. Стоглавъ опредѣляетъ условія перехода крестьянъ въ посады и говоритъ, что крестьянъ, пашенныхъ и непашенныхъ, называть въ опустѣвшіе дворы въ слободы „какъ прежи сего было, а отказывати тѣхъ людей о сроцѣ, о Георгіевѣ днѣ осеннемъ по государеву указу и старинѣ же“. И изъ слободъ „которые християне похотятъ итти въ городъ на посады или въ села жити, и тѣмъ людемъ итти вольно о сроцѣ о Юрьевѣ дни съ отказомъ по нашему Царскому указу“ [4]). Рѣчь идетъ, очевидно, о черныхъ, волостныхъ крестьянахъ. Они имѣютъ право

---

[1]) Op. cit., стр. 3—4. „Стоглавъ“. Каз. 1862, стр. 412—414.
[2]) Op. cit., стр. 4. пр. 1. Ср. „Хрест.“ изд. 1887 г., в. II, стр. 175 пр. 230.
[3]) „Хрест.“ Влад.-Буд. II, стр. 175.
[4]) Дьяконовъ op. cit., стр. 4, ср. „Стоглавъ“. М. 1862, стр. 412—414.

уходить изъ селъ въ слободы, изъ слободъ въ города, возвращаться обратно въ села. Требуется лишь отказъ въ Юрьевъ день осенній,—требованіе, высказанное еще въ Судебникѣ 1497 г. [1]) и повторяемое въ Судебникѣ 1550 г. [2]) и 1589 г. [3]). Намъ кажется, что это постановленіе какъ разъ говоритъ противъ утвержденія проф. М. А. Дьяконова. Конечно, въ данныхъ мѣстахъ идетъ рѣчь о перемѣнѣ одного тяглаго, чернаго мѣста на другое такое же. Правительство было заинтересовано лишь въ пріуроченіи перехода къ опредѣленному времени въ цѣляхъ фискальныхъ, чтобы не происходило путаницы въ сборѣ податей, такъ какъ размѣры прямыхъ налоговъ (окладныхъ) и единицы, съ коихъ они взимались, были приблизительно сравнены путемъ опредѣленія, какой земельной мѣрѣ равняется лавка, дворъ и т. п. О запрещеніи призывать тяглыхъ людей въ слободы иначе какъ на пустые дворы, какъ это полагаетъ проф. Дьяконовъ [4]), тутъ нѣтъ рѣчи: говорится лишь о запрещеніи перезывать „городскихъ“ людей, кромѣ нетяглыхъ казаковъ. Дѣло въ томъ, что и въ опредѣленіи права перехода черныхъ крестьянъ слѣдуетъ различать два случая: во-первыхъ, переходъ изъ волости въ волость, изъ волости въ посадъ и городъ, словомъ, съ государственной земли и тягла на такую же государственную землю и тягло. И запрещенія такого перехода для крестьянъ въ XVI в. еще мы не знаемъ. Судебники и Стоглавъ только регулируютъ этотъ переходъ. Во-вторыхъ, право перехода черныхъ крестьянъ на частновладѣльческія земли. Мы прежде покончимъ съ первымъ вопросомъ. Кромѣ ссылокъ на Судебники и Стоглавъ, проф. М. А. Дьяконовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ области практики Московскаго правительства по отношенію къ посадскимъ и слободскимъ людямъ и затѣмъ говоритъ объ отношеніяхъ правительства къ переходу черныхъ волостныхъ крестьянъ на частновладѣльческія земли [5]). Какъ мы уже сказали, второй случай долженъ быть

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд. II, стр. 172—173, ст. 88.
[2]) Ст. 57, ibid., стр. 102.
[3]) Ст. 178 („Сборн. М. Главн. Арх. М. И. Д.“ в. 7. М. 1900, стр. 46).
[4]) Op. cit., стр. 4.
[5]) Op. cit., стр. 5—16.

разсмотрѣнъ особо. Полнаго ограниченія въ переходѣ крестьянъ изъ одного тягла въ другое мы вообще не знаемъ. Проф. М. А. Дьяконовъ самъ это замѣчаетъ, приводя указъ 1661 г. [1]). Согласно этому указу, дворцовые крестьяне могли выходить и жить въ посадахъ и городахъ съ двумя условіями: чтобы они въ этихъ городахъ и посадахъ платили подати и чтобы свое тягло сельское передали другому лицу, сѣвшему на ихъ мѣсто [2]). Въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича 1649 г. мы читаемъ, что крестьяне могли имѣть лавки на посадахъ и если платили тягло, то такъ и оставались посадскими людьми [3]). Запрещается лишь частновладѣльческимъ крестьянамъ владѣть по городамъ и селамъ тяглыми дворами, а тяглымъ, чернымъ, можно [4]). Мы можемъ поэтому сказать, что тяглые крестьяне не были стѣснены въ своей профессіи, могли жить въ посадахъ и городахъ, торговать, только подъ условіемъ платежа тягла и неопустѣнія ихъ прежнихъ дворовъ.

§ 27. Въ иномъ видѣ представляется намъ положеніе черныхъ волостныхъ крестьянъ по отношенію къ праву перехода на частновладѣльческія земли. Мы не знаемъ общаго закона, запрещающаго переходъ тяглыхъ людей на частныя земли до Уложенія 1649 года [5]). Проф. М. А. Дьяконовъ справедливо говоритъ [6]), что это вполнѣ понятно, такъ какъ „въ эпохи, незнакомыя съ идеей законодательнаго творчества, всегда наблюдается бѣдность формулированныхъ общихъ правилъ. Указы, уставы и законодательные сборники Московской эпохи не объемлютъ всего дѣйствовавшаго права; значительная его часть попадаетъ въ уставы или указы гораздо позднѣе своего возникновенія: каждой юридической нормѣ, до ея письменной формулировки, предшествуетъ длинная практика. А не малая часть дѣйствовавшихъ въ Москвѣ правилъ такъ и осталась не

---

[1]) Ibid., стр. 14.

[2]) П. С. З. № 307. Ср. другіе указы, приводимые проф. М. В. Дьяконовымъ, op. cit., стр. 14, пр. 1.

[3]) Гл. XIX, ст. 9.

[4]) Гл. XIX, ст. 15 и 16.

[5]) Гл. XI, ст. 1.

[6]) Op. cit., стр. 9.

оформленной“ [1]). Поэтому мы не можемъ успокоиться на молчаніи закона, а должны посмотрѣть, какими основаніями руководствовалась административная и судебная практика по данному вопросу. Проф. М. А. Дьяконовъ [2]) и проф. С. Ф. Платоновъ [3]) отмѣчаютъ постоянное условіе, вводимое въ жалованныя льготныя грамоты, не перезывать на частныя земли тяглыхъ людей. Еще ранѣе мы встрѣчаемъ другую формулу: „а которыхъ перезовутъ къ себѣ людей, а не изъ нашей вотчины изъ великаго княженія“ [4]). В. И. Сергѣевичъ по этому поводу указываетъ [5]), что означенныя ограниченія касались лишь льготы: для правительства было невыгодно, чтобы тяглые люди садились на такія земли, которыя имъ въ теченіе опредѣленнаго времени освобождали отъ тягла. Запрещается освобождаться отъ тягла, а перейти съ волостной земли на частную вообще можно. По этому поводу позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее: несомнѣнно, что два-три случая жалованныхъ грамотъ не имѣли бы никакого рѣшающаго значенія. Но мы ихъ имѣемъ тысячи, почти во всѣхъ рѣшительно дошедшихъ до насъ грамотахъ. Уважаемый ученый замѣчаетъ, что существуютъ жалованныя грамоты, данныя главнымъ образомъ духовенству, въ которыхъ не встрѣчается этой оговорки [6]). Врядъ-ли есть основаніе полагать, что случайный пропускъ указаннаго выше условія дѣйствительно дозволялъ призывать на льготу тяглыхъ людей. Но допустимъ даже, что это такъ. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ рядъ весьма незначительныхъ по числу исключеній, прекрасно объясненныхъ проф. В. И. Сергѣевичемъ, какъ особыя льготы церкви. Затѣмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, что и въ жалованныхъ грамотахъ мы замѣчаемъ эволюцію. Въ древнѣйшихъ, какъ мы уже сказали, встрѣчается условіе: „и кого къ себѣ... на тѣ земли

---

[1]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др. I, стр. 237.

[2]) Op. cit., стр. 6—9.

[3]) „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“. Спб. 1900, стр. 165.

[4]) Прил. А №№ 91, 92, 110, 111 и др.

[5]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 334—339 и 346, пр. 1).

[6]) Ibid., стр. 336—337. Такихъ грамотъ насчитываетъ В. И. Сергѣевичъ 23.

призоветъ людей жити изъ иныхъ княженей, а не изъ нашея отчины, великаго княженія, или кого окупивъ посадитъ и тѣмъ людемъ пришлымъ и окупленымъ, ненадобѣ моя дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни городное дѣло, ни коня моего не кормити, ни луга моего не косити, ни намѣстніча двора ставити, ни иные нѣкоторые пошлины на пять лѣтъ“ [1]). Мы видимъ здѣсь весьма значительное ограниченіе: льгота дается лишь призваннымъ изъ другого княжества. При этомъ въ параллель исключеніямъ, приводимымъ проф. В. И. Сергѣевичемъ, позволимъ себѣ указать на жалованную грамоту 1428 — 1432 г., по которой избавляются отъ намѣстничаго суда лишь лица, перезванныя изъ другого княжества [2]). Княжество не велико, интересъ князя тѣсно связанъ съ усиленіемъ населенія княжества, совершенно невыгодно, чтобы и тѣ сравнительно немногіе жители, которые живутъ на княжеской землѣ, переходили на частновладѣльческую. Въ жалованныхъ грамотахъ Московскаго государства XVI вѣка мы уже встрѣчаемъ иную формулу этого ограниченія: „А кого къ себѣ перезовуть людей не письменныхъ и не тяглыхъ“ [3])... Государство расширилось и уже нельзя было ограничивать примѣненіе льготы лишь условіемъ для пришлыхъ изъ другого княжества людей. Но истинное значеніе этой послѣдней формулы мы усматриваемъ не изъ льготныхъ жалованныхъ грамотъ, а изъ практики какъ административной, такъ и судебной. Мы имѣемъ цѣлый рядъ жалобъ землевладѣльцевъ (почти исключительно монастырей—вѣроятно какъ болѣе заинтересованныхъ и сильныхъ, имѣвшихъ руку у царя) на то, что мѣстные правители, намѣстники и волостели ревниво оберегаютъ интересы податные и вывозятъ изъ за монастырей тяглыхъ людей, какъ посадскихъ [4]), такъ и крестьянъ (черныхъ) [5]) и сажаютъ ихъ

---

[1]) „А. о. до Ю. Б.“ I, № 31, I, VI, X, XII и др. Прил. А №№ 91, 103, 130 и мн. др. „Акты тягл. нас.“ М. А. Дьяконовъ, Юр. 1897, в. II, № 1 (стр. 1) позднѣе XV вѣка.

[2]) Прил. А № 91.

[3]) „Акты тягл. нас.“ в. II, стр. 6, № 7 (1531 г.).

[4]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 5 и прим. 1, стр. 6 и пр. 1 и 2, гдѣ приведены источники. А. А. Э. I, № 234 (стр. 238).

[5]) Д. къ А. И. VIII, № 51, IV; А. И. III, № 211; Д. къ А. И. IV, № 20.

на старые тяглые дворы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по ходатайству монастырей дѣлалась льгота и предписывалось оставлять этихъ людей въ покоѣ [1]). Но несомнѣненъ самый фактъ постояннаго требованія со стороны администраціи о невыходѣ тяглыхъ людей: очевидно это норма, все же остальное—исключенія [2]). Поэтому, мы, съ своей стороны, должны присоединиться къ мнѣнію, высказанному проф. М. А. Дьяконовымъ, что въ половинѣ XVI в. уже состоялось прикрѣпленіе къ тяглу [3]). Однимъ изъ главныхъ основаній противъ такого мнѣнія о крѣпости тяглу выставляется ст. 88 Судебника 1550, изложенная въ общемъ смыслѣ: „А крестьянамъ отказыватися изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дни осеннего и недѣля по Юрьевѣ дни осеннемъ“ [4]). Проф. В. И. Сергѣевичъ, возражая М. А. Дьяконову, замѣчаетъ, что для подтвержденія его мнѣнія необходимо доказать, что или указанныя статьи Судебника въ моментъ своего составленія уже не имѣли значенія, такъ какъ прикрѣпленіе уже состоялось ранѣе, или сейчасъ же потеряли таковое [5]). Позволилъ себѣ усумниться въ этомъ. Мы выше уже показали, что во все время существованія Московскаго государства не былъ запрещенъ переходъ изъ одного тягла въ другое, равное или тягчайшее: мы знаемъ и послѣ Уложенія переходъ крестьянъ въ посады и изъ волости въ волость. Судебникъ 1550 г. регламентируетъ эти переходы, регламентируетъ далѣе условіе нарушенія договора аренды съ землевладѣльцами, но изъ него не видно, чтобы былъ дозволенъ выходъ изъ волости за помѣщика. При вопросѣ о прикрѣпленіи тяглыхъ, черныхъ людей, рѣчь именно идетъ не о прикрѣпленіи къ землѣ, а о прикрѣпленіи къ тяглу. Это не исключаетъ возможности мѣнять и тягло, и мѣсто его отбыванія. Причиною такого прикрѣпленія были, конечно, фискальные интересы, съ чѣмъ, кажется, согласились и всѣ изслѣдователи по существу: именно, хотя были выставлены какъ осно-

[1]) „Акты тягл. нас.“ II, № 17 (стр. 13—14), 22 (стр. 20—21).
[2]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 10—11.
[3]) Op. cit., стр. 9.
[4]) „Хрест.“ Влад.-Буд. II, стр. 172.
[5]) „Др. Русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апр., стр. 346).

ваніе прикрѣпленія и тяглыхъ людей, ихъ „застарѣлость“ [1]), но и лица, защищающія эту теорію, согласны, что правительство и крестьянскія общества руководились при этомъ податными, фискальными интересами. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ, что ограниченіе перехода тяглыхъ людей на владѣльческія земли было вызвано „интересами государства и волости относительно исправнаго поступленія податей [2])“. Проф. М. А. Дьяконовъ, въ свою очередь, указываетъ на то, что дозволялось уходить съ тягла, но съ условіемъ сажать на свое мѣсто другое лицо и говоритъ: „выгодная сторона этого вида перехода для землевладѣльцевъ и тяглыхъ общинъ очевидна“ [3]). Мы далѣе коснемся вопроса о старожильчествѣ, здѣсь же лишь скажемъ, что представляемъ себѣ построенія названныхъ двухъ ученыхъ такъ: интересомъ для государства и волости была отмѣна перехода съ тягла на частныя земли. Старожильчество служило базисомъ для осуществленія этого интереса. Мы же полагаемъ, что намъ нѣтъ никакой нужды искать какихъ-либо особыхъ основаній для прикрѣпленія тяглыхъ людей, кромѣ фискальныхъ: взаимныя усилія правительства и тяглыхъ обществъ, конечно, имѣли полную возможность парализовать усилія отдѣльныхъ крестьянъ, борьба же съ землевладѣльцами велась во все продолженіе XVI и XVII вѣковъ [4]).

§ 28. Совершенно въ иномъ видѣ представляется исторія ограниченій свободы крестьянъ, жившихъ на частновладѣльческихъ

---

[1]) Пр. М. Ф. Влад.-Буд. „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 147. М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 16 и слѣд.

[2]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 146.

[3]) Op. cit., стр. 12.

[4]) Ср. Б. Н. Чичеринъ „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в.“ („Опыты по исторіи русск. пр.“ М. 1858, стр. 221). В. И. Сергѣевичъ, Р. Ю. Д. I, стр. 229. „Древности русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 337). Проф. В. И. Сергѣевичъ не признаетъ возможнымъ, какъ мы видѣли выше, согласиться съ правильностью взгляда М. А. Дьяконова относительно прикрѣпленія тяглыхъ людей въ половинѣ XVI в. Мы постарались указать нѣкоторыя соображенія въ пользу мнѣнія проф. Дьяконова. Здѣсь мы лишь отмѣтимъ, что и проф. В. И. Сергѣевичъ соглашается съ тѣмъ, что нѣкоторыя ограниченія по отношенію къ тяглымъ людямъ принимались изъ-за фискальнаго интереса.

земляхъ. Мы видѣли выше, что древнѣйшая Русь не знала такихъ ограниченій: и смерды и изорники были людьми вполнѣ свободными, имѣли полное право отказа и за убытки, причиненные нарушеніемъ договора аренды, отвѣчали имущественно. Что же мы видимъ въ Московскомъ государствѣ? Мы уже имѣли случай подробно разсмотрѣть литературу этого вопроса до 1895 г. и высказали наше мнѣніе, что до послѣдняго десятилѣтія (приблизительно) XVI в. не было юридическаго прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ, съ этого же времени оно явилось; по нашему мнѣнію, неправы тѣ изслѣдователи, которые говорятъ объ исконномъ прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ, неправы и тѣ, которые окончательное прикрѣпленіе относятъ къ эпохѣ Уложенія [1]). Послѣ нашей статьи появился въ наукѣ русской исторіи и исторіи русскаго права цѣлый рядъ новыхъ работъ, старавшихся разъяснить этотъ запутанный вопросъ. По справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича [2]), „возникновеніе крѣпостной зависимости—капитальнѣйшій вопросъ нашей исторіи“, а потому понятенъ интересъ имъ возбужденный.

Въ исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ науку интересуютъ въ сущности два вопроса: во-первыхъ, время и обстоятельства этого прикрѣпленія, и, во-вторыхъ, тѣ основанія, мотивы, также тѣ бытовыя условія, на почвѣ которыхъ развилось прикрѣпленіе. По первому вопросу новѣйшими изслѣдованіями не сдѣлано ничего новаго: у проф. М. А. Дьяконова [3]), проф. С. Ѳ. Платонова [4]), М. Ф. Владимірскаго-Буданова [5]) мы видѣли то же смѣшеніе факта и права, какъ ранѣе у гг. Милюкова [6]) и В. О. Ключевскаго [7]). М. А.

---

[1]) „Къ вопросу о прикрѣп. влад. крест.“ (Ж. М. Н. Пр. 1895. Ноябрь).

[2]) „Др. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 333).

[3]) Op. cit., стр. 16—131.

[4]) „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“. Спб. 1900, стр. 162 и слѣд.

[5]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 147—161.

[6]) „Спорные вопросы финансов. полит. Моск. госуд.“ Спб. 1892 г. стр. 84 и слѣд.

[7]) „Происх. крѣп. крест. въ Россіи“ (Русск. М. 1885, №№ VIII и X, стр. 1—36; 1—46).

Дьяконовъ въ своемъ изслѣдованіи, не разъ уже нами цитированномъ, отличаясь замѣчательной добросовѣстностью въ изслѣдованіи и разработкѣ матеріала, хотя бы и шедшаго въ разрѣзъ съ его нѣсколько предвзятыми взглядами, указываетъ, что съ первыхъ же лѣтъ XVII вѣка мы уже не имѣемъ крестьянъ-новопорядчиковъ изъ свободныхъ, полноправныхъ крестьянъ. Почтенный ученый отмѣчаетъ, что новопорядчиками въ XVII вѣкѣ были: вольные гулящіе люди „выходцы изъ-за рубежа“, „дѣти и родственники тяглыхъ людей, не занесенные еще ни въ какія оффиціальныя описи, на свой страхъ отдѣлившіеся отъ семей или покинутые своими родственниками, или въ малолѣтствѣ осиротѣлые“ [1]). Къ этому изслѣдователь добавляетъ: „слѣдуетъ еще замѣтить, что вольными считали себя также тяглые люди, которые, покидая свои тяглые участки, оставляли на нихъ взамѣнъ себя новыхъ тяглецовъ“ [2]). Этотъ послѣдній пунктъ долженъ быть ограниченъ: во-первыхъ, то, что они сами себя считали вольными еще не доказываетъ, чтобы правительство и волость ихъ всегда таковыми считали и мы знаемъ примѣры, когда эти лица не выпускались съ своихъ мѣстъ, даже подъ условіемъ посадить на свое тягло иное лицо [3]), а, во-вторыхъ, мы не знаемъ просто вольныхъ людей, ушедшихъ съ тягла и посадившихъ на него другого: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ этотъ вопросъ разсматривался особо и крестьянинъ уходилъ не вообще съ тягла, а переходилъ на данную частновладѣльческую землю [4]). Мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ, что приводимыя проф. С. Ѳ. Платоновымъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ „Записнымъ кабальнымъ книгамъ“, соображенія относительно того, что мы видимъ и въ XVII вѣкѣ значительное число крестьянъ, уходившихъ отъ помѣщиковъ, мало доказанными, ибо въ указанной кабальной книгѣ идетъ рѣчь именно о дѣтяхъ и родственникахъ

---

[1]) Op. cit., стр. 66—88.

[2]) Ibid., стр. 82.

[3]) Д. къ А. И. IV, № 20, VIII № 51, IV; А. И. III, № 211.

[4]) „А. тягл. нас.“ II, № 22 (стр. 20) „а жили ден они въ черныхъ тяглыхъ дворѣхъ, а какъ вышли въ ихъ монастырскій дворъ, и они деи посадили въ своихъ дворѣхъ иныхъ жилцовъ“. По этому поводу идетъ споръ и Царь его рѣшаетъ ad hoc.

крестьянъ, большею частью сиротахъ, ушедшихъ „погулять“ еще въ дѣтствѣ [1]). Въ новомъ своемъ трудѣ проф. Платоновъ, не касаясь подробно этой стороны прикрѣпленія крестьянъ, повидимому, согласенъ, что въ XVII вѣкѣ оно уже состоялось [2]). Съ тѣмъ, что въ XVII вѣкѣ крестьяне были прикрѣплены, согласенъ и А. С. Лаппо-Данилевскій, сдѣлавшій весьма обстоятельный разборъ-изслѣдованіе сочиненія М. А. Дьяконова [3]). Того же мнѣнія и проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [4]), хотя означенный изслѣдователь видитъ въ прикрѣпленіи крестьянъ до Уложенія обычно-правовую практику, а не законъ. Мы сейчасъ еще вернемся къ этой сторонѣ дѣла. Проф. В. И. Сергѣевичъ, какъ ранѣе [5]), такъ особенно въ послѣднихъ своихъ работахъ [6]), отмѣчаетъ, что окончательное прикрѣпленіе крестьянъ состоялось по отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, въ 1646 г. и особенно по Уложенію 1649 г. Не можемъ не замѣтить, что, по нашему мнѣнію, такое утвержденіе идетъ нѣсколько въ разрѣзъ съ теоріей автора о прикрѣпленіи крестьянъ въ 1582 году. Проф. В. И. Сергѣевичъ, по нашему мнѣнію, повторяетъ ошибку М. П. Погодина [7]) и К. П. Побѣдоносцева [8]), усматривая какія-то ограниченія прикрѣпленія въ такъ называемыхъ „урочныхъ лѣтахъ“. Уважаемый ученый знаетъ и самъ указываетъ [9]), что эти урочныя лѣта суть исковая давность [10]). Спрашивается, можно ли на основаніи существованія исковой давности для иска за нарушеніе извѣстнаго

---

[1]) „Къ вопр. о прикрѣпл. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр.“ 1895 г. № XI, стр. 33—35 по отд. отт.

[2]) „Очерки по исторіи смуты“. Спб. 1900, стр. 165. Уважаемый изслѣдователь говорилъ здѣсь, что прикрѣпленіе старожильцевъ было общепризнаннымъ явленіемъ уже въ XVI в.

[3]) „Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.“ („Отчетъ о 41 присужд. наград. гр. Уварова“. Спб. 1901, стр. 159 и слѣд.).

[4]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 154—156.

[5]) Р. Ю. Д. I, стр. 246—247.

[6]) „Др. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. февраль, стр. 350 и слѣд.)

[7]) „Историко-критическіе отрывки“. М. 1867, стр. 205.

[8]) „Замѣтки для исторіи крѣп. права въ Россіи“. (Р. Вѣстн. 1868, XV, 211).

[9]) Op. cit., стр. 344—346, пр. 6.

[10]) Ср. И. Энгельманъ „О давности“. Спб. 1868, стр. 47—52.

юридическаго отношенія говорить о несуществованіи этого отношенія. Существуетъ 10-лѣтняя давность для исковъ о нарушенномъ владѣніи [1]). Можно ли говорить, что по нашему праву не существуетъ владѣнія? Проф. В. И. Сергѣевичъ приводитъ цитату изъ Уложенія, гласящую: „по нынѣшній государевъ Указъ государевой заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглымъ крестьяномъ урочные годы“ [2]), и говоритъ [3]): „Такова точка зрѣнія редакторовъ Уложенія. До самой половины XVII вѣка не было запрещенія принимать чужихъ крестьянъ, и стало быть не было и полнаго прикрѣпленія, а были урочные годы, которые могли покрыть уходъ крестьянина. Такъ смотрятъ редакторы Уложенія, а наши ученые конца прошлаго вѣка [4]) утверждаютъ, что крестьяне были прикрѣплены еще въ половинѣ XVI вѣка. Полагать надо, что они очень ошибаются“. Позволимъ себѣ замѣтить, что если эти ученые ошибаются, говоря о прикрѣпленіи крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ именно въ половинѣ XVI вѣка, то они все-таки вполнѣ правы, утверждая то, что это прикрѣпленіе состоялось въ XVI вѣкѣ. Проф. В. И. Сергѣевичъ въ капитальномъ своемъ сочиненіи о русскихъ юридическихъ древностяхъ, доказывая существованіе указа о прикрѣпленіи крестьянъ, самъ шелъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, говорятъ редакторы Уложенія [5]). Намъ кажется, что эти послѣдніе говорятъ только то, что и большинство изслѣдователей: что не было до Уложенія спеціальнаго указа о крестьянскомъ прикрѣпленіи, и что таковое покоилось на началахъ права обычнаго и судебно-административной практики. Мы далѣе еще перейдемъ къ этому вопросу [6]). Дѣйствительно, какую картину отношеній крестьянина къ землевладѣльцу мы видѣли въ XVII вѣкѣ?

---

[1]) Св. Зак. т. X, ч. 1 (изд. 1900 г.), ст. 565.

[2]) Ул. гл. XI, ст. 3.

[3]) Op. cit. (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № II, стр. 350).

[4]) Т. е. XIX: Дьяконовъ, Милюковъ и др.

[5]) Р. Юр. Др. I, стр. 246.

[6]) Мы невольно нарушаемъ хронологію, считая необходимымъ выяснить предѣльный моментъ прикрѣпленія, болѣе опредѣленный, чѣмъ его начало.

Существуютъ указы 1597, 1601, 1602, 1606 и 1607 гг. [1]), которые всѣ говорятъ о запрещеніи крестьянскаго выхода изъза частныхъ лицъ [2]). Дѣйствительность этихъ указовъ теперь не подлежитъ сомнѣнію. Проф. В. И. Сергѣевичъ [3]) прекрасно разъяснилъ ихъ истинное значеніе, подтвердивъ положеніе, высказанное еще Костомаровымъ [4]), что указъ 1597 года о пятилѣтней давности сыска бѣглыхъ крестьянъ непремѣнно предполагаетъ отмѣну Юрьева дня [5]). Уже съ первыхъ же лѣтъ XVII вѣка мы видимъ, что въ крестьянскихъ порядныхъ появляется рядомъ съ прежней неустойкой условіе о невыходѣ [6]). „А не учку азъ... въ деревнѣ въ Софійской вотчинѣ въ селѣ Высокомъ жити и оброкъ платити и издѣлье крестьянское дѣлати, и казначею старцу Саватію Тишневу взяти на мнѣ 10 рублевъ московскихъ, а впредь азъ въ крестьянѣхъ въ митрополичьей, въ Софійской вотчинѣ“ [7]). Имѣется уже въ 1619 году одна порядная, гдѣ говорится: „а сойду я исъ Софѣйскіе вотчины или збегу безъ государева указу и безъ митрополича вѣдома, и гдѣ меня свѣдаетъ, и митрополичьимъ приказнымъ волно меня взяти и вывесть въ Софейскую вотчину, въ деревню на участокъ посадить, гдѣ меня митрополитъ прикажетъ“ [8]). Намъ кажется очевиднымъ, что въ XVII вѣкѣ, уже съ первыхъ лѣтъ, крестьяне теряютъ право свободнаго выхода. Для окончательнаго въ этомъ убѣжденія необходимо лишь разрѣшить послѣдній вопросъ, именно, имѣетъ ли въ виду указъ 1597 года вообще всѣхъ крестьянъ,

---

[1]) А. И. I, № 221, А. А. Э. II, №№ 20, 23, 24 и 40. „Судебникъ“ Татищева, изд. 2-е, М. 1786, стр. 240—248.

[2]) См. наше „Къ вопросу о прикрѣпл. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895 г. Ноябрь, стр. 28—33 по отд. отт.).

[3]) Р. Юр. Др. I, стр. 242—247. „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Февраль, стр. 344 и слѣд.

[4]) „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права“ („Архивъ истор. и практич. свѣд.“ изд. Н. В. Калачова, 1859 г. № 2, отд. II, стр. 11).

[5]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Февр., стр. 344, пр. 1).

[6]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 95—98.

[7]) Прил. В, №№ 3, 4 и др.

[8]) Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 3, стр. 244—245.

жившихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, или лишь ушедшихъ безъ отказу и не въ срокъ. Намъ кажется, что послѣднее предположеніе не выдерживаетъ критики: проф. В. И. Сергѣевичъ вполнѣ основательно ссылается для опроверженія его на указъ 1601 г., временно дозволяющій, по случаю голода, отказъ и вывозъ крестьянъ (очевидно уже запрещенный) [1]). Кромѣ того, если бы существовалъ Юрьевъ день или право выхода, право нарушенія договора со стороны крестьянъ, то какимъ образомъ указомъ 1597 г. могла быть предоставлена исковая давность въ теченіе болѣе 15 лѣтъ? Неужели черезъ 5 лѣтъ отыскивать крестьянина для того, чтобы онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ на землѣ помѣщика? Очевидно, это невозможно [2]). Въ послѣднее время выдвигается по этому поводу другое мнѣніе, ограничивающее сказанное. Полагаютъ, что эти указы касались не всѣхъ крестьянъ, а лишь такъ называемыхъ старожильцевъ [3]). Мы далѣе должны будемъ остановиться на значеніи старожильчества для вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ. Здѣсь же долгомъ считаемъ сказать слѣдующее: если только признать, что указъ 1597 г., равно какъ указы 1601 и 1602 гг. предполагаютъ отмѣну Юрьева дня, а что они это предполагаютъ, кажется намъ, не можетъ быть болѣе сомнѣнія, то они имѣютъ въ виду всѣхъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, кромѣ поморскихъ половниковъ. Именно, во-первыхъ, мы изъ текста означенныхъ указовъ не усматриваемъ, чтобы они имѣли въ виду однихъ лишь старожильцевъ. Указъ 1597 года говоритъ [4]): „которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ-за дворянъ.... и т. д. (перечисленіе владѣльцевъ) выбѣжали до нынѣшняго 106 году за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикомъ, изъ-за кого они выбѣжали... давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтми

[1]) Р. Юр. Др. I, стр. 243—244.

[2]) Ср. М. Ф. Влад.-Будановъ „Обзоръ“. К. 1900, стр. 157—159 и пр. 1.

[3]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 31—55. С. Ѳ. Платоновъ „Очерки по исторіи смуты“. Спб. 1900, стр. 165.

[4]) „Хрест.“ Влад.-Буд. III, стр. 94—97.

и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ". Если же прошло болѣе 5 лѣтъ, то искъ покрывается давностью. Ни слова нѣтъ о старожильцахъ. То же самое мы видѣли и въ остальныхъ, приведенныхъ нами указахъ. Вездѣ говорится просто о крестьянахъ. Во-вторыхъ, всѣ крестьяне новопорядчики XVII вѣка были, какъ мы видимъ, или бѣглые, или гуляшіе, или зарубежные люди, а потому соображеніе проф. Дьяконова о томъ, что наличность въ XVII в. разряда новопорядчиковъ говоритъ противъ всеобщности прикрѣпленія [1]), не можетъ быть признано основательнымъ. Наконецъ, въ третьихъ, и эти разряды неполноправныхъ людей, поступая по порядным въ XVII вѣкѣ въ крестьяне, даютъ обязательство быть крѣпкими навсегда [2]), и мнѣніе проф. Дьяконова [3]), что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фикціей старожильчества, совершенно натянуто и не имѣетъ подъ собою почвы. Такимъ образомъ, въ виду всего сказаннаго, мы признаемъ, что съ 1597 года крестьяне Московскаго государства, жившіе на владѣльческой землѣ, несомнѣнно прикрѣплены уже къ землѣ. Теперь остается опредѣлить, по возможности, послѣдній несомнѣнный моментъ, когда дѣйствовалъ еще законъ о Юрьевѣ днѣ и мы получимъ тотъ періодъ, въ теченіе коего произошло прикрѣпленіе крестьянъ. Благодаря изданію Судебника Царя Ѳеодора Іоанновича 1589 года, въ ст. ст. 178 и 179 г. [4]) коего регламентируется правило объ отказѣ въ Юрьевъ день и повторяются постановленія Судебника 1550 года — это возможно. Ст. 179 этого же Судебника 1589 года повторяетъ старое правило, что если крестьянинъ совершитъ уголовное преступленіе и его выручитъ собственникъ той земли, на которой живетъ этотъ крестьянинъ, то крестьянинъ все-таки имѣетъ право отказаться отъ владѣльца и уйти [5]). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ произошло между 1589 и 1597 годами. Этотъ періодъ можно и еще сократить. Мы

[1]) Op. cit., стр. 32—33 и пр. 2 на стр. 32.
[2]) См. прилож. В, №№ 3, 4 и др.
[3]) Op. cit., стр. 48—49.
[4]) „Сборн. Мин. Рл. Арх. Ин. Дѣлъ", в. VII, М. 1900, стр. 46.
[5]) Ibid.

уже указывали въ другомъ мѣстѣ [1]), что за отсутствіемъ опредѣленнаго закона о крестьянскомъ прикрѣпленіи, главнымъ основаніемъ для сужденія по этому дѣлу была бы судебная практика. Къ несчастію, новѣйшіе изслѣдователи не могли найти новыхъ судебныхъ рѣшеній по этому предмету ранѣе XVII вѣка. Мы уже указывали, что первымъ извѣстнымъ, по нашему мнѣнію, судебнымъ дѣломъ о „бѣглыхъ“ крестьянахъ было записанное въ Переписную книгу Новгородскаго суднаго приказа 1595 года. Тамъ, въ числѣ дѣлъ вершенныхъ и невершенныхъ показано „дѣло судное, взято съ суднаго двора, Игнатья Оболнянова, въ бѣглыхъ крестьянехъ, не вершено“ [2]). Мы полагаемъ, что это „дѣло судное“ могло быть только дѣломъ о возвратѣ бѣглаго крестьянина. Къ этому приводятъ насъ два соображенія: во-первыхъ, при существованіи права отказа, хотя бы и единожды въ году, существовалъ бы искъ объ уходѣ не въ сроки и безъ отказа, на что мы имѣемъ цѣлый рядъ жалобъ [3]), а не просто „въ бѣглыхъ крестьянахъ“. Во-вторыхъ, мы попрежнему думаемъ, что слово „бѣглый“ по отношенію къ крестьянамъ встрѣчается лишь съ уничтоженія Юрьева дня [4]). Проф. М. А. Дьяконовъ, возражая намъ, указываетъ, что уже въ началѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ терминъ „выбѣжалъ“ для выраженія ухода крестьянъ отъ помѣщика [5]). Мы уже имѣли случай по поводу этого замѣтить [6]), что, во-первыхъ, слово „выбѣжать“ еще не есть прилагательное „бѣглый“. Ст. 144 Судебника 1589 г. говоритъ: „А холопа рат полонит, а выбежет ис полону и онъ свободенъ“ [7]).

---

[1]) „Къ вопросу о прикрѣпл. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895 г. № 11, стр. 29 по отд. отт.).

[2]) Ibid., А. отн. до Юр. Б. II, № 139, стр. 180.

[3]) См., напр., Акты Оед.-Чехов., I, стр. 126—127. Д. къ А. И. I, № 51, V, стр. 74.

[4]) „Къ вопросу о прикрѣпл. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр, 1895 г., № II, стр. 29—30 по отд. отт.).

[5]) Op. cit., стр. 26, пр. 1.

[6]) Наша рецензія на книгу М. А. Дьяконова. („Вѣстн. Права“ 1899 г. № 21).

[7]) „Сбор. Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д.“, в. VII, М. 1900, стр. 39. Ср. Царскаго Судебника ст. 80 и Судебника 1497 г. ст. 56 („Хрест.“ Влад.-Буданова, в. II, стр. 166 и 101).

Этотъ холопъ выбѣжалъ, но онъ не бѣглый и дѣлается свободнымъ. Во-вторыхъ, приводимыя проф. Дьяконовымъ мѣста источниковъ не вполнѣ подтверждаютъ его мнѣніе. Онъ приводитъ выраженіе грамоты 1538 г., что крестьяне „отъ долговъ бѣгуть розно“. Далѣе, дѣло крестьянъ Ворбозомской волости съ Троицко-Сергѣевымъ монастыремъ, напечатанное въ Актахъ Ѳедотова-Чеховскаго [1]). Монастырскія власти доказывали, что крестьянинъ Якуня „изъ-за монастыря ис того починка выбѣжалъ вонъ безъ отказу и безпошлинно“. Уважаемый изслѣдователь при комментированіи настоящаго выраженія не обратилъ вниманія, что, во-первыхъ, монастырь при своемъ обвиненіи имѣетъ въ виду дискредитировать Якуню, а во-вторыхъ, вѣдь монастырь не ищетъ возврата Якуни, онъ объ этомъ и рѣчи не поднимаетъ. Онъ ищетъ лишь убытковъ. Засимъ, въ судномъ дѣлѣ 1561 года есть также ничего не значущее выраженіе: „деревни Некрасъ запустошилъ, и крестьяне поразбѣглись... пахать было не кѣмъ“ и, наконецъ, данныя писцовыхъ книгъ, которыя также говорятъ лишь о томъ, что крестьяне сбѣжали безвѣстно, безъ отказу, очевидно въ противоположность ушедшимъ съ отказомъ. Безвѣстно и безъ отказа можетъ „сбѣжать“ и вольнонаемный слуга, арендаторъ, кассиръ и т. п., но отсюда мы не имѣемъ никакого права судить о прикрѣпленіи этихъ лицъ. Случая примѣненія къ крестьянамъ, ушедшимъ не въ срокъ и безъ отказа, прилагательнаго „бѣглый“ до послѣдняго 10-лѣтія XVI в. никто не могъ привести до сихъ поръ, несмотря на поиски въ архивахъ. „Бѣглыми“ до сего времени были лишь холопы и уголовные преступники [2]). Для окончательнаго выясненія вопроса о времени прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ, необходимо, наконецъ, коснуться вопроса о правѣ крестьянъ уходить безъ отказа, подъ отвѣтственностью лишь имущественною, за убытки, а не личною, сопряженной съ возвратомъ. Намъ кажется, что вопросъ этотъ уже очень подробно разработанъ въ литературѣ и для всякаго непредубѣжденнаго читателя не даетъ основаній къ иному выводу, чѣмъ сдѣланный

[1]) Т. I, стр. 126—127.

[2]) См. Д. къ А. И. I, № 51, V, стр. 74; А. А. Э. I, № 330, II.

проф. В. И. Сергѣевичемъ [1]). Въ послѣднее время выдѣлили изъ него отношенія старожильцевъ. Мы будемъ говорить объ этомъ далѣе.

§ 29. Выяснивъ время отмѣны Юрьева дня и ео ipso прикрѣпленія крестьянъ, намъ надлежитъ теперь сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ этого прикрѣпленія, вѣрнѣе, о его санкціи. Еще Погодинъ указалъ, что изъ указа 1597 года нельзя дѣлать никакого вывода о существованіи особаго указа объ отмѣнѣ Юрьева дня и именно указа 1592 г. [2]), такъ какъ срокъ давности исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ въ 5 лѣтъ еще не указываетъ, что самый указъ о прикрѣпленіи крестьянъ состоялся за пять лѣтъ передъ тѣмъ. Но еще и теперь проф. В. И. Сергѣевичъ беретъ подъ свою защиту [3]) мнѣніе, высказанное еще В. Н. Татищевымъ [4]) и затѣмъ поддержанное Н. М. Карамзинымъ [5]), С. М. Соловьевымъ [6]), Б. Н. Чичеринымъ [7]), И. Д. Бѣляевымъ [8]), Н. Костомаровымъ [9]) и нѣкоторыми другими [10]), что указъ 1597 года предполагаетъ указъ болѣе ранній. Намъ кажется, что въ данномъ вопросѣ слѣдуетъ различать двѣ стороны: во-первыхъ, существованіе юридическаго, а не только фактическаго прикрѣпленія крестьянъ уже въ концѣ XVI вѣка, а, во-вторыхъ, объективное выраженіе этой нормы. Всѣ названные ученые глубоко правы, защищая юридическое прикрѣпленіе крестьянъ уже въ концѣ

---

[1]) Юр. Др. I, стр. 220 и слѣд. (изд. 2-е).

[2]) „Историко-критическіе отрывки". М. 1867, стр. 285.

[3]) Юр. Др. I, стр. 233—235, 242—243 и 257—263.

[4]) „Судебникъ государя, царя и в. кн. Іоанна Васильевича", изд. 2. М. 1786, стр. 221, пр. б.

[5]) „Исторія Государства Россійскаго" изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 349.

[6]) „Исторія Россіи древн. вр." т. VII, М. 1879, стр. 356—357.

[7]) „Холопы и крестьяне въ Россіи" („Опыты по ист. русск. пр.". М. 1858, стр. 222—224).

[8]) „Крестьяне на Руси". М. 1879, стр. 97 и слѣд.

[9]) „Должно ли считать Бориса основателемъ крѣпостного права" („Арх. истор. и практ. свѣд." Н. В. Калачевъ, 1859, № 2, изд. II, стр. 1—29; № 3 изд. II, стр. 70 и слѣд.).

[10]) Перечисленіе литературы см. нашу ст. „Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльч. крестьянъ" (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 28, пр. 2 и стр. 29, пр. 1 по отд. отт.).

XVI вѣка и съ этой точки зрѣнія къ нимъ надо присоединить и проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова [1]) и А. С. Лаппо-Данилевскаго [2]), и отчасти проф. М. А. Дьяконова [3]). Во времена Татищева, какъ извѣстно, при существованіи договорной теоріи права, не былъ затрагиваемъ вопросъ объ обычномъ правѣ, его проявленіи, источникѣ и т. п. Съ точки зрѣнія Татищева было вполнѣ естественно признать, что если состоялось юридическое прикрѣпленіе крестьянъ, то оно произошло по закону или указу. То же можно сказать относительно правовоззрѣній Н. М. Карамзина. Въ настоящее же время, когда мы знаемъ, что Московское государство жило, главнымъ образомъ, обычаемъ [4]), когда „указомъ московскихъ государей не легко достается борьба съ старыми народными обычаями. Народная старина продолжаетъ идти наперекоръ указамъ“ [5]), мы можемъ признать наличность юридической нормы и безъ соотвѣтствующаго указа или закона: она проявляется во внѣ со стороны государства въ судебно-административной практикѣ. Было высказано въ литературѣ этого вопроса мнѣніе, что самый указъ 1597 г. и есть указъ о прикрѣпленіи крестьянъ [6]). Мы въ другомъ мѣстѣ, возражая противъ этого, указывали, что указъ о давности исковой не могъ быть творцомъ новой нормы [7]). Но мы должны признать, что это первый и единственный въ XVI вѣкѣ указъ, гласящій, въ общей формѣ, о томъ, что крестьяне не пользуются уже правомъ перехода и что помѣщики и вотчинники имѣютъ право отыскивать и возвращать ихъ въ теченіе 5 лѣтъ. Намъ представляется, что проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ совершенно правъ, когда онъ указываетъ, что прикрѣпленіе крестьянъ произошло въ видѣ цѣлой цѣпи мѣръ [8]). Мы полагаемъ, и имѣли уже слу-

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 155—159.

[2]) „Организація прямого обложенія“. Спб. 1890, стр. 135—136.

[3]) Op. cit., стр. 9—10.

[4]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ „Обзоръ“. К. 1900, стр. 236—237.

[5]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др. I, стр. 237.

[6]) I. Engelmann, „Die Leibeigenschaft in Russland“. Leipz. 1884, S. 35.

[7]) „Къ вопр. о прикр. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895 № XI, стр. 29 по отд. отт.).

[8]) „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 154 и слѣд., 157 и пр. 1.

чай это высказать [1]), что въ концѣ XVI вѣка Московская администрація даетъ особое направленіе дѣламъ по жалобамъ помѣщиковъ и вотчинниковъ объ уходахъ крестьянъ: въ послѣднее десятилѣтіе этого вѣка мы имѣемъ уже судебныя дѣла о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ [2]). Какъ могутъ помѣщики искать о возвратѣ крестьянъ лѣтъ за 6, за 7 и больше до указа 1597 г. [3]), если и закона объ этомъ не было. Отвѣтимъ словами проф. В. И. Сергѣевича [4]): „мало ли на что ссылаются челобитчики въ доказательство своихъ претензій! Не угодно ли послушать современныхъ адвокатовъ". Нѣтъ никакого сомнѣнія, и это подтверждается всѣми изслѣдователями, какого бы взгляда они ни были на прикрѣпленіе крестьянъ [5]), что вторая половина XVI вѣка полна жалобами землевладѣльцевъ, что съ уходомъ крестьянъ ихъ земли запустѣли. Указъ 1597 г. и мотивируется жалобами и исками землевладѣльцевъ о возвратѣ крестьянъ. Насъ не должна смущать казуистическая форма этого указа. Въ немъ отсутствуетъ диспозитивная часть, а имѣется одна лишь санкція. Не забудемъ, что въ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ право собственности опредѣляется статьею, начинающеюся словами [6]): „кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ". По нашему мнѣнію, указъ 1597 г. есть завершеніе ряда судебныхъ и административныхъ мѣропріятій, установившихъ крѣпостное право. Какія были эти мѣропріятія. По нашему мнѣнію, съ одной стороны, рѣшенія судебныхъ органовъ о возвратѣ ушедшихъ крестьянъ, а, во-вторыхъ, общая перепись 101—103 годовъ [7]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ и смыслѣ мы признаемъ вполнѣ справедливыми разсужденія профессоровъ М. А. Дьяконова [8]) и С. Ѳ.

---

[1]) „Къ вопросу о прикр. влад. крестьянъ" (Ж. М. Н. Пр. 1895 № XI, стр. 30—31 по отд. отт.).

[2]) А. о. до Юр. Б. II № 139, стр. 180.

[3]) „Хрест." Влад.-Буд. III, стр. 94—95.

[4]) „Древн. русск. землевлад." (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 346).

[5]) См., напр., В. И. Сергѣевича. „Древн. русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. Февр. 1901, стр. 343 и слѣд.). М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 23 и слѣд.

[6]) Ст. 420 т. X Св. Зак. (изд. 1900 г.).

[7]) Наше „Къ вопросу о прикрѣпл. влад. крестьянъ" (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 30—31 по отд. отт.).

[8]) Op. cit., стр. 30—32.

Платонова [1]) и можемъ повторить слова перваго изъ нихъ [2]: „во второй половинѣ XVI вѣка мало-по-малу вырабатывается правило, что крестьяне и вообще тяглые люди, занесенные въ писцовыя книги или оффиціальныя описи [3])... правомъ выхода не пользуются“. Чтобы покончить съ указомъ 1597 г. и вообще съ закономъ о прикрѣпленіи, необходимо еще сказать два слова о слѣдующемъ: изслѣдователи неоднократно отмѣчали неполноту этого указа, въ смыслѣ того, что онъ касается лишь самихъ крестьянъ, а не ихъ семей [4]). Мы уже указывали кроющееся здѣсь недоразумѣніе [5]); въ самое послѣднее время проф. В. И. Сергѣевичъ также, кажется, говоря о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, придаетъ значеніе тому, что по Уложенію крѣпкими становятся и жены и дѣти крестьянъ [6]). Но вѣдь и въ Указѣ 1597 года говорится [7]): „и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“. Уложеніе въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ буквально то же самое [8]): „и тѣхъ крестьянъ отдавать съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы“...

§ 30. Наконецъ, послѣдній пунктъ вопроса о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ касается, во-первыхъ, той бытовой обстановки (Thatbestand), на почвѣ которой развилось прикрѣпленіе крестьянъ, а во-вторыхъ, мотивовъ правительства въ этомъ актѣ. Первое обстоятельство очень часто смѣшивается со вторымъ: когда говорятъ о крестьянской задолженности, о старожильчествѣ, какъ основаніяхъ прикрѣпленія, то этимъ самымъ подставляютъ эти явленія какъ мотивы и государственной

---

[1]) „Очерки по исторіи смуты“, Спб. 1900, стр. 165.

[2]) Op. cit., стр. 31.

[3]) Мы пропускаемъ слово „считаются старожильцами и...“ ибо, какъ далѣе увидимъ, въ этомъ дѣлѣ не признаемъ особенной роли за старожильчествомъ.

[4]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, „Люди кабальные и докладные“ (Ж. М. Н. Пр. 1895 г. Январь, стр. 215).

[5]) „Къ вопросу о прикрѣпл. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895 г. № XI, стр. 35 по отд. отт.).

[6]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № II, стр. 350).

[7]) „Хрест.“ Влад.-Буд. III, стр. 95.

[8]) Гл. XI, ст. 3.

власти [1]). Намъ кажется, что это ошибка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что положеніе очень многихъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, было очень тягостно въ матеріальномъ отношеніи. Это подтверждается всѣми изслѣдователями, какого бы направленія они ни были [2]). Средній размѣръ земли, находившейся во владѣніи крестьянъ, жившихъ за вотчинниками и помѣщиками, былъ полъ-выти [3]). Проф. академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій въ своемъ интереснѣйшемъ разборѣ книги М. А. Дьяконова приводитъ очень важныя данныя о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія [4]). Этотъ ученый говоритъ: государственные крестьяне, сидѣвшіе на „окняженныхъ земляхъ“, какъ извѣстно, все же пользовались болѣе широкими вещными правами, чѣмъ владѣльческіе, но и число черныхъ волостей въ XVI вѣкѣ не было особенно значительнымъ“, указывая, что въ теченіе XVI в. въ центральной части Московскаго государства совершенно исчезали черныя волости [5]). Сильные землевладѣльцы, особенно монастыри, захватываютъ въ свои руки сосѣдніе тяглые, волостные участки [6]); правительство нерѣдко цѣлыя волости жалуетъ въ вотчины и помѣстья [7]). Такимъ образомъ постепенно съуживался контингентъ населенія черныхъ тяглыхъ волостей, а съ другой—крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, за невозможностью перейти на государственную волостную землю, имѣли лишь выборъ между тѣмъ или инымъ землевладѣльцемъ, если не хотѣли предаваться рискованной и для большинства неудобной по семейному положенію и противной по религіознымъ основаніямъ жизни казака и разбойника. Кругомъ даннаго землевладѣльца

---

[1]) Ср., напр., М. А. Дьяковъ, op. cit., стр. 30 и слѣд.

[2]) Б. Н. Чичеринъ, „Холопы и крестьяне въ Россіи“ („Опыты“. М. 1858, стр. 173). В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др. I, стр. 208—209. В. О. Ключевскій, „Примѣн. крѣп. права въ Россіи“ (Р. М. 1885, № X, стр. 34). М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 111 и слѣд. и мн. др.

[3]) См., напр., „Акты тягл. нас.“ I, № 1. Приложеніе В, №№ 3, 4, 5 и др.

[4]) „Разысканіе по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.“ („Отчетъ о 41 присужд. наградъ гр. Уварова“. Спб. 1901, стр. 63 и слѣд.).

[5]) Ibid., стр. 63.

[6]) Ibid., стр. 64. Интересная ссылка въ пр. 3 на № 340 А. о. до Ю. Б. III,

[7]) Ibid., стр. 65.

такіе же землевладѣльцы. Выборъ можетъ быть лишь между ними. И мы видимъ, что между землевладѣльцами идетъ сильная борьба: крупные, какъ монастыри, высшіе служилые классы, постоянно притѣсняютъ болѣе мелкихъ вотчинниковъ и землевладѣльцевъ и, по справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича, противятся уничтоженію Юрьева дня и отмѣненію выхода [1]). Изъ-за сильнаго землевладѣльца крестьянинъ не выходилъ такъ легко, какъ изъ-за слабаго: во-первыхъ, жить за сильнымъ было лучше, а во-вторыхъ, уйти опасно, при томъ произволѣ, который господствовалъ въ то время. Положеніе владѣльческихъ крестьянъ, кромѣ сказаннаго, было еще стѣснено и въ другихъ отношеніяхъ: они несли значительное тягло въ пользу государства [2]) и кромѣ того обязаны были барщиной въ пользу землевладѣльца [3]). Барщина была общимъ явленіемъ среди владѣльческихъ крестьянъ и мы не знаемъ порядныхъ, гдѣ бы не было обязательствъ „издѣлье дѣлать на господина“ въ той или иной формѣ [4]). Въ большинствѣ случаевъ крестьяне должали своимъ помѣщикамъ какъ по уплатѣ податей, такъ и по барщинѣ, иногда переводимой на деньги [5]). Независимо сего, большинство изъ нихъ входили въ непосредственныя обязательственныя отношенія къ господамъ: брали ссуду и подмогу [6]), не исполняли выговоренныхъ въ пользу господина условій порядной, въ смыслѣ постройки двора и т. п. [7]). Неисполненіе обязательства, въ случаѣ иска кредитора, влекло

---

[1]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Февр., стр. 323—344).

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“. Спб. 1890, стр. 135 и слѣд., 149.

[3]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ „Обзоръ“ К. 1900, стр. 151—152.

[4]) Наше „Къ вопросу о прикрѣпленіи влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 11 по отд. отт.). Разсматривая отношеніе крестьянъ къ господину, мы далѣе коснемся еще вопроса о барщинѣ.

[5]) А. С. Лаппо-Данилевскій, op. cit., стр. 85. Ср. интересный актъ (духовную) 1682 г., изъ котор. значитъ, что „окупить“ крестьянъ значило уплатить за нихъ подати: „а взялъ я за нее 100 рублевъ и тѣми деньгами крестьянъ своихъ окупилъ, платя за нихъ по два года по полтинѣ на годъ съ двора въ разрядъ и въ ямской приказъ. „Сб. кн. Хилкова“, № 55, стр. 148.

[6]) Ibid., стр. 70—77. Дьяконовъ, op. cit., стр. 75—77.

[7]) А. С. Лаппо-Данилевскій, op. cit., стр. 80.

правежъ или холопство до уплаты долга (выдачу головою [1]). Всѣ эти обстоятельства ставили крестьянина въ зависимое положеніе отъ землевладѣльца: при нормальномъ ходѣ дѣла, съ соблюденіемъ закона, крестьянинъ могъ уйти, лишь уплативъ весь накопившійся за нимъ долгъ и пожилое по Судебнику [2]) или найдя новаго землевладѣльца, который за него этотъ долгъ уплатитъ, а крестьянина, „окупивъ“ [3]), переведетъ на свою землю. Трудно сказать, насколько эти обстоятельства мѣшали переходу крестьянъ. Писцовыя книги сообщаютъ о значительномъ числѣ крестьянъ, ушедшихъ, „сбѣжавшихъ“ отъ землевладѣльцевъ съ нарушеніемъ правилъ о выходѣ. Но думаемъ, что эти правила служили весьма задерживающимъ стимуломъ для большинства семейныхъ крестьянъ. И послѣ прикрѣпленія крестьянъ легко было уйти, сбѣжать на волю. Полагаемъ, что довольно трудно было найти бѣглаго крестьянина при тогдашнихъ путяхъ сообщенія. У помѣщика и вотчинника оставалось одно голое право иска, nudum jus, которое иногда ими, впрочемъ, переуступалось другимъ лицамъ [4]). И въ позднѣйшее время рѣдки были случаи возврата крестьянъ, числившихся въ бѣгахъ [5]). Но, повторяемъ, мы думаемъ, что для массы крестьянства такое бѣгство нисколько не улыбалось: приходилось прятаться или, поступая къ новому владѣльцу, попадать подъ еще болѣе тягостную зависимость въ виду нелегальности своего положенія. Черныя же волостныя земли все уменьшались и уменьшались. Но возникали ли, въ виду долговыхъ обязательствъ, права у помѣщика на свободу крестьянина, и могли ли ставить въ связь эту задолженность съ кабальной зависимостью? Мы полагаемъ, что послѣ подробныхъ изслѣдованій этого вопроса такими знатоками исторіи русскаго права, какъ проф. В. И. Сергѣевичъ [6]) и проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [7]), объ

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др. I, стр. 208—209.

[2]) Ст. 88. („Хрест.“ Влад.-Буд. II, стр. 173).

[3]) Ср. М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 77 и слѣд.

[4]) Напр. „Записная кн. крѣп. дѣлъ Лакьера (Арх. ист. юр. свѣд., отн. до Россіи. Калачовъ, кн. 2, отд. II, стр. 42, пр. 39, стр. 67, пр. 157).

[5]) В. И. Семевскій, „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины“. I. Спб. 1881 г.

[6]) Юр. Др. I, стр. 259—263.

[7]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 151—152.

этомъ не можетъ быть и рѣчи. Проф. М. А. Дьяконовъ въ своемъ изслѣдованіи дѣлаетъ попытку доказать, какъ связь задолженности съ послѣдующимъ прикрѣпленіемъ, такъ и съ кабалой [1]). Означенныя разсужденія съ достаточной подробностью опровергнуты проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ [2]), проф. В. И. Сергѣевичемъ [3]) и А. С. Лаппо-Данилевскимъ [4]). Мы позволимъ себѣ сказать по этому поводу лишь нѣсколько словъ. Мы уже оттѣняли въ другомъ мѣстѣ [5]) необходимость въ изслѣдованіяхъ историческихъ строго различать фактическую и юридическую сторону изучаемаго явленія. Въ вопросѣ о прикрѣпленіи крестьянъ это также важно. По мнѣнію проф. М. А. Дьяконова, развивающаго взгляды, впервые высказанные В. О. Ключевскимъ [6]), уже очень, сравнительно, рано существовало запрещеніе ухода должниковъ отъ землевладѣльцевъ. Конечно, изслѣдователи не могли привести ни одного законодательнаго акта, подкрѣпляющаго это положеніе. Существуетъ одна привилегія [7]), и то сомнительная, и затѣмъ гипотеза, конструирующая лишеніе крестьянъ свободы перехода по образцу кабалы. Данныхъ для сего, какъ это достаточно уже выяснено критикой, нѣтъ. Это, повторяемъ, гипотеза. Но гипотеза непремѣнно должна имѣть основаніе и не противорѣчить фактамъ. Проф. М. А. Дьяконовъ согласенъ, что мы не располагаемъ „никакими новыми данными для разъясненія этого вопроса относительно XVI вѣка“ и пытается рѣшить его по даннымъ XVII вѣка [8]). Прежде чѣмъ слѣдить за изслѣдова-

---

[1]) Op. cit., стр. 75—80, 134—143.

[2]) „Обзоръ“. 1900, стр. 151—152.

[3]) „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. Апрѣль 1901, стр. 344 и слѣд.).

[4]) „Разысканіе по ист. прикр. влад. кр.“. (Отчетъ о 41 присужд. награ. гр. Увар. Спб. 1901, стр. 80). Авторъ совершенно измѣнилъ существ. взглядъ и полагаетъ, что задолженность была причиною прикрѣпленія, такъ какъ прикрѣпленіе было направлено противъ послѣдствій задолж.

[5]) „Къ вопр. о прикр. влад. кр.“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 2 по отд. отт.).

[6]) „Происх. крѣп. права въ Россіи“ (Русск. М. 1885, №№ VIII и X, стр. 1—36; 1—46).

[7]) А. А. д. 1 № 48, I. Наши объясненія см. въ приведенной статьѣ, стр. 9 по отд. отт.

[8]) Op. cit., стр. 82.

телемъ, скажемъ слѣдующее: крестьянинъ почти всегда должалъ землевладѣльцу почти съ самаго своего поряда [1]). Фактически онъ могъ уйти отъ землевладѣльца, благодаря этому, съ большимъ трудомъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ подвергался опасности иска объ уплатѣ. Но самъ проф. М. А. Дьяконовъ, наконецъ, соглашается, что это лишь фактъ [2]). Условія порядной суть условія найма земли, аренда. Заемъ влекъ другія послѣдствія. Юридически крестьянинъ могъ уйти отъ землевладѣльца и такой имѣлъ, до 1597 года, къ нему лишь право иска объ убыткахъ. Юридическаго прикрѣпленія не было. А это все, что требовалось доказать. Обращаясь къ частностямъ, укажемъ на странное выраженіе уважаемаго ученаго: „заемъ могъ быть возмезднымъ и безвозмезднымъ“ [3]). Безвозмезднаго займа, какъ безвозмезднаго найма, быть не можетъ. Это возмездныя сдѣлки. Заемъ непремѣнно предполагаетъ уплату и по догмѣ гражданскаго права противополагается даренію. Авторъ напрасно удивляется, почему мы настаивали на различеніи процентнаго и безпроцентнаго займа [4]). Если сближать кабалу съ порядной, то именно надо доказать, что за подмогу и ссуду крестьянинъ работалъ, какъ и въ кабалѣ, за ростъ. Была попытка въ такомъ смыслѣ объяснять „издѣлье“, дѣлаемое на господина [5]), но „издѣлье“, какъ мы знаемъ, это—барщина, и уже давно признано ошибочнымъ мнѣніе Д. И. Бѣляева [6]), что барщиной были обязаны одни серебреники. Необходимо точно установить особенности этихъ институтовъ: кабальный холопъ это—должникъ, работающій (гдѣ и какъ, на дворѣ, за дворомъ или въ полѣ—все равно) на кредитора въ уплату процентовъ за занятый капиталъ, наравнѣ съ холопомъ. Крестьянинъ-арендаторъ—

---

[1]) Ibid., стр. 76—77. См. приводимыя авторомъ мѣста источниковъ стр. 78, пр. 1.

[2]) Ibid., стр. 79.

[3]) Ibid., стр. 81.

[4]) Op. cit., стр. 81—82 и пр. 5 на этихъ же страницахъ.

[5]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, „Люди кабальные и докладные“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, № I, стр. 231—232.

[6]) „Крестьяне на Руси“. Спб. 1891, стр. 39. Contra М. Ф. Владимірскій-Буда новъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 151—152. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др. I, стр. 203—204.

иногда (и даже очень часто) занимавшій деньгами и натурою у наймодателя подъ условіемъ за то выстроить дворъ, распахать пашню и т. п. [1]). Мы не усматриваемъ ничего общаго между этими двумя явленіями. Если бы крестьянинъ-арендаторъ по иску кредитора былъ выданъ до искупа головою, или если бы онъ сдѣлался кабальнымъ холопомъ, то онъ пересталъ бы быть арендаторомъ. Дѣйствительно: А нанимаетъ имѣніе Б подъ условіемъ уплаты наемной платы (какъ,—все равно: натурой, барщиной, приведеніемъ запущенной земли въ хорошій видъ и т. п.). Кромѣ того А занимаетъ у Б деньги. Если А несостоятеленъ, то онъ не можетъ быть и арендаторомъ. Отношенія по зависимости должника-крестьянина отъ землевладѣльца-кредитора чисто фактическія: землевладѣлецъ терпитъ на должникѣ, пока тотъ живетъ на его землѣ и работаетъ. Крестьянинъ не уходитъ подъ угрозой иска и такъ какъ некуда. Но юридически онъ уйти можетъ. Засимъ мы настаиваемъ на различіи подмоги и ссуды. Проф. М. А. Дьяконовъ напрасно насъ укоряетъ [2]) и ссылается на проф. В. И. Сергѣевича [3]). Этотъ послѣдній говоритъ, что занимался крестьянами и хлѣбъ, и что проценты иногда отчислялись съ просрочки. Проф. Дьяконовъ ошибается, думая, что мы считаемъ важнымъ, включены ли эти условія въ порядныя или нѣтъ. Вопросъ въ существѣ сдѣлки. Мы думаемъ и считаемъ, что достаточно доказали [4]), что подмога не есть ссуда (или заемъ, мы не настаиваемъ на этомъ различіи), уплачиваемая тѣмъ, что крестьянинъ исполняетъ условія порядной. Это оборотный капиталъ для его работы, результаты коей должны принести землевладѣльцу выгоду. До сихъ поръ нерѣдко существуетъ условіе въ сѣверныхъ губерніяхъ, что крестьяне получаютъ отъ землевладѣльца сѣмена и платятъ за то половину урожая, исполу. Работа падаетъ на арендаторовъ половниковъ. Если же они не получаютъ подмоги, то платятъ пятый снопъ. Это

---

[1]) См. Порядныя: А. Ю. №№ 182, Прил. В, №№ 3, 4, 5 и др.

[2]) Op. cit., стр. 81—82.

[3]) Р. Юр. Др. I, стр. 203.

[4]) „Къ вопр. о прикрѣпл. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 13—15 по отд. отт.).

та же подмога древней Руси. Отъ этой подмоги должно отличать заемъ (его можно, пожалуй, назвать также ссудой) sui generis, не входящій въ качествѣ составной части въ договоръ аренды, хотя бы и включенный въ порядную. Онъ уплачивается не исполненіемъ договора аренды, а спеціальной solutione [1]). Вотъ въ этомъ и есть центръ изслѣдованія даннаго вопроса, и мы полагаемъ, что только такое объясненіе и можно дать этимъ явленіямъ. Начисляются ли проценты на этотъ спеціальный заемъ или нѣтъ, когда и какъ, это не касается конструкціи, а только составляетъ модификацію института. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ [2]), что только вслѣдствіе иска со стороны господина къ должнику-крестьянину можно было выдать сего послѣдняго до искупу. Изъ самой же сдѣлки займа не могло вытекать никакихъ ограниченій крестьянскаго перехода, кромѣ указанныхъ нами выше фактическихъ обстоятельствъ. Послѣднія разсужденія по этому поводу проф. М. А. Дьяконова представляются намъ совершенно недоказательными: авторъ говоритъ, что между договорами въ крестьянство съ кабалой служилой нѣтъ той разницы, какъ полагали раньше; во-первыхъ, кабала не всегда процентный долгъ, а лишь до указа 1586 г., съ этого же времени трудно различить, какая часть работы идетъ на уплату капитальнаго долга и какая на проценты, а во-вторыхъ, кабальная служба не всегда соединялась съ житьемъ во дворѣ господина [3]). Мы уже выше показали, что до указа 1586 года служилая кабала была несомнѣнно договоромъ о службѣ за ростъ. Съ этимъ, впрочемъ, согласенъ и проф. М. А. Дьяконовъ [4]), отодвигая даже такое значеніе ея до 1597 г. А разъ это такъ, то мы не можемъ и говорить о вліяніи служилой кабалы на прикрѣпленіе крестьянъ

---

[1]) Въ своемъ обстоятельномъ разборѣ книги Дьяконова проф. А. С. Лаппо-Данилевскій приходитъ къ такому же выводу, какъ и мы. [„Разыск. по вопр. о прикр. влад. крест.“ („Отч. о 41 прис. нагр. гр. Уварова“. Спб. 1901, стр. 73 и слѣд.)].

[2]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 154.

[3]) Op. cit., стр. 136.

[4]) Ibid.: „прежде всего нельзя утверждать, что кабала всегда процентный долгъ... Таковою была служилая кабала до указовъ 1586 и 1597 годовъ.

въ XVI вѣкѣ, ибо это прикрѣпленіе было признано Московскимъ правительствомъ именно въ указѣ 1597 года. Всѣ дальнѣйшія разсужденія уважаемаго ученаго относятся къ другому, также весьма интересному, вопросу: объ эволюціи въ отношеніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ въ сторону ихъ охолопливанія. Что такая тенденція существовала, мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, которыхъ коснемся далѣе; а такъ какъ кабальное холопство, по нашему мнѣнію [1]), съ указа 1586 г. измѣнило свое значеніе, ставъ въ очень близкую связь съ холопствомъ обыкновеннымъ, что́ и было признано Уложеніемъ [2]), то надлежитъ говорить о различіи крестьянства и холопства, какъ это вѣрно подмѣтилъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [3]), а не о кабалѣ въ собственномъ смыслѣ. Сближенія же холоповъ и крестьянъ до сихъ поръ въ литературѣ не касались, и нѣкоторыя соображенія проф. М. А. Дьяконова въ этой области и съ необходимыми ограниченіями должны быть признаны весьма интересными и поучительными. Разъ отпадаетъ первое возраженіе проф. Дьяконова, то, конечно, не можетъ быть и другого. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что по вопросу о службѣ кабальнаго холопа именно во дворѣ господина уважаемый авторъ не обратилъ вниманія на существо института. Мы далѣе должны будемъ сказать нѣсколько словъ относительно природы отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ послѣ ихъ прикрѣпленія, именно юридической конструкціи этихъ отношеній. Здѣсь же скажемъ, что до прикрѣпленія крестьянинъ жилъ въ арендованномъ или выстроенномъ самимъ на арендованной землѣ дворѣ. Кабальный же холопъ жилъ всегда на дворѣ господина, т.-е. дворѣ, принадлежащемъ господину и данному кабальному холопу въ видѣ peculium'a. И послѣ прикрѣпленія, какъ мы постараемся далѣе доказать, отношенія прикрѣпленныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ не были, въ имущественной области, пекуліарными, а совершенно sui generis. Вотъ эта-то сторона дѣла и разумѣется, когда гово-

[1]) См. выше, стр. 78—83.
[2]) Ул., гл. XX, ст. 7.
[3]) „Обзоръ исторіи русскаго права". К. 1900, стр. 154.

рятъ, что кабальный холопъ всегда жилъ во дворѣ господина. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что мы имѣемъ значительное число мѣстъ изъ источниковъ, изъ которыхъ явствуетъ, что „серебреники“ должники не по подмогѣ, а по займу. Напримѣръ, въ духовной 1534 г. Андрей Васильевичъ Ногтевъ пишетъ: „А что мое люди по кабаламъ серебреники и по полнымъ грамотамъ и по докладнымъ грамотамъ холопы, ино тѣ всѣ люди и съ женами и съ дѣтми по моей душѣ на свободу люди волные великаго князя“ [1]).

§ 31. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, какъ намъ кажется, что долговыя обязательственныя отношенія не могли служить мотивомъ къ юридическому прикрѣпленію крестьянъ, не влекли за собой лишенія права выхода, а лишь ставили крестьянина въ тяжелыя фактическія условія, затруднявшія ему пользованіе своимъ правомъ. Кабальная же зависимость могла оказать вліяніе не на прикрѣпленіе, а на дальнѣйшую судьбу уже прикрѣпленныхъ крестьянъ и также не въ смыслѣ долговыхъ отношеній, а какъ видъ холопства. Если бы надо было говорить объ отношеніяхъ, вытекавшихъ изъ-за неуплаты долга, то въ XVII в. надо говорить о другихъ документахъ, а не о служилыхъ кабалахъ. Уложеніе, какъ мы знаемъ, упоминаетъ объ обязательствѣ „за ростъ служити“, но это уже не кабала, и сближать эту запись къ крестьянскими, конечно, нельзя. Такимъ же чисто бытовымъ явленіемъ, вліявшимъ, быть можетъ, на фактическую сторону крестьянскаго положенія, было такъ называемое „старожильчество“. Этому явленію въ самое послѣднее время придаютъ весьма большое значеніе. Изслѣдованія проф. М. А. Дьяконова [2]), М. Ф. Владимірскаго-Буданова [3]), А. С. Лаппо-Данилевскаго [4]), С. Ф. Платонова [5]), г. Рожкова [6]) считаютъ, что старожильцы были

---

[1]) „Сбор. кн. Хилкова“. Спб. 1879, № 57 (стр. 153).

[2]) Op. cit., стр. 16—26; 27—30; 51—55 и др. мѣста.

[3]) „Обзоръ“. Кіевъ 1900, стр. 154—157.

[4]) „Разъясненія по ист. прикрѣпл. владѣльч. крестьянъ“. [„Отч. о 41 прис. нагр. гр. Уварова“ (въ 1901, стр. 108—120)].

[5]) „Очерки по истор. смуты“, изд. 1. Спб. 1900, стр. 165 и слѣд.

[6]) Реценэія на ст. г. Дьяконова. (Ж. М. Н. Пр. 1894 г. Январь, стр. 233—234).

искони лишены права выхода изъ за землевладѣльца и старина жительства за даннымъ лицомъ всегда служила мотивомъ къ признанію крестьянина крѣпкимъ землѣ. Изъ нихъ одни, (Дьяконовъ, Лаппо-Данилевскій, Рожковъ), считали „старину“ лишь дополнительнымъ къ задолженности факторомъ прикрѣпленія, а другіе (М. Ф. Владимірскій-Будановъ и Платоновъ) единственнымъ. Проф. В. И. Сергѣевичъ весьма обстоятельно отмѣтилъ слабыя стороны этой теоріи и указалъ ея полнѣйшую недоказанность [1]). Мы считаемъ долгомъ остановиться лишь на одной сторонѣ дѣла: нельзя смѣшивать старожильчество съ записью въ писцовыя книги. Мы полагаемъ, что указъ о давности по искамъ о возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ 1597 касался записанныхъ въ писцовыя книги 101, 102 и 103 годовъ. Но при чемъ тутъ старина — совершенно не усматриваемъ. Въ XVII вѣкѣ, конечно, старина не могла имѣть значенія для отношеній крестьянина къ землевладѣльцу, ибо эти отношенія были опредѣлены указами объ урочныхъ годахъ. Старина, какъ это отмѣтилъ и А. С. Лаппо-Данилевскій [2]), имѣла значеніе въ XVII вѣкѣ, главнымъ образомъ, какъ ссылка въ доказательство крѣпостныхъ отношеній. Но сама по себѣ, конечно, не могла имѣть никакого значенія, не подкрѣпленная соотвѣтственнымъ титуломъ. Говорить о старинѣ, значитъ утверждать, что при давности пріобрѣтательной право творится однимъ временемъ, безъ значенія титула. Въ настоящее время этотъ взглядъ совершенно оставленъ [3]). Въ теоріи Іеринга [4]), отрицавшаго различіе usucapionionis отъ detentio также право творится не временемъ, а является актомъ верховной власти на основаніи факта захвата или экономическихъ соображеній [5]). Говорить о давности (старинѣ) извѣстныхъ отношеній для доказательствъ ихъ существованія, значитъ утверждать, что издавна существовали такія-то отношенія, влекущія такія-то послѣдствія. Если землевладѣлецъ говоритъ, что данный крестьянинъ его

---

[1]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901. Апрѣль).
[2]) Op. cit., стр. 110—111.
[3]) Dernburg, Pand. I, S. 341, ff.
[4]) Ihering, Besitzwille, S. 299.
[5]) Gr. Pininsky, „Sachbesitzerwerb“, 1885, I, S. 61.

старожилецъ, то онъ лишь констатируетъ существованіе издавна между нимъ отношеній какъ между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. Качества же, юридическая квалификація этихъ отношеній опредѣляется не ихъ стариной, а существомъ. Пока крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ къ землѣ, до тѣхъ поръ, какъ бы онъ долго ни былъ арендаторомъ, онъ не могъ стать крѣпостнымъ, ибо старина подтвердила бы лишь существованіе договора аренды, и ничего болѣе. Къ сказанному долгомъ считаемъ прибавить, что широкое значеніе термина старожильчества намъ кажется внѣ сомнѣнія: оно означало вообще лицо, изстари жившее на данной землѣ, въ данномъ мѣстѣ. Поэтому мы знаемъ старожильцовъ на судѣ, старожильцовъ другихъ классовъ, кромѣ крестьянъ [1]). Проф. М. А. Дьяконовъ отмѣчаетъ, что иногда старожильцы получали хозяйственныя привилегіи [2]). Но ни этотъ изслѣдователь, ни его предшественники не обратили вниманія на одинъ интересный документъ 1453. Именно, въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю сказано: „и которыхъ людей игуменъ Протасей призоветъ къ себѣ въ ту деревню изъ иныхъ княженей, а не изъ великого княженіа, ни изъ моихъ селъ... или которые люди у нихъ туто живутъ тутошніе старожилци, и тѣмъ его людемъ иноняжцемъ и тутошнимъ старожилцемъ неподобѣ ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подводы, ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянуть и т. д.“ [3]). Что это былъ не единственный случай предоставленія льготы отъ податей старожильцамъ, мы видимъ изъ другой жалованной грамоты, данной въ 1471—1475 г. [4]) княземъ Можайскимъ Андреемъ Васильевичемъ игумену Кириллова монастыря Игнатію; въ этой грамотѣ сказано: „или кого привезутъ на тѣ земли пустые жити людей старожилцевъ, которые прежъ сего живали на тѣхъ земляхъ, а придутъ къ нимъ опять на свои мѣста, ино тѣмъ имъ людемъ... и тѣмъ пришлымъ старожилцамъ... не надобѣ имъ ни писчая бѣлка,

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Древ. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 342).

[2]) Op. cit., стр. 23.

[3]) А. отн. до Юр. Б. I, № 31. XII, столб. 101.

[4]) Судимъ о времени по имени иг. Игнатія. (Строевъ, столб. 59).

ни ямъ и т. д.“ [1]). Въ послѣднее время при разборѣ книги Дьяконова А. С. Лаппо-Данилевскій [2]) указалъ еще нѣсколько примѣровъ такихъ льготъ пришлымъ старожильцамъ [3]). Эти акты, во-первыхъ, не дѣлаютъ различія въ льготахъ между новыми и старыми крестьянами, а во-вторыхъ, говорятъ объ уходѣ, очевидно легальномъ, и обратномъ приходѣ старожильцевъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ и С. Ф. Платоновъ, кромѣ ссылки на изслѣдованіе М. А. Дьяконова, въ подтвержденіе своихъ мнѣній не приводятъ особыхъ доказательствъ и мы не имѣемъ ничего прибавить къ тому, что̀ сказано по этому поводу проф. В. И. Сергѣевичемъ [4]). Но въ самое послѣднее время были приведены нѣкоторыя мѣста источниковъ, якобы подкрѣпляющія теорію о запрещеніи выхода старожильцамъ [5]). Мы считаемъ необходимымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, въ связи съ доводами М. А. Дьяконова [6]). Мы думаемъ, что всѣ приводимые гг. Лаппо-Данилевскимъ и Дьяконовымъ мѣста источниковъ не могутъ служить подтвержденіемъ ихъ мысли. Именно, по отношенію къ XV вѣку [7]) проф. М. А. Дьяконовъ, главнымъ образомъ, ссылается на жалованныя грамоты, по которымъ льгота дается лишь вновь пришедшимъ крестьянамъ. Во-первыхъ, по справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича [8]), это совершенно не аргументъ въ пользу прикрѣпленія старожильцевъ, а, во-вторыхъ, мы только-что показали, что иногда и старожильцы получали льготу. Кромѣ того, тѣ грамоты, которыя приводитъ и В. И. Сергѣевичъ [9]) въ доказательство, что можно было призывать и тяглыхъ крестьянъ,

---

[1]) Рукописн. Сборн. Археогр. Комм. № 224/112. Копіи грамотъ Кир.-Бѣл. монастыря, снятыя Бердниковымъ во время археогр. экспедиціи.

[2]) „Разыскания“, стр. 155.

[3]) А. А. Э. I, №№ 21, 23, 39 и 51. П. Лихачевъ. „Сборникъ“, стр. 163.

[4]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901. Апрѣль, стр. 342—346).

[5]) „Разыскания“ (Отч. о 41 прил. нагр. гр. Уварова. Спб. 1901, стр. 108—120).

[6]) Op. cit., стр. 16—74.

[7]) Такъ какъ „старина“ XVII в., конечно, не могла имѣть вліянія на прикрѣпленіе крестьянъ, ибо они были уже прикрѣплены. Она могла лишь вліять на характеръ и свойство прикрѣпленія.

[8]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901. Апр., стр. 334—338).

[9]) Ibid., стр. 336 и пр. 2.

не вполнѣ доказывая его мысль, несомнѣнно даютъ мысль о льготѣ всему населенію монастырскихъ вотчинъ. Мы имѣемъ, цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ, согласно которымъ отъ податей и дани освобождаются вообще всѣ крестьяне даннаго села или волости [1]). Но сверхъ этого матеріала проф. М. А. Дьяконовъ приводитъ и другіе источники. Для XV вѣка онъ ссылается всего на двѣ грамоты [2]). Одна изъ нихъ, конечно, никакого отношенія къ старожильчеству не имѣетъ и мы не знаемъ почему непремѣнно „монастырскіе люди“ должны быть старожильцами. Эта извѣстная грамота Троицко-Сергіеву монастырю 1455—1462 гг., согласно которой великій князь Василій Васильевичъ возвращаетъ назадъ ушедшихъ на его землю и на земли его княгини монастырскихъ крестьянъ, за то что они ушли, избѣгая натуральной военной повинности [3]). Мы уже имѣли случай выяснить истинное значеніе этого указа [4]), который даже не можетъ быть подведенъ подъ понятіе сепаратнаго указа о невыходѣ крестьянъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, извѣстнымъ намъ [5]) и которые также въ настоящее время не могутъ считаться доказательствомъ прикрѣпленія [6]). Вторая грамота XV вѣка, цитируемая М. А. Дьяконовымъ, интереснѣе: это жалованная грамота 1455 г. тому же монастырю: „которые ихъ крестьяне изъ того села (Присѣкъ) и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильцевъ, и азъ, князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому“ [7]). Мы также уже говорили по поводу этой грамоты, не считая ее доказательствомъ въ пользу мнѣнія о значеніи старожильчества для идеи прикрѣпленія крестьянъ [8]), и здѣсь можемъ лишь сказать, что

---

[1]) Прим. А, №№ 86, 87 и др.

[2]) Op. cit., стр. 19.

[3]) А. о. до Юр. Б. I, № 37.

[4]) „Къ вопр. о прикрѣпл. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 19 и 26 по отд. отт.).

[5]) А. А. Э. I, № 48, II; Д. къ А. И. I, № 198, I.

[6]) В. И. Сергѣевичъ. Юр. Др. I, стр. 235—236.

[7]) А. И. I, № 59.

[8]) „Къ вопр. о прикр. влад. крестьянъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 27 по отд. отт.).

старожильчество потому упомянуто въ этой грамотѣ, что только относительно старожильцевъ можно говорить вполнѣ опредѣленно какъ о легальныхъ арендаторахъ монастырской земли, недолжныхъ бывшимъ господамъ и неимѣющихъ противъ себя ихъ исковъ. Въ общемъ же это одинъ изъ ряда сепаратныхъ указовъ о невыходѣ. По отношенію къ XVI вѣку М. А. Дьяконовъ ссылается прежде всего на Важскую уставную грамоту [1]). Мы не думаемъ, чтобы въ словахъ этой грамоты [2]) объ обратномъ вывозѣ „ихъ старыхъ тяглецовъ крестьянъ“ имѣло особое значеніе выраженіе „старые“. Тутъ рѣчь идетъ о запрещеніи выхода тяглаго, чернаго населенія. Старина имѣетъ значеніе, такъ же какъ и въ грамотѣ 1455 г., только-что цитированной, лишь удостовѣренія въ томъ, что крестьяне дѣйствительно жили въ тяглыхъ дворахъ Шенкурской волости. Кто былъ признанъ окрестными жителями изстари жившимъ—тотъ тутъ и называется старымъ тяглецомъ. Распоряженіе, записанное въ Каширской писцовой книгѣ 1577—1579 гг., о томъ, что вслѣдствіе опустѣнія рыболовной слободы „приказано рыболовскому старостѣ старыхъ рыболовей сыскавъ ввозити въ слободу въ Рыболовную“ [3]) есть распоряженіе не о возвратѣ старожильцевъ, а о возвратѣ тѣхъ тяглецовъ, которые раньше жили въ данной слободѣ, безотносительно къ тому, что они старожильцы или еще недавно поселились въ этой слободѣ. Остальные примѣры (три), приводимые проф. М. А. Дьяконовымъ, составляютъ ссылки на старожильчество сторонъ, спорящихъ о томъ, чей договоръ аренды съ крестьянами дѣйствительнѣе и, по справедливому замѣчанію проф. В. И. Сергѣевича [4]), не могутъ быть убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія о невыходѣ старожильцевъ. Тѣмъ болѣе это вѣрно, что въ приведенныхъ г. Дьяконовымъ случаяхъ, изложенныхъ имъ въ „Актахъ тяглаго населенія“ [5]), мы видимъ: въ первомъ, что государя интересуетъ не вопросъ о старо-

---

[1]) Op. cit., стр. 24.
[2]) „Хрест.“ Влад.-Будан. II, стр. 208—209.
[3]) Дьяконовъ, op. cit., стр. 25.
[4]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 316).
[5]) В. II, №№ 27 и 29.

жильчествѣ, а условія отказа, и что онъ не рѣшаетъ прямо вопросъ о возвратѣ крестьянъ. Грамота вообще имѣетъ характеръ не судебнаго рѣшенія, а усмотрѣнія государя-вотчинника о томъ, какъ ему поступить: оказать ли милость монастырю или соблюсти свои интересы. Въ этомъ смыслѣ мы уже объясняли эту грамоту [1]). Во второмъ мы имѣемъ дѣло съ весьма неопредѣленнымъ случаемъ: власти Троицкаго монастыря въ 1587 г. жалуются, что Переяславскіе рыболовы, въ лицѣ ключника Алексѣя Коробова, не пускаютъ ихъ ловить рыбу въ Переяславскомъ и Соленомъ озерахъ, несмотря на жалованную грамоту „да Олексѣй же де у нихъ взялъ ихъ троецкого неводчика Левку невѣдомо почему“ [2]). Бояринъ и дворецкій Григорій Васильевичъ Годуновъ велитъ разслѣдовать дѣло и если окажется, что „тотъ неводчикъ Левка истари троецкой, а Олексѣй Коробовъ взялъ его насильствомъ, и ты бы его отдалъ назадъ къ Троице“ [3]). Тутъ, во-первыхъ, мы имѣемъ дѣло о спорѣ дворцовыхъ людей съ монастыремъ, а не двухъ частныхъ владѣльцевъ; а во-вторыхъ, очень трудно сказать, кто этотъ Левка: мы полагаемъ, что скорѣе онъ не крестьянинъ, а закладчикъ или слуга, котораго хотятъ насильно заставить сѣсть въ тягло. Мы не усматриваемъ въ данномъ документѣ ни малѣйшаго доказательства, что старожильцы были прикрѣплены. Наконецъ, послѣдній случай, приводимый проф. М. А. Дьяконовымъ въ подтвержденіе своей мысли [4]), относится, во-первыхъ, къ 1592 г., когда уже, повидимому, Московское правительство черезъ посредство своихъ судебныхъ и административныхъ органовъ стало проводить точку зрѣнія о томъ, что крестьяне, записанные въ писцовыя книги, прикрѣплены къ землѣ, не имѣли права выхода и ихъ можно возвращать назадъ, какъ бѣглыхъ, хотя это еще и не опредѣлено въ законѣ [5]), а во-вторыхъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ лишь

---

[1]) „Къ вопр. о прикр. влад. крестьянъ“. (Ж. М. Н. Пр. 1895, № XI, стр. 20—21 по отд. отт.).

[2]) „Акты тяг. нас.“ в. II, стр. 29, № 29.

[3]) Ibid., стр. 30.

[4]) Op. cit., стр. 25—27.

[5]) Потому-то Корельскій монастырь и ссылается еще на уходъ безъ отказу. М. А. Дьяконовъ, op. cit, стр. 27 и пр. 1 на той же страницѣ.

мотивировку иска стороною, что̀, конечно, не можетъ служить большимъ доказательствомъ. Вотъ и всѣ доказательства М. А. Дьяконова. Поэтому мы полагаемъ, что онъ врядъ ли имѣлъ основаніе сказать категорически слѣдующее: [1]) „итакъ, во второй половинѣ XVI вѣка землевладѣльцы и тяглыя общины, а за ними и само правительство, считаютъ старожильцевъ утратившими право выхода съ мѣста ихъ давняго населенія и, въ случаяхъ выхода или вывоза, подлежащими возвращенію". Это гѣмъ болѣе невѣрно, что самъ изслѣдователь указываетъ нѣсколькими строками далѣе, что ни въ XV, ни въ XVI вѣкахъ не было выяснено, кто такіе были старожильцы. Какъ же ихъ можно было ограничивать въ правахъ? Всѣ послѣдующія объясненія проф. М. А. Дьяконова [2]) по существу вполнѣ справедливы. Въ нихъ онъ указываетъ и доказываетъ важную роль, которую играли въ XVI вѣкѣ въ дѣлѣ прикрѣпленія, а въ XVII вѣкѣ въ дѣлѣ опредѣленія владѣльца писцовыя книги. И мы совершенно не знаемъ, почему къ этому надо было присоединить вопросъ о старинѣ и старожильцахъ. Крестьяне стали крѣпки по писцовымъ книгамъ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка. Кто въ нихъ записанъ—тотъ и прикрѣпленъ. Если говорить о застарѣлости, то только въ томъ смыслѣ, что крестьяне просидѣли до записи въ книги. Старина XVII вѣка, конечно, никакого значенія для прикрѣпленія крестьянъ не имѣетъ и лишь служитъ доказательствомъ въ дѣлѣ опредѣленія на чьей землѣ сидитъ крестьянинъ, чей онъ, какъ стали уже выражаться въ это время [3]). Терминъ старинный, старожилецъ, намъ кажется, не играетъ никакой существенной роли въ юридическомъ смыслѣ и прекрасно разъяснивъ отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по писцовымъ книгамъ послѣдняго десятилѣтія XVI в. и въ XVII вѣкѣ, проф. М. А. Дьяконовъ старается доказать, что эти-то крестьяне и были старинными, старожильцы, точно будто этотъ терминъ вполнѣ точно обозначаетъ ихъ юридическую природу: проще было, не касаясь его, сказать, что эти-то крестьяне и стали крѣпостными.

---

[1]) Op. cit., стр. 27.
[2]) Ibid., стр. 28—74.
[3]) Ср. Ул. XI, 32.

Проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, въ свою очередь, приводитъ нѣсколько доказательствъ того, что старожильцы были лишены права выхода. Авторъ упрекаетъ проф. Дьяконова, что тотъ смѣшиваетъ старину съ писцовыми книгами (по нашему мнѣнію, это большое достоинство проф. Дьяконова) и говоритъ: „Между тѣмъ въ старинныхъ памятникахъ встрѣчаются указанія на значеніе старины независимо отъ записки въ писцовыя книги“ [1]). Засимъ изслѣдователь приводитъ свидѣтельства, вполнѣ справедливыя, о той роли, какую играла давность въ древней Руси. Мы съ своей стороны прибавимъ, что она играла и играетъ весьма большую роль въ каждомъ обществѣ и государствѣ, гдѣ мало еще развита титулованная собственность. Давность въ древнемъ Римѣ называлась publica tutela [2]) и у насъ, до сего времени, благодаря малому распространенію грамотности и непривычкѣ къ оформливанію большинства юридическихъ сдѣлокъ, играетъ весьма большую роль [3]). Но мы уже указали, что давность не можетъ творить права: она лишь медіатизируетъ недостаточность формы. Ex nihilo nihil, хотя бы прошла незапамятная давность. Поэтому справедливыя замѣчанія проф. А. С. Лаппо-Данилевскаго не могутъ имѣть никакого значенія для вопроса о значеніи старины въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ. Далѣе изслѣдователь еще разъ возвращается къ этому же вопросу, и прежде чѣмъ мы коснемся другихъ его доказательствъ, считаемъ долгомъ сказать по этому же поводу нѣсколько словъ.

А. С. Лаппо-Данилевскій говоритъ, что въ древней Руси широко господствовало право захвата, что по старинному русскому праву, такъ же какъ и въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ, признаніе давности не нуждалось въ добросовѣстности владѣнія и его основаніи и что при такихъ условіяхъ давность должна была играть существенную роль въ дѣлѣ пріобрѣтенія поземельнаго имущества [4]). Тутъ рядъ недоразумѣній: захватъ, occupatio, свободной земли есть способъ пріобрѣтенія и въ давности не нуждается. Ссылка на старину есть дока-

---

[1]) „Разысканія“ (Отч. о 41 прис. нагр. гр. Уварова. Спб. 1901, стр. 110).
[2]) 2, 1. Dig. 40, 15.
[3]) Энгельманъ, „О давности“. Спб. 1867, стр. 119 и сл.
[4]) Op. cit., стр. 113.

зательство въ древнѣйшемъ и Московскомъ русскомъ правѣ bonae fidei и tituli: она предполагаетъ захватъ, занятіе пустого участка, а не завладѣніе, не отнятіе чужой земли. Наконецъ, давность, вооруженная всѣми современными аттрибутами, bona fides, justus titulus, animus domini, служитъ такимъ же если не лучшимъ способомъ пріобрѣтенія, какъ и давность г. Лаппо-Данилевскаго. Всѣ дальнѣйшія разсужденія изслѣдователя исходятъ изъ совершенно невѣрнаго принципа [1]): давность, идущая въ разрѣзъ со строгимъ правомъ (jus strictum), вводится въ законодательствѣ и обычаѣ какъ его поправка въ цѣляхъ облегченія процесса какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, и затѣмъ, и главнымъ образомъ, въ цѣляхъ правильной экономической жизни, чтобы правомъ пользовался тотъ, кто его упражняетъ [2]). Поэтому при давности жительства и пользованія землею могли бы вырости въ крайнемъ случаѣ права крестьянина земледѣльца на землю, а не права господина на крестьянина. Старина же и давность XVII вѣка исходили уже не изъ времени, а изъ титула, именно изъ права господина на крѣпостныхъ крестьянъ, крѣпкаго и безъ старины. Другія доказательства проф. А. С. Лаппо-Данилевскаго, кромѣ ссылки на тѣ же документы, какъ и М. А. Дьяконовъ, также недоказательны: дѣло Архарова касается кабальнаго, а не крестьянина, дѣло о холуйскихъ солеварахъ и дворникахъ разсматривалось какъ дѣло тяглецовъ, уже прикрѣпленныхъ въ половинѣ XVI вѣка, а дѣло Салтыкова XVII вѣка (162 г.) [3]).

§ 32. На основаніи всего вышеизложеннаго мы, кажется, можемъ смѣло утверждать, что старина, старожильчество не служили основаніемъ, сами по себѣ, прикрѣпленія крестьянъ. Заслуга М. А. Дьяконова въ томъ, что онъ подробно развилъ и обосновалъ теорію о значеніи въ этой области писцовыхъ книгъ. Ошибка же его въ томъ, что запись въ писцовыхъ книгахъ связана съ какой-то стариной. Но терминъ „старожильцы“ встрѣчается. Каково же его значеніе... Полагаемъ, что проф. В. И. Сергѣевичъ совершенно справедливо

---

[1]) Ibid., стр. 114—120.
[2]) Dernburg, Pandekten, I, S. 341, ff.
[3]) Op. cit., стр. 111.

указалъ его чисто бытовое значеніе [1]). И старина имѣла, какъ задолженность, по всей вѣроятности, нѣкоторое фактическое вліяніе на затрудненіе выхода, только не такое, какъ полагаютъ перечисленные выше изслѣдователи. Изстари жившій на данной земли крестьянинъ, конечно, обзаводился хозяйствомъ, дѣтьми, наслѣдовалъ, быть можетъ, этотъ участокъ земли отъ отца, ему труднѣе было разстаться съ нимъ, чѣмъ вчера только перешедшему новопорядчику. Кромѣ того, на старожильцѣ естественно накапливалось и больше долговъ и обязательствъ по отношенію къ землевладѣльцу. Вотъ только эта сторона и можетъ быть констатирована въ дѣлѣ ограниченія свободы выхода старожильцевъ: имъ фактически труднѣе разстаться съ землею, но право выхода они несомнѣнно имѣли, что̀ и подтверждается документально, какъ мы видѣли выше [2]). Въ XVII же вѣкѣ старина, какъ мы уже сказали, имѣла значеніе лишь доказательное и исковое.

Формулируя все нами сказанное, мы можемъ сдѣлать такой выводъ: до послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка (несомнѣнно до 1589 г.) крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, были вполнѣ свободными людьми, имѣли право свободнаго выхода отъ землевладѣльцевъ и отвѣчали только за убытки. Съ послѣдняго же десятилѣтія этого вѣка Московское правительство въ своей судебной и административной практикѣ стало исходить изъ того соображенія, что крестьяне, записанные въ писцовыхъ книгахъ за данными помѣщиками и вотчинниками, не могутъ уйти со своихъ земельныхъ участковъ, они крѣпки землѣ. Указъ 1597 года былъ законодательнымъ актомъ, подтвердившимъ, косвеннымъ образомъ, путемъ установленія давности исковъ на бѣглыхъ крестьянъ, указанную практику Московскаго правительства.

§ 33. Для окончательнаго выясненія отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ до и послѣ прикрѣпленія намъ необходимо еще остановиться на двухъ вопросахъ: во-первыхъ, истинное значеніе прикрѣпленія, его юридическая природа и эволюція

---

[1]) „Древности русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 342 и сл.).

[2]) Рукописн. Сбор. Арх. Ком. 112/224.

въ XVII вѣкѣ, и во-вторыхъ, юридическая квалификація отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ до и послѣ прикрѣпленія. Но предварительно мы долгомъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о мотивахъ прикрѣпленія крестьянъ, такъ какъ это также было затронуто въ литературѣ этого вопроса и играетъ значительную роль въ выясненіи юридической природы прикрѣпленія.

Въ мотивахъ большинства историческихъ актовъ мы наблюдаемъ двойственность: одни изъ нихъ, такъ сказать, безсознательны, представляютъ собою естественное слѣдствіе историческаго процесса и экономической жизни страны, другіе болѣе или менѣе сознательно выдвигаются обществомъ и лицами. Почти никогда эти мотивы не совпадаютъ и очень часто противорѣчатъ другъ другу. Великая французская революція, имѣвшая девизомъ: свобода, равенство, братство, есть актъ буржуазіи, и результатомъ ея было развитіе капитализма [1]). Средневѣковые англійскіе юристы, обращая вассаловъ въ крѣпостныхъ и рабовъ, исходили изъ начала римскаго права, но скрытыми мотивами этого явленія была реформа экономической жизни страны, система ея промышленности [2]). То же самое мы наблюдаемъ и въ исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ. Изслѣдователи обращаютъ вниманіе, съ одной стороны, на тѣ реформы сельскаго хозяйства и экономическіе процессы, которыми обусловливалось это прикрѣпленіе, съ другой стороны, ссылаются на петиціи землевладѣльцевъ и непосредственные мотивы правительства. Не останавливаясь подробнѣе на этой сторонѣ дѣла, замѣтимъ, что послѣднія изслѣдованія ученыхъ разныхъ направленій приводятъ насъ къ одному очень интересному результату: и проф. С. Ф. Платоновъ [3]), и В. И. Сергѣевичъ [4]), и г. Рожковъ [5]), и А. С. Лаппо-Данилевскій [6]), во многомъ,

---

[1]) А. Д. Градовскій, „Собр. Соч.“. Спб. 1899, т. III, стр. 388 и сл.

[2]) П. Виноградовъ, „Изслѣдованія по соціальн. истор. Англіи въ средн. вѣкѣ“. (Ж. М. Н. Пр., VIII, 1886, стр. 283 и слѣд.).

[3]) „Очерки по ист. смуты“. Спб. 1894, стр. 45—169.

[4]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Февраль, стр. 343).

[5]) „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“ М. 1899, стр. 146—200.

[6]) „Разысканія“. Спб. 1901, стр. 81—106, 153 и слѣд.

какъ мы видимъ, несогласные между собою во взглядѣ на крестьянское прикрѣпленіе, констатируютъ любопытное явленіе: съ прикрѣпленіемъ крестьянъ параллельно происходила реформа экономическаго строя и организаціи сельскаго хозяйства въ особенности. С. Ѳ. Платоновъ видитъ въ закрѣпленіи крестьянъ мѣру борьбы противъ движенія населенія, результатомъ котораго являлось опустѣніе центра и ослабленіе его платежныхъ силъ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что прикрѣпленіе крестьянъ вызвано замѣной фермерскаго хозяйства барщиной. Г. Рожковъ, отмѣчая и тѣ причины, которыхъ коснулся проф. С. Ѳ. Платоновъ, полагаетъ, что вліяніе на прикрѣпленіе крестьянъ оказало усиленіе господскихъ запашекъ и паденіе сельскаго хозяйства. Наконецъ, А. С. Лаппо-Данилевскій усматриваетъ причину прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ замѣнѣ натуральной повинности денежной и въ развитіи барщины.

§ 34. Мы не можемъ здѣсь подробно останавливаться на выясненіи этого любопытнаго вопроса. Но долгомъ считаемъ сказать слѣдующее: намъ кажется несомнѣннымъ, что главнѣйшимъ факторомъ прикрѣпленія была именно замѣна фермерскаго хозяйства барщиной, констатируемая, въ сущности, всѣми изслѣдователями. Не имѣя возможности, послѣ основательной и уничтожающей критики проф. В. И. Сергѣевича [1]) придавать особенное значеніе статистическимъ выводамъ г. Рожкова, полагая, что и таблицы А. С. Лаппо-Данилевскаго не могутъ быть приняты безусловно, на что, впрочемъ, уважаемый изслѣдователь самъ указываетъ [2]), мы думаемъ однако, что въ общемъ работы гг. Платонова, Рожкова и Лаппо-Данилевскаго достаточно показали, что въ центральной Россіи во второй половинѣ XVI вѣка усиливается господская запашка, развивается съ особенной силой барщинная повинность по обработыванію господскихъ полей [3]). Естественнымъ слѣдствіемъ этого

---

[1]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Апрѣль, стр. 348—356).

[2]) Разысканія“, стр. 99—100.

[3]) Ср. мнѣнія иностранцевъ: Герберштейнъ, „Записи о Московіи“, пер. Анонимова. Спб. 1866, стр. 85. Ср. С. М. Середонинъ, „Соч. Д. Флетчера“. Спб. 1891, стр. 202.

было обезземеливаніе крестьянъ, и мы имѣемъ основаніе думать, что съ послѣдней четверти XVI вѣка до первой четверти XVII вѣка прогрессируетъ число бобылей [1]). Такое положеніе вещей вело къ тремъ главнымъ слѣдствіямъ: во-первыхъ, крестьяне съ ухудшеніемъ своего матеріальнаго благосостоянія стали представлять гораздо болѣе слабый классъ для борьбы противъ притязаній землевладѣльцевъ; во-вторыхъ, землевладѣльцы стали домогаться передъ правительствомъ о принятіи мѣръ противъ запустѣнія земли и, въ третьихъ, правительство должно было быть обезпокоено въ своихъ фискальныхъ интересахъ. Проф. В. И. Сергѣевичъ вполнѣ справедливо указалъ эту сторону дѣла, какъ причину крестьянскаго прикрѣпленія [2]). Этотъ выводъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что мы наблюдаемъ аналогическое явленіе почти вездѣ: связь латифундій съ ухудшеніемъ положенія колоновъ въ древнемъ Римѣ [3]), вліяніе господскихъ запашекъ и писцовыхъ книгъ въ Византіи на положеніе „Париковъ“ [4]), исторія прикрѣпленія отроковъ и кметовъ въ древней Сербіи [5]), развитіе барщины, какъ главнаго фактора прикрѣпленія въ средневѣковой Англіи [6]) и Франціи [7]). И обратно, освобожденіе земледѣльческихъ классовъ отъ крѣпостной зависимости въ Англіи идетъ рука объ руку съ возвращеніемъ отъ мэнора къ фермерству [8]). То же наблюдали мы въ прибалтійскомъ краѣ въ 1801 г. Что касается до денежнаго хозяйства, то проф. А. С. Лаппо-Дани-

---

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій, op. cit., стр. 96—99; 101—103; таблицы. Мы разумѣемъ, согласно съ мнѣніями проф. Сергѣевича, Дьяконова, Лаппо-Данилевскаго, что бобыли были крестьянами, имѣвшими дворъ, но не крестьянскіе участки. О подробностяхъ не говоримъ.

[2]) „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, № II, стр. 334—347).

[3]) Max Weber, „Römische Agrargeschichte“. Stutg. 1891, S. 196 и слѣд.

[4]) Ѳ. Успенскій, „О писцовыхъ актахъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1883, №№ I и II и 1884, №№ I и II).

[5]) Зигель, „Законникъ Царя Стефана Душана“. Спб. 1878, стр. 32 и сл.

[6]) Winogradoff, „Villainage in England“. Oxf. 1892, pp. 138—152.

[7]) Dareste de la Chavanne, „Histoire des classes agricoles en France“. Paris 1858, p. 209.

[8]) Fr. Seebohm, „Tribal custom in Anglo-saxon law“. Lond. 1902, pp. 518—522.

левскій, конечно, употребилъ неудачный терминъ [1]), ибо замѣна натуральной повинности оброкомъ еще не есть денежное хозяйство, да и оброкъ, по большей части, вѣроятно, платился не деньгами, а продуктами производства. Мѣры правительства были направлены къ тому, чтобы не обезсилить своихъ служилыхъ людей, жившихъ и служившихъ на счетъ крестьянскаго труда и къ сохраненію государственныхъ доходовъ. Мнѣніе А. С. Лаппо-Данилевскаго [2]), что государственное прикрѣпленіе было направлено противъ частнаго прикрѣпленія, совершенно произвольно, ибо, какъ мы видѣли, никакого частнаго прикрѣпленія не было и не могло быть. Для сбереженія своихъ доходовъ государство сперва прикрѣпляетъ тяглое черное крестьянство. Затѣмъ, сберегая свои же интересы въ лицѣ служилаго сословія, обезпечиваетъ имъ постоянную рабочую силу и, въ то же время, регламентируетъ тягло, поступающее въ пользу государства съ владѣльческихъ крестьянъ.

Поэтому мы можемъ опредѣленно сказать, что прикрѣпленіе крестьянъ, совершившееся по экономическимъ причинамъ, было сознательно проведено Московскимъ правительствомъ въ ближайшихъ интересахъ государственной службы и казначейства. Этимъ, намъ кажется, можно воспользоваться и для выясненія истинной природы прикрѣпленія крестьянъ.

§ 35. Московская Русь, какъ это мы уже имѣли случай сказать, и какъ подробнѣе постараемся объяснить во второй части, не знала того полнаго права собственности на недвижимость, какъ право римское и современное [3]).

Тутъ умѣстно будетъ замѣтить, что къ послѣднему десятилѣтію XVI вѣка мы замѣчаемъ въ Московскомъ Государствѣ значительное преобладаніе зависимаго владѣнія надъ вотчиннымъ. Подробныя данныя по этому предмету имѣются относительно землевладѣнія областей Новгородской, Псковской и Рязанской (степныхъ). Изъ свѣдѣній, приводимыхъ г. Рожковымъ [4]), оказывается, что въ Новгородской области помѣстья

---

[1]) Op. cit, стр. 86—87 и пр. 4, на стр. 86.
[2]) Op cit., стр. 153—154.
[3]) Ср. М. Ф. Владим.-Буановъ. „Обворъ". К. 1900, стр. 572, пр. 1.
[4]) „Сельское Хозяйство Моск. Руси въ XVI в.". М. 1899, стр. 368—371.

занимали, въ среднемъ, 80%, дворцовыя земли 2,1%, монастырскія 10,1%, черныя 4,7%, ямскія и посадскія, 0,1%, владычни 2,2%, церковныя 0,7% и вотчины всего 0,1%. Въ Псковской области вотчинъ совершенно не было, а помѣстья занимали 70,6%, монастыри 26,15%, остальное распредѣлялось между дворцомъ, церквами, черными людьми (они имѣли 0,4%) и т. п. Въ Рязанской области помѣстья составляли 85,3% и кромѣ того 2,4% служилыя вотчины. Собственно вотчины занимали 1,25% земли. Относительно сѣвера, сѣверо-востока и особенно относительно центра мы не имѣемъ такихъ подробныхъ данныхъ. Но изслѣдованія названнаго автора [1]) съ достаточной ясностью показываютъ, что на сѣверо-востокѣ преобладали волостныя черныя земли и громадныя имѣнія Строгановыхъ, на сѣверѣ волостныя земли преобладали въ значительной степени, остальныя принадлежали монастырямъ и церквамъ. Наконецъ, въ центральной Руси преобладали помѣстья и монастырскія земли и затѣмъ шли вотчины [2]). Только тамъ можно наблюдать довольно значительное количество вотчинъ служилыхъ людей. Но къ концу XVI вѣка число этихъ вотчинъ все сокращалось и преобладающее значеніе съ поразительной силой заняло монастырское землевладѣніе [3]).

Не говоря уже о помѣстьяхъ, относительно которыхъ, конечно, и рѣчи не могло быть въ смыслѣ ихъ собственности частныхъ лицъ, но и вотчины, если не всѣ, то одинъ ихъ разрядъ, и притомъ очень многочисленный, именно жалованныя вотчины, носили прекарный характеръ, давались до востребованія [4]). Независимо сего, уже во второй половинѣ XVI вѣка, именно въ 1556 году, издается указъ, обязывающій вотчинниковъ нести какъ службу съ вотчинъ, такъ и съ помѣстій [5]). Засимъ, мы знаемъ цѣлый рядъ ограниченій

[1]) Ibid., стр. 371—398.

[2]) Ibid., стр. 401.

[3]) Ibid., стр. 427.

[4]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“ К. 1900, стр. 578 и пр. 1. К. А. Неволинъ, „Ист. росс. гражд. зак.“ (П. С. Соч. Спб. 1857, т. IV, § 277).

[5]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 324.

въ правѣ распоряженія княжнецкими вотчинами уже въ XVI вѣкѣ [1]), и если ихъ нельзя распространить на всѣ вотчины, какъ это дѣлаетъ С. В. Рождественскій [2]), то и нельзя также ограничивать одними жалованными, какъ предлагаетъ В. И. Сергѣевичъ [3]), такъ какъ по справедливому замѣчанію М. Ф. Владимірскаго-Буданова указы 1562 и 1572 гг. имѣютъ въ виду родовыя вотчины [4]). Помѣстья уже совершенно не составляли, конечно, частной собственности [5]), и хозяйственныя мѣропріятія помѣщика подлежали контролю центральнаго правительства [6]).

Наконецъ, что касается до землевладѣнія монастырскаго и церковнаго, преобладающаго, какъ мы видѣли, въ центрѣ Московскаго государства, то оно было ограничено, и вотчины монастыря, какъ мы увидимъ далѣе, не могутъ быть разсматриваемы какъ ихъ полная собственность: всѣ сдѣлки и акты на монастырскія земли находились подъ постояннымъ контролемъ центральнаго правительства.

§ 36. Имѣя въ виду все сказанное, а также фискальныя и военныя цѣли Московскаго государства, мы должны придти къ выводу, что прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ не могло имѣть цѣлью сдѣлать этихъ послѣднихъ собственностью частныхъ владѣльцевъ. Крестьяне, по идеѣ, прикрѣплены къ землѣ, а не къ землевладѣльцамъ. Поэтому мы признаемъ вполнѣ справедливымъ утвержденіе М. А. Дьяконова [7]), что „крестьяне въ оффиціальныхъ актахъ послѣдней четверти XVI в. начинаютъ упоминаться какъ составная часть имѣній". Проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, несмотря на приводимые имъ самимъ примѣры, не рѣшается категорически этого утвер-

---

[1]) Указы 1551 г. (А. А. Э. I, стр. 218). 1562 и 1572 г. („Хрест." Влад.-Буд. III, стр. 28—32 и 32—34).

[2]) „Служилое землевлад. въ Москов. госуд. XVI в.". Спб. 1897, стр. 63—127.

[3]) Рецензія на указанную книгу г. Рождественскаго въ „Сѣв. Вѣстн." 1897 г., № XI.

[4]) „Обзоръ". К. 1900, стр. 575, пр.

[5]) Ibid., стр. 583—586.

[6]) Котошихинъ, „О Россіи", XI, 3.

[7]) Op. cit., стр. 45.

ждать, хотя полагаетъ, что въ XVI—XVII вв. началъ складываться взглядъ на крестьянъ какъ на принадлежность имѣній [1]). Мы полагаемъ, что этотъ взглядъ былъ заложенъ и въ идею государственнаго прикрѣпленія, хотя, какъ увидимъ далѣе, очень скоро долженъ былъ уступить мѣсто массѣ исключеній. Но при этомъ долгомъ считаемъ оговориться, что мы не думаемъ, чтобы идея принадлежности крестьянъ къ составу имѣній вліяла на ихъ прикрѣпленіе: всѣ примѣры, приводимые какъ проф. Дьяконовымъ, такъ и проф. А. С. Лаппо-Данилевскимъ, не свидѣтельствуютъ о закрѣпощеніи крестьянъ: раздѣльныя записи 1585 г. [2]), выдѣлъ 1570 г. [3]), случаи, приводимые А. С. Лаппо-Данилевскимъ [4]), имѣютъ въ виду раздѣлъ правъ на арендуемую крестьянами землю и на арендную плату этихъ крестьянъ. Мы можемъ и теперь представить себѣ такого рода раздѣлъ: одному лицу данную часть имѣнія, находящуюся въ арендѣ у такихъ-то лицъ, а другому другую часть, состоящую въ арендѣ у иныхъ лицъ. Это еще не свидѣтельствуетъ, конечно, о прикрѣпленіи арендаторовъ.

Кстати можно указать, что и мировая 1598 года, приводимая названными изслѣдователями въ доказательство того, что уже въ самомъ концѣ XVI вѣка встрѣчаются сдѣлки на крестьянъ безъ земли [5]),—мысль, въ сущности, ничего невозможнаго не заключающая послѣ указа 1597 года, врядъ ли все-таки доказательна, ибо мы имѣемъ здѣсь мировую по спору двухъ владѣльцевъ о крестьянахъ, а не юридическую сдѣлку въ томъ значеніи слова. Разъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, а не къ землевладѣльцамъ, въ цѣляхъ несенія сими послѣдними государственной службы и правильнаго поступленія государственнаго тягла, то актомъ прикрѣпленія не могло создаться права собственности у землевладѣльцевъ на крестьянъ, тѣмъ болѣе, что они, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли полнаго права собственности и на землю,

[1]) „Разысканія“, стр. 125—126.
[2]) Op. cit., стр. 45—46.
[3]) Ibid., стр. 46, пр. 1. „Сборн. Актовъ“ Лихачева, стр. 244—245.
[4]) Op. cit., стр. 124—125.
[5]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 46, А. С. Лаппо-Данилевскій, op. cit., стр. 125.

которою владѣли, или въ виду того, что это было помѣстье, или жалованная вотчина [1]). Какія же отношенія возникли у крестьянъ съ момента прикрѣпленія ихъ къ землѣ, къ вотчинникамъ и помѣщикамъ? Мы полагаемъ, эти отношенія нельзя конструировать по типу частно-правовыхъ отношеній, въ виду ихъ конечной цѣли служить государству. Мы думаемъ, что государственная власть актомъ прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ делегировала свои верховныя права надъ подданными частнымъ владѣльцамъ, сохраняя надъ ними свой контроль. Крестьяне владѣльческіе съ послѣдняго десятилѣтія XVI в. суть подданные господина, ограниченнаго въ своихъ правахъ надъ ними ихъ общимъ подданствомъ государю Московскому [2]). Наша точка зрѣнія подтверждается извѣстными указами 1601 и 1602 годовъ, когда Московское правительство возстановило право выхода для крестьянъ, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что они жили какъ на вотчинной, такъ и на помѣстной землѣ частныхъ лицъ [3]). Но уже очень рано, чуть ли не съ первыхъ лѣтъ XVII вѣка, мы начинаемъ встрѣчать со стороны землевладѣльцевъ вполнѣ естественныя тенденціи освоить, обратить крестьянъ-подданныхъ въ крестьянъ-рабовъ, съ каковыми тенденціями правительству приходилось бороться, по мѣрѣ силъ, то съ бо́льшимъ, то съ меньшимъ успѣхомъ, съ начала XVII вѣка до великаго акта свобожденія крестьянъ Императоромъ Александромъ II.

§ 37. Уже въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка мы видимъ, что землевладѣльцы начинаютъ смотрѣть на себя вполнѣ какъ на господъ своихъ крестьянъ. До насъ дошла отъ 1598 года выводная память крестьянской дѣвицы,—выданная старостою и писанная мѣстнымъ священникомъ [4]). Это уже отпускная

---

[1]) Ср. Н. Рожковъ, op. cit., стр. 368—427.

[2]) Ср. давно высказанное мнѣніе Болтина и Гавр. Успенскаго „Повѣст. о древ. русск.“. Хар. 1818, стр. 209. То же по отношенію къ Англіи Vinogradoff, „Villainage in England“. Oxf. 1892, p. 419.

[3]) А. А. Э. II, №№ 20, 23 и 24. Ср. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Обзоръ“. К. 1900, стр. 160.

[4]) Н. Н. Селифонтовъ, „Подробн. описс. 272 рукописей конца XVI до начала XIX столѣтія. Второго (Шевлягинскаго) Собранія „Лесневскаго Архива“ съ приложеніями. Спб. 1842, стр. 4, № VIII.

Вышеприведенная мировая запись 1598 г. [1]) хотя и не вполнѣ удостовѣряетъ сдѣлку на крестьянъ отдѣльно отъ земли, но все же въ достаточной степени характеризуетъ властное отношеніе собственниковъ земли къ крестьянамъ, на ней жившимъ. Отъ первыхъ лѣтъ XVII вѣка мы уже имѣемъ рядъ настоящихъ юридическихъ сдѣлокъ на крестьянъ. Именно, первыми извѣстными намъ такими документами являются: данная Еѳимьи Осиповой дочери Ѳѳонасьевой жены Ивановича Власьевой Троице-Сергіеву монастырю „по приказу мужа своего... купленную его вотчину въ Боровскомъ уѣздѣ... селцо Булатово и з деревнями и съ пустошами ...А в томъ селцѣ Булатовѣ 13 человѣкъ крестьянъ и з женами и з дѣтми, да 8 человѣкъ дѣловыхъ людей з женами и з дѣтми и з боярскими лошадьми и съ коровы... и пр.“ [2]). Засимъ мы имѣли случай сдѣлки на земли съ крестьянами 1614 года [3]), согласно которой князь Хворостининъ сдѣлалъ вкладъ Троице-Сергіеву монастырю на село, со служилыми дворами... „а крестьянъ 25 человѣкъ на полпяты выти съ земельнымъ своимъ хлѣбомъ, съ рожью и съ ярью...“ Оцѣненъ этотъ вкладъ въ 500 рублей. Засимъ проф. М. А. Дьяконовъ приводитъ [4]) рядъ подобныхъ же сдѣлокъ на землю съ крестьянами отъ 1620 и 1621 гг. [5]), затѣмъ сдѣлки на однихъ крестьянъ, уступаемыхъ одними владѣльцами другимъ, съ семьями и съ животами [6]). У С. А. Шумакова [7]) напечатанъ интересный документъ 1646 года, представляющій собою данную. Въ грамоту введена слѣдующаго рода оговорка о правѣ выкупа: „А будетъ на тѣхъ пустошахъ монастырьскіе крестьяне вновь поселятца и лѣсъ росчистятъ и пашню роспашутъ и хоромы построятъ и сѣнные покосы роскосятъ, и роду моему, кто похочетъ вы-

---

[1]) „Акты тягл. насел.“ II, № 33.

[2]) М. Ар. Мин. Юст. Грам. Коллег. Экономіи, Корд. VI, по Боровскому уѣзду, № 609/11. Любезно сообщенъ намъ въ числѣ другихъ акт. этого Арх. С. А. Шумаковымъ, которому и приносимъ сердечную за то благодарность.

[3]) С. Шумаковъ, „Угличскіе Акты“. М. 1899, стр. 82, № XLIII.

[4]) Op. cit., стр. 45.

[5]) „Акты о тягл. нас.“ в. II, №№ 42, 44, 45.

[6]) Ibid., №№ 50, 60, 63.

[7]) „Угличскіе Акты“. М. 1899, стр. 88, № XLVI.

купить, и ему за лѣсную росчиску и за роспашку и за сѣнные роскосы и за хоромное строеніе вдати ему то, что онъ игуменъ Варламъ зъ братьею... скажутъ, то ему и дать. А до крестьянъ ему монастырскихъ дѣла нѣтъ, волно ему игумену зъ братьею тѣхъ крестьянъ съ тѣхъ пустошей свести". Засимъ, со второй четверти XVII вѣка мы встрѣчаемъ рядъ интересныхъ мировыхъ, въ которыхъ фигурируютъ крестьяне въ качествѣ эквивалента. Въ 1627 г. Лопатинъ обязуется возвратить Троице-Сергіеву монастырю бѣглаго крестьянина этого монастыря, съ условіемъ, если этотъ крестьянинъ умретъ, то отдать своего крестьянина [1]). Еще болѣе интересны мировыя, по которымъ землевладѣлецъ обязывается вмѣсто убитаго отдать своего крестьянина. Мы знаемъ такіе акты отъ 1637 и 1646 и 1653 гг. [2]). Уложеніе уже признаетъ такого рода поступныя на своихъ крестьянъ для рѣшенія спора миромъ [3]). Оно знаетъ, засимъ, случаи вывода крестьянскихъ дѣвокъ отъ одного помѣщика за другого [4]). Правительство принуждено было бороться съ такого рода мѣропріятіями землевладѣльцевъ, обращая, конечно, вниманіе на тѣ случаи, когда задѣвались интересы государства. Появляются указы, запрещающіе обращать своихъ крестьянъ въ холопы, какъ полные, такъ и кабальные, выразившіеся въ Уложеніи такъ: „А что тотъ ихъ прежней бояринъ взялъ на нихъ служилые кабалы, и ему за то что Государь укажетъ, для того, что по Государеву указу ни кому, на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей, кабалъ имать не велѣно" [5]). Это постановленіе было вызвано особыми обстоятельствами, которыми воспользовались въ XVII вѣкѣ землевладѣльцы для возможнаго сближенія крестьянъ съ холопами. Въ наукѣ послѣднихъ лѣтъ указано и мы уже это говорили выше, что въ Московскомъ государствѣ наблюдается, особенно въ XVII вѣкѣ, цѣлый рядъ

---

[1]) „Акты о тягл. нас.", в. II, № 49, стр. 52.

[2]) М. Арх. Мин. Юст. Грам. Коллег. Экономіи. Корд. IV, по Брянскому уѣзду, № 455/12; Корд. VI, Боровск. уѣзда № 626/28 и Корд. XIII, Бѣлевскій уѣздъ, № 1483/23.

[3]) Улож., гл. XI, ст. 8.

[4]) Ibid., гл. XI, ст. 19.

[5]) Ibid., гл. XX, ст. 113.

людей, занимавшихъ весьма неопредѣленное положеніе. Изслѣдователи склонны были признавать ихъ то вассалами, то крестьянами, то холопами, то вольными слугами. Таковыми были уже разсмотрѣнные нами закладчики, задворные и дѣловые люди и монастырскіе дѣтеныши. Составъ ихъ, какъ мы знаемъ, чрезвычайно широкъ: есть тамъ и вольные люди, и крестьяне, и даже холопы, какъ кабальные, такъ и полные. Вотъ на этой-то почвѣ и возникали и развивались тенденціи господъ обращать своихъ крестьянъ въ холоповъ, приравнивать ихъ права и строить изъ положенія крестьянъ консеквенціи, равныя слѣдствіямъ холопства. Явленіе это не представляетъ какой-либо особенности русскаго права. Въ Англіи, напримѣръ, мы наблюдаемъ какъ юристы, примѣнивъ къ виланамъ терминъ рабы, servi, весьма успѣшно конструировали юридическую природу крестьянъ по образцу римскаго рабства [1]). Послѣднія изслѣдованія показали, что въ XVII вѣкѣ на владѣльческихъ земляхъ, занимаясь земледѣльческою работою, сидитъ весьма пестрое населеніе. Это обстоятельство позволило А. С. Лаппо-Данилевскому сказать: „благодаря образованію цѣлаго ряда переходныхъ состояній между полнымъ холопствомъ и крестьянствомъ, разнообразные виды холопской зависимости распространялись на все большій контингентъ крестьянскаго населенія“ [2]). Это сказано, конечно, слишкомъ рѣзко. Но несомнѣнно, что таковы были и цѣли землевладѣльцевъ, и та почва, на которой они могли осуществляться. Проф. М. А. Дьяконовъ весьма обстоятельно прослѣдилъ практику помѣщенія въ запустѣвшихъ крестьянскихъ дворахъ задворныхъ людей, представлявшихъ, какъ мы видѣли выше, очень пестрый составъ, именно, кабальныхъ холоповъ, наймитовъ [3]) и вѣроятно закладчиковъ. Есть указанія, что землевладѣльцы прямо переводятъ своихъ кабальныхъ и старинныхъ людей въ крестьяне [4]). Проф. М. А.

---

[1]) П. Виноградовъ, „Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“ (Ж. М. Н. Пр. 1886 г. Августъ, стр. 280. Ср. Его же, „Villainage in England“. Oxf. 1892, p. 141.

[2]) „Разысканія“, стр. 132.

[3]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 249—261.

[4]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 262 и „Акты тягл. нас.“, II, № 53.

Дьяконовъ вполнѣ справедливо говоритъ [1]): „если землевладѣльцы сажали въ крестьяне сельскихъ дворовыхъ холоповъ, то тѣмъ легче такая практика нашла примѣненіе и къ задворнымъ людямъ, которымъ помѣщики раздавали пустые тяглые участки, обязывая ихъ тянуть наравнѣ съ крестьянами барское и казенное тягло". Засимъ авторъ приводитъ доказательство сему изъ писцовыхъ книгъ [2]). Проф. А. С. Лаппо-Данилевскій къ сему добавляетъ обстоятельныя свѣдѣнія о деревняхъ, заселенныхъ дѣловыми людьми, т.-е. холопами [3]). Пашенные холопы были изстари [4]). Но въ XVII вѣкѣ они послужили звеномъ между крестьянствомъ и холопствомъ. Равнымъ образомъ есть указанія и на обратныя явленія. Проф. М. А. Дьяконовъ указываетъ на случаи поступленія крестьянъ и бобылей въ задворные люди [5]). Противъ попытокъ обращать своихъ крестьянъ въ кабальныхъ холоповъ правительство, какъ мы видѣли, принуждено было выступить съ указомъ. Мы имѣемъ случаи, когда бобыль обязуется „жити въ Новѣгородѣ изъ оброку а оброкъ чѣмъ великій Святитель изоброчитъ" [6]). Уже это совершенное видоизмѣненіе крестьянства: порядная сводитъ всю зависимость отъ землевладѣльца къ платежу оброка. Нѣтъ условія о невыходѣ, а есть лишь неустойка въ 5 рублей (обычная въ бобыльскихъ порядныхъ XVII вѣка [7]) на случай неплатежа оброка. Монастырскіе дѣтеныши, состоявшіе между прочимъ и изъ сиротъ крестьянъ [8]), также служили, на монастырскихъ вотчинахъ, звеномъ между холопствомъ и крестьянствомъ [9]). Проф. А. С. Лаппо-Данилевскій весьма рельефно рисуетъ тѣ „мѣропріятія" землевладѣльцевъ,

---

[1]) Ibid., стр. 262.

[2]) Op. cit., стр. 262—265.

[3]) „Разысканія", стр. 134—150.

[4]) А. С. Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія въ Моск. госуд.". Спб. 1890, стр. 1—2.

[5]) Op. cit., стр. 265—267. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Разысканія", стр. 151.

[6]) Прил. В, № 10.

[7]) Ср. Прилож. В, №№ 11, 12. Обычная неустойка крестьянъ XVII в. была въ 10 рублей. См. Прилож. В, № 4, 5, 6 и др.

[8]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 298—301.

[9]) А. С. Лаппо-Данилевскій, „Розыскъ", стр. 147—150.

къ которымъ подавало поводъ подобное сближеніе [1]). Крестьяне принуждены бывали тогда брать особыя обязательства съ землевладѣльцевъ ихъ „не изгонить, и никому... не продать и не промѣнить и въ заставу не заложить и никова дурна... не учинить“ [2]). Московское правительство, какъ извѣстно, усиленно боролось противъ закладничества, конечно преслѣдуя интересы исправнаго поступленія тягла [3]). Мѣры эти были направлены какъ противъ закладыванія тяглаго населенія, такъ, очевидно, и владѣльческихъ крестьянъ, такъ какъ и эти послѣдніе платили государевы подати.

§ 38. Кромѣ сказаннаго, нельзя еще не упомянуть о вліяніи на ухудшеніе положенія прикрѣпленныхъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческой землѣ, и мѣръ самого правительства. Признавая еще во второй половинѣ XVII вѣка, что землевладѣльцы не имѣютъ полнаго права распоряженія своими крестьянами, такъ какъ они прикрѣплены не къ нимъ, а къ землѣ [4]), правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, провело двѣ реформы, ухудшившія, несомнѣнно, положеніе крестьянъ и сдѣлавшія грань между ними и холопами еще менѣе замѣтною. Первая мѣра была постепенное увеличеніе срока исковой давности, „урочныхъ лѣтъ“. Указъ 1597 года зналъ 5-лѣтнюю давность. Послѣ этого указа землевладѣльцы, особенно мелкіе [5]), непрерывно обращаются къ правительству съ петиціями о продленіи или даже объ отмѣнѣ этихъ урочныхъ лѣтъ [6]). И въ половинѣ XVII вѣка правительство дѣлаетъ въ этомъ направленіи шаги. По указу 1641 года [7]) для исковъ о бѣглыхъ крестьянъ данъ 10-лѣтній срокъ, а для вывезенныхъ насильно — 15-лѣтній.

---

[1]) Ibid., стр. 151—153.

[2]) „Акты тягл. нас.“ I, № 40. Ср. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Разысканія“, стр. 152.

[3]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, „Закладничество-патронатъ“ (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. IX. Спб. 1897, стр. 209—213).

[4]) Улож., гл. XV, ст. 3, „изъ помѣстей помѣщикамъ крестьянъ на волю отпускать не указано“.

[5]) В. И. Сергѣевичъ, „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. Февраль, 1901, стр. 334.

[6]) Напр., А. А. Э., т. IV, № 14.

[7]) А. И., т. III, № 72, XXXIII, стр. 111. (Дата указа исправлена М. А. Дьяконовымъ, „Очеркъ по ист. тягл. нас.“, стр. 51, прим. 3).

Есть основаніе полагать, что мѣра эта была введена и ранѣе, ибо указъ 1641 г. ссылается на прежній государевъ указъ [1]). Уложеніе же, какъ извѣстно, совершенно отмѣнило урочные годы [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы увидимъ далѣе, Уложеніе ограничило какъ имущественную правоспособность, такъ и дѣеспособность крестьянъ. Вторая мѣра была измѣненіе единицы тяглаго обложенія. Какъ извѣстно, общею у насъ мѣрою обложенія была поземельная единица, обжа, соха [3]). Съ XVII-го же вѣка вводится подворное обложеніе [4]). Подворное обложеніе, ложась извѣстною тяготою и на крестьянъ, и на бобылей, и на задворныхъ людей, и на пашенныхъ холоповъ [5]), нѣкоторымъ образомъ уравнивало ихъ. Это былъ первый шагъ къ введеной Петромъ Великимъ подушной подати, сравнявшей крестьянъ и холоповъ [6]). Въ виду нѣкотораго сравненія не лишнимъ считаемъ указать, что совершенно аналогичныя мѣропріятія и обстоятельства обусловливали закрѣпощеніе колоновъ въ древнемъ Римѣ: уплата налога за нихъ землевладѣльцами и отсюда задолженность [7]), барщина (jugum) [8]) и податная реформа Діоклетіана, уравнявшая колоновъ съ рабами [9]).

§ 39. Въ заключеніе разсмотрѣнія вопроса объ отношеніяхъ между крестьянами, жившими на частныхъ земляхъ и землевладѣльцами, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о юридической природѣ этихъ отношеній по поводу занимаемой крестьянами земли. Конструировать юридическія отношенія древняго быта всегда трудно въ виду того, что въ старину не

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 247.

[2]) Гл. XI, ст. 1. Ср. Писцовый наказъ 1646 г., А. А. Э., т. IV, № 14.

[3]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи". Спб. 1890, стр. 476 и сл. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія". Спб. 1890, стр. 219—221; 520—524.

[4]) А. С. Лаппо-Данилевскій, ibid., стр. 183 и сл.

[5]) См. превосходную разработку этого вопроса у В. И. Сергѣевича „Древности русск. земл." (Ж. М. Н. Пр. 1902, IX, стр. 93—139).

[6]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи". Спб. 1890, стр. 479.

[7]) Max Weber, „Römische Agrargeschichte". Stutgart. 1891. S. 205—207. Ср. Cod Theod. 2 de exact. II, 7.

[8]) Ibid., S. 196. Mommsen, „Hermes", XV, S. 385 ff. Ср. M. Weber, S. 193, Anm. 120.

[9]) M. Weber, op. cit., S. 212.

такъ строго различались и часто совершенно переплетались отношенія гражданскаго и публичнаго права. Эта истина еще яснѣе въ приложеніи къ данному вопросу, и на нее неоднократно указывалось въ литературѣ. Dernburg совершенно справедливо указываетъ на ошибку, которую дѣлами „die romanisch gebildeten Juristen“, подводя тѣ разнообразныя отношенія, которыя въ средніе вѣка существовали между землевладѣльцами и крестьянами, подъ понятіе древне-римскаго эмфитевзиса [1]). Несомнѣнно, что какъ въ древнемъ Римѣ [2]), въ средневѣковой Европѣ [3]), такъ и у насъ отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ складывались подъ вліяніемъ какъ гражданскаго, такъ и публичнаго права. Мы полагаемъ, однако, что, во-первыхъ, современный юристъ имѣетъ право конструировать институты древняго права согласно выработаннымъ теоріей права понятіямъ и что это можетъ служить лучшей провѣркой точности и правильности этихъ понятій, а во-вторыхъ, можно сдѣлать попытку выдѣлить цивилистическія стороны изъ общей массы юридическихъ отношеній по поводу земли между крестьянами и землевладѣльцами. Мы знаемъ, что до послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка крестьянинъ занималъ владѣльческую землю на срокъ, причемъ контрактъ, независимо отъ времени его заключенія, кончался къ осеннему Юрьеву дню, т.-е. къ 26 ноября [4]). Крестьянинъ платилъ за занимаемую землю: а) распашкой этой земли, расчисткой лѣса подъ пашню и сѣнокосъ, б) барщиной и в) частью плодовъ, обыкновенно $^1/_4$

---

[1]) „Pandekten“, 4 Aufl. Band I. Berl. 1894, S. 647, Anm. 2. G. Windscheid, Pand. Bd I, § 218.

[2]) Dernburg, op. cit., S. 640, § 258. Max Weber, „Röm. Agrar-Gesch.“. Studg. 1891, S. 196.

[3]) Otto Stobbe, „Hand. d. deutsch. Pr.-R.“. Berl. 1897, Bd II, § 132.

Fustel de Coulange, „L'histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Les origines du système féodal.“. Paris 1880, p. 63.

Perna, „L'enfiteusi nel diritto antico e moderno“, 1892, cap. I.

[4]) Суд. 1550 г., ст. 88, Суд. 1589 г., ст. 178, 179 („Хрест.“ Владим.-Буданова, в. II, стр. 172. „Сбор. М. Гл. Арх. Ин. Дѣлъ, в. VII, стр. 46). Интересно, что въ древнемъ Римѣ срокомъ для контрактовъ между муниципіей и арендаторами было 15 марта. M. Weber, op. cit., S. 135—136. Mommsen, „d. Röm. Staatsrecht“, II, S. 327.

или половиной [1]). Несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло не съ precarium'омъ, такъ какъ этотъ послѣдній, равно какъ и другіе виды узуфруктуарнаго владѣнія, были сдѣлками безмездными и безсрочными: precarium до востребованія, а узуфруктъ (не говоря уже о другихъ его особенностяхъ) пожизненнымъ [2]). Единственнымъ институтомъ, по которому можно конструировать данное юридическое отношеніе, была аренда, locatio rei, die Pacht. Крестьяне несомнѣнно были колонами и большею частью coloni partiarii [3]). Проф. М. А. Дьяконовъ предположилъ, что въ крестьянской порядной соединялся договоръ найма имуществъ (locatio rei) съ личнымъ наймомъ (locatio operis), подводя подъ послѣднее понятіе барщину. Мы не усматриваемъ къ сему ни малѣйшихъ основаній, такъ какъ барщина можетъ быть разсматриваема лишь какъ натуральная повинность въ пользу землевладѣльца, какъ видъ и часть платы за пользованіе землей [4]). Барщина относится къ тѣмъ характернымъ явленіямъ поземельныхъ отношеній, которыя нѣмецкіе юристы называютъ Reallasten—поземельныя повинности [5]). Повинности

---

[1]) См. кр. порядныя въ А. Ю., I, №№ 177, 184, 290 и др. Прил. В №№ 3, 4 и др. Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 213 и слѣд. (изд. 2).

[2]) „Precarium est quod precibus petenti utendum conceditur tamdiu quamdiu is qui concessit patitur". L. I D. de prec. 43, 26. „Cum quis de re sibi restituenda cautum habet, precarium interdictum ei non competit". L. 15, § 3, D. h. t. 43, 26. „Cum precario aliquid datur, si convenit, ut in kalendas Julias precario possideat, numquid exeptione adjuvandus est, ne ante ei possessio auferatur? Sed nulla vis est hujus conventionis, ut rem alienam domino invito possidere liceat.". L. 12 pr. D. h. t. 43, 26. „Usus fructus est jus alienis rebus utendi fruendi, salva rerum substantia". L. I, D. de usu fructu 7, 1. „Der Niessbrauch ist höhstpersönlich, also unerblich und unveräusserlich". Dernburg, Pandekten, Bd I, § 246, S. 599. Ср. ibid. Band II, § 91, SS. 244—246, und Anm. 13.

[3]) L. 25, § 6, D. de locat cond. 19, 2. Columella de re rustica I, 7. Dernburg, Pandekten. Bd I, § 111, SS. 300—301 und Anm 4, S. 300. Max Weber, „Röm. Agrar-Gesch". S. 233—234; 244—272.

[4]) L. 8, L. 21 C. de locat.-cond. 4, 65. Max Weber, op. cit., SS. 195—198; 246—250. Особенно Anm. 60, SS. 248—249. М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 69.

[5]) Otto Stobbe, „Handb. d. Deutsch. Priv.-Recht.", II B. Drite Aufl. (Neu Bearbeitung v. H. O. Lehmann), II Halbband. Berl. 1897, § 137 особено S. 42—43, Anm. 1 и 2.

въ пользу государства, какъ извѣстно, въ древности платились очень часто натурой: наши жалованныя грамоты освобождаютъ крестьянъ привилегированныхъ имѣній отъ цѣлаго ряда такихъ повинностей и тѣмъ самымъ оставляютъ намъ обстоятельное свидѣтельство о нихъ: косьба сѣна на государя, кормъ его гонцовъ, коня, охота и т. п. [1]). Такія же повинности подъ именами vectigalia знала древне-римская муниципія [2]) и средневѣковая Европа, особенно въ лицѣ монастырей-землевладѣльцевъ [3]). Затѣмъ и частные владѣльцы за пользованіе землею стали требовать, кромѣ опредѣленной платы (деньгами или натурою), и исправленіе опредѣленное натуральной повинности, Frohn, jugum, барщина [4]). При этомъ слѣдуетъ указать, что на Западѣ Европы съ очень древнихъ временъ барщинная повинность явилась неразрывно связанной съ даннымъ земельнымъ участкомъ, приняла вполнѣ видъ поземельной повинности. Тацитъ сообщаетъ [5]), что первоначально размѣръ этой повинности зависѣлъ отъ господина: „Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono injungit“. Но затѣмъ выработалась норма, согласно которой размѣръ той или иной барщины опредѣлялся качествомъ земельнаго участка, арендуемаго лицомъ. Несвободный, посаженный господиномъ на участокъ, такъ сказать, свободный, несъ меньше повинности, чѣмъ свободный человѣкъ, сѣвшій на несвободный участокъ. Эти участки были: mansi serviles, обремененные тягчайшими условіями, mansi lediles, средніе, и mansi ingenuales, на которыхъ арендаторъ меньше всего несъ тяготы въ пользу землевладѣльца [6]). Относительно юридической природы этихъ поземельныхъ повинностей, какъ извѣстно, существуетъ въ литературѣ гражданскаго права большой споръ [7]). Мы позво-

---

[1]) А. А. Э., I, №№ 46, 111, 120 и мн. др.

[2]) Max Weber. „Römische Agrargesch“. S. 196. Stobbe (§ 138, S. 19) считаетъ, что Римскому праву не были знакомы эти явленія. Contra Mommsen, Staatsrecht, II, S. 347. Windscheid, § 220, Anm. 5, 6.

[3]) O. Stobbe, § 137, S. 47.

[4]) Ibid., S. 47—48.

[5]) Germania, c. 25.

[6]) Beyer, „Urkunden-Buch“, I, S. 144.

[7]) Литературу см. O. Stobbe, § 138, SS. 49—60.

лимъ себѣ указать здѣсь, что признаемъ, согласно замѣчаніямъ Отто Штоббе, теорію о томъ, что поземельныя повинности были сервитутами, вполнѣ неосновательной. Извѣстный нѣмецкій цивилистъ вполнѣ справедливо указалъ, что римскіе прediальные сервитуты состояли, съ одной стороны или in nonfaciendo, или in patiendo, съ другой in utendo; обязанности же владѣльца земли что-либо дѣлать для ея собственника, никоимъ образомъ не могутъ быть признаны сервитутомъ [1]). Не останавливаясь на опровергнутыхъ теоріяхъ, сравнивавшихъ die Reallasten съ jura in re aliena [2]) и имуществомъ, обремененнымъ гипотекой [3]), мы должны сказать нѣсколько словъ объ обязательственномъ характерѣ этихъ поземельныхъ повинностей. Тутъ существуютъ двѣ категоріи мнѣній: одни признаютъ поземельныя повинности пользующагося землею лица по отношенію къ собственнику чисто обязательственнымъ отношеніемъ [4]). Это мнѣніе, поддерживаемое ранѣе и Otto Stobbe [5]), сравнивавшимъ данное явленіе съ бумагами на предъявителя, въ послѣднемъ изданіи его руководства, обработанномъ Леманомъ, опровергается тѣмъ соображеніемъ, что поземельныя повинности возможны и въ дереленквированныхъ участкахъ земли, и потому, ихъ дестинаторомъ является не лицо, а самая земля [6]). По этому поводу долгомъ считаемъ указать, что мы не находимъ это замѣчаніе вполнѣ убѣдительнымъ, о чемъ скажемъ далѣе, при разсмотрѣніи другой категоріи теорій объ обязательственномъ характерѣ der Reallasten. Весьма многіе изслѣдователи этого вопроса пришли къ тому заключенію, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ особымъ видомъ обязательствъ — вещныхъ (Dingliche Forderung) [7]). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, недостаточно разработанныхъ въ римскомъ правѣ, нѣмецкіе изслѣдователи очень склонны къ quasi-конструкціямъ, путемъ ссы-

---

[1]) Ibid., S. 50—51.
[2]) Gengler, Lehrb., S. 296, ff., особ. S. 302.
[3]) Kohler, „Pfandrechtliche Forschungen", 1882, S. 58 и слѣд.
[4]) Seuffert, Baurecht., S. 72 и др. См. Stobbe, § 138, S. 53—54, Anm. 13.
[5]) 2-е изд., § 101.
[6]) 3-е изд., § 138, стр. 54.
[7]) Ibid., S. 55—60. Литер. см. пр. 14—17, S. 55.

локъ на особые нѣмецкіе институты. Мы, конечно, оставляемъ безъ разсмотрѣнія эту сторону вопроса, уже въ достаточной степени опровергнутую [1]), тѣмъ болѣе, что аналогическіе институты историкъ права находитъ не въ одной Германіи, а и во многихъ другихъ странахъ. Усматривая связь повинностей съ землею, нѣкоторые видятъ субъекта даннаго юридическаго отношенія въ землѣ, земельномъ участкѣ [2]). Штоббе вполнѣ справедливо указываетъ, что такая конструкція „ein überflüssiger theoretischer Nothbehelf ist“. Самъ Штоббе указываетъ [3]), что вещность или обязательственность права опредѣляется тѣмъ, насколько обладаніе вещью связано съ понятіемъ права. Если въ данномъ юридическомъ отношеніи подразумѣвается господство надъ вещью, то мы имѣемъ дѣло съ институтомъ вещнаго права. Разсматривая, далѣе, вопросъ о поземельныхъ повинностяхъ, изслѣдователь замѣчаетъ, что въ настоящее время данное отношеніе является вполнѣ обязательственнымъ, такъ какъ охватываетъ лишь право собственности требовать отъ владѣльца уплаты повинности [4]). Но въ древнемъ правѣ die Reallasten носили болѣе вещный характеръ, когда они заключали въ себѣ кромѣ пошлинъ и барщину [5]). Тогда самая рабочая сила входила въ составъ инвентаря имѣнія. Слѣды такого вещнаго оттѣнка, право повинности сохранило даже и до сего времени, такъ какъ оно неразрывно связано съ правомъ пользованія и присвоенія плодовъ [6]). Самое понятіе повинности О. Штоббе опредѣляетъ такъ [7]): „Поземельная повинность есть obligatio in rem scripta по отношенію къ каждому владѣльцу или собственнику земельнаго участка на платежи, которые ручаются за правильное веденіе хозяйства, соединенное, насколько это позволяетъ содержаніе этихъ платежей, съ вещнымъ правомъ на пользованіе этимъ

---

[1]) Ibid., S. 53, „Man stellt damit eine neue Terminologie auf, die mit dem sonstigen juristischen Sprachgebrauch unvereinbar ist“.

[2]) Dunker, Reallasten, S. 62. Stobbe, § 138, S. 56.

[3]) Ibid., § 138, S. 61—62.

[4]) S. 62.

[5]) S. 60—61.

[6]) S. 63.

[7]) Ibid., S. 63.

земельнымъ участкомъ или на присвоеніе плодовъ этого послѣдняго и охраняемое со стороны лицъ, пользующихся лучшимъ правомъ, правомъ отчужденія земельнаго участка въ случаѣ непроизводства платежей". Мы должны признаться, что находимъ приведенное опредѣленіе, помимо его тяжеловѣсности, врядъ ли точнымъ и, несомнѣнно, совершенно излишне сложнымъ. Опредѣленіе Козака [1]) выражаетъ ту же мысль кратче и точнѣе: „Поземельная повинность есть реальное обязательство, соединенное съ вещнымъ правомъ. Оно обязываетъ каждаго собственника къ повторнымъ платежамъ въ пользу вѣрителя (Reallastgläubiger) и цѣнность этихъ платежей вещнымъ образомъ соединена съ земельнымъ участкомъ". Мы позволимъ себѣ, съ своей стороны, обратить вниманіе на слѣдующее. въ древнемъ правѣ несомнѣнно, что цѣнность повинностей, выражавшихся въ барщинѣ и другихъ натуральныхъ платежахъ, была неразрывно связана съ земельнымъ участкомъ. Каждый, кто на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ садился и пользовался этимъ участкомъ, обязанъ былъ исполнять тѣ или иныя натуральныя повинности. Но дѣло въ томъ, что и наемная плата за домъ, напримѣръ, входитъ въ составъ его цѣнности. Стоимость дома опредѣляется по капитализаціи его наемной платы. Но, конечно, никто не станетъ считать наемную плату за пользованіе домомъ вещнымъ правомъ. Намъ кажется, что не въ этомъ сущность того вещнаго характера, который свойственъ повинностямъ. Крестьянинъ, садившійся на чужую землю, снимавшій ее по контракту, какъ арендаторъ, платилъ за пользованіе ею извѣстную плату, деньгами, плодами или тѣмъ, что приводилъ въ порядокъ и обработывалъ пустошь, обращая тѣмъ ее въ болѣе цѣнную вещь. Но сверхъ сего была еще добавка: онъ обязанъ былъ исполнять „издѣлье на господина", и эта барщина не находилась ни въ какой зависимости ни отъ качества, ни отъ размѣра участка земли. „А не дѣло крестьянское ходити, какъ и другіе крестьяне ходятъ" [2]). Въ древне-нѣмецкомъ правѣ размѣръ барщины былъ связанъ съ тѣмъ или инымъ качествомъ участка земли, не по

[1]) Gerber-Cosack, § 163.

[2]) См. прил. В, №№ 3, 4, 5 и др.

его хозяйственной цѣнности, а по большей или меньшей его свободѣ [1]). Въ русскомъ правѣ мы этого явленія не встрѣчаемъ. Но несомнѣнно, что и тамъ барщина находилась въ зависимости отъ хозяйственныхъ качествъ арендуемаго участка земли. Вотъ эта-то барщина, вполнѣ соотвѣтствующая поземельной подати публичнаго права, и можетъ быть разсматриваема какъ обязательство вещнаго характера, какъ obligatio in rem scripta, такъ какъ оно возникало не въ силу особаго соглашенія, а непосредственно вытекало изъ факта пользованія, въ томъ или иномъ видѣ, чужой землею. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, что дальнѣйшія консеквенціи этого института были уже чисто обязательственными: неплатежъ барщины порождалъ личный долгъ [2]), и барщина находилась въ непосредственной связи съ правомъ пользованія, все-таки являясь нѣкоторымъ постояннымъ прибавкомъ къ арендной платѣ. Поэтому мы полагаемъ, что имѣемъ основаніе, какъ это сдѣлали выше, признать ее за часть платы за арендуемую землю. Точно такъ же несомнѣнно, что договоръ порядной былъ юридически обыкновенной арендой, а не наслѣдственной, не superficies или emphyteusis [3]), въ виду права крестьянскаго выхода. Фактически эта простая конструкція усложнялась нѣкоторыми добавочными отношеніями: на первомъ планѣ здѣсь должна быть поставлена возложенная на арендатора обязанность платить государственные налоги и исполнять натуральныя государственныя повинности: жалованныя грамоты постоянно даютъ льготу для вновь посаженныхъ крестьянъ отъ платежа оброка, косьбы сѣна на государя, корма его коней и проч. [4]). Очевидно, что это была общая

---

[1]) Beyer, „Urkunden Buch“, S. 144.

[2]) См. М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 111—143. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Разысканія“, стр. 65—66.

[3]) Dernburg, „Pand.“, Bd II, § 260, S. 647 und Anm. 2. Arnds, „Gesammelte civilistische Schriften“. Bd I, Stutg. 1873, S. 210—317. О различіи superficies и аренды см. Degenkolb, „Platzrecht und Miethe“. Berl. 1867, S. 30 и слѣд. Въ особенности мало подходитъ крестьянская аренда подъ понятіе Emphyteusis'a, какъ таковое развилось въ дальнѣйшемъ законодательствѣ императорскаго періода, когда явилось право отчужденія: Degenkolb, op. cit., S. 32 и слѣд. Dernburg, Pandekt. Bd I, § 259, S. 645—646; § 260, S. 649—650. Max Weber, op. cit., S. 163—178.

[4]) А. А. Э., 1, № 46, 111 и др. Ср. Прил. А №№ 86, 87 и др.

обязанность крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ [1]). Между тѣмъ, по общей теоріи гражданскаго права налоги и повинности за сданную въ аренду землю несетъ арендодатель, а не арендаторъ [2]). Отличіе нашего древняго права легко объяснимо и не представляетъ особенности лишь древней Руси. Мы уже имѣли случай указать выше, и подробнѣе скажемъ во второмъ отдѣлѣ, что на Руси во время развитія крестьянской аренды не было вполнѣ безусловной собственности. Если землевладѣльцы пользовались землею подъ условіемъ службы лично, или, какъ монастыри, посредствомъ даточныхъ людей и пр., то очень легко могъ установиться взглядъ и на крестьянъ, какъ на лицъ, обязанныхъ кромѣ платы условленной хозяину земли, также и истинному ея собственнику — правительству и государю. Max Weber, прекрасное изслѣдованіе котораго мы неоднократно цитировали, весьма обстоятельно указываетъ, что въ древнемъ Римѣ по отношенію къ колонамъ муниципій въ императорскій періодъ постепенно арендная плата выродилась въ государственный налогъ [3]). Колоны, adscript'ы и другіе насельники частновладѣльческихъ земель также постепенно приняли участіе въ уплатѣ государственныхъ податей [4]). Подобное же явленіе наблюдается повсемѣстно и на западѣ Европы: въ средневѣковой Германіи лица, сидѣвшія на чужой землѣ, на ряду съ оброкомъ и барщиной въ пользу землевладѣльца, платили денежныя и натуральныя повинности въ пользу государства (Фогтовъ, суда [5]). Такое требованіе, что крестьянинъ несетъ кромѣ повинностей въ пользу господина

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр., 1901, апрѣль).

[2]) Dernburg, „Pandekten“. Bd II, § 111, S. 302. „Die auf der Miethsache ruhenden Lasten und Abgaben hat der Vermiether zu tragen“.

[3]) „Römische Agrargeschichte“, S. 163—174.

[4]) Ibid., S. 214. Хотя, конечно, надо помнить, говоря словами Weber'a, что „der römische Prekarist war wohl kein Pächter in unserm Sinn, sondern ein ländlicher Arbeiter, der vom Gutsherrn jederzeit kündbar mit einer Parzelle belehnt war.“. Ibid., S. 244. Ср. ibid., S. 253. C. Theod. 14 de annon. et trib. 11, 1.

[5]) Otto Stobbe, B. II, Hb. II, § 137, S. 47. Ср. ibid., § 189, S. 464, § 191, S. 478 и Anm. 14. Guérard, „Polyptique de l'abbé Irminon“. Paris 1844, p. 567 и слѣд.

и государственныя денежныя и натуральныя повинности наблюдается и въ Польско-Литовскомъ государствѣ, подъ общимъ именемъ „служба“ [1]). Далѣе, кромѣ обязанности платить государственныя повинности, договоръ аренды крестьянами земли усложнялся фактической зависимостью и приниженностью крестьянъ, вслѣдствіе долговыхъ обязательствъ и другихъ обстоятельствъ, разсмотрѣнныхъ выше. Являясь при договорѣ аренды стороною большею частью неисправною, крестьяне юридически могли быть во всякое время прогнаны съ земли и лишены по суду движимаго имущества вслѣдствіе своей задолженности. Фактически этого, конечно, почти никогда не бывало, ибо крестьяне были необходимою рабочею силой и съ ихъ уходомъ обезцѣнивалось имѣніе. Но мы впрочемъ имѣемъ случаи жалобы крестьянъ на то, что ихъ выгоняютъ господа не въ срокъ и безъ отказу [2]). Аналогическое явленіе въ древнемъ Римѣ привело къ тому, что арендное владѣніе стало въ сущности чисто прекарнымъ [3]): его можно было отобрать во всякое время, и колоны платили господину лишь путемъ барщины да фактомъ воздѣлыванія пустой земли [4]). То же явленіе наблюдается и въ Германіи, гдѣ оно усложнилось еще стремленіемъ юристовъ, воспитанныхъ на римскомъ правѣ, примѣнить къ сложному явленію крестьянскаго землевладѣнія простыя и строгія нормы emphyteusis'a и precarium'a [5]). Въ средневѣковой Германіи первоначальное отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцу было также арендное. Наслѣдственной аренды не было [6]). Длиннѣйшимъ срокомъ было два года, черезъ которые возобновлялся контрактъ [7]). Крестьянскій дого-

[1]) Ѳ. И. Леонтовичъ, „Крестьянскіе дворы въ Литовско-русскомъ государствѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1896, II, стр. 374). Ср. Археогр. Сб., I, № 73 и С. А. Бершадскаго (Кіев. стар. 1888, № 10, стр. 93).

[2]) А. И. I, № 134. Срокъ и отказъ обязательны для господина и по Псков. Суд. Гр., ст. 44 („Хрест.“ Владим.-Буданова, I, стр. 150) и по другимъ указамъ, напр. А. А. Э., I, № 48, I.

[3]) Max Weber, „Römische Agrargeschichte“, S. 57, 158, Anm. 53.

[4]) Ibid., S. 235, Anm. 31.

[5]) Otto Stobbe, B. II, Hlb. II, § 189, S. 466—467 и Anm. 7 (S. 466—467) § 191, S. 476—477.

[6]) O. Stobbe, Bd II, Halb. II, § 191, S. 479.

[7]) Ibid., ср. Grefe, II, S. 677.

воръ того времени былъ очень сходенъ съ нашей порядной. Онъ носилъ названіе Meierbrief, заключалъ въ себѣ обязательство платить установленный оброкъ—Zins и дѣлать издѣлье на землевладѣльца—Diensten, Robboten [1]). Кромѣ Meierbrief, существовали другіе виды договоровъ, уже съ очень ранняго времени заключавшіеся передъ судебною властью. Вотъ, напримѣръ, образчикъ договора крестьянина, связаннаго долговымъ обязательствомъ [2]): (передъ судомъ сталъ) Ганносъ Швартъ изъ Домслава и сообщилъ, что онъ по праву долженъ почтенному Николаю Шкоппе и его наслѣдникамъ десять марокъ, поэтому онъ обѣщаетъ платить оброкъ въ одну марку съ своихъ наслѣдственныхъ двухъ „huben", которыми онъ владѣетъ въ деревнѣ и въ имѣніи Домславъ, и изъ этихъ денегъ полъ марки платить около Михайлова дня и двѣ марки на Вальпургіевъ день, давая эти земли въ залогъ въ томъ своему наслѣдственному господину, съ позволеніемъ не работать, но съ условіемъ исполнять всѣ повинности и не нарушать правъ господина на полученіе оброка. Но онъ имѣетъ право выкупить вышеописанный оброкъ за девять марокъ, если онъ будетъ въ состояніи, безъ нарушенія указаннаго оброка". Такіе же договоры существовали въ Англіи до XVI вѣка подъ разными наименованіями [3]). Но при этомъ слѣдуетъ въ виду имѣть такое обстоятельство: въ Германіи такъ же какъ и въ Англіи очень часто отношенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ возникали не изъ писаннаго договора объ арендѣ и подчиненіи одного другому. Во-первыхъ, одною изъ главнѣйшихъ основъ этихъ отношеній былъ обычай [4]), затѣмъ долгое пользованіе, но не въ видѣ давности, которая отрицается очень многими нѣмецкими юристами въ качествѣ фак-

---

[1]) B. W. Pfeiffer, „Das Deutsche Meierrecht". Kassel. 1848, S. 85, ff. August Meitzen, „Urkunden Schlesischer Dörfer" (Codex Diplomaticus Silesiae. B. IV, Berlin. 1863). Einleitung, S. 51, 115—116.

[2]) August Meitzen, op. cit., S. 56, № CI (1438 г. 10 іюня). Ср. Договоръ объ арендѣ кузницы, ibid., S. 182—183, № LXVI (дер. Техницъ 1609 г. сент. 12).

[3]) Vinogradoff, „Villainage in England". Oxf. 1892, pp. 70—71.

[4]) Pfeiffer, op. cit., § 36, S. 415—418.

Vinogradoff, op. cit., pp. 172—173.

тора крѣпостныхъ отношеній [1]), а также въ качествѣ обычая, modi vivendi [2]). Наконецъ, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Германіи способовъ возникновенія отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу была купля-продажа участка земли, коему присвоено свойство „крестьянскаго“ участка: Meiergut, Bauergut [3]). Мы имѣли громадное количество документовъ, гдѣ лицо, покупающее такой участокъ земли, обязывается платить оброкъ господину, нести натуральныя повинности, даже домовыя работы (хотя часто отъ нихъ освобождались за особый денежный оброкъ) и вообще становится подданнымъ „Unterthan“ землевладѣльца [4]). Послѣдняго способа возникновенія крестьянскихъ отношеній мы въ древней Руси не знаемъ. Мы уже имѣли случай указать выше, что въ Россіи мы не знали такого присвоиванія данному земельному участку такого или иного качества, которое распространяютъ на владѣльца ея. Не землею опредѣлялись у насъ права владѣльца, а правами лица качество земли. Засимъ, какъ мы знаемъ, крестьяне только тогда находились въ особыхъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ, когда садились на владѣльческую землю. Если бы они пріобрѣли ее въ собственность, то уже не были бы крестьянами даннаго лица, а должны были бы примкнуть къ обществу людей черныхъ волостныхъ или посадскихъ, смотря по обстоятельствамъ и дѣятельности. Наконецъ, кромѣ приведенныхъ выше обстоятельствъ, усложнявшихъ отношенія арендатора къ землевладѣльцу, слѣдуетъ указать на одно, которое несомнѣнно повліяло также на фактическую зависимость крестьянъ отъ господъ. Это владѣльческая юрисдикція. Мы не будемъ много говорить по этому предмету, вопросъ этотъ подробно разработанъ какъ въ нашей литера-

---

[1]) Unterholzner, Die Verjährung, II, § 242—245 (2 Ausg.). Ср. Otto Stobbe, op. cit., § 178, S. 399, Anm. 34.

[2]) Pfeiffer, op. cit., § 6, S. 81, Anm. 9, § 7, S. 86. Otto Stobbe, op. cit., B. II, Halb. II, § 189, S. 467—468.

[3]) Pfeiffer, op. cit., §§ 7 и 31, S. 87, S. 359 ff., § 36, S. 417—418. Otto Stobbe, op. cit., § 193, S. 491—493.

[4]) Aug. Meitzen, op. cit., №№ XIV (S. 204—207), XV (S. 207—208), XVI (S. 208—213) u. s. w.

турѣ [1]), такъ и въ западно-европейской [2]). Скажемъ лишь, что обязанность подчиняться, согласно жалованнымъ грамотамъ, суду землевладѣльца, должна была связывать свободнаго человѣка, и онъ, заключая договоры аренды на участокъ земли, становился какъ бы подданнымъ землевладѣльца.

§ 40. Съ установленіемъ крѣпостного права и отношенія крестьянъ, уже юридическихъ, какъ мы видѣли выше, подданныхъ господъ, по поводу занимаемой ими земли, стали иными, или, вѣрнѣе, получили нѣкоторую особенную квалификацію. Во-первыхъ, эти отношенія стали наслѣдственными [3]). Die Pacht стала d. Erbpacht. А затѣмъ и самое крестьянское владѣніе перестало быть арендой. Дѣйствительно, хотя мы въ значительномъ числѣ имѣемъ крестьянскія порядныя, въ которыхъ болѣе или менѣе точно опредѣляются тѣ участки земли, на которые садятся крестьяне [4]), но на ряду съ этимъ очень часто въ порядныхъ уже не имѣется такого опредѣленія, а выборъ участка принадлежитъ господину [5]). Мы имѣемъ отъ начала XVI вѣка интересный случай: крестьянинъ поступаетъ въ крестьяне въ Софійскую вотчину Новгородскаго митрополита на точно опредѣленный участокъ земли. Въ случаѣ же его попытки сбѣжать на другую землю и вообще нарушить права землевладѣльца, этому послѣднему предоставляется, вернувъ крестьянина, посадить его „гдѣ митрополитъ укажетъ“ [6]). Конечно, аренда неопредѣленнаго участка земли невозможна. По этому же соображенію именно, что крестьянинъ не имѣлъ точнаго и твердаго права на пользованіе даннымъ участкомъ земли, эти от-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др. I, стр. 328—333. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 229—230. Н. П. Павловъ-Сильванскій, „Имунитеты удѣльной Руси“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г., № I) и мн. друг.

[2]) H. Brunner, „Deutsche Rechtsgesch.“, II. Leipz. 1892, § 302—303. Fustel de Coulange, „Les origines du système féodal.“. Paris 1890, p. 250 и слѣд. Vinogradoff, op. cit., pp. 66—68.

[3]) Фактически наслѣдственною аренда была и ранѣе. Изъ правыхъ грамотъ (см. А. Ѳ.-Чех., т I, № 94, стр. 270) мы узнаемъ, что бывали, и очень часто, крестьяне, жившіе на той же землѣ по 60, 80, 100 лѣтъ; очевидно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ наслѣдственною арендой.

[4]) Прил. В №№ 3, 4, 5.

[5]) Прил. В №№ 7, 8.

[6]) Прил. В № 9.

ношенія не могутъ быть подведены подъ понятіе эмфитевзиса [1]). Поэтому мы не полагаемъ, согласно ученію нѣкоторыхъ старыхъ нѣмецкихъ изслѣдователей [2]), чтобы настоящія отношенія болѣе всего подходили подъ dominium utile. Но думаемъ, что тутъ имѣемъ дѣло съ jus in re aliena [3]). Еще болѣе пекуліарный характеръ получили отношенія крестьянъ къ землѣ, когда явилась, хотя и незаконная, практика продажи крестьянъ безъ земли и ограниченіе ихъ дѣеспособности. Объ этомъ послѣднемъ мы скажемъ далѣе. Получивъ оттѣнокъ peculium'a, крестьянское землевладѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, стало почти прекарнымъ. Дѣйствительно, по порядкамъ XVII вѣка, крестьянинъ поступалъ въ крестьянство къ данному лицу (или въ бобыли) и садился на участокъ земли, обязываясь его обрабатывать, часто выстроить дворъ и т. п., затѣмъ нести всѣ Reallasten, т.-е. дѣлать издѣлье на господина, платить государственные налоги и исполнять натуральныя повинности; отношенія эти были наслѣдственными. Землевладѣлецъ могъ вернуть ушедшаго крестьянина до Уложенія въ теченіе опредѣленнаго срока, послѣ Уложенія—безсрочно. Отъ землевладѣльца зависѣло перевести крестьянина съ одного участка земли на другой или изъ одного имѣнія въ другое [4]). Конечно, крестьянинъ подчинялся юрисдикціи землевладѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянинъ несомнѣнно юридически лично оставался свободнымъ человѣкомъ: онъ имѣлъ свое движимое имущество, ибо имущественно отвѣчалъ за убытки [5]), могъ имѣть и недвижимости [6]), участвовалъ въ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣйствіяхъ, напр., въ Земскихъ Соборахъ [7]), и,

---

[1]) Ср. Otto Stobbe, Handb., II, 2, § 191, S. 478, Anm. 13.

[2]) Pfeifer, „D. d. Meierrecht“. Kassel. 1848, § 9. S. 100—109.
Старая литература: Steinacher, S. 478. Geseler, § 190.

[3]) Otto Stobbe, Handb., II, 2, § 191, S. 477—478 и Anm. 12.

[4]) Шумаковъ, „Угличскіе Акты“, № XLV, стр. 86. Ср. Прил. В № 9.

[5]) Примѣнительно къ Судебнику 1550 г. ст. 89 („Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 154—155). Ср. для болѣе поздняго времени: А. Ю., № 196, III, Прил. В. №№ 3, 4, 5.

[6]) А. о. до Ю. Б. II, № 128, II. Ул. XIX, 15, 17.

[7]) С. Ф. Платоновъ, „Очерки по исторіи смуты“. Спб. 1899, стр. 560. Ср. С. Г. Гр. и Д., I, № 203.

какъ мы далѣе увидимъ, былъ вполнѣ дѣеспособенъ (за небольшимъ исключеніемъ, внесеннымъ Уложеніемъ [1]). Сообразно сказанному, подобныя отношенія не могутъ быть признаны рабствомъ, d. Leibeigenschaft,—терминомъ, который неудачно примѣнилъ къ изслѣдуемому явленію И. Энгельманъ [2]), а представляютъ собою d. Bauerlehn [3]).

Чтобы покончить съ вопросомъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, долгомъ считаемъ указать, что такой же Bauerlehn только непосредственно отъ верховной власти, представляло отношеніе къ землѣ и черныхъ крестьянъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [4]) сравниваетъ ихъ отношеніе съ владѣльческими крестьянами и говоритъ, что какъ послѣдніе арендовали землю у частныхъ владѣльцевъ, такъ послѣдніе у волости. Мы далѣе будемъ еще имѣть случай говорить объ общинѣ и о волости, какъ о юридическихъ лицахъ, здѣсь же долгомъ считаемъ указать, что послѣднія изслѣдованія [5]) признаютъ совершенно невозможнымъ говорить о волостной и общинной земельной собственности, противополагаемой крестьянскому владѣнію. Собственникомъ было государство. И волость и община были органами управленія, а не землевладѣльцами. Врядъ ли это можно сказать такъ категорично.

Личная свобода черныхъ крестьянъ, конечно часто фактически нарушаемая должностными лицами областного управленія, была еще шире частно-владѣльческихъ крестьянъ. Они были лишены только права, какъ мы видѣли, бросать тягло, но могли его мѣнять [6]), могли замѣнять себя другими лицами [7]), принимали дѣятельное участіе въ областномъ

---

[1]) Ул. гл. XIII, 7. Ср. II, 13.

[2]) „D. Leibeigenschaft in Russland.“. Leipz. 1884.

[3]) Ср. Otto Stobbe, Handb.. II, 2, § 191, S. 479 ff. Aug. Meitzen, „Urk. d. Schlesisch. Dörf.“ [C. D. S. l. IV, S. 51 (Einleitung)].

[4]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 146.

[5]) В. И. Сергѣевичъ, „Древн. русск. землевлад.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, стр. 77—81).

[6]) С. Шумаковъ, „Обзоръ Грам. кол. экономіи“, в. II. М. 1900 (Бѣлозерскіе), стр. 25, № 4 (М. А. М. Ю., № 846/145).

[7]) „Акты о тягл. нас.“, II, №№ 22 и 28. Ср. Дьяконовъ, op. cit., стр. 12—13.

управленіи [1]). Равнымъ образомъ, шире были, какъ до, такъ и послѣ прикрѣпленія, ихъ права на землю, вѣрнѣе—право распоряженія землею. Мы имѣемъ случай, что черный, тяглый участокъ земли продается однимъ крестьяниномъ другому [2]), завѣщается [3]), мѣняется [4]), даже вкладывается въ монастырь [5]), хотя послѣднее явно нарушало интересы государства — собственника земли, которое и боролось съ этимъ явленіемъ. Государству интересно лишь одно: чтобы данное тягло было замѣщено. А какъ, кто его замѣшаетъ, какія перемѣны происходятъ въ личности владѣльца, ему неинтересно. Если возникали изъ-за этого какія-либо недоразумѣнія, то благодаря участію въ управленіи и контролю волости [6]). Такія отношенія, кромѣ запрещенія перехода, были до прикрѣпленія, они же остались и послѣ прикрѣпленія.

§ 41. Теперь мы должны перейти къ ближайшему вопросу о дѣеспособности крестьянъ, какъ черныхъ, такъ и владѣльческихъ, какъ до прикрѣпленія ихъ къ землѣ, такъ и послѣ этого событія. Для удобства разсмотрѣнія этого вопроса мы и раздѣлимъ его на двѣ части. Сперва опредѣлимъ дѣеспособность черныхъ крестьянъ, а затѣмъ жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Сохранившіеся до насъ въ весьма значительномъ числѣ акты частныхъ сдѣлокъ свидѣтельствуютъ съ полнѣйшею несомнѣнностью, что черные крестьяне были вполнѣ дѣеспособны, какъ до прикрѣпленія къ землѣ, такъ и послѣ. Именно, выше были приведены доказательства существованія сдѣлокъ черныхъ крестьянъ на ихъ участки земли. Всѣ документы по этому поводу пишутся отъ лица крестьянъ и не

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ". К. 1900, стр. 160 и пр. 1.

[2]) Ср. Д. П. Лебедевъ, Опис. Бѣляев. собр., стр. 69—70. Д. М. Мейчикъ, „Грамоты XIV и XV вв. М. А. М. Ю.". М. 1883, стр. 72. Примѣръ ibid., стр. 123, № 10 (1499 г.). А. Ю., № 136.

[3]) С. Шумаковъ, „Обзоръ гр. кол. эк.", в. II, стр. 25, № 4. А. А. Э., I, № 258 (1861 г.).

[4]) А. Ю., № 23.

[5]) Гр. кол. экон. М. А. М. Ю. Корд. XV, № 1655/13 (1622 г. іюня 25). Данная Петра Ермолина, Черевковыкинской волости крестьянина Спасскому Исидоровскому мон. на половину деревни Горывскаго. Ср. Д. М. Мейчикъ, „Грам. XIV и XV в.", стр. 123, № 11 (1427 г.).

[6]) Акты о тягл. нас. II, №№ 27, 28.

носятъ никакихъ слѣдовъ ограниченія крестьянской дѣеспособности. Къ сему мы можемъ присоединить указанія памятниковъ, что крестьяне заключаютъ долговыя обязательства [1]), торгуютъ [2]), сдаютъ земли въ аренду [3]), выступаютъ (и очень часто) сторонами на судѣ, какъ истцами, такъ и отвѣтчиками [4]). Наконецъ, сохранилось большое количество порядныхъ на разныя работы [5]). Всѣ эти акты относятся какъ къ XV, такъ и къ XVI и XVII вв. Нечего, конечно, говорить, что въ законодательныхъ памятникахъ того времени не имѣется никакихъ ограниченій дѣеспособности черныхъ крестьянъ [6]). Мы встрѣчаемъ ограниченія не крестьянской дѣеспособности, а ограниченія перехода черныхъ земель къ бѣломѣстцамъ, подобно тому, какъ ранѣе было указано запрещеніе земельныхъ вкладовъ въ монастыри. Хотя существовало общее правило, что лица, поселившіяся на черныхъ земляхъ, независимо отъ ихъ соціальнаго положенія, несутъ всѣ повинности черныхъ крестьянъ [7]), но все-таки, по выраженію проф. В. И. Сергѣевича [8]), „бѣломѣстцы, привыкшіе къ своимъ привилегіямъ, не тянутъ тягла съ черными людьми“. Поэтому правительство начало принимать мѣры къ ограниченію перехода черныхъ земель къ бѣломѣстцамъ. Первое ограниченіе относится къ 1626 г. [9]); далѣе въ уложеніи сказано: „А кто продастъ или заложитъ бѣлымъ людямъ тяглый дворъ, и тѣ дворы имати и отдавати безденежно въ сотни, а по закладнымъ, у кого тѣ дворы были заложены, въ деньгахъ отказывати. А кто черные люди тѣ свои дворы продадутъ или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ“ [10]). Но по указанію В. И. Сергѣевича [11]), „и наказанія не достигали цѣли. Даже пра-

[1]) А. Ю. №№ 246, 247, 250, 251, 255.
[2]) А. о. до Ю. Б., № 141 (1596 г.), № 128, II (1615 г.).
[3]) А. А. Э., I, № 73.
[4]) Акты Ѳед.-Чех. I, № 99, 100, 102 и т. д.
[5]) А. Ю. №№ 188, 198.
[6]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I, стр. 231—233.
[7]) Р. С. Г. Г. и Д., I, № 33 (1388 г.); А. А. Э., III, № 37 (1614).
[8]) Юр. Др., I, стр. 228.
[9]) П. С. З., I, № 1157. Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 229.
[10]) Гл. XIX, ст. 39.
[11]) Юр. Др., I, стр. 229.

вительственныя учрежденія считали акты отчужденія черными людьми своихъ недвижимостей бѣломѣстцамъ дѣйствительными и принимали ихъ къ запискѣ въ книги". Въ 1681 г. было разрѣшено бѣломѣстцамъ, пріобрѣвшимъ городовыя тяглыя мѣста до 1681 г. и записавшимъ ихъ за собою въ земскомъ приказѣ, владѣть ими [1]). Эти ограниченія, какъ мы сказали, не могутъ быть признаны ограниченіями крестьянской дѣеспособности; они имѣли характеръ ограниченія не правъ тѣхъ или иныхъ лицъ, а ограничивали оборотность извѣстнаго разряда земель. Ограниченіе крестьянскаго перехода, какъ мы видѣли выше, по отношенію къ чернымъ крестьянамъ не было такъ полно, какъ по отношенію къ владѣльческимъ. Они лишились права выхода изъ тягла, и переходъ ихъ изъ одной мѣстности въ другую былъ обусловленъ замѣной себя другимъ тяглецомъ [2]). Они пользовались государственною землею за то, что служили государству тягломъ, какъ помѣщики — службой личной. Поэтому и квалификація ихъ дѣеспособности не требуетъ особаго труда: они были дѣеспособны, какъ и всѣ подданные, а нѣкоторыя особенности ихъ положенія вызывались характеромъ ихъ службы государству и не вліяли на ихъ дѣеспособность.

§ 42. Гораздо сложнѣе вопросъ о дѣеспособности крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Тутъ прикрѣпленіе оказало значительное вліяніе на конструкцію этой дѣеспособности. Какъ мы старались показать выше, до прикрѣпленія отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ были отношенія арендаторовъ къ собственникамъ. При этихъ условіяхъ не имѣется основанія ожидать какихъ-либо ограниченій дѣеспособности свободныхъ людей. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что владѣльческіе крестьяне до конца XVI вѣка были вполнѣ дѣеспособны, не взирая на фактическую ихъ зависимость. Конечно, кругъ ихъ юридическихъ сдѣлокъ былъ довольно ограниченъ, благодаря ихъ невысокому матеріальному положенію, и особенно, надо сказать, мало сохранился для насъ, такъ какъ они не имѣли собственной земли и потому почти не совершали письменныхъ

---

[1]) П. С. З., I, № 887.

[2]) М. А. Дьяконовъ, op. cit., стр. 8 и слѣд.

актовъ по куплѣ-продажѣ, мѣнѣ, залогу и т. п. недвижимой собственности. Но кое-что все-таки сохранилось. Прежде всего должно указать, что владѣльческіе крестьяне были процессуально правоспособны: они выступали истцами о нарушеніи владѣнія [1]), могли искать противъ господина [2]), лично отвѣчали по уголовнымъ преступленіямъ [3]). Затѣмъ, до насъ дошли свѣдѣнія о долговыхъ обязательствахъ, заключаемыхъ крестьянами, жившими на владѣльческихъ земляхъ [4]). Правительство принуждено было принять даже мѣры къ нѣкоторому ограниченію закабаливанія крестьянъ землевладѣльцами [5]). Крестьяне даже не были ограничены такъ, какъ наймиты, ибо могли и являлись послухами на судѣ [6]). Наконецъ, до насъ дошли въ довольно значительномъ, сравнительно, числѣ письменные акты, совершенные завѣдомо владѣльческими крестьянами безъ упоминанія о какой-нибудь опекѣ и т. п. [7]). Прикрѣпленные къ землѣ крестьяне стали, какъ мы выразились выше, какъ бы подданными землевладѣльца. Ихъ поземельныя отношенія пріобрѣли ленный характеръ. Несмотря на то, въ первое время и послѣ прикрѣпленія мы не замѣчаемъ особыхъ ограниченій крестьянской дѣеспособности. Правительство не отказалось отъ верховнаго главенства и надъ крестьянскою массою. Громадное преобладаніе помѣстій надъ вотчинами въ Московскомъ государствѣ ставило крестьянъ въ сравнительно благопріятное личное положеніе: они были не рабами, а вассалами вассаловъ. Но мы уже указывали, что землевладѣльцы постоянно стремились усилить свою власть надъ крестьянскимъ населеніемъ. Параллельно съ этимъ были сдѣланы попытки къ нѣкоторому ограниченію крестьянской дѣеспособности. Отъ первой половины XVII столѣтія мы имѣемъ дошедшія до насъ документальныя данныя о крестьянской дѣеспособности. Крѣ-

---

[1]) „Акты“ Ѳедот.-Чехов. I, №№ 7, 23, 45, 86 и т. д.

[2]) А. Ю. № 10.

[3]) 1550 г., ст. 89; 1589 г., ст. 179 („Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 174. Сб. М. Гл. А. И. Д., в. VII, стр. 46).

[4]) А. Ю., № 235 (1524 г.), 239 и др.

[5]) Улож. XI, ст. 23; XX, 113.

[6]) „Акты“ Ѳед.-Чех., I, №№ 5, 7, А. Ю., № 290, I.

[7]) А. Ю. №№ 246, 247, 250 и т. п.

постные крестьяне могутъ искать и отвѣчать въ судѣ [1]), лично и независимо ни отъ кого заключаютъ письменные акты на юридическія сдѣлки: покупаютъ [2]), даютъ деньги въ ростъ [3]), занимаютъ [4]), торгуютъ [5]), поступаютъ въ личный наемъ [6]). Но уже сравнительно рано стали проскальзывать въ практику попытки ограничить ихъ дѣеспособность: до насъ дошла одна интересная запись отъ 1598 года. „Паметь мнѣ, старостѣ И... ю Ѳедорову, отпусти я, Изсай, по приказу государя своего крестьянскую дочь Матрену Артемьеву дочь замужъ крестьянина Ивана Ондрѣевича Жабина Ондрея Семенова сына сельца Селнокина и выводъ взятъ по договору, въ томъ и отпускную далъ. А отпускную писалъ села Воронцова Николаевской попъ Алексѣй своею рукою. Лѣта 7106 году ѳеврал 2 день“ [7]). Такой документъ, выданный на самой зарѣ крѣпостного права, очень многозначителенъ. Очевидна тенденція трактовать крестьянина какъ холопа. На ряду съ приведенными выше примѣрами того, что землевладѣльцы стали весьма часто заключать мировыя по случаю убійства одного изъ крестьянъ, слѣдуетъ указать, что самый этотъ фактъ доказываетъ стремленіе присвоить себѣ право иска и отвѣта на судѣ за крестьянъ, каковыя и были осуществлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ [8]). Эти попытки завершились постановленіями Уложенія. Мы уже видѣли, что Уложеніе запрещаетъ крестьянамъ, жившимъ на владѣльческихъ земляхъ, владѣть городскими дворами и лавками [9]). Поэтому они не могли и совершать сдѣлокъ на эти имущества [10]).

---

[1]) „Акты“ Ѳед.-Чех. II, № 142, 156. Ср. Ул. XIII, 7.

[2]) А. о. до Юр. Б. 141. Ср. Улож. XIX, 15, 17.

[3]) Улож. XIX, 16.

[4]) А. Ю., №№ 246, 250, 253, 255.

[5]) Улож. XIX, 17.

[6]) Ул. XI, 23.

[7]) „Подробная опись 272 рукописямъ конца XVI до начала XIX столѣтій Второго (Шевлягинскаго) Собранія „Липевскаго Архива“. Состав. Н. Н. Селифонтовымъ. Изд. Костр. Губ. Учен. Арх. Ком. Кострома 1892, стр. 4, № 8. Приводимъ этотъ документъ, какъ самый ранній изъ извѣстныхъ намъ. Позднѣйшіе см. ibid., стр. 4—5, №№ 9—15.

[8]) „Акты“ Ѳедот.-Чех. II, № 122, стр. 202.

[9]) Улож. XIX, ст. 9 и 16.

[10]) Улож. XIX, стр. 15.

Далѣе Уложеніе запрещаетъ владѣльческимъ, крѣпостнымъ крестьянамъ наниматься къ кому-либо въ работу и дѣлать долги [1]); очевидно что запрещеніе подразумѣваетъ несогласіе господина [2]). Далѣе, Уложеніе устраняетъ крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ, кромѣ разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ, „потому, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они же дворяне и дѣти боярскія во всякихъ дѣлахъ“ [3]). Наконецъ, было запрещено принимать жалобы крестьянъ на господъ, за исключеніемъ дѣлъ объ измѣнѣ [4]). Мы видимъ, что положеніе крестьянъ становится очень сходно съ положеніемъ холоповъ. Проф. В. И. Сергѣевичъ вполнѣ справедливо указываетъ, что „хотя уложеніе и отличаетъ еще владѣльческихъ крестьянъ отъ холоповъ, но оно содержитъ уже въ себѣ всѣ необходимые элементы, изъ которыхъ должно было развиться самое строгое крѣпостное право“ [5]). По Уложенію, какъ мы видимъ, дѣеспособность крестьянъ пріобрѣтаетъ характеръ производный, „попущеніемъ господина“, какъ и по отношенію къ холопамъ. Связь господина съ крестьянами становится столь тѣсной, что эти послѣдніе начинаютъ даже нести отвѣтственность за долги перваго [6]). Конечно, приведенныя положенія не мѣшаютъ крестьянамъ попрежнему, и послѣ Уложенія, совершать юридическія сдѣлки; мы имѣемъ примѣры сему, довольно многочисленные [7]), но ихъ дѣеспособность получила иную конструкцію. Они дѣеспособны попущеніемъ господина; интересы третьихъ лицъ не страдаютъ, но всякое пріобрѣтеніе и собственность крестьянина получаютъ характеръ peculium'a; доколѣ господинъ терпитъ.

На этомъ мы можемъ покончить съ вопросомъ о крестьянахъ съ точки зрѣнія гражданскаго права—вопросомъ и такъ очень надолго занявшимъ наше вниманіе благодаря своей сложности и запутанности. Но все-таки мы долгомъ считаемъ еще

---

[1]) Улож. XI, ст. 23.
[2]) Ср. Улож. XI, 32.
[3]) Улож. XIII, ст. 7.
[4]) Улож. II, 13.
[5]) Юр. Др., I, стр. 253.
[6]) Улож. гл. X, ст. 262.
[7]) А. о. до Ю. Б. II, № 125, III, № 336 и т. п.

сказать два слова о такъ называемыхъ бобыляхъ и половникахъ. Бобыли имѣли лишь экономическое отличіе отъ крестьянъ [1]). Всѣ послѣднія изслѣдованія, интересовавшіяся этимъ видомъ крестьянъ, не указываютъ ихъ отличій юридическихъ [2]). Да и дошедшіе до насъ памятники не даютъ права заключать о томъ, чтобы бобыли по своей право- и дѣеспособности чѣмъ либо отличались отъ остальныхъ крестьянъ. Они были лишь бѣдные, а потому былъ ограниченнѣе, фактически, кругъ ихъ юридическихъ сдѣлокъ. Впрочемъ до насъ дошли свидѣтельства объ этихъ послѣднихъ, заключенныхъ бобылями [3]). То же самое надо сказать и о половникахъ сѣверныхъ уѣздовъ. Они, какъ извѣстно, сохранили почти до половины XVIII в. даже бо́льшую, по сравненію съ остальной крестьянской массой, правоспособность, именно право свободнаго передвиженія между землевладѣльцами, и остались свободными арендаторами [4]). До насъ дошли совершенные ими письменные акты [5]), свидѣтельствующіе объ ихъ полной дѣеспособности.

IV. Городское населеніе.

§ 43. Переходя къ разсмотрѣнію вопроса о дѣеспособности посадскихъ людей, долгомъ считаемъ, прежде всего, сказать, что мы здѣсь не можемъ изслѣдовать первоначальной исторіи городского населенія древнѣйшей Руси. Несомнѣнно, что исторія, въ лицѣ лѣтописей, застала уже существованіе городскихъ поселеній [6]). Жители городовъ въ домонгольскій періодъ, какъ это уже обстоятельно доказано наукой [7]), не составляли особаго

---

[1]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, „Древн. русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1901, II, стр. 326 и слѣд.).

[2]) Дьяконовъ, op. cit., стр. 209, 234. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Разыскація", стр. 91 и слѣд.

[3]) Ср. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Разысканія", стр. 93—95; 105.

[4]) П. С. З., 4332, 4661.

[5]) Акты о тягл. насел., I, №№ 36, 59, 69. Ср. „Акты" Ѳедотова-Чехов., I, № 34 о процессуальной правоспособности половника. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Разысканія", стр. 83—84 и прим. 1 на стр. 84.

[6]) В. И. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др., I, стр. 4, пр. 1 (изд. 2).

[7]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 309—311. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ". К. 1900, стр. 35—36. Н. Д. Чечулинъ, „Города Москов-

замкнутаго класса или сословія, и „горожанинъ“ „градской мужъ“ было названіе, рисующее лишь фактическое положеніе даннаго лица, т.-е. его мѣстожительство и, пожалуй, экономическое значеніе. Далѣе, съ очень стараго времени общее имя градскихъ мужей стало болѣе спеціализироваться, и мы видимъ, что они, градскіе мужи, дѣлятся на лучшихъ—купцовъ и гостей, и худшихъ, молодшихъ или черныхъ—собственно градскую чернь [1]). Въ виду того обстоятельства, что городское населеніе домонгольскаго періода, какъ только-что сказано, не представляло собою особой юридической фигуры, мы и разсмотримъ здѣсь въ отдѣльности юридическое положеніе гостей и купцовъ и затѣмъ черныхъ городскихъ людей, перемѣны, происшедшія въ ихъ правахъ съ теченіемъ времени и ту юридическую позицію, которую они заняли при полномъ расцвѣтѣ Московскаго государства.

Населеніе древней Россіи постоянно изображается, какъ земледѣльческое. Но мы позволимъ себѣ замѣтить, что на ряду съ земледѣліемъ, съ очень древнихъ временъ, торговля занимала на Руси весьма значительное мѣсто. Всѣмъ извѣстно значеніе великаго пути изъ варягъ въ Царьградъ, торговля русскихъ въ этомъ послѣднемъ и грековъ на югѣ Россіи, сообщенія арабскихъ писателей о торговлѣ руссовъ на далекомъ востокѣ [2]); новѣйшія археологическія изслѣдованія въ Пермской губерніи, древней Біарміи, рисуютъ картину развитія довольно значительной промышленности [3]). Извѣстно также, что военныя предпріятія какъ варяговъ, такъ и славянъ представлялись столько же чисто военными походами, какъ и торговыми предпріятіями [4]). Поэтому намъ не кажется страннымъ, что съ древнѣйшихъ временъ на Руси торговля считается почетнымъ занятіемъ, торговые люди почетнымъ классомъ, князья

скаго государства въ XVI в.“. Спб. 1889, стр. 309. А. Д. Градовскій, „Ист. мѣст. упр.“ (П. С. С., т. II, стр. 250—255).

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 35—36.

[2]) Гавр. Успенскій, „Опытъ повѣств. о древ. русск.“. Харьк. 1818, стр. 551 и слѣд.

[3]) Ср. К. О. Тіандеръ, „О происхожденіи имени Пермь“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, Январь) стр. 19—и ссылка на статью г. Теплоухова.

[4]) См., напр., разсказъ о походѣ Аскольда и Дира. Ср. Никон. подъ 1142 г.

ими интересуются, ихъ интересы охраняются, ихъ воспѣваютъ былины; и Садко, и Соловей Будимировичъ, и Чурила Пленковичъ, и позднѣе Васька Буслаевъ остались въ народной памяти героями этой воинственной торговой авантюры, которой предавались купцы и гости древней Руси [1]). Въ договорѣ Игоря съ греками 945 года на ряду съ послами упоминаются и гости, въ концѣ договора называемые купцами [2]). По древнѣйшему списку Русской Правды убійство купца влечетъ за собою такую же виру, какъ и убійство княжескаго чиновника [3]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ высказалъ предположеніе, что по всей вѣроятности купцы не участвовали въ думѣ княжеской [4]). Конечно, они не составляли постоянной княжеской думы, но мы имѣемъ, напр., свидѣтельство Суздальской лѣтописи отъ 1177 г.: „въсташа бояре и купцы, рекоуче: княже, мы тобѣ добра хочемъ, за тя головы своя съкладываемъ; нынѣ дръжиши вороги своя просты, а се ворози твои оу бока, суждалци и ростовци, любо казни ихъ, любо слѣпи, или дай намъ“ [5]). Святополкъ Кіевскій и Владиміръ Переяславскій послали Олегу Черниговскому въ 1096 г. приглашеніе: „Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предо епископы, и предо игумены, и предо мужи отецъ нашихъ, и предо людми градскими“ [6])... Купцы вмѣстѣ съ тысяцкимъ и посадникомъ являются къ князю Ярославу, приглашая его на престолъ отъ имени Великаго Новгорода въ 1215 г. [7]). Наконецъ, они принимаютъ дѣятельное участіе въ войнахъ того времени [8]). Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія публичнаго права, купцы, гости, горожане, т.-е. лица болѣе или менѣе

---

[1]) По договору Олега 907 г. греки обязываются давать содержаніе русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Царьградъ: „мѣсячину на 6 мѣсяцъ, и хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощемъ“. П. С. Р. Л., I, стр. 13.

[2]) „Мы отъ рода русскаго сълы и гостье“ („Хрест.“ Влад.-Буданова, I, стр. 10, ст. 1).

[3]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 276 („Хрест.“ Владимір.-Буд., I, стр. 23, ст. 1).

[4]) „Обзоръ ист. р. пр.“. К. 1900, стр. 35.

[5]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др., I, стр. 277.

[6]) П. С. Р. Л., т. I. Лавр., подъ указаннымъ годомъ.

[7]) В. И. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др., I, стр. 277.

[8]) Нов. I подъ 1195 г.

спеціализировавшіяся на торговлѣ въ широкомъ значеніи этого слова, въ домонгольскій періодъ, по своимъ занятіямъ, не были ограничены въ правахъ. То же самое надо сказать и про ихъ цивильную правоспособность: они имѣютъ недвижимую и движимую собственность. Конечно, прямыхъ указаній законодательныхъ памятниковъ на это обстоятельство нѣтъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ древне-русскіе законодательные памятники больше занимались вопросами объ ограниченіи правъ, чѣмъ о положительныхъ юридическихъ нормахъ, то мы почти не имѣемъ прямыхъ указаній закона на правоспособность и дѣеспособность высшихъ классовъ. Она доказывается косвеннымъ образомъ, во-первыхъ, сообщеніями тѣхъ же законодательныхъ памятниковъ, упоминающихъ наличность данныхъ юридическихъ отношеній, а во-вторыхъ, актами частныхъ сдѣлокъ, рескриптами верховной власти и судебными дѣлами. Такимъ образомъ, мы, конечно, не можемъ надѣяться найти такое правило, по которому купецъ считался право- и дѣеспособнымъ лицомъ. Но мы уже съ ранняго времени, на ряду съ вышеприведенными данными о личной (публичной) правоспособности торговыхъ людей и горожанъ, имѣемъ свѣдѣнія о ихъ имущественной правоспособности. Именно, люди торговые, само собой разумѣется, могутъ имѣть движимое имущество. На это есть указаніе въ договорѣ Олега съ греками 911 г. [1]), въ Русской Правдѣ [2]) и затѣмъ во всѣхъ относящихся до сего памятникахъ. Конечно, это явленіе, собственно говоря, и не требуетъ доказательства. Затѣмъ, точно такъ же люди торговые и городскіе, по извѣстіямъ сравнительно раннимъ, имѣли и недвижимости. Объ этомъ говоритъ, напр., духовная новгородца Климента XIII, несомнѣнно, торговаго человѣка [3]), Новгородская судная грамота 1471 г. [4]) и др. Далѣе, несомнѣнна, конечно, должна быть и дѣеспособность торговыхъ людей—

---

[1]) Ст. 8 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 5).

[2]) Ст. 68, 69 (ibid., стр. 57—58).

[3]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 121—122. Считаемъ его торговымъ человѣкомъ, такъ какъ деньги его находятся въ рукахъ торговыхъ новгородскихъ ассоціацій. „А про куны... въ купѣцкомъ стѣ“.

[4]) Ibid., стр. 189, ст. 17. „А цѣловать боярину и житьему и купцю какъ за свою землю такъ и за женню“. Ср. ст. 18 (ibid., стр. 190).

они торгуютъ, заключаютъ договоры купли-продажи, займа, довѣренности, найма и т. п. Но и ихъ общая дѣеспособность не была ограничена. Мы видѣли, что они пишутъ духовную грамоту, процессуально правоспособны. Такимъ образомъ, мы можемъ именно быть увѣрены, что въ домосковское время торговые люди не были ограничены, по своей профессіи, ни въ правоспособности, ни въ дѣеспособности. Кромѣ отличія профессіи, какъ мы знаемъ, другой разницы между торговыми людьми и остальнымъ населеніемъ древней Руси не было [1]). Московское государство занялось дифференцированіемъ сословій. Коснулись реформы и городского и торговаго населенія. Во-первыхъ, появляются сословія людей, привязанныхъ къ городамъ и мѣстечкамъ. И среди нихъ происходитъ дѣленіе на классы. Причины этого явленія довольно разнородны: онѣ, прежде всего, состоятъ въ томъ, что развитіе государственной жизни, усложненіе потребностей населенія привели къ сознанію невозможности въ одно и то же время быть воиномъ, купцомъ и помѣщикомъ. Это было возможно въ самое раннее время, становится возможнымъ теперь, благодаря капиталистическому строю промышленности, главнымъ образомъ основанномъ на фабрично-заводскомъ производствѣ, при развитіи сообщеній, сношеній и большей легкости управлять торговымъ дѣломъ заочно. Русскій же купецъ XV—XVII вѣка, не находящійся уже въ такихъ условіяхъ, чтобы быть вѣчно воиномъ, еще лишенъ былъ возможности заочно управлять своимъ дѣломъ. Ни фабрикъ, ни заводовъ на Руси почти не существовало, торговыя сношенія были весьма затруднены, пути сообщенія плохи, и купцу, не желавшему терпѣть постоянно убытокъ и подвергаться вѣчному риску, приходилось самому присутствовать при дѣлѣ и на немъ спеціализироваться. Такова бытовая, экономическая подкладка явленія. На ряду съ ней должно поставить уже извѣстныя намъ мѣропріятія Московскаго правительства, клонившіяся къ прикрѣпленію людей къ сословіямъ, а сословій къ опредѣленному тяглу, прямому или косвенному, въ пользу государства. Прежде чѣмъ переходить къ обзору положенія городского населенія московскаго государства, долгомъ еще считаемъ сказать

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I, стр. 276—277.

слѣдующее: мы совершенно согласны съ проф. В. И. Сергѣевичемъ, что торговля и въ Московскомъ государствѣ не была запрещена другимъ классамъ [1]). Мы знаемъ слишкомъ много примѣровъ, что крестьяне торгуютъ [2]), монахи торгуютъ [3]), стрѣльцы торгуютъ [4]), высшіе служилые классы торгуютъ [5]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, правъ и Н. Д. Чечулинъ [6]), совершенно справедливо отмѣтившій, что наряду съ торговлей людей разныхъ классовъ, занявшихся этимъ между прочимъ, существовали классы, занимавшіеся этимъ спеціально, имѣвшіе сообразно сему особую физіономію и выдѣлявшіеся въ особый разрядъ городского населенія. При этомъ естественнымъ ходомъ вещей этотъ классъ, въ свою очередь, раздѣлился на два отдѣла по своему имущественному и политическому положенію, изъ которыхъ одинъ представлялъ рядъ переходныхъ ступеней отъ сельскаго чернаго, тяглаго, населенія къ городскому, второй же отъ городского къ служилому. Для обозначенія низшаго разряда городского населенія вводится и новый терминъ — люди посадскіе, появившійся не позднѣе начала XVI вѣка [7]). По справедливому замѣчанію П. Н. Милюкова, городъ во все время Московскаго государства былъ, собственно говоря, кремлемъ. Населеніе городское жило кругомъ на посадѣ [8]). При разсмотрѣніи вопроса о правоспособности и дѣеспособности посадскихъ людей и высшихъ разрядовъ городского населенія—людей торговыхъ и гостей, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣ-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Д., I, стр. 316 (изд. 2). Ср. „Древн. русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1902, III, стр. 58).

[2]) Ibid., стр. 238—239.

[3]) Прил. А № 123.

[4]) Ул. XIX, 11.

[5]) А. А. Э., I, № 263.

[6]) „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ". Спб. 1887, стр. 309—310.

[7]) По мнѣнію, Пригары, „Описаніе историч. состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи", 1865, стр. 5 и слѣд., обособленіе городского, спеціально, населенія въ особый классъ произошло уже въ концѣ XV вѣка. Contra В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I, стр. 292. Мы здѣсь не касаемся вопроса о составѣ города Москов. госуд., въ достаточной степени выясненнаго Н. Д. Чечулинымъ, op. cit., стр. 313 и сл.

[8]) „Очерки по ист. культуры". Спб. 1898, изд. 3, стр. 182.

дующее: всѣ изслѣдователи, въ концѣ концовъ, пришли къ заключенію, что посадскіе люди не представляли собою особой юридической фигуры, чѣмъ либо юридически выдѣленной изъ общей массы населенія [1]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящее время необходимо признать, что городское населеніе Московскаго государства, особенно въ XVII вѣкѣ, было болѣе или менѣе строго обособлено отъ другихъ сословій и обособлено не правами, не обязанностями, каковыя были очень сходны съ правами и обязанностями сельскаго чернаго населенія. Обособлены они были прикрѣпленіемъ къ своему посадскому, отличному отъ сельскаго тяглу [2]). Проф. М. А. Дьяконовъ, въ изслѣдованіи своемъ о сельскомъ населеніи Московскаго государства, нѣсколько разъ нами цитированномъ, вновь коснулся настоящаго вопроса и съ достаточной, на нашъ взглядъ, убѣдительностью доказалъ, что уже въ половинѣ XVI в. замѣчаются тенденціи къ прикрѣпленію и обособленію городского населенія [3]). Мы уже имѣли случай выше отмѣтить, что не можемъ согласиться со всѣми выводами уважаемаго автора, и не признаемъ, какъ это дѣлаетъ онъ, чтобы уже по Судебнику 1550 г. было запрещено переходить изъ сельскаго тягла въ городское, но несомнѣнно, что такая тенденція существовала и хотя не получила въ теченіе XVII вѣка полнаго осуществленія, но все-таки въ Уложеніи мы читаемъ, во-первыхъ, приказъ о сыскѣ посадскихъ людей, ушедшихъ съ своего тягла на службу или въ крестьяне, къ частнымъ лицамъ и монастырямъ [4]); во-вторыхъ, запрещеніе частновладѣльческимъ крестьянамъ покупать городскіе тяглые дворы, лавки, амбары и т. п. [5]). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ рѣшеній контроверзъ, возникающихъ для посадскаго человѣка изъ прикрѣпленія къ тяглу, а также нѣкоторыя ограниченія въ правѣ распоряженія недвижимымъ имуществомъ. Впрочемъ, мы этого вопроса коснемся далѣе. Здѣсь же лишь констатируемъ фактъ, что по Уложенію городское населеніе въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. люди посадскіе и торго-

[1]) Н. Д. Чечулинъ, op. cit., стр. 309; ibid., литература вопроса: Пр. 1.
[2]) П. Н. Милюковъ, op. cit., стр. 184—188.
[3]) Op. cit., стр. 9 и слѣд.
[4]) Гл. XIX, ст. 13.
[5]) Гл. XIX, ст. 15 (ср. 16 и 17).

вые, представляли собою особое сословіе, которое Московское правительство стремилось обособить отъ другихъ сословій.

§ 44. Посадскіе люди Московскаго государства были людьми черными, тяглыми [1]). Такъ они опредѣлялись и въ актахъ [2]), и въ писцовыхъ книгахъ [3]). По справедливому замѣчанію Н. Д. Чечулина [4]), посадскіе люди не были собственниками своихъ мѣстъ и дворовъ, а лишь владѣльцами, наслѣдственными и пользующимися jure alienandi. Земля же была, какъ и у черныхъ крестьянъ, государева — казенная. Мы здѣсь не можемъ останавливаться на условіяхъ, на которыхъ посадскіе люди получали свою землю, ихъ оброкѣ и тяглѣ, и можемъ лишь подтвердить, что въ этомъ отношеніи они очень были сходны съ сельскимъ населеніемъ, и вся разница заключалась въ податной единицѣ, каковой для посадскихъ людей уже въ XVI вѣкѣ являлся дворъ [5]). Но посадскіе люди несомнѣнно могли имѣть и свою собственность, независимо отъ тяглыхъ дворовъ. Н. Д. Чечулинъ приводитъ свѣдѣнія, что посадскіе люди города Тулы имѣли, въ противоположность находившимся въ ихъ владѣніи дворамъ въ посадѣ, собственныя клѣти въ осадномъ городѣ [6]). Кромѣ того, они, конечно, юридически могли имѣть и внѣгородскую недвижимость [7]), хотя фактически врядъ ли

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ, op. cit., стр. 313—314.

[2]) А. А. Э., I, № 323.

[3]) Писц. кн. Моск. (изд. Калачова), т. II, 1089, 1092.

[4]) Op. cit., стр. 282. Ср. Н. П. Закоскинъ, „О правѣ владѣнія двор. въ Моск. госуд.“, стр. 23.

[5]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1902, III, стр. 59 и слѣд.).

[6]) Op. cit., стр. 282. Писц. кн. Моск. (Калачова), II, 1084, 1085.

[7]) А. Рейцъ, Оп. ист. Рос. госуд. и гр. зак.“, русск. пер. М. 1836, § 35, стр. 134—135; § 96, стр. 264—265. К. А. Неволинъ, „Ист. Росс. гр. зак.“ (П. С. С. т. IV, стр. 134—135), совершенно справедливо указываетъ на примѣры владѣнія вотчинами со стороны „гостей“, замѣтивъ при этомъ, что мы не имѣемъ свѣдѣній о поземельномъ владѣніи въ видѣ частной собственности, (вотчинно) людей посадскихъ. Ср. Киндяковъ, „Оп. учен. разработки купч. гр.“ (Юр. Сб., Мейеръ. К. 1855, стр. 447). Сомнѣніе это опровергается многочисленными актами. См. А. о. до Ю. Б., II, № 148, II (1612 г.), III (1612 г.), V (1612 г.), VII (1613 г.), XIV (1613 г.). Ср. Улож. XVII, 45. О правѣ крестьянъ см. выше. В. И. Сергѣевичъ, Др. р. зем. (Ж. М. Н. Пр. 1900, IX, 67).

часто упражняли это свое право. Какъ отдѣльные посадскіе люди, такъ и посадское общество имѣло право распоряженія черными землями въ весьма широкомъ размѣрѣ. Во-первыхъ, случалось, что посадское общество отдавало въ аренду свободную землю одному изъ посадскихъ же людей [1]). Далѣе, оно продавало in corpore свободные участки посадскимъ людямъ [2]), отдѣльные посадскіе люди точно такъ же свободно распоряжались своими тяглыми дворами, могли ихъ продавать [3]) закладывать [4]), завѣщать [5]), но при условіи совершенія сдѣлки съ лицомъ, которое войдетъ въ общее же тягло съ посадомъ, не „обѣлитъ“ тяглаго мѣста [6]). Впрочемъ, несмотря на довольно энергичныя мѣропріятія Московскаго правительства [7]), мы имѣемъ въ писцовыхъ книгахъ массу указаній на переходъ тяглыхъ посадскихъ дворовъ въ руки служилыхъ людей, бѣломѣстцевъ, и выходахъ тѣхъ изъ тягла [8]). Даже послѣ категорическаго запрещенія Уложенія [9]), совершаются подобныя сдѣлки и принимаются къ явкѣ [10]).

Изъ всего только-что сказаннаго очень легко заключить и о дѣеспособности посадскихъ людей. Всѣ вышеупомянутыя юридическія сдѣлки совершаются ими лично, безъ участія какого-либо попечительства. Кромѣ того, мы имѣемъ данныя, что посадскіе люди обладаютъ и процессуальною правоспособностью [11]). Самыя занятія посадскихъ людей—ремесла и торговля [12])—

---

[1]) „Акты“ Ѳедот.-Чехов., II, № 166, столб. 658.

[2]) А. отн. до Юр. Б., II, № 148, IV (1612 г.).

[3]) А. отн. до Юр. Б., II, № 148, II (1622 г.).

[4]) Улож. XIX, ст. 15, 16. Ср. К. А. Неволинъ, Ист. росс. гр. зак., т. III, § 476 (П. С. С., п. V, стр. 287).

[5]) Улож. XIX, стр. 15, 16.

[6]) М. А. Дьяконовъ, „Очерки по исторіи сельскаго насел. Моск. госуд.“, стр. 5—16.

[7]) П. С. З., № 307. Улож. XIX, 9.

[8]) „Труды Калужской Арх. Ком.“, в. IV, Писцовая книга 1634 г.

[9]) Гл. XIX, ст. 15, 16.

[10]) Ср. П. С. З., № 1157.

[11]) „Акты“ Ѳедот.-Чехов. I, № 57 (стр. 95), 100 (стр. 330); II, № 137 (стр. 364), 166 (стр. 658).

[12]) Н. Д. Чечулинъ, „Города Москов. госуд.“, стр. 120. Ср. В. И. Сергѣевичъ, „Др. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1902, III, стр. 54 и сл.).

требуютъ ихъ дѣеспособности въ сферѣ сдѣлокъ на движимыя вещи.

Н. Д. Чечулинъ, изслѣдованіе котораго мы выше неоднократно цитировали, приводитъ соображенія въ пользу того, что посадскими людьми съ одной стороны, съ другой торговыми, купцами, называлось совершенно одинаково все городское тяглое населеніе въ отличіе отъ лицъ, жившихъ въ городахъ по дѣламъ службы: людей служилыхъ, ратныхъ, духовенства и т. д. [1]), Но во всякомъ случаѣ внѣ сомнѣнія, что въ городскомъ населеніи различалось нѣсколько экономическихъ слоевъ, и въ большихъ городахъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ, высшіе, богатѣйшіе классы городского населенія и по своему юридическому положенію были поставлены въ лучшее положеніе, чѣмъ другіе городскіе жители.

Проф. В. И. Сергѣевичъ, вообще не признающій, чтобы городское тяглое населеніе было выдѣлено въ особую группу, уже въ XVI в. замѣчаетъ [2]): „Только съ конца XVI вѣка Московское правительство начинаетъ принимать мѣры къ большему обособленію торговаго класса, но только лучшихъ его людей“. Мы уже выше замѣтили, что и низшее городское тяглое населеніе было до нѣкоторой степени обособлено отъ другихъ сословій, правда, не столько по своимъ правамъ и обязанностямъ, сколько по прикрѣпленію къ городскому тяглу. Здѣсь же намъ интересенъ вопросъ о выдѣленіи лучшей части городского населенія въ особую группу собственно купцовъ и гостей. Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о положеніи этого класса населенія. Ихъ общегосударственныя обязанности съ достаточной полнотой изслѣдованы проф. В. И. Сергѣевичемъ [3]) и не возбуждаютъ сомнѣній. Мы можемъ прямо перейти къ разсмотрѣнію вопроса о ихъ имущественно правои дѣеспособности. И здѣсь также мы встрѣчаемъ гораздо меньше затрудненій, чѣмъ при изслѣдованіи юридической природы

[1]) Op. cit., стр. 309 и сл.

[2]) Русск. Юр. Др., I, стр. 286. Позволимъ себѣ привести интересное выраженіе документовъ: „язъ Ортемій Григорьевъ сынъ Патріарховъ крестьянинъ Гавриловскіе слободы торговый человѣкъ“ („Акты“ Ѳедот.-Чех. I, № 105, стр. 363, 1638 г.).

[3]) Русск. Юр. Др., I, стр. 286 и слѣд.

болѣе низкихъ и зависимыхъ классовъ. Несомнѣнно, что купцы и гости могли имѣть недвижимую собственность [1]), имѣли полное право ею распоряжаться [2]) и были имущественно дѣеспособны: совершали отъ своего и женинаго имени юридическія сдѣлки, [3]), были процессуально правоспособны [4]). Они могли имѣть даже холоповъ [5]). За службу они жалуются „гостинымъ“ именемъ [6]). Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что права городского населенія въ сферѣ гражданскихъ отношеній были весьма широки и что, несмотря на различіе въ своемъ имущественномъ положеніи,—различіе, которое, съ одной стороны, сближало ихъ съ сельскимъ, крестьянскимъ населеніемъ, а съ другой—съ высшимъ служилымъ классомъ, пользовались полной гражданской дѣеспособностью. При этомъ, переходя къ высшимъ классамъ населенія, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что дѣеспособность сихъ классовъ все болѣе и болѣе становится несомнѣнной, чѣмъ выше классъ населенія, и въ дальнѣйшемъ намъ придется лишь приводить немногія иллюстраціи этой дѣеспособности.

V. Духовенство.

§ 45. Духовенство древнѣйшей Руси, какъ бѣлое, такъ и черное, не представляло по своей имущественной право- и дѣеспособности, особаго класса населенія. При этомъ спѣшимъ оговориться, что мы ведемъ рѣчь лишь о духовенствѣ христіанскомъ, въ виду слишкомъ малыхъ свѣдѣній, дошедшихъ до

---

[1]) „Акты“ Ѳедот.-Чех. II, № 137, стр. 362.

[2]) „Ихъ Пречистенскими сѣнные покосы на рѣкѣ на Ковдѣ... положеніе покойные вдовы Ольги Даниловскіе жены Строганова“ („Акты“ Ѳед.-Чех. II, стр. 362).

[3]) „Акты“ Ѳедот.-Чех. I, № 110, стр. 384. „Марфу, а за свою жену гостиные сотни торговый человѣкъ“.

[4]) „Акты“ Ѳедот.-Чех. I, № 110 (стр. 382).

[5]) А. А. Э., II, № 49. О правѣ посадскихъ людей вообще имѣть холоповъ см. В. И. Сергѣевичъ, „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, II, стр. 337).

[6]) Доп. къ А. И., I, № 147 (ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 320—321, изд. 2). Улож. XVIII, 8.

насъ о положеніи языческихъ жрецовъ у древнихъ славянъ [1]). Мы въ настоящемъ случаѣ интересуемся вопросомъ о дѣеспособности отдѣльныхъ лицъ духовнаго званія, отлагая вопросъ о право- и дѣеспособности церкви, какъ юридическаго лица, до слѣдующей главы. Съ очень раннихъ, сравнительно, временъ мы имѣемъ свидѣтельства о дѣеспособности монаховъ: вспомнимъ купчую Антонія Римлянина, написанную до 1147 г. [2]) ...„купилъ есми землю Пречистыя въ домъ“... По духовной Антонія оказывается, что онъ пріобрѣталъ и холоповъ [3]). Древнѣйшія, дошедшія до насъ писцовыя книги, Новгородскія, сообщаютъ на каждомъ шагу о вотчинахъ поповъ и дьяконовъ [4]). Достойно при этомъ вниманія, что вступленіе въ монашество, несмотря на строгости монастырскихъ уставовъ нашихъ монастырей, заимствованныя изъ Византіи, не лишало лицо право- и дѣеспособности въ области гражданскихъ имущественныхъ отношеній. Мы имѣемъ цѣлый рядъ доказательствъ, что монахъ имѣетъ свою вотчину, отличную отъ монастыря [5]), и ею распоряжается самовольно [6]).

§ 46. Отъ XV, XVI, XVII вв. до насъ дошло значительное число документовъ, согласно которымъ лица бѣлаго и чернаго духовенства рисуются намъ въ качествѣ вполнѣ право- и дѣеспособныхъ лицъ. Они совершаютъ юридическія сдѣлки. Попъ продаетъ свою купленную вотчину [7]), выступаетъ послухомъ [8]), совершаетъ сдѣлку найма личнаго [9]),

---

[1]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., II, в. II, стр. 481.

[2]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 117.

[3]) Ibid., стр. 117, пр. 3.

[4]) Нов. Писц. кн. I, 176, 321, 346, 504, 612; III, 82, 471.

[5]) А. Ю., № 121 (1435—1447 г.), № 410 (1472 г.), № 412 (1505 г.), № 419 (1540 г.), № 422 (1571 г.). А. И., I, № 29 (1585 г.), № 218 (1587 г.), II, № 111 (1607 г.) и т. д. Ср. Неволинъ, П. С. С., IV, стр. 134 и пр. 84.

[6]) См. прилож. А № 20.

[7]) А. о. до Юр. Б., т. II, № 147, XX. К. А. Неволинъ, не зная этого документа, говоритъ, что не было примѣра, чтобы лица бѣлаго духовенства благопріобрѣтали вотчины, но признаетъ за ними это право (П. С. С., т. IV, стр. 135). Ср. М. А. Липинскій, „Угличскіе акты“ XVII в., № 58.

[8]) С. Шумаковъ, „Угличскіе Акты“, № 33, стр. 71.

[9]) Улож. XX, 104, 105.

получаетъ пожалованье [1]), выступаетъ въ гражданскомъ процессѣ въ качествѣ процессуально правоспособнаго лица [2]). Монахъ является представителемъ монастыря и отъ его имени совершаетъ юридическія сдѣлки [3]). Тутъ его дѣеспособность можетъ подлежать нѣкоторому сомнѣнію, ибо она можетъ быть признана производной, установляемой юридическимъ лицомъ. Но монахъ является передъ нами въ качествѣ лица, совершающаго юридическую сдѣлку отъ себя лично: дѣлаетъ вкладъ въ монастырь своей вотчины [4]), завѣщаетъ [5]), ищетъ на судѣ за себя [6]), даетъ деньги въ долгъ [7]). Уже съ первыхъ временъ по принятіи христіанства на Руси, у насъ, само собою, установляется и православная іерархія. Различіе іерархическое отразилось очень скоро и вполнѣ естественно на государственномъ и имущественномъ положеніи различныхъ степеней православнаго духовенства въ Россіи. Обладая большою духовною властью, епископы сдѣлались и въ смыслѣ отношенія къ нимъ государственной власти и въ смыслѣ имущественномъ сильнѣе, богаче и выше священниковъ, эти—діаконовъ и т. п. Епископскія каѳедры образовали особыя юридическія лица, обладавшія большими недвижимыми имуществами [8]). Независимо сего, сами епископы, архіепископы и митрополиты, позднѣе патріархи, имѣли значительную собственность, заключавшуюся какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ [9]). Согласно заимствованнымъ изъ Византіи церковнымъ законамъ, высшіе чины русской церкви принимали весьма большое участіе въ судѣ и администраціи, и имѣли подъ своимъ вѣдомствомъ весьма большой кругъ лицъ, какъ духовнаго званія, такъ и мірянъ [10]). Ихъ дѣеспособность

[1]) См. „Хрест.“ Владим.-Будан., III, стр. 168—169.
[2]) „Акты“ Ѳед.-Чех., I, № 57 (стр. 93).
[3]) Прил. А №№ 41, 60.
[4]) Прил. А № 20.
[5]) А. Ю. № 121.
[6]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 635—636.
[7]) С. Шумаковъ, „Угличскіе акты“, стр. 95—96, № L.
[8]) См. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 541 и сл.
[9]) По словамъ Котошихина, за патріархомъ свыше 7000 дворовъ, за митрополитомъ 12000, за епископомъ 16000. „О Россіи“, XI, 6.
[10]) Неволинъ, „О простр. церк. суда“ (П. С. С., т. VI).

была, слѣдовательно, и съ точки зрѣнія публичнаго права весьма широка. Затѣмъ въ теченіе XVI и XVII вѣка мы имѣемъ очень много документовъ, которые рисуютъ хозяйственную и юридическую дѣятельность представителей высшей русской церковной іерархіи, распоряженія о сдачѣ земли въ аренду [1]), отношенія къ крестьянамъ [2]), куплю-продажу [3]), мѣну [4]), иски на судѣ, ведомые черезъ представителей и т. п. [5]). Столь же широки были гражданскіе обороты и главнѣйшихъ монастырей; о чемъ скажемъ ниже. Фактическое положеніе бѣлаго приходскаго духовенства и отдѣльныхъ монаховъ было, конечно, далеко не столь широко. К. А. Неволинъ имѣлъ полное основаніе предположить, что лица бѣлаго духовенства обыкновенно не имѣли средствъ къ пріобрѣтенію вотчинъ [6]). Дѣйствительно, несмотря на священный санъ, несмотря на то, что никакихъ юридическихъ ограниченій право- и дѣеспособность лицъ духовнаго званія древняя Русь не знаетъ, положеніе приходскаго духовенства въ XIV, XV, XVI и XVII вв. было очень и очень незавидно: священники посвящались изъ бѣглыхъ людей, казаковъ, иногда холоповъ, рѣдко крестьянъ, а затѣмъ, главнымъ образомъ, изъ поповскихъ и дьяконовскихъ дѣтей. Все это народъ былъ бѣдный, зависимый отъ паствы, которая его избирала, отъ землевладѣльца, часто неграмотный, и вліяніе его на духовныхъ дѣтей было очень и очень сомнительно [7]). Несомнѣнно, что такая фактическая обстановка не давала основаній къ тому, чтобы права лицъ, принадлежащихъ къ приходскому духовенству, сколько-нибудь укрѣплялись въ правосознаніи народа и въ законѣ и расширялись. Молчаніе Уложенія Царя Алексѣя Михайловича о правѣ лицъ

[1]) „Временникъ М. Об. Ист. и Др. Росс.“, II, М. 1849, Смѣсь стр. 19—20 Уставная грамота патріарха Іова.

[2]) Прил. В №№ 3, 4, 5 и др.

[3]) А. отн. до Ю. Б., II, № 147, I, II, VI и др.

[4]) А. отн. до Ю. Б., II, 156, II.

[5]) С. Шумаковъ, „Угличскіе акты“, № LXIX, стр. 129—133.

[6]) П. С. С., т. IV, стр. 135.

[7]) Е. Голубинскій, „Исторія русск. церкви“, т. I и II, стр. 381, 384, 405, 406, 415 и др. Въ связи съ этимъ стоитъ и указъ 2 декабря 1641 г. о запрещеніи дѣтямъ священно- и церковнослужителей поступать въ подъячіе („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 151).

бѣлаго духовенства имѣть вотчины, конечно, не можетъ быть толкуемо какъ запрещеніе [1]), но оно въ послѣдующее время, благодаря указанной нами фактической обстановкѣ, было именно истолковано въ смыслѣ запрещенія [2]). Но во всемъ остальномъ лица бѣлаго духовенства и въ эпоху самаго тяжелаго гнета, наложеннаго на нихъ, гораздо горчайшаго, чѣмъ татарское иго, уважавшее нашу церковь, словомъ, во время гнета людей XVIII вѣка, грубоневѣжественныхъ внизу и тонко невѣжественныхъ и кромѣ того еретичествующихъ наверху, сохранило свою общую дѣеспособность, постоянно совершало юридическія сдѣлки и вело торговлю.

§ 47. Масса иноковъ была фактически въ такомъ же положеніи. Разница заключалась лишь въ томъ, что въ ряды черной братіи постоянно поступали лица изъ богатыхъ и знатныхъ родовъ. Нѣкоторые, какъ князь Васіанъ Патрикѣевъ, Ртищевъ, Ордынъ-Нащокинъ, шли добровольно, или утомившись жизнью, или желая служить на этомъ поприщѣ, другіе, какъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, насильно постригались изъ правительственныхъ видовъ. Большинство этихъ лицъ сохраняли за собой свои вотчины, приносили въ монастырь большое движимое имущество, иногда даже приводили своихъ холоповъ — вспомнимъ какъ писалъ Иванъ Грозный въ Кирилловъ Монастырь посланіе о поведеніи насильно постриженныхъ туда Шереметева и Хабарова. „У Шереметева и десятый холопъ, что въ кельи живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ“. Законодательство Московскаго государства, кромѣ постановленій Стоглава и отдѣльныхъ архипастырей, не ограничивало до половины XVII вѣка право- и дѣеспособности иноковъ самихъ по себѣ. Но Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича запрещаетъ, во-первыхъ, при постриженіи отдавать свои вотчины, родовыя, или выслуженныя, или купленныя, въ монастыри, и самимъ владѣть ими, требуетъ, чтобы родовыя и жалованныя вотчины переходили къ законнымъ наслѣдни-

---

[1]) Ср. Неволинъ, П. С. С., т. IV, стр. 138. Хотя уже Уложеніе запрещаетъ духовенству, ниже протопоповъ, а равно церковнослужителямъ, имѣть холоповъ (Ул. XX, 104).

[2]) Ук. 1743 г. декабря 16, п. 12 (П. С. З., № 8836).

камъ, а благопріобрѣтенныя, кромѣ того, могли быть подарены или проданы [1]). То же самое должны были сдѣлать монахи вотчинники, постриженные до этого указа [2]). При этомъ обращаютъ наше вниманіе слѣдующія условія. Согласно ст. 43 гл. XVII Уложенія, наслѣдники, получающіе по праву законнаго наслѣдованія вотчины постригающихся, должны кормить, поить и одѣвать сихъ послѣднихъ. Значитъ, это не есть долгъ монастыря. У инока свое движимое имущество. Это еще подтверждается тѣмъ, что благопріобрѣтенное имѣніе постригающійся могъ продать и деньги, очевидно, оставить при себѣ. Ст. 44 той же главы предлагается инокамъ, имѣющимъ вотчины, продать ихъ или уступить. Значитъ и по Уложенію монахи признаются юридически дѣеспособными лицами, могущими совершать юридическія сдѣлки.

VI. Князь и служилые люди.

§ 48. Высшіе классы древнѣйшей Руси, т.-е. бояре, дружинники и вообще свободныя лица изъ числа княжескихъ слугъ, сами князья и высшіе представители городского и сельскаго населенія, равно какъ и служилое сословіе Московскаго государства всѣхъ чиновъ и наименованій, по общему признанію, пользовались наибольшею суммою право- и дѣеспособности [3]). Эта истина не требуетъ доказательствъ, и историческіе памятники сообщаютъ постоянно о землевладѣніи этихъ лицъ, ими полны писцовыя книги, и въ большинствѣ актовъ, дошедшихъ до насъ, есть или прямое, или косвенное упоминаніе объ юридическихъ ихъ сдѣлкахъ. Поэтому нашему обозрѣнію долженъ подлежать не вопросъ о размѣрѣ право- и дѣеспособности высшихъ классовъ и служилаго сословія Руси, а объ ограниченіи этой право- и дѣеспособности. Есть полное основаніе предполагать, что въ самое древнее время какъ сами князья, такъ и ихъ слуги, а равно высшіе классы городского и сель-

---

[1]) Гл. XVII, ст. 43.

[2]) Гл. XVII, ст. 44.

[3]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ". К. 1900, стр. 136—137. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 338 и сл.; 364 и сл. (изд. 2).

скаго населенія были лично вполнѣ правоспособны, и въ цивильномъ отношеніи подвергалась ограниченію не ихъ дѣеспособность, а извѣстныя ограниченія были неразрывно связаны съ нѣкоторыми разрядами земель, имъ принадлежавшими и зависѣли отъ способа пріобрѣтенія этихъ земель.

Единственнымъ ограниченіемъ цивильной правоспособности князя въ періодъ домосковскій, да и то извѣстное намъ лишь по договорамъ XIV вѣка, проистекало изъ основаній права не гражданскаго, а международнаго или, вѣрнѣе, изъ условій тогдашней международной политики: это запрещеніе гласило „а закладней ти въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи не держати, ни грамотъ не давати", „а селъ тебѣ въ моемъ удѣлѣ не купити, ни твоей княгини, ни твоимъ дѣтямъ, ни боярамъ" [1]). Повторяемъ, истинно цивильнаго характера оно не носило и запрещало лишь, по взаимному соглашенію двухъ князей-государей, имѣть каждому изъ нихъ недвижимую собственность и вассаловъ въ удѣлѣ другого. Прямыхъ свидѣтельствъ объ ограниченіи право- и дѣеспособности бояръ и др. лицъ высшаго класса древнѣйшей Руси мы не имѣемъ. Но, во-первыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ самаго такъ называемаго призванія князей мы видимъ практику пожалованія князьями земель своимъ боярамъ, дружинникамъ и другимъ слугамъ [2]). Мы не рѣшаемся утверждать, чтобы путемъ пожалованья создалось наше первое землевладѣніе; это мнѣніе въ достаточной степени опровергнуто еще К. А. Неволинымъ [3]), но несомнѣнно, что уже первые князья постарались посадить своихъ дружинниковъ намѣстниками въ завоеванные города [4]). Мы не хотимъ распространительно толковать и этого извѣстія источниковъ и ставить кормленья въ связь съ помѣстною системою, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи [5]); признавая, что кормленье и помѣстье имѣютъ совершенно

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. 27 и др.

[2]) Ср. А. Рейцъ, стр. 69, пр. 2.

[3]) П. С. С., т. 4, стр. 135.

[4]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 370 (изд. 2).

[5]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума". М. 1883, стр. 116, а за нимъ и С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI в.". Спб. 1897, стр. 16, пр. 2.

разныя основанія, мы тѣмъ не менѣе не считаемъ возможнымъ не указать на то, что при устройствѣ управленія по системѣ ленной, та же система, по всей вѣроятности примѣнялась и къ землевладѣнію. Впрочемъ, во все время господства права отъѣзда вольныхъ слугъ ихъ правоспособность постоянно ограждалась княжескими договорами и на ряду съ запрещеніемъ боярамъ и слугамъ одного князя покупать вотчины въ предѣлахъ другого княженія мы встрѣчаемся и съ требованіемъ, чтобы отъѣздъ служилаго человѣка не вліялъ на его права по отношенію къ недвижимой собственности въ предѣлахъ покидаемаго имъ княжества [1]). Первые несомнѣнные слѣды ограниченія право- и дѣеспособности служилыхъ людей мы встрѣчаемъ лишь съ развитіемъ государственности, съ образованіемъ изъ нихъ сословія и возложенія опредѣленнаго служенія государству. Это произошло сперва въ Великомъ Новгородѣ, а затѣмъ, и съ особою силой, въ Москвѣ. Въ Новгородѣ, во-первыхъ, мы встрѣчаемъ ограниченія права свободнаго отъѣзда и конфискацію земель, принадлежавшихъ отъѣзжавшимъ боярамъ [2]). Затѣмъ, это ограниченіе вошло и въ практику Московскаго государства [3]). Въ этомъ послѣднемъ до полнаго сліянія отдѣльныхъ покоренныхъ и присоединенныхъ областей въ одно цѣлое, до второй половины XVI вѣка, господствовали ограниченія въ отчужденіи недвижимой собственности служилыми людьми одной области служилымъ людямъ другой, хотя эти области уже входили въ составъ Московскаго государства [4]). Прежде, чѣмъ разсматривать дальнѣйшія ограниченія служилаго сословія въ его цивильной право- и дѣеспособности, долгомъ считаемъ указать слѣдующее: въ отношеніи служилыхъ людей Московскаго государства слѣдуетъ различать ограниченія: 1) вытекавшія изъ ихъ положенія въ государствѣ и 2) изъ качествъ находящихся въ ихъ обладаніи земель. Поэтому, хотя помѣстья почти исключительно жаловались служилымъ людямъ, но ограниченія этихъ послѣднихъ

---

[1]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 33, 66 и др.
[2]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I, стр. 316.
[3]) Ibid., стр. 317 и слѣд.
[4]) К. А. Неволинъ, П. С. С., т. IV, стр. 141.

въ правѣ распоряженія и пользованія помѣстными землями не могутъ быть разсматриваемы, какъ ограниченія право- и дѣеспособности служилыхъ людей, а какъ ограниченія гражданской оборотности помѣстныхъ земель. Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы, говоря о служилыхъ людяхъ, будемъ имѣть въ виду лишь ихъ право- и дѣеспособность по отношенію къ вотчинамъ и юридическимъ сдѣлкамъ.

§ 49. Послѣ первыхъ ограниченій въ правѣ отчужденія вотчинъ лицамъ изъ другихъ областей,—ограниченій, какъ мы видѣли, вытекавшихъ лишь изъ неполнаго сознанія единства государственнаго, Московское правительство, въ своихъ стараніяхъ обратить всѣхъ своихъ подданныхъ на наиболѣе интенсивную работу въ пользу государства съ наименьшими затратами со стороны государства, обратило большое вниманіе на характеръ и развитіе служилаго землевладѣнія, какъ на источникъ служебной годности и дѣеспособности. Во-первыхъ, Московское правительство съ особымъ тщаніемъ жалуетъ въ вотчины земли и эти вотчины связываются извѣстными ограниченіями. К. А. Неволинъ указалъ, что первыя достовѣрныя данныя о жалованныхъ вотчинахъ относятся къ XIV вѣку [1]). В. И. Сергѣевичъ высказалъ мнѣніе, что тутъ рѣчь шла о кормленьяхъ. Собственно же служилыя вотчины начались жаловаться не ранѣе XVI вѣка [2]). С. В. Рождественскій отмѣтилъ, что должно различать вотчины въ собственномъ значеніи этого слова, т.-е. недвижимое имущество, принадлежащее данному лицу на правѣ полной собственности и не влекущее за собою никакихъ ограниченій, и наслѣдственное имущество, сопряженное съ нѣкоторыми обязательствами въ пользу государства. Это послѣднее мы несомнѣнно встрѣчаемъ много ранѣе XVI в., и должно быть принято мнѣніе К. А. Неволина [3]). Наконецъ явилось еще особое вотчинное землевладѣніе, это—землевладѣніе служилыхъ князей [4]). По справедливому объясненію С. В. Рожде-

---

[1]) П. С. С. IV, стр. 172.

[2]) Юр. Др., I, стр. 347 прим. и слѣд.

[3]) „Служилое землевлад. въ Моск. госуд. XVI в.“. Спб. 1897, стр. 49—50.

[4]) Юр. Др., II, в. I, стр. 302 и сл.

ственскаго [1]), они сливались съ группою вотчинниковъ ограниченныхъ службою, хотя и по другимъ основаніямъ, вытекавшимъ не изъ акта пожалованья земель, а изъ акта отреченія отъ правъ правительственныхъ въ своихъ вотчинахъ. Исходя изъ практики служилаго жалованнаго землевладѣнія, Московское правительство очень скоро стало смотрѣть на всѣ вотчины служилыхъ людей, находящіяся у нихъ въ полной собственности, какъ на объектъ своей регламентаціи. Первое такое ограниченіе, появившееся въ XVI вѣкѣ, коснулось выслуженныхъ и княжескихъ вотчинъ. Именно, извѣстными указами 1562 и 1573 гг. [2]) владѣльцы этихъ вотчинъ ограничивались въ правахъ распоряженія, какъ inter vivos, такъ и на случай смерти.

Второй изъ упомянутыхъ указовъ расширяетъ дѣйствіе перваго на всю территорію Московскаго государства по отношенію къ служебнымъ князьямъ и служебнымъ вотчинникамъ. Во-первыхъ, этими указами окончательно устанавливалось [3]), что жалованная вотчина только тогда переходитъ по наслѣдству, если объ этомъ упомянуто въ жалованной грамотѣ. Въ противномъ случаѣ, или при отсутствіи грамоты, вотчина по смерти вотчиника, даже при наличности вдовы и нисходящихъ, считается выморочной и переходитъ въ казну. Далѣе, права наслѣдованія ограничивались 4-й степенью родства [4]). Права служилыхъ князей ограничивались еще болѣе: именно они спеціально лишались права продавать, мѣнять и давать за дочерьми и сестрами въ приданое свои вотчины. Сдѣлка продажи имѣнія считалась недѣйствительной и вотчина безденежно отбиралась на государя. А приданое давалось изъ движимаго имущества князя (животовъ) и при отсутствіи его уплачивалось государемъ, смотря по вотчинѣ, отбираемой въ казну. Также были ограничены права пожизненнаго пользо-

---

[1]) Op. cit., стр. 59.

[2]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. III, стр. 28—34.

[3]) Первый намекъ на это ограниченіе былъ въ Соборномъ приговорѣ 1551 г. (А. А. Э., I, стр. 218). См. „Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 28, пр. 89.

[4]) И это разъясненіе болѣе ранняго ограниченія, высказаннаго въ Судебникѣ. Ср. Владим.-Будановъ, „Хрест.“, III, стр. 33—34, пр. 103 и С. В. Рождественскій, op. cit., стр. 77.

ванія землею вдовою князя усмотрѣніемъ государя. Приведенные указы впослѣдствіи не были отмѣнены, но при постепенномъ сліяніи къ срединѣ XVII вѣка родовъ служебныхъ князей съ высшими разрядами вольныхъ слугъ потеряли свое значеніе. Вообще въ XVII вѣкѣ мы видимъ расширеніе правъ служилыхъ людей на выслуженныя (жалованныя) вотчины, которое проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ ставитъ въ связь со смутнымъ временемъ и съ усиленіемъ значенія служилыхъ людей [1]). Именно по Указу 1620 года было приказано, чтобы грамота на эти вотчины выдавалась по новой формѣ, которая сообщала такія права, что вотчины приравнивались къ благопріобрѣтеннымъ, т.-е. поступали въ полную собственность владѣльца [2]). Даже по этому указу дозволено было отдавать и продавать выслуженныя вотчины въ монастыри. Но затѣмъ Уложеніе, объединивъ, по возможности, отдѣльные указы по вопросу о вотчинахъ, окончательно раздѣлило всѣ вотчины на два разряда: родовыя и выслуженныя съ одной стороны и купленныя (благопріобрѣтенныя) съ другой. Право распоряженія вторыми было не ограничено. Первыя же подлежали нѣкоторымъ ограниченіямъ: онѣ не могли быть проданы, подарены и завѣщаны на поминъ души въ монастырь [3]), подлежали родовому наслѣдованію и родовому выкупу [4]). Указомъ же 1679 года запрещено безвозмездное отчужденіе выслуженныхъ и родовыхъ вотчинъ помимо законныхъ наслѣдниковъ [5]). Всѣ эти постановленія вошли и въ дѣйствующее право.

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что служилые люди Московскаго государства, такъ же какъ и періода домосковскаго, были имущественно право- и дѣеспособны и могли совершать юридическія сдѣлки на недвижимое имущество, если только послѣднее не подлежало ограниченіямъ. Очевидно, что всѣ сдѣлки, нарушающія вышеприведенные указы о служилыхъ вотчинахъ и родовыхъ, были недѣйствительны, но недѣйстви-

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 578—579.
[2]) Владимірскій-Будановъ, „Хрест.“, в. III, стр. 206—207.
[3]) Улож. XVII, ст. 42.
[4]) Улож. XVII, ст. ст. 1, 2, 3, 4 и др.
[5]) П. С. З., № 765.

тельны не по недѣеспособности служилыхъ людей, а по качеству вотчинъ, такъ же какъ ихъ сдѣлки на помѣстья. К. А. Неволинъ приводитъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ ограничительныхъ указовъ относительно права распоряженія вотчинами въ той или иной мѣстности Московскаго государства и по отношенію къ сдѣлкамъ съ иноземцами и иновѣрцами [1]). Равнымъ образомъ, служилые люди были вполнѣ дѣеспособны и по сдѣлкамъ на движимое имущество, и нѣкоторому ограниченію подлежало лишь ихъ право распоряжаться самимъ собою, если отъ этого страдали интересы государства. Именно по Судебнику 1550 г. было запрещено брать и давать служилыя кабалы на служилыхъ людей, если только эти послѣдніе не освобождены царемъ отъ службы [2]). Это запрещеніе влекло за собою совсѣмъ нежелательныя для служилыхъ людей послѣдствія при искѣ съ нихъ по долговымъ обязательствамъ въ видѣ безпощаднаго правежа [3]). Засимъ, повторимъ еще разъ, что громадное большинство дошедшихъ до насъ актовъ частныхъ сдѣлокъ заключено отъ имени или упоминаютъ служилыхъ людей.

§ 50. Въ заключеніе вопроса о право- и дѣеспособности служилыхъ людей намъ надлежитъ коснуться одного весьма спорнаго вопроса, такъ какъ безъ рѣшенія его нельзя точно сказать, кто именно былъ субъектомъ дѣеспособности служилыхъ людей — отдѣльныя ли личности или коллективныя единицы. Вопросъ о развитіи индивидуальной личности въ русскомъ правѣ возникалъ не разъ и вообще по отношенію къ субъектамъ права. Но такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ родовыми вотчинами преимущественно при изученіи имущественныхъ правъ служилыхъ людей, то здѣсь и возникали, въ особенности, разсужденія о значеніи рода и семьи въ имущественной сферѣ [4]). Проф. М. Ф. Вла-

[1]) П. С. С., т. IV, стр. 142—147.

[2]) Ст. 81 Суд. („Хрест." Владим.-Буд., II, стр. 167).

[3]) Улож. X, ст. 264.

[4]) Мы говоримъ „преимущественно", такъ какъ о семейныхъ имуществахъ поднималась рѣчь и при изученіи крестьянскаго права, напр., Ивановъ, „Къ исторіи кр. землевл. на сѣверѣ Россіи въ XVII в.", стр. 416 („Древности". Тр. Арх. Ком. И. М. А. О., I, в. III), мы будемъ объ этомъ говорить въ слѣдующей главѣ; а вообще родовыя имущества, по нашему мнѣнію, могли имѣть и не исключительно служилые люди, а всѣ, кто могъ имѣть вотчины.

димірскій-Будановъ замѣчаетъ по поводу родовыхъ вотчинъ, что родовая вотчина является результатомъ родового совладѣнія [1]), и старается опровергнуть мнѣнія К. А. Неволина и В. И. Сергѣевича, не видѣвшихъ необходимости для объясненія родового выкупа строить praesumptio родового совладѣнія [2]). Проф. В. И. Сергѣевичъ совершенно правъ, указывая, что сдѣлка купли-продажи по древнему русскому праву не была безповоротной. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ по этому поводу заключаетъ, что о выкупѣ должно было быть оговорено въ актѣ, въ купчей [3]). Уважаемый ученый ошибается: въ купчихъ грамотахъ именно всегда обозначалось отреченіе отъ права выкупа: „а купилъ если себѣ и дѣтямъ безъ выкупа“ [4]). „А нѣтъ до того моего двора дѣла роду моему ни племени никому“ [5]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе полагать, что безъ такой оговорки сдѣлка не была окончательной. Древнѣйшіе памятники, какъ, напримѣръ, Псковская Судная Грамота [6]), говорятъ о выкупѣ отчужденнаго имущества вообще. Поэтому, не отрицая по существу того воззрѣнія, что древняя Русь не знала той индивидуальности въ правѣ, какъ напримѣръ право Юстиніана, мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ узаконенія о родовомъ выкупѣ по отношенію къ опредѣленнымъ сородичамъ (боковыхъ линій) появились въ Царскомъ Судебникѣ 1550 г. [7]) въ видѣ ограниченія и урегулированія этого института. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ замѣчаетъ, что если бы родовой выкупъ проистекалъ изъ неокончательной силы купчей, то онъ давалъ бы право на выкупъ прежде всего висходящимъ [8]). Почему? Въ той формѣ какъ

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 562—572.

[2]) К. А. Неволинъ, П. С. С., т. IV, стр. 161—162; В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣд. Спб. 1899, стр. 411 и слѣд.

[3]) Op. cit., стр. 566, пр. 2.

[4]) А. о. до Юр. Др., № 147, VIII.

[5]) С. А. Шумаковъ, „Угличскіе акты“, стр. 109, № LX.

[6]) Ст. ст. 13 и 104 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 136 и 169).

[7]) Ст. 85 („Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 169—172).

[8]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 566, пр. 2. Мы полагаемъ, что именно для ограниченія выкупа устранены были висходящія, какъ наиболѣе заинтересованныя въ сдѣлкѣ лица.

родовый выкупъ установленъ въ 1550 г., онъ существуетъ донынѣ и признанъ, при изданіи Свода Закона, цѣлесообразнымъ. Почему мы должны признавать, что цѣлесообразный законъ не могъ быть изданъ Московскимъ правительствомъ XVI вѣка? Къ этому соображенію слѣдуетъ присовокупить еще слѣдующее: былъ ли законъ о родовомъ выкупѣ закономъ безусловнымъ или могъ быть отмѣняемъ путемъ частнаго соглашенія. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ полагаетъ, что эта форма переживанія—отголосокъ старины [1]). Мы сомнѣваемся въ этомъ. Точныя и подробныя условія купчихъ „а нѣтъ до того моего двора дѣла роду моему ни племени никому“ съ прибавленіемъ иногда: „а кто въ тотъ мой дворъ учнетъ вступаться родъ мой и племя... и мнѣ тотъ дворъ очищати“ [2]). И такія выраженія мы встрѣчаемъ въ очень многихъ актахъ о куплѣ-продажѣ недвижимостей XVII в. и даже послѣ Уложенія [3]). Встрѣчается актъ, гдѣ продавецъ обязываетъ и своихъ дѣтей очищать продаваемую вотчину отъ выкупа родственника [4]). Какой же смыслъ законовъ о родовомъ выкупѣ? Мы полагаемъ, во-первыхъ, что они существовали на случай отсутствія вышеприведенныхъ оговорокъ, которыя, какъ ни были распространены, являлись изъятіями изъ общаго права, а во-вторыхъ, должны замѣтить, что повидимому дѣйствіе родового выкупа не имѣло мѣста при жизни продавца и что вообще „дѣлъ“ о родовомъ выкупѣ до насъ не дошло.

VII. Иностранцы и иновѣрцы.

§ 51. Послѣднимъ вопросомъ, который мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть при изученіи дѣеспособности физическихъ лицъ, является вопросъ о право- и дѣеспособности иностранцевъ и иновѣрцевъ въ допетровской Руси. Мы ихъ считаемъ

---

[1]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 568 пр.

[2]) С. Шумаковъ, loco cit. 1613 года.

[3]) См., напр., ibid., № LX, стр. 109. Ср. данную 1686 г., ibid., № XLVIII, стр. 89.

[4]) С. Шумаковъ, „Угличскіе акты“, № LVII, стр. 105.

необходимымъ разсматривать вмѣстѣ, ибо какъ въ историческомъ своемъ развитіи, такъ даже и въ современномъ положеніи вліяніе иноземнаго происхожденія лицъ и ихъ религіи на ихъ права въ Россіи взаимно перекрещиваются и часто необъяснимы одно безъ другого. Несмотря на кровавый эпизодъ смерти христіанина-варяга въ Кіевѣ при Владимірѣ Святославичѣ, намъ кажется, что должно признать и на Руси языческой свободу исповѣданія. Во-первыхъ, мы знаемъ, что христіане свободно селились въ городахъ, имѣли даже въ Кіевѣ свою церковь. Княгиня Ольга, при сынѣ-язычникѣ, была христіанка. Кромѣ христіанъ, на Руси жили и магометане-болгары и іудействующіе - хозары, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго свидѣтельства о враждебномъ отношеніи славянъ-язычниковъ къ другимъ исповѣданіямъ. Упомянутый только-что варягъ, въ сущности, не можетъ служить доказательствомъ противнаго, такъ какъ толпа его убила не за его религію, а за неподчиненіе общему приговору о принесеніи въ жертву его сына.

Причиной такого порядка вещей слѣдуетъ признать то обстоятельство, что славяне, обоготворявшіе грозныя силы природы, не имѣли ни строгаго религіознаго кодекса, ни сформированной касты жрецовъ. На это неоднократно указывалось въ литературѣ [1]), какъ на объясненіе легкаго принятія христіанства „Русью“ изъ Византіи. И съ принятіемъ христіанства мы не встрѣчаемъ стѣсненій въ этой области съ точки зрѣнія ограниченія право- и дѣеспособности. Проповѣди первыхъ русскихъ отцовъ церкви неоднократно касаются отношенія къ язычникамъ и къ іудеямъ, рѣзко обличая ихъ и предостерегая православныхъ отъ соблазна и даже сближенія съ ними. Но тотъ фактъ, что Св. Ѳеодосій печерскій ходилъ „ругаться“ съ жидами, чтобы пріять мученическую кончину, что въ Кіевѣ были „жидовскія ворота“, наконецъ постоянныя, часто дружескія (во время перемирій) сношенія съ язычниками - половцами) показываютъ, что христіанство не мѣшало нехристіанамъ жить на Руси и пользоваться всѣми правами христіанъ. Въ законодательныхъ памятникахъ этого вре-

[1]) Гавр. Успенскій, „Опытъ повѣств. о древ. русскихъ“. Хар. 1818, стр. 411 и сл.

мени, мы также не встрѣчаемъ какихъ-либо ограниченій для нехристіанъ.

§ 52. Послѣ раздѣленія церквей духовенство древней Руси, имѣвшее постоянныя сношенія съ Византіей, первое время подчиненное константинопольскому патріарху, иногда греческое родомъ, вступило въ жаркую полемику съ латинянами. Уже Ѳеодосій Печерскій говоритъ: „а сущему въ иной вѣрѣ, ли въ латинской, ли въ армяньской, ли въ срачиньской, нѣсть видѣти жизни вѣчныя, ни части со святыми“ [1]), ставя на одну доску католиковъ съ магометанами и совѣтуя воздерживаться отъ всякаго съ ними общенія. Причиною такого отношенія являются догматическія разногласія: послѣ латинянъ надо мыть посуду, „занеже не право вѣруютъ и нечисто живутъ, ядятъ со псы... ядятъ же львы и дикія кони... и мертвечину... а въ говѣнье ядятъ мяса, пущаюче въ воду... А глаголетъ Духа Святаго исходяща отъ Отца и отъ Сына“ [2])... Мы видимъ тутъ удивительное смѣшеніе полученнаго изъ полемической литературы догматическаго раздора съ фантастическими представленіями о нечистотахъ человѣка. Это понятно. Для монаха печерскаго было еще трудно выдѣлить въ полемикѣ чисто догматическую сторону. Еще труднѣе было понять этотъ споръ мірянамъ. Приведенное посланіе Св. Ѳеодосія написано на запросъ князя Изяслава. Въ Кіевѣ жило много латинянъ: ляховъ, угровъ и др., и они открыто исповѣдывали свою вѣру. Въ 1231 году былъ даже съ разрѣшенія князя Владиміра Рюриковича основанъ имъ близъ Кіева доминиканскій Богородицкій монастырь. Впрочемъ вѣротерпимость нашихъ предковъ не переходила въ индифферентизмъ, и тотъ же князь, узнавъ, что доминиканцы начали со свойственной католикамъ жаждой прозелитизма порицать православіе, въ 1233 г. выгналъ ихъ изъ обители и запретилъ туда возвращаться [3]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе полагать, что

---

[1]) „Ист. хрест.“ Галахова, стр. 20—22. Ср. Макарій, „Ист. русск. ц.“, II, стр. 290—291.

[2]) Ibid.

[3]) М. Красноженъ, „Иновѣрцы на Руси“, т. I. Юрьевъ. 1900, стр. 69, пр. 1.

въ древнѣйшей Руси была полная вѣротерпимость, при понятномъ запрещеніи прозелитизма инославными и иновѣрцами. Цивильная право- и дѣеспособность инославныхъ и иновѣрцевъ нигдѣ ограничены не были. То же, что̀ мы замѣчаемъ въ Кіевѣ, находимъ мы и въ Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ, — городахъ, постоянно имѣвшихъ сношенія съ западной Европой. Но тамъ уже съ понятіемъ латинянина стало связываться не только представленіе о религіозной розни, но и понятіе чужеземца, чего въ Кіевѣ мы еще не замѣчали. Мы знаемъ, что въ Смоленскѣ была также католическая церковь [1]). И въ Новгородѣ Великомъ, также какъ и во всей его области существовала, первоначально, свобода строить церкви католическія. Въ Новгородѣ упоминаются варяжскія церкви подъ 1156 и 1181 гг. [2]). Въ договорахъ съ иностранными купцами установляются условія, на которыхъ они привозятъ и содержатъ своихъ священниковъ и дается полная свобода отправлять свое богослуженіе [3]). Но затѣмъ мы замѣчаемъ измѣненіе отношеній къ католицизму. Пока католики являлись въ видѣ иностранцевъ, чужихъ людей, постоянно смѣнявшихся, они были вполнѣ терпимы. Но вотъ, въ пылу борьбы за свою самостоятельность, Новгородъ рѣшился на тяжелый шагъ перехода подъ власть польскаго короля. И въ заключенномъ съ нимъ договорѣ, подъ 1471 годомъ, мы читаемъ: „А у насъ тебѣ, честны король, вѣры гречьскіе православные нашей не отъимати; а гдѣ будетъ намъ Великому Новгороду любо въ своемъ православномъ крестьянствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли; а римскихъ церквей тебѣ, честный король, въ Великомъ Новгородѣ не ставити, ни по пригородамъ новгородцкимъ, ни по всей земли новгородцкой“ [4]). Это уже была самооборона, выходившая не изъ нетерпимости, а изъ-за боязни прозелитизма католиковъ, столь выразившагося въ сосѣдней Литвѣ. Во Псковѣ, по всей вѣ-

---

[1]) В. Андреевскій, „О правахъ иностранцевъ въ Россіи“. Спб. 1854, стр. 110.

[2]) П. С. Р. Л., т. III (Нов. г. 1-я), стр. 12, 18.

[3]) И. Андреевскій, op. cit., стр. 89.

[4]) Ст. 23 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 208—209).

роятности, иностранцы пользовались тѣми же правами по отправленію своего богослуженія, по крайней мѣрѣ, пока Псковъ былъ пригородомъ Новгорода. Впрочемъ документальныхъ данныхъ объ этомъ мы не имѣемъ [1]). Въ Московскомъ государствѣ мы также замѣчаемъ весьма терпимое отношеніе къ иновѣрцамъ. Мы знаемъ, что магометане, католики, лютеране никогда не терпѣли никакихъ стѣсненій за свою вѣру. Въ завоеванныхъ городахъ Ливоніи было сохранено безпрепятственное отправленіе лютеранскаго богослуженія [2]). Присутствіе на службѣ магометанъ (Черкасскіе Годуновы) извѣстный фактъ. Олеарій сообщаетъ, что лютеране, кальвинисты, армяне, татары, персіяны, турки пользовались свободой вѣроисповѣданія [3]). Что касается до католиковъ, то и они не преслѣдовались за свою религію. Но отношеніе къ нимъ, благодаря постоянной пропагандѣ Рима и притѣсненіямъ православныхъ въ Литвѣ и Польшѣ, какъ это подробно объяснено проф. Красноженомъ [4]), было менѣе дружелюбное, чѣмъ къ другимъ. Впрочемъ это отношеніе выражалось, какъ мы сказали, не въ преслѣдованіяхъ. „Вѣры у французскихъ торговыхъ людей царское величество не отнимаетъ, оставаться имъ въ своей вѣрѣ, но попамъ и учителямъ ксендзамъ іезуитамъ и службѣ римской для нихъ въ Россійскомъ государствѣ нигдѣ не быть“ [5]). Просто ихъ опасались, избѣгали имѣть съ ними дѣло [6]). Затѣмъ мы знаемъ, что въ Москвѣ допускалось отправленіе католическаго богослуженія, но не въ костелахъ, а на дому и безъ участія ксендзовъ [7]). Впрочемъ съ 1692 г. и эти послѣдніе появились и подъ покровительствомъ служилыхъ католиковъ шотландцевъ, Гордона, Менезія и др., стали открыто отправлять богослуженіе, несмотря на спеціальное запре-

---

[1]) И. Андреевскій, op. cit., стр. 108—109.

[2]) Д. Цвѣтаевъ, „Къ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вв.“. М. 1886, стр. 93.

[3]) „Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства“. М. 1870, кн. III.

[4]) „Иновѣрцы на Руси“, т. I, Юрьевъ. 1900, стр. 73—82.

[5]) Op. cit., стр. 304.

[6]) Красноженъ, op. cit., стр. 80—81.

[7]) Д. Цвѣтаевъ, „Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи XVI и XVII вв.“. М. 1885, стр. 34—35.

щеніе Петра Великаго [1]). Протестанты же пользуются въ Москвѣ полной свободой богослуженія. Первая кирка была построена въ 1575 году, въ 2-хъ верстахъ отъ Кремля [2]). Причина этому весьма характерно приведена въ отвѣтѣ Посольскаго приказа 1695 года на ходатайство католиковъ о костелѣ: „А люторы и кальвины, хотя отстоятъ еретичествомъ своимъ отъ восточнаго благочестія далѣ католиковъ, однакожъ, противности отъ нихъ Грекороссійскому благочестію нѣтъ и ни въ какія духовныя дѣла они не вступаютца“ [3]). Въ виду всего вышесказаннаго, мы можемъ уже a priori предположить, что религія не оказывала вліянія въ допетровской Руси на право- и дѣеспособность лица. И дѣйствительно, мы имѣемъ полное право сказать, что иностранцы-иновѣрцы въ древней Руси не имѣли никакихъ ограниченій въ своей цивильной право- и дѣеспособности по своей вѣрѣ. Ихъ юридическое положеніе опредѣлялось тѣмъ, что они иностранцы, а не иновѣрцы. Что касается до русскихъ подданныхъ, то при запрещеніи иновѣрной пропаганды, если бы случился переходъ православнаго въ католичество или въ лютеранство, то онъ былъ бы за это подвергнутъ жестокому наказанію и всегда бы разсматривался не какъ иновѣрецъ, а какъ согрѣшившій православный [4]). Что же касается до иновѣрцевъ, лютеранъ, католиковъ, магометанъ и язычниковъ покоренныхъ областей, то за ними были сохранены всѣ гражданскія права.

§ 53. Теперь мы можемъ перейти къ вопросу о право- и дѣеспособности иностранцевъ. Прежде всего, для выясненія того, что̀ подъ словомъ иностранцы разумѣлось въ домонгольской Руси, обратимъ вниманіе на слова проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова [5]), что подъ иноземцами въ то время разумѣли жителей иныхъ русскихъ княженій, а подъ чужеземцами то, что̀ мы теперь разумѣемъ подъ словомъ иностранецъ. По этому по-

---

[1]) Д. Цвѣтаевъ, „Изъ исторіи иностр. испов. въ Россіи“, стр. 427—428.

[2]) Красноженъ, op. cit., стр. 85.

[3]) Д. Цвѣтаевъ, „Исторія иностр. испов.“, стр. XXXVII.

[4]) Ср. Ул. гл. I. Объ общеніи съ иностранцами см. Красноженъ, op. cit., стр. 95 и слѣд.

[5]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 373.

воду долгомъ считаемъ указать, что такого строгаго раздѣленія этихъ понятій мы не замѣчаемъ и для домонгольской Руси.

Во-первыхъ, въ приведенныхъ уважаемымъ ученымъ цитатахъ изъ Новгородской судной грамоты (ст. 22) и договора Новгорода съ. королемъ Казиміромъ (ст. 19) нельзя сдѣлать вывода объ упомянутыхъ терминахъ. Въ означенныхъ мѣстахъ упомянутыхъ памятниковъ [1]) идетъ рѣчь объ ограниченіяхъ въ право- и дѣеспособности князей, ихъ родственниковъ и слугъ изъ одного княженія въ предѣлахъ другого княженія, на что́ мы уже выше указывали и къ чему далѣе вернемся, и объ ограниченіи правъ Псковитянъ въ Новгородѣ. Объясненія же приведенныхъ терминовъ: иноземецъ и чужеземецъ нѣтъ. Напротивъ, изъ того, что мы знаемъ о положеніи древнѣйшихъ русскихъ волостей, мы считаемъ возможнымъ заключить, что не могло быть, за исключеніемъ особыхъ постановленій и спеціальныхъ законовъ, общей регламентаціи право- и дѣеспособности иностранцевъ. Именно, благодаря постоянно замѣчаемой въ нашей исторіи подвижности въ составѣ волости—княженія, то соединенію нѣсколькихъ волостей, то дробленію и т. д. [2]), самое понятіе иностранца не могло быть примѣняемо къ русскимъ жителямъ отдѣльныхъ княженій, такъ какъ вчерашній врагъ сегодня могъ быть жителемъ той же волости, не говоря объ общности языка и вѣры. Между тѣмъ, несомнѣнно, мы встрѣчаемъ рядъ указаній на ограниченія въ правахъ жителей иныхъ княженій въ предѣлахъ даннаго, встрѣчаемъ на ряду съ признаніемъ политической независимости самихъ княженій. Такъ Русская Правда говоритъ: „А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть“ (ст. 35 Тр. сп.). Но въ той же Русской Правдѣ и вообще „городъ“ противополагается волостной землѣ—уѣзду: сводъ въ предѣлахъ города производится до конца, т.-е. до находки вора. По „землямъ“ же лишь до третьяго свода [3]). Засимъ мы встрѣчаемъ ограниченія въ правахъ Псковичей въ Новгородѣ, для Новгородцевъ и Псковичей въ Бѣлоозерѣ и т. п., о чемъ

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 190 и 207—208.
[2]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I, стр. 9—30.
[3]) Ст. 31. Тр. сп. Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 34.

будемъ говорить далѣе. Изученіе всѣхъ этихъ явленій наводитъ насъ на мысль, что нѣкоторыя ограниченія право- и дѣеспособности по отношенію лицъ изъ иныхъ княженій или областей опредѣлялись не столько политическимъ раздѣленіемъ этихъ областей, сколько другими обстоятельствами, т.-е. лица изъ иныхъ княженій разсматривались не какъ иностранцы. Постараемся подтвердить нашу мысль. Прежде всего обратимся къ существовавшему, повидимому, повсемѣстно обязательству князей изъ одного княженія не имѣть земельной собственности въ предѣлахъ другого, распространенное затѣмъ и на княжескую семью и княжескихъ слугъ. Самое условіе такого рода показываетъ, прежде всего, что по общему правилу предѣлы княженія (къ тому же очень неопредѣленные) не служили границами цивильной право- и дѣеспособности даннаго лица. Въ цѣломъ рядѣ договоровъ князья даже гарантировали неприкосновенность недвижимой собственности за слугами, отъ нихъ отъѣзжавшими на службу къ другому князю [1]). Засимъ, подобное же условіе заключалось не только между двумя князьями, но оно часто, именно въ Новгородѣ Великомъ, заключалось и между народомъ и своимъ княземъ [2]). Слѣдовательно, мы можемъ придти къ заключенію, что основаніемъ для указанныхъ ограниченій было не ученіе объ иностранномъ подданствѣ и т. п., а забота о неприкосновенности или внутренней независимости княжескаго управленія въ предѣлахъ своего княженія отъ вмѣшательства и покушеній другихъ князей [3]) или неприкосновенность, какъ въ Новгородѣ, республиканскаго государственнаго устройства. Сами князья не различали своихъ и чужихъ. Жители волости для нихъ были чужды, они одинаково относились и къ жителямъ своей и къ жителямъ враждебнаго княженія: „кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла“ —говорилъ Мстиславъ Владиміровичъ послѣ битвы съ Ярославомъ, про своихъ же сѣверянъ такъ же какъ про

---

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, № 33; А. И., I, № 40.

[2]) С. Г. Гр. и Д., I, №№ 4, 15 и др. „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 207—208, ст. 19.

[3]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I.

варяговъ Ярослава [1]). Но не такъ думаетъ о княжескихъ усобицахъ лѣтописецъ: „а земли Русской останокъ истратиша межи собою бранячися“ [2]).

Далѣе, намъ извѣстно ограниченіе правъ Псковитянъ въ Великомъ Новгородѣ. Именно, Новгородская Судная грамота говоритъ: „А Посковитину не послуховать, ни одерноватому холопу“... (ст. 22) [3]). Толковать это распространительно, какъ это дѣлаетъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, т.-е. полагать, что подъ Псковитиномъ надо разумѣть всякаго иноземца [4]), мы не имѣемъ никакого права. Изъ договора Новгорода съ нѣмцами 1195 г. [5]) мы знаемъ, что варяги могли быть послухами. То же самое мы видимъ въ Смоленскѣ, по договору 1229 г. [6]). Поэтому, врядъ ли будетъ основаніе предполагать, что права, предоставленнаго нѣмцамъ, были лишены въ Новгородѣ жители другихъ русскихъ волостей. Мы объясняемъ это ограниченіе Псковитянъ какъ спеціальный законъ, вызванный враждою къ своему бывшему пригороду, за сто лѣтъ передъ тѣмъ ставшимъ самостоятельнымъ городомъ и государствомъ. Въ 1495 году лѣтописецъ, подъ вліяніемъ Новгородскихъ симпатій, часто именуетъ Псковичей, за отпаденіе отъ Новгорода, лукавыми, лживыми, неразумными. Они „взбуяшаяся въ нестройнѣ умѣ“ [7]). Такъ сильна память въ Новгородѣ о прежнемъ подчиненномъ положеніи Пскова; то же, можетъ быть, отношеніе мы встрѣчаемъ и въ Новгородской Судной грамотѣ; къ этому надо еще прибавить, что это постановленіе могло сохраниться и отъ временъ подчиненности Пскова Новгороду. Въ Псковской Судной грамотѣ, въ свою очередь, есть постановленіе объ иностранцахъ, изложенное въ очень общей формѣ. Именно, ст. 105 этой грамоты говоритъ: „А которой чюжеземецъ на чюжеи земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того, на комъ ищутъ; хочетъ самъ по-

[1]) П. С. Р. Л., I, подъ 6532 г.
[2]) П. С. Р. Л., XVI (лѣтоп. Аврамки) подъ 6955 г. (стр. 190).
[3]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 190.
[4]) Ibid., стр. 190, прим. 28.
[5]) Ibid., стр. 95, ст. 10.
[6]) Ibid., стр. 102, ст. 13.
[7]) П. С. Р. Л., т. XVI, стр. 202, 213.

цѣлуетъ, какъ будетъ его не бил, ни грабили, іли ему оу креста положить, чего на немъ ищуть“ [1]). Тутъ можно полагать, что подъ словомъ чюжеземецъ разумѣется всякій не Псковитянинъ, какъ Русскій, такъ и Нѣмецъ или вообще иностранецъ въ тѣсномъ значеніи слова. Приведенная статья не даетъ льготы иностранцу, какъ это полагаетъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [2]), ибо изъ нея не видно, чтобы искъ былъ направленъ противъ чюжеземца же. Напротивъ, она явно предоставляетъ преимущество Псковитянину, давая ему право цѣловать крестъ безъ всякихъ иныхъ судебныхъ доказательствъ. Такое же право было предоставлено Русской Правдой русскому по отношенію варяга или колбяга [3]). Наконецъ, мы видимъ рядъ ограниченій право- и дѣеспособности жителей иныхъ княженій или областей одного и того же княженія, въ цѣляхъ экономическихъ и фискальныхъ. Перечислить ихъ не представляется возможности. Они сохранились, а отчасти и развились уже въ Московскомъ государствѣ и, очевидно, не могутъ быть объяснены изъ ограниченія „иностранцевъ“. Это привилегіи для отдѣльныхъ мѣстностей, охраняющія ихъ вотчинные интересы и ограничивающія торговлю иногороднихъ и иноземельныхъ купцовъ. Приведемъ примѣры [4]): Испомѣщенные на Бѣломъ Озерѣ смоленскіе служилые люди и казаки были лишены права продавать и мѣнять свои вотчины боярамъ, думнымъ людямъ и др. указомъ 1636 г. [5]). Это же правило было подтверждено впослѣдствіи неоднократно и вошло въ Уложеніе Царя Алексѣя Михаиловича [6]). Засимъ еще разъ подтверждено указомъ 1675 г. и отмѣнено указомъ

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 170.

[2]) Ibid., стр. 170, прим. 219.

[3]) Ак. сп. ст. 9 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 26).

[4]) Подробнѣе см. у К. А. Неволина, П. С. С., IV, стр. 141 — 147. Но уважаемый изслѣдователь, повидимому, смѣшивалъ указы, запрещающіе отчуждать и закладывать княженецкія, а позднѣе и вообще боярскія вотчины, о чемъ мы говорили, съ указами объ ограниченіи правъ иногородних жителей (см. Неволинъ, стр. 141). Указы 1562 и 1573 гг. имѣютъ цѣлью именно охранить княжеское и боярское землевладѣніе. См. „Хрест.“ Влад.-Буд., в. III, стр. 28—33.

[5]) Неволинъ, op. cit., стр. 143.

[6]) Ул. XVI, ст. 49 и 50.

1677 года [1]). Такія же ограниченія, клонящіяся къ сохраненію за служилыми людьми пожалованныхъ имъ вотчинъ, были введены и по отношенію служилыхъ людей Украинскихъ городовъ [2]) и Смоленска [3]). Далѣе мы знаемъ, что на Бѣломъ озерѣ имѣли право торговать за озеромъ только мѣстные жители. Всѣ же иногородніе купцы, помимо обложенія ихъ очень значительной пошлиной, могли торговать лишь въ городѣ [4]).

§ 54. Такимъ образомъ, мы можемъ придти къ заключенію, что при обособленіи правъ лицъ изъ другихъ княженій русскихъ или изъ другихъ областей не имѣлось въ виду разсматривать ихъ какъ иностранцевъ въ точномъ значеніи этого слова. Иностранцами въ этомъ смыслѣ были, съ одной стороны, западные народы, съ которыми Русь имѣла сношенія съ доисторическихъ временъ, а, затѣмъ, Турки, Персы и др. южные и восточные народы. Права иностранцевъ этой категоріи опредѣлялись особыми договорами, первые изъ которыхъ, какъ извѣстно, дошли до насъ со временъ Олега, въ 907 году. Прежде, чѣмъ приступить къ обозрѣнію право- и дѣеспособности иностранцевъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, намъ надлежитъ еще точнѣе опредѣлить лицъ этой категоріи. Именно, необходимо указать, что съ самыхъ древнихъ временъ иностранцы поступали на службу какъ къ князьямъ русскимъ, такъ и иногда къ цѣлымъ областямъ. Намъ извѣстно, что въ составѣ дружины первыхъ русскихъ князей было очень много варяговъ. Въ договорѣ Олега мы видимъ ихъ преобладающее число. Въ договорѣ Игоря съ Греками мы находимъ ятвяга. И. Е. Андреевскій замѣчаетъ [5]): „во всѣхъ должностяхъ службы княжеской, начиная съ высшаго военоначальника и дружинника (каковы, напр., Сигурдъ, Шимонъ и др.) до послѣдняго повара княжескаго (какъ, напр., Турчинъ Берендѣй—у Глѣба) могли состоять иностранцы“.

---

[1]) П. С. З., I, №№ 39 и 700 (отд. I, ст. 14).

[2]) Неволинъ, op. cit., стр. 144—145.

[3]) Ibid., стр. 146.

[4]) Уст. Бѣлозер. Грам. 1488 г. („Хрест.“ Влад.-Буд., в. II, стр. 75—76, ст. 7—8).

[5]) „О правахъ иностранцевъ въ Россіи“. Спб. 1854, стр. 35.

Такимъ же образомъ, мы встрѣчаемъ иностранцевъ на службѣ въ Великомъ Новгородѣ [1]) и Псковѣ [2]). Засимъ, иностранцы съ очень древнихъ временъ составляли цѣлые наемные отряды на Руси [3]) и, наконецъ, входили въ составъ духовенства, какъ, напр., греки, поступали въ русскіе монастыри, какъ, напр., Антоній Римлянинъ, Моисей Угринъ и др. Дерптскій профессоръ Рейцъ, который на многіе вопросы древняго русскаго права имѣлъ очень вѣрные взгляды и тонкое сужденіе о различныхъ его сторонахъ, и въ данномъ случаѣ обнаружилъ свой юридическій тактъ. Именно, онъ вполнѣ справедливо раздѣлилъ вопросъ о правахъ иностранцевъ въ Россіи отъ правъ вышеуказанныхъ служилыхъ людей и духовенства иностраннаго происхожденія, указавъ, что эти послѣдніе заключали особые контракты [4]). Это замѣчаніе слѣдуетъ дополнить лишь указаніемъ, что служилые люди изъ иностранцевъ цѣловали крестъ князю или городу на службу, наемные же люди заключали особые контракты; поэтому первые во все продолженіе службы считались подданными князя или города, вторые, по справедливому замѣчанію Рейца, пользовались правами, опредѣленными въ договорѣ.

Такое же положеніе иноземцевъ — служилыхъ людей — замѣчается и въ Москвѣ. Мы не можемъ подробно останавливаться на изслѣдованіи ихъ положенія, тѣмъ болѣе что вопросъ о нихъ въ нашей литературѣ съ достаточною подробностью разработанъ. Отмѣтимъ лишь главнѣйшія черты въ ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству. Съ иноземцами, приглашаемыми на службу въ Москву, заключали условіе на срокъ или навсегда, согласно которому они получали кормовыя деньги и за службу пожалованья земель въ помѣстья и вотчины [5]). Иноземцы на Руси трактовались какъ русскіе служилые люди: они обязаны

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 10.

[2]) Рейцъ, „Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“. М. 1836, стр. 104, пр. 1.

[3]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 173, 184.

[4]) Op. cit., стр. 152. Ср. такое же мнѣніе К. А. Неволина, П. С. С. Спб. 1857, т. IV, стр. 146.

[5]) И. Я. Гурляндъ, „Приказъ великаго Государя тайныхъ дѣлъ“. Ярославль. 1902. Матеріалы, стр. 352—353.

были служить, являться на смотры, исполнять царскія порученія, ходить въ походы [1]). Раненые, они выходятъ въ отставку, ихъ вдовамъ дается земля на прожитокъ [2]). Они ѣздятъ въ отпуски [3]). Судятся они русскими судами, по русскимъ законамъ [4]). Въ интересномъ тяжебномъ дѣлѣ между двумя иноземцами, которое мы только-что привели, одинъ изъ нихъ, Аптекарской палаты лекарь Елизаръ Ролонтъ называетъ себя „холопомъ“ царя. Единственной ссылкой на право иноземное является упоминаніе въ личномъ отвѣтѣ того же Ролонта, что онъ будетъ письменно обвинять Антона Томсона въ убійствѣ „а въ нѣмецкихъ де государствахъ ведется, который человѣкъ убьетъ человѣка до смерти, и такихъ людей казнятъ смертной казнью“. Эта глухая ссылка, имѣющая цѣлью лишь оттѣнить преступленія истца, понятно, никакого значенія для суда не имѣла.

Такимъ образомъ, мы можемъ, какъ кажется, изъ вопроса объ иностранцахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. не русскихъ, выдѣлить и служилыхъ иноземцевъ всѣхъ категорій, такъ какъ ихъ личныя права опредѣлялись ихъ поступленіемъ на службу къ князю, а позднѣе Царю Московскому и ихъ договорами по поводу этой службы. Въ виду этого мы теперь должны разсмотрѣть личную правоспособность иностранцевъ, являвшихся на Русь съ своими личными цѣлями, для торговли, путешествія, сбора милостыни и т. п., и затѣмъ разсмотрѣть имущественную правоспособность какъ ихъ, такъ и служилыхъ иноземцевъ и ихъ всѣхъ дѣеспособность.

§ 55. По засвидѣтельствованію иностранныхъ же писателей славяне всегда относились очень привѣтливо къ иностранцамъ, очень радушно ихъ принимали, дозволяли имъ свободу передвиженія и производства ихъ промысловъ и торговли [5]). Затѣмъ, первыми договорами съ греками права иностранцевъ опредѣляются точнѣе и ограничиваются: имъ гарантируется

---

[1]) П. С. З., I, №№ 50, 94.
[2]) П. С. З., I, № 289.
[3]) П. С. З., I, № 89.
[4]) А. отн. до Юр. Б., I, № 104.
[5]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 375.

правосудіе [1]). Гарантируется охрана ихъ имущества и запрещается береговое право [2]). Регламентируется право плѣнныхъ [3]) и наслѣдственное право [4]). Тѣ же нормы повторяются и въ договорѣ Игоря 945 г. [5]). Мы видѣли, что Русская Правда точно такъ же подтверждаетъ равенство передъ закономъ иностранца, только упрощая доказательства, ограничивая ихъ одною клятвою — ротой [6]). Мы уже видѣли выше, что въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ жило много иностранцевъ-ремесленниковъ и купцовъ. И. Е. Андреевскій приводитъ рядъ свидѣтельствъ о свободѣ ихъ проживанія и веденія ихъ промысловъ [7]). Лѣтописецъ такъ разсказываетъ о скопленіи иностранцевъ въ Холмѣ, городѣ, основанномъ Даніиломъ Галицкимъ. „Яко Богу поспѣвающу мѣсту тому нача призывати прихожанъ Нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхы; идяху день и въ день, уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ Татаръ, сѣдѣльницѣ, и лучницѣ, и тулпици, и кузницѣ желѣзу, и мѣди и сребру“ [8]).

Договорами городовъ, ведшихъ постоянныя и непрерывныя сношенія съ нѣмцами и ганзой, какъ-то: Смоленска, Полоцка, Новгорода Великаго и Пскова, были особенно подробно и всесторонне разработаны вопросы о правоспособности иностранцевъ. Договоромъ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича 1229 г. съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами иностраннымъ торговцамъ обезпечивалась свобода промысла и гарантирована неприкосновенность личности. „Аже латинескъ придѣтъ къ городу, свободно емоу продавати, а противоу того не молвити никому же. Тако дѣлати Роуси оу Ризѣ и на Гочкомъ березе“ (ст. 25) „Латиненскомоу есть вълно оу Смольнеска которыи товаръ хъчьть коупити, бес пакости. Тако дѣ-

---

[1]) Ст. 3—7 Дог. Олега 911 г. („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 2—5).
[2]) Ibid., ст. 8 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 5).
[3]) Ibid., ст. 9, 11 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 6—7).
[4]) Ibid., ст. 13 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 7).
[5]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 10—20.
[6]) Ст. 9 Ак. сп. („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 26).
[7]) „О правахъ иностранцевъ въ Россіи“. Спб. 1854, стр. 69—80.
[8]) П. С. Р. Л., II, стр. 196.

лати Роуси оу Ризѣ и на Гочкомъ березѣ“ (ст. 30) [1]. Иностранецъ имѣетъ пріоритетъ въ долговыхъ отношеніяхъ. При конкурсѣ исковъ онъ получаетъ удовлетвореніе первый [2]. Тяжбы иностранцевъ между собою неподсудны Смоленскому князю [3]. Имущественная неприкосновенность иностранцевъ гарантируется имуществомъ всѣхъ смольнянъ, волочанъ и т. п., которые несутъ отвѣтственность за неправомѣрныя дѣйствія своего гражданина [4].

Иностранецъ имѣетъ, наконецъ, право уѣхать свободно и когда пожелаетъ [5]. Въ случаяхъ столкновенія съ русскими, договоръ утверждаетъ юридическія нормы, по которымъ происходитъ разборъ дѣла [6]. Иностранецъ не обязанъ ѣхать на войну съ Смоленскимъ княземъ [7]. Онъ судится, въ случаѣ столкновенія съ русскимъ, только у Смоленскаго князя, если самъ не пожелаетъ судиться у другого [8]. Судъ, вершенный въ Смоленскѣ или въ Ригѣ, не пересуживается [9]. Словомъ, иностраннымъ торговцамъ предоставлена полная личная правоспособность. То же самое мы видимъ по договорамъ Новгорода Великаго съ Нѣмцами, гдѣ еще болѣе того были предоставлены очень большія корпоративныя права ганзейскимъ купцамъ, извѣстная доля самоуправленія и самосуда [10]. Впрочемъ цивильная дѣеспособность иностранцевъ въ Новгородѣ была нѣсколько ограничена: они не имѣли права входить въ долговыя обязательства съ русскими, возить ихъ фрахты и составлять съ ними компанію [11]. Въ Полоцкѣ и Витебскѣ дѣйствовали

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 105 и 106.

[2]) Ст. 10, 11 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 100, 101).

[3]) Ст. 16 (ibid., стр. 102—103).

[4]) Ст. 21, 22, 24 (ibid., стр. 104—105).

[5]) Ст. 26 (ibid., стр. 105).

[6]) Ст. ст. 1—9; 12—15; 17—21; 23 и др.

[7]) Ст. 31 (ibid., стр. 106).

[8]) Ст. 28 (ibid., стр. 106).

[9]) Ст. 33 (ibid., стр. 107).

[10]) Ср. И. Е. Андреевскій, „О правахъ иностранцевъ въ Россіи“. Спб. 1854, стр. 83—107. Его же. „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. Спб. 1855. W. Buck, „Der Deutsche Handel in Nowgorod“. S.-Petersb. 1895.

[11]) Андреевскій, op. cit., стр. 106.

нормы, утвержденныя договоромъ Смоленскаго князя 1229 г. Именно въ этомъ договорѣ прибавлено [1]): „тая правда Латинескомоу възяти оу Роускои земли оу вълсти князя Смольнеского и оу Полотьского князя вълъсти и оу витьбеского князя вълъсти". Съ присоединеніемъ Витебска и Полоцка къ Литвѣ въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ указанныя права иностранцевъ подтверждались [2]).

Въ Псковѣ, до отдѣленія его отъ Новгорода, какъ пригородѣ сего послѣдняго, права иностранцевъ опредѣлялись тѣми же постановленіями, что и въ Новгородѣ и его „скрахъ" [3]). Право свободной торговли и гарантіи личности иностранцевъ опредѣлены позднѣе и въ договорѣ Пскова съ королемъ Казиміромъ 1440 г. [4]).

§ 56. На основаніи всего вышесказаннаго, мы можемъ придти къ заключенію уже заранѣе, что на ряду съ гарантіей личной и имущественной правоспособности иностранцевъ на Руси до-Московской, имъ была предоставлена и цивильная дѣеспособность, если не всецѣло, то, во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ, необходимыхъ для производства ими своихъ промысловъ. И дѣйствительно, источники всецѣло подтверждаютъ это положеніе. Въ Кіевѣ, Львовѣ, Холмѣ, Галичѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ иностранцы, по сообщенію лѣтописей и юридическихъ памятниковъ, имѣли недвижимую собственность, т.-е. могли заключать и сдѣлки на эту недвижимость [5]). Мы имѣемъ очень ранній примѣръ такой сдѣлки, совершенной иностранцемъ, Антоніемъ Римляниномъ, на что̀ указалъ въ свое время еще К. А. Неволинъ [6]).

Затѣмъ, внѣ всякаго сомнѣнія право иностранцевъ пріобрѣтать и отчуждать движимыя вещи, вести торговлю, про-

---

[1]) „Хрест." Влад.-Буд., I, стр. 110.

[2]) И. Е. Андреевскій, „О правахъ иностранцевъ въ Россіи". Спб. 1854, стр. 115.

[3]) И. Е. Андреевскій, op. cit., стр. 108—109.

[4]) „А. отн. до ист. зап. Россіи", I, № 38

[5]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. права". К. 1900, стр. 376.

[6]) П. С. С., т. V, стр. 40.

изводить всякія торговыя сдѣлки, такъ какъ все это опредѣлялось вышеприведенными договорами. Согласно Русской Правдѣ, иностранцы могли имѣть холоповъ [1]). То же подтверждается и Смоленскимъ договоромъ 1279 г. [2]). Служилые иностранцы точно такъ же владѣли въ древнѣйшей Руси недвижимостью и заключали юридическія сдѣлки. Вышеприведенное постановленіе Русской Правды о владѣніи холопами, надо полагать, относилось, главнымъ образомъ, къ варягамъ княжеской дружины. Лѣтописецъ сообщаетъ о разселеніи княжескихъ дружинниковъ-варяговъ въ городахъ Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣломъ-Озерѣ. „И по тѣмъ городомъ суть находници Варяги“ [3])... Впрочемъ извѣстные намъ памятники не даютъ болѣе подробныхъ объ этомъ свѣдѣній и можно только повторить предположеніе И. Е. Андреевскаго, что „при владѣніи недвижимыми имуществами иностранцамъ должны были принадлежать всѣ законные способы распоряженія и отчужденія ихъ“ [4]). Въ сущности, разъ мы принимаемъ, какъ сказано выше, мнѣніе Рейца и Неволина о томъ, что служилые иностранцы разсматривались на Руси какъ подданные, хотя бы и временные, тѣмъ самымъ мы должны признать ихъ полную право- и дѣеспособность.

§ 57. Со времени возникновѣнія Московскаго государства мы имѣемъ гораздо бо́льшія и подробнѣйшія данныя о положеніи въ немъ и правахъ иноземцевъ, какъ служилыхъ, такъ и неслужилыхъ, торгующихъ, ремесленниковъ и другихъ. Указъ 1-го іюня 1649 года о высылкѣ изъ Россіи англійскихъ купцовъ такъ изображаетъ положеніе иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ [5]): „при прежнихъ Великихъ Государѣхъ... нѣмцы разныхъ государствъ, Московскаго государства съ гостьми и съ торговыми людьми торговали всякимъ товаромъ у Архангельскаго города, а къ Москвѣ и въ иные городы съ товары и безъ товаровъ не ѣзживали и дворовъ своихъ у нихъ нигдѣ не бывало; а васъ Англичанъ, блажен-

[1]) Ак. сп. ст. 10 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 26).
[2]) Ст. ст. 2, 19 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 99, 104).
[3]) П. С. Р. Л., I, подъ 865 г.
[4]) „О правахъ иностранцевъ въ Россіи“. Спб. 1854, стр. 36.
[5]) П. С. З., I, № 9.

ныя памяти Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ и Отецъ Его Государевъ, Великій Государь, Свѣтлѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ, Московскій и всея Руссіи, по прошенью Государя Вашего, славныя памяти, Англинскаго Карлуса Короля, пожаловали, велѣли вамъ торговати въ Московскомъ государствѣ повольною торговлею, сверхъ иныхъ иноземцевъ безпошлинно, и дворы свои на Москвѣ и въ городѣхъ держати вамъ велѣно, а вамъ было за то Государское жалованье, за повольную и безпошлинную торговлю, привозити въ Московское государство всякіе товары"... Черезъ Архангельскъ велась и Царская торговля, по Котошихину, хлѣбомъ, пенькою, поташемъ, смолою, шелкомъ-сырцомъ, ревенемъ [1]). Кромѣ англичанъ, торговавшихъ и въ Москвѣ и по городамъ, и другихъ западноевропейскихъ торговцевъ, являвшихся въ Архангельскѣ, Московское государство вело торговлю и съ Персіей и съ Греціей. Котошихинъ такъ говоритъ объ этомъ: „Съ Персидскими купчинами—шолкомъ, сырцомъ и вареннымъ, и всякими тамошними товарами, въ Астрахани и въ Казани и на Москвѣ... А какъ тѣ купчины бываютъ въ Астрахани, и въ Казани, и на Москвѣ, и имъ дается до поѣзду ихъ царское жалованье, кормъ и питье, и суды, въ чемъ имъ ѣхать водою, и гребцы безденежно" [2]). „Гречане—пріѣзжаютъ къ Москвѣ ежегодь и привозятъ съ собою товары всякіе... А пріѣхавъ тѣ товары царю подносятъ они въ дарѣхъ; а послѣ того тѣ товары цѣнятъ торговые люди, иноземцы и мастеры, по тамошней Турецкой оцѣнкѣ; а вмѣсто того дается имъ соболми жъ и рухлядью. И такихъ товаровъ на всякій годъ покупается множество, потому что бояромъ и иныхъ чиновъ людемъ купити окромѣ царя никому волно, а въ царскую казну приходятъ они якобы даромъ. А бываетъ Гречинъ на годъ по 50 и по 100 человѣкъ, и живутъ на Москвѣ для продажи многіе годы; и дается имъ кормъ и питье доволное. А которые товары подносятъ они царю, а въ царскую казну тѣ товары не годятся: и имъ тѣ товары отдаются назадъ, и волно

[1]) „О Россіи", XII, 1 (изд. 1840 г., стр. 116).
[2]) „О Россіи", XII, 3 (стр. 116).

имъ продавати всякаго чину людямъ“ [1]). Иноземцы, какъ служилые, или, по мѣткому выраженію Котошихина [2]), „Московскіе“ и пріѣзжіе, всѣхъ государствъ торговые и всякихъ чиновъ люди—вѣдались въ Посольскомъ приказѣ [3]), хотя греческіе и персидскіе купцы и купецкіе люди имѣли отношеніе къ Сибирскому приказу, откуда имъ выдавался кормъ и который велъ съ ними разсчеты [4]). Въ XVI вѣкѣ у Россіи имѣлся еще портъ, Нарва, торговля котораго была довольно значительна [5]). Затѣмъ, сношенія съ иноземцами, но уже на границѣ, велись по сухопутной границѣ, въ Новгородѣ, Псковѣ, въ Азіи, а затѣмъ въ Ригѣ. Въ XVII вѣкѣ эта торговля съ Западной Европой очень упала, по винѣ, главнымъ образомъ, нашихъ западныхъ сосѣдей, не желавшихъ пускать русскихъ торговцевъ къ себѣ и, съ другой стороны, стремившихся проникнуть въ предѣлы „Московіи“ и тамъ похозяйничать, проливавшихъ крокодиловы слезы, когда это имъ не удавалось и удивлявшихся нашей грубости и нецивилизованности [6]). Съ этого времени, т.-е. съ XVII вѣка, русская вывозная торговля, равно какъ ввозъ западно-европейскихъ товаровъ сталъ ограничиваться почти исключительно Архангельскомъ. По исчисленіямъ купца Де Роде, въ 1653 г. изъ Архангельска было вывезено товаровъ на 1.032.406 рублей [7]). Получая привилегіи, царское жалованье, имѣя дѣло въ громадномъ большинствѣ съ дворомъ государя, иностранные торговцы пользовались, во-первыхъ, лично правоспособностью и, во-вторыхъ правомъ на свой промыселъ, т.-е. дѣеспособностью въ предѣлахъ ихъ профессіи—могли продавать и покупать движимость, совершать торговыя сдѣлки, подряды, заемъ и т. п. Что касается

---

[1]) Ibid., XII, 4 (стр. 117).

[2]) „О Россіи“, VII, 2 (стр. 69).

[3]) Ibid., VII, 2 (стр. 69).

[4]) Ibid., VII, 7 (стр. 74).

[5]) Hansen, „Geschichte der Narwe“, S. 39—40.

[6]) Ср. С. М. Середонинъ, „Сочиненіе Джильса Флетчера какъ истор. пам.“. Спб. 1891, стр. 170 и слѣд.

[7]) Отчетъ J. De Rodes напечатанъ Эверсомъ въ Beiträge zur Kenntniss Russland“, I. Dorpat. 1818. Цитируемъ по соч. П. Н. Милюкова, „Очерки по исторіи русск. культуры“, ч. I, изд. 3. Спб. 1898, стр. 101.

до купли-продажи движимыхъ вещей, то это не требуетъ никакихъ доказательствъ—это спеціальность торговца. Укажемъ лишь, что иностранные торговцы въ Московскомъ государствѣ имѣли право лишь оптовой торговли [1]). Засимъ, въ 1643 г. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ издалъ указъ, запрещающій нѣмцамъ и нѣмкамъ продавать русскимъ и покупать у нихъ дворы и вступать въ договоръ залога [2]). Изъ этого указа мы видимъ яркую картину цивильной правоспособности иностранцевъ въ самой Москвѣ, правда, не основанной на особомъ законѣ: они покупаютъ и продаютъ недвижимости, закладываютъ ихъ и берутъ въ залогъ, держатъ корчмы, строятъ „ропаты“, т.-е. кирки, имѣютъ русскихъ наемныхъ рабочихъ и прислугу. По этому же указу было запрещено, какъ сказано, впредь нѣмцамъ производить продажу и покупку и залогъ недвижимостей, но лишь по отношенію къ русскимъ, а не между собою. Равнымъ образомъ, не было запрещено держать и русской прислуги [3]). Что касается до исполненія подрядовъ, то историческіе памятники часто говорятъ о порученіи ихъ иноземцамъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ приказалъ призвать въ Москву индѣйцевъ мастеровыхъ людей, которые умѣютъ дѣлать киндяки и бези [4]). Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ давалъ жалованныя грамоты на вотчины иноземцамъ съ цѣлью развить полезные для государства промыслы. Такъ въ 1634 г. дана была грамота бархатныхъ дѣлъ мастеру Ефиму Филибранту на заведеніе въ Россіи мельницъ для выдѣлки лосины, со льготою на 10 лѣтъ и съ обязанностью научить русскихъ мастеровъ [5]). Въ томъ же году такая же грамота была дана пушечному мастеру Елисею Коэту на устройство стекляннаго завода и вотчина въ 16 пустошей, со льготою на 15 лѣтъ [6]).

---

[1]) П. Н. Милюковъ, op. cit., стр. 97.

[2]) Указная книга земскаго приказа („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 164—165).

[3]) Ср. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи русск. права“. К. 1900, стр. 377.

[4]) И. Я. Гурляндъ, „Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ“. Яр. 1902, стр. 169.

[5]) С. Г. Г. и Д., III, № 102.

[6]) Ibid., № 103.

Въ 1644 г. подобная льгота дана была гамбургскому гостю Петру Марселису съ дѣтьми и Голландскому торговому человѣку Филиппу Акаму на устройство желѣзныхъ заводовъ по Шекснѣ, Костромѣ, Волгѣ и другимъ удобнымъ мѣстамъ [1]). Иноземцы вступали въ долговыя обязательства [2]). Указомъ 1649 г., который мы привели выше, была стѣснена торговля англичанъ. Затѣмъ новоторговымъ уставомъ 1667 г. были окончательно опредѣлены въ Московскомъ государствѣ права торговыхъ иноземцевъ. Именно по этому уставу [3]) опредѣляются строгія таможенныя формальности [4]), и устанавливаются пошлины какъ ввозныя [5]), такъ и повозныя въ Москву [6]). Иностранцы подлежатъ суду Архангельской таможни [7]). Русскими товарами между собою могутъ торговать при условіи уплаты пошлины [8]), иначе ихъ товары подлежатъ конфискаціи на государя [9]). Иностранцы имѣютъ право привозить въ Россію заморскіе вина и напитки [10]), но не имѣютъ права ихъ продавать въ стекляницахъ, подъ угрозой конфискаціи и штрафа [11]). Иностранные купцы могутъ по городамъ вступать въ торговыя сдѣлки, заключать записи и брать подряды у торговыхъ городскихъ людей, а не съ пріѣзжими, чтобы не подрывать промысловъ городскихъ торговцевъ [12]). За нарушеніе сего полагалась пеня и конфискація денегъ [13]). За всякій обманъ— конфискація [14]).

§ 58. Положеніе иноземцевъ Московскихъ, т.-е. служилыхъ иноземцевъ, иноземцевъ ученыхъ, нанятыхъ Московскимъ пра-

---

[1]) Ibid., № 118.
[2]) А. отн. до Юр. Б., I, № 104.
[3]) П. С. З., I, № 408.
[4]) Ibid., ст. 65—82.
[5]) Ibid., ст. 64.
[6]) Ibid., ст. 56.
[7]) Ibid., ст. 2.
[8]) Ibid., ст. 40.
[9]) Ibid., ст. 41.
[10]) Ibid., ст. 52.
[11]) Ibid., ст. 55.
[12]) Ibid., ст. 60.
[13]) Ibid., ст. 63.
[14]) Ibid., ст. 49.

вительствомъ, и вообще всѣхъ тѣхъ иноземцевъ, которые являлись въ Московское государство по приглашенію правительства, поступали къ нему на службу или заключали съ нимъ контракты, очень многими изслѣдователями исторіи русскаго права, какъ мы имѣли случай указать выше, сравниваются съ положеніемъ русскихъ служилыхъ людей, и сами эти иноземцы разсматриваются какъ русскіе подданные, хотя бы и временные [1]). По справедливому замѣчанію М. Ф. Владимірскаго-Буданова, тѣ ограниченія ихъ правовой личности, которыя мы встрѣчаемъ въ законодательствѣ Московскаго государства, вызваны не столько тѣмъ, что они иноземцы, сколько тѣмъ, что они иновѣрцы [2]). Мы же видимъ, что иновѣрцы въ Москвѣ почти не стѣснены даже въ отправленіи своего религіознаго культа, тѣмъ менѣе они стѣснены въ сферѣ юридической жизни. Служилые иноземцы получали за свою службу денежное жалованье и кормъ [3]), получали помѣстья, наравнѣ съ русскими служилыми людьми [4]), а равно получали и жалованныя вотчины [5]). Въ 1653 году (7162 г. сентября 21 ч.) вышелъ указъ Царя Алексѣя Михаиловича объѣзжему головѣ Самойлу Силбухину ѣхать въ Арзамасскій уѣздъ, въ помѣстья и вотчины некрещеныхъ (т.-е. неправославныхъ) нѣмцевъ полковниковъ Александра Краффта, да Александра Томолтона, да подполковника Юрья Англера, да прапорщиковъ Ивана Англера, да Ивана Арфатова, да Андрея Мелдера, да переводчика Якова Нелборха въ исполненіе грамоты иноземнаго приказа, чтобы у некрещеныхъ нѣмцевъ, которые въ православную Христіанскую вѣру Греческаго закона не крестились, помѣстья

---

[1]) К. Рейцъ, op. cit., стр. 152.
К. А. Неволинъ, П. С. С., т. IV, стр. 147.
М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 376—377.

[2]) Op. cit., стр. 377.

[3]) С. М. Середонинъ, op. cit., стр. 357. Приводитъ разсказы Герсея и Маржерета. Ср. „Посольство Конрада Фанъ Кленка“. Спб. 1900, изд. Археогр. Ком., стр. 495.

[4]) Указы 1613, 1616 гг. („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 200—201. Ук. кн. пом. пр., ст. 4.

[5]) Указъ 1630 г. („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 224—225, Ук. кн. пом. пр., ст. 24). Улож. XI, 2. Ср. П. С. З., I, № 103.

ихъ и вотчины со всѣми угодьи, со крестьяны, и съ бобыли и съ захребетники, и съ подсосѣдники, и съ женами, и съ дѣтьми, и со всѣми крестьянскими животы... отписать на Государя, для того, вѣдомо Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всея Руссіи учинилося, что они некрещеные нѣмцы, имъ крестьяномъ чинили всякую налогу и утѣсненіе въ нашей православной Христіанской вѣрѣ Греческаго закона, и крестьянскимъ душамъ многое оскверненіе"... [1]).

Этотъ указъ противорѣчитъ Уложенію 1649 г., по которому за иноземцами могутъ жить крестьяне [2]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [3]) полагаетъ, что это ограниченіе служилыхъ иноземцевъ неправославныхъ имѣть вотчины вызвано лишь ихъ неправославіемъ. Несомнѣнно, что указъ имѣетъ цѣлью ограничить владѣніе населенными имѣніями лицъ неправославныхъ. Но засимъ мы имѣемъ указъ того же 1653 года, гласящій слѣдующее: „Иноземцамъ, всякихъ чиновъ людемъ, вотчины свои продавать Русскимъ людемъ, а иноземцомъ некрещенымъ не продавать" [4]). Мы, правда, и изъ этого указа видимъ ограниченіе въ правѣ иноземцевъ некрещеныхъ пріобрѣтать вотчины куплей-продажей. Но къ кому этотъ указъ писанъ, кто получаетъ право продавать свои вотчины, въ отмѣну указа 1630 года, запрещавшаго эту продажу [5]). Ни въ указѣ 1630 г., ни въ настоящемъ указѣ не сказано, чтобы тутъ разумѣлись одни крещеные иноземцы. Вѣроятно, что тутъ разумѣются и иноземцы некрещеные, т.-е. неправославные. Въ указахъ 1661 и 1662 гг. о прекращеніи теченія давности упоминаются „помѣстные" иноземцы безъ указанія на то, что они крещены [6]). Наконецъ, въ указѣ 1666 года о подчиненіи новой нѣмецкой слободы Разряду [7]) мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о недвижимой собственности несомнѣнно не-

---

[1]) П. С. З., I, № 103.
[2]) Гл. XI, ст. 2.
[3]) „Обзоръ исторіи русскаго права". К. 1900, стр. 377.
[4]) П. С. З., I, № 113.
[5]) „Хрест." Влад.-Буд., III, стр. 224—225 (Ук. кн. пом. пр., ст. 24).
[6]) П. С. З., I, №№ 293 и 321.
[7]) П. С. З., I, № 386.

православныхъ иноземцевъ. Посольскій приказъ сообщилъ: „тѣ ксендзы съ 1692 г. живутъ въ нѣмецкой слободѣ на купленномъ дворѣ Франца Гвасконія“ [1]).

Поэтому, мы считаемъ возможнымъ предположить, что указъ 1653 года не имѣлъ общаго значенія. По самому его тексту есть основаніе думать, что онъ былъ именно направленъ противъ тѣхъ иноземцевъ, въ помѣстья и вотчины которыхъ былъ посланъ объѣзжій голова. Во всякомъ случаѣ, запрещеніе не касалось помѣстій, хотя бы и населенныхъ, и, затѣмъ, городскихъ дворовъ. Какъ мы видимъ, первоначально служилые иноземцы могли заключать сдѣлки на недвижимыя имущества лишь между собою [2]). Указомъ 1653 г. имъ разрѣшено вступать въ такія же сдѣлки и съ Русскими, и наоборотъ, исключаются неправославные иноземцы [3]). Съ очень раннихъ временъ иноземцы были процессуально правоспособны. По Судебнику 1497 и 1550 гг. они могли выступать истцами въ судѣ и по отношенію къ нимъ было установлено, что къ присягѣ стороны приводятся по жребію, а не истецъ, какъ для русскихъ [4]). Процессуально правоспособны же они и по Уложенію Царя Алексѣя Михаиловича, согласно коему они уже сравнены въ отношеніи присяги съ Русскими [5]). Наличность присяги въ XVII в., конечно, устраняетъ предположеніе о возможности для иностранцевъ рѣшать дѣла жребіемъ, предположенную Θ. М. Дмитріевымъ [6]) со словъ иностранца Лэна. М. Ф. Владимірскій-Будановъ предполагаетъ, что въ данномъ случаѣ стороны не шли далѣе присяги [7]). Врядъ ли это возможно предположить. Судное дѣло о займѣ между двумя ино-

---

[1]) Цвѣтаевъ, „Изъ исторіи иностр. исповѣд. въ Россіи“, стр. 427—428. (Цитируемъ по соч. проф. Красножена, „Иновѣрцы на Руси“, т. I, Юрьевъ, 1900, стр. 83, пр. 2).

[2]) Указъ 1630 г. („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 224). Уложеніе XVI, 14.

[3]) П. С. З., I, № 113.

[4]) Суд. 1497 г., ст. 58; Суд. 1550, ст. 27 („Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 102—103, 131).

[5]) Гл. XIV, ст. 3 и 4.

[6]) „Исторія судебныхъ инстанцій“. М. 1859, стр. 262 (2-е изд. М. 1899, стр. 258).

[7]) „Хрест.“, II стр. 131, пр. 56.

странцами, напечатанное въ Актахъ, относящихся до Юридическаго Быта [1]), которое мы уже цитировали, рисуетъ намъ полную и вполнѣ нормальную картину судебнаго разбирательства. Мы полагаемъ, поэтому, что къ XVII в. сгладилась разница въ судопроизводствѣ по отношенію къ иностранцамъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ иностранцы не пользовались никакими льготами и секретарь Фанъ Кленка описываетъ, какъ пытали нѣмца на ряду съ русскими [2]). Согласно Уложенію 1649 года, у иноземцевъ могли быть вотчины купленныя [3]), т.-е., значитъ, они были дѣеспособны совершать куплю-продажу недвижимостей. Пожалованныя имъ помѣстья, въ случаѣ отсутствія у нихъ купленныхъ вотчинъ, оставлялись на прожитокъ ихъ матерямъ и вдовамъ, равно какъ и выслуженныя вотчины [4]), совершенно наравнѣ съ русскими служилыми людьми, которые упоминаются въ той же статьѣ этой главы Уложенія. Если жены или матери умрутъ, или пойдутъ въ монастырь, или выйдутъ замужъ, то ихъ прожиточныя помѣстья и вотчины шли въ родъ мужа, на общемъ основаніи [5]). Только если вдова иноземца, имѣющая прожиточное помѣстье, выйдетъ замужъ за русскаго дворянина или сына боярскаго, то таковое помѣстье можетъ быть справлено за нимъ [6]).

Аналогично сему и за иноземцемъ можетъ быть справлено прожиточное помѣстье вдовы русскаго служилаго человѣка, но лишь при условіи, чтобы иноземецъ былъ крещенымъ, т.-е. православнымъ [7]); это послѣднее условіе, впрочемъ, подразумѣвалось бы и безъ спеціальнаго указанія Уложенія, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ смѣшанные браки не дозволялись, и иновѣрецъ, вступающій въ бракъ съ русскою, или иновѣрка, выходящая замужъ за русскаго, должны были принять православіе [8]). У иноземцевъ могли быть холопы, но съ

---

[1]) I, № 104.
[2]) Цитир. изд. Археогр. ком., стр. 509.
[3]) Гл. XVII, ст. 2.
[4]) Гл. XVII, ст. 2.
[5]) Ibid.
[6]) Гл. XVI, ст. 18.
[7]) Гл. XVI, ст. 19.
[8]) Проф. Красноженъ, „Иновѣрцы на Руси“. Юрьевъ 1900, стр. 121 и сл.

указа 1637 года, повтореннаго Уложеніемъ [1]), православные могли быть холопами какъ полными, такъ и кабальными, лишь у православныхъ иноземцевъ. Засимъ изъ статьи Уложенія, освобождающей „кормовыхъ“ иноземцевъ, т.-е. получавшихъ одно жалованье, въ отличіе отъ „помѣстныхъ“, отъ платежа пошлины за грамоты и наказы, выдававшіеся по ихъ челобитьямъ [2]), явствуетъ, что иноземцы признавались и въ сферѣ челобитій и исковъ вполнѣ дѣеспособными. Изученіе юридическаго положенія служилыхъ иноземцевъ вполнѣ подтверждаетъ, такимъ образомъ, приведенную выше мысль Рейца и Неволина, что они разсматривались какъ подданные Московскаго государя.

---

[1]) Ул., гл. XX, ст. 4, 70. Ср. Неволинъ, П. С. С., т. V, стр. 194 и пр. 823.

[2]) Ул., гл. XVIII, ст. 63.

ГЛАВА IV.

Дѣеспособность коллективныхъ единицъ и безсубъективныхъ имуществъ.

I. Предварительныя объясненія.

§ 59. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что древнѣйшая исторія застаетъ населеніе Россіи въ состояніи цѣлаго ряда союзовъ, племенныхъ и родовыхъ, о которыхъ говоритъ начальный лѣтописецъ, указывая на то, что Поляне жили каждый своимъ родомъ, на родовое происхожденіе другихъ племенъ и на принадлежность всѣхъ этихъ племенъ къ одному славянскому народу. Русская Правда знаетъ союзы городскіе и общинные, которымъ придается характеръ административный. На отдѣльныя общины дѣлится Великій Новгородъ, на юридическое положеніе подданныхъ Московскаго государства сильно вліяетъ принадлежность къ тому или иному административному союзу. Есть указанія на значеніе семьи, какъ союза, вліявшаго на юридическое положеніе его членовъ [1]). Это явленія, аналогичныя явленіямъ права, какъ древняго міра, такъ и исторіи всѣхъ новыхъ народовъ. Личность отдѣльнаго индивидуума, т.-е.

---

[1]) Н. Л. Дювернуа, „Чтенія по гражд. праву“. Спб. 1898, т. I, в. II, стр. 379—380.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. права“. К. 1900, стр. 366.

концентрація всего комплекса правъ и обязанностей около человѣка какъ такового, независимо его соціальнаго и экономическаго положенія, постепенно выясняется путемъ долгой борьбы, и даже наше время не вполнѣ достигло полныхъ, въ этомъ отношеніи, результатовъ. Но союзный строй жизни, вліявшій, какъ мы видѣли выше, при изученіи условій дѣеспособности по соціальнымъ признакамъ, на дѣеспособность отдѣльныхъ физическихъ лицъ, не можетъ быть отождествленъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, съ легкой руки Отто Гирке, съ юридическимъ лицомъ [1]).

Юридическое лицо въ широкомъ смыслѣ этого слова есть отвлеченіе комплекса правъ и обязанностей того, что составляетъ persona римскаго права, отъ конкретнаго физическаго лица, и пріуроченіе этого комплекса правъ и обязанностей къ лицу собирательному, вещи, учрежденію, установленію, даже чистое отвлеченіе, безъ субъекта, въ видѣ имуществъ дестинаторныхъ, pia causa и т. п. Поэтому, при опредѣленіи, какіе союзы древней Руси были лицами юридическими, намъ надлежитъ брать мѣриломъ то обстоятельство, представляли ли эти союзы комплексы правъ и обязанностей, пріуроченные къ нимъ какъ къ цѣлому, проявляли ли, какъ одно цѣлое, во внѣ свою юридическую дѣятельность. Тѣ союзы, которые, вліяя лишь на характеръ юридическаго положенія лица физическаго, не представляли единаго цѣлаго, одной persona, и не проявляли этой своей юридической личности во внѣ, не могутъ быть причислены къ юридическимъ лицамъ и нашему изученію подлежать не будутъ: все, чѣмъ они вліяли на юридическую природу лица, сказано уже выше, при изученіи право- и дѣеспособности отдѣльныхъ классовъ населенія древней Руси, какъ до-Московской, такъ и Московской. Уже Неволинъ въ своей исторіи гражданскихъ законовъ указалъ на очень древнее существованіе на Руси юридическихъ лицъ [2]). Постараемся же, прежде всего, опредѣлить, какіе виды юридическихъ лицъ въ широкомъ смыслѣ слова существовали въ русскомъ правѣ до

---

[1]) Ср., напр., Н. Л. Дювернуа, „Чтенія по гражд. пр.“. Спб. 1898, т. I, в. II, стр. 517—518.

[2]) П. С. С., т. V, стр. 182.

Петра Великаго и какъ они рисуются намъ по дошедшимъ до насъ историческимъ и юридическимъ памятникамъ.

Какъ мы видѣли, исторія застаетъ Русь въ періодѣ существованія цѣлаго ряда мелкихъ союзовъ. Литература русской исторіи и исторіи русскаго права очень много занималась вопросомъ о томъ, какого характера были эти союзы, т.-е. былъ ли первоначально на Руси бытъ патріархальный, родовой [1]), существовала ли община [2]), чистая или семейная, въ видѣ большой семьи, задруги и дальнѣйшихъ ея формъ [3]); былъ высказанъ взглядъ, что самыя племена явились результатомъ случайной общности интересовъ отдѣльныхъ индивидуумовъ [4]). Мы, конечно, не можемъ здѣсь касаться этого вопроса, и позволимъ себѣ лишь сказать, что до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ юридической дѣятельности этихъ союзовъ, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ данныхъ объ отношеніи союза къ отдѣльнымъ входящимъ въ него членамъ, не знаемъ, были ли эти союзы автономны. Первое свидѣтельство лѣтописи о юридической дѣятельности собирательнаго цѣлаго относится къ „княженію“ и „волости“. Въ „княженіи“ заключались славянскія племена: „и по сихъ родъ ихъ поча владѣти въ Полянѣхъ княженьемъ, а въ Деревлянехъ свое, Дреговичи свое,

---

[1]) Напр., Г. Эверсъ, „Das aelteste Recht der Russen“. Dorp. 1826.

К. Д. Кавелинъ, „Собр. соч.“. Спб. 1897 г., т. I, стр. 5—66. „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“.

С. М. Соловьевъ, „Ист. росс. др. вр.“, т. I. М. 1866 г., стр. 55 и сл. „Начала русской земли“ (Сб. Госуд. зак. пр. Безобразова, т. IV и VII).

А. И. Никитинъ, „Теорія родового быта въ древн. Руси“ (В. Евр., 1870, № VIII).

[2]) К. С. Аксаковъ, П. С. С., т. I, М. 1861 passim.

И. Д. Бѣляевъ, „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика“ (Вр. М. О. И. и Д. Р. 1850, VIII).

В. Н. Лешковъ, „Русскій народъ и государство“. М. 1858.

П. А. Соколовскій, „Очерки исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“. Спб. 1877.

[3]) Ѳ. И. Леонтовичъ, „О значеніи верви по русск. пр.“ (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 4). „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древн. Руси“ (Ж. М. Н. Пр. 1874, №№ 10, 11).

[4]) В. И. Сергѣевичъ, „Государство и право въ исторіи“ („Сб. Госуд. Зн.“ Безобразова, т. VII, стр. 27 и сл.).

а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое Полотѣ...“ [1]). Эти „княженія“ представляютъ собирательное цѣлое и при отсутствіи князя, его смерти, напр., не распадаются, а проявляютъ себя во внѣ путемъ заключенія мира, веденія войны, уплаты дани. „По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея быша обидимы Древляны и ними околными и поидоша я Козарѣ, сѣдящая на горахъ, въ лѣсѣхъ и рѣша Козари: платите намъ дань. Съдумавше же Поляне, и вдаша отъ дыма мечь“ [2]). Затѣмъ, въ извѣстіи о Гостомыслѣ, возстаніи на варяговъ, призваніи князей мы уже имѣемъ несомнѣнно дѣло съ государственнымъ союзомъ, со старѣйшинами во главѣ [3]). Такимъ образомъ, намъ кажется, что мы имѣемъ право заключить, что исторія застаетъ древнюю Россію уже въ моментъ существованія союзовъ-государствъ, на какихъ бы источникахъ они ни покоились, родовыхъ, общинныхъ и т. п. Всѣ существовавшія юридическія лица, какъ соціально-историческаго происхожденія, такъ и договорныя, дѣйствовали, въ нашей исторіи, уже въ предѣлахъ государства.

II. Семья.

§ 60. Приступая къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ этихъ юридическихъ лицъ, мы воспользуемся классификаціей Отто Гирке, раздѣливъ ихъ на группы: старинные бытовые (соціально-историческіе) союзы: семья, родъ, община, затѣмъ установленія и корпораціи, наконецъ учрежденія и ассоціаціи [4]).

Семья въ Россіи какъ древнѣйшаго, такъ и Московскаго періода имѣла, несомнѣнно, большое значеніе въ сферѣ опредѣленія право- и дѣеспособности ея членовъ и сыграла въ этомъ отношеніи выдающуюся роль въ исторіи русскаго гражданскаго права. На эту сторону дѣла мы имѣли случай обратить вниманіе выше. Но представляла ли семья въ русскомъ правѣ до Петра Ве-

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 263.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 266.

[3]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 268, подъ 6370 г. „И въ то время въ Новѣгородѣ нѣкои бѣ старѣйшина, именемъ Гостомыслъ, скончаваетъ житіе и созва владѣлцы, сущая съ нимъ Новагорода“.

[4]) Н. Л. Дювернуа, op. cit., стр. 372 и сл.

ликаго юридическое лицо, т.-е. являлась ли она передъ нами персонифицированной, дѣйствующей какъ одно цѣлое въ предѣлахъ гражданскаго оборота. Имѣла ли семья права, обязанности, заключала ли юридическія сдѣлки, имѣла ли имущество? По этому поводу въ литературѣ исторіи русскаго права въ послѣднее время существуетъ разногласіе. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ послѣднемъ изданіи своего „Обзора исторіи русскаго права“ беретъ подъ свою защиту всѣ теоріи, выставленныя въ пользу существованія семьи, какъ юридическаго лица [1]). Особенно сильно поддерживается мнѣніе о такомъ порядкѣ вещей въ имуществахъ тяглыхъ крестьянъ Московскаго государства [2]). Защитникомъ прежнихъ взглядовъ на значеніе семьи выступилъ проф. В. И. Сергѣевичъ [3]), подвергшій основательной критикѣ приведенныя теоріи. Прежде чѣмъ касаться указанныхъ мнѣній, посмотримъ, что́ говорятъ намъ источники по этому предмету.

§ 61. Въ первой главѣ мы старались показать, что нѣтъ никакихъ основаній говорить объ юридической общности имущества между супругами по русскому праву, какъ древнѣйшему, такъ и московскаго періода. Мы можемъ лишь констатировать фактическое преобладаніе мужа. Остановимся, затѣмъ, предварительно на древнѣйшемъ періодѣ, домосковскомъ. Гдѣ выступаетъ семья, какъ цѣлое, въ законодательныхъ памятникахъ кіевскихъ, новгородскихъ, псковскихъ и другихъ? Позволительно будетъ сказать, что только въ дѣлѣ отвѣтственности семьи за преступленія отца и мужа. Этотъ случай знаетъ, прежде всего, Русская Правда. Именно, въ ст. 5 пространнаго списка говорится: „Боудетъ ли стоялъ на разбои безъ всякыя свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдабоудутъ самого всего и съ женою и съ дѣтьми на потокъ и разграбленье“ [4]). Договоръ 1229 г. Смоленскаго князя Мстислава съ нѣмцами знаетъ случай гнѣва князя на своего человѣка, влекущій за

---

[1]) Напр., стр. 406 и сл.; 556 и сл.

[2]) П. Ивановъ, „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII в.“ („Древности“. Тр. Арх. Ком. Имп. Моск. Арх. Общ. М. 1899, в. III).

[3]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Октябрь).

[4]) Кар. сп. („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 37).

собою обращеніе всей семьи сего послѣдняго въ холопство [1]). О „потокѣ“ же говорятъ и ст. 31 и 97 Кар. сп. Русской Правды, но безъ указанія, что наказанію подлежитъ и семья преступника. Поэтому приведенныя выше два мѣста нашихъ памятниковъ мы должны считать единственными въ этихъ памятникахъ.

Проф. В. И. Сергѣевичъ указываетъ на заимствованіе „потока и разграбленія“, т.-е. ссылки и конфискаціи имущества, изъ греко-римскаго права [2]). Почему отвѣтственность ложится и на семью преступника? Тутъ слѣдуетъ указать, что по Русской Правдѣ можно полагать, что семья преступника изгонялась вмѣстѣ съ нимъ. Основаніемъ этого служитъ вѣроятное, если не соучастіе, то вѣдѣніе этой семьи о разбояхъ отца [3]). По договору же 1229 г. жена и дѣти преступника обращаются въ холопство и, очевидно, разсматриваются какъ часть его имущества. Причины такихъ постановленій лежатъ, какъ кажется, въ сознаніи тѣсной семейной связи. Въ московскихъ памятникахъ законодательства мы не встрѣчаемъ упоминанія объ отвѣтственности родственниковъ за преступленіе отца, напротивъ, мы знаемъ, что при избраніи на царство Василія Ивановича Шуйскаго ему было поставлено и имъ принято обязательство, чтобы у жены и родственниковъ преступника не конфисковали имѣній [4]). Въ Уложеніи прямо говорится, что въ случаѣ невѣдѣнія жены и дѣтей о преступленіи мужа (въ данномъ случаѣ государственномъ), они не подлежатъ наказанію и имъ остаются вотчины на прожитокъ [5]). Проф. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что фактически очень часто правительство наказывало и семьи преступниковъ, какъ до Уложенія, такъ и послѣ Уложенія [6]). Но вѣдь это дѣлалось не по инымъ причинамъ, какъ изъ мстительности, тѣмъ болѣе, что и казни Ивана Грознаго, которыя указываетъ уважаемый ученый, было бы точнѣе причи-

---

[1]) Ст. 11 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 101).
[2]) „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 514.
[3]) Ср. Владимірскій-Будановъ, „Хрест.“, I, стр. 37—38, пр. 12.
[4]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 516.
[5]) Гл. II, ст. 7 (ср. ст. 6 и 8).
[6]) Op. cit., стр. 516.

слить къ политическимъ убійствамъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что за исключеніемъ приведенныхъ мѣстъ Русской Правды и Смоленскаго договора 1229 г. мы не встрѣчаемъ въ нашемъ законодательствѣ свѣдѣній объ отвѣтственности семьи за преступленія мужа. Теперь посмотримъ, отвѣтствуетъ ли семья по гражданскимъ сдѣлкамъ мужа или одного изъ ея членовъ. Мы отчасти коснулись этого вопроса при разсмотрѣніи дѣеспособности замужней женщины, но лишь настолько, насколько намъ тогда это требовалось. Здѣсь же необходимо подробнѣе остановиться на указанномъ предметѣ, и уже съ точки зрѣнія семьи и семейныхъ отношеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, какъ мы видѣли выше, что жена могла имѣть свое особенное, отдѣльное имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, и могла по отношенію къ нему совершать юридическія сдѣлки. Равнымъ образомъ, неотдѣленные сыновья могли имѣть свое имущество. Но на ряду съ отдѣльными имуществами членовъ семьи было, какъ это достаточно разобрано въ литературѣ исторіи русскаго права [1]), общее семейное имущество. Поэтому, и вопросъ объ отвѣтственности семьи за юридическія сдѣлки мужа находится въ связи съ вопросомъ о наличности семейнаго имущества. Такимъ семейнымъ имуществомъ, т.-е. имуществомъ, не принадлежавшимъ женѣ или мужу, а назначеннымъ на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ брачнаго союза, было приданое [2]). Не все имущество жены составляло приданое. Во-первыхъ, мы видѣли, что по русскому праву, какъ древнѣйшему, такъ и московской эпохи, у жены могло быть свое особенное имущество [3]). Особое имущество жены могло возникать, во-первыхъ, путемъ ея личныхъ пріобрѣтеній, во время брака: напр., по духовному завѣщанію

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи и изслѣд.“. Спб. 1899, стр. 363 и сл.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. права“. К. 1900, стр. 418 и сл.

Даже Неволинъ, П. С. С., т. III, стр. 105 и сл., хотя въ видѣ исключенія.

[2]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи и изслѣд.“. Спб. 1899, стр. 363—366.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск пр.“. К. 1900, стр. 450 и слѣд.

[3]) Ср. О. ф.-Ланге, „О правахъ собственности супруговъ по древнему русскому праву“. Спб. 1886, стр. 3 и слѣд.

ея родителей, оставлявшихъ ей имущество [1]), затѣмъ, куплей, напр.: „Се азъ Анна Семенова жена Гаврилы Михайлова дочь Мещерикова купила есми у своихъ братаничевъ у Якова у Плохова да у Родивона у Сминого у Васильевыхъ дѣтей Мещерикова свою отчину сельцо Полосино“ [2])... Эту куплю Анна Семенова жена Гаврилова завѣщала по духовной своимъ сыновьямъ [3]). Жена могла получать даръ и онъ оставался ея отдѣльною собственностью [4]). Во-вторыхъ, невѣста могла уже вступая въ бракъ имѣть свое отдѣльное имущество, не поступавшее въ приданое: напр., вдова, получившая по завѣщанію перваго мужа купленную ею вотчину, оставалась ея отдѣльной собственницей и во второмъ бракѣ [5]). На ряду съ особымъ имуществомъ супруговъ было ихъ общее имущество: прежде всего приданое, приносимое женою. К. А. Неволинъ высказалъ взглядъ, что приданое по русскому праву поступало въ собственность мужа [6]). Это мнѣніе въ настоящее время врядъ ли можетъ быть принято безъ большихъ ограниченій и оговорокъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о приданомъ отъ очень, сравнительно, поздняго времени. Какъ было въ древнѣйшее время, мы не знаемъ, знаемъ только, что уже по Русской Правдѣ приданое давалось [7]). Есть полное основаніе признать справедливымъ мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича, высказавшаго предположеніе, что вопросъ о приданомъ въ древнѣйшей Руси долженъ былъ разбираться примѣнительно къ праву греко-римскому, такъ какъ эти дѣла подлежали вѣдѣнію церкви [8]). Какъ бы то ни было, мы имѣемъ первые рядные договоры о назначеніи приданаго лишь съ половины XVI в. (1541 и 1542 гг.) [9])

---

[1]) См. инт. вкладную № 63, XXI, въ т. I А. отн. до Юр. Б. Вѣроятно такой же случай мы имѣемъ съ купчей въ А. Ю., № 71, XXVIII.

[2]) А. отн. до Юр. Б., I, № 52, IV, стр. 186.

[3]) Ibid., стр. 187.

[4]) А. отн. до Юр. Б., I, № 66, II.

[5]) См. М. Ф. Владимірскій-Буда новъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 455.

[6]) П. С. С., т. III, стр. 116.

[7]) Кар. сп. ст. 103, 107 (Влад.-Буд., „Хрест.“, I, стр. 70, 72).

[8]) „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 569—570.

[9]) А. Ю. № 392. Ср. К. А. Неволинъ, П. С. С., III, стр. 114. „Записная книга крѣпостнымъ Актамъ XV—XVI вв.“, изд. Арх. Ком. подъ редакціей А. С. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1898, № 64, стр. 21—22.

(если не считать спорной рядной Тѣшаты 1266 – 1299 гг.) [1]). Впрочемъ, приданое извѣстно и ранѣе, и въ одной мѣновой 1479 г. мы читаемъ о приданой землѣ [2]). Разсматривая эти рядныя, а равно дошедшіе до насъ акты юридическихъ сдѣлокъ супруговъ, мы должны согласиться съ мнѣніемъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, что „приданое“ составляло собственность семьи, будучи назначено на удовлетвореніе матеріальныхъ ея потребностей [3]). Именно, мы здѣсь должны различать, во-первыхъ, цѣль приданаго и опредѣляемаго ею субъекта правъ на него; во-вторыхъ, кто распоряжался приданымъ, пользовался и какіе были предѣлы этого распоряженія и пользованія, и, въ третьихъ, какова судьба приданаго послѣ брака. Въ Кормчей книгѣ, которою, какъ можно полагать, руководились церковные суды, вѣдавшіе имущественныя отношенія супруговъ (эта ихъ компетенція была еще подтверждена Стоглавымъ Соборомъ 1551 года [4]), довольно точно, для своего времени, переведены постановленія византійскаго права касательно dos и на основаніи ихъ мы можемъ принять какъ правило, что и на Руси приданое служило ad matrimonii onera ferenda — „идѣ же тяжкое имѣніе брачное тоу и вѣну подобаетъ быти“ [5]). Такое назначеніе приданаго очень характерно выражено въ одной позднѣйшей, сравнительно, по времени сговорной записи 1611—1612 гг. [6]). Представляя собою общее имущество мужа и жены, приданое eo ipso подлежало совмѣстнымъ распоряженіямъ ихъ обоихъ. На такой точкѣ зрѣнія стояли и тѣ немногіе законодательные памятники, которые касались вопроса о приданомъ. Эти указы относятся уже къ концу XVII в. Именно, указомъ 1676 года запрещается мужу отчуждать самостоятельно приданыя вотчины жены [7]). Указъ же 1679 года [8]) развиваетъ и обобщаетъ это положеніе. На

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 119.
[2]) А. о. до Юр. Б., II, № 156, VIII.
[3]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 451.
[4]) Гл. 68.
[5]) О. ф.-Ланге, op. cit., стр. 53 и слѣд.
[6]) А. отн. до Юр. Б., III, № 336.
[7]) П. С. З., № 650.
[8]) П. С. З., № 751; ср. № 762.

конецъ, указъ 1680 г. опредѣляетъ, что купчія и закладныя на приданыя вотчины дѣйствительны лишь при условіи подписи акта не только мужемъ, но и женою [1]). Такъ смотрѣло правительство на распоряженіе приданымъ въ концѣ XVII в. О. фонъ-Ланге полагаетъ, что до этого времени приданое составляло собственность мужа и находилось въ безконтрольномъ его распоряженіи, какъ это полагалъ ранѣе и К. А. Неволинъ [2]). Прежде всего позволимъ себѣ указать небольшую неточность г. О. фонъ-Ланге. Въ доказательство того, что даже въ концѣ XVII в. приданая вотчина составляла собственность мужа, изслѣдователь приводитъ послушную грамоту 1678 г. и говоритъ: „Въ указной грамотѣ 1678 г. В. К. Ѳед. Алекс. говорится, что ему была подана жалоба стольникомъ его Андреемъ Самаринымъ на свою жену, что она заложила приданую вотчину и обратно получила ее вмѣстѣ съ данной на эту вотчину и челобитную за руками, а между тѣмъ эта приданая вотчина была записана за нимъ, стольникомъ Андреемъ Самаринымъ, въ Вотчинныя книги Помѣстнаго Приказа“ [3]). Между тѣмъ, означенная послушная грамота [4]) ни о чемъ подобномъ не говоритъ. Во-первыхъ, Андрей Самаринъ на жену свою не жалуется. Во-вторыхъ, была ли записана приданая вотчина за нимъ до залога ее женою — изъ акта не видно. Въ грамотѣ прямо сказано, что послѣ смерти кредитора его мать и вдова „тое вотчину отдали женѣ его Андрѣевѣ Оксиньѣ и данную де на ту вотчину и челобитную за руками ей дали, и по той де даной и по заручной челобитной та вотчина за нимъ Андрѣемъ въ Помѣстномъ Приказѣ въ записныя вотчинныя книги записана“... Но только ему не дали послушной крестьянамъ грамоты. О выдачѣ этой послѣдней онъ и проситъ государя. Такимъ образомъ, изъ настоящаго документа видно, что юридическія сдѣлки по поводу приданой вотчины совершались одною женою, мужъ же былъ распорядителемъ-

---

[1]) П. С. З., № 803.

[2]) „О правахъ собственности супруговъ по древнему русскому праву“. Спб. 1886, стр. 67 и сл.

[3]) Ibid., стр. 67—68.

[4]) А. отн. до Юр. Б., I, № 60, II.

управителемъ; неоднократно приводившійся приговоръ Патріарха по дѣлу о взысканіи долговъ съ вдовы Нижегородскаго посадскаго человѣка Марѳицы, 1657 г., подтверждаетъ это мнѣніе. Тамъ прямо сказано: „Буде она Марфица послѣ мужа своего, кромѣ своего приданаго и четвертыя части, что было ей изъ тѣхъ мужа своего животовъ довелось дать, животами не владѣетъ, и въ тѣхъ кабалахъ займовъ мужа ее ненаписано, и мимо порутчиковъ на ней, вдовѣ, мужа ея долговъ править не велѣлъ“ [1]). Изслѣдователями приводится рядъ документовъ, доказывающихъ, по ихъ мнѣнію, право мужа распоряжаться, въ качествѣ собственника, приданымъ жены [2]). Позволимъ себѣ сдѣлать по этому поводу нѣсколько оговорокъ. Будиславъ Посниковъ продаетъ вотчину приданую его жены [3]). Но вѣдь эта вотчина такъ и названа въ актѣ „продалъ есми вотчину жены своей Настасьи Ондрѣевѣ дочери Лысцова приданую“... По какимъ полномочіямъ актъ совершенъ, изъ него не видно и мы не имѣемъ права заключать, что Посниковъ распорядился какъ съ своей собственностью. Купчая 1673 г., гдѣ приданая вотчина продается совмѣстно мужемъ и женою, конечно, не подтверждаетъ мнѣнія о правѣ собственности у мужа на вотчину [4]). Равнымъ образомъ, многіе другіе акты [5]), дающіе основаніе говорить, что мужъ считалъ приданое жены своею собственностью, по краткости, по отсутствію данныхъ объ управомоченіи мужа, не даютъ намъ права говорить объ этомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Больше того, судьба приданаго при прекращеніи брака прямо противорѣчитъ теоріи о правѣ собственности мужа на это приданое. Приданое, по общему правилу, переходило или къ дѣтямъ мужа и жены, или, за отсутствіемъ ихъ, возвращалось въ родъ жены [6]). Уложеніе 1649 года такъ это выражаетъ: „А женамъ тѣхъ умершихъ, которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животовъ

---

[1]) П. С. З., № 210.
[2]) См., напр., О. ф.-Ланге, op. cit., стр. 67.
[3]) А. отн. до Юр. Б., II, № 147, XXV.
[4]) А. отн. до Юр. Б., II, № 147, XXIX.
[5]) А. отн. до Юр. Б., т. I, №№ 52, VII, 60, II; 119, II; т. II, № 228, II.
[6]) О. ф.-Ланге, op. cit., стр. 71—72.

ихъ четверть, да приданое“ [1]). Опредѣленіе это объяснено въ послѣдующихъ указахъ: „а по правиламъ де Святыхъ, приданое у зятьевъ, послѣ которыхъ женъ и дѣтей не останется, велѣно имать и отдавать тѣмъ, кто приданое давалъ“ [2]). Сообразно этому, во второй половинѣ XVII в. запрещается обращать взысканіе по обязательствамъ мужа на приданое жены [3]). Отъ мужа и его правопріемниковъ можно требовать возвращенія приданаго и вознагражденія за убытки [4]). На основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ данныхъ мы можемъ заключить, что подобный порядокъ вещей существовалъ и въ XVI вѣкѣ. Именно, по духовной грамотѣ княгини Іуліаніи 1503 г. и по другой духовной начала XVI вѣка мы узнаемъ, что приданое возвращалось, послѣ смерти бездѣтной дочери, родителямъ [5]). Да это и вполнѣ понятно, разъ дѣла этого рода разбирались духовенствомъ съ примѣненіемъ греко-римскаго права [6]). Къ этому надо прибавить, что изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что распоряженіе обоихъ супруговъ каждаго въ отдѣльности не противорѣчитъ общности ихъ правъ. Въ виду сказаннаго, было вполнѣ естественно, что приданымъ распоряжались сообща мужъ и жена, или мужъ за себя и по управомочію жены. Приданое обыкновенно дается обоимъ супругамъ [7]), мужъ и жена его продаютъ вмѣстѣ [8]), вмѣстѣ завѣщаютъ [9]) и вмѣстѣ же дарятъ [10]). Мужъ дѣлаетъ вкладъ въ монастырь приданаго съ

---

[1]) Гл. XVII, 1; ср. XX, 22.

[2]) П. С. З., № 860.

[3]) П. С. З., № 441.

[4]) П. С. З., №№ 644, 650.

[5]) А. Ю., № 414. С. Г. Гр. и Д., I, № 131. О. ф.-Ланге говоритъ, что мужья дѣлали завѣщательныя распоряженія о судьбѣ движимаго приданаго (op. cit., стр. 67). Это недоразумѣніе, такъ какъ въ приводимыхъ имъ духовныхъ граматахъ только говорится, что въ приданомъ „вольна“ жена. См. ibid., стр. 63; А. Ю., №№ 410, 420.

[6]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 573 и сл.

[7]) А. Ю., №№ 110 и 392.

[8]) А. Ю., № 71, X.

[9]) П. И. Бѣляевъ, „Анализъ нѣкоторыхъ пунктовъ древне-русскаго завѣщанія“. М. 1897, стр. 17.

[10]) Акты Оед.-Чех., № 94.

согласія жены [1]); существуетъ одинъ очень любопытный актъ 1554—1555 гг., характерно рисующій особое положеніе приданаго въ составѣ имущества мужа и жены [2]). „А взяли есмя у него деньги не изъ вопьчева живота, жены его деньги приданые, деньги Катерины Ивановы дочери Данилова". При продажѣ мужемъ вотчинъ жены (очевидно съ ея согласія) на купчей въ качествѣ послуховъ подписываются представители женинаго рода: братья и племянники [3]), въ данной участвуютъ какъ послухи тесть, теща, и женина бабка [4]); при вкладѣ Обяза Тимофея Григорьева сына Головкина и его жены Соломониды Петровой дочери Ивановича Сытина приданой деревни Соломониды 1545—1546 гг. есть оговорки со стороны Соломониды: „а будетъ которому въ роду въ моему въ Соломанидинѣ которой нашъ вотчикъ захочетъ выкупить деревню" [5])... Въ этомъ актѣ мужъ подписывается за себя и за жену. Всѣ приведенныя данныя приводятъ насъ къ заключенію объ общности правъ на приданое во время брака у жены и мужа и объ ярко выраженой тенденціи этого приданаго въ родъ жены.

§ 62. Единственнымъ видимымъ исключеніемъ изъ этого правила—исключеніемъ, дававшимъ нѣкоторое основаніе говорить о правѣ собственности мужа на приданое жены, является порядокъ отношеній мужа къ помѣстьямъ, справленнымъ за невѣстой или оставленнымъ вдовамъ на прожитокъ. Какъ по рядным записямъ, такъ и по позднѣйшимъ законодательнымъ памятникамъ, эти помѣстья поступаютъ во владѣніе мужа и переходятъ въ его родъ: напримѣръ, по рядной записи женихъ обязуется: „и мнѣ Павлу на ее прожиточное помѣсье ему великому государю бить челомъ и за себя справить и на ней женитца на срокъ" [6])... Изъ указа Царя Михаила Ѳеодоровича по поводу помѣстнаго дѣла Степана князя Горскаго

---

[1]) С. А. Шумаковъ, „Тверскіе Акты". Тверь 1896, в. I, № 47.

[2]) С. А. Шумаковъ, „Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи", в. I, М. 1899, стр. 37, № 8 (обзоръ Бѣжецкихъ частныхъ актовъ).

[3]) Ibid., № 9 (1585—1586 гг.).

[4]) Ibid., стр. 21, № 5 (1547—1548 гг.).

[5]) Ibid., стр. 21, № 4. Ср. объ этомъ нашу рецензію на цитированное изданіе С. А. Шумакова (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 2).

[6]) А. отн. до Юр. Б., III, № 334, II.

съ Савою съ Мертвымъ [1]), видно, что въ 1620 г., 1621 и 1622 г. возбуждался рядъ вопросовъ относительно условій справки помѣстій невѣстой за женихами. Уложеніе [2]) и послѣдующіе указы [3]) точно такъ же опредѣлительно разрѣшаютъ этотъ вопросъ, требуя, чтобы помѣстье еще до свадьбы справливалось за женихомъ, чтобы женихъ имѣлъ право на владѣніе помѣстьями, чтобы невѣста изъявила свое непринужденное согласіе на справку помѣстья за женихомъ и т. д. Несомнѣнно, что помѣстье переходитъ во владѣніе мужа, тѣмъ болѣе, что по указамъ 1637 г. [4]), 1676 [5]) и 1677 [6]) годовъ помѣстье, справленное за женихомъ, по прекращеніи брака не возвращается въ родъ жены. По нашему мнѣнію, это доказываетъ лишь, что помѣстье не составляло приданаго въ точномъ значеніи этого слова, да по существу дѣла и не могло составлять. Помѣстье оставлялось на прожитокъ вдовамъ и незамужнимъ дочерямъ за службу ихъ мужей и отцовъ. Государство было заинтересовано въ правильномъ отбываніи повинностей съ этого помѣстья и потому на ряду съ дозволеніемъ справлять его за мужьями дозволяло сдавать и постороннимъ лицамъ [7]). При выходѣ дочери или вдовы замужъ, нормально было бы отобрать ея прожиточное помѣстье въ казну. Но въ видѣ льготы дозволено было сдавать его мужу. Ни о какомъ приданомъ здѣсь рѣчи быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что и отношенія помѣстья были публично-правового а не частно-правового характера. Лишь въ самомъ концѣ XVII в. замѣчается измѣненіе взгляда на помѣстье [8]), положившее основаніе для уничтоженія помѣстной системы Петромъ Великимъ. Но въ то же время

---

[1]) Указная книга пом. приказа, III, 12 („Хрест." Влад.-Буд., III, стр. 204—206).

[2]) Гл. XVI, 17, 20.

[3]) П. С. З., № 42; № 59 и др.

[4]) Ук. кн. пом. приказа, IV, 39 („Хрест." Влад.-Буд., III, стр. 231).

[5]) П. С. З., № 633.

[6]) П. С. З., № 700.

[7]) Ук. кн. пом. приказ., IV, 49 („Хрест." Влад.-Буд., III, стр. 237—238). П. С. З., №№ 633 и 700.

[8]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи". Спб. 1890, стр. 635.

окончательно утвердился принципъ полной раздѣльности имуществъ супруговъ [1]).

§ 63. Признавъ, такимъ образомъ, общность правъ супруговъ на приданое, въ отличіе отъ отдѣльнаго имущества мужа и параферналнаго имущества жены, мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о юридической природѣ этой общности. Тутъ, собственно говоря, можетъ быть лишь два предположенія: или супруги находятся въ совладѣніи (condominium) приданымъ, или составляютъ юридическое лицо въ широкомъ смыслѣ этого слова (коллективную единицу). Разбирая подобный же вопросъ по отношенію къ германскому праву, Отто Штоббе совершенно справедливо указываетъ [2]), что теорія совладѣнія должна быть оставлена, такъ какъ при совладѣніи предполагается, что каждый изъ совладѣльцевъ имѣетъ право на реальную или идеальную часть имущества, имѣетъ право своею частью распоряжаться по своему усмотрѣнію, имѣетъ право требовать раздѣла; между тѣмъ, въ приданомъ мы этого не находимъ и при прекращеніи брака мужъ не имѣетъ права ни на какую его часть, что̀ необходимо должно было бы быть при совладѣніи. Поэтому единственнымъ возможнымъ предположеніемъ является признаніе въ отношеніи приданаго мужа и жену коллективнымъ лицомъ. Какой характеръ носитъ это лицо? Признать ихъ юридическимъ лицомъ въ тѣсномъ значеніи слова, т.-е. признать, что приданое служитъ отвлеченному понятію семьи, представителемъ которой является мужъ, что оба супруга имѣютъ каждый права на нераздѣльное цѣлое имущество, которое и послѣ ихъ смерти продолжаетъ существовать какъ цѣлое, мы не имѣемъ данныхъ, такъ какъ вышеприведенныя данныя противорѣчатъ подобному толкованію. Судьба приданаго послѣ смерти супруговъ не позволяетъ говорить о существованіи юридическаго лица. Разъясненія законодательства XVII в. еще сильнѣе препятствуютъ такому объясненію, ибо ограничиваютъ въ высшей степени права мужа по отношенію къ приданому. Тѣ же со-

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 455—457.

[2]) Otto Stobbe, „Handbuch des Deutschen Privatrechts“. Dritte Auflage, bearbeitet v. H. O. Lehmann, B. IV. Berl. 1900, S. 271—275.

ображенія не дозволяютъ признать мужа и жену товарищами по отношенію къ приданому. Супруги не образуютъ по отношенію къ нему никакого новаго юридическаго лица, и прекращеніе брака влечетъ результаты, противорѣчащіе такому объясненію. Послѣдней возможностью, по выраженію О. Штоббе [1]), является предположеніе, что въ теченіе брака мужъ и жена представляютъ собою особый семейный союзъ, имѣютъ вдвоемъ имущественную общность, право собственности на недѣлимое цѣлое приданаго (независимо отъ ихъ личнаго отдѣльнаго имущества), носящій въ германскомъ правѣ названіе die Gesammthandsverhältniss. Дѣйствительно, изъ документовъ, дошедшихъ до насъ, мы видимъ, что до второй половины XVII в., фактически же (т.-е. согласно народному правосознанію) и дольше, всякое распоряженіе каждаго изъ супруговъ признавалось обязательнымъ для другого. Мужъ и жена могли распоряжаться приданымъ вмѣстѣ, могли и отдѣльно [2]). Обязательства каждаго изъ супруговъ, подлежащія погашенію изъ приданаго, т.-е., совершенныя подъ обезпеченіе приданымъ, были дѣйствительны, независимо отъ другого [3]). И по законодательству второй половины XVII в. мужъ былъ ограниченъ, собственно говоря, лишь въ правѣ отчужденія приданаго безъ согласія жены [4]). Мужъ и жена не образуютъ новаго юридическаго лица, не складываютъ своего имущества для образованія имущества этого новаго лица, не имѣютъ права на реальныя или идеальныя доли приданаго. Прекращеніе брака разрушаетъ общность и приданое идетъ тѣмъ, кто его далъ ad matrimonii onera ferendum (М. Ф. Владимірскій-Будановъ приводитъ случай поступленія приданаго со стороны мужа, при пріемѣ его въ домъ и хозяйство тестя [5]).

§ 64. Но помимо приданаго и отдѣльнаго имущества супруговъ, эти послѣдніе, какъ и постороннія между собою лица, могли являться совладѣльцами въ имуществѣ на общихъ основаніяхъ и сотоварищами въ обязательственныхъ сдѣлкахъ. Къ первому

[1]) Op. cit., S. 280—282.
[2]) А. о. до Юр. Б., II, № 147, XXV; т. I, № 60, II; т. I, № 147, XXIX.
[3]) А. о. до Юр. Б., I, № 52, VII.
[4]) П. С. З., №№ 650, 751.
[5]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 450.

ряду явленій должно отнести купчія граматы, писанныя сообща мужемъ и женою. Вотчина продается мужемъ и женою [1]), мужемъ и женою покупается [2]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ по этому поводу замѣчаетъ [3]): „купленныя вотчины считаются общимъ имуществомъ обоихъ супруговъ до Уложенія Царя Алексѣя Михаиловича и въ самомъ Уложеніи". Уважаемый ученый дѣлаетъ этотъ выводъ на основаніи существованія совмѣстныхъ сдѣлокъ обоихъ супруговъ, о которыхъ мы только-что сказали, и постановленія закона, что купленныя вотчины послѣ смерти мужа остаются женѣ. Совмѣстная сдѣлка еще не даетъ права дѣлать подобное заключеніе, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ вообще случаи пріобрѣтенія земли нѣсколькими лицами сообща, которыя и являются въ этой землѣ совладѣльцами, собственниками въ идеальныхъ доляхъ [4]). При существованіи приданаго, во-первыхъ, супруги могли пріобрѣтать недвижимую собственность на счетъ этого послѣдняго и тогда она, очевидно, становилась ихъ имуществомъ, der gesammten Hand. Засимъ, пріобрѣтеніе могло происходить на счетъ парафернальнаго имущества супруговъ, и тогда супруги являлись, на общемъ основаніи, совладѣльцами. Наконецъ, и это, кажется, было всего чаще, купля-продажа, совершаемая отъ имени обоихъ супруговъ, производилась однимъ мужемъ, и присоединеніе имени жены или еще чаще дѣтей и другихъ родственниковъ было одной формою выраженія. Мы этого послѣдняго пункта коснемся далѣе, здѣсь же долгомъ считаемъ сказать, что наши древніе акты бывали, сравнительно, точны въ опредѣленіяхъ юридической природы имуществъ. Всѣ, рѣшительно, случаи, гдѣ фигурируетъ приданое, кто бы ни совершалъ юридическую сдѣлку по поводу его, говорятъ именно о „приданомъ" — „приданая вотчина", „приданый холопъ" и т. д. [5]). Равнымъ образомъ и деньги приданыя всегда опре-

---

[1]) А. отн. до Юр. Б., I, № 147, XXIII; 148, XIV.

[2]) А. отн. до Юр. Б., I, № 147, XXXI; 148, XXI.

[3]) „Обзоръ". К. 1900, стр. 452.

[4]) А. отн. до Юр. Б., I, № 148, XI.

[5]) А. отн. до Юр. Б., I, № 52, VII; 84, I; 119, II и др. А. Юр., № 410. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв.", № 330, столб. 119.

дѣляются какъ таковыя [1]). Поэтому всѣ сдѣлки съ приданымъ сейчасъ же могутъ быть опредѣлены и мы можемъ о нихъ не говорить. Совладѣніе супруговъ въ имуществѣ, купленномъ на ихъ отдѣльныя каждаго средства, представляется явленіемъ возможнымъ, но рѣдко встрѣчавшимся. Мы имѣемъ одну сговорную грамоту, гдѣ мужъ и жена складываютъ свое имущество. Согласно этому договору, супруги дочерей выдаютъ замужъ „изъ вопча“, а сыновьямъ отъ ихъ первыхъ браковъ (оба они вдовы) — мужнинымъ мужнина часть, женинымъ — женина [2]). Это характерный случай семейнаго товарищества, складства, совладѣнія. Имѣется данная, по которой вдова дѣлаетъ въ монастырь вкладъ какъ своей земли, такъ и мужниной. Быть можетъ, они и при жизни владѣли ею сообща [3]). Марія Васильева дочь Андреева Челяднина, Иванова жена Петровича, дѣлаетъ вкладъ въ монастырь своей вотчины, доставшейся ей отъ отца, и села, купленнаго у мужа, съ обязательствомъ монастыря оставить этотъ вкладъ въ пожизненное пользованіе ей и мужу [4]). Тутъ тоже мы имѣемъ обращеніе парафернальнаго имущества жены въ совладѣніе съ мужемъ.

§ 65. Засимъ, слѣдуютъ акты, заключенные отъ имени мужа и жены, безъ указанія на юридическую природу имущества, по поводу котораго совершается сдѣлка. М. Ф. Владимірскій-Будановъ сдѣлалъ вышеприведенное обобщеніе объ обращеніи купли въ общую собственность мужа и жены на основаніи одного документа. Мы уже выше привели нѣсколько подобныхъ документовъ. Укажемъ еще данныя XV и XVI в., отпечатанныя, одна въ А. отн. до Юр. Б. [5]), другая С. А. Шумаковымъ [6]). Существуютъ и другіе подобные акты. Но мы думаемъ, что ихъ немного. Большинство данныхъ, купчихъ, закладныхъ и др. актовъ, упоминая о дѣтяхъ и иногда другихъ родственныхъ лицахъ, заключавшихъ сдѣлки, не упоми-

---

[1]) С. А. Шумаковъ, „Обзоръ Грамотъ Коллег. Экономіи“, в. I. М. 1899, стр. 37, № 8 („Обзоръ Бѣжецкихъ частныхъ актовъ“).

[2]) Актъ отн. до Юр. Б., III, № 336, I.

[3]) С. А. Шумаковъ, „Обзоръ гр. кол. экон.“, в. I, стр. 21—22, № 7.

[4]) Ibid., стр. 32, № 10.

[5]) Т. I, № 63, II.

[6]) „Углицкіе Акты“, стр. 85, № XLV.

нают о женѣ. Можно ли на основаніи этого дѣлать выводъ объ общности правъ у мужа и жены на все это имущество? Какъ наслѣдственныя вотчины мужа и жены различаются („родственныя“ вотчины) [1]), такъ уже съ очень ранняго времени, жена, наслѣдуя мужу въ его вотчинѣ или получая эту вотчину на прожитокъ, указываетъ именно, что это мужнина вотчина, купля и т. п. [2]). Что упоминаніе именно жены въ актѣ юридической сдѣлки является простой случайностью, вызываемой желаніемъ какъ можно подробнѣе и многословнѣе опредѣлить твердость и послѣдствія сдѣлки, стремленіемъ предусмотрѣть всѣ возможныя возраженія, служитъ документъ 1661 года, гдѣ мужъ и жена совокупно дѣлаютъ вкладъ выслуженной мужниной вотчины, которая, конечно, не могла быть общимъ имуществомъ мужа и жены [3]).

Переходъ купленныхъ вотчинъ послѣ смерти мужа въ собственность жены также не можетъ служить основаніемъ признанія общности правъ обоихъ супруговъ на всѣ купленныя вотчины. Во-первыхъ, слѣдуетъ указать, что положеніе это проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ формулировано такъ [4]): „по смерти мужа, жена ео ipso становится исключительною собственницею ихъ“ (т.-е. вотчинъ), и въ подкрѣпленіе этого приводится цитата изъ Уложенія 1649 г. „купленая вотчина—женѣ его; вольно ей въ той вотчинѣ, какъ похочетъ, нѣтъ до нея никому дѣла“ (Ул. XVII, 2). Означенное мѣсто Уложенія нельзя брать отдѣльно отъ контекста. Абзацъ ст. 2 гл. XVII гласитъ, что за смертью нисходящихъ, родовыя и выслуженныя вотчины „въ родъ отдавати, кто ближе того роду вотчичемъ, а имъ за тѣ вотчины деньги давати по умершаго душѣ въ вѣчный поминокъ по Уложенію“. Вслѣдъ же за симъ и помѣщено цитированное проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ мѣсто. Очевидно, что дѣло идетъ лишь о наслѣдованіи по закону при отсутствіи нисходящихъ. Да иначе и быть не мо-

[1]) А. отн. до Юр. Б., I, № 63, XXI, стр. 456. С. А. Шумаковъ, „Угличкіе Акты“, стр. 87, № XLVI.

[2]) А. отн. до Юр. Б., I, № 63, I (1253 года). С. А. Шумаковъ, „Обзоръ грамотъ коллег. экономи.“, в. I (Бѣжец. част. акт.), стр. 4, №№ 12 и 14.

[3]) А. отн. до Юр. Б., I, № 63, XXII (стр. 457).

[4]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 453.

жетъ, такъ какъ вся практика и все законодательство гласитъ о наслѣдованіи нисходящихъ, если таковые имѣются; дѣйствительно, напр. тоже Уложеніе, въ ст. 5 гл. XVII, говоритъ, что въ купленной вотчинѣ жена и всѣ дѣти, отъ какого бы брака ни было, наслѣдуютъ вмѣстѣ „и купленая вотчина дати женѣ, и дѣтямъ его, всѣмъ раздѣля по жребьямъ, по скольку на жеребей достанется“. Ст. 6 той же главы говоритъ: „А которая купленая вотчина, послѣ умершаго дана будетъ женѣ его, опричь дѣтей, и она въ тои вотчинѣ вольна. А иному никому до тои вотчины дѣла нѣтъ“. Вотъ это мѣсто долженъ былъ привести уважаемый ученый. Изъ него видно, что купленная вотчина могла быть дана и въ видѣ отдѣльнаго имущества вдовѣ, независимо отъ дѣтей. Но какъ могла. По смыслу статьи, очевидно, рѣчь идетъ о дозволеніи завѣщать по духовному завѣщанію свою купленную вотчину вдовѣ, и другіе наслѣдники не могли имѣть противъ этого претензій. Засимъ ст. 7 ограничиваетъ право бездѣтныхъ вдовъ даже на оставленныя имъ по духовному завѣщанію купленныя вотчины: при выходѣ вдовы замужъ вотчина возвращается въ родъ мужа. При пожизненномъ владѣніи смерть вдовы или постригъ также возвращаютъ вотчину въ родъ мужа. Если бы было принято мнѣніе проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, то и завѣщаніе на купленныя вотчины не дѣлалось бы, да не могли бы умирающіе супруги ихъ дѣлать, разъ имущество все равно должно перейти къ переживающему ихъ супругу. Ст. 13, 14, 15 говорятъ о наслѣдованіи нисходящихъ. Практика также противорѣчитъ теоріи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Всѣ документы юридическихъ сдѣлокъ, совершенныхъ вдовами, имѣвшими дѣтей, на купленныя вотчины ихъ мужей, совершаются отъ имени вдовы и дѣтей [1]), причемъ часто въ такихъ случаяхъ говорится, что сдѣлка совершается по поводу „купли“ мужа [2]). Очень много сохранилось указаній, что вдова совершаетъ сдѣлку на вотчину, оставленную ей мужемъ по духовному завѣщанію [3]). Засимъ приводимыя М. Ф. Владимірскимъ-

[1]) С. А. Шумаковъ, „Обзоръ гр. колл. экон.“, в. I, стр. 2, № 7; стр. 3, № 8 и мн. др. Ср. passim А. отн. до Юр. Б., I; А. Юр. и др.

[2]) Ibid., стр. 6, № 25; стр. 26, № 3, п. 2. Прилож. А, № 14.

[3]) Ibid., стр. 4, № 12; стр. 21, № 7; стр. 22, № 8.

Будановымъ [1]) указы 1627, 1628 и 1629 гг. также говорятъ лишь о бездѣтныхъ вдовахъ. Мы не имѣемъ возможности говорить здѣсь о правѣ наслѣдованія вдовъ. Но позволимъ себѣ лишь замѣтить, что изученіе этого права возможно лишь на купленныхъ вотчинахъ, какъ единственныхъ, подлежащихъ вполнѣ цивильному обороту. Вотчины родовыя, выслуженныя, а особенно помѣстья, трактуются нашимъ законодательствомъ всегда съ точки зрѣнія публичнаго права. Купленная же вотчина представляетъ собою объектъ полнаго цивильнаго обладанія, и намъ кажется что изученіе дѣла съ этой стороны повлечетъ къ признанію права жены на наслѣдованіе.

§ 66. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ засимъ говоритъ объ общности обязательственныхъ правъ супруговъ [2]). При изученіи положенія жены мы старались показать, что жена по русскому праву отвѣтствовала за долги мужа: 1) если участвовала въ юридической сдѣлкѣ какъ поручительница за мужа или его сотоварищъ и 2) если являлась универсальной правопріемницей мужа. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ совершенно справедливо замѣчаетъ [3]): ...„всѣ акты служилой кабалы (которыхъ опубликовано сотни), какъ XVI, такъ и XVII в., пишутся отъ имени мужа и жены (если только дающій кабалу состоитъ въ бракѣ)“. Примѣръ, приводимый уважаемымъ изслѣдователемъ, только подтверждаетъ отрицаемое имъ мнѣніе Неволина [4]), что жена, безъ участія въ сдѣлкѣ мужа, не отвѣчаетъ за его долги. Необходимость поименованія жены (равно какъ и дѣтей, родившихся до заключенія кабалы) свидѣтельствуетъ, что безъ этого обязательство мужа не вліяетъ на правоотношенія жены. Поэтому Неволинъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „включеніе жены въ заемный актъ не имѣло бы никакой цѣли, если бы жена по самому уже закону отвѣчала за долги своего мужа“ [5]). Это прямо подтверждается и Уложеніемъ [6]).

---

[1]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 502—503.
[2]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 453—455.
[3]) Ibid., стр. 455, пр. 1.
[4]) П. С. С., т. 3, стр. 99—104.
[5]) Ibid., стр. 101.
[6]) Гл. X, ст. 132, 207, 245; XXI, ст. 88.

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ [1]), что „Неволинъ отрицаетъ выдачу несостоятельныхъ кредиторовъ для отработки долга съ женами“, и замѣчаетъ, что „если въ концѣ XVII в., т.-е. наканунѣ реформы, предписывалось выдавать съ женами, то можно ли предположить другой порядокъ въ эпохи болѣе раннія и даже древнѣйшія“. Такой знатокъ исторіи русскаго права, какимъ былъ Неволинъ, конечно, не могъ не знать объ отдачѣ въ заживъ долга женъ съ мужьями. Онъ объ этомъ говоритъ на стр. 102 и 103 перваго тома Исторіи Россійскихъ гражданскихъ законовъ [2]). Но знаменитый изслѣдователь совершенно справедливо замѣчаетъ: „это постановленіе было только послѣдствіемъ законовъ церковныхъ о нерасторжимости союза супружескаго, и съ отмѣною при Петрѣ Великомъ выдачи въ заживъ головою несостоятельныхъ должниковъ оно потеряло свою силу“ [3]). Когда кабала (послѣ указа 1586 г.) потеряла свое первоначальное значеніе долга, и кабальное холопство по Уложенію замѣнило собою полное холопство, то и жена стала по мужу холопкою [4]). Поэтому проф. В. И. Сергѣевичъ справедливо говоритъ [5]), что „кабальное холопство сообщается по мужу женѣ и обратно“. Это старое правило: по робѣ холопъ, по холопѣ роба, и нѣтъ никакихъ основаній толковать это какъ отвѣтственность жены за долги мужа. Къ этому еще надо прибавить, что Уложеніе трактуетъ лишь случаи вступленія въ бракъ кабальнаго холопа, а не касается судьбы жены, бывшей за нимъ до поступленія въ холопы [6]). Наконецъ, надо указать, что постоянно приводимый случай правежа жены, неполучившей послѣ мужа наслѣдства, по долгамъ мужа [7]), говоритъ какъ разъ обратное тому, что́ защищаетъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [8]): справка въ правилахъ Св. Отцевъ ничего не говоритъ о про-

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 453, пр. 1.
[2]) П. С. С., т. 3, указанныя страницы.
[3]) Ibid., стр. 103.
[4]) Гл. XX, ст. 85.
[5]) Русск. Юр. Др. (изд. 2-е), т. I, стр. 163.
[6]) Гл. XX, ст. 84, 85, 86, 87.
[7]) П. С. З., № 210.
[8]) „Обзоръ“. К. 1900, стр. 454, пр. 1.

веденіи новаго принципа: Патріархъ, въ существѣ дѣла, обратилъ вниманіе, что жена не является въ данномъ случаѣ наслѣдницей и не участвовала въ юридической сдѣлкѣ, и освободилъ ее отъ правежа. Какъ она попала на правежъ въ такомъ случаѣ? Очевидно такъ же, какъ была возможность продать и заложить чужую вотчину и сдѣлать объ этомъ явку въ помѣстномъ приказѣ: такой случай предполагаетъ Уложеніе и очевидно на основаніи фактовъ его разбираетъ [1]). Нельзя же считать это нормою.

Напротивъ, по нашему мнѣнію, Неволинъ совершенно правильно толкуетъ ст. 203 гл. X Уложенія, которая подала поводъ къ вышеприведенному замѣчанію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Неволинъ говоритъ [2]), что жена и дѣти отвѣтствуютъ за долги умершаго мужа и отца прежде поручителей, если они являются его наслѣдниками. Намъ кажется, что изъ сравненія этой статьи съ другими (ст. 132, 207, 245) только и можно вывести такое заключеніе.

§ 67. Кромѣ мужа и жены, семья состоитъ и изъ дѣтей. Мы выше уже имѣли случай говорить объ имущественныхъ отношеніяхъ дѣтей и родителей. Здѣсь же лишь коснемся спеціальнаго вопроса, составляли ли и дѣти съ родителями коллективную единицу, персонифицированную, съ общими имущественными правами. Въ литературѣ было выставлено положеніе, что существовало семейное имущество, отчужденіе коего, равно какъ пріобрѣтеніе, совершалось съ участіемъ какъ родителей, такъ и дѣтей [3]). Съ другой стороны, также указывалось, что это поименованіе въ сдѣлкѣ дѣтей указываетъ лишь на твердость, безповоротность акта [4]).

Постараемся разсмотрѣть этотъ вопросъ. Прежде всего укажемъ, что мы имѣемъ громадное количество купчихъ и

---

[1]) Гл. XVII, ст. 35.

[2]) П. С. С., т. III, стр. 101—102, пр. 276.

[3]) На это намекаетъ уже А. Рейцъ, „Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“. Русск. ист. М. 1836, стр. 68; 210, пр. 2; 299—300. М. Ф Владимірскій-Будановъ уже говорилъ вполнѣ опредѣленно: „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 462—465.

[4]) Неволинъ, П. С. С., т. III, стр. 338—340; В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи и изслѣдов.“. Спб. 1899, стр. 389.

закладныхъ, писанныхъ безъ упоминанія дѣтей [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ явствуетъ, что стороны имѣли дѣтей, хотя и заключали сдѣлки безъ нихъ [2]). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что не все имущество родителей состояло въ общей собственности у нихъ и у дѣтей. Это особенно ясно подтверждается случаемъ продажи отцомъ и двумя сыновьями третьему сыну вотчинной деревни [3]). Значитъ, отецъ могъ совершать юридическую сдѣлку съ сыномъ. Несомнѣнно, далѣе, что съ очень ранняго времени прямые нисходящіе не имѣли права выкупа проданныхъ отцомъ вотчинъ [4]). Поэтому, имѣетъ значеніе замѣчаніе проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, что присоединеніе дѣтей къ сдѣлкѣ съ цѣлью парализовать выкупъ не имѣло смысла, должно признать правильнымъ [5]). Намъ кажется, что въ этомъ вопросѣ двѣ стороны; во-первыхъ, наши древніе акты юридическихъ сдѣлокъ стараются предупредить всѣ возможныя возраженія противъ дѣйствительности сдѣлки. Еще не было сложившагося понятія юридическаго института: въ куплѣ-продажѣ считали необходимымъ упомянуть, что вотчина, напр., никому ранѣе не продана, считали нужнымъ указать, что имущество продается „впрокъ, безъ выкупу“, хотя несомнѣнно, что выкупъ существовалъ. Такимъ образомъ, есть основаніе полагать, что упоминаніе въ актѣ юридической сдѣлки дѣтей часто имѣло цѣлью утвердить дѣйствительность сдѣлки.

Но, съ другой стороны, мы имѣемъ свѣдѣнія, что законодательство уже XVI в. признавало за дѣтьми извѣстныя права на отцовское имущество, если не реальныя, то потенціальныя, осуществляемыя послѣ смерти. Именно, согласно

---

[1]) А. отн. до Юр. Б., т. I, № 63, IV, V, VI, VIII, X, XI, XIII, XV, XX; т. II, № 147, V, IX, XIII, XIV, XVII, XVIII, XXX, XXXI; № 156, I, II, XVIII, XIX; С. А. Шумаковъ, „Обзоръ гр. кол. экон.“, в. I. М. 1899, стр. 1, № 1; стр. 2, №№ 3, 5, 6; стр. 3, № 11; стр. 5, № 20; стр. 6, № 22; стр. 7, № 27 и мн. др.

[2]) А. отн. до Юр. Б., т. II, № 147, XXXI; С. А. Шумаковъ, op. cit.; стр. 6, № 22; стр. 9, № 37; стр. 12, № 51; стр. 14, № 62;

[3]) С. А. Шумаковъ, op. cit., стр. 37, № 8.

[4]) Суд. 1550 г., ст. 85 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. II, стр. 169—170).

[5]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 463.

указу Царя Ивана Васильевича Грознаго [1]), бездѣтный имѣлъ право отчуждать всѣ свои купли, и за неимѣніемъ ихъ—половину вотчинъ. Этимъ указомъ, устанавливается законная доля нисходящихъ въ наслѣдствѣ. Но при всемъ томъ, по недостаточности данныхъ, мы не можемъ признать и существованія персонифицированнй семьи. Нигдѣ не имѣется указаній, чтобы власть родителей ограничивалась въ распоряженіи и отчужденіи недвижимою собственностью волею дѣтей, дѣти не имѣли права требовать выдѣла, словомъ, не могли ничѣмъ проявить своего участія въ правѣ собственности на имущество. Скорѣе можно признать, что союзъ родителей и дѣтей зиждился на чисто моральныхъ основаніяхъ [2]), что и законодательство и частная юридическая мысль не могли отрѣшиться отъ взгляда на семью, какъ на нѣчто цѣлое, а потому, между прочимъ, и фигурируютъ дѣти въ юридическихъ сдѣлкахъ отцовъ. Никакихъ же реальныхъ правъ въ этомъ отношеніи дѣти не имѣли и мы не знаемъ случая, гдѣ бы сдѣлка признавалась недѣйствительною при отсутствіи согласія на нее дѣтей. Больше того, всѣ сдѣлки, заключенныя отцами съ упоминаніемъ дѣтей, не носятъ ни малѣйшихъ слѣдовъ участія дѣтей въ сдѣлкѣ: они не присутствуютъ при явкѣ, не подписываютъ акта, даже неизвѣстно, какого они возраста. Становясь на болѣе точную юридическую точку зрѣнія, указъ 1683 года опредѣлилъ, что вотчины, купленныя отцомъ и дѣтьми, становятся собственностью отца и лишь тѣхъ дѣтей, кои означены въ купчей [3]). Но этимъ уже опредѣляется не семейная собственность, а совладѣніе. Отсутствіе реальныхъ правъ у дѣтей на собственность ихъ родителей при жизни послѣднихъ лучше всего доказывается тѣмъ, что дѣти, по общему признанію и литературы исторіи русскаго права, лишены этого права въ отношеніи вотчинъ родовыхъ, въ которыхъ наиболѣе должно было сказываться представленіе о семейномъ имуществѣ. Такимъ образомъ, говорить о союзѣ родителей и дѣтей, какъ о коллективномъ лицѣ въ сферѣ имущественныхъ отношеній мы не имѣемъ

[1]) Неволинъ, П. С. С., т. 3, стр. 331.
[2]) Неволинъ, П. С. С., т. III, стр. 341.
[3]) П. С. З., № 1020.

данныхъ. Что касается до общей собственности дѣтей и матери-вдовы, то это, конечно, не служитъ доказательствомъ существованія семейнаго имущества: они являются сонаслѣдниками на тѣхъ же основаніяхъ, какъ существуютъ нераздѣленные сонаслѣдники въ настоящее время [1]), могли требовать раздѣла [2]) и являлись обыкновенными совладѣльцами, собственниками въ идеальныхъ доляхъ наслѣдственной массы. Единственнымъ случаемъ, когда семья могла образовать коллективное лицо, но не какъ семья, а какъ преобразованная въ новый видъ союза, это—въ дѣлѣ обладанія тяглыми имуществами. Но объ этомъ мы будемъ говорить, когда коснемся вопроса о дѣеспособности общины.

III. Родъ.

§ 68. Въ литературѣ русской исторіи и исторіи русскаго права существуютъ неоднократныя указанія на значеніе рода въ сферѣ имущественныхъ отношеній допетровской Руси. Мы не можемъ касаться вопроса о значеніи рода въ доисторическую эпоху русской исторіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы старались показать, исторія застаетъ русскихъ славянъ уже въ періодѣ государственности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что древніе памятники даютъ намъ значительное количество указаній на значеніе и вліяніе родовыхъ отношеній въ древней Руси. Для нашей темы насъ могутъ интересовать, въ этомъ отношеніи, лишь слѣдующіе два вопроса: вліялъ ли родъ на дѣеспособность отдѣльнаго лица, и составлялъ ли родъ коллективное лицо съ персонифицированнымъ правообладаніемъ въ гражданскомъ оборотѣ. Неоднократно приводились указанія, что существовала особая собственность цѣлаго рода, по отношенію къ которой отдѣльное лицо было ограничено въ правѣ распоряженія и отчужденія [3]). Родовыя имущества суть пере-

[1]) Св. Зак., т. X, п. 1, изд. 1900 г., ст. 543—555.

[2]) Русск. пр. кар. сп., ст. 113 („Хрест." Влад.-Буд., в. I, стр. 74). Улож., гл. XVII, ст. 14 и 15.

[3]) А. Рейцъ, „Опытъ исторіи росс. государ. и гр. зак.". М. 1836, стр. 299—300; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.". К. 1900, стр. 563—564. Отчасти К. П. Побѣдоносцевъ, „Курсъ гражданскаго права", ч. I. Спб. 1896, стр. 53—54.

шедшія въ собственность настоящаго владѣльца по праву законнаго наслѣдованія [1]). К. П. Побѣдоносцевъ указываетъ, что въ допетровской Руси не было юридически-опредѣленнаго понятія родовыхъ имуществъ [2]). Но намъ кажется, что это замѣчаніе К. П. Побѣдоносцева черезчуръ категорично. Не говоря уже о томъ, что вотчина (отчина), а позднѣе родовая вотчина неоднократно фигурируетъ въ законодательствѣ Московскаго государства съ вполнѣ опредѣленными признаками наслѣдственной недвижимой собственности [3]), и въ правосознаніи отдѣльныхъ лицъ это понятіе было точно опредѣлено. До насъ дошелъ одинъ весьма интересный актъ, данная въ Успенскую соборную церковь въ Москвѣ 1591 года [4]). Сила, прозвищемъ Бажѣнъ, Евдокимовъ сынъ Трескинъ и душеприказчица его покойной жены а своей племянницы Фетиньи Ивановой дочери Савельева сына Ромѣкова, Маремьяна, дѣлаютъ вкладъ, состоявшій изъ „родственной“ вотчины. Юридическая природа этой вотчины опредѣлена далѣе въ актѣ: „вотчина жены моей у Ѳетиньина отца у Ивана Ромѣкова и брата ея Елистратья съ его родомъ разведена и досталась та вотчина по ихъ раздѣлу на отца ея на Ивановъ жеребей Ромѣкова, а отецъ ее Иванъ Ромѣковъ тое вотчину село Бѣли съ деревнями отказалъ ей Фетиньѣ“...

Неволинъ высказалъ мнѣніе [5]), что въ родовыхъ вотчинахъ собственники не были ограничены сородичами въ правахъ распоряженія и отчужденія, что несогласіе сородичей не влечетъ за собою признаніе юридической сдѣлки недѣйствительной, а даетъ лишь право на родовой съ ихъ стороны выкупъ [6]), что этотъ родовой выкупъ есть результатъ нравственныхъ причинъ, признаніе связей родственныхъ, уваженіе къ старинной наслѣдственной собственности,

---

[1]) Св. Зак., т. X, ч. 1, ст. 399, пп. 1 и 2.

[2]) „Курсъ гражд. пр.“, ч. I. Спб. 1896, стр. 53.

[3]) Суд. 1550 г., ст. 85 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. II, стр. 169—170), Указы 1618, 1628 и др. (ibid., III, стр. 191, 207).
Улож., гл. XVII, ст. ст. 1, 2, 4 и др.

[4]) А. отн. до Юр. Б., т. I, № 63, XXI.

[5]) П. С. С., т. IV, стр. 159—160.

[6]) П. С. С., т. IV, стр. 160, пр. 187.

и что этотъ институтъ былъ поддержанъ правительствомъ въ цѣляхъ поддержки боярскихъ родовъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неволинъ не отрицаетъ возможности существованія общаго имущества у отдѣльныхъ членовъ семьи и рода, но на правахъ обыкновеннаго совладѣнія, какъ результатъ нераздѣла наслѣдственнаго имущества [2]). Знаменитый цивилистъ при этомъ дѣлаетъ очень справедливое и блестящее сравненіе нашего родового выкупа съ семейными фидеикоммиссами германскаго права [3]). Въ послѣднее время проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ приводитъ соображенія, которыми, по его мнѣнію опровергаются взгляды Неволина, и старается доказать существованіе собственности у цѣлаго рода и изъ этого выводитъ право родового выкупа [4]). Теорія же Неволина защищается проф. В. И. Сергѣевичемъ [5]). Прежде, чѣмъ придти къ какому-нибудь выводу по этому предмету, посмотримъ, что намъ говорятъ памятники законодательства и акты юридическихъ сдѣлокъ. Уже неоднократно указывалось въ литературѣ, что законодательное опредѣленіе родового выкупа появляется у насъ сравнительно очень поздно, въ Царскомъ Судебникѣ 1550 года. Терминъ „родовая вотчина“, вмѣсто раньше употреблявшагося просто „отчина“ и „вотчина“, появляется еще позднѣе, именно, повидимому, впервые по указу 1628 г. [6]). Въ указахъ 1562 и 1573 г. о княженецкихъ и боярскихъ вотчинахъ родовыя вотчины названы „старинными“ [7]). Въ указѣ 1618 г. онѣ названы „родственными“ [8]). Извѣстна статья Псковской Судной грамоты, говорящая о выкупѣ земли у покупателя безъ всякаго

---

[1]) П. С. С., т. V, стр. 72—75.

[2]) П. С. С., т. IV, стр 10.

[3]) П. С. С., т. V, стр. 75. Въ новое, сравнительно, время Отто Гирке ставитъ и фидеикоммиссы въ связь съ общимъ родовымъ имуществомъ болѣе ранняго времени (Das Deutsch. Genossenschaftsrecht. B. I. Rechtsgeschichte der Deutsch. Genossenschaft“. Berl. 1868, S. 425—426).

[4]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 562—566.

[5]) „Лекціи и изслѣдованія“. Спб. 1899, стр. 411 и слѣд.

[6]) Указн. кн. пом. приказа, IV, 6 („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 257 и сл.).

[7]) Указн. кн. вѣд. казначеевъ, XVIII и XIX („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 28—34).

[8]) Указн. кн. пом. приказа, I, 2 („Хрест.“ Влад.-Буд., III, стр. 191).

отношенія къ родовому имуществу [1]). Эта статья дала основаніе И. Энгельману высказать мнѣніе, что купля-продажа въ древнѣйшее время не имѣла такого окончательнаго значенія какъ въ настоящее время, а предполагала возможность поворота имущества къ первому собственнику [2]). Такое толкованіе затѣмъ было принято и Неволинымъ [3]), и проф. В. И. Сергѣевичемъ [4]).

§ 69. Право выкупа или предпочтительной покупки недвижимой собственности извѣстно у очень многихъ народовъ. Въ древнемъ Римѣ выкупъ существовалъ при продажѣ съ публичнаго торга имущества должника [5]), собственникъ земли имѣлъ право предпочтительной покупки участка своего эмфитевты, покрываемое двухмѣсячною давностью [6]). Особенно много случаевъ такого выкупа или предпочтительной покупки извѣстно намъ изъ Германскаго права: право ближайшихъ наслѣдниковъ на выкупъ отчужденнаго возмезднымъ способомъ имущества [7]). Этотъ послѣдній выкупъ съ теченіемъ времени и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ законодательствахъ не былъ предоставленъ прямымъ нисходящимъ лица, отчуждающаго имущество [8]). Основаніемъ къ недопущенію дѣтей пользоваться правомъ выкупа (Retrakt) было или то, что они являлись прямыми наслѣдниками [9]), или что они находились подъ властью отца [10]). Далѣе правомъ выкупа обладали марки по отношенію къ лицамъ, входившимъ въ составъ общины, при отчужденіи сими послѣдними участка земли, связаннаго съ правомъ на общинные луга и пастбища [11]). Сосѣди у фризовъ

---

[1]) Ст. 13 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 136).

[2]) „Гражд. законы Псков. Судн. Грам.“. Спб. 1855. (См. Влад.-Буд. „Хрест.“, в. I, стр. 136—137, пр. 45).

[3]) П. С. С., т. III, стр. 340—341.

[4]) „Лекціи и изслѣдов.“. Спб. 1899, стр. 411.

[5]) Gai, III, 79.

[6]) 3 C. de emphyt. jure 4, 66.

[7]) Otto Stobbe, „Handb. d. deutsch. Privatrechts“. 3-e Aufl. B. II, Erster Halbband. Berl. 1896, S. 495.

[8]) Ibid., S. 497.

[9]) Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, напр., Штоббе, op. cit., S. 497, Anm. 12.

[10]) Въ Трирѣ, Шлезвигѣ, Шпонгеймѣ, Франкенгаузѣ, Люнебургѣ; Штоббе, op. cit., S. 497, Anm. 13.

[11]) Otto Stobbe, op. cit., S. 498—499.

и саксонцевъ могли имѣть право на выкупъ, въ крестьянскихъ имуществахъ, а иногда и въ городахъ [1]), совладѣльцы, сонаслѣдники, господа по отношенію къ крестьянамъ, сюзерены [2]), не говоря уже о случаяхъ выкупа, основаннаго на договорѣ или завѣщаніи [3]). Право родового выкупа изстари извѣстно и другимъ славянскимъ народамъ. Въ 1228 г. объяснялось нѣмецкому аббату въ Силезіи, что у Поляковъ, отъ прадѣдовъ сохранилось постановленіе, „что если кто-либо изъ Поляковъ продастъ какую-либо свою отчину, его наслѣдники могутъ потомъ выкупить ее“ [4]). То же было и по Полицкому, и по Сѣньскому Статуту [5]), и по статутамъ другихъ далматскихъ общинъ [6]), и въ другихъ постановленіяхъ юго-западныхъ славянъ [7]). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ основаніемъ права выкупа или предпочтительной покупки (это, конечно, два разные института, но, по справедливому замѣчанію Отто Штоббе, исторически были обыкновенно связаны) [8]) служитъ то обстоятельство, что третьи лица заинтересованы ближайшимъ образомъ въ судьбѣ отчуждаемаго имущества. Интересъ ихъ былъ какъ реальный, такъ и моральный и не всегда проистекалъ изъ предыдущаго совладѣнія или общности имущественныхъ правъ. Основанія для права предпочтительной покупки или выкупа у собственника земли, находившейся въ эмфитевтическомъ владѣніи, у сюзерена, господина по отношенію къ крестьянамъ, очевидны и не требуютъ объясненій. Право выкупа, имѣющееся у сосѣдей, конечно, не можетъ быть объяснено,

---

[1]) O. Stobbe, op. cit., S. 499—500.

[2]) Ibid., S. 500—502.

[3]) Ibid., S. 503, ff.

[4]) Ѳ. Зигель, „Законникъ Стефана Душана“. Спб. 1872, стр. 184. Въ примѣч. на стр. 184—185 приводится латинскій текстъ этого мѣста изъ Liber fundationis claustri S. M. V. in Heinrichow“, изданной въ 1854 г. Стенцелемъ.

[5]) Леонтовичъ, „Древнее хорвато-далматское законодательство“ (Зап. Новоросс. Универс. 1868, т. I, в. 3 и 4).

[6]) Рейцъ, „Политическое устройство и право прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи“ („Сборн. истор. и статист. свѣд.“ Валуева. М. 1845, стр. 149—150).

[7]) Ѳ. Зигель, op. cit., стр. 186—187.

[8]) Op. cit., S. 480—481.

какъ происшедшее изъ общности ихъ правъ, безъ очень большихъ натяжекъ. Даже выкупъ марки по отношенію къ имуществу лица, входившаго въ ея составъ, намъ кажется ближе всего объяснить тѣмъ, что община была заинтересована, кто войдетъ въ ея составъ путемъ пріобрѣтенія этого имущества, ибо однимъ изъ главнѣйшихъ ея правъ было контролированіе состава своихъ общинниковъ [1]). Германцы издревле знали подворную собственность [2]) и въ общинномъ обладаніи марки находились лишь лѣса, луга, пастбища [3]). Нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы говорить о томъ, чтобы марки выкупали имущество на основаніи своихъ правъ на это послѣднее [4]). Поэтому видѣть непремѣнно основаніемъ права выкупа предъидущую общность права собственности, намъ кажется, мы не имѣемъ основаній.

§ 70. Обращаясь теперь къ родовому выкупу, мы должны, прежде всего, сказать, что то замѣчаніе, которое проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ обращаетъ противъ Неволина и проф. Сергѣевича, именно, что если бы право выкупа основывалось на недостаточной твердости самаго института купли-продажи, то это было бы предоставлено, прежде всего, самому продавцу и его нисходящимъ, чего нѣтъ [5]), будучи справедливымъ по существу, вмѣстѣ съ тѣмъ обращается и противъ уважаемаго ученаго. Конечно, если купля-продажа не имѣла твердости современной юридической сдѣлки, если она не влекла за собою окончательнаго перехода права собственности съ продавца на покупателя, то всего естественнѣе было бы предоставить право выкупа самому продавцу и его дѣтямъ. Но это же замѣчаніе говоритъ и противъ теоріи общности имущественныхъ правъ у рода. Именно, если на выкупъ имѣютъ право братья и дяди продавца, и ихъ нисходящіе, то естественнѣе было бы предоставить это право его прямымъ нисходящимъ, по крайней мѣрѣ отдѣленнымъ, какъ это и было по германскому

[1]) Grimm, „Deutsche Rechtsalterthümer“. S. 531, 607.

[2]) Taciti, Germania, 13, 15, 32.

[3]) Otto Gierke, „Das deutsche Genossenschaftsrecht“. B. I. Rechtsgesch. d. deutsch. Genossenschaft. Berl. 1868, S. 60 ff.

[4]) Ср. Otto Stobbe, op. cit. B. II, Halb. I, S. 498.

[5]) „Обзоръ исторіи русск. права“. К. 1900, стр. 566, пр. 2.

праву [1]). По крайней мѣрѣ слѣдовало бы показать, что такое право у нисходящихъ было ранѣе, до закона 1550 года.

По справедливому замѣчанію, сдѣланному еще Неволинымъ [2]), если бы родъ имѣлъ право на отчуждаемое имущество, то сдѣлки совершались бы отъ лица рода, съ перечисленіемъ сородичей. Въ дѣйствительности же, за очень малыми исключеніями, сдѣлки совершаются единолично, а въ послухахъ часто бываютъ родичи, но и это не всегда [3]). Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ выкупъ, какъ по праву германскому, южныхъ и юго-западныхъ славянъ, такъ и при родовомъ выкупѣ древней Руси, мы видимъ, что сдѣлка вполнѣ дѣйствительна, если и совершена безъ согласія сородичей. Нигдѣ не видно, чтобы такое согласіе требовалось, а несогласіе парализовало сдѣлку. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, выставивъ свое положеніе [4]), его не доказалъ, да конечно и нельзя его доказать. Единственнымъ основаніемъ для него служитъ, во-первыхъ, родовой выкупъ, а во-вторыхъ, случаи, гдѣ въ сдѣлкахъ говорится объ участіи сородичей. О значеніи родового выкупа скажемъ далѣе, а здѣсь скажемъ нѣсколько словъ объ участіи въ сдѣлкѣ сородичей. Мы видѣли, что они могли участвовать, могли не участвовать, ни въ качествѣ стороны, ни въ качествѣ послуховъ. Мы знаемъ, что существуетъ очень много актовъ, безвозмездныхъ и возмездныхъ, гдѣ говоритъ отчуждающее имущество лицо „а женѣ моей и дѣтямъ моимъ до той вотчины дѣла нѣтъ“ [5]). Что значатъ эти слова? Ни жена, ни дѣти права родового выкупа не имѣли. Очевидно, что эта попытка лишь тверже обставить актъ, подобно тому, какъ въ купчихъ на дворы указывается, что продается дворъ съ полами, подваломъ, дверями и т. п. [6]), какъ будто безъ этого составныя части дома не перейдутъ въ собственность

---

[1]) Otto Stobbe, op. cit. B. I, Halb. II, S. 495—496.

[2]) П. С. С., т. V, стр. 68.

[3]) См. прил. А №№ 39, 77, 78.

[4]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 563—564.

[5]) С. А. Шумаковъ, „Обзоръ гр. кол. экон.“, в. I. М. 1899, стр. 7, № 29 (1557—1558 гг.), стр. 11—12, № 49 (1571—1572 гг.), стр. 12, № 51 (1571—1572 гг.) и др.

[6]) См. прил. Б №№ 5, 6, 7 и др.

пріобрѣтателя. Это явленіе, знакомое каждому праву на ранней ступени его развитія—признакъ несложившагося еще въ народномъ правовоззрѣніи понятія юридическаго института. Мы сказали, что въ сдѣлкахъ участвуютъ иногда сородичи. Какое значеніе имѣетъ ихъ участіе? Что же, если сдѣлка совершается при ихъ участіи, то они лишаются права выкупа? Судебникъ 1550 года установилъ такое правило, но этимъ самымъ показалъ, что раньше было иначе. Къ счастью, мы имѣемъ возможность показать это на примѣрѣ. А. Ѳедотовъ-Чеховской издалъ правую грамоту 1403—1447 гг. князя Верейскаго Михаила Андреевича Кириллову монастырю [1]); этотъ актъ не разъ уже обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей. Левъ Ивановичъ, за свою невѣстку Гаврилову жену Ивановича Овдотью и за своего брата Дмитрія Ивановича тягался съ Кирилловымъ монастыремъ, объясняя, что монастырь отнимаетъ у нихъ ихъ деревню Михалевскую. Такъ какъ представители Кириллова монастыря показали, что эта деревня отдана монастырю братомъ истцовъ, старцемъ Арсеніемъ, то и выиграли дѣло. Но надлежитъ обратить вниманіе на вкладную запись этого старца Арсенія 1435—1447 гг., по которой дается эта деревня Кириллову монастырю. Актъ начинается такъ: „Се язъ Арсеней чернець, Микитинъ сынъ Андрѣева, поговоря съ своею братьею, съ Лешкомъ, да съ Гридкою...“ [2]). Тутъ не упомянутъ одинъ только братъ — Дмитрій. Но всѣ эти братья (за одного вдова) ищутъ съ монастыря эту землю, на отчужденіе которой согласились. Такимъ образомъ, участіе въ сдѣлкѣ не налагаетъ обязанностей, въ субъективномъ смыслѣ, на сородичей, а судъ объ этой вотчинѣ показалъ, что князь совершенно и не интересуется знать, участвовали ли эти сородичи въ сдѣлкѣ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ пользуется данными, собранными Неволинымъ, которыя говорятъ объ участіи сородичей въ юридической сдѣлкѣ [3]). Неволинъ, какъ намъ кажется, очень хорошо объяснилъ ихъ дѣйстви-

---

[1]) „Акты“ Ѳед.-Чех., т. I, № 4, стр. 1—2.
[2]) А. Юр., № 121.
[3]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 564.

тельное значеніе [1]). Но существуетъ одинъ актъ, который какъ будто говоритъ въ пользу мнѣнія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Это купчая 1511—1512 гг. Въ концѣ ея сказано [2]): „Се язъ Данило Клобуковъ, что купилъ Ѳеодоръ Бутурлинъ у Игнатья у Чертова, у моего тестя, село Хлябово, и тому селу Хлябову жена моя и дѣти мои отчичи, и мы то село Ѳеодору ослободили купити, а намъ до того села дѣла нѣтъ". Имѣла ли значеніе эта запись? Полагаемъ, что чисто нравственное. Тесть Клобукова, очевидно, могъ продать землю и безъ его согласія. Это доказывается, между прочимъ, содержаніемъ акта и тѣмъ, что Клобуковъ даетъ запись не разрѣшительную тестю, а по отношенію къ покупателю. Въ виду всего сказаннаго, намъ кажется, что мы не можемъ говорить о родѣ въ смыслѣ коллективнаго лица: нигдѣ въ нашей исторіи онъ въ такомъ видѣ не выступаетъ. Какое же основаніе, въ такомъ случаѣ, въ родовомъ выкупѣ. Мы полагаемъ, что напрасно не довольствуются объясненіемъ Неволина: оно очень вѣроятно. Право выкупа основывается на моральныхъ основаніяхъ, на сознаніи, что лица, происходящія отъ лица, наслѣдственно, быть можетъ, испоконъ вѣку владѣвшаго данною землею, должны ею интересоваться. Равнымъ образомъ, напрасно проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ отрицаетъ интересъ у Московскаго правительства къ поддержанію боярскаго землевладѣнія [3]). Изслѣдователи показываютъ, что Московское правительство, въ видахъ правильнаго отбыванія службы, очень было озабочено дробленіемъ вотчинъ и старалось противъ этого бороться [4]). Указы 1562 и 1573 г. о княженецкихъ и боярскихъ вотчинахъ, также не могутъ быть истолкованы лишь какъ направленные къ ограниченію этихъ землевладѣльцевъ. Они, несомнѣнно, имѣли въ виду и сохраненіе вотчиннаго землевладѣнія [5]).

---

[1]) П. С. С., т. IV, стр. 159, пр. 187.

[2]) А. отн. до Юр. Б., т. II, № 147, VIII.

[3]) „Обзоръ ист. русск. пр.". К. 1900, стр. 572 и сл., пр. 1.

[4]) С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ". Спб. 1897, стр. 90—100.

[5]) Ibid., стр. 122 и слѣд. Ср. Н. Павловъ-Сильванскій, „Государевы служилые люди". Спб. 1898, стр. 122 и слѣд.

IV. Община.

§ 71. На ряду съ литературой, занимавшейся родовымъ бытомъ древней Руси, существуетъ обширное число защитниковъ общиннаго быта. Понятіе общины весьма неопредѣленно, подъ него можно подвести всякій союзъ. Мы не будемъ говорить объ общинѣ доисторической, если таковая была, а будемъ разсматривать вопросъ о значеніи общины какъ для опредѣленія дѣеспособности отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ качествѣ коллективной единицы, уже на глазахъ исторіи, посмотримъ какъ по этому поводу говорятъ историческіе и юридическіе памятники и коснемся главнѣйшихъ контроверзъ, занимающихъ литературу этого предмета.

Какъ мы только-что сказали, понятіе общины очень неопредѣленно. Будутъ ли сонаслѣдники и совладѣльцы въ опредѣленныхъ реальныхъ или идеальныхъ доляхъ представлять общину, какъ коллективное цѣлое по отношенію къ имуществу? По справедливому замѣчанію Н. А. Благовѣщенскаго [1]) — нѣтъ. Такого же мнѣнія держится и Otto Stobbe [2]); г. Благовѣщенскій опредѣляетъ общину такъ: „Община... есть такая форма общежитія, при которой группа семей связана между собою единствомъ юридическаго основанія своего землевладѣнія“ [3]), и дальше поясняетъ: „община есть такой субъектъ права, который, при единствѣ юридическаго основанія своего владѣнія, распоряжается своею землею самостоятельно, по молчаливому или ясно выраженному согласію большинства отдѣльныхъ семей, тотъ субъектъ составляющихъ“ [4]). Для наличности общины, далѣе, по его мнѣнію „помимо цѣлевой связи у общины необходимо должна быть и связь причинная: нужна наличность единаго происхожденія членовъ общины, отъ воли ихъ независящая... членомъ поземельной общины надо родиться“ [5])... Да позволено будетъ намъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній. Авторъ, справедливо замѣтивъ, что община явленіе

---

[1]) „Четвертное право“. М. 1899, стр. 49.
[2]) „Handb. d. deutsch. Privatr.“. B. II, Halb. I, S. 298—299.
[3]) Op. cit., стр. 49.
[4]) Ibid., стр. 50.
[5]) Ibid., стр. 50.

юридическое и подлежитъ юридическому опредѣленію, все-таки опредѣляетъ общину не по существу, а описательно. У общины единство основанія владѣнія: — жалованная грамота, указъ и т. п. Очевидно, что и у сонаслѣдниковъ единство основанія ихъ владѣніе, такъ же какъ и совладѣльцевъ. Но они еще не образуютъ общины. Еще требуется, по мнѣнію г. Благовѣщенскаго, чтобы община была субъектомъ права, т.-е. была коллективнымъ лицомъ. Вотъ въ этомъ-то и вопросъ. Несомнѣнно, что община коллективное лицо, юридическое лицо въ широкомъ смыслѣ слова. У совладѣльцевъ можетъ быть полное единство въ распоряженіи, можно заключать юридическія сдѣлки отъ имени сонаслѣдниковъ; можно родиться совладѣльцемъ, напр., postumus можетъ явиться на свѣтъ Божій уже въ качествѣ совладѣльца. Но общины, какъ коллективной единицы, владѣющей землею, все-таки нѣтъ. Намъ кажется, что нѣмецкіе изслѣдователи справедливо опредѣляютъ характеръ общинной собственности, требуя, чтобы здѣсь была Gesamterhandsverhältniss, такое отношеніе, что каждый членъ союза имѣетъ полное право на данное имущество, можетъ имъ распоряжаться и пользоваться, такъ же какъ и другой членъ общины [1]).

Эта собственность у членовъ союза на одно и то же имущество нераздѣльная не мѣшала, для удобства пользованія (но въ видѣ собственности), дѣлить землю на участки и т. п. [2]). Связь членовъ такой общины настолько тѣсна, что по обязательствамъ они отвѣчаютъ солидарно [3]); О. Штоббе очень характерно указываетъ, что Gesamterhandsverhältniss болѣе приближается къ физическому, чѣмъ юридическому лицу [4]). Дѣйствительно, мы знаемъ, что община наказывается за преступленія ея члена [5]), община можетъ совершать преступленія [6]), имѣетъ право выкупа на отчужденную членомъ

[1]) Otto Stobbe, „Handb. d. deutsch. Privatr.“. B. II, Halb. I, S. 299 ff. Otto Gierke, „Das Deutsche Genossenschaftsrecht“. B. II, S. 62 ff.

[2]) O. Stobbe, op. cit., S. 303—304.

[3]) Ibid., S. 299.

[4]) Ibid., S. 300.

[5]) Русск. пр. Кар. сп., ст. 3, 4 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 36—37). „Уставн. Бѣлозерск. грам.“, ст. 14 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. II, стр. 78).

[6]) См. Уставная Важская гр. 1552 г. („Хрест.“ Влад.-Буд., в. II, стр. 207).

ея даже отдѣльную его собственность [1]). Исходя изъ такого опредѣленія общины, намъ надлежитъ теперь разсмотрѣть, были ли такія общины на Руси, когда онѣ стали извѣстны исторіи, какіе были виды этихъ общинъ, какъ онѣ выступали въ сферѣ гражданскихъ правоотношеній и какъ вліяли на опредѣленіе дѣеспособности отдѣльнаго лица. При этомъ считаемъ долгомъ оговориться, что община можетъ быть таковой и не въ смыслѣ субъекта гражданскаго права, безотносительно къ этому послѣднему, можетъ быть община административная, публично-правовая.

§ 72. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ, что объ общинѣ мы можемъ говорить болѣе опредѣленно лишь по отношенію къ XIV и позднѣйшимъ столѣтіямъ, хотя полагаетъ, что общины не возникли въ то время, а были исконнымъ явленіемъ русскаго права [2]). Проф. В. И. Сергѣевичъ, наоборотъ, полагаетъ, что общины возникли на Руси подъ вліяніемъ административнаго воздѣйствія и что нѣтъ никакихъ данныхъ говорить объ общинномъ землевладѣніи, какъ стародавнемъ институтѣ [3]). Судить о томъ, была ли община какъ коллективная единица, съ общностью имущественныхъ правъ въ томъ видѣ, какъ мы ранѣе указывали, исконнымъ явленіемъ нашей исторіи, мы не можемъ. Но полагаемъ, что въ очень раннее время мы можемъ наблюдать наличность подобныхъ союзовъ. Нѣтъ основаній утверждать, что эти союзы были общимъ явленіемъ, что внѣ ихъ не существовало другихъ формъ земельнаго владѣнія, но намъ кажется, что мы можемъ признать фактъ существованія такихъ союзовъ. Русская Правда говоритъ о верви. Вервь не представляется намъ, по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя мы имѣемъ о ней, чѣмъ-то вполнѣ опредѣленнымъ. Даже защитники исконной общины считаютъ вервь за административную единицу [4]). Не говоря о происхо-

[1]) O. Stobbe, op. cit., S. 498. По русск. пр. см. А. отн. до Юр. Б., I, № 35 (стр. 124). Ср. Прилож. А № 124.

[2]) „Обзоръ ист. русск. пр". К. 1900, стр. 37 и 547 и сл.

[3]) „Древности русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Сентябрь, стр. 77—78 и 81).

[4]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.". К. 1900, стр. 85.

жденіи верви—путемъ ли административнаго воздѣйствія или бытовымъ, мы только можемъ выразить нѣкоторое сомнѣніе, чтобы въ ту эпоху, когда, какъ это видно изъ лѣтописей, князья почти не входили во внутреннее управленіе своими волостями, когда на ряду съ княжеской администраціей существовала и земская [1]), когда по отношенію къ завоеваннымъ мѣстностямъ довольствовались лишь сборомъ опредѣленной дани [2]), администрація могла установить точныя и опредѣленныя единицы административнаго дѣленія. Сообщеніе лѣтописца, что „въ лѣто 6455 иде Олга къ Новугороду, и устави по Мьстѣ погосты и дани, и по Лузѣ дани и оброкы“ [3])... нельзя толковать, конечно, какъ установленіе административныхъ единицъ, а лишь какъ пріуроченіе податей къ опредѣленнымъ земскимъ единицамъ [4]). „Всѣ погосты и селенія смоленскаго княжества. вызванные на свѣтъ чисто промышленными цѣлями, располагались по рѣчнымъ воднымъ путямъ“... замѣчаетъ г. Красноперовъ [5]). Изъ Русской Правды мы знаемъ, что вервь отвѣчала за убійцу изъ числа ея членовъ, если таковой не разысканъ или вервь не пожелаетъ его выдать [6]). Если убійца не убѣжалъ, то вервь обязана помогать ему въ уплатѣ штрафа (40 гривенъ)—виры (головничество—вознагражденіе родственникамъ онъ платитъ самъ) „зане къ нимъ прикладываютъ того же дѣля имъ помогати головнику“ [7])—основаніемъ помощи служитъ то, что они складываются, состоятъ въ круговой порукѣ [8]). Та часть, въ которой вервь помогаетъ убійцѣ, платится „въопчѣ“, и убійца платитъ лишь то, что ему причитается по раскладкѣ: „а въ сороцѣ гривенъ заплатити ему изъ дружины своею часть“. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [9]) полагаетъ, что такое

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 406—407.

[2]) В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., I, стр. 40—41.

[3]) П. С. Р. Л., т. VII (Воскр.), стр. 285.

[4]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 85.

[5]) „Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества и древнѣйшихъ временъ до XV в.“ („Истор. обозр.“. Спб. 1894, т. VIII, стр. 67).

[6]) Ст. 3 Кар. („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 37).

[7]) Ст. 4 Кар. („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 36—37).

[8]) Ibid., стр. 37, пр. 10.

[9]) Ibid., стр. 37, пр. 10.

участіе верви происходитъ лишь въ случаѣ убійства на пиру или въ ссорѣ. Онъ приходитъ къ этому выводу на основаніи конца разбираемой статьи: „но оже боудетъ оубилъ оже въ свадѣ или въ пироу явлено, но тако ему платити по вервиннѣ, еже ся прикладываютъ вирою“. Намъ кажется, что толкованіе уважаемаго ученаго напрасно ограничиваетъ первую часть статьи. Мы понимаемъ эту статью такъ:

Вервь помогаетъ убійцѣ платить виру и убійца платитъ свою долю. Если же убійство произошло на пиру или въ ссорѣ, то вервь помогаетъ платить и вознагражденіе наслѣдникамъ убитаго.

Участіе въ верви, какъ общинѣ, не обязательно. Ст. 6 Кар. сп. Русской Правды допускаетъ отказъ отъ уплаты вмѣстѣ съ вервью дикой виры. Но и вервь не помогаетъ такому лицу и его отказъ влечетъ выходъ его изъ союза [1]). Ст. 80 того же списка Русской Правды возлагаетъ на вервь уплату продажи за вора, если таковой не будетъ найденъ или вервь откажется его выдать [2]). Какъ мы видимъ, Русская Правда, указывая на союзъ со всѣми признаками Gesamterhandsverhältniss, не даетъ данныхъ для сужденія о его значеніи въ сферѣ цивильнаго оборота. По договору Смоленска съ Ригою 1229 г. [3]), всѣ волочане отвѣчали за сохранность товара латинина, который взялся везти одинъ изъ волочанъ. Самъ Смоленскъ дѣлился на концы, которые также представляли собою общинные союзы и лѣтопись сохранила намъ извѣстіе, что каждая община кончанская въ 1230 г. сообща устроила по кладбищу во время чумы [4]). Такія же кончанскія общины существовали въ Новгородѣ и Псковѣ [5]).

Въ Новгородѣ сельское населеніе тянуло повинность къ погостамъ. „Кто купецъ, поидетъ въ свое сто, а кто смердъ, тотъ потягнется въ свой погостъ“ [6]). Такое же положеніе было

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 38.

[2]) Ibid., стр. 63.

[3]) Ст. 24 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 105).

[4]) П. С. Р. Л., т. I (Лавр.), подъ 6738 г. (стр. 485).

[5]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 70—71.

[6]) В. И. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др., I, стр. 171. Ср. ст. 21 Договора Новгорода съ кор. Казиміромъ IV, 1470 г. „А купецъ пойдетъ въ свое сто, а

и въ Псковѣ и въ Смоленскѣ [1]). Согласно Новгородской Судной грамотѣ 1471 г., представители концовъ и улицъ наблюдали за привлеченіемъ обвиняемыхъ къ суду [2]). На судѣ отъ каждой изъ сторонъ участвуютъ представители его общины — конца, улицы, сто, ряду, причемъ законъ предусматриваетъ случай „наводки“, т.-е. возбужденія всей общины противъ другой стороны [3]).

Всѣ приведенныя данныя свидѣтельствуютъ намъ объ общинномъ порядкѣ самоуправленія древнѣйшихъ нашихъ волостей — княженій, о пріуроченіи государственнаго тягла къ этимъ единицамъ, о томъ, наконецъ, что эти союзы могли оказывать воздѣйствія на сферу личныхъ правоотношеній лицъ, входившихъ въ составъ этихъ союзовъ. Но засимъ мы не имѣемъ ни малѣйшихъ данныхъ говорить о вліяніи древнѣйшей общины на опредѣленіе дѣеспособности лица въ сферѣ гражданскаго оборота и объ имущественныхъ отношеніяхъ этихъ общинъ какъ коллективныхъ единицъ.

§ 73. Защитники общины какъ исконнаго института русскаго права часто говорятъ объ общинной землѣ по отношенію къ древнѣйшему праву [4]); но одинъ изъ сторонниковъ этой теоріи, въ сущности, сознается, что это не больше, какъ гипотезы, аналогіи и возможности, такъ какъ прямо говоритъ слѣдующее: „На сѣверѣ въ XIV и XV в. поземельныя общины существовали повсюду... нѣтъ причинъ, которыя вызвали бы бытіе общинъ именно въ эту эпоху... Имущественныя права общины возможно разсматривать только начиная съ XV в. (т.-е. съ того времени, когда о нихъ существуютъ достаточныя историческія свидѣтельства)“ [5]). Но совершенно то же го-

---

смердъ потянетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло“ („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 208).

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 37. Красноперовъ, op. cit. („Истор. Обозр.“, в. VII, стр. 95).

[2]) Ст. 36 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 197).

[3]) Ст. 41 („Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 200 и пр. 50). О Наводкѣ см. ст. 6 той же грамоты (ibid., стр. 186).

[4]) К. Аксаковъ, „О древнемъ бытѣ у славянъ и у русскихъ въ особенности“ (П. С. С., т. I, стр. 124). М. Ф. Влад.-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 37.

[5]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 547.

воритъ и противникъ теоріи исконной общины, проф. В. И. Сергѣевичъ. „Итакъ, землевладѣніе крестьянскихъ общинъ въ новгородскихъ пятинахъ возникаетъ не ранѣе конца XV в.“ [1]). Разница въ томъ, что защитники теоріи исконной общины полагаютъ возможнымъ говорить гипотетически о томъ, что могло быть, не имѣя на то документальныхъ данныхъ. Впрочемъ, намъ кажется, что мы можемъ утверждать, что община какъ коллективная единица съ имущественными правами существовала уже ранѣе конца XV в., по крайней мѣрѣ мы имѣемъ документальныя о семъ данныя въ срединѣ сего столѣтія. Именно, имѣется жалованная грамота князя Верейскаго Михаила Андреевича 1448—1469 гг., въ которой онъ позволяетъ старостѣ городецкому и всѣмъ крестьянамъ городецкой волости выкупить у Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря пожни, которыя были заложены Бренкой и Семеномъ Поповымъ, за ту сумму, въ какой эти пожни заложены. „А доколѣ староста городецкой и съ крестьяны тѣхъ поженъ у игумена Касьяна з братьею не выкупятъ и игуменъ Касьянъ зъ братьею дотоле тѣми землями владѣетъ“ [2]). Намъ неизвѣстна закладная Бренки, но закладная Семена Попова сына Окулова дошла [3]). Послухами въ этой кабалѣ выступили не сообщенники Семена, а обычные послухи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, которые фигурируютъ въ массѣ документовъ этого монастыря, и какъ бы на этомъ спеціализировались: Міхалъ Кузнецъ и старцы [4]). Бренкову пожню, очевидно, волостные крестьяне не выкупили, такъ какъ затѣмъ мы имѣемъ отводную на эту пожню монастырю [5]).

Впрочемъ, тутъ важенъ не фактъ выкупа или невыкупа, а право крестьянъ Городецкой волости на выкупъ земли, т.-е.

---

[1]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Сентябрь, стр. 85).

[2]) А. отн. до Юр. Б., I, № 35. Ср. Мейчикъ, „Грамота XIV и XV в.“, стр. 14.

[3]) См. Прилож. А № 40.

[4]) Ср. Прилож. А №№ 69, 70, 72 и др.

[5]) Русск. Ист. Библ., II, № 25, столб. 23—24. Ср. подобный же актъ отъ того же времени (1448—1469 г.) въ прилож. А № 124. Тамъ прямо сказано: „А пожню возьмутъ къ волости, да владѣютъ тою пожнею хрестьяне“.

на земельное имущество. Изъ актовъ, изданныхъ Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, мы имѣемъ основаніе точно такъ же заключить о земельныхъ имуществахъ общины въ самомъ началѣ XV в. [1]). Особенно это явствуетъ изъ правыхъ грамотъ: ищутъ крестьяне, отъ лица общинъ, и имъ отказываютъ въ искѣ по истеченіи давности въ 40 лѣтъ. Судъ былъ въ 1505 г. Значитъ, предполагается, что въ 1465 г. крестьянская община могла владѣть землею [2]). Судъ былъ въ 1506 г., старожильцы помнятъ за 60 лѣтъ, значитъ, община могла владѣть въ 1446 г. [3]). Такое же положеніе было въ Рязани. Мы имѣемъ правую грамоту 1529 г., въ которой приводится грамота 1498 г., гдѣ община, въ лицѣ своего старосты и выборныхъ, отводитъ землю своему сочлену [4]). Въ 1465—1482 г. волостные крестьяне отъ лица общины ищутъ на судѣ [5]). Есть нѣкоторое основаніе полагать, что такой же порядокъ существовалъ и въ XIII—XIV вв. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ одну закладную отъ этого времени (издатели точнѣе не опредѣляютъ время ея написанія), на которой подписи: „А на то люди: Иванъ Соцкой, Борисъ Левковъ, Оксентѣй Пасотокъ, Иванъ Нестегъ...“ [6]). Это прямо наводитъ мысль о представителяхъ общины. Впрочемъ мы на этомъ не настаиваемъ, а лишь считаемъ долгомъ указать, что опредѣленность выраженій актовъ половины XV вѣка объ общинѣ, ея правахъ и имуществѣ заставляетъ предполагать, что она фигурируетъ въ это время уже не первые годы. Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что крестьянская община возникла, вѣроятнѣе всего, естественнымъ путемъ, а не путемъ отдачи чернымъ людямъ земли, отобранной у своеземцевъ въ Новго-

---

[1]) I, №№ 8, 9, 13, 15.

Изъ № 27 Р. И. Б., т. II (столб. 27) (1448—1468 гг.) видно, что крестьянская община имѣла общинный лѣсъ.

[2]) Акты Ѳед.-Чех., т. I, № 19.

[3]) Ibid., I, № 21.

[4]) „Сборникъ Актовъ“ Н. П. Лихачева. Спб. 1895, стр. 168—169.

[5]) Ibid., № XV, стр. 242—243. Тотъ же актъ, только очень неисправно изданъ и г. Юшковымъ, „Акты предст. въ разрядъ“, № 13 (Чт. М. О. И. и Др. Росс. 1898 г., кн. 2, стр. 14—15).

[6]) А. отн. до Юр. Б., II, № 126, I.

родѣ, какъ полагаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [1]). Жалованныя несудимыя грамоты, извѣстныя намъ съ середины XIV в., постоянно говорятъ о волостныхъ людяхъ. Тамъ волостные люди уже фигурируютъ въ XV в. какъ представители общины. Есть полное основаніе полагать, что волостные черные крестьяне, смерды, естественнымъ путемъ слагались въ общины. Тотъ же изслѣдователь, котораго мы только-что назвали, проф. В. И. Сергѣевичъ даетъ и прекрасное объясненіе того, какъ могли возникнуть крестьянскія общины. Именно уважаемый ученый прекрасно изображаетъ, какъ деревня, первоначальное мѣстожительство одной семьи, постепенно разрастается и образуетъ союзъ, сперва связанный семейными узами, а затѣмъ и въ составѣ постороннихъ членовъ [2]). Слово складникъ проф. В. И. Сергѣевичъ толкуетъ такъ же, какъ однодеревенецъ [3]). Въ чемъ же тогда вопросъ? Позволимъ себѣ попытаться нѣсколько разъяснить этотъ вопросъ съ нашей точки зрѣнія. Можно ли говорить о правѣ собственности крестьянъ или крестьянскихъ общинъ на волостную, а тѣмъ болѣе на частно-владѣльческую землю въ XVI и XVII вв. Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ можетъ быть данъ одинъ отрицательный отвѣтъ: у крестьянъ было только право владѣнія, а иногда лишь право пользованія. То же самое было и съ древнѣйшихъ временъ. Поэтому, когда мы говоримъ объ общинномъ землевладѣніи, то не говоримъ объ общинной собственности въ современномъ смыслѣ этого слова. Проф. В. И. Сергѣевичъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее [4]): „Итакъ, и отдѣльные крестьяне, и цѣлыя общины могутъ и дѣйствительно считаютъ себя владѣльцами государевыхъ земель“. А въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи уважаемый авторъ старается показать, что такъ какъ у общины не было права собственности на землю, то нѣтъ основаній говорить и объ общинномъ землевладѣніи. Существен-

[1]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, Сентябрь, стр. 81—83).

[2]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, Октябрь, стр. 237—239).

[3]) Ibid., стр. 241, пр. 1.

[4]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, Сентябрь, стр. 84).

ныя черты мнѣнія проф. В. И. Сергѣевича сводятся къ слѣдующему: въ древнѣйшее время земля принадлежала отдѣльнымъ лицамъ и князю на правѣ частнаго же лица. На землѣ этихъ лицъ сидѣли крестьяне, которые не представляли общины, а выступали въ юридической жизни индивидуально. Деревня первоначально возникла изъ одного двора, потомъ разрасталась въ нѣсколько семей, сперва родственныхъ, а потомъ и постороннихъ другъ другу лицъ, товарищей, складниковъ, сябровъ. Всѣ эти лица имѣли отдѣльныя хозяйства, потому что имѣли отдѣльные дворы, къ которымъ были приписаны особыя обжи. У нихъ могли быть общія угодья. Такимъ образомъ мы имѣемъ подворное владѣніе и совладѣніе въ нѣкоторомъ участкѣ земли. Это, въ крайнемъ случаѣ, общее владѣніе, но не общинное. Подтвержденіе своему взгляду изслѣдователь видитъ и въ новѣйшихъ трудахъ западно-европейской литературы, отрицающей за маркой характеръ общинной земли съ передѣломъ земельныхъ участковъ [1]).

§ 74. Прежде чѣмъ разбирать приведенное мнѣніе, считаемъ долгомъ выяснить ту точку зрѣнія, съ которой мы должны, по характеру нашей темы, разсматривать данное явленіе. Мы разсматриваемъ вопросъ о дѣеспособности, т.-е. о правѣ лицъ совершать юридическія сдѣлки. Съ этой точки зрѣнія въ вопросѣ объ общинѣ насъ интересуютъ слѣдующіе вопросы: 1) была ли община въ допетровской Руси, и если была, то съ какого времени извѣстна; 2) выступала ли община въ сферѣ гражданскаго оборота какъ коллективное лицо, имѣвшее опредѣленную дѣеспособность и имущественныя права, и если таковая община существовала, то когда именно, и каковы предѣлы ея цивильныхъ правомочій, и 3) ограничивала ли община, буде таковая была, дѣеспособность отдѣльнаго физическаго лица. Поэтому мы прежде всего считаемъ долгомъ отказаться отъ обобщеній въ подлежащемъ вопросѣ, т.-е. намъ важна наличность общины въ данный періодъ времени, но мы, говоря, положимъ, о существованіи таковой, не утверждаемъ,

---

[1]) „Древности русскаго землевладѣнія“. (Ж. М. Н. Пр. 1900, Сентябрь, стр. 58—89; Октябрь, стр. 225—273; 1901, Февраль, стр. 293—353 и Мартъ, стр. 37—71).

чтобы община являлась общимъ явленіемъ русскаго права, мы этого вопроса не касаемся. Поэтому и возраженія наши противъ нѣкоторыхъ взглядовъ проф. В. И. Сергѣевича должны быть приняты сообразно выставленнымъ нами ограниченіямъ.

Прежде всего, мы уже постарались показать, что община русской исторіи извѣстна, несомнѣнно, ранѣе покоренія Великаго Новгорода Москвою, и въ началѣ XV в. наблюдается на Бѣлоозерѣ, въ Рязанскомъ княженіи, Новгородской области, Псковѣ, Смоленскѣ, какъ и ранѣе того въ Кіевской Руси. Это явленіе повсемѣстное, т.-е. встрѣчаемое въ обычномъ правѣ многихъ княженій древней Руси. На другой вопросъ, о цивильныхъ правомочіяхъ общины, также надо дать утвердительный отвѣтъ: проф. В. И. Сергѣевичъ говоритъ [1]): „общины, имѣющія участіе въ озерѣ, могутъ сдавать свое право въ аренду; общины, обложенныя однимъ огульнымъ оброкомъ, могутъ сдавать запустѣвшіе участки новымъ пришельцамъ для пополненія своихъ платежныхъ силъ; наконецъ, прямой интересъ общины— защищать свои владѣнія на судѣ. Онѣ все это и дѣлаютъ“. Далѣе, тотъ же изслѣдователь приводитъ данныя, что староста и крестьяне отводятъ лѣсъ великаго князя во владѣніе трехъ крестьянъ Словенскаго Волочка въ 1490 г. [2]). Мы знаемъ, что такіе же факты въ концѣ XV вѣка извѣстны и на Рязани. Тамъ волостная земля въ 1498 году дается крестьянамъ волостелемъ „поговоря со Ѳеролом с сотским, да с сусѣды волостными з Гороховским з Дмитромъ Митькиным сыномъ, да с Ѳедьком с Вороном, да с Корѣем, да с Родивоном с Коротыгиным...“ [3]). Наконецъ, крестьянская община выкупала и пріобрѣтала въ XV в. землю [4]). Про болѣе позднее время нечего и говорить: мы имѣемъ массу актовъ, свидѣтельствующихъ о процессуальной правоспособности крестьянскихъ общинъ XVI и XVII вв. [5]), о томъ, что община сдаетъ землю въ

[1]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, Сентябрь стр. 84).

[2]) Ibid., стр. 85, пр. 1.

[3]) „Акты“ Н. П. Лихачева, стр. 168—169.

[4]) А. Юр., № 121. См. Прил. А № 124.

[5]) „Акты“ Ѳед.-Чех., т. I, №№ 33, 34, 53, 56, 65, 67 и др.; т. II, №№ 119, 120, 140 и др.

наемъ и полученная плата составляетъ общинныя деньги [1]). „И Давыдка (староста) такъ рекъ: тѣ, г-не, всѣ пахали ту землю у насъ наимывали Лаптевскую у нашего старосты у Ивана; а послѣ старосты, г-не, тотъ Гришка наимывалъ то селищо Лаптевское у меня у Давыдке 3 года; язъ, г-не, Давыдко у того Гришкиималъ наемъ, а клалъ есми, г-не, всей братьѣ на столецъ съ того селища с Лаптевскаго". Наконецъ, крестьянская община продаетъ свою землю [2]).

На ряду съ крестьянскою общиною выступаютъ въ процессѣ и общины посадскія [3]), онѣ владѣютъ дворами и землею и продаютъ таковую отъ имени общины [4]). Такимъ образомъ, несомнѣнно, съ XV в. и во все продолженіе существованія Московскаго государства, крестьянская и посадская вотчина могла имѣть у себя во владѣніи недвижимое имущество, которое могла сдавать въ наемъ, продавать (настолько и при такихъ условіяхъ, при коихъ вообще тяглое и находящееся лишь во владѣніи и пользованіи имущество могло подлежать отчужденію), выкупать, защищать на судѣ. Отъ имени общинъ ея представителями являются иногда волостель [5]), обыкновенно же староста и выборные члены общины [6]). Изъ актовъ судебныхъ рѣшеній мы знаемъ, что иногда судьи удостовѣрялись въ томъ, являются ли данныя лица представителями общины. „И писцы вопросили... и въ товарищахъ своихъ мѣсто во всѣхъ крестьянъ мѣсто Борисовского села отвѣчаете ли?" [7]) Отсутствіе во многихъ актахъ судебныхъ рѣшеній такихъ опросовъ, не дозволяя, конечно, утверждать, что такіе опросы всегда существовали, не могутъ служить доказательствомъ и отсутствія такихъ удостовѣреній, такъ какъ поземельные споры рѣшались обыкновенно на мѣстѣ, на глазахъ всей общины.

§ 75. Теперь, что касается до внутреннихъ отношеній въ общинѣ и отношеній членовъ ея къ общинной землѣ, надо сказать слѣ-

---

[1]) „Акты" Оед.-Чех., т. I, № 30 (стр. 31а).
[2]) А. отн. до Юр. Б., II, № 148, VIII.
[3]) „Акты" Оед.-Чех., т. I, № 57 (стр. 9г) (1542 г.).
[4]) А. отн. до Юр. Б., II, № 148, IV.
[5]) „Акты" Н. П. Лихачева, стр. 168—169.
[6]) „Акты" Оед.-Чех. passim.
[7]) „Акты" Оед.-Чех., I, № 56, стр. 87а.

дующее: проф. В. И. Сергѣевичъ [1]), а ранѣе г-жа Ефименко [2]) съ достаточной ясностью показали, что общимъ явленіемъ въ допетровской Руси, какъ для древнѣйшаго времени, такъ и для позднѣйшаго, XV и XVII в., было дворовое хозяйство (у г-жи Ефименко — долевая деревня). Дворы состояли во владѣніи отдѣльныхъ лицъ. Пашня, въ видѣ опредѣленныхъ долей (полосъ и т. п.) точно такъ же осваивалась отдѣльными лицами, которыя вели на ней свое отдѣльное хозяйство. По этому поводу, прежде всего, необходимо выяснить, противорѣчитъ ли такое веденіе хозяйства общинному владѣнію землею. Намъ кажется—нѣтъ. Вопросъ юридически сводится къ слѣдующему: свободный участокъ въ общинной землѣ сдается новому лицу общиной [3]), свободный участокъ продается общиной [4]). Община имѣетъ право выкупа (Retractsrecht) [5]); община сдаетъ свободные участки въ аренду [6]). Для того, чтобы доказать, что отдѣльные домохозяева владѣли своею землею непосредственно, а не черезъ посредство общины, необходимо доказать, что ихъ земельные участки, въ случаѣ ихъ оставленія владѣльцами [напр., запустѣлые (ушедшихъ крестьянъ), выморочные, опальные] не пойдутъ въ общинную массу. Документы XVI и XVII вв. говорятъ какъ разъ обратное [7]). Освоеніе участковъ было и въ Западной Европѣ и нѣмецкіе цивилисты не считаютъ этого противорѣчіемъ съ понятіемъ общины и ея Gesamterhandsverhältniss [8]). Но кромѣ подворнаго владѣнія (несомнѣнно посредственнаго—отъ общины), мы знаемъ и случаи вотчинной собственности, какъ у крестьянъ, такъ и у посадскихъ [9]), о

---

[1]) „Древн. русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1900, Октябрь, стр. 256 и сл.).

[2]) „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ" („Изслѣд. народн. жизни", в. I. М. 1884, стр. 225—230).

[3]) „Акты" Н. П. Лихачева, стр. 168—169. А. Юр., № 6.

[4]) Акты отн. до Юр. Б., II, № 148, VIII;

[5]) А. Юр., № 121; Прил. А № 124.

[6]) „Акты" Оед.-Чех., I, № 30 (стр. 31а).

[7]) А. отн. до Юр. Б., II, № 148, IV;

[8]) Otto Stobbe, „Handb. d. Deutsch. Privatrechts". B. II, Erster Halbband, S. 301.

[9]) А. отн. до Юр. Б., II, № 147, XXX; В. И. Сергѣевичъ, „Древности русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1902, Мартъ, стр. 48 и сл.); ср. Н. Д. Чечулинъ, „Города Моск. гос.", стр. 282.

чемъ мы имѣли уже случай говорить ранѣе. Эта ихъ собина нисколько не противорѣчитъ возможности общинной земли.

§ 76. Засимъ, несомнѣннымъ же является то, что могли быть и общинные дворы [1]), а особенно часто мы имѣемъ дѣло съ общинными угодьями, именно общинными, а не общими, какъ полагаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [2]). На этомъ мы должны нѣсколько остановиться, въ виду категорическаго заявленія уважаемаго автора, отрицающаго даже у позднѣйшей крестьянской общины какія-нибудь общественныя дѣла, кромѣ раскладки оброка и участія въ администраціи и судѣ [3]). Акты намъ очень часто сообщаютъ такого рода данныя: „а ставилось, г-не, на томъ на Кругломъ лугу сѣна по 400 копенъ на лѣто; а лѣтось, г-не, тотъ же Ѳома с товарыщы взяли с того лугу с Рубленина Спасскихъ крестьянскихъ покосовъ сѣна 300 копенъ; а тѣ, г-не, луги Круглой да Рубленинъ к деревнямъ к Обрамцову да к Поповскому, да к двема Поповскимъ малымъ, да к Дехтярнымъ, да к двема Анофрейцовымъ, и ко всѣмъ селищомъ“ [4]). Намъ кажется, что иначе объяснять это мѣсто, чѣмъ такъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиннымъ лугомъ, т.-е. съ лугомъ, который косятъ общинники, дѣлясь потомъ по опредѣленнымъ долямъ, нельзя. Вышеприведенные случаи выступленія общины какъ коллективнаго лица въ гражданскомъ оборотѣ, намъ кажется, въ достаточной степени возражаютъ на категорическое мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича.

Мы уже приводили выше мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича, что складники представляются, въ сущности, простыми однодеревенцами [5]). Если же исходить изъ этой точки зрѣнія, мы должны придти къ необходимому заключенію, что у деревни были свои общинныя земли. Въ Судебникѣ Царя Ѳеодора Ивановича 1589 г., который не былъ законодательнымъ памятникомъ, но

---

[1]) А. отн. до Юр. Б., II, № 148, VIII.

[2]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, Февраль, стр. 318).

[3]) „Древности русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, Февр., стр. 321).

[4]) „Акты“ Ѳед.-Чех., I, № 56, стр. 87а.

[5]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, Октябрь, стр. 241, пр. 1).

несомнѣнно трактовалъ современныя ему бытовыя явленія, есть указанія, что при принятіи въ деревню новаго жильца производится надѣленіе его землею: „А приедетъ в деревню новои жилецъ и захочетъ землю делити во въсу землю—и деревню въ поляхъ на волокахъ і во всякихъ земляхъ и угодья делится, земля и пожни и угодья и путики повытно, по купъчимъ; и где другъ друга умѣритъ, тутъ умеръ взяти безубыточно. А съполосъ назму не вести. А где умѣритъ подворною землею, противъ тово имати землю любая, где захочетъ, опричъ хмельника и садовые земъли“ (ст. 159) [1]). Тутъ интересно, что производится общій передѣлъ земли при пріемѣ новаго жильца, причемъ этотъ раздѣлъ происходитъ не по душамъ, не по равнымъ долямъ, а соразмѣрно платежной способности крестьянина. Затѣмъ, ст. 160 того же судебника [2]) говоритъ о свободѣ для жителя деревни ставить дворы, гдѣ они захотятъ „а свѣрьхъ того по любъве“, т.-е. остальная земля уже не предоставляется ему на выборъ. Ст. 176 говоритъ, что у деревни могутъ быть общія угодья, путики, и запрещаетъ жителямъ другихъ деревень въ нихъ вторгаться [3]). Ст. ст. 175 и 177 устанавливаютъ, что старые лѣса (черные) составляютъ общую собственность всѣхъ (res communis omnium) и не могутъ быть освоены, а по ст. 174 „молодь“, выросшая на прежней пахоти, должна непремѣнно дѣлиться между складниками. При этомъ оговорка: „А кой складникъ безъ делу молоди высечетъ и запашетъ, а инои складникъ не секъ, а выть ему такова жъ въ хлебе, хотя онъ и ставилъ того же лесу“. Права пользованія складниковъ уравниваются [4]). Напечатанные акты, касающіеся поземельнаго владѣнія на сѣверѣ Россіи,

---

[1]) „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д.“, в. 7. М. 1900, стр. 42. Эта статья интересна еще упоминаніемъ о поземѣ, который остается на полосахъ и при передѣлѣ не принимается въ разсчетъ. Самая дѣлимость на полосы наводитъ на мысль объ общинѣ.

[2]) Ibid., стр. 42.

[3]) Ibid., стр. 45.

[4]) Ibid., стр. 45. Ст. 225 (ibid., стр. 55) подтверждаетъ мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича, что складникъ это однодеревенецъ. Именно статья говоритъ: „А кто суседъ у суседа въ одной деревне какую животину утепетъ... извету не положа инымъ складникамъ“...

вполнѣ подтверждаютъ то же положеніе. По раздѣльной записи 1583 г. крестьяне Вознесенскаго прихода дѣлятъ морскія пожни, но не между отдѣльными лицами, а между деревнями: „досталось жъ жеребья яколкурцамъ и таіватовцамъ Двинскои новолокъ...“ и т. д. „А косити намъ тѣ пожни кому съ кѣмъ въ жеребьи досталось... А косити намъ ѣздить на тѣ пожни всѣмъ за недѣлю до Ильина дни... А кто поѣздетъ косить не свѣстясь, ранѣе того сроку и намъ на того стояти всимъ содного“ [1]).

Въ раздѣльномъ актѣ на морскія же пожни крестьянъ Низовскихъ волостей, 1651 г., эти пожни прямо называются мірскими. „О мірскихъ морскихъ пожняхъ...“ [2]). Въ этомъ актѣ есть упоминаніе объ общинной паствѣ: „а тѣ мы два острова оставили вмѣстѣ, не въ дѣлу подъ скотинную пастьу“, и объ общинной рыбной ловлѣ: „и тѣ у насъ рыбныя ловли остались тожъ вмѣстѣхъ не въ дѣлу“. Далѣе въ актѣ слѣдуетъ запрещеніе осваивать общинныя земли. „А хто учнетъ исъ тѣхъ нашихъ мірскихъ угодей, сѣнныхъ покосовъ и изъ рыбныхъ ловель, или исъ скотинной пастьы исъ тѣхъ нашихъ волостей и исъ становъ, или со сторонъ, имать на оброкъ изъ наддачи, или пустымъ называть, и намъ на того человѣка стоять всѣмъ съодного. другъ друга не подать“ [3]). Община устанавливала опредѣленныя нормы и при размежеваніи дворовъ: „а дворовыхъ мѣстъ имать и вымѣривать по два мѣста: по старому дворному мѣсту, а по другому по новому дворному же мѣсту, кто гдѣ станетъ вновь, врядъ по тяглу и по данному алтыну вымѣрить“ [4]). Здѣсь опять доли общинниковъ опредѣляются ихъ тягломъ. Есть актъ, запрещающій общинникамъ пригораживать участки общинной земли къ ихъ

---

[1]) Р. И. Б., т. XIV, столб. 123, № LXV, 1. То же повторяется и въ раздѣльной тѣхъ же крестьянъ 1587 г., ibid., столб. 124, № LXV, 2.

[2]) Р. И. Б., т. XIV, столб. 406, № CLXVI.

[3]) Ibid., тоть же №, столб. 407.

[4]) П. И. Ивановъ, „Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в. у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ“ (Древности. Труды Археографической Коммиссіи Имп. Моск. Арх. Общ., т. II, в. II. М. 1902, стр. 209).

надѣламъ [1]). Община постановляетъ опредѣленный лѣсъ не рубить, чтобы онъ служилъ охраной отъ льда и воды: „а который лѣсъ зъ головы острова и по сторонамъ отъ Двины, и того намъ лѣсу не чистити и дровъ не сѣчи, и лыкъ не драти, а тотъ у насъ лѣсъ затулою отъ леду и отъ воды. А кто будетъ силней человѣкъ станетъ тутъ дрова сѣчи или лыко драти, и намъ на того стояти всѣмъ заодно“ [2]). Въ записи 1608 г. складники постановляютъ: „А лѣсу намъ дружка безъ дружки въ чернедѣ и въ болотѣ и въ вережеяхъ подъ пашню не сѣтчи, оприче дровъ и жердей“ [3]). Такимъ образомъ мы несомнѣнно должны придти къ заключенію, что у общины, помимо сферы тягла, были общія дѣла и общинное владѣніе. Мы еще разъ повторяемъ, что не утверждаемъ общности этого явленія. Но несомнѣнно, что на ряду съ прочимъ было и это. Что касается до происхожденія подобныхъ отношеній, то мы вполнѣ соглашаемся и съ проф. В. И. Сергѣевичемъ [4]), и П. Н. Милюковымъ [5]), и П. И. Ивановымъ [6]) о связи общины и тягла, только, въ виду сказаннаго выше, полагаемъ, что эта связь была гораздо ранѣе XVI—XVII вв. Административное воздѣйствіе и административное пользованіе союзомъ извѣстны уже Русской Правдѣ.

§ 77. Теперь намъ надлежитъ рѣшить послѣдній вопросъ, который мы себѣ намѣтили, это—вопросъ о вліяніи общины на право- и дѣеспособность отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ ея составъ. Этимъ самымъ мы отвѣтимъ и на вопросъ о предѣлахъ цивильныхъ правомочій общины.

Изслѣдователи исторіи русскаго права, въ особенности въ послѣднее время проф. В. И. Сергѣевичъ [7]), съ достаточною

---

[1]) П. И. Ивановъ, op. cit. (ibid., ст. 236).

[2]) Р. И. Б., т. XIV, столб. 69, № XLI (1563 г.).

[3]) Р. И. Б., т. XIV, столб. 833 (1608 г.), № VIII.

[4]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1901, Февраль, стр. 321—322, пр. 1).

[5]) „Очерки по ист. русск. культуры“, ч. I (3 изд.). Спб. 1898, стр. 193—196.

[6]) Op. cit. (ibid., стр. 236—248). См. contra М. Клочковъ, „Къ вопросу о складникахъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Ноябрь, стр. 29—52).

[7]) Русск. Юр. Др., II (изд. 2, Спб. 1902), стр. 230—232; „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, Сентябрь, стр. 69 и сл.).

убѣдительностью показали, что черные крестьяне и черные посадскіе люди совершенно свободно распоряжались своими дворами и отчасти другими земельными участками. Дѣйствительно, мы имѣемъ много документовъ, закрѣпляющихъ юридическія сдѣлки на тяглое имущество, которые приведены уважаемымъ ученымъ [1]). Ихъ число можно еще значительно увеличить [2]). Являются ли эти факты противными общинному землевладѣнію? Мы осмѣливаемся полагать, что нѣтъ. Важенъ фактъ посредственнаго владѣнія отъ общины, важенъ фактъ права выкупа, имѣющійся у общины, на это мы указывали выше. Отто Штоббе говоритъ [3]), что у Германской общины въ этомъ отношеніи также было лишь право выкупа, и онѣ не могли ограничивать частной юридической дѣятельности своихъ членовъ. Что же касается до права выкупа, то проф. В. И. Сергѣевичъ самъ приводитъ [4]) договорную грамоту Дмитрія Донского 1388 г. о томъ, что если кто-либо изъ нечерныхъ людей купитъ черную землю, то черные люди (очевидно данной общины) должны ее выкупить; если же они не могутъ ее выкупить, то покупатель долженъ тануть тягло съ черными людьми. Если же не пожелаетъ, то земля у него отнимается даромъ: „а земли чернымъ людямъ даромъ“ [5]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ позднѣйшее время, напр., въ XVII в., несмотря на нѣсколько спеціальныхъ запрещеній продавать черные дворы и черныя земли бѣломѣстцамъ [6]), таковыя продажи совершались [7]); вѣроятно еще чаще это практиковалось и ранѣе. Стоитъ посмотрѣть на судебные поземельные процессы между волостными крестьянами и монастырями, отпечатанные въ такомъ большомъ числѣ проф. Ѳе-

---

[1]) Русск. Юр. Др., I (изд. 2. Спб. 1902), стр. 230, 231.

[2]) Напр., см. А. ѳ. до Юр. Б., II, №№ 141, 128, II, 148, IV и др.

[3]) „Handbuch d. deutsch. Privatr.“. B. II, Halb. I (Berl. 1896), S. 498. Ср. Grimm, „Deutsche Rechtsalterthüm.“, S. 531, 607; Thudichum, „Gau und Markverfassung“, S. 205 ff.; O. Gierke, „Deutsch. Genossenchaftsrecht“, B. I. Berl. 1861, S. 72, 605; Maurer, „Städterverfassung“, II, S. 812 ff.

[4]) Р. Юр. Др., I (изд. 2), стр. 234.

[5]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 33, стр. 57.

[6]) П. С. З., № 1157, Ул. XIX, ст. 39.

[7]) В. И. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, стр. 229.

дотовымъ-Чеховскимъ, чтобы придти къ заключенію, что община была очень слаба въ столкновеніяхъ съ сосѣдями, особенно пользующимися покровительствомъ властей.

Такимъ образомъ необходимо признать, что община не ограничивала дѣеспособности своихъ членовъ въ распоряженіи и отчужденіи того имущества, которое они освоили. Сдѣлка могла быть признана недѣйствительной лишь post factum, и убытки ложились не на продавца, а на покупщика. Но остается еще одинъ пунктъ, очень спорный въ литературѣ русской исторіи и исторіи русскаго права, это—вопросъ о правѣ общины передѣлять землю. Проф. В. И. Сергѣевичъ, разобравъ подробно литературу даннаго вопроса и источники, пришелъ къ заключенію, что передѣлы имѣли мѣсто лишь при дѣлежѣ наслѣдниковъ, что̀ не предполагаетъ еще существованіе общины [1]). Дѣйствительно, надо признать, что если такіе передѣлы земли и существовали, то они существовали съ общаго согласія складниковъ-однодеревенцевъ [2]), такъ что передѣлъ считался недѣйствительнымъ, если кто-либо изъ нихъ не соглашался на него [3]). Мы знаемъ лишь случаи передѣла земельныхъ участковъ при принятіи новаго жильца [4]) и при раздѣлѣ на жеребьи мірскихъ поженъ, рыбныхъ ловель и поскотинной паствы [5]). Въ этомъ отношеніи любопытны раздѣльныя записи 1583 и 1587 гг. [6]). По первой и по второй мірскія пожни дѣлятся на шесть жеребьевъ, но по записи 1587 г., каждый жеребій еще на 10 сошекъ. Затѣмъ по записи 1583 г.: 1) Яколкурцы и Тойватовцы получаютъ Двинскій наволокъ и половину Голца (кромѣ Лисоостровцевъ, которые, вѣроятно, имѣли свои доли въ Гольцѣ, и треть Кумбыша; 2) Архангельцы—Щучей большой и меньшій; 3) Кяростровцы (опричь Иванова статка) и Кегостровцы, и Лаяны и Лодмяны получили Лодейный и Заборье большое; 4) Никольскимъ и Студименцамъ досталось Пельшакъ, да Подборный островокъ, да

[1]) „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Октябрь, стр. 258).
[2]) П. И. Ивановъ, op. cit. (Древности, II, в. II, стр. 213).
[3]) П. И. Ивановъ, op. cit. (Древности, II, в. II, стр. 213—214).
[4]) Судебникъ 1589 г., ст. 159 (Сб. М. Г. Арх. М. И. Д., в. 7, стр. 42).
[5]) Р. И. Б., т. XIV и LXV, стр. 122—125; № CLXVI, стр. 405—408.
[6]) Р. И. Б., т. XIV, стр. 122—125, № LXV, 1 и 2.

Лайда малая; 5) Андреяновцамъ, Кафколцамъ, Ильинцамъ и рыбловъ въ Княщинѣ Ярпуи съ Пиздряками, да треть Кумбыша и 6) Вагоостровцамъ, Онишевцамъ и Конецдворцамъ—Лясонима да Анфалицъ. По раздѣламъ же 1587 г. первый жребій остался безъ перемѣны. Второй жребій достался не Архангельцамъ, а Кяростровцамъ и др., владѣвшимъ въ 1583 г. третьимъ жребьемъ. Третій жребій перешелъ бывшимъ владѣльцамъ четвертаго. Четвертый—владѣльцамъ пятаго, пятый—владѣльцамъ шестого, а шестой—Архангельцамъ. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ возможности отрицать категорически случая передѣла земли и внѣ наслѣдственныхъ передѣловъ. Зато общинная жизнь создавала, несомнѣнно, цѣлый рядъ ограниченій, сервитутнаго характера, подкрѣплявшихся правомъ иска [1]). Резюмируя все сказанное выше, мы должны придти къ слѣдующему заключенію. Допетровское русское гражданское право, какъ до татарскаго періода, такъ и Московскаго государства, знало какъ одинъ изъ видовъ коллективныхъ лицъ крестьянскую, а позднѣе и посадскую общину. Община выступала въ гражданскомъ оборотѣ черезъ посредство своихъ выборныхъ органовъ. Она могла имѣть имущество, обладала правомъ выкупа (Retractsrecht), обладала цивильной правоспособностью. Община не ограничивала цивильныхъ правъ своихъ членовъ на освоенное ими имущество, но эти послѣдніе владѣли своимъ имуществомъ посредственно, отъ общины, и всякій, пріобрѣтавшій тяглую землю eo ipso, долженъ былъ становиться членомъ общины, т.-е. измѣнялась лишь конкретная фигура члена общины, а не отношенія общины къ своему сочлену. Нежелавшій этому подчиниться подвергался насильственному выкупу въ пользу общины, или, иногда, даже отобранію земли въ пользу общины. Посредственное владѣніе членовъ общины освоенною ими землею выражается, между прочимъ, и въ передѣлахъ, которые не были такъ часты, какъ ихъ изображаютъ защитники общинной теоріи, но могли быть—тому есть примѣры—обыкновенно по со-

[1]) П. И. Ивановъ, op. cit. (Древности, т. II, в. II, стр. 210—220; 232—261). Ср. ограниченія въ ст. ст. 162, 169, 170, 171, 172, 173 Судебника 1589 г. (Сб. М. Гл. Арх. М. И. Д., в. 7, стр. 42, 44—45).

глашенію всей общины, а въ случаѣ принятія новаго члена общины не путемъ пріобрѣтенія имъ тяглой земли, этотъ передѣлъ былъ легальнымъ и зависѣлъ отъ желанія новаго жильца.

V. Церковь.

§ 78. О положеніи церкви, церковнаго общества, церковныхъ учрежденій и установленій въ древней Руси мы можемъ говорить только со времени принятія христіанства, ибо мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ о положеніи языческихъ религіозныхъ учрежденій не только у русскихъ, но и у славянъ вообще, хотя относительно славянъ западныхъ все-таки можно сказать по этому предмету довольно много [1]). Но у славянъ русскихъ мы можемъ начать разсмотрѣніе религіозныхъ учрежденій лишь со времени христіанства.

Съ самаго почти момента появленія на Руси христіанской іерархіи, съ постройкой храмовъ, монастырей, мы встрѣчаемся уже съ церковью, какъ юридическимъ лицомъ, фигурирующимъ въ сферѣ юридическихъ отношеній цивильнаго характера и играющимъ затѣмъ весьма важную роль въ экономической жизни Руси; въ этомъ отношеніи русская церковь оказала на хозяйственную сферу Руси не меньшее вліяніе, чѣмъ оказала она на развитіе государственныхъ началъ, нравственныхъ идей, и подобно тому, какъ въ сферѣ политической русская церковь всегда шла впереди, руководя общество къ достиженію высокихъ государственныхъ цѣлей, развитію національнаго самосознанія, какъ въ сферѣ чисто религіозной создавала цѣлое народное міросозерцаніе, такъ и въ сферѣ экономической и гражданскаго оборота, церковь во многомъ шла впереди частныхъ лицъ, и многія начала нашего гражданскаго права обязаны своимъ развитіемъ церковной юрисдикціи. Извѣстно, что уже Владиміръ Святой дѣлалъ вклады въ церкви и установилъ десятину въ пользу церкви [2]). Въ 1031 г. преподобный

---

[1]) С. М. Соловьевъ, „Ист. Россіи съ древн. вр.“, т. I. М. 1866, стр. 88 и пр. 109 и 110 на стр. 330—331. Ср. А. Котляревскій, „Древности права балтійскихъ славянъ“. Прага 1874, стр. 61—62.

[2]) Напр., П. С. Р. Л., I, подъ 6504 г.

Антоній Печерскій испрашиваетъ у князя Изяслава пожалованье горы подъ монастырь: „Изяславъ же посла мужъ свой и вда имъ гору ту“ [1]). Въ 1094 г. у Суздальской церкви Св. Дмитрія имѣется село [2]) и т. д. Нѣтъ нужды доказывать, что церковь имѣетъ недвижимое и движимое имущество съ древнѣйшихъ временъ и во все продолженіе допетровскаго времени [3]). Намъ надлежитъ лишь опредѣлить предѣлы цивильной право- и дѣеспособности церкви и способы осуществленія ея дѣеспособности.

Намъ кажется, что всякое недвижимое имущество церкви, съ древнѣйшихъ временъ, установлялось съ согласія государственной власти. Первыя свидѣтельства лѣтописи о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ говорятъ о пожалованіяхъ. Засимъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ актовъ на пріобрѣтеніе церковными учрежденіями недвижимой собственности, равно какъ сдѣлокъ мѣновыхъ, которыя съ очень ранняго времени совершались съ доклада представителю князя, его чиновнику [4]). Громадное количество жалованныхъ грамотъ, выданныхъ монастырямъ и церковнымъ учрежденіямъ, покрываютъ признаніемъ верховной власти всѣ пріобрѣтенія церкви, какимъ бы путемъ она ихъ ни совершила. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы церковь могла заключать свои сдѣлки только подъ условіемъ признанія верховной власти. Мы увидимъ дальше, что она заключала таковыя и самолично. Но постоянно наблюдая за нерушимостью своихъ имущественныхъ правъ, церковь всегда была очень озабочена тѣмъ, чтобы придать имъ наибольшую крѣпость. Уже купчая и духовная Антонія Римлянина начала XII в. были облечены въ письменную форму [5]). Всѣ сдѣлки конца XIV вѣка производятся церковью со скрѣпою сдѣлки представителями власти, если не прямымъ путемъ, то путемъ, какъ указано выше, жалован-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, подъ 6559 г.

[2]) П. С. Р. Л., I, подъ 7002 г.

[3]) См. К. А. Неволинъ, П. С. С., т. IV, стр. 6. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 529—530. Проф. В. И. Сергѣевичъ, „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Сентябрь, стр. 69—70).

[4]) См. Прилож. А №№ 41, 42, 43, 81, 82 и др.

[5]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 117, пр. 3.

ныхъ грамотъ. Такимъ путемъ, мы полагаемъ, церковь сама поставила себя, сообразно взглядамъ и византійскаго права, въ имущественной сферѣ подъ покровительство, а оттуда и подъ контроль государства. Поэтому мы встрѣчаемся съ такими фактами, что князь даетъ и отбираетъ имущество у монастыря. Напр., князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій въ 1476—1482 г. пишетъ Ѳеодору Судакову, что тѣ пожни, которыя онъ, князь, ранѣе взялъ у Кириллова монастыря и далъ Судакову, теперь велитъ отдать обратно монастырю, а Судакова пожалуетъ другими пожнями [1]).

На этомъ же, вѣроятно, были основаны и попытки секуляризаціи монастырскихъ имуществъ въ началѣ XVI в. Еще митрополитъ Кипріанъ, съ нравственно-религіозной точки зрѣнія въ XIV в. возставалъ противъ управленія монастырей земельными имуществами и крестьянами [2]). На соборѣ 1503 г. заволжскіе старцы подали мысль Ивану III объ отобраніи монастырскихъ имуществъ [3]). Они исходили также изъ соображеній нравственныхъ. Но тогдашнее положеніе Московскаго государства еще не было таково, чтобы великій князь могъ рѣшиться серьезно обсуждать вопросъ о нарушеніи частной собственности. Поэтому мы полагаемъ, что въ то время правительство склонно было смотрѣть на земельныя имущества монастырей, какъ на свою собственность, лишь данную во владѣніе монастыря pia causa и какъ на разрѣшенныя правительствомъ частныя пріобрѣтенія монастыря только лишь дестинаторныя. Только съ этого времени, благодаря отпору церкви намѣреніямъ государственной власти, твердо обосновывается теорія о неотчуждаемости церковныхъ имуществъ по образцу греко-римскаго права [4]). На измѣненіе взгляда на церковное имущество въ XVI в. указывалъ и проф. Голубинскій [5]).

---

[1]) Прилож. А № 153.

[2]) В. Жмакинъ, „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія". М. 1881, стр. 77.

[3]) Ibid., стр. 77 и слѣд.

[4]) М. И. Горчаковъ, „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода". Спб. 1871 г., стр. 135—168.

[5]) „Исторія русск. церкви", т. I, періодъ первый, первая половина тома. М. 1880, стр. 435.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что проф. Владимірскій-Будановъ не вполнѣ точно опредѣлилъ первоначальный характеръ установленія церковныхъ имуществъ путемъ заимокъ [1]) — эти заимки, по его же свидѣтельству, затѣмъ покрывались признаніемъ государственной власти, а равно, говоря, что церковная собственность была однимъ изъ видовъ наиболѣе чисто цивильной собственности въ древней Руси [2]), напрасно обобщилъ это положеніе: такое отношеніе церкви къ своему имуществу есть результатъ исторіи, но получило окончательную санкцію лишь въ XVI в.

Но какъ бы то ни было, мы знаемъ, что церковь съ самаго своего появленія на Руси выступаетъ въ сферѣ гражданскаго оборота какъ юридическое лицо. На это указано выше. Мы видѣли также, что духовныя лица всѣхъ сановъ, какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства признавались въ древней Руси право- и дѣеспособными и могли имѣть свое частное имущество. Но засимъ мы видимъ, что кромѣ частнаго имущества іерарховъ имѣется имущество архіерейскихъ домовъ, какъ юридическихъ лицъ. Крестьяне поряжаются на земли не только новгородскаго митрополита, но и въ Софійскую вотчину [3]). Земля пріобрѣтается митрополичьему дому [4]). Представителемъ этого юридическаго лица является епископъ (митрополитъ) и отъ его имени (по его благословенью) сдѣлки совершаются служащими у него лицами, казначеемъ и митрополичьимъ дворецкимъ [5]). Митрополиты управляютъ этимъ имуществомъ, даютъ его въ помѣстья [6]), даютъ жалованныя грамоты населенію [7]),

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 522 и 529.

[2]) Ibid., стр. 529.

[3]) Прилож. В №№ 3, 4, 5 и др.

[4]) А. отн. до Юр. Б., II, № 147, II (до 1461 г.), V (1506—1507 г.), VI (1508—1509 гг.), VII (до 1511 г.), IX (1512—1513 гг.), X (1515 г.), XI (1515—1516 гг.), XII (1518 г.), XIII (1521 г.), XIV (1524 г.), XV (1526 г.), XVI (1526 г.), XVII (1526 г.), XVIII (1526 г.) и т. д.

[5]) Прилож. В №№ 4, 5, 6 и др. См. предыдущее примѣчаніе.

[6]) А. Ю., № 8. Ср. М. И. Горчаковъ, op. cit., стр. 231 и слѣд. С. В. Рождественскій полагаетъ, что приведенная грамота единственная („Служ. земл.“, стр. 19). Позволимъ себѣ еще указать на А. отн. до Юр. Б., I, № 44, II, III.

[7]) А. отн. до Юр. Б., I, № 43.

дают уставныя грамоты [1]). Монастыри также заключают все возможныя юридическія сдѣлки. Отъ лица ихъ игумены и архимандриты, а иногда и старцы, совершают купчія крѣпости [2]), мѣну [3]), дают деньги взаймы подъ залогъ недвижимой собственности [4]), принимают вклады и даренія [5]), управляют и судятъ населеніе своихъ вотчинъ [6]). Ихъ акты юридическихъ сдѣлокъ всегда пишутся съ указаніемъ, что сдѣлка совершается отъ имени юридическаго лица. Именно „игумену съ братіей или кто по немъ иной игуменъ и братія будутъ“. Наконецъ, мы знаемъ, что существовало и въ древнѣйшей Руси церковное имущество въ тѣсномъ значеніи слова, т.-е. имущество принадлежащее храмамъ. Священникъ покупаетъ отъ имени церкви [7]).

Такимъ образомъ церковныя учрежденія, въ качествѣ юридическихъ лицъ, должны быть признаны дѣеспособными въ сферѣ гражданскаго оборота. Теперь намъ надо разсмотрѣть происхожденіе этой дѣеспособности и ея предѣлы.

§ 79. Съ перваго случая, когда мы встрѣчаемся съ земельнымъ пріобрѣтеніемъ монастыря, именно въ дѣлѣ пожалованья Печерской горы Преподобному Антонію въ 1051 г. у великаго князя Изяслава и не возникаетъ вопроса о томъ, составляетъ ли монастырь юридическое лицо, кѣмъ санкціонирована право- и дѣеспособность этого лица. Это вполнѣ понятно для того времени, когда на Руси еще и не существовало самого понятія о юридическомъ лицѣ, хотя таковыя и существовали. Что же касается до церковныхъ учрежденій, то они принесли свое правосознаніе изъ Византіи, взяли его отъ готовыхъ образцовъ земельныхъ имуществъ Византійской церкви. Таковыя же имущества существовали и въ болѣе близкихъ намъ Сербіи и Болгаріи. Въ этомъ согласны всѣ изслѣдователи вопроса объ имуще-

---

[1]) „Временникъ М. Об. И. и Др. Росс.“, II. М. 1849, Смѣсь, стр. 19 и сл.
[2]) Прилож. А №№ 41, 42, 43 и др.
[3]) Прилож. А №№ 81, 82, 83.
[4]) Прилож. А. № 40.
[5]) Прилож. А №№ 1—36.
[6]) Прилож. А №№ 86 и слѣд.
[7]) А. отн. до Юр. Б., II, № 147.

ственныхъ отношеніяхъ русской церкви [1]). Для дальнѣйшихъ же поколѣній это стало уже usus, еще подтвержденный отдѣльными уставными грамотами князей [2]). Когда возникли мнѣнія о возможности секуляризовать монастырскія имущества въ концѣ XV и началѣ XVI в., то защитники этихъ имущественныхъ правъ монастырей съ Іосифомъ Волоцкимъ и Даніиломъ, митрополитомъ Московскимъ во главѣ — этой, по выраженію проф. В. И. Сергѣевича, „партіей стяжателей“ [3]), въ защиту и обоснованіе правъ церкви на недвижимость, въ качествѣ юридическихъ лицъ, приводились дѣйствительные и апокрифическіе (напр., вѣно царя Константина) законы Византійской Имперіи, какъ обоснованіе правъ церкви. Такимъ образомъ, церковныя учрежденія перешли изъ Греціи въ древнюю Русь уже въ видѣ готовой, отлитой формы юридическихъ лицъ, гдѣ и были фактически, а затѣмъ и юридически, признаны за таковыя властью государственной.

Что касается до предѣловъ дѣеспособности церковныхъ учрежденій, то это вопросъ довольно сложный. Тутъ, во-первыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, что предѣлы дѣеспособности церковныхъ учрежденій могутъ опредѣляться самымъ существомъ ихъ имущественныхъ отношеній, дестинаторнымъ характеромъ сего послѣдняго, а, во-вторыхъ, ограничиваться по соображеніямъ государственной власти Оба эти момента наблюдаются и въ исторіи русскаго права. Недвижимая собственность нашихъ церковныхъ установленій образовалась двумя параллельными путями: дареніемъ частныхъ лицъ, пожалованіемъ князей pia causa съ одной стороны и дѣятельностью монастыря (купля-продажа, заимка, мѣна, и т. п.) съ другой. Не вдаваясь въ подробности, слѣдуетъ указать, что исторія допетровской Руси показываетъ намъ постепенный, систематическій и непрерывный ростъ монастырскихъ имуществъ, ихъ округленіе и расширеніе [4]). Если, первоначально,

---

[1]) Ср. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ“. К. 1900, стр. 529—530.

[2]) Владиміра Святославича, Ярослава Владиміровича и др.

[3]) Р. Юр. Др., II, в. II, стр. 501.

[4]) Н. Рожковъ, „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“. М. 1899 стр. 368—431.

князья еще пытались распоряжаться монастырскимъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ [1]), то уже съ собора 1503 г. былъ окончательно формулированъ принципъ неотчуждаемости церковныхъ имуществъ [2]), принципъ не только охраняющій это имущество отъ покушеній государственной власти, но и стѣсняющій органъ церковнаго управленія въ отчужденіи церковной собственности. И дѣйствительно, среди громадной массы актовъ юридическихъ сдѣлокъ духовныхъ и монастырскихъ властей, которые сохранились до нашего времени, мы не встрѣчаемъ случаевъ отчужденія монастырскаго имущества иначе, какъ въ обмѣнъ на таковое же. Единственные случаи, это продажа монастырской земли митрополичьему дому [3]) или другому церковному установленію [4]). Нѣсколько въ иномъ положеніи находится земельное имущество только сѣверныхъ церквей и монастырей. Такъ, мы наблюдаемъ интересное явленіе совладѣнія старцевъ и свѣтскихъ людей, образующихъ складничества [5]). Въ такомъ общемъ владѣніи церковнаго учрежденія и мірянъ очень трудно выдѣлить значеніе этого учрежденія, какъ отдѣльнаго юридическаго лица. Даже пріемъ новыхъ старцевъ въ пустынь совершается съ согласія „міра“ — складниковъ-совладѣльцевъ [6]). Даже монастырскіе старцы, составляющіе братію монастыря, на сѣверѣ, какъ будто чужды представленія о монастырѣ, какъ юридическомъ лицѣ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ „одинашную“ запись такихъ старцовъ Троицко-Гледенскаго монастыря 1608 г., о томъ, чтобы стоять за одно въ дѣлѣ отстаиванья монастырскихъ вотчинъ [7]). Конечно, для монастыря — юридическаго лица, такихъ записей не надобно, да ихъ и нѣтъ въ остальной Россіи. Но несомнѣнно, что по самому характеру монастырей, какъ юридическихъ лицъ,

---

[1]) Прилож. А № 153.

[2]) В. Жмакинъ, „Митр. Даніилъ“, стр. 79 и сл. В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., т. II, в. II, стр. 501 и сл.

[3]) А. отн. до Юр. Б., II, № 147, II.

[4]) Ibid., № 147, III.

[5]) Русск. Ист. Библ., тт. XII и XIV (Акты Успенской и Холмогорской епархій) passim.

[6]) Р. И. Б., т. XIV, столб. 347—348, № CXXXVI (1621 г.).

[7]) Ibid., столб. 834—835 (№ VIII).

изъ понятія объ экономической дѣятельности монастыря, какъ направленной для пользы этого юридическаго лица, мы имѣемъ цѣлый рядъ актовъ юридическихъ сдѣлокъ, совершаемыхъ съ предварительнаго совѣта съ братіею [1]).

§ 80. Теперь возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣли церковныя учрежденія на имущества, поступившія въ ихъ пользу въ качествѣ вклада, по духовному завѣщанію или пожалованныя pia causa. Было ли у нихъ сознаніе, что эти имущества дестинаторныя, находящіяся лишь въ пользованіи (при опредѣленныхъ условіяхъ) монастыря и его управленіи. Дать прямой отвѣтъ на это довольно затруднительно. Скорѣе надо придти къ заключенію, что церковныя учрежденія допетровской Руси не дѣлали различія въ квалификаціи юридической природы имуществъ, поступившихъ въ нихъ pia causa и пріобрѣтенныхъ монастырями по своей иниціативѣ. Напр.. мы имѣемъ примѣръ, что Кирилло-Бѣлозерскій монастырь вымѣниваетъ данную ему на поминъ души пожню Сущовскую на другую землю [2]). Самые вклады по даннымъ грамотамъ, ничѣмъ, обыкновенно, не гарантируются. Выраженіе „на поминъ души“, „по отцѣ и матери“ „по мужѣ“ и т. п. является въ этихъ актахъ съ характеромъ простой модальности сдѣлки, не играя роли causa и почти нигдѣ не опредѣлены точнѣе, т. е. мы почти не имѣемъ случаевъ, гдѣ бы за вкладъ въ пользу монастыря недвижимой собственности выговаривалось опредѣленно какъ надо поминать душу жертвователя или его родныхъ, подобно тому, какъ это дѣлалось при денежныхъ вкладахъ на сорокоустъ и т. п. Такимъ образомъ, мы должны, кажется, придти къ заключенію, что внутреннее ограниченіе въ распоряженіи церковнымъ имуществомъ въ допетровской Руси опредѣлялось не столько волеизъявленіемъ вкладчика, не понятіемъ цѣли этого имущества служить удовлетворенію религіознымъ потребностямъ жертвователей, а самое церковное учрежденіе разсматривалось какъ цѣль, поддержаніе его, какъ pia causa; Іосифъ Волоцкій въ защиту монастырскихъ иму-

[1]) Прилож. А №№ 37, 83 и др.
[2]) Прилож. А №№ 26 и 84.

ществъ приводитъ слѣдующее соображеніе [1]): „Аще у монастырей селъ не будетъ, какъ честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взять на митрополію, или архіепископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе".

На ряду съ внутреннимъ ограниченіемъ дѣеспособности церковныхъ учрежденій наблюдаются и внѣшнія, исходящія изъ постановленій государственной власти. Мы уже указывали выше, что большинство актовъ юридическихъ сдѣлокъ монастырей XIV и XV вв. совершается съ санкціей князя или по докладу его чиновникамъ. Тѣ церковныя пріобрѣтенія (напр., вклады и по духовному завѣщанію), которыя совершались безъ доклада, затѣмъ покрываются и утверждаются жалованными грамотами [2]). Трудно сказать, была ли это лишь предосторожность со стороны монастыря, или того требовало право. Несомнѣнно, что это явленіе не случайное, а систематически повторяющееся. Со времени введенія требованія объ удостовѣреніи и закрѣпленіи юридическихъ сдѣлокъ на недвижимое имущество въ административныхъ учрежденіяхъ [3]), требованіе объ этомъ всегда включается въ грамоты монастырей, благодаря той же ихъ осторожности въ имущественныхъ дѣлахъ. Но уже съ XVI вѣка мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми попытками правительственнаго контроля надъ экономическою жизнью монастырей и заботы его о невыходѣ земель изъ службы и оклада путемъ перехода ихъ къ церкви. Мы уже указывали, что на соборѣ 1503 г. окончательно былъ формулированъ принципъ неотчуждаемости церковныхъ имуществъ. Но уже на Стоглавомъ Соборѣ 1550 года является постановленіе, закрѣпляющее предыдущую практику и ограничивающее новыя земельныя пріобрѣтенія церкви: для законности такого пріобрѣтенія обязательно требуется согласіе государственной власти [4]). Правда, мы должны оговориться, что въ виду воз-

[1]) В. Жмакинъ, op. cit., стр. 78.

[2]) Прилож. А №№ 26 и 103; 60, 62 и Р. И. Б., II, № 6; 82 и Р. И. Б., II, № 13 и т. п.

[3]) Ук. кн. вѣд. казн. IX („Хрест." Влад.-Буд., III, стр. 19).

[4]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ". К. 1900, стр. 542.

никшаго около того же времени правила о справкѣ купленныхъ вотчинъ въ приказахъ и обычной практикѣ церковныхъ властей, Стоглавъ не внесъ особыхъ ограниченій въ дѣло пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ. Но затѣмъ, по Соборному приговору 1572 г., запрещены новыя земельныя пріобрѣтенія большимъ монастырямъ [1]). Соборъ 1580 г. запретилъ пріобрѣтеніе монастырямъ недвижимой собственности путемъ купчихъ, закладныхъ и завѣщаній [2]). Приговоромъ Собора 1584 года постановлено [3]) не давать вотчинъ въ монастыри, церквамъ и владыкамъ по душѣ, а давать цѣну по деньгамъ, не покупать вотчинъ и не брать въ залогъ. Съ другой стороны, наличныя церковныя имущества не подлежали выкупу и отобранію. Какъ мы сказали въ примѣчаніи, эта мѣра имѣла характеръ временной, и, по нашему мнѣнію, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ напрасно придалъ ей такое большое значеніе. Во-первыхъ, совершая юридическія сдѣлки съ вѣдома правительства, церковныя учрежденія своимъ частнымъ сдѣлкамъ придавали характеръ пожалованій или, по крайней мѣрѣ, получали правительственную санкцію. Во-вторыхъ, практически это постановленіе почти не имѣло значенія. Сейчасъ же послѣ этого Собора является масса данныхъ и купчихъ монастырей, безъ всякихъ оговорокъ относительно приведеннаго выше ограниченія [4]). Уложеніе Царя Алексѣя Михаиловича снова подтверждаетъ запрещеніе частныхъ юридическихъ сдѣлокъ монастырю и духовнымъ властямъ [5]), но и послѣ Уложенія онѣ повторяются [6]). Такимъ образомъ мы должны придти къ заключенію, что церковныя учрежденія съ

---

[1]) В. М. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 542.

[2]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 200, стр. 583—587.

[3]) Ibid., № 202, стр. 592—598. Эти оба послѣднія ограниченія даны по поводу тягостнаго экономическаго положенія Россіи того времени. Но тамъ оговорка: „покамѣстъ земля неустроитца“ и на практикѣ онѣ, какъ увидимъ далѣе, не исполнялись.

[4]) С. А. Шумаковъ, „Угличскіе Акты“. Данныя: № XLI (1585—1586 г.), XLII (1613 г.), XLV (1645 г.). Купчія: LX (1613 г.), LXII (1684 г.) и мн. др.

[5]) Гл. XVII, ст. 42.

[6]) С. А. Шумаковъ, „Угличскіе Акты“, LXII (1684 г.) купчая.

древнѣйшихъ временъ во все продолженіе допетровской эпохи фигурируютъ въ юридической жизни въ качествѣ цивильно дѣеспособныхъ юридическихъ лицъ, но ихъ дѣеспособность имѣетъ силу съ согласія или разрѣшенія государственной власти. Въ такомъ видѣ онѣ совершаютъ юридическія сдѣлки, выступаютъ въ процессѣ и наслѣдуютъ (конечно, по завѣщанію).

VI. Государство.

§ 81. Еще К. А. Неволинъ, говоря объ имуществахъ государственныхъ, приводитъ указаніе, что до XVIII вѣка русское право не знало выраженія государственное имущество, равно какъ и казенное. Знали только земли Княжескія, Царскія, Государевы [1]). Затѣмъ, этотъ ученый указалъ, что особымъ видомъ государевой земли были земли дворцовыя, присовокупивъ, что выдѣленіе „дворца“ въ царствованіе Ивана Грознаго имѣло цѣлью отдѣлить fiscus отъ aerarium'a [2]). Въ настоящее время, когда рядъ изслѣдователей только намѣчаетъ значеніе дворца въ противоположность земскому управленію, съ его параллельною сѣтью приказовъ [3]), надо только удивляться тонкости пониманія нашего знаменитаго историка-цивилиста. Проф. В. И. Сергѣевичъ, изслѣдуя юридическую природу древняго русскаго землевладѣнія, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ по вопросу о государствѣ, какъ юридическомъ лицѣ [4]): „Въ Новгородѣ уже въ очень глубокой древности появилась потребность образовать особые земельные

---

[1]) П. С. С., т. 3, стр. 3—4 и прим. 5 и 6 на стр. 4-й. Ср. Б. Н. Чичеринъ, „Опыты“, стр. 256.

[2]) Ibid., стр. 4 и прим. 8.

[3]) С. Ф. Платоновъ, „Очерки по исторіи смуты“. Спб. 1899, стр. 153 и слѣд.

[4]) „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, Сентябрь, стр. 73. Проф. В. И. Сергѣевичъ первый примѣръ такой собственности находитъ въ договорѣ Новгорода съ В. Кн. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 года—ibid.).

участки, которые можно было предоставлять въ пользованіе постоянно смѣнявшимся тамъ князьямъ. Эти участки не составляли собственности какого-либо частнаго лица; у князя они находились во временномъ пользованіи и съ удаленіемъ его переходили въ пользованіе его преемника. Это и есть первый примѣръ возникновенія на Руси государственной собственности".

Уважаемый ученый полагаетъ, что средствомъ для пріобрѣтенія такой земли могла служить Новгородская государственная казна, которая несомнѣнно существовала въ самомъ началѣ XIV в., но есть основаніе полагать, что была съ незапамятныхъ временъ. При частой смѣнѣ князей, земля естественно предоставлялась имъ въ пользованіе, составляя собственность самаго города-княженія, и вѣроятно, что такой порядокъ существовалъ и въ другихъ русскихъ княжествахъ при вѣчевомъ устройствѣ. Съ осѣдлостью въ данномъ княжествѣ одного княжескаго семейства, когда „столъ переходилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ отца къ сыну, такія отведенныя князю земли легко переходили въ наслѣдственное владѣніе княжескаго дома и обращались въ его частную собственность. Такая именно случайность выпала на долю Москвы" [1]). Поэтому, ни въ Московскомъ удѣлѣ, ни въ Великомъ княжествѣ Владимірскомъ, ни въ Московскомъ государствѣ „мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на наличность государственныхъ имуществъ, которыя отличались бы отъ имуществъ князя. Въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственныя" [2]). Земли дворцовыя, черныя, княжескія купли, конфискованныя земли, все это не различалось нашими источниками, называются государевыми землями и управляются на одинаковыхъ основаніяхъ [3]).

Проф. В. И. Сергѣевичъ далѣе указываетъ, что вопросъ о томъ, какія земли принадлежали Московскимъ го-

---

[1]) „Древности русскаго землевладѣнія" (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Сентябрь, стр. 74).

[2]) Ibid., стр. 75.

[3]) Ibid., стр. 75.

сударямъ на правѣ частной собственности, какія же были собственности государственной, могъ возникнуть при прекращеніи династіи Рюриковичей. „Но такого вопроса не возникло, онъ не былъ по плечу государственныхъ людей того времени, и въ XVII вѣкѣ продолжается прежнее безразличіе государственныхъ и частныхъ владѣній государя“ [1]). Этимъ, по существу, подтверждается старое мнѣніе, приведенное нами, К. А. Неволина, что государственныя имущества назывались у насъ и государевыми и дворцовыми. Дѣло въ одномъ названіи.

Соглашаясь, какъ мы увидимъ далѣе, съ большинствомъ положеній проф. В. И. Сергѣевича, мы здѣсь считаемъ прежде всего долгомъ указать, что не видимъ основаній искать способа пріобрѣтенія государственныхъ имуществъ Новгорода въ государственной казнѣ. Тамъ, гдѣ, какъ въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, рано сложилось понятіе государства какъ юридическаго лица, независимо отъ правителя-князя, имущества и были собственностью господина Великаго Новгорода или другого города. Гдѣ же князь или царь олицетворялъ государство, это имущество было княжескимъ или государевымъ [2]).

§ 82. Неоднократно указывалось, что въ помѣстья и въ жалованныя вотчины отдавались какъ черныя, такъ и дворцовыя земли [3]). Тѣ изслѣдователи, которые различаютъ эти разряды земель, понимая подъ черными землями государственное имущество, а подъ дворцовымъ — государево, указываютъ также,

---

[1]) „Древн. русск. землевл.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Сентябрь, стр. 76).

[2]) Во время княженія въ Кіевѣ Великаго Князя Изяслава Ярославича, несомнѣнно, въ Кіевѣ господствовалъ вѣчевой строй правленія (В. И. Сергѣевичъ, Русск. Юр. Др., II, в. I, стр. 6—7). Между тѣмъ, мы встрѣчаемся съ фактомъ, что преп. Антоній обращается въ 1051 г. съ просьбою объ отводѣ горы подъ монастырь къ Великому Князю и тотъ эту гору отводитъ: Князь распоряжается неоккупированной землею какъ своею собственной, потому что онъ олицетворялъ самое государство-княженіе, и какъ его частныя земли могли быть разсматриваемы какъ государственныя, такъ vice-verso и государственныя—какъ княжескія.

[3]) К. А. Неволинъ, П. С. С., т. III, стр. 174, пр. 231. Во время печатанія этой книги появилось соч. Д. Я. Самоквасова „Русскіе архивы и царскій контроль приказной службы въ XVII в.“. М. 1902 г., гдѣ на стр. 44 высказывается мнѣніе, что частными имѣніями Царя, въ отличіе отъ дворцовыхъ, управлялъ Приказъ Тайныхъ дѣлъ.

что оба эти разряда земли безразлично жаловались въ помѣстья [1]). Между тѣмъ, несомнѣнно, мы встрѣчаемъ въ XVII в. цѣлый рядъ указовъ, ограничивающихъ раздачу въ помѣстья дворцовыхъ селъ. Сперва Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ запретилъ продавать помѣстья изъ дворцовыхъ земель къ дворцовымъ же дачамъ [2]). Затѣмъ въ 1626 г. запретилъ вообще давать въ помѣстья государевы дворцовыя села и деревни [3]). На это указывалъ еще К. А. Неволинъ [4]). Затѣмъ было запрещено отдавать въ помѣстья земли, приписанныя къ чернымъ волостямъ и ямскимъ слободамъ [5]). Указомъ 1656 г., наконецъ, было запрещено отдавать въ помѣстья не только дворцовыя села, но и дворцовыя пустыя земли, которыя „пристойны... дворцовымъ крестьянамъ и зарубежнымъ выходцамъ въ селитьбу..." [6]). Мотивъ этого указа очень характеренъ: „какъ бы Великому Государю было прибыльнѣе, а крестьянамъ не въ тягость". Если же мы обратимъ вниманіе на рядъ указовъ о дачѣ помѣстной земли, то придемъ къ заключенію, что нормальнымъ порядкомъ была дача пустой земли не дворцовой, не черной—ибо пустая, незанятая земля не была положена въ тягло, — а именно земли не оккупированной, и потому разсматривавшейся какъ государственная собственность. Это очень интересно, ибо помѣстья, возникнувъ изъ дворцовой службы, на вотчинѣ дворцовыхъ земель [7]), къ началу XVII в. юридически отдѣляются отъ дворца. Какъ бы то ни было, впрочемъ, проф. В. И. Сергѣевичъ совершенно справедливо указываетъ, что порядокъ распоряженія и управленія землями, какъ государевыми, такъ и дворцовыми, мало имѣлъ разницы. Великій Новгородъ, не имѣя постояннаго государя, былъ, какъ государство, юридическимъ лицомъ. Москва же знала одного В. Князя, а позднѣе Царя, который и олице-

---

[1]) С. Ф. Платоновъ, „Очерки по исторіи смуты". Спб. 1899, стр. 163.

[2]) „Хрест." Влад.-Буд., в. III, стр. 203.

[3]) Ibid., стр. 247, 3.

[4]) П. С. С., т. III, стр. 229—230.

[5]) Ibid., стр. 230 и пр. 498.

[6]) П. С. З., № 196. Подтверждено въ 1682 г.—ibid., № 935.

[7]) С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ". Спб. 1897, стр. 42—44.

творялъ государство. Она еще не доросла до отвлеченія власти отъ государства [1]). Поэтому и государственные интересы отождествлялись съ государевыми и наоборотъ, казна государственная съ государевою. Сами органы управленія были не столько государственными учрежденіями, сколько государевыми органами, еще не вполнѣ отрѣшившимися отъ идеи личныхъ порученій [2]). Высшей инстанціей какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ и законодательствѣ былъ Царь, всѣ приказы дѣйствовали царевымъ именемъ, и потому говорить для Московской Руси о казнѣ и о государственныхъ учрежденіяхъ какъ о юридическихъ лицахъ. не представляется возможности по отношенію къ гражданской сферѣ правоотношеній. Мы знаемъ приказы въ качествѣ коллективныхъ единицъ въ дѣлѣ суда, администраціи и законодательства, но въ юридическихъ сдѣлкахъ всѣ административныя и судебныя учрежденія дѣйствуютъ именемъ государя. Даже въ мелочахъ это замѣчается: „Сентября въ 30 день у коннаго казака у Максима Дмитреева куплено въ съѣзжую избу для государевыхъ дѣлъ стопа бумаги писчой, дано два рубля три алтына двѣ денги“... „Того жъ дня (Февраля 15-го), у пашеннаго крестьянина у Савки Голикова куплено на государеву на ясашную мягкую рухледь четыре рогожи, по осми денегъ рогожа, за все дано пять алтынъ двѣ денги“ [3]) и т. д. Пріемъ запасовъ для царскаго двора совершается какъ его личное дѣло [4]). Казенные подряды, напримѣръ, на производство работъ по укрѣпленію города, на постройку казенныхъ зданій и другіе казенные подряды, заключались всегда съ должностнымъ лицомъ единоличнымъ, дѣйствующимъ въ сдѣлкѣ отъ имени Государя, а не учрежденія и не казны [5]). Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что не можемъ говорить о дѣеспособ-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Древности русскаго землевладѣнія“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Сентябрь, стр. 76).

[2]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи“. Спб. 1890, стр. 394—395.

[3]) А. отн. до Юр. Б., II, № 143 (1622 — 1623 гг.). Расходная книга Турьинскаго острога.

[4]) Ibid., № 188 (1679 г.).

[5]) А. отн. до Юр. Б., II, № 252. Ср. И. Я. Гурляндъ, „Приказъ Вел. Государя Тайныхъ Дѣлъ“. Яр. 1902, стр. 169.

ности казны и учрежденій въ сферѣ гражданскаго оборота въ Москвѣ до Петра Великаго. Если нельзя отрицать нѣкоторыхъ намековъ на существованіе представленія о государственной собственности и въ Московскомъ государствѣ, то во всякомъ случаѣ мы не встрѣчаемся съ этою точкою зрѣнія въ юридическихъ сдѣлкахъ: всѣ юридическія сдѣлки, имѣющія цѣлью казенную надобность, совершаются лично служащими людьми по порученію Государя: ни государство, ни учрежденія не фигурируютъ въ качествѣ контрагентовъ. Такъ было въ Москвѣ. Но мы видѣли ранѣе, что въ Великомъ Новгородѣ есть нѣкоторое основаніе говорить о существованіи идеи государства независимо отъ представителя власти. То же было и въ Псковѣ. Въ этихъ двухъ городахъ, гдѣ коллективный строй правленія, при громадномъ значеніи вѣча и частой смѣны князей, не позволялъ олицетворить государство въ князѣ, мы встрѣчаемъ государство, какъ собирательное цѣлое, не только въ сферѣ политическихъ сношеній и мѣропріятій, но и въ сферѣ цивильнаго оборота. Напр., Новгородъ, какъ государство, отдаетъ земли въ пожизненное пользованіе, у Новгорода свои пожни [1]), даетъ деньги въ долгъ [2]). Но засимъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ говорить подробнѣе по этому поводу. Надо полагать, что при существованіи вѣча, когда народъ входилъ въ рядъ съ князьями, заключалъ договоры международные, такой же народъ, въ лицѣ вѣча, представлялъ собою и коллективную единицу въ области гражданскаго правообладанія, т.-е. могъ имѣть имущество и совершать юридическія сдѣлки. Но и по этому поводу надо указать, что юридическая мысль не отдѣляла еще понятія государства отъ власти или народа и потому во всѣхъ актахъ Великаго Новгорода и Пскова мы на ряду съ выраженіемъ „цѣлуй крестъ ко всему Новгороду“ [3]) встрѣчаемъ выраженія „Посадникъ и всѣ Новгородцы“ [4]).

---

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, № 10, стр. 13—14.
[2]) Востоковъ, „Опис. рукоп. Румянцов. музеума“, № XLIV, 4 (1452 г.).
[3]) С. Г. Гр. и Д., I, № 1, 3 и др.
[4]) С. Г. Гр. и Д., I, № 2, стр. 3.

VII. Товарищества.

§ 83. Юридическія лица въ тѣсномъ значеніи этого слова (societates) встрѣчаются въ памятникахъ русской исторіи и исторіи русскаго права въ довольно раннее время. На это указывалъ еще Неволинъ [1]), который, впрочемъ, иллюстрировалъ свои слова довольно неподходящими примѣрами, такъ какъ уплата виры общиной, конечно, не можетъ быть доказательствомъ товарищества. Удачнѣе примѣръ „Ивановскаго“ общества пошлыхъ купцовъ въ Великомъ Новгородѣ. Проф. В. И. Сергѣевичъ [2]) совершенно справедливо указалъ, разбирая мнѣніе проф. Никитскаго [3]), что это купечество не составляло торговой администраціи. Но уважаемый ученый говоритъ и противъ того, что это купечество было гильдіей. Отто Гирке опредѣляетъ гильдію такъ [4]): „всѣ гильдіи были... союзы равныхъ, ...онѣ были товариществами, ихъ члены товарищами, pares“. Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи гильдій и видя его то въ союзахъ для жертвоприношеній [5]), то въ цѣляхъ защиты [6]), то какъ пережитокъ родственнаго союза [7]), то для поднятія кредита [8]), изслѣдователи предмета согласны, что гильдія есть свободное договорное товарищество. Такого же мнѣнія держатся болѣе новые изслѣдователи, напр., Otto Stobbe въ послѣднемъ посмертномъ изданіи своего извѣстнаго труда говоритъ о гильдіяхъ, какъ о свободныхъ ассоціаціяхъ [9]). Теперь посмотримъ, что̀ представляло собою Ивановское пошлое купечество въ Новгородѣ. При церкви Св. Ивана на Опокахъ образуется товарищество изъ пошлыхъ купцовъ, въ ко-

---

[1]) П. С. С., т. V, стр. 182.

[2]) Русск. Юр. Др., изд. 2 (Спб. 1902), т. I, стр. 325—326.

[3]) „Св. Вел. Иванъ на Опокахъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1879 г. Ноябрь).

[4]) „Das Deutsche Genossenschaftsrecht“. Erster Band „Rechtsgesch. d. Deutsch. Genossenschaft“. Berl. 1868, S. 226.

[5]) Wilda, „Das Gildenwesen im Mittelalter“. (Gierke, op. cit., S. 228).

[6]) Hartwig, „Untersuchungen über die ersten Anfänge der Gildenwesens“ (Forschung. z. deutsch. Gesch. B. I, S. 136—163).

[7]) Sybel, „Entstehung d. Königthum“, S. 19, ff.

[8]) Maurer, „Ueberschau“, I, S. 92.

[9]) „Handb. d. Deutsch. Privatrechts“, Berl. 1893. B. I, S. 444, ff. Ср. S. 514 und. ff.

торое члены входятъ путемъ вклада или по наслѣдству „а не вложится кто въ купечество, не дастъ пятдесятъ гривенъ серебра, ино то не полный купецъ, а полнымъ купцомъ итти имъ отчиною и вкладомъ“ [1]). Проф. В. И. Сергѣевичъ совершенно справедливо указываетъ на свободу вступленія въ Ивановское полное купечество, въ противоположность Московскимъ сотнямъ [2]), говоритъ о способахъ такого вступленія [3]), но не хочетъ сказать слово товарищество. Проф. М. Ф. Владимірскій-Буданновъ совершенно справедливо называетъ Ивановское полное купечество корпораціей [4]). Это самое старое свидѣтельство нашихъ документовъ о корпораціи (1135 г.). Были ли ассоціаціи въ Кіевской Руси, мы не знаемъ. Верви, конечно, не могутъ быть причислены къ ихъ числу. Но на сѣверо-западѣ, въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Полоцкѣ, мы уже, сравнительно, въ раннее время встрѣчаемся съ торговыми ассоціаціями, компаніями, корпораціями. Нѣтъ нужды говорить о компаніяхъ иноземныхъ, ганзейскихъ, въ нѣмецкихъ дворахъ Пскова, Новгорода, Смоленска. Эти вопросы уже достаточно выяснены [5]).

Русской корпораціей въ Новгородѣ было, какъ только-что указано, Ивановское полное купечество. На ряду съ корпораціями, имѣвшими характеръ наслѣдственныхъ союзовъ [6]), имѣвшихъ цѣли не только имущественныя [7]), съ правомъ взаимнаго наблюденія, самоуправленія и суда [8]), въ этихъ сѣверо-западныхъ русскихъ городахъ мы встрѣчаемся и съ до-

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 235.

[2]) Русск. Юр. Др., I (изд. 2), стр. 323.

[3]) Ibid., стр. 314.

[4]) „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 35.

[5]) И. Е. Андреевскій, „О договорахъ Новгорода съ Готландомъ“. Спб. 1855 и его же, „О правахъ иностранцевъ“. Спб. 1855. Ср. D-r W. Buck, „Deutsche Handel in Nowgorod bis zur Hütte des XIV Jahrhunderts“. S.-Petersburg. 1895.

[6]) „Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 235.

[7]) Ibid., стр. 234.

[8]) И. Е. Андреевскій, „О правахъ иностранцевъ“, стр. 83 и сл. Ср. Устав. Грам. Всеволода 1135 г. „И управливати имъ всякія дѣла Иванская, и торговая, и гостиная, и судъ торговый“ („Хрест.“ Влад.-Буд.“, I, стр. 234). Ст. 16 Догов. Смоленска 1195 г. съ нѣмцами (ibid., стр. 102).

говорными товариществами на паяхъ. Люди сообща покупаютъ землю, причемъ договариваются, чтобы при нарушеніи товарищества выходящій пайщикъ уплачивалъ свою долю, и не продавалъ своего права никому, кромѣ другихъ членовъ товарищества [1]). Существуютъ намеки на союзы мастеровъ, складывавшихся для производства работъ общими средствами [2]). Но особенно много и часто мы встрѣчаемся съ товариществами при торговыхъ операціяхъ. Не касаясь вопроса о томъ, на какой почвѣ выросли эти товарищества, чисто договорной или родственной [3]), укажемъ, что отличительною чертою ихъ были сдѣлки „communi manu“ [4]), причемъ иногда эти товарищи назывались „складниками“ [5]), а въ нѣмецкихъ источникахъ „Socii“ и ихъ товарищества „Societas“ [6]).

§ 84. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ древнѣйшей Руси, до-Московской, существовали два вида свободныхъ юридическихъ лицъ (freie Einungen), по выраженію Отто Гирке [7]). Это корпораціи купцовъ и, можетъ быть, мастеровъ и затѣмъ товарищества на паяхъ. Что касается до корпорацій, то онѣ, несомнѣнно, возникали только съ признаніемъ ихъ правительственною властью (иностранныя—по международнымъ договорамъ) и права ихъ и обязанности санкціонировались этимъ признаніемъ. Такова уставная грамота Всеволода 1135 г. Св. Ивану на Опокахъ [8]), Новгородскія Скры [9]), договоры

---

[1]) А. Ю., № 71, X.

[2]) А. И. Никитскій, „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“. М. 1893, стр. 84 и сл.

[3]) Ibid., стр. 95. Ср. А. С. Лаппо-Данилевскаго разборъ этой книги Никитскаго, стр. 51 (Спб. 1895).

[4]) „Das Rigische Schuldbuch“, изд. Гильдебранда. Спб. 1872, №№ 91, 213, 1152, 1518, 1723. Мы обратили вниманіе на эти документы по ссылкамъ на нихъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, op. cit., стр. 52, пр. 1 и стр. 54, пр. 3.

[5]) Р. И. Б., XV, № 2, 28, 40.

[6]) „Das Rigische Schuldbuch“, № 1528.

[7]) „Das Deutsche Genossenschaftsrecht“. B. I. Gesch. d. deutsch. Genossenschaft. Berl. 1868, S. 220, ff.

[8]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 233—236.

[9]) Dr Woldemar Buck, „Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrh.“. S.-Petersb. 1895, S. 20 ff.

Новгорода и Смоленска съ нѣмцами [1]). По этимъ документамъ, корпораціямъ предоставлены были права самоуправленія и суда надъ своими членами. Кромѣ того, онѣ несли нѣкоторыя общественныя службы, напр., вершеніе дѣлъ торговыхъ и наблюденіе за мѣрами и вѣсами [2]). Ивановское пошлое купечество имѣло свой домъ, принадлежавшій не отдѣльнымъ лицамъ, а какъ сказано въ уставѣ церковномъ Всеволода 1125—1136 г. „Св. Ивану"—т.-е. корпораціи, какъ юридическому лицу [3]). Всѣ суммы, собираемыя отъ вкладывавшихся въ корпорацію лицъ, равно какъ всѣ доходы корпораціи принадлежали также юридическому лицу [4]).

Въ иномъ положеніи представляются намъ товарищества на паяхъ, складничества. Довольно значительное число дошедшихъ до насъ документовъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности этихъ товариществъ, повидимому, не даютъ основанія говорить о нихъ какъ о юридическомъ лицѣ, т.-е. такомъ идеальномъ субъектѣ, который противополагается юридической личности входящихъ въ составъ его физическихъ лицъ, могущихъ совершать юридическія сдѣлки съ этимъ идеальнымъ лицомъ, предъявлять къ нему иски и т. п. [5]). Во-первыхъ, мы наблюдаемъ, что всѣ обязательства, совершаемыя товариществомъ, совершаются не отъ его имени, а отъ имени составляющихъ его лицъ. Именно; „Johannes dictus Zareleyne et Ludekinus Seymo tenentur communi manu Andree Parvo et fratri suo VIII mrc.". „Smen et suus frater Germann et Ywan tenentur communi manu et Wasile..." [6]). То же самое мы встрѣчаемъ и въ дру-

---

[1]) „Хрест." Влад.-Буд., в. I, стр. 92—96; 97—110. И. Е. Андреевскій, „О договорахъ Новгорода съ Готландомъ". Спб. 1855. Ср. о правѣ русскихъ корпорацій судить. Р. И. Б., т. XV, № 49, столб. 87—90.

[2]) „Хрест." Влад.-Буд., в. I, стр. 234 — 235. Красноперовъ, „Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества" („Ист. Обозр.", т. VII. Спб. 1894, стр. 89—94).

[3]) „Хрест." Влад.-Буд., в. I, стр. 227.

[4]) „Хрест." Влад.-Буд., в. I, стр. 235.

[5]) Ср. Otto Stobbe, „Handbuch d. deutsch. Privatrechts". Berl. 1893, B. I, S. 424 ff.

[6]) А. С. Лаппо-Данилевскій, „Критическія замѣчанія по исторіи народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и въ области за IX—XV вв.". Спб. 1895, стр. 51.

гихъ актахъ, гдѣ упоминается о складничествѣ торговомъ [1]). Напр., въ грамотѣ В. Новгорода 1417 г. магистру Рижскому говорится объ искѣ на наслѣдниковъ Колыванскаго посадника и на Еремѣевыхъ дѣтей, которые далѣе упоминаются такъ: „Корти и Инцѣ и складникомъ ихъ“... Въ грамотѣ 1514—1519 гг. Новгородскаго намѣстника князя Ростовскаго въ Колывань говорится [2]): „Били мнѣ челомъ государя царя всея Руси великаго князя купци: Ѳедко Ивановъ сынъ Шішеніна, да складникъ его Бориско Нотенскій, да складникъ ево Левка Малскій, да Осташко Савинъ сынъ Півоваровъ, да Онтонко Мартыновъ на вашего бусніка на Колыванскаго, на Немчина, на Юшка, на кесаря“. Имѣется интересная росписка 1568 г. семи псковичей, данная бургомистрамъ, ратманамъ и посадникамъ города Колывани. „Се язъ, Тимофей Кирилловъ сынъ, да язъ Василей Григорьевъ сынъ, да язъ, Матѳей Ивановъ сынъ, да язъ Кирила Ивановъ сынъ, да язъ Іванъ Лапоть, да язъ Іванъ Дума, да язъ Іванъ Барановъ, всѣ мы Псковичи, дали есми отпись изъ одной пословицы, семъ насъ человѣкъ... въ томъ, што у насъ естъ кабалы на Петра на Смита, въ семи насъ человѣкахъ. И тотъ Петръ Смитъ с Колывани збежалъ... и намъ тотъ животъ Петра Смита отдали весь“ [3]). Такимъ образомъ мы здѣсь не встрѣчаемся съ понятіемъ идеальнаго лица, это чистое товарищество, дѣйствующее отъ имени товарищей, которые или отвѣчаютъ и ищутъ солидарно, или пропорціонально своимъ паямъ. Такимъ долевымъ обязательствомъ мы можемъ считать обязательства „communi manu“ [4]). Поэтому, этотъ второй видъ общества-товарищества нельзя разсматривать какъ юридическія лица: это складчики, совладѣльцы, пред-

---

[1]) Р. И. Б., т. XV, № II, столб. 3—4. Ср. ibid., №№ 9 (столб. 17—18), 12 (столб. 21—22), гдѣ иски предъявляются отъ имени двухъ и трехъ лицъ.

[2]) Р. И. Б., т. XV, № 28 (столб. 49—50). Интересно, что это вторая грамота по тому же предмету—ср. № 9 (столб. 17—18), гдѣ упоминаются истцы, безъ указанія, что они складники.

[3]) Р. И. Б., т. XV, № 103, столб. 211—212.

[4]) Р. И. Б., т. XV, № 103. Ср. цѣлый рядъ солидарныхъ обязательствъ, въ А. отн. до Юр. Б., т. II, №№ 125, I; 257, II, IV и др.

[5]) Ср. А. С. Лаппо-Данилевскій, „Критич. замѣчанія по исторіи народнаго хозяйства въ Вел. Новгородѣ“, стр. 54—55 и пр. 1 на стр. 55.

пріятія, отвѣчающіе въ мѣру своего участія; всѣ сдѣлки совершаются отъ имени суммы отдѣльныхъ физическихъ лицъ, и идеальнаго субъекта не существуетъ. Поэтому и иски не могутъ быть предъявляемы къ этому юридическому лицу, а лишь къ лицамъ другихъ товарищей. Объ этихъ искахъ и спорахъ складниковъ-совладѣльцевъ говоритъ вполнѣ справедливо проф. В. И. Сергѣевичъ [1]). Такимъ же совладѣльцемъ, а не юридическимъ лицомъ, должны быть признаны и сябры и складники въ дѣлѣ землевладѣнія, какъ это подробно объясняетъ проф. В. И. Сергѣевичъ, разобравшій этотъ вопросъ [2]), съ той лишь оговоркой, что часто мы имѣемъ дѣло не съ товариществомъ, а съ общиной, о которой рѣчь была выше. Гдѣ же нѣтъ общинъ, сябры и складники суть совладѣльцы предпріятія. Съ этимъ согласны и проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [3]), да и А. С. Лаппо-Данилевскій, мнѣніе котораго оспариваетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [4]), говоритъ слѣдующее [5]): „Такимъ образомъ, сябры представляются намъ товариществомъ, которое владѣетъ землею въ одной ложѣ". Проф. В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что сябры были совладѣльцы [6]). Въ сущности это совершенно одно и то же. Разногласіе касается лишь вопроса о происхожденіи и развитіи сябринства и складничества, и тѣхъ подробностей, которыя гипотетически построилъ А. С. Лаппо-Данилевскій.

§ 85. Кромѣ означенныхъ коллективныхъ единицъ, на Руси съ очень древняго времени существовали особые союзы, которые до сего времени не имѣютъ точнаго опредѣленія. Это „братчины". Въ рядѣ жалованныхъ и уставныхъ грамотъ мы встрѣчаемъ запрещеніе намѣстничнымъ чиновникамъ являться незванными на пиры и братчины" [7]). Въ Псковской Судной

[1]) „Древн. русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Октябрь, стр. 241, пр. 1).

[2]) Ibid. (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Октябрь, стр. 242 и сл).

[3]) „Обзоръ ист. русск. пр.". К. 1900, стр. 556.

[4]) „Древн. русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Октябрь, стр. 267 и сл.).

[5]) „Критическія замѣчанія", стр. 25.

[6]) „Древн. русск. землевл." (Ж. М. Н. Пр. 1900 г. Октябрь, стр. 249 и сл.).

[7]) Уставныя грамоты: А. А. Э., I, №№ 114, 123, 139, 143, 144, 151, 159, 171, 183 и др. А. И., I, №№ 59, 74. Жалов. грам.—А. А. Э., I, №№ 102, 122; III, №№ 133, 139. Есть спеціальная жалованная грамота, запрещающая только это: А. А. Э., I, № 50.

грамотѣ мы имѣемъ нѣкоторое указаніе на юридическую роль этой братчины: ст. 113 говоритъ: „А братъщина судитъ, какъ судьи“ [1]). Въ случаѣ воровства, происшедшаго на пиру, потерпѣвшій долженъ обратиться къ „торговому старосте, или пивцамъ явити“ [2]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, ссылаясь на изслѣдованіе А. Н. Попова, объясняетъ братчину какъ „общество пирующихъ въ складчину“ [3]). Врядъ ли это объясненіе удовлетворительно: черезчуръ много вниманія оказывается пирамъ, и эти пиры черезчуръ большую роль играли въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Руси. Не думаемъ, чтобы братчина представляла собою простой пиръ въ складчину. А. Н. Поповъ, статью котораго цитируетъ уважаемый кіевскій ученый, именно замѣчаетъ, что частое повтореніе постановленій о братчинѣ заставляетъ искать болѣе глубокое основаніе для братчинъ. Онъ предполагаетъ, что братчина остатокъ языческихъ религіозныхъ пировъ, позднѣе перешедшихъ въ христіанскія празднества, пріуроченныя къ капунамъ праздниковъ, празднуемыхъ въ храмовые дни прихода или вообще въ дни святого, особенно чтимаго въ данной мѣстности. Такое празднованіе въ складчину, ссыпкомъ, мірскихъ праздниковъ сохраняются и до сего времени [4]). Если мы примемъ во вниманіе, что подобныя „Opfermahlzeiten“ существовали и въ языческой Германіи, гдѣ онѣ затѣмъ также пріурочены были къ товарищескимъ пирамъ корпорацій въ дни празднованія ихъ Св. Патрона [5]), въ приходскія пиршества [6]) и др., то мы должны согласиться, что объясненіе А. Н. Попова весьма вѣроятно. Свѣдѣнія наши о братчинахъ очень не велики. На основаніи всего, что намъ извѣстно о нихъ, можно

---

[1]) „Хрест.“ Влад.-Буд., в. I, стр. 173. Тутъ принимается чтеніе А. А. Э., I, № 103, согласно толкованію А. Н. Попова, „О братчинахъ“ (Арх. ист.-юр. св. Калачова, кн. 2, пол. 2, отд. VI) противъ чтенія Мурзакевича, „Судили“ (Псков. суд. гр., Одесса 1847, стр. 17).

[2]) Псковская судная грамота, ст. 34 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 145).

[3]) „Хрестоматія“, в. I, стр. 173, пр. 234.

[4]) „О братчикахъ“ (Арх. ист.-юр. св. Калачова, кн. 2, пол. 2, отд. VI, стр. 38—41.

[5]) Otto Gierke, op. cit., S. 228.

[6]) Ibid., S. 238—239.

только придти къ заключенію, что „братчина“ какъ юридическое лицо въ сферѣ цивильныхъ интересовъ врядъ ли выступала и собиралась періодически въ данномъ округѣ не чаще 2—3 раза въ годъ, если судить по современнымъ деревенскимъ праздникамъ, не нуждалась ни въ особомъ своемъ имуществѣ, ни входила въ какія-либо юридическія сдѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что „братчина“ въ моментъ своего дѣйствія являлась юридическимъ лицомъ, имѣвшимъ право судить своихъ членовъ, какъ мы это видѣли выше, по отношенію къ Псковской судной грамотѣ. Такое же право братчины подтверждается въ Уставной Двинской грамотѣ 1397 г. „А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйдя изъ пиру, а намѣстникомъ и дворяномъ же взять нечего [1]). Уставной грамотой Бѣлозерской 1488 г. братчинѣ дозволяется выгнать вонъ незваннаго гостя и за причиненный вредъ убытки взыскать безъ суда [2]). Вотъ все, что́ намъ извѣстно о братчинахъ. Будучи, поэтому, несомнѣнно юридическимъ лицомъ, братчина не выступаетъ почти совсѣмъ въ цивильномъ оборотѣ и потому о ея дѣеспособности мы говорить не можемъ, за неимѣніемъ данныхъ.

§ 86. Московское государство и въ вопросѣ о юридическихъ лицахъ оказало обычное стѣсненіе частному правоопредѣленію и частной иниціативѣ въ области гражданскаго права. Въ Москвѣ мы также встрѣчаемъ торговыя корпораціи. Но онѣ носятъ иной характеръ, чѣмъ въ Новгородѣ. Проф. Сергѣевичъ такъ опредѣляетъ эту разницу [3]): „Въ Новгородѣ стать пошлымъ купцомъ есть дѣло свободы, досуга и призванія; въ Москвѣ это—тяжелая обязанность, которая отрываетъ отъ торговли и промысловъ всѣхъ лучшихъ торговыхъ людей“, и далѣе яркими чертами описываетъ невыгоду и тягость положенія этихъ лучшихъ людей торговаго сословія въ Москвѣ. Намъ надлежитъ здѣсь прежде всего взглянуть, составляютъ ли Московскія торговыя организаціи юридическое лицо въ гражданскомъ правѣ, или это были прикрѣпленныя къ опредѣ-

[1]) Ст. 3 („Хрест.“ Влад.-Буд., I, стр. 125—126).
[2]) Ст. 20 („Хрест.“ Влад.-Буд., II, стр. 79).
[3]) Русск. Юр. Др., I (изд. 2), стр. 325.

ленному тяглу общества, состоящія изъ членовъ въ цивильной сферѣ чуждыхъ другъ другу. Московскія купеческія сотни— гостиная и суконная, были, въ сущности, только сословными единицами, назначенными для отправленія нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей въ пользу государства, сбора таможенныхъ, кружечныхъ денегъ и т. п. Члены этихъ сотенъ, равно какъ и гости, освобождались отъ участія въ общинѣ и отъ общиннаго тягла [1]), должны были жить въ Москвѣ [2]), но настолько были лишены корпоративнаго характера, что не имѣли своего суда [3]), и общность ихъ выражалась лишь въ сферѣ публичнаго права [4]).

Въ Московскомъ государствѣ мы несомнѣнно встрѣчаемся съ наличностью товарищескихъ и договорныхъ ассоціацій для промышленныхъ и торговыхъ цѣлей. Но и тутъ, прежде всего, надо разсмотрѣть, являются ли эти товарищества юридическимъ лицомъ и въ качествѣ такового пользуются дѣеспособностью, или, подобно предыдущему періоду и быту Новгорода, суть совладѣльчества въ предпріятіи. Уложеніе 1649 года знаетъ только товарищества въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: это суть отдѣльныя лица, складывающія свои капиталы для торговыхъ цѣлей, дѣйствующія сообща, но не представляющія идеальнаго лица и отвѣчающія и ищущія на судѣ другъ передъ другомъ, а не въ отношеніи этого юридическаго лица [5]). Но, засимъ, Московское правительство знаетъ и торговую компанію, какъ юридическое лицо, хотя и по отношенію къ компаніи иностранной. Такъ въ 1667 г. дана была жалованная грамота Армянской компаніи. Въ ней сказано [6]): „Армянъ Степана Ромодамскаго, да Григорья Лусикова съ товарищи, съ которыми отъ всей компаніи ихъ учинили договоръ“. Въ томъ же году эта компанія заключаетъ договоръ съ Англичаниномъ Томасомъ Брейномъ: „И по Его Великаго Государя изво-

---

[1]) Улож., XVIII, 8.

[2]) Улож., XIX, 34.

[3]) Котошихинъ, X, 5. Ср. П. С. З., № 526.

[4]) Ср. В. И. Сергѣевичъ, op. cit., стр. 326 и сл.; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ ист. русск. пр.“. К. 1900, стр. 140—141.

[5]) Улож., X, ст. 276.

[6]) П. С. З., № 409.

ленью, мы Стефанъ и Григорій, и вмѣсто всей нашей компаніи, съ нимъ Томасомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, нынѣшняго-жъ 7175 года мѣсяца Маія въ 31 день уговорились“ [1]). Тутъ уже сдѣлка совершается отъ имени не отдѣльныхъ участниковъ товарищества, а отъ имени юридическаго лица. Всѣ же, засимъ, очень многочисленные случаи въ юридической жизни Московскаго государства коллективныхъ юридическихъ сдѣлокъ представляютъ собою обыкновенныя солидарныя или раздѣльныя обязательства и юридическихъ лицъ собою не представляютъ. Таковы солидарныя обязательства по кабаламъ: „а кой насъ заимщиковъ въ лицахъ, на томъ денги и ростъ“ [2]), солидарныя поручительства: „на насъ же порутчикахъ, кой насъ будетъ въ лицахъ“ [3]), раздѣльныя поручныя: „на насъ же порутчикахъ, по окладу...“ [4]) и мн. др. Таковы же коллективныя подрядныя на работы, также отъ имени отдѣльныхъ лицъ, иногда солидарныя [5]), иногда раздѣльныя [6]). Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что въ Московскомъ государствѣ юридическія лица, въ тѣсномъ значеніи этого слова на договорѣ основанныя коллективныя единицы, образующія идеальное лицо, въ юридическомъ смыслѣ противопоставляемое каждому изъ составляющихъ его физическихъ лицъ, были очень мало развиты и хотя извѣстны праву, но очевидно по условіямъ экономическаго быта Москвы не примѣнялись въ жизни народа.

VIII. Безсубъектныя имущества.

§ 87. Гражданскому праву извѣстны два главнѣйшихъ случая, когда въ юридической жизни фигурируетъ имущество безъ субъекта такового, а само представляетъ собою субъекта правъ и обязанностей. Это hereditas jacens [7]), имущество pia

[1]) П. С. З., № 410.
[2]) А. отн. до Юр. Б., II, № 125, I (1657 г.).
[3]) Ibid., II, № 257, IV.
[4]) Ibid., II, № 257, II.
[5]) Ibid., II, № 254, II.
[6]) Ibid., II, № 254, I.
[7]) 22 D. de fidejussoribus 46, 1 „quia hereditas personae vice fingitur.“.

causa [1]) и можетъ быть третій — предіальный сервитутъ [2]). Подобно праву Германскому, русское право не знаетъ hereditas jacens, и съ самой смерти владѣльца имущества таковое составляетъ собственность его наслѣдниковъ [3]). Засимъ, мы видѣли выше, что имущества pia causa, данныя церквамъ, монастырямъ и другимъ религіознымъ учрежденіямъ, не составляли, собственно говоря, дестинаторныхъ, безсубъектныхъ имуществъ: они давались церковнымъ учрежденіямъ, которыя засимъ и становились ихъ собственниками и могли распоряжаться ими вполнѣ самостоятельно, отчуждать и т. п., не давая никому отчета. Бывали случаи условнаго вклада, съ обязательствомъ кормить дарителя [4]), оставить его дворникомъ въ даримомъ имуществѣ [5]), даромъ постричь въ монастырь его и жену [6]), обучать его дѣтей [7]), но не было организаціи особыхъ установленій pia causa, съ характеромъ неприкосновенности имущества, только управляемаго тѣмъ или инымъ лицомъ. Всѣ вклады въ монастыри и церкви, на сорокоустъ, образами, утварью, недвижимою собственностью, обусловливались часто налагаемою на церковь обязанностью молиться о душѣ жертвователей и его родственниковъ, но, затѣмъ, подъ этимъ условіемъ, конечно носившимъ характеръ obligationis naturalis, становились собственностью церковнаго учрежденія.

На такомъ же основаніи дѣлались пожертвованія въ богадѣльни, которыя, впрочемъ, состояли въ вѣдѣніи церкви же [8]); никакихъ другихъ пожертвованій съ благотворительною цѣлью мы не знавали и вообще не знаемъ въ Москвѣ установленій,

---

[1]) Dernburg, „Pandekten“. B. I. Berl. 1894, S. 147.

[2]) 1 § 1 D. Communia praediorum 8, 4; 12 D. ejusdem tit. Ср. объ этомъ контроверзномъ случаѣ Dernburg, op. cit., S. 578—579. Windscheid, Pandekten. Bd I, § 57, Anm. 10.

[3]) Ср. К. П. Побѣдоносцевъ, „Курсъ гражд. права“, II (Спб. 1896), стр. 281, пр.

[4]) С. А. Шумаковъ, Угличскіе Акты, № XXXIX (стр. 75) (1572 г.).

[5]) Ibid., № LVIII (стр. 107), 1572—1573 г.

[6]) Ibid., № XXXVIII (стр. 74) (1569—1570 гг.).

[7]) Грам. кол. экон. М. А. М. Ю. по Важскому уѣзду, кордъ. XV, № 1649/7 (1612 г.).

[8]) И. Я. Гурляндъ, „Приказъ В. Государя Тайныхъ Дѣлъ“. Яр. 1902, стр. 219 и сл.

недвижимыхъ или движимыхъ вещей, которымъ приданъ характеръ субъекта, съ комплексомъ правъ и обязанностей, независимо отъ ихъ собственника.

Въ наукѣ гражданскаго права [1]) существуютъ мнѣнія, что въ случаѣ прediальнаго сервитута, доминирующее имѣніе есть субъектъ права. Мнѣніе это оспаривается съ достаточной основательностью [2]); но какъ бы то ни было, ни древняя, ни Московская Русь сервитутовъ прediальныхъ не знала. Если есть намеки на сосѣдскіе сервитуты, напр., въ родѣ римскаго servitus stillicidii [3]), то во всякомъ случаѣ они очень неопредѣленны. Выраженія нашихъ купчихъ и другихъ документовъ юридическихъ сдѣлокъ на недвижимость, „а что къ той землѣ потягло“ и т. п. [4]), конечно, не должны быть разсматриваемы какъ сервитуты прediальные, а какъ составъ земель [5]). Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что допетровское русское право безсубъектныхъ имуществъ не знало, что, впрочемъ, вполнѣ естественно при неразвитомъ юридическомъ міровоззрѣніи, когда даже не были точно опредѣлены спеціальныя качества (essentialia) главнѣйшихъ институтовъ.

---

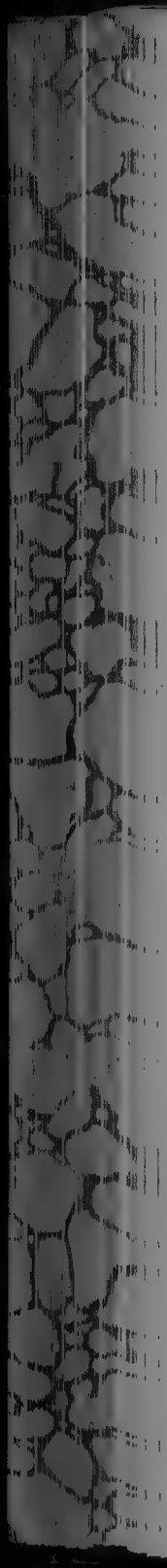
[1]) Böcking, „Institutionen“, § 62d.

[2]) Dernburg, Pand. I, S. 578—579. Windscheid, Pand. I, § 57, Anm. 10.

[3]) П. Ивановъ, „Поземельные союзы и передѣлы“ (Древности, т. II, в. II, стр. 210).

[4]) Купчія въ А. Ю., А. отн. до Юр. Б. passim.

[5]) Ср. Н. Л. Дювернуа, „Чтенія“. Спб. 1898, стр. 585 и сл.



ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ А.

АКТЫ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ XIV—XVI вв.

по рукописи XVI в.

I. ЧАСТНЫЕ АКТЫ.

1. Данныя

1397—1427 гг.

1.

Се язъ, Олексѣи Горбовъ, далъ есми в домъ Пречистои Богородици и игумену Кирилу свою землю Березничную. А отводъ тои земли отъ рѣкы отъ Шехсны по рѣчкѣ по Мостовои вверхъ до краи Хиндобоаского озерка, да по рѣчкѣ по Березничнои вверхъ. С рѣчки обернулося по Студенои врагъ. С Студеного врага отъ Панеіловского. А з другую сторону по Княж путь, по Каменнои мостъ, по Крочиновъ врагъ, да по Ермоловскои врагъ, по Остаѳевъ огородъ, да по сосну, да по врагъ к рѣкѣ. А на то послуси: Ондрѣи Кормилицынъ, да Чешко Поповъ сынъ Павловъ, да Оверкеи Мошьнинъ. А грамоту писалъ дьякъ Осташь, зять поповъ Павловъ. А грамоту есмі запечаталъ своею печатью.

2.

Се язъ, Марѳа Данилова, по пріказу мужа, своего господина, дала есми въ домѣ Пречистои Богородици, старцу Ки-

рилу, и кто будетъ по нем иныи игуменъ, и его братьи, землицу на рецѣ на Куности, на усть Куності, і в верхъ Куности; и к тѣм землицам что потягло: и пожни двѣ Безстужовские, и пожни двѣ Кузмѣнѣм, и куды коса ходила, и топор ходилъ. А на то послуси: отець мои духовнои попъ Семенъ, Аврам Андрѣевъ.

3.

Се язъ, Харламъ Мортка, далъ есми Пречистои Богородици въ домъ старцу Кирилу свою поженку и свою землицу Узовища, что моя чища, и борокъ противу Святѣи Богородици. А далъ есми и докладницу, почему есми ту поженку и ту землицу роздѣлалъ. А взял есми у старца у Кирила посилыще пол третьятцать бѣлъ. А на то послуси: Куземка Алтушка, да Іванъ Долгои, да Зиновко ключникъ. А бѣлки платилъ и грамоту писалъ Христоѳоръ чернець.

4.

Се язъ, Василеи Олександровичъ, далъ есми в домъ Святои Богородици и своему отцу игумену Кирилу, пожню отъ Толъдовского Озерка по Шохснѣ внизъ, до кривые березы: отъ тое березы прямо к Шохснѣ на краи кресты. И другую пожню далъ есми п(р)отиву Святого Микиты за озерком, что есми купилъ у Павла. А дал есми тѣ пожни Святои Богородици и своему отцу Кірилу въ вѣки. А мои дѣти невъступаются въ то.

5.

Се язъ, Евсѣвеи Михаиловичъ, далъ есми Святѣи Богородици и игумену Кирилу пожню на Василевѣ наволоцѣ, попову Микиѳоровскую. А далъ есми пожню в вѣки. А инь ся не въступаи нихто. А на то послуси: попъ Окулъ, да попъ Павелъ, да Чюпреянъ. А грамоту писалъ Ивашко.

6.

Се язъ, Еѳрѣм, далъ есми поженку, что у меня на Пачюсѣ, в домъ Пречистои Богородици и игумену Кирилу, и хто будет по нем иныи игуменъ, и его братье. А на то послуси: Захаръ Ильинъ, Лука Аръдаровъ. А грамоту писалъ дьякъ Скурдьинъ.

7.

Се язъ, Гридя Митяевъ сынъ, далъ есмі поженку на волочкѣ в домъ Святыа Богородица и игумену Кирилу, по душе своего отца и своего дяди, по Ермолѣ. А межа поженкѣ отъ Ивицкого озеры по меншои камень, отъ Омосовы пожни к Шохснѣ прямо. А на то послуси: Микита Шуклинъ, Іванъ Соѳоневъ, Лукьянъ Неволинъ. А грамоту писалъ попъ Окулъ.

8.

Се язъ, Никита Ѳаустовъ, далъ есмі по души отца своего и матері своеи и по себѣ, в домъ Пречистои Богородици и Кирілу игумену поженки три на рѣкѣ на Колдомѣ. А на то послуси: Титанъ, да Проня, да Пауня Перхинъ. А грамоту писалъ Христоѳоръ чернець.

9.

Се яз, Елена Іванова, что мать моя дала три деревни по души на кормъ, а приказала моему мужу Ивану, да Ондрѣю Кормилицину, и посмотрила есми Ондрѣева небреженья в кормли тои. И яз ис тѣх деревен едину деревню Нарядовскую в Каргободѣ и съ ее удѣлы, с пожнями, и куды топоръ ходилъ, и куды коса ходила, и съ озерскими учястькі, и съ езы, и съ серебромъ, что на половникы два рубля, и с сѣмяны ржаными, и съ всякыми, дала есми въ домъ Пречистои Богородици, Кирилу игумену и его братьи, на поминанье души отца моего и матери, и родителеи моихъ. А на то послуси: Касьянъ старець митрополичь, да Ѳерапонтъ старець, да поп

Никодимъ, да поп Евагреи, да дьякон Нестеръ. А грамоту писалъ Евсѣвеи инокъ.

10.

Се яз, Ѳрол Остаѳьевъ сынъ, дал есми деревенку Кузминскую в дом Пречистои Богородици, Кирилу игумену.

11.

Се яз, Ондрѣи Ѳеодоровъ, дал есми в дом Пречистои по собѣ, и по своеи женѣ, и по своих дѣтех Кирилу игумену Судопскые пожни, да на Шохснѣ поля. А на то послуси: Борисъ Шуига, да Глѣбъ Лубнинъ; да Мартиянъ Грамотинскои. А грамоту писалъ Хрістоѳоръ чернець. А грамота без печати.

12.

Се яз, Евсѣи, дал есми поженку стожіе в Захарьинскомъ наволоцѣ, в дом Пречистыа Богородица Кѵрилу игумену і его братье, и хто будеть по немъ иныи игумен, на Порозобицѣ на рецѣ. А на то послуси: сынъ мои Іванъ, да Івашь внукъ. Дьякъ Осташь Грясковъ сынъ. А грамоту писал Христоѳоръ чернець.

1428—1434 гг.

13.

Се яз, Панкратъ Евсѣвьевъ сынъ, дал есмі в дом Пречистые Богоматере, в Кирилов монастырь, Христофору игумену, деревню Осніцкую, да пустошь Ратмарову, да другую пустошь Матюніньскую, да к той же земли на рецѣ на Порозобицѣ наволокъ на взвозѣ, с Елцинымъ в межах, да наволок Ерьгоботскои, да поженьки въ Вязовых на той же рецѣ на Порозобицѣ. А далъ есмі то по своем отцѣ, и по своеи матери, и по своемъ сыну. А на то послуси: отець мой духовнои поп Осташ, да поп Трифонъ, да Ефросим, да Ивашко

Головко. А грамоту писал черньчишко Илинархъ. А что мое жито копна ржи на Ратмаровои пустоши, и то есьми далъ игумену же Христофору Пречистой в дом.

14.

По приказу своего господина и по духовнои грамотѣ Александра Карповича, се яз Маріа Олександрова жена Карповичя, съ своими дѣтми с Дмітреем, с Семеном, с Иваномъ дали есмя къ Пречистои Богородици в Кірилов монастырь игумену Христоѳору і всеи братье по душе своего господина Олександра Карповичя три пустоши на Углѣ, что купил Александръ у князя у Михаила у Андожскаго, да езъ Островскои. А на то послуси: Яковъ Міхаилович, да Семен Васильевич, Василеи, Григореи, Нестеръ, Михаило Карпович(и). Илья да Ѳеодоръ Петрович(и).

15.

Доложа Григорья Івановича, се яз, Прокопеи Іванов сынъ Лубнинъ, далъ есми в домъ Пречистои в Кирилов монастырь Христоѳору игумену і всѣм старцемъ, по своемъ дѣде, по попѣ по Саве, да по его попадье, по Настасье, да по своемъ отце по Іване, да по своеи матери по Ѳеимье, да по Ондронѣ, да по Олене, да по Борисѣ, на рекѣ на Шохснѣ наволок Великои, да Виршину пожню, да на Чюровѣ пожню, да пол наволока Съпятина. А на то послуси: игумен Селиван, Ондрѣи Борисовъ, Семенъ Ѳедосьевъ. А грамоту писалъ Ѳедюк Сусло.

16.

Се яз, Ѳеодосья, Негодяева жена, и съ своим сыном с Окишомъ, по приказу господина своего мужа, дала есми в дом Пречистои Богородици, въ Кирилов монастырь, землю Пановскую и с ее учястъки и с пожнямі, куды топоръ, и соха, и коса ходила; да к тои же земли наволок на възвозѣ. А на то послуси: отець мои духовнои, игумен Иванъ, да попъ Трофімъ, да Варсуноѳеи черньнець, да Епифанеи, да Івашко

Головко. А грамоту писалъ чернець Илинархъ. А запечатали есмя Христоѳоровою печатью игуменовою.

1435—1447 гг.

17.

Се язъ, Касьянъ Бирілевъ, далъ есми свою деревню Аристовскую, свою куплю, въ домъ Пречистои, в Кириловъ монастырь игумену Триѳону, или по нем иныи игуменъ будетъ, съ всѣмъ, что к неи потягло, куды топоръ и соха и коса ходила. А у грамоты сѣдѣлъ Александръ Ѳеодоровичъ Монастыревъ, да Олешко Микітинъ сынъ.

18.

Се язъ, понарья [1]) Александрова жена, възрив в мужа своего духовную, приказалъ ми дать деревню по своеи душі въ Карголомѣ горьнюю, куды тое деревні топоръ, и соха, и коса ходила, в Кириловъ монастыръ, къ Пречистои игумену Триѳону, или по нем иныи игуменъ будетъ. А на то послуси: Лука Зинововъ, Серко городскои, Троня. А грамоту писалъ Давыдько Клементіевъ.

19.

Се яз, Ионо, да брат его Исакъ, Михаиловы, дали есмя пол ночи езовую в Островѣ, вотчину, в домъ Пречистои Кирилова монастыря, по своихъ родителех, игумену Триѳону і всеи братьи, или хто по немъ иныи игумен будет. А на то послуси: Семенъ Выберевъ, да Матѳѣи Мануиловъ, да Еся Коровинъ. А грамоту писалъ попъ Тимоѳѣи, отець мои духовнои. А ся грамота безъ печати.

---

[1]) Читай: „понамарья“, т.-е. вдова понамаря.

1448—1469 гг.

20.

Се язъ, Евагреи чернець, что есми былъ игуменъ въ до[мѣ] господнемъ ксомъ (?), далъ есми в домъ Святѣи Богородици, в Кирилов монастырь, игумену Касьану з братею, и кто и по немъ инои игуменъ будеть, землю свою на прости по обѣ сторонѣ рѣчки, и что к неи потягло из старины, и поженки, что есми купилъ себѣ у Насона у Назарьина, да у Семена у Третьякова. А в межахъ та земля с Семеномъ же Третяковыиъ, да с Патриными, да с Ѳедкомъ съ Еремеѣвымъ. А далъ есми на поминки своеи души и своимъ родителемъ. А на то послуси: архиндрит Малахия, да старці: Ѳегностъ старои, да Маркилъ кашаваръ, да мирянъ Михаль кузнець, да Онаня Зинововъ. А грамоту писалъ чернецъ Илья. А запечаталъ есми подножіемъ креста Христова.

21.

Се язъ, Ондрѣи Константинов сынъ, Кыръсномскои, далъ есмі Пречистои в дом, в Кириловъ монастырь, игумену Касьану с братею, по своеи женѣ, по Овдоте, трі пустоші: Хозинскую, да Сысоевскую, да Бояриновскую. А межа тѣмъ землямъ к Кръснои рѣчки. А отъ Микитынихъ деревенъ межи куды топоръ отца моего ходилъ. А на то послуси: Тимоня слуга монастырскои, да Фатьян Кондратовъ, да Грид Панѳіловъ. А грамоту писалъ Васюкъ Тимонинъ. А запечаталъ есмь своею печатью.

22.

Се язъ, Насон Захарьинъ сынъ, далъ есмі Пречистои в домъ, в Кириловъ монастырь, свою землицу в прости по своихъ родителехъ и по себѣ, куды топоръ, и соха, и коса ходила, и что изъ старины потягло къ тои земли. А далъ есмі свои учястокъ и на то послуси: старець Игнатеи Матѳѣевъ,

Самоило Мякитовъ, да Онаня Зиновов. А писалъ сію грамоту Мітроѳанъ старець, крылошанинъ Кирілова монастыря.

23.

Се язъ, Насонъ, Захарьинъ сынъ, далъ есми в домъ Пречистои, въ Кириловъ монастырь, игумену Касьяну з братьею, или по нем будет иныи игуменъ, пожню возлѣ Стремянбои рѣчку, да возлѣ Змивець, по отца своего душе и по матере своеи и по своеи душе.

А грамоту есми запечатал своею печатью.

24.

Се яз, Давыдъ Клементьев, дал есми въ дом Святѣи Богородици, в Кирилов монастырь, игумену Касьяну и кто по нем инои игумен будеть, пожню свою возлѣ рѣку Выксу, межу ихъ пожен монастырьских. А дал есми на поминок своих родитель. А на то послуси: Аѳонасеи Внуковъ, да Івашко Давыдъ, да Терехъ Захаровъ, да Михалъ кузнець. А грамоту писал Семенко Окуловъ. А запечатал грамоту яз Давыдъ своею печатью.

25.

Се яз, Іванъ Микулинъ, по своей матери по душе дал есми пустошку Окоемовскую на речкѣ на Чюровѣ, на пустои, да другую пустошку Гридисинево, в домъ Пречистои, въ Кириловъ монастырь, игумену Касьяну, или кто по немъ иныи игуменъ будеть. А на то послуси: старець Еѳімеи, старець кѣларь Тимоѳѣи, Гридя Поповъ, да Василеи Поповъ. А писалъ грамоту чернець Митроѳанъ.

1471—1475 гг.

26.

Се яз, Юрьи Есиповъ сынъ Пикина. По отца своего слову Есипа Пикина, отвелъ есми земли Кирилову монастырю, что

дал отецъ мои Есип в дом Пречистые в Кирилов монастырь: гдѣ самъ жил Колкачь, Талицу, Пепелсущовскую пустошь, Щелкову пустошь, и куды его топоръ ходил, и куды коса ходила. А отвод тѣмъ землямъ по рѣку по Яграш. А на другои сторонѣ по рѣку по Сѣзму, да по Великои камень, да по Медвѣжеи мох; да къ тѣм же землямъ пожни на Шекснѣ, что отецъ мои косил. А на отводѣ были: Игнатеи Матѳѣев сынъ, да Еѳрѣм старцi Кирилова монастыря, да Никиѳоръ братанич Юрьев Пикина, да Іванъ, Власьев, да Олешко Клементьевъ, да Данило Семковъ. А грамоту пісалъ попъ Ѳникѣи. А отвелъ есмі посельскому их Прохору старцу, а запечатал есми печатью старца Игната Матѳѣева.

27.

Се язъ, Князь Іванъ Ѳедоровичъ Карголомьскои, далъ есмі, в домъ Святыи Богородици, въ Кирилов монастырь, игумену Игнатью з братьею, или кто по нем иныи игуменъ будетъ, въ своеи вътчінѣ, в Карголомѣ, по своих родителех, деревню Сырнево, и съ всѣмъ с тѣм, что к тои деревне потягло из старины, куды соха, и серпъ, и топоръ, и коса ходила ис тое деревни, и с судом, и з данью, и съ всѣми пошлинами. А на то послуси: Семенъ Третьековъ, да Гридя Муринъ, да Сенка Гридинъ Потовкина. А грамоту пісалъ крилошанинъ Игнатеи Тутолминъ. А запечаталъ есмь печатью отца своего духовного поповою Еремѣевою.

28.

Се язъ, Василеи Олексѣевъ сынъ Горбова, далъ есми Пречистои в дом Кирилов монастырь, игумену Игнатью, з братьею, в Карголомѣ пустошь Ѳаустовскую. Съ княземъ Іваномъ с Карголомскимъ в межах, да с Ѳарапонтоѳскими старци; да конец ельника пожня з болотом к тои пустоші. А далъ есми памяті дѣля по своих родителех и по своеи душе. А на то послуси: Ѳегностъ старецъ, князь Асаѳ, Григореи старецъ,

Сименъ казначеи, Ѳеодоръ келарь. А сію грамоту писалъ Кирило старец Кирилова монастыря крылошанинъ.

29.

Се язъ, Іванъ Григорьевичъ Монастыревъ, далъ есми в домъ Пречистыа Богоматере, в Кирилов монастырь, игумену Игнатью и его братьи, Кобачновскае пожни състровом, опрочь того, что Ѳерапонтовскіе косять, по своимъ отцѣ и по своих родителех. А на то послуси: Ѳеодоръ Александровъ да Лука Панкратовъ, да Семен Третьяковъ, да Іванъ Окишевъ. А грамоту писалъ Асаѳъ крылошанинъ. А запечаталъ есми сію грамоту своею печатью.

1482—1484 гг.

30.

Се язъ, Ѳеодоръ Микитиничъ, дал есми в дом Пречистои, въ Кирилов монастырь, игумену Серапіону з братьею, или кто по нем иный игумен будет, деревню, что раздѣлал Гридя Щеть. А рубежъ тои земли межи монастырьскою землею и Ѳедоровою землею про[ме]жи Чекошевым и Гладиловым ручеи, что идет из озера из Шнорьского. Ино тѣмъ ручьемъ к рѣкѣ къ Кономѣ да по Кономѣ вниз по рецѣ до Каменного ручья, да по Каменному ручью вверхъ, да сверхъ ручья Каменного, да по краи дору [1]), да къ Круглому мошку, да отъ мошка на Крутои враг, на Кипреничнои. А на то послуси: Семенъ Калининъ, да Давыдъ Даниловъ, да Семенъ Стоянъ. А с Ѳедоровы стороны: Ерема Яковлевъ сынъ Петришина, да Гридя волосатои, да Костя Мікитинъ сынъ. А грамоту писалъ дьякъ Рудель Кирилова монастыря, а запечатал игумен Серапионъ своею печатью. А Ѳеодоръ Мікитиничъ запечаталъ своею печатью.

---

[1]) Доръ—то же, что новина, вновь распаханная пашня.

Безъ указанія на время написанія акта, но не позднѣе начала XVI вѣка.

31.

Се язъ, Дарья Родивоновскаа, дала есми половину земли дѣдышевскые за сына своего долгу, за полтину, Пречистѣи Богородици матері божіи в домъ, в Кириловъ монастырь. А дала есми землю и с пожнями, да пол лѣску Каменого и с лѣсомъ. А на то послуси: Игуменъ Селиванъ, Сава Чюровскои, Проня Ивановъ, Ондрѣи Борисовъ. А грамоту писалъ Ѳедко Сусло.

32.

По князя своего слову, Княз Ѳеодора Ивановича, се язъ, княгиня Настасьа с своими дѣтми, с Іваномъ да с Ѳилипомъ, дали есмя Пречистои в домъ, в Кириловъ монастырь, деревню Демідовскую, куда ис тое деревни топор, и соха, и коса ходила, со всѣми с тѣми пошлинами, и с семяны и с судомъ и з данью. А далі есмя по души отца своего и запечаталі есмя печатью отца своего княз Ѳеодора Ивановича.

33.

Се язъ, княгиня Ѳеодосіа, по пріказу своего государя, Княз Давыда Семеновича, и по духовнои грамотѣ, дала есмі деревню в Карголомѣ Еремінскую в домъ Пречистои в Кирилов монастырь съ всѣм с тѣмъ, что къ неи потягло из старины.

34.

Се язъ, Князь Ѳеодоръ Ивановичъ, далъ есми в домъ святыи Богородици въ Кирилов монастырь, игумену Касьяну з братьею, деревню Ильицино, въ своеи вотчінѣ, в Карголомѣ, и с судом, и с данью, и съ всѣмъ с тѣмъ, кудѣ ис ты деревни соха ходила, и кудѣ коса ходила, и кудѣ топоръ ходилъ. А запечаталъ есмь сю грамоту своею печатью. А писалъ сію грамоту ніщии чернец Илья.

35.

По приказу господина мужа моего Захарьину, се яз, Оксиніа, Захарьина жена, с своими дѣтми, с Насономъ, да с Степаномъ, дали есмя в домъ Пречистои Святыа Богородица в Кірилов монастырь, игумену Христоѳору и хто по немъ иныи игумен будет, пустоші свои на Ирдомѣ Товьскіе и с пожнями и кудѣ соха ходила, и кудѣ коса ходила, и кудѣ топоръ ходилъ. А поминаютъ душю мужа моего Захара. А на то послуси: Калита, да Михал кузнець Пахомовъ. А грамоту писал Досиѳеи чернець. А запечатали есмя грамоту одною печатью Насоновою.

36.

Се яз, Микиѳор Горбовъ, дал есми Пречистои в дом, в Кирилов монастырь, по своеи душе, свои пожни, отъ Кивуйца, отъ Назаровы межи, Толстои наволок, да Попадлинъ наволок, да Круглои наволок, по Ондрѣевъскои наволок, отъ озера по Красную іву на березов пень, да на болото прямо. А велѣл есмі тѣ пожни отвести своимъ дѣтем Александру да Івану. А на то послуси: Попъ Оѳросин, да Симонъ казначѣи, да Василеи Алексѣевъ, да Грідя Степановъ, а отвели мои дѣті тѣ пожни, Александро да Іванъ старцем кириловскым Еуѳімью да Ѳектисту. А на отводѣ были: Ваксентеи Окуловъ, да Василеи Селютинъ, да Данилъ, да Юрка Киуляне. А грамоту писал попъ Авъксѣнтеи. А ся грамота без печати.

2. Договорная.

1448—1469 гг.

37.

Доложа своего господина государя Князя Михаила Андрѣевича, се яз, Еѳрѣмеи, чернець Кирилова монастыря, да і выгуменово мѣсто въ Касьаново, да і въ всеи братьи мѣсто, кончали есмя с Іваномъ з Дмітреевым, что нас озеро Івицькое

въпче, ибо намъ ловити неводом своим монастырьскым на том озерѣ на поледномъ въпче. А Івану ловити на томъ озерѣ неводомъ своим на поледном въпче. А рыбою ся дѣлити пополовинам. А што рѣчка Чарса, ино Івану бити два еза отъ озера, а монастырьскымъ бити за Іваномъ два еза. А от тѣх четырех езов ино же тут монастырьскые, и Івановы, и княжие въпче.

3. Духовныя.

1435—1447 гг.

38.

Въ имя отца и сына и святаго духа. Се язъ, рабъ Божіи инок Геронтеи Линяк, пишу грамоту душевную прі своем животѣ, своим цѣлым умомъ, кому ми что дати и у кого мі что взяти. Взяти ми у Ермолковых дѣтеи, на Овтуѳьецѣ, да на Денисцѣ, да Немонцѣ половничего серебра 6 рублев наугородцких. А тое есмі серебро на тѣх далъ в Кирилов монастырь Триѳону игумену. Взяті мі у калики у Ероѳѣя, у сторожа Пречистыа на Москвѣ полтора рубля наугородскую. А далъ есми то серебро в Кирилов монастырь, игумену Триѳону. Взяти ми у Мязрюка, да у его дѣтеи в Микитинѣ слободѣ 60 бѣлъ, а далъ есмі в Кирилов монастырь игумену Триѳону. Да далъ есми въ Кирилов монастырь Триѳону игумену пожню подле озеро церковную к рѣцѣ Мондомѣ, да другую пожню далъ есмі за рѣкою за Мондомою на Кустовскои сторонѣ в Кириловъ же монастырь. А межа тои пожнѣ камень, да по ивънику прямо въ лѣсъ. А в другомъ конци межа над рѣкои береза, да кустъ от княже пожни Ѳеодоровы. Дал есми в Кірилов же монастырь двѣ пожни вверхъ Мондомы одна пожня на сеи сторонѣ рѣки, а другаа за рѣкои пожня. А у грамоты у душевные былъ отець мои Триѳонъ, игуменъ Кирилова монастыря. А на то послуси: старець Игнатеи Матѳѣев, старець Еѳросимъ, да Михал кузнец. А писалъ грамоту душевную чернець Митроѳанъ.

1551 года.

39.

Список з духовные. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се яз рабъ Божей Семенъ, княж Ивановъ сынъ, Кѣмского, пишу сию (духовную) грамоту пошед на Государеву службу в Казань, кому ми что дати и у кого ми что взяти; дати ми князю Ѳедору, княж Іванову сыну, Оухтомского по кабалѣ рубль, дати ми князю Дмитрію, княж Іванову сыну Водбальского— Драницыну рубль, дати ми Герману, Ѳедорову сыну Костентинова, рубль, дати ми племеннику своему, князю Івану, княж Ѳедорову сыну, десят рублев, дати ми в Кирилов монастырь по душѣ десят рублев, дати ми в Ѳерапонтов монастырь десят рублев, дати ми к Борису-Глѣбу на Устье десят рублев, дати ми къ Троицѣ на Устье на Шекснѣ в монастырь десят рублев, дати ми къ Спасу на Камѣнное в монастырь пят рублев, дати ми къ Спасу на Прилук въ монастырь пять рублев, дати ми в Никитцкои монастырь на Шекснѣ три рубли, дати ми к Пречистои на Пѣсочное пят рублев, дати ми къ Пречистой на Сямѣ к Прощѣ три рубли, дати ми к Пречистой къ Срѣтенію Влодимерскиа пят рублев, дати ми в Дѣвичь монастырь на Шекснѣ три рубли, дати ми к Пречистой Покрову рубль, дати ми к Пречистой в Кѣмеозере рубль. А взяти ми на Семенѣ на Костянтиновичѣ на Заболотцком по кабалѣ пят рублев, взяти ми на князе Василье Семеновичѣ на Ѳуниковѣ по двѣм по кабалам пятдесят рублев, взяти ми на Несвѣтае на Михайловѣ сыне Цыплятева с товарищи по кабалѣ десят рублев, взяти ми на Третиякѣ на Михайлове сыне Гнѣвашева по кабалѣ три рубли, да взяти ми Третьякѣ ж на Гнѣвашеве бес кабалное десят рублев, а взял у меня тѣ денги на колоколы, взяти ми на Григорие на Васильеве сыне Плѣщнева по кабалѣ десят рублев. А дал есми Пречистой в дом в Кирилов монастырь по отцѣ своемъ, по князѣ Іванѣ, и матере своеи, по княгине Евдокѣе, и по своеи душе и по всему роду, свою отчину, село Покровское, да деревню Калитино, да деревню Дружково, деревню Дряблое, да Норскые,

деревни Микулинское, деревню Стошболотовское, деревню Кунино, деревню Глиновское, деревню Кононовское, деревню Даншинское, деревню Яковлевское, деревню Мергинское, деревню Хитовское, деревню Копинское, деревню Волково, деревню Чепинское, деревню Головинское, деревню Якунинское, деревню Берсеневское, деревню Мининское, деревню Еѳимовское, да пожни тѣхъ деревень отъ рѣчки от Шурбу, а по рѣку по Куміогу до ели, да на Кѣме рекѣ деревню Ярское, да Березницкие деревни, деревню Модозомское, деревню Головинское, деревню Ондрѣиково, деревню Кириловское, деревню Павлово, деревню Малаѳѣевъ, деревню Кярголень, да починок Кагач, да деревню Чюржу, да починок Красноселской на низ ручью. А дал есми то село и деревни Пречистой дом в Кирилов монастырь с землями и с пожнями и с пустошми и с лѣсы и с рыбными ловищы и со всѣми угодіи по отца моего духовнои грамотѣ и по купчеи грамотѣ, как есми купил у брата своего у князя Андрѣя, да дал есми Пречистой в дом в Кирилов монастырь по отцѣ своем, по князѣ Іванѣ, и по матери своей княгине Евдокие, и по своей душе, и по всему роду, свою отчину селцо Тетляково, да деревню Іванинское, деревню Емшаино, деревню Ширявское, да Порѣцкие деревни, деревню Діяковские, деревню Шаблыкинское, деревню Кузнецовское, деревню Горлищевское, деревню Івшинское, деревню Евтушево, деревню Орининское, деревню Переслегино, деревню Мишинское, деревню Прислоново, да починок Якшин, да Кѣргозерские деревни, деревню Апажино, деревню Чянниково, деревню Ананинское, деревню Івшинское, деревню Сидоровское, да пустошь Тимкинское, да починок Никонов, да Индономские деревни вверху на рекѣ на Кемѣ, деревню Рамениевское, деревню Шуйтовское, деревню Семеновское, деревню Нестеровское, деревню Каровское, да починокъ Гридин, да Мано(м)зерские деревни, деревню Максозеро, деревню Ѳедорово, деревню Спиринское, да Баботоозерьские деревни, деревню Ѳелинское, деревню Коршаковское, деревню Сидоровское, деревню Осташевское, деревню Ортемовское, да починок Кондратов, да починок Ѳедотков, да починок Ѳедорцов, да починок Данков, да на низу на рекѣ на Кѣме деревню Останковскую Кукшебой, деревню Лошаково Онтроповское, да на низу на рекѣ на

Кумьюгѣ пожни Порѣцких деревень и Кѣргозерскихъ деревень, да на рекѣ на Кѣме пожня Городок, а дал есми то, селцо Тетляково и деревни с землями и с пожнями и с лѣсы и с пустошми и с рыбными ловищы и со всѣми угодіи, по отца моего духовной грамотѣ и по мѣновной грамотѣ, какъ есми вымѣнил у брата своего, у князя Андрѣя. А будетъ моей братьи и моим племянником до тѣх земель, и онѣ велят землю оцѣнити людем добрым по отцы нашего духовной грамотѣ, да цѣну дадут в Кирилов монастырь; а что мой живот дворной в клѣтех и хлѣб в житницах и что хлѣб в земли сѣян, и лошади, и коровы, і всякой домашной быт, что кабалы денежные и хлѣбные на князи и на дѣті боярские и на крестияне кабалы денежные и хлѣбные, и что у меня кабалы брата моего княж Михайловы на князи и на дѣти боярские и на крестияне денежные и хлѣбные, то онъ мои статкы Пречистой в домъ в Кирилов монастырь. А что у меня в сундукѣ двѣсти рублев в казнѣ, в Кириловѣ монастырѣ, и тѣх денег сто рублев в Кириловь монастырь по брата моего душе, по княж Михайлове, а сто рублев отдати брати моему, князю Александру; а что мои люди полные и кабалные, тѣмъ всѣм земля на четыре чясти, по отца моего духовнои грамотѣ. А кабалным моим людем и юрьевским людем всѣм кабалы отдати безденежно; а приказал есми свою душу и сию духовную грамоту господину отцу своему духовному, священнику Івану Встрѣтенскому Пречистыя Владимерския, да приказчиком: старцу Антонію, казначію Кирилова монастыря, да брату своему князю Александру Івановичю, да Юрію Михайлову сыну Гнѣвашеву долгъ заплатити и слобода собрати и душу помянути. А на то послуси: Ѳедор, да Яков Михайловы дѣти Гнѣвашевы, да Неклюд Іванов сынъ Епимахов. А сию духовную писал яз, Семен княж Іванов сын Кѣмского своею рукою лѣта 7059.

А на зади духовной пишетъ: яз Антоней руку приложилъ; яз князь Александръ руку приложилъ; яз Юшко Гнѣвашев руку приложилъ; послух Яков руку приложилъ; послухъ Неклюдъ руку приложилъ.

4. Закладная.

До 1468 года.

40.

Се яз, Семенъ Поповъ сынъ Окуловъ, занял есмі у старца у Сергеа монастырьского серебра рубль ноугородцкои, да шестьдесят бѣл, да двѣ бочки ржы, от Николина дни в годъ. А в тѣх есми кунах заложил свою пожню на Усть-Марьевъки рѣчки до Сѣчючя, до монастырьскые пожни. А не уплачю на срок серебра и онѣ пожні косят і въ пред. А на то послуси: Игнатеи Матѳеевъ старець, да Міхалъ кузьнець, да Керста, а кабалу есми на собя писал сам своею рукою, а дал есми на себя кабалу без печати.

5. Купчія.

1397 — 1427 гг.

41.

Доложа волостеля Василья Василевича, се, яз, Кирило игумен купилъ есми у Івана у Евсѣева сына в домъ Пречистои Богородиці и Честнаго еа Успеніа, и своеи братьи, и хто будетъ по мнѣ игумен, землю Захарьинскую съ всѣмі учястки что потянуло къ тои земли и съ пожнямі, и куды топоръ, и коса ходила, и с наволоком с Зоринским что на Порозобици на рѣкѣ. А въ том наволокѣ стоже Евсѣво и то стоже дал Евсѣвеи в дом Пречистои Богородици, Кірилу игумену и его братьи. А дал есмі на неи четыре рубли. А межа съ Внукомъ ручаи; а пополнка свиню. А серебро платил Христѳѳор чернец. А на то послуси: Евсѣвеи, Панкрат, Окул староста, Ѳілимон Лапа, Іванъ Рука, брат его Ошомок, Ѳілипко Олексѣико Ѳеодоров сынъ, Демид. А грамоту писал Христѳѳоръ чернецъ.

42.

Се язъ, Кирило игумен, долож тиуна Оленя, Юрьева Василевича, купилъ есми у черньца у Ѳерапонта Мигачевьскую деревню с плодеми и з городищомъ. А далъ есми полтора рубля. А купилъ есми в домъ Пречистой Богородици и Честнаго ея Успенiа, в вѣкъ. А серебро платилъ от игумена от Кирила чернецъ Денiсеи черньцу Ѳерапонту. А на то послуси: Аристъ, Чюпреянъ, Окулъ Чернои, Окул Языковъ, Микита Каргоботьскои, Гридя поповъ Окуловъ. А грамоту писалъ попъ Окулъ Спаськои.

43.

Се язъ, Кирило игуменъ, долож тиуна Iванова Борисовича Володимера, купилъ есми у Василя Ондрѣева пустошь Прокинскую. А далъ есми на неи рубль ноугородскои. А отводъ пустошi от озерка по врагъ, да прямо к Косои горѣ по старое Осѣчищо, да по мостищо к Сандыревскому полю, а Сандыревского поле по болотце, да по ручаи, прямо къ озерку. А на то послуси: Клементеи Жеребцовъ, да Такунъ, да Калита. А грамоту писалъ дьякъ Осташ Поповъ зять Павловъ.

44.

Долож Iванова Борисовича тiуна Ефiмья, се язъ, игуменъ Кирило, купилъ есми у Ермака у Ковачя двѣ пожни: Окуловскую да Омосовскую. Далъ есми на нихъ рубль новогородскои да пятнадцать бѣлъ, да овцю пополнка. А серебро платилъ Кузма Андушка [1]). А на то послуси: Клементеи Жеребцовъ, Окулъ Языковъ, Сеня Iвановъ сынъ Гаврiлова, Iвашко Поповъ сынъ Ѳроловъ, Ондрѣи Кочюнинъ сынъ Григоровъ. А грамоту писалъ Олешко Зерновъ.

45.

Долож сына Юрьева намѣстнича Давыда, се язъ, игуменъ Кирiло, купилъ есми у Чюпрiяна земльцу Понтiньскую в домъ Святѣи Богородици. А далъ есми на неи полтiну, да свинью пополнка. А на то послуси: Клементеи Жеребцовъ, Окулъ Чернои. А грамоту писалъ Ѳролъ Поповъ сынъ.

[1]) Въ № 3 (стр. 342) „Алтушка“.

46.

Долож Івана Борисовича, се язъ, игуменъ Кирило, купилъ есми у Серка ниву Волковскую с Вымда с Сѣркова огорода на врагъ к болоту. А далъ есмі на неи сорокъ бѣлъ, да подпалъ пополнка. А на отводѣ были: Івашъ Поповъ сынъ Ѳроловъ, да Юда Чюпреяновъ, да Тимошка Рогулинъ.

47.

Долож тиуна Іванова Борисовича Самоила, се язъ, игуменъ Кирило, купилъ есмь в домъ Пречистыа Богородица у Серка землю Волковскую, да Улянкъву полосу. А далъ есми на тои землѣ два рубля. А взяти ми у Серка семѣнъ полшесты кади ржы. А отводъ тои землѣ по огородъ с Іваномъ с Онтоновымъ, а з другую сторону с Клементьемъ Жеребцовымъ, по огородъ. А на отводѣ земли были: Чюпреянъ, да Григореи Поповъ сынъ Окуловъ, да Окулъ Языковъ, да Іванъ Поповъ Ѳроловъ, да Оксѣнтеи Воронъ. А куны на тои землѣ платилъ Ѳегностъ чернецъ. А пополнка овца.

48.

Се язъ, Кирило игуменъ, долож тиуна Іванова Борисовича Ефімья, купилъ есми пустошку въ Каргободѣ у Микіты у Ондрѣева, и пожню на Колдомѣ Мостовую. А далъ есми на томъ на всемъ рубль. А на то послуси: Олексѣи Ондрѣевъ, да Гридя Поповъ сынъ Окуловъ, да Івашко Поповъ сынъ Ѳроловъ, да Серко. А грамоту писалъ діякъ Осташ.

49.

Доложа тиуна княж Юрьева Івановича, се яз, игумен Кирило, купил есми у Семена у старосты поженку на Волочкѣ, у Івитьского озера, в дом Пречистои Богородици. А дал есмі на неи полтину да двадцат бѣл. А межа пожне от озера по волочек, до врага. А посрѣди врага вверхъ до реки. А снизу от Нестерова огорода по огород до рѣки. А на отводѣ были: Наумъ Резановъ, Ондронъ Игумновъ, Июда Чюпреяновъ, Омосъ Дьяконовъ Нестеровъ.

50.

Се яз Кирило игуменъ, доложа тиуна Іванова Борисовича Еѳімья, купил есми у Семенка у Дьяконова сына на Волочкѣ, в дом Пречистои Богородици. А дал есми на неи полтину да пополнка овцу. А отвод пожне от рѣки от Шехсны на кустъ, а отъ куста на берегу до озера. А сдругую сторону межа кустъ, да ямы отъ озера до реки. А на то послуси: Григореи Поповъ сынъ Окуловъ, да Иванъ Поповъ сынъ Ѳроловъ, да Наумъ Резановъ, да Окулъ Языковъ, да Леванидъ. А грамоту писал дьяк Осташь Поповъ зять Павловъ. А серебро платил отъ игумена отъ Кирила Ѳрасонофеи чернець.

51.

Се яз, игумен Кирило, доложа тиуна Іванова Борисовича Еѳіма, купил есми у Иваша у Соѳонева пожню в дом Святыа Богородица у Николы Святаго на Шохснѣ. А дал есми на неи полтора рубля ноугородские да 20 бѣл, да по[по]лнка овцу. А отводъ пожні от Красова озера до рѣчки до Шехсны, а от рѣчки от Карасовы по Шехснѣ вверхъ до Андрѣевы пожни, а съ Ондрѣевою поженкою межа по кустовье. А на то послуси: Окулъ Языковъ, да Наумъ Резановъ, Леванидъ, Іванъ Поповъ сынъ Ѳроловъ. А грамоту писал дьякъ Осташь поповъ зять Павловъ. А серебро платил от старца от Кірила Варсоноѳеи чернець.

52.

Се яз, игуменъ Кирило, доложа Иванова Борисовича тиуна Еуѳімья, купил есми у Ѳрола у Остаѳеева пожню в дом Святыа Богородица, на Сѣчючі, а другое верхное стоженце на том же Сѣчючѣ. А дал есми на неи два рубля ноугородскые, да десят бѣл, а пополнка овцю. А отвод пожні по рѣчку по Сѣчючу, а верхънее стоженце попову по Окулову межу. А на то послуси: Микита Ондрѣевъ, Кузма Андушка, да Оверкеи Мошнинъ, да Иванъ Поповъ сынъ Ѳроловъ. А грамоту пісал діякъ Осташь поповъ зять Павловъ. А серебро платилъ от игумена от Кирила Варсоноѳеи чернець.

53.

Доложа тиуна Іванова Борисовича Самоила, се яз, Кирило игумен, купил есми пожню в дом Святыа Богородица, у Карпа у Дьяконова сына, а дал есми на неи полтину, да двадцать бѣл, а пополнка овцу. А пожни отвод съ Ермакомъ отъ Ивіцкого озера до Солоти, да по Солоти съ Васильемъ, да на иву, да сывы на кустъ, да болото, а от болота до озера. А куны Варсоноѳеи чернець. А на то послуси: Олексѣи Ондрѣевъ сынъ, Оверкеи Мошнинъ, Костя Ондрѣевъ. А грамоту писал дьяк Осташь.

54.

Се яз, Кирило игумен, купил есми у Демки поженку конец Долгого озера на Волочкѣ и что его подели конец долгого озера, в дом Святыа Богородица. Дал есми ему дватцать бѣл. А бѣлкі платил Антонеи чернець. А на то послуси: Ѳедюкъ Гавриловъ сынъ Жалобина, да Калита ключникъ, да Конанко бѣлои. А грамоту писал чернець Христоѳоръ.

55.

Доложа тиуна княж Юрьева Івана Лвова, се яз, Кирило игумен, купил есми у Кореня пожню в Вижьшиньскомъ наволоцѣ, в дом Святыа Богородица, от поповы пожни Ѳроловы до Кореневы межи. А дал есмі на неи два рубля наугородскіе без четверті. А на отводѣ были: Наумъ Рязановъ, Чешко поповъ сынъ Павловъ, Іванъ поповъ сынъ Ѳроловъ, Вълкъ Бородавскои Воронъ.

56.

Доложа намѣстніка Василья Івановича, се яз, игумен Кирило, купил есми пожню у Иваша у Онтомонова сына Пѣльсынъскую, его вотчіну. Дал есми на неи рубль, да пятьнадцать бѣл; а отвод отъ рѣкі отъ Шохсны врагомъ до куста. А от куста на олху. А здругую сторону от рѣки же с куста

да на осиновои пень. А на докладѣ были: Захарьа Ильинъ, да староста Дябовъ. А на отводѣ были: Окул Языковъ, Івашь Поповъ, да Зубко. А серебро платил от игумена от Кирила Кузма Андушка. А грамоту писал сам Василеи Івановичь.

57.

Доложа тиуна княж Юрьева Івана Львова, се яз, игумен Кирило, купил есми у Ѳрола у Остаѳьева сына поженки Митяевъскии на Колдомѣ на рекѣ, в дом Пречистои Богородици. А дал есми на нихъ полтину. А на то послуси: Чюта, да Онтонко Кондратовъ сынъ, да Конанко.

58.

Се яз, Кирило игумен, доложа тиуна Григорьева Івановича Копны, купил есмі в дом Пречистыа Богородица деревенку у Осташа у попова сына у Юрьева, Селивестровскую роздѣль, и что к неи потягло или кудѣ секира ходила, или кудѣ коса ходила. А дал есмі на неи полтретья рубля ноугородского серебра, да овцы пополнка. А на то послуси на отводѣ были: Панкратъ Евьвсѣвьевъ сынъ да Олѳереи Елцинъ, да Филимон Евьвсѣвьевъ внукъ, да Рука. А отводъ земли съ церковною землѣю, по враг. А серебро платилъ на тои земли старцовъ поселскои Зиновко. А грамоту писал Ѳеогностъ чернець.

59.

Доложа тиуна Григорьева Ивановича Петруші, се яз, Кирил игумен, купил есми землицу у Михаля, да у Епимаха в дом Пречистои Богородици и что потягло и тои деревенки, куды топоръ, и коса, и соха ходила. А далъ есми на неи полтора рубля ноугородскые, а пополнка овцу. А серебро платилъ Демид. А на то послуси: Негодяи Евьвсѣвьевъ сынъ, да Панкратъ Евсѣвьевъ сынъ, да Ондрѣи Олѳерьевъ сынъ Елцинъ, да Рука, да Окул староста, да Ошамонъ. А грамоту писал поп Карпъ.

60.

Доложа тиуна Іванова Борисовича Самоила, се язъ, игуменъ Кирило, купилъ есмі в домъ Пречистои Богородици у Серка полъ деревни Волковские, да Ульянъкову полосу. А далъ есмі Серку на тои земли два рубля, да по[по]лнки овцю. А взять ми у него семянъ сухихъ полъ шесты кади. А другую половину тое-жъ деревні купилъ есмі в домъ же Пречистыа Богородица у Тімошки. А далъ есмі Тимошкѣ на тои половинѣ полтора рубля, да овцю пополнка. А сѣмянъ взять ми у него 6 кадеи ржи. А куды ходила Сѣркова коса или топоръ, то все Кирилу игумену въ отводъ хтои земли. А Тімошкина половіна потому-жъ, кудѣ ходила коса и топоръ, то въ отводъ же тои земли. А отводъ земли с Іваномъ Онтоновымъ по огородъ, а с другую сторону с Клѣментиемъ по огородъ же. А на то послуси на отводѣ были тѣ жъ: Чюприня, да Григореи поповъ сынъ Окуловъ, да Окулъ Языковъ, да Іванъ поповъ сынъ Ѳроловъ, да Окстентеи Воронъ. А куны платилъ на тои земли Серку и Тимошкѣ Ѳегностъ чернецъ. А грамоту писалъ Осташь діякъ поповъ зять Павловъ [1]).

61.

Се язъ, игуменъ Кирило, долож тіуна Іванова Борисовича Володимера, купилъ есмь в домъ Пречистои госпожи Богородицы, матере Божия, деревню въ Ишдярѣ, да к тои деревнѣ пожню под Выскоскимъ остовомъ, противу пожніци у Еѳрѣма у Тупика у Ондрѣева сына у Горъбатова. Дал есми на тои деревнѣ и на тои пожнѣ полтора рубля новогo-[ро]дского серебра, да корову пополнка. А отводъ земли по Роярь рѣчку к Долгому озеру с Демкомъ, а с другую сторону с Тавуномъ, да с поповыми дѣтми с Клементьевыми, по студенои ручеи, на Трестянои мошок к Черному озеру. А на то послуси, и на отводѣ были: Григореи поповъ сынъ Окуловъ, да братъ его Семенъ, да Іванъ поповъ сынъ Ѳроловъ, да Оверкеи Мошнинъ, да Кузма Андушка. А серебро платил от игумена Кирила Ѳегностъ чернець. А грамоту писал діякъ Осташь поповъ зять Павловъ.

[1]) Ср. № 47 (стр. 359). Тамъ предварительное условіе, здѣсь отводъ земли и уплата денегъ.

62.

Се, язъ Кирило игуменъ, долож тиуна Іванова Борисовича Еѳіма, купилъ есми в домъ Пречистыя Богородица у попа у Павла деревню Ивашовскую Мішина. А дал есми на не[и] два рубля наугородского серебра, да овцу пополнка. А купилъ есми ту землю безъ сѣмянъ, а отвод земли отъ Марьевского болота по врагъ, да по Ондронову землю прямо по враг до городища. А на отводѣ были: Василеи Ондрѣевъ, Романъ Ворбозомьскои, Чюпреянъ, Семенъ Онтоновъ, Іванъ поповъ сынъ Ѳроловъ. А серебро платилъ отъ старца отъ игумена от Кірила Ѳегностъ чернець. А грамоту писалъ дьякъ Осташь поповъ зять Павловъ.

63.

Се язъ, Кирило игуменъ, доложа тиуна Іванова Борисовича Еѳіма, купилъ есми в домъ Пречистои Богородици, у Клементія у Жерепцова деревню Харламовскую, да Міхѣиновскую и далъ есми на неи два рубля наугородского серебра да по[по]лнка овцю. А отвод землі кудѣ Клементьев топоръ ходилъ, да и соха илі коса. А серебро платилъ от Кирила отъ старца Ѳегность чернецъ. А на то послуси, и на отводѣ были: Микита Ондрѣевъ, да Чешко поповъ сынъ Павловъ, Оверкеи Мошьнинъ, да Іванъ поповъ сынъ Ѳроловъ, да Воронъ. А грамоту писалъ діякъ Осташ зять поповъ Павловъ.

1428—1434 гг.

64.

Доложа Григорья Івановича. Се яз игумен Христоѳор купил есми у Микиты у Ондрѣева пожню на Выксѣ, а завод пожнѣ по Волочек, да по Выксу по рѣку; а вниз по Выксѣ по бродок, да по Оверкееву межу к Шохснѣ; а дал есми на неи полтретя рубля. А пополнка овцу да гуменце к тои же пожни по старую межу. А на то послуси: Василеи Ѳеодорович, да Серко, да Калита. А грамоту писал дьяк Остаѳеи.

65.

Доложа Григорьева тиуна Івановича Головы, се яз Христофоръ игумен купил есми пустош Кочевиньскую у Павла у Ѳилипова сына. Далъ есми на ней полтину да дест бѣл. А купил есмі Пречистои в дом. На то послуси: Епіѳанеи чернец, да Ивашко Головко, да Семен Ильинъ. А докладницу пісалъ Окиш Негодяевъ сынъ. А запечатали есмя Хрестьцомъ.

66.

Долож Григорья Івановича, се язъ, Христоѳоръ игуменъ, купилъ есми в домъ Пречистои Богородици, у Микиты у Ондрѣева сына, у Коръмилицина, землю Григорьевскую и что к тои земли потягло, да пустошь Аристовскую. А далъ есми на неи пять рублевъ новгородскихъ, да лошак пополнки. А купилъ есми землю безъ сѣмянъ. А отводъ тѣмъ землямъ от Васильевы земли по болото; а от Костянтиновы земли от огорода по путище по старое, да по съсновое пенье, да по осѣчищо по старое, к озерку. А пустоши Аристовскии от воды по старую межу, куды ходилъ топоръ и соха и коса. А на то послуси: Ѳролъ Остаѳевъ, да Окулъ Языковъ, да Івашко Съсунъ. А грамоту писалъ Семенъ.

67.

Доложа Григорьева тиуна Івановича Якова Щолкова, се яз, Христоѳоръ игумен, купил есмі у Панкрата, у Евсѣвьева сына земліцу над озеркомъ Негодяевскую, в дом Пречистои Богородици в Кириловъ монастырь. А дал есми на неи рубль ноугородскои, а пополнка жеребя. А отвод тои земли по межѣ, по Мітитюнинѣ, да по озеро, и куды топоръ, и соха, и коса ходила. А на то послуси: Ивашько Головко, да Окишь Негодяевъ сынъ, да Добрыня Ѳилимоновъ братъ, да Ѳомка Сергѣевъ.

1435—1447 гг.

68.

Се яз, игумен Трифон, доложа Григорьева Івановича тиуна Головы. Купилъ есми Пречистои Богоматери в дом у Пан-

крата у Кабачина сына пожню. А дал есми на неи полтину. А на то послуси: старець Варсоноѳеи, да Ортемче Ѳілатов, да Серко, да Сосунъ, да Івашко староста, да Михал кузнецъ. А грамоту писалъ Семен попов сынъ Окуловъ.

69.

Се яз игумен Триѳон. Доложа тиуна Григорьева Івановича Головы. Купил есми Пречистои Богоматере в домъ у Тери у Каплина наволок Неволин от Волочка межа а болѣ того межи нѣт. А дал есми на немъ три рубли. А на то послуси: старецъ Варсоноѳеи, да Ортем Ѳефилатов, да Сосун, да Серко, да Івашко староста, да Михал кузнецъ. А грамоту писал Семенъ попов сынъ Окулов.

70.

Се яз игумен Триѳон. Доложа Григоріа Івановича тиуна его Головы, купил есми Пречистои Богоматери в дом пожню у Окула у Языкова, на Устьмарева. А дал есмі на неи рубль. А на то послуси: старец Ворсоноѳеи, да Ортем Ѳефилатов, да Серко, да Сосун, да Івашко староста, да Міхал кузнець. А грамоту писал Семен попов сынъ Окулов.

71.

Се яз Игнатеи Матѳеев, въйгуменово мѣсто Триѳоново, купил есми у игумена у Мартемьана пожни Уломьскые, что потянули к Вазереницам. А дал есми на них четыре рубли наугородскіе. А болѣ того игумену Мартемяну въ Уломскіе пожни ни подкупатис, ни подпрашиватис. А запечатали есмя печатью Архимандричьею Спаскою Питиримовою. А грамоту писал Герман чернец.

72.

Се яз игумен Трифон, Кирилова монастыря, купил есми в дом святыа Богородица у Дмитреа у Васильевича Наволок его противу Святого Николы за Шохсною межи Николского лугу и игуменова монастырского. А дал есми на нем шесто

рублев, а купил есми дому святыа Богородица впрок, без выкупа. А на то послуси: Александръ Ѳеодорович, да Игнатеи старец, да Сергѣи старец казначѣи, да Михал кузнец, да Васил Попович. А грамоту писал нищои Илья. А печать у грамоты Дмитреа Васильевича.

73.

Доложа тиуна Григорьева Ивановича Юрья Головы. Се яз игумен Триѳон, Кирилова монастыря, купил есми у Манака у Митяева пожню на Мѣчюромѣ в дом Пречистои Богородици; а дал есми на неи полтину. А на то послуси: Варсоноѳеи старец, да Ивашко Кабачин староста, да Окул Языковъ, да Ѳедко Локтев. А докладную писал чернец Иринархъ.

74.

Се язъ, игуменъ Триѳонъ, Кирилова монастыря, купилъ есми Пречистои Богоматери въ домъ, долож княж Давыдова Семеновича тиуна его Ѳедюка, у монаха у Окулова сына Кореневскую пустошь. А далъ есми на неи два рубля новогородскіе. А отводъ той пустоші от Кузьминскіе пустоші по Меленку по рѣчку до бродку, а к Журятину по старои огородъ, Пружининскому по сосну да по врагъ. А пожня къ тои деревнѣ въ княж Новолокцѣ, на Усть Лелеѣвскіе рѣчки. Въ Наволокъ межа по иву, кое пожни. А на то послуси: Сава Поповъ, да Теря староста. Михалъ кузнец, Васко поповъ Григорьевъ. А грамоту писалъ Семенъ поповъ Окуловъ.

1448—1469 гг.

75.

Се яз игумен Касянъ, Кириллова монастыря купилъ есмь у Юрьа у Пікина на Колкачи пол деревни Ваноковскіе Телібашова съ всѣм с тѣм што к тои полудеревнѣ потягло, куды топоръ ходил, куды соха ходила, куды коса ходила. Дал есмі на неи пять рублев наугородскую, да пополнка дал есми корову. А на то послуси: старецъ Еѳимеи Перхушковъ, да Ти-

моѳеи келарь, да Насонъ Захарьинъ, да Васько попов сынъ Клементьев. А грамоту писал Михаил Валфромѣев. А печат Юрьева.

1485 г.

76.

Се яз Семен, да Ѳеодоръ, старци Кирилова монастыря купили есмя у Ѳеодора у Івановича у Судакова пожни в Качинѣ наволокѣ в дом Пречистои в Кирилов монастырь (з)акосы Івана Вьюка, да Пантусов, да Митяевскои. А дали есмя на них пять рублев ходячихъ. А на то послуси: Андрѣи Костянтинович Кирымсноскои (sic), да Гридя Микитин сынъ, да Ондрѣико Ѳеодоровъ монастырскои слуга, да Степан Косоі Іванов сын монастырскои слуга. А грамоту писал яз Ѳеодоръ купчюю своею рукою. А запечатал есми печатью своею.

1557 г.

77.

Список с купчей. Се яз князь Семенъ Івановичь Кѣмской-Нощокинъ, продал есми вотчину свою в Бѣлозерскомъ уѣзде в Заозерском стану, в сѣле, Пречистые Кирила Чюдотворца в дом, игумену Матфѣю з братіею, или кто по нем иные игумены будут, село Покровское з деревнями, а деревень къ селу: деревню Дряблево, деревню Калитино, деревню Дружковское, деревню Ярское, деревню Моздомское на Березникѣ, деревню Головинское, деревню Андрѣиково, деревню Кириловское, деревню Павлово, деревню Малафѣево, деревню Киргелино, починок Каргач, починок Чюржа, да в Норіе деревню Микулинское, деревню Болотовское, деревню Якунино, деревню Логиновское, деревню Кононовское, деревню Даншинское, деревню Яковлевское, деревню Мерчинъское, деревню Ефимовское, деревню Хитовское, деревню Конинское, деревню Волково, деревню Чюнинское, деревню Головинское, деревню Якунинское, деревню Берсеневское, деревню Мининское, починок

Красноселской на Илоз ручье, пустошь Дряхловское, пустошь Лукинское, деревню Івонинское, деревню Емшинское, деревню Ширяевское, да в порѣчье: деревню Діяковское, деревню Шаблыкинское, деревню Кузнецовское, деревню Горлищевское, деревню Івшинское, деревню Евтушево, деревню Орининское, деревню Переслѣтино, деревню Мишинское, деревню Прислон, починок Якшын, да у Кюрга озера деревню Оленінно, деревню Чянниково, деревню Опанинское, деревню Івшинское, деревню Сидоровское, деревню Тимкинское, починок Никонов, да на Индономе, деревню Раменевьское, деревню Шуйтовское, деревню Семеновское, деревню Нестеровское, деревню Карповское, да у Максомозера, деревню Максимоозеро, деревню Федоровское, деревню Спиринское, да на понизовье деревню Кукшубуя, деревню Онтроповское, да у Бабута озера деревню Өилинское, деревню Коршаковское, деревню Сидоровское, деревню Лошаковское, деревню Ортемовское, починок Кондратов, починок Өедьков, починок Өедотцов, починок Данилов, да в Каргаче починок Гридни Скакунов, да на снѣжной горѣ починок Ондрѣйково, починок Оѳоносовской, починок Кондратов, починок Максимов, да в Порѣчие починок Баранья гора, да сельцо Тетляково, деревню Самсоново, да у Ябоозера деревню Прокинское, деревню Соѳроновское, деревню Филиповское, деревню Тимошкино, деревню Өедорково, деревню Ондрѣевское, деревню Клементиево, деревню Меньшее, Өедоровское, деревню Фоминское, деревню Гришютиньское, деревню Савинское, деревню Невлевское, деревню Манковъское, деревню Курчь, деревню Івъшино, деревню Нестеровское, деревню другое Нестеровское, деревню Кириловское, деревню Игнатовское, деревню Мелгуево, деревню Кузьминское, деревню Макаровское, деревню Котву, с лѣсы и с луги, и с пожнями, и с рыбными ловищы и со всѣми оугодіи, куды тѣх земель плугъ, и соха, и коса, и топоръ ходили, и что к тѣм землям всяких угодеи изстари потягло, по отца нашего духовной, и по моей купчеи, и по дѣловым по нашим, и по меновным по нашем. А взял есми у игумена у Матоѣя з братіею за тое вотчину триста рублев денег, пополнка волъ бур, а продал есми тоѣ свою вотчину Пречистые Кирилу Чюдотворцу в дом, игумену Матоѣю з братиею, в прок, без выкупа, или кто по нем будут

иные игумены; а на то послуси: брат мой князь Александръ Ивановичь Кѣмской-Нащокин, да Ѳедоръ Семеновичь Черемисиновъ, да Царя і Великаго князя діяк Константинъ Мясоѣдъ Семенов сынъ, да князь Іван княж Васильевъ сынъ Андожскаго большой, да князь Іван княж Петров сынъ Ухтомского, да Яковъ Юрьевъ сынъ Монастырева, а купчую писал Неустрой Терентіевъ сынъ Скудина лѣта 7065, а на зади купчия по сей купчей яз князь Семенъ отчину свою продал и руку приложил.—Послух княз Александръ всей купчей руку приложил; послух Мясоѣдъ руку приложил; послух Ѳедорец руку приложил; послух князь Іван руку приложил; послух Яков руку приложил.

78.

Список с купчие. Се яз княз Данило, княж Данилов сынъ Ухтомъского с своими дѣтми, со княземъ Дмитріем, да со княземъ Данилом, да со княземъ Іваном, продали есмя в домъ Пречистые и Кирила Чюдотворца игумену Матѳѣю з братіею, или хто по нем иные игумены будут, свою вотчину в Романовском уѣзде, в Пошехонье, на Ухтомѣ, село Карповское з деревнями. А в селе церковь Василей Касарѣйскій; да к тому ж селу деревни: деревня Еѳимовское, починок Илаин, деревня Перхино, деревня Трегубово, деревня Васіяново, деревня Ноорринское, деревня Етригино, деревня Івандино, деревня Свастіаново, деревня Сенино, деревня Бѣлое, починок Купенин, починокъ Теренинъ, деревня Зеленое, деревня Горилицы, деревня Кузнецово, деревня Васьяново, с лѣсы, и с лугы, и со всѣми угодіи, что к тому селу и к деревням истари потягло, куды ис того селца и из деревен и ис починков плуг, топор, коса, соха ходила. А взяли есмя на гом селе и на деревняхъ у игумена у Матѳѣя з братіею полчетверта ста рублев, да по пополнка волъ. А продали есмя ту свою вотчину, село Карповское з деревнями и со всѣми угодіи игумену Матѳею з братіею, или по нем иные игумены будутъ, в прок, без выкупа. А та у нас вотчина село Карповское з деревнями и со всѣми угодіи у иного не заложена ни у кого, ни в записех в меновных, ни выных крѣпостех ни в каких иному не про-

дана никому. А гдѣ явитца на ту нашу вотчину, на село на Карповское з деревнями и на все угодія кабала, или запись меновная, или какая крѣпость ни буди, и мнѣ, князю Данилу и моим дѣтем та своя вотчина, село Карповское з деревнями і всѣ угодія очищати, а к игумену Матѳею з братіею, или по нем иные игумены будут, убытка не довести никакова. А тѣ убытки платити мнѣ, князю Данилу, и моим дѣтем, без переводно. А на то послуси: князь Александръ, да князь Семен княж Івановы дѣти Кѣмскаго-Нащекина, да Констянтинъ Мясоѣдъ Семенов сынъ Вислого, да князь Іванъ княж Васильев сынъ Андожской большей, да князь Іван княж Петровъ сынъ Ухтомсково, да князь Володимерь княж Петровъ сынъ Ухтомского, в грамотѣ умѣетъ, а писати не умѣет. А купчюю писал Данилко Микитин сын Мясного, лѣта 7065-го.

А назади купчеи пишет: яз, княз Данило и своими дѣтми вотчину свою продали и руку приложил і в дѣтей своихъ мѣсто в Дмитриево, і в Данилово, і в Иваново, к сеи купчеи князь Александръ послух руку приложил. К сеи купчеи княз Семен послух руку приложилъ. Послух князь Іван руку приложил. Послух Мясоѣдъ руку приложил. Послух князь Іван к сей купчей руку приложил.

6. Межевыя.

1475—1485 гг.

79.

По княж слову, Міхаила Андрѣевича, се яз, Кирилова монастыря келарь Ѳеодоръ, да Волостель Ѳедосьина городка Іванъ Дмітреевъ, что нам били челомъ христіане княжи Шьрірці, изъ Поповичевы деревни, а монастырьские христіане из Мохиревы деревни, о спорнои земли о княжои, о Ширьярьскои, а о монастырьскои земли, о Мохиревѣ, и яз Ѳеодоръ келаръ, да яз Іванъ, съехався на княжу землю на Ширьярьскую, да на монастырьскую землю на Мохиреву и розъехали есмя княжу землю с монастырьскою землею с Мохиревою по

долинку да по івину, да прямо к озеру. А по другую сторону к полю к монастырьскому к Мохиреву. А на другую сторону къ озеру, а болѣ того княжим людем Ширьярцом не лѣсти за долинку да за ивину на монастырьскую землю на Мохиреву в мыс. Тако же и монастырьским людем изъ Мохиревы деревні не лѣсті за низцу за івину на княжую сторону к рѣкѣ, к Ширьярьскои деревні. А с келаремъ были: старець Власеи, да Юрька Захаровъ, да Онтонъ плотникъ. А с Иваном были Монакъ, да Микула Пѣстовъ, да староста Игнатъ Добриловъ.

80.

По благословенію игумена Ниѳонта, Кирилова монастыря, приежжал чернець Арсеней Кирилова монастыря къ Феодору Івановичу к Судокову на Шуклинскую землю да на Митяевскую, на отводъ, и обыскали по старинѣ которая земли и х которои потягло. И отвод себѣ доискали тѣмъ землямъ от озера по сѣчник по старои осѣк, отъ осѣка на ель, от ели на березу, да на суховерхую сосну, да на садовую сосну, по краи Нерхуровскые деревни, да на болото прямо. А на отводѣ были: монастырьскые люди: Стенко Юковъ, да Бекютъ Останинъ, да Борисъ Кобелевъ, да Васко Гридинъ. А грамоту писал дьякъ Рудель Кирилова монастыря.

7. Мѣновныя.

1397—1427 гг.

81.

Се яз, игумен Кирило, мѣнял есми съ попомъ Окуломъ пожнею церковною; а взял есми у него пожню противу городка, за озерком. А завод пожни краи Ситника до куста, а от куста прямо к пожнѣ к старцевѣ на мысъ. А на то послуси: попъ Павелъ, Григоръ Чюпа скорнечишко, Івашъ поповъ Ѳроловъ, Іванъ Иевль. А грамоту писал попъ Ѳролъ.

1428—1434 гг.

82.

Долож Григорья Івановича, се язъ Микита Ондрѣевъ, вы-менілъ есми у Хрістоѳора у игумена землю Прілук. а далъ есмі в тое мѣсто землю Троѳімовскую. А заводъ тои землѣ от Панѳіловскіе по болото, да по старое Осѣчищо, да по Укиръ озерко. А от Укіра по Ермокову межу, по врагъ, да по Сандыреву межу, да по Сидоровскую пустошь, по врагъ, да по Сорочиновское болото, по врагъ. Да к тому пустошь Алмазовскую, да пожня Прокинскаа по осѣчіщо по старое. А Прілуцкие земли завод. А на то послуси: Василеи Ѳеодоровичъ, да Серко, да Калита. А грамоту писалъ дьякъ Осташь.

1448—1469 гг.

83.

Се яз, игумен Троецкои Михаило. Поговоря с своею братьею съ Еѳімьем, да съ дьякономъ с Исаею, съ Еѳросиномъ, с Петромъ и съ всею братьею, с старьцемъ с Игнатьемъ в Игуменово мѣсто въ Касьяново Кирилова монастыря. И се братьи мѣнялис есмя наволоки Юрьевским наволоком на Шохсни, что противу пожни, на Темушинскои наволо(къ), да на Олинскую пожню, что на Устьбородавы. И игумну Михаилу досталос Темушинскои наволок, да Олинская пожня, а игумену Касьяну достался Юрьевъскои наволокъ. А на то послуси: Поп Микіта, да Пасбя Ѳерапонтова монастыря, да Макареи Третьяк, да Микиѳоръ староста. А грамоту пісал чернець Борисоглѣбскои, а запечатали есмя печатью Игнатья старца Матѳеева.

1471—1475 гг.

84.

Се яз, игумен Игнатеи, Кирилова монастыря, поговоря з братьею, съ игуменомъ с старым с Касьяномъ, да с старь-

цомъ с Ѳегностомъ с старымъ, да с казначѣемъ с Симаномъ, да с келаремъ с Ѳедоромъ, да с старцомъ с Ниломъ, да и с прочею братьею, выменил есми у Василья у Ѳедоровича у Монастырева наволок Николскои противу Красные рѣчки. А отвод тому наволоку по старую Іванову межу. А промѣнили есмя ему Сущовскую пожню противъ Івачевского озерка. А придали есмя ему четыре рубли московскіе. А на то послуси: Ѳеодоръ Олександровичь, Ондрѣи Костянтиновичъ, да Лука Панкратовъ. А грамоту писалъ чернець Арсеніи Микитинъ.

1476—1482 гг.

85.

Доложа государя своего князя Михаила Андрѣевича, се язъ, игумен Ниѳонтъ, Кирилова монастыря, поговоря з братьею своею, старци, менялись есмя землями с Иваномъ с Ѳеодоровым сыномъ Костянтиновича і въ отца его мѣсто Ѳеодора Костянтиновича. Променили есмя землю монастырьскую на Углѣ село Новоселкы Щекинское и съ всѣм с тѣм, что к тому селу из старины потягло, и с лѣсы и с пожнями и с путики и с первѣсьищі и куды топоръ и соха и коса ходила, А отвод тои земли Щокинскои съ всѣ сторонъ Угла рѣка. А от Мичковскои деревни, от тои княжіе отъ рѣкы до рѣкы, да от Углы ж помежи огород. А выменили есмя у Івана Ѳеодорова сына Костянтиновича і въ отца его мѣсто Ѳеодорово, вътчину ихъ, деревню Олексѣевьскую, да деревню Мартемьановскую и съ всѣм с тѣм, что к темъ деревням ис старины потягло, куды топоръ, и соха, и коса ходила, и с путики и с перевѣсьищи. А отводъ тѣмъ деревнямъ отъ бродку, да отъ Меленки, по рѣчкѣ вверхъ к Оѳросиньину озерку. А озерко въпче у нас. Да от Оѳросиньина черезъ болото прямо к Шишкину (врагу да по Шишкіну) врагу вверхъ въ стрѣлу прямо к поповскому полю, да отъ поповскаго поля отъ колодѣзя по Подолу межа. Да через болотцо по ост(р)овку прямо межа, да с того островка к болоту к Микитину, да перешед Микитино болото, да по огород Микитин, да отъ Микитина огорода прямо къ рѣкѣ. Да взяли есмя пожни к тѣм землям

и к тѣм деревнямъ: половину Кузгорина наволока, вътчину, да Костинскую поженку на рецѣ на Шохснѣ отъ Олексѣевскои пожни от монастырскіе до Ѳеодорова лугу до болшого, по врагъ, да три поженки Чяромскые по Шохснѣ же, да по рѣчку Чяромку, по огород, по ролю, да по Воняву по рѣчку, вътчину ж ихъ. То и отвод тѣм пожням. А на менѣ были, и на отводѣ мужи: Ондрѣи Семеновъ, да Омрос Ивановъ сынъ Михаилова, да Гридя поповъ сынъ Прокопьевъ, да Микула Тѣстов, Семеновъ сынъ, да Манакъ Окуловъ, да Семенъ Пѣстъ, слуга монаст(ыр)ьскои, да Максим Михаилов сынъ кузнецовъ, да Юрка Захаровъ сынъ. А грамоту писал дьяк Рудель Кирилова монастыря.

II. ОФФИЦІАЛЬНЫЕ АКТЫ.

1. Жалованныя грамоты.

1397—1427 гг.

86.

Се яз, Княз Андрѣи Дмітреевич, дал есмі монастырю Святые Богородици и игумену Кирілу пустошь Глѣбцеву. А кого игумен посадит своих людеи на тои пустоші, и тѣм людем не надобѣ моя дан, ні бѣлка ни рѣзанка, ни котораа пошлина. А тѣ люди потянуть къ игуменову селу к Великому и судомъ, и всѣми дѣлы. А тѣх людеи судит тои игумен Кирило или кому прикажеть въ свое мѣсто.

87.

Се яз, Князь Андрѣи Дімитреевич, дал есми Святой Богородици село свое Великое на Волочку, и что в нем серебро илі что х тому селу потягло, со всѣмі пошлинами. А в то село волостели мои не въсылают ни почто. А кого игумен Кирило посадить своих людеи в то село, а тѣмъ людемъ не-

надобѣ моя дань, ни бѣлка, ни иная нікоторая пошліна. А тѣх людеи вѣдает и судить игумен Кирило. А хто волостный человѣкъ в чемъ утяжетъ игуменова человѣка, ино на игумновых людех волостелю вины не имат, а игумновъ человѣкъ в чемъ утяжетъ волостного человѣка, ино игумену на тѣх людех вины не имат. А которого суда игумен не въсхочеть судити, игумен тѣх людеи пошлет ко мнѣ, ино яз сужу. А на которую грамоту грамоту дам, а на сю грамоту грамоты не дамъ.

88.

Се язъ, князь Андрѣи Димітреевичъ, пожаловалъ есмі игумена Кирила, что купилъ у Ѳерапонтья пустошь Городищо, да Мигачовскои починокъ, и кого на ту пустошь игуменъ посадить людеи, или кто иметь жить в почінкѣ, и тѣмъ людемъ не надобѣ моа дань, ни иная никоторая пошлина. А волостели мои городцкіи к тѣмъ людемъ не въсылаютъ ни почто, ни судятъ. А тѣ люди вѣдаетъ и судитъ игуменъ Кирило самъ.

89.

Се язъ, Князь Андрѣи Димитреевичъ, купилъ есмі у Ондрѣа наволокъ Скотинъ, и язъ, князь Ондрѣи Дімітреевичъ, далъ тотъ наволокъ Святѣи Богородици, и отцу своему игумену Кірилу.

1451 г.

90.

Пречистыа ради Святыа Богородица, и своего ради спасеніа, се яз князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми своего отца игумена Касьана Кирилова монастыря з братьею, или кто по нем иныи игумен будет в Кириловѣ монастырѣ, что которые обиды ихъ людем будуть монастырьскимъ отъ моихъ людеи какою обидою, татьбою или поклѣпомъ, наводомъ или которыми иными дѣлы, и яз был о тѣхъ дѣлех срок учинил им і всѣм своим Белозерьцом один в год на зборъ. И яз тотъ срок зборъ отложил имъ, а пишуть и на-

метывают срокы на тѣхъ людеи Бѣлозерцев о тѣх дѣлех обидныхъ на всю мою Белозерскую вотчину игумен Касьян и его братья или кто по немъ иным игумен будеть, на которыи день игуменъ въсхочет. А тѣм въ срокы въ срок о тѣх дѣлех обидных о всѣх. А на которые грамоты свою грамоту дам, а на сю грамоту иные моеа грамоты нѣтъ. А дано в Верее в лѣто 6964 ноября въ 19 день.

1428—1432 гг.

91 [1]).

Святыя дѣля Богородици се яз, князь Андрѣи Дімитреевич, пожаловал есми Кирилова монастыря игумена Христофора с братьею, или кто по немъ инои игуменъ будет: что дал ему в дом Святои Богородици Панкрат Ѣвсѣвовъ сынъ земли деревнишко Осницьскую, да пустош Ратмарову, да другую пустош Матюринскую, да к тои же землѣ на рецѣ на Порозобицѣ наволокъ на възвозе съ Ельцынымъ в межах, да наволокъ Еръборотскои на рецѣ на Порозобицѣ, да што дал Окишь Негодяев по отцѣ по своем Паньковскую землю в дом Святои Богородицѣ, и кого къ себѣ на ту землю игуменъ перезовет людеи изъ ных княженеи, а не из нашеи вотчины, и тѣхъ людеи мои волостели Волотьскии и их тіуни не судять их ни в чемъ, опроч душегубства, и розбоя, и татбы с поличным, ни корму у нихъ не емлют, ни доводщикі к ним их не въежжают ни почто, ні поборов не берут, а вѣдаеть их и судит игуменъ по моеи грамотѣ, по старои, по жаловалнои. А смѣшаеться суд смѣстнои, и волостели мои володскии судят, а игумен с нимі судит тѣх людеи, или кому прикажет. А прибыткомъ ся дѣлят. А через сию грамоту хто на нихъ что возмет или чим изобидит, быти отъ меня въ казни.

92.

Се яз, князь Ондрѣи Дімитреевичь, пожаловал есми монастыря Пречистыа Богоматере, старцева Кирилова, игумена Хрістоѳора, или хто по нем иныи игумен будет: что роздѣль

[1]) См. № 13, стр. 344.

монастырьская старцева Кирилова въ верхъ Долгово озера пустошь Шортина и с лѣсомъ, по Бибишкинъ озерок, да по Палшему по рѣчку, да по Святои дор, по враг, по ручай, к Святому озеру, ино то к монастырю съ всѣм тѣмъ, и кого игумен на ту пустошь призовет людеи не из нашеа вотчины, великого княженіа, или кого окупив посадит, ино тѣм людем ненадобѣ моя дань, ни бѣлка, ні инаа никотораа пошлина. А намѣстніцы мои Городцкіе и ихъ тіуни к тѣмъ людемъ не всылают ни по что, ни судять их. А судит тѣ люди игумен самъ, илі въ свое мѣсто кому прикажетъ.

1435—1447 гг.

93.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есмі ігумена Триѳона Кирилова монастыря з братьею и хто по нем іныи ігумен и братья в Кириловѣ монастырѣ будут, дал есмі в дом Пречистои Богоматери и Кирилу Чюдотворцу по Шекснѣ поженку Сосновку, да в Шекснѣ тоню Сосновскую, да межніки еи с Игоріевскимъ монастырі четверть тоні; и моим рыбники на тѣ тони езу нету и не вступаютса никоторымі дѣлы, а вѣдать тѣмі тоница впредь игумену Триѳону з братьею. Позади пріпись: князь Міхаил Андрѣевич.

94.

Святыа дѣля Богородица и Честнаго Ея Успенія. Се яз, князь Михаило Андрѣевич, пожаловал есми игумена Триѳона, Кирилова монастыря з братьею, или кто по нем иныи игумен будет в том монастырѣ: что слободка іх Рукинская, и яз не велѣл ездит никому с Волочка ни съ Ситки сквозѣ ихъ слободку Рукиньскую, ни пути быти санному, ни стопнику, но приѣздят к нимъ и отѣздят пошлою дорогою, рѣчкою Ташлеміцею. А через сю мою грамоту кто к ним поѣдет с Волочка, ни съ Ситки, яз велѣлъ старцу Кирилова монастыря, приказщику, того поимати, да выдати волостелю Волоцкому и онъ на нем возмет в мою казну два рубля заповѣди. А что

ся будеть починилъ людем монастырским убытки, и онъ доправит на том же. А кому хотя грамоту дамъ на грамоту, а на сю мою грамату иные моеи грамоты нѣтъ.

95.

Се яз, князь Михаило Андрѣевич, пожаловалъ есми игумена Триѳона, Кирилова монастыря, з братьею, или кто по немъ будетъ иныи игуменъ, что в моей отчинѣ на Бѣлѣ озерѣ по Выксѣ по рецѣ лѣсы по болото отъ Іванчевскаго, и кого к себѣ игуменъ на тѣ лѣсы перезоветъ людеи изъ иныхъ княженіи, а не из моея отчины, или кого окупивъ посадитъ, и тѣмъ людемъ пришлымъ ненадобѣ моя дань, ні писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни иная нѣкоторая пошлина. А намѣстниці мои Белозерьскые и Городецкіе и ихъ тиуны к тѣмъ людямъ не въсылаютъ нипочто, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ні судятъ ихъ ни вчемъ. А судитъ свои люди игуменъ самъ, или кому прикажетъ; а смѣшается судъ моимъ людемъ волостнымъ сьегумновыми людмі, и намѣстници мои судятъ, а игуменъ с ними. А прав лі виноватъ лі игумновъ в винѣ игумену, а волостной человѣкъ в винѣ волостелю. А праведщики мои и доводщики къ тѣмъ людемъ не въѣжжаютъ нипочто, ни поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ. А кому будетъ каково дѣло до игумена, ино его сужу язъ самъ князь Міхаило Андрѣевичъ. А черезъ сию мою грамоту хто ихъ чѣмъ изобидить, или кто что на нихъ възметъ, быті от меня в казни.

96.

Се язь, князь Михаило Андрѣевичъ, далъ есми монастырю в домъ Пречистые Богородици и игумену Триѳону, или кто по немъ будетъ инои игуменъ, пустошку Илинскую, и кого к себѣ игуменъ Триѳонъ перезоветъ людеи изыные отчины, а не изъ моеи отчины, изъ великого княжения на пустошь, или кого людеи посадитъ, и тѣмъ людемъ не надобѣ моя данъ, ни иная которая пошлина. А намѣстници мои Городецкіе, и ихъ тиуни, тѣхъ людеи не судять ни всылаютъ

к нимъ нипочто, опрочь душегубьства. А вѣдаетъ и судитъ тѣ люди игуменъ самъ, или кому прикажетъ судити въ свое мѣсто; а смѣшается судъ смѣснои с волостными людми и намѣстникъ мои судитъ, а игуменъ с ними, или кому игуменъ прикажетъ въ свое мѣсто; и правъ ли, виноват ли ино игумновъ игумену, а волостнои волостелю, опричь истцовы вины. А далъ есми ту пустошь съ всѣмъ с тѣмъ, куды коса ходила, куды топоръ ходилъ. А на которую грамоту дамъ грамоту, а на сию мою грамоту грамоты ины нѣтъ.

97 [1]).

Се яз, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловалъ есмі монастыря Пречистые Богоматери, старцева Кирилова игумена Христоѳора, или кто инои игуменъ по немъ будеть. Что роздѣль монастырская старцева Кирилова вверхъ Долгова озера пустошь Шортина, и с лѣсомъ по Бибишкино озерько, да по Польшьму по рѣчку, да по Святои доръ по врагъ, по ручеи, къ Святому озеру, ино то к монастырю съ всѣмъ тѣмъ. И кого игуменъ на ту пустошь призоветъ людеи, не изъ нашея вътчіины, великого княжения, или кого окупивъ посадить, ино тѣмъ людемъ не надобѣ моя данъ, ни бѣлка, ни иная которая пошлина. А намѣстниці мои Городские, и ихъ тиуни к тѣмъ людемъ не въсылаютъ ни почто, ни судятъ ихъ. А судить тѣ люди игуменъ самъ, или кому въ свое мѣсто прикажеть.

98 [2]).

Се яз, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловал есми монастыря Пречистои Божіеи Матери Кирилова монастыря игумена Логина з братьею, или по немъ иныи игумен будеть, что ихъ езъ Островскои и пустошь Чюравских Колышино, да Иванцевьская, что им дал Олександръ Каръповичь Пречистои Богоматери по своеи души, да что им придал тот-же

---

[1]) Повтореніе новымъ княземъ грамоты № 92.

[2]) См. № 14.

Олександръ Карповичь к тому же езу Островскому оба берега по конець езу лѣсъ, и кого к собѣ игумен призовет людеи жити на тѣ пустоші на Чюровскіе и къ езу на лѣс изыных княженеи, а не из нашея отчины великого княженіа, или кого окупив посадит, и тѣм людем пришлым и окупленымъ и старожилцомъ ненадобѣ моя дань, ні иная никоторая пошлина, ни иные нікоторые мои дѣла. А волостели мои Уголскые и их тиуни у нихъ кормовъ своих не емлють, ни въсылаютъ к нимъ ни почто и не судит ихъ ни в чемъ. А судить ихъ и вѣдаеть игумен своих людеи самъ в розбои и в татбѣ с поличным, опрочь одного душегубства. А праведщикі и доводщики поборов своих у нихъ не берут, ни въежжаютъ к нимъ нипочто. А смѣшаеться суд моим людем волостным сыгумновыми людми и мои волостели Уголскые или их тиуні судятъ, а игумен с нимі судит или его приказникъ. А прав ли, виноват ли игумнов игумену, опрочь истьцевы вины. А которого дѣла игумен невъсхочеть судитіі или его приказник, и они то дѣло дадуть на поруку да срок учинять, а поставятъ передо мною княземъ Михаиломъ Андрѣевичемъ.

99 [1]).

Се яз, князь Іванъ Андрѣевич, пожаловал есми монастыря Пречистои Божьеи Матери Кирилова монастыря игумена Трифона или кто по немъ будеть иной игуменъ, что их езъ Островскои и пустоші Чюровскіе: Колышкино, Іванцевьскаа, Перьшинскаа, что дал Олександръ Карповичь Пречистои Богоматери по своеи душе да дал есмі к тому езу оба берега по конец езу лѣс. И кого к собѣ перезовет игумен людеи на тѣ пустоші на Чюровьскые и къ езу на лѣс изыного княженіа, не из нашея отчины из великого княженіа, кто сядет на тѣх пустошех и тѣм людем не надобѣ моа дань на дватцать лѣтъ. А кто сядеть на лѣсе и тѣмъ людем ненадобѣ моя дань на тритцать лѣтъ, ні инаа никоторая пошліна, или кого окупивъ посадит. И мои волостели и их тиуни не всылаютъ ни по что ни судятъ (опрочь душегубства), а судит

[1]) Подтвержденіе № 98.

их свои люди игумен самъ приплые или кому прикажеть игумен въ свое мѣсто. А приключиться суд игумновым людем с волостными людмі и они судятъ сыгумом въпче. А правли, виноватли игумновъ игумену, опричь истьцевы вины. А дана грамота в лѣто 6943-е.

100 [1]).

Святыа дѣля Богородици Кирилова монастыря се яз, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловал есми игумена Трифона з братьею, илі хто по нем ины игумен будеть, что дали Захарьины дѣти по своемъ отцѣ деревню Пружиновскую, да Кореневскую пустошь, ихъ купля, и кого перезовут людеи на тѣ земли изъ иного княженіа, а не изъ нашеа вотчины, великого княженіа, или кого окупив посадят, и тѣм людем пришлым и окупленым ненадобѣ им моа дань, ні инаа никотораа пошлина. А судить тѣ люди игумен сам свои, или кому прикажеть, опричь одного душегубства. А смѣшается суд волостным людем или городскимъ сыгумновыми людми, и игумен судит, или кому прикажет, а намѣстник с ним. А прав ли, виноват ли игумнов человѣкъ, и он игумену, а намѣстник в него не вступается. А на которую грамоту дам грамоту, а на сію мою грамоту иные моеа грамоты нѣтъ.

101 [2]).

Пречистыа ради дѣля милости, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Трифона Кирилова монастыря, или хто по нем иныи игумен будетъ, придал есми ему к монастырю что была деревня Костина Бірилева в моеи вотчине Аристовская на Белѣ озерѣ у Ѳедосьина Городка. И кого к собѣ игумен Трифонъ призовет людеи в ту деревню изыные вотчины, а не изъ нашеа вотчины, великого княженіа, или кого окупив посадить, и тѣмъ людем пришлым и окупленымъ не надобѣ имъ моя дань, ні никотораа пошлина, ни ям и подводы, ни городное дѣло. А намѣстники мои Белозерьскые і волостели Белозерьскые и ихъ тиуны в ту деревню

[1]) См. № 35, стр. 352.
[2]) См. № 17, стр. 346.

к Трифону к игумену и къ его людѣм не всылаютъ ни по что, ни судят тѣх людеи пришлых и окупленых, ни коръмов своихъ не емлютъ, ни доводщики, ни праведщики у нихъ побору не берут. А судит и вѣдаетъ тѣ люди и пришлыхъ и окупленыхъ Трiфонъ игумен сам или кому прикажеть въ свое мѣсто, татбу с поличным и розбои, опрочь душегубства. А смѣшается суд игумновымъ людемъ з городцкiми людми или с волостными, и игуменов приказникъ съехався да судит. И будеть игумнов виноват ли, ино игумену. А будеть городцкои виноват или волостънои, ино к намѣстнику и к волостелем. А на которые грамоты дамъ свою грамоту, а на сю грамоту иные моеи грамоты нѣтъ.

102.

Святыа дѣля Богородици и Честнаго еа Успенiа, се яз, князь велики Василеи Васильевичъ, пожаловал есми игумена Трифона з братьею, Кирилова монастыря, или кто в том монастырѣ иныи игумен будетъ, коли пошлют своего черньца или бѣлца в суднѣ илi в лодье, а зимѣ на возѣх, на монастырь купити что, или продати что, ненадобѣ имъ съ их монастырьского товара въ всеи моеи вотчинѣ въ великомъ княженьи, гдѣ нi на котором городѣ или въ волостех ни мыт, ни костки, ни тамга, ни восминiчее, ни гостиное ни вѣсчее, ни побережное, ни семѣжное, ни явленое, ни зозоръное, ни иные никоторые пошлины, опрочь церковных пошлин. И намѣстници мои i волостелi, i их тивуни, того их черньца или бѣлца, кого коли пошлют и их людеи монастырьскых и наимiтов не судятъ ни в чем, опрочь душегубства, ни дворян своихъ на них не дают. А кому будет чего на них искати, ино их сужу яз, князь велики, сам; а онѣ зазвався да станутъ передо мною, перед великим княземъ. А через сiю мою грамоту хто что на нихъ възмет, или чѣм изобидитъ, быти от меня в казни. А кому хотя дам грамоту на грамотѣ, а на сiю грамоту иные грамоты моеи нѣтъ.

По отца своего грамотѣ великого князя, князь велики Iван пожаловал кириловскаго игумена Филоѳѣа з братьею по сеи грамотѣ, а подписал Ѳеодоръ дьяк. Князь великiи.

1448—1469 гг.

103 [1]).

Милостью божіею и пречистыа дѣля Богородица и своего ради спасенія, се яз, князь Михаило Андрѣевич, пожаловал есми игумена Касьана Кирилова монастыря з братьею, или хто инои по нем игумен будеть. Что имъ дал Есип Пикин двѣ деревни по своеи души в Мильбуди: Колкач деревенка, да Талица другаа деревенка. И что къ тѣм деревенкам потягло изъ старины, и кого к собѣ игумен Касьянъ з братьею в тѣ деревні перезовет людеи из иныхъ княженеи, а не из нашея вотчіины, изъ великого княженія и кого людеи окупив посадить, ино тѣмъ ихъ людем не надобѣ моя дань, ни писчаа бѣлка, ни данщикъ мои и ним не въежжает, ні пишеть их, ні ямъ ненадобѣ, ни подводы, ни городное дѣло, ни коня моего не кормят, ни сѣн моих не косят, ни иные никакіе мои дѣла и нікакие пошлины. А волостели мои Милобудскіе и ихъ тиуни тѣхъ людеи не судять и не въсылают к нимъ ни почто, ни кормов своих не емлють; а праведщикі и доводщики къ нимъ не въежжают, ни поборовъ у нихъ не берут, а вѣдаеть и судит тѣ свои люди игумен самъ, или кому их прикажет вѣдати. А смѣшается суд тѣмъ людем игумновымъ с волостными людмі, и игумен с волостелемъ съехався да судит, или ихъ приказники. А прав ли, виноват лі игумнов игумену, а волостнои и прав ли, виноват ли волостелю. А даетъ ми игумен в мою казну с тѣхъ деревенек оброкомъ з году на год на зборъ по 20 бѣл, в тот же оброк, что ми даеть съ всѣхъ своихъ деревен, по штисот бѣл. А через сю мою грамоту хто что на них возметь, или ихъ чѣмъ изобидит, быти от меня в казни.

104 [2]).

Милости ради Пречистыа Богородица, се яз, княз Михаило Андрѣевич, пожаловал есми игумена Касьяна, Кирилова монастыря, з братьею, или хто по нем будетъ иныи игумен в Кирилове монастырѣ: что их деревні в Милобудовѣ Еси-

[1]) См. № 26, стр. 348—349.
[2]) См. № 103.

повьскые Пикіна, и в тѣх деревнях дал был Есипъ дѣтем своимъ Юрью да Ѳеодору деревню, и яз пожаловалъ игумена Касьяна ослободилъ есмі ему тое пол деревні купіти. И хто учнетъ игумновых людеи в тои деревни жити и тѣм людем жалованье мое по тои же грамоте, что есми дал игумену грамоту на Милобудово. И волостели мои ходят и их тиуни по тои грамотѣ, по моеи пожаловалнои.

105.

Милости ради Святыа Пречистыа Успеніа, се язъ, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловал есмі игумена Касьана з братьею, Кирилова монастыря, или по том игуменѣ инои игумен будет, что имъ дал Іванъ Лопатинъ в домъ Святіи Богородице Успеніа, по своеи душе в монастырь игумену з братьею землю в Карголомѣ бережную, гдѣ Иванъ самъ жилъ, и хто имет на тои земли жити игумновыхъ людеи, и тѣмъ людем не надобѣ моя дань, ні городное дѣло, ни ямъ, ни подвода, ни писчаа бѣлка, ни явка, ні тамга, ни иная нікотораа пошлина: ни рыбники мои к тѣм людем не въежжають, ни всылают, ни пошлин своих у них не емлют. А намѣстніці мои Белозерскіе къ тѣм людем не въежжають, ни въсылаютъ ни почто-жъ, ни их тіуни тако-жь. И праведщіки и доводщіки пошлинъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни к старосте Бѣлозерскому не тянуті ничѣм, и не судитъ ихъ ні в чем, а судить і вѣдает игуменъ свои люди самъ: и татбу, и розбои с поличным, опрочь душегубьства, илі кому прикажетъ въ свое мѣсто. А смѣшается суд манастырским людем з городскимі людми, или с волостными людми, игуменъ сьехався с намѣстником, и намѣстник судит, а игуменъ с ним или кому прикажетъ въ свое мѣсто. Правли, виноватли монастырскои манастырю и в винѣ и в правдѣ, городскои намѣстніку и в винѣ и в правдѣ. А которого суда игумен не въсхощеть судити, и учинять себѣ срокъ перед мною, и язъ тому самъ, князь Михаило Андрѣевичь, управу учіню. А тѣм людем монастырским на озере рыба ловити и за озеромъ рыба купіті, и в городѣ рыбою съ гостьми торговати. А дают в мою казну на зборъ оброкомъ по десяті бѣлъ. А черезъ сю мою грамоту кто тѣх людеи монастыр-

ских чѣм изобидитъ, быти от меня в казни. А на которую грамоту иную свою грамоту дамъ, а на сю мою грамоту иные грамоты моеа нѣтъ.

106.

Святыа дѣл Богородица и Честнаго Ея Успеніа и своего ради спасеніа, се яз, князь Михаило Андрѣевич, пожаловал есми отца своего игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею, или кто по немъ иныи игуменъ будеть, дал есми имъ пожню Юрьевъ Наволок Неѳедьева на Шохснѣ на рецѣ против пожни да подлѣ тот же Юрьев Наволок пожьню Давыда Клементьева подлѣ реку Выксу въ дом Святѣи Богородици въ Кириловъ монастырь.

107.

Пречистыа дѣл Богородици и Честнаго еа Успеніа и своего ради спасеніа, се яз, князь Михаило Андрѣевич, пожаловал есми отца своего игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею, или иныи игумен по нем будеть въ Кирилове монастырѣ, дал есми въ дом Святѣи Богородици пожню на Шохснѣ на Усть Сярсь сверхънію сторону, да по рѣчкѣ по Сярсѣ вверхъ до Ивановы пожни. А по Шохснѣ вверхъ до Ивановы же пожни.

108 [1]).

Се яз, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловал есмі игумена Касьяна, Кирилова монастыря, з братьею, илі по нем хто иныи игумен будеть что дал монастырю Кирилову игумену Христоѳору и всеи братьи, Прокопеи Іванов сын Лубнина, доложа Григорья Івановича, в домъ свою, вотчіну по своем дѣде и по своемъ отцѣ и по своем роду на рѣкѣ на Шохснѣ Наволок Великои, да Вирьшину пожню, да Чюрав пожню, да пол Наволока Опятіна в моеи вотчинѣ и яз, князь Міхаило Андрѣевичъ потому ж игумена з братьею пожаловал в тѣ ми ся земли въ ихъ, что им дал Прокопеи,

[1]) См. № 15, стр. 345.

невступатись, также и волостели мои у нихъ ся в тѣ их земли в наволоки, ни в пожні невступаются, ни иные никто. А вѣдаютъ тѣ наволоки и пожни игуменъ з братьею.

109.

Пречистыа ради Святыа Богородици и своего ради спасенія, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есмі своего отца игумена Касьана и его братью, старцовъ Кирилова монастыря, или по нем кто иныи игумен будет в Кирилове монастырѣ, что их села монастырьскые и слободы и деревни в моеи вотчинѣ на Белѣ озерѣ, и которые люди туто живут у них в их селех і вдеревнях і в слободах, а учинится у них душегубство, и намѣстници мои Белозерьскые и их тиуны и доводщики (очевидно пропущено: „судят“), а будет душегубець в лицех и они дадут душегубца на поруку на кого молвять и за тою порукою поставять его перед мною, княземъ Міхаиломъ Андрѣевичемъ. И яз тому самъ исправу учиню. А болѣ того не силничають над ними ничѣмъ. А не будет душегубца в лицах, ино вѣры за голову рубль ноугородской. А через сию мою грамоту, что кто на монастырьскых людех возметь, быти от меня в казни.

110.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею, или кто по нем иныи игумен будеть, что у них деревни в моеи вотчінѣ монастырьскые и по грѣхом ся у них учинить человѣкъ с дерева убьется или на водѣ утонет, и они то обыскав чисто да явять моему намѣстніку Белозерскому или тиуну, а намѣстник мои Белозерьскои или тиун не возметь у них ничего по сеи по мои грамотѣ.

111.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана Кирилова монастыря и его братью, или кто по

нем иныи игумен будет в Кириловѣ монастырѣ, что есми с нимі меняли землями, что была у них деревня в Киснемѣ, и яз ту деревню събѣ взял, а им в тое мѣсто деревні дал есми в Кивунцѣ Назаровскую деревню и с пустошми, ино что против их Кивонца рѣчки и против их землі тони в озерѣ Осиповскіе, иные которые тони против их земель възерѣ. И яз их тѣми тонями пожаловал против того, что было в Киснемѣ, против ихъ деревні тови, за неж тѣ их тоні взялъ есми собѣ, Ино мои рыбник Окишь в тѣ тоні в монастырскые не въступаѣтся, или кто по нем иные мои рыбникі будут, и тѣ такоже ся не вступают в их тони, или ихъ приказник. А через сію мою грамоту кто в тѣ тони иметь вступатися, ино быти от меня в казни.

112.

Се яз, князь Міхаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана з братьею Кирилова монастыря, или которыи игумен по нем будеть, что у них пожни по рецѣ Шохснѣ, по обою сторону, а по рецѣ по Шохснѣ мои намѣстник дорогу велѣл заповѣдати, что по рецѣ не ѣздити, а сѣн рѣкою не возити, и яз ихъ пожаловал, через ту заповѣдь сѣна им свои монастырьскіе по рецѣ по Шохснѣ возити до Крещенья а послѣ имъ Крещенья рекою Шохсною не ездити, а сѣнъ не возити. А намѣстници мои Белозерьскые и их тиуні того срока до Крещенья на тои дорозѣ на заповеднои монастырьскых людеи не имають. А заповѣди на них не емлют по сеи моеи грамотѣ.

113.

Милости ради Пречистыя Богородици, се яз, князь Міхаило Андрѣевичь, пожаловалъ есми отца своего игумена Касьана з братьею или кто по нем иныи игумен будеть, ослободил есми им купити рыбу възерѣ и за озером на всяку зиму по тритцати рублев ноугородскьех. І вамъ намѣстпиком и тиуном и доводщиком и рыбником и ко всѣм Белозерьцом; то бы было вамъ вѣдомо. А они ходять по сеи по моеи грамотѣ.

114.

Милости ради Святыа Богородица и Честнаго ея Успенiа, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есмi игумена Касьана з братьею, Кирилова монастыря, или хто по нем будеть иный игумен в Кiриловѣ монастырѣ, что их дворъ монастырьскои на Белѣ озерѣ, на посадѣ, и хто иметь житi людеи в том дворѣ монастырскомъ, и тѣмъ людем не надобѣ мои дань, нi писчаа бѣлка, ни ям, ни подводы, ни рѣзанка, ни розметы, ни проторы, нi иные никоторые пошлины; ни с чернымi людми не тянут ни въчто, ни в которые дѣла. А намѣстнiци мои Белозерьскiе и их тиуни тѣх людеи монастырьскихъ не судять ни в чемъ, опрочь душегубства, ни доводщиковъ своих не всылают к ним ни почто. Також не велѣл есми ставитись никому на том дворѣ монастырьском. А судить i вѣдает свои люди игумен сам илi кому прикажет. А смѣщается суд тѣмъ людем монастырьскимъ з городскыми людми, и намѣстнiци мои судять или их тиуни, а игумен с ними судить или его приказникъ. А правлi, виноват ли игумнов человѣкъ игумену i в винѣ i в правдѣ, а намѣстникъ ся в него невъступает. А городскои человѣкъ намѣстнiку и в винѣ i в правдѣ. А игумен ся в него не въступает. А которого суда игуменъ не въсхочеть судити, и онѣ зазвався да стануть передо мною, княземъ Михаилом Андрѣевичемъ и яз тому дѣлу самъ исправу оучиню. А даеть игумен с тѣх людеи в мою казну дань старостѣ по осми бѣл оброком. А через сю мою грамоту кто их людеи изобидит чѣм, или что на них возмет силно, быти от меня в казни. А кому хотя дам грамоту на грамоты, а на сю грамоту иные моея грамоты нѣту.

115.

Пречистыа дѣл Богородици и Честнаго еа Успенiа, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею, или хто по нем будеть инои игуменъ. Что княземъ Белозерским и бояром Бѣлозерскым и их людемъ по монастырскым деревням не ездить, ни ходити, ни начлегов имъ по монастырскым деревням нѣту; у ни в пиво незваным не ходити. А кто через сю мою гра-

моту учнет ѣздити и ходити по монастырьскым деревнямъ, а что у кого погынет, ино тому платити. А от меня быти в казни.

116.

Святыа дѣля Богородици и Честнаго еа Успеніа, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана, Кирилова монастыря, з братьею, или кто по немъ иныи игумен будеть в том монастырѣ, не велѣл есмі ездити никому от Ерги к Череповичи сквозѣ их слободку Романовскую, ни от Череповичи к Ергѣ не быти пути санному, ни стопнику, а велѣл есми всѣмъ ездити старою дорогою пошлою, мимо ихъ слободку к Череповичи на лѣс. Также не велѣл есми ставитися у их людеи у манастырскых никому, ни кормов имъ платити, ни подводъ. А через сію мою грамоту хто иметь на них накладывати путь саннои, илі стопник, или у ма(на)стырьскых людеи ставитись, или проторити их, и яз велѣл монастырскому приказщику того поиматі, да выдать своему намѣстніку Белозерскому или волостелю Череповскому. И мои намѣстник Бѣлозерьскои или волостель Черепо́вскои возмет на том заповеди в мою казну два рубля наугородскых. А что ся учинит людем монастырскым убытка, и яз велю доправити на томже.

117.

Святыа ради Богородици и Честнаго еа Успеніа, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми своего отца игумена Касьана, Кирілова монастыря, з братьею, или кто по нем иныи игуменъ будет, дал есми своему отцу игумену Касьану на рецѣ на Шохснѣ против Шатредцкого езу на пятѣ пожню косити, да к тои пожни ослободил есми имъ причистити лѣсу; да на другои сторонѣ Шохсны рѣки против камен Шатреца такоже есми своему отцу игумену Касіану чистити пожни и лѣс велѣл сѣчи, и деревню на тои подсѣки поставити. А от того камени Шатреца чистити ему пожни и лѣсъ сѣчи вверхъ по рецѣ Плесо, а вниз Плесо ж, а болѣ того вверх і вниз за Плесо ино им пожен, ни лѣсу не приимати, ни чистити.

118.

Пречистыа ради Богородици и Честнаго ея Успеніа, и Чюдотворца дѣля Кирила, и своего ради спасеніа, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми отца своего игумена Касьана, Кірилова монастыря, з братьею, или кто по нем инои игумен будеть в Кириловѣ монастырѣ, дал в дом Пречистои Богородиці свои земли двѣ пустоші: Ондрѣйкову пустошь, Горлова, да Боровляникову пустошь, над их озеромъ съ всѣм, что к тѣм пустошам из старіны потягло, и мои волостели Ѳедосьина Городка и их тиуни в тѣ пустоші не вступаются ничѣм.

119 [1]).

Пречистыа ради для Богородици, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана, Кирилова монастыря, з братьею, или хто иныи игумен по нем будеть, что Костина деревня Бирилева, моего поселского, и яз ту деревню дал въ дом Святыа Богородици і всеи братьи. И хто имет жити в тои деревни людеи монастырьскых, ино к тѣм людемъ намѣстніки мои Городцкіе и их тиуни невъсылают к нимъ нипочто, ни судять их, ни коръмов своих не емют, ни доводщики, ни праведщики мои у них поборов не берут. А судить і вѣдает тѣ люди монастырскые игумен самъ, или кому прикажет, въ свое мѣсто, в татбѣ с поличным, и в розбои, опрочь душегубьства. А смѣшается суд монастырьскым людем с волостными людми, и они съехався да судят. А правли будет монастырьскои человѣкъ, виноват ли, и он к манастырю, а волостелев, прав ли виноват ли, к волостелю.

120.

Се яз, князь Міхаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана, Кирилова монастыря или хто по нем иныи игумен будет, и игумена Якима Мартемьанова монастыря, и кто по нем иныи игумен будеть, что приходят гости на Волочекъ, на Словѣнское озеро, да съ Словѣнского озера волок на Порозобитцкое озеро или с Порозобитцкого озера на Словѣнское озеро, и яз пожаловал двѣма манастырем, Кирілову монастырю,

[1]) Ср. №№ 17 (стр. 346) и 101 (стр. 382).

да Мартемьанову манастырю, велѣл есмь им треть волочіти. А два жеребья велѣл есмі волочить волочяном волостным людем и слугам черным.

121.

Се яз, князь Міхаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана, Кирилова монастыря, з братьею, что их езы промеж ихъ земель на Шохснѣ на рецѣ, Николской ез, да Чарьсиньским езомъ, да Вособским езом, і в тѣх ихъ трех езѣх нѣтъ участъка никому, а вѣдаетъ тѣ три езы игумен Касьян з братьею.

122 [1]).

Се яз князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана, Кирилова монастыря з братьею, или по нем хто будет иныи игумен в Кирилове монастырѣ, дал есми в дом Пречистои Богоматери ез Шатрецкои, и мои езовьщики и рыбники в тот ез невъступаются никоторыми дѣлы. А вѣдает тотъ ез игумен Касьянъ с своею братьею.

123.

Святыя ради Богородици и Честнаго Ея Успеніа, се яз, Князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьяна з братьею Кирилова монастыря или по нем кто иныи игумен будеть, что их старцы, или купчины, или слугы куды поедуть на монастырьскую службу торговати с каким товаромъ с манастырьским зимѣ на возѣх, а лѣтѣ в повозкѣх, или на телѣгах, ино имъ въ всеи моеи въотчинѣ в Верейскои і в Бѣлозерьскои ненадобѣ имъ явка, ні тамга, ни гостиное ни осменічее, ни мыт, ни косткы, ни побережное, ни съзорное, ни вѣсчее, ни помѣрное, ни иные им никоторые пошліны ненадобѣ. А хто ся у них поимаеть за коково поличное, и мои намѣстніци і волостели и их тиуни над поличным ихъ не судят, а истьцовъ обоих велят дати на поруцѣ, да учинять им срок стати передо мною, князем Михаиломъ Андрѣевичем,

[1]) Ср. № 117, стр. 390.

ино яз того сам дозрю князь Михаило Андрѣевичь. А через сю мою грамоту кто что на них возметь или чѣм изобидит, быти от меня въ казни. А хотя кому грамоту на грамоту дамъ, а на сю грамоту иные моеа грамоты нѣтъ.

124.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми отца своего игумена Касьяна, Кирилова монастыря, з братьею, что дала Дрокина жена по своем мужи в Кирилов монастырь на сорокоустъ, пожню на рецѣ на Шохснѣ у понжи. И яз пожаловал Заболотцьких христьанъ, ослободил есми ту пожню выкупити. И Заболотцкіе христіане дадуть в Кирилов монастырь игумену Касьану з братьею полтину ноугородскую за сорокоустъ. А пожню возмуть к волости, да владѣют тою пожнею христіане. Да что дала Онаньи старица Настасья Юрьева, да женѣ его, а своеи внукѣ Марьи, пожню на рецѣ на Шохснѣ на възвозѣ у понжи за рубль наугородскои, и Заболоцкіе христіане ту пожню выкупят, дадутъ рубль наугородцкои. А пожню возмуть себѣ. А игумен Касьян с братьею болѣ того в тѣ пожни не въступается. А доколѣ тѣх пожен не выкупять и игумен Касьян з братьею ту пожню косят. А Онанья свою пожню косит.

125.

Пречистыа ради Богоматере и Святого еа Успеніа, по матери своеи грамотѣ Великіа княгині Соѳьи, се яз Великаа княгини Маріа пожаловала есми игумена Касьана з братьею, или хто по нем иныи игумен будет, что сказывают мои пожни на рецѣ на Вологдѣ по обѣ стороны рѣки, Березницкіи, Залѣскіи, с Сѣземы едучі къ Масленѣ меж путем Масленскимъ Іван(ским), а другіс мои пожни сказывают на тои же рѣце верхъ Вологдици по обѣ стороны рѣки, а тѣ де пожни лежатъ пусты и лѣсом поростьли издавна, а от моихъ дѣй волостеи великие княгини отошли и от моих сел, а пожаловала есми их тою Березниковскою пустошью и тѣ пожни косити на монастырь.

126.

Пречистыа дѣля Богородици, се яз, князь велики Василеи Васильевичь, пожаловал есми игумена Касьана, Кирилова монастыря, з братьею, илі по нем иныи игумен будет въ Кириловѣ монастырѣ, что есми дал грамоту свою горожаномъ Вологжаном и сотьцким на их дворъ на монастырьскои, а велѣл есми был имъ тянути к ним ихъ людемъ монастырьским, хто у них в том дворѣ в монастырьском живут людеи, во всякіе проторы и в розметы і въ всѣ пошлины. И яз князь велікии нынѣче игумена Касьана з братьею пожаловал, не велѣл есмі ихъ людем монастырьскымъ, хто в том дворѣ жівут в монастырьском в городцком, к горожаномъ и к сотьцкым не тянути ни въ которые проторы, ни в розметы, и ні в которые пошлины. А велѣл есми игумену з братьею с того двора их з городского с монастырьского и с тѣх их людеи, хто в том ихъ дворѣ живут, давати за всѣ проторы (и розметы) и за всѣ пошлины на всякои год по полуполтинѣ, по ходячеи, по пяти гривен на Рожиство Христово. Также на томъ их дворѣ монастырьском у тѣх их людеи не велѣл есми ставитися никому. А кто ся ослушает сее моеи грамоты, быти от меня в казни. По сеи грамотѣ отца своего, великого князя, князь великіи Іван пожаловал игумена Касьана з братьею, грамоты сеа рушити не велѣл, а велѣл ходити по сеи грамотѣ. А подписал Ѳеодоръ дьяк.

По сеи грамотѣ князь Андрѣи Васильевичь игумена Касьана з братьею пожаловал, грамоты у них не рушил, а людеи им Вологжан не приннмати к себѣ. А подписал дьякъ Микиѳоръ. Дворъ.

1451 г.

127.

Милости ради Божии и Пречистыа дѣл Богородицы и Честнаго еа Успеніа и своего ради спасеніа, се яз князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловал есмі игумена Касьяна з братьею, илі кто по нем будеть иныи игумена, дал есмі в дом Пречистои Богоматери в Кірилов монастырь в своеи вотчинѣ на

Бѣлѣ Озерѣ на Ирьдомѣ Товскіе пустоши: Кощѣевская пустошь, да Романовская пустошь, да Уварова пустошь, да Брожикова пустошь, да Еремѣева пустошь, Малгина пустошь, Княж пустошь, Брыкова пустошь, Соколова пустошь, Кулуберезова пустошь, да Мервинов починокъ по Уломское болото, да по рѣчку по Каргачь, и что к тѣм пустошам потягло из старины; и кого игумен перезоветь на тѣ пустоші людеи изыных княженеи, а не из нашея вотчины из великого княженья, или кого окупив посадить, и тѣм людем пришлымъ и окупленным ненадобѣ моя дань, ни городное дѣло, ни ямъ, ни подводы, ни писчая бѣлка, ні явка, ни томга, ни коня моего не кормятъ, ни сѣн моих не косятъ, данщик мои к ним не въежжаеть, не пишет, ни иные мои пошліны ненадобѣ на двадцать лѣт; а отсидят свои лѣта урочные и они потянут в мою дань и въ ямъ по силамъ. А волостели мои Ирдомскіе и ихъ тиуни тѣх людеи не судять, ни кормов своих у нихъ не емлют, а доводщики у них и праведщики поборов своих у них не берут. А судит игумен самъ или кому прикажет въ свое мѣсто, въ татьбѣ и врозбои с поличным, опрочь одного душегубьства. А смѣшается суд монастырьским людемъ съ волостнымі людмі и игумен съехався с волостелемъ илі его приказникъ да их судять. А правли, виноват ли игумнов, игумену і вправдѣ и в винѣ, а волостнои волостелю і вправдѣ и в винѣ. А которого суда игумен не въсхочеть судить, и он тѣмъ людемъ учинить срок предо мною, перед князем Михаилом Андрѣевичемъ, и яз тому исправу учіню. А на которые грамоты грамоту свою дам, а на сю грамоту моеи грамоты нѣтъ. А через сю грамоту что хто на них возмет или чѣм изобидить, быти отъ меня в казни. А дана грамота в лѣто 6959.

128.

Милости ради Пречистыа дѣлъ Богородици и Честнаго Еа Успеніа і своего раді спасеніа, се яз Князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Касьана Кирилова монастыря з братьею, или кто будетъ по немъ иныи игумен, что им дал Щека деревню в монастырь по своеи души в моеи вотчинѣ в Угле Новоселская и что к тои деревни потягло лѣсов и пу-

стошеи, и хто имет жити людеи в тои деревні и на тѣх пустошах или кого к себѣ прізовуть изыных княженеи, а не изъ нашеа вотчины, изъ великого княженіа, или кого окупив посадять, и тѣмъ людем монастырьскым старожилпом и пришлым и окупленым ненадобѣ им моа дань, ни городное дѣло, ни ям, ни подводы, ни писчая бѣлка, ни явка, ни томга, ни коня моего не кормят, ни сѣн моих не косят, а данщик мои к нимъ не въежжает, ни пишет ихъ, ни иные никоторые мои дѣла и никоторые пошлины. А волостели мои Угольскые к тѣм людем не въсылают ни по что и их тиуни, ні судять их, ни кормов своих у них не емлють. А доводщики и праведщики у них поборов не берут. А судит свои люди игумен сам и татбу и разбои с поличным, опрочь душегубства, или кому прикажеть. А смѣшается суд монастырьскыи людем с волост(н)ыми игумен съехався с волостелемъ да их судять или их приказникъ. А правли, виноват ли игумнов игумену і въ правдѣ і въ винѣ, а волостнои волостелю і въ правдѣ и въ винѣ. А которого суда игумен невъсхочет судити, и он тѣм людемъ учинит срок стати передо мною, и яз князь Михаило Андрѣевичь, самъ тому исправу учиню. А на которые иные грамоты дам свою грамоту, а на сю грамоту моеа грамоты нѣт. А через сю мою грамоту хто что на них возмет или чѣмъ изобидит, быти отъ меня въ казни. А отсидят старожилцы три года, а пришлые десять лѣт, и (о)ни дают в казну оброк князю на год по десяти бѣл. А дана грамота в лѣто 6959 мѣсяца іюня въ 26 день.

1468 г.

129.

Святыа дѣля Богородици и Честнаго Ея Успеніа і своего ради спасениа, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми своего отца игумена Касьана з братьею Кирилова монастыря, или кто по нем иныи игумен будет, что их села и слободка Романовская да Рукинская слободка, да что и деревни их всѣ в моеи вотчинѣ потягло к монастырю, дал есмі имъ свою грамоту оброчную, что им давати дани в мою казну

от збора до збора на год, по десяти рублев по пятигривенным серебромъ. А привозятъ то серебро сами да даютъ в мою казну моему казначѣю. А данщики мои въ ихъ слободки і въ деревні их невъежжают к ним ни по что, ни дані с них не емлють, ни писець мои их не пишет. А кого к себѣ перезовут в тѣ слободки і выные деревні и на пустоши и на моеи людеи жити изыных княженеи, а не из нашея вотчины, великаго княженіа, и тѣ люди пришлые новики потянут съ их людми старожилци в тот же оброкъ. А через сию мою грамоту хто их чѣм изобидить или что кто силно на них возмет, быти от меня в казни. А на которую грамоту свою дам грамоту, а на сію грамоту иные моеи грамоты нѣт, никоторыми дѣлы. А дана грамота в лѣто 6976 Февраля въ 5 день.

1471—1475 гг.

130.

Милости ради Пречистыа Богородица и Честнаа Ея Успенія и свого ради спасеніа, се яз, князь Михаило Андрѣевич, пожаловалъ есми игумена Игнатья Кирилова монастыря з братьею или кто по нем иныи игумен будет; дал есми в дом Пречистои слободку Рукинскую, и с лѣсы и с пожнями и съ всѣмі угоди, куды тѣх земель топоръ, и коса ходила. И кого к себѣ игумен на тѣ земли призоветь людеи жити из ыных княжене, а не из нашея отчіны, великого княжения, или кого окупив посадит, и тѣм людем пришлым, и окупленым, ненадобѣ моя дань, ни писчаа бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ні городное дѣло, ни коня моего не кормити, ни луга моего не косити, ни намѣстніча двора ставити, ни иные никоторые пошлины на пят лѣт. А которые сядут на лѣсе, и тѣм людем не надобѣ моя дан пятьнатцат лѣтъ, ни иные никоторые пошлины. А отсидять свои уроки, и они спотянуть в тот же оброк, что емлю оброк съ всѣх с монастырьскихъ деревен. А намѣстніци мои Городцкие и волостели с Волочка тѣх людеи не судять ни в чем, ни кормов своих на них не емлють, ни въсылают к ним нипочто. А праведщики и доводщики по-

бэров своих на них не емлють никаких пошлинъ. А вѣдает и судит игумен своих людеи самъ въ всѣм, в розбои і в татбѣ с поличным, опроч одного душегубьства. А смѣшается суд моим людем волостным с монастырьдими людми, і волостел мои судить, или его тиун, а игумен с ними судить или кому прикажет в свое мѣсто судити. А волостнои человѣкъ въ правдѣ и в винѣ волостелю или тиуну, а истьцево велять заплатит. А игуменъ или его приказник волостного не вступаеться. А монастырскои человѣкъ въ правдѣ и в винѣ игумену или его приказнику, а волостель и его тиун в монастырьского не вступается. А которого суда не похочеть игумен судити, и он имъ срок учинить предо мною, княземъ Михаилом Андрѣевичем. И яз тому дѣлу сам управу учіню; а через сию мою грамоту кто чѣм монастырьских людеи изобидить, или кто что на них силно возьметь, быти от меня в казни. А на которую грамоту дамъ и грамоту, а на сію грамоту грамоты моеа нѣт. А дана грамота в лѣто 6900 Ѳевраля в 4 день [1]).

131.

Се яз, князь Михаило Андрѣевич, пожаловал есми игумена Игнатьа Кирилова монастыря з братьею: что бил челом на них староста Волоцкой Ѳедко съ крестьаны Волочяны, а искал на них пожен на рѣцѣ на Порозобицѣ, Мартинова закоса, да Сопѣгина закоса, да Дуравина закоса, да Ѳетиниью закоса, что будет си тѣ пожни тянули къ Волочку. И яз, князь Михаило Андрѣевич, обыскал ино тѣ пожни тянуть к Рукинои слободѣ. А яз, князь Михаило Андрѣевич дал Рукину слободу съ всѣм Пречистои в дом. И яз и нонече пожаловалъ, дал тѣ пожни в Кирилов монастырь, игумену Игнатью з братьею, или кто иныи игумен будет. А волостели Волоцкіе и их тиуні в тѣ пожни на Порозобици не въступаются.

---

[1]) Этотъ актъ у насъ отмѣченъ временемъ игуменства Игнатія. Дата его, очевидно, при переписке испорчена, ибо въ 1392 г. не было ни князя Михаила Андрѣевича, ни игумена Игнатія, ни самого Кирилла-Бѣлозерскаго монастыря, основаннаго въ 1397 году.

132.

Милости ради Пречистыа Богородица и Честнаго ради Ея Успеніа и своего ради спасенія, се язъ, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловалъ есме игумена Ѳілофѣя з братьею, Кирилова монастыря, или иныи игуменъ по немъ хто будетъ, далъ есмі имъ на Ковже, на Коневскомъ наволокѣ четыреста копенъ сѣна і велѣл есми имъ ту пожню своему тиуну Терху Захарову отвѣсти.

1472 г.

133.

Се яз, княз Михаило Андрѣевичъ, что есми взялъ у игумена у Игнатья Кирилова монастыря и у братьи деревню Старостиньскую Ѳеодосьинъ Городок, гдѣ жили Быковы, а променил в тое мѣсто деревни, дал есми в домъ Пречистои и игумену Игнатью Кирилова монастыря и братьи на Ирмѣ пустошь Чарондьскую, да к неи пустошка другаа Тарасовская, да иные пустошки заростьшіе, что к тои пустоши и къ Чарондьскои и к тѣмъ пустошкамъ из старины потягло, и кого к себѣ игумен Игнатеи призоветь на пустоші людеи жити изыных княженеи, а не из нашея отчины великого княженія, или кого окупив посадит, и тѣм людемъ окупленнымъ и пришлым ненадобѣ моя дань на пять лѣтъ, ни иная никоторая пошлина. И посельскіи мои Ирдомьского села тѣх христіанъ не судит, ни кормов своих на них не емлет, а доводщики поборовъ своих у них не емлют, а вѣдает и судит игумен Игнатеи Кирилова монастыря свои люди самъ, во всемъ, в разбои и в татбѣ с поличным, опрочь душегубства, или кому прикажеть въ свое мѣсто судити. А смѣшаеться суд моимъ людем сельскимъ сыгумновыми людми, и поселскои мои Ирдомьского села судить, а игумен Игнатеи с нимъ же судить, или его прикащикъ. А прав ли, виноват ли игумнов и он в правдѣ и в винѣ игумену, а сельчанин моему посельскому. А истьцево велятъ заплатить. А через сию мою грамоту хто их чѣмъ изобидитъ, быти от меня в казні. А дана грамота в лѣто 6980 Февраля въ 3 день.

1471—1475 гг.

134.

Се яз, кпязь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Кирилова монастыря Игнатья, з братьею, или кто по нем иныи игумен будет, что им дал Іван Олександровъ сынъ Кнутов в домъ Святѣи Богородици в Кирилов монастырь деревню Ильинскую, да пустошку Сорочинову на рецѣ на Шохснѣ, и хто учнет у игумена в тои деревні жити на тои пустошкѣ манастырьскых людеи, и мои волостели Ѳедосьина городка и их тиуни тѣх людеи манастырьскых не судят ни в чем, ни кормов своих на них не емлют, а праведщики і доводщики поборов своих у них не берут, никаких пошлин, ни въежжают, ни всылают к нимъ нипочто. А судит і вѣдает тѣх людеи манастырьскых игумен самъ въ всем, в розбои и въ татбѣ с поличным, опрочь одного душегубства, илі кому прикажет въ свое мѣсто судити. А смѣшается суд моим людемъ волостнымъ с манастырьскимі людми, и мои волостели или тиуни судять, а манастырьскои приказщик сними судит. А прав ли, виноват ли манастырьскои человѣк, и он в правдѣ и в винѣ игумену. А волостнои человѣк в правдѣ і в винѣ волостелю. А истьцево велять доправить. А волостель (ілі тіун) в монастырьскою не въ ступается, а монастырскои приказщикъ в волостною не въступается. А через сію мою грамоту кто монастырьскых людеи чѣм изобидит, или что силно на них возметь, быти от меня в казни.

135.

Се яз, князь Міхаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Игнатья, Кирилова монастыря, і всю братью, или хто по нем иныи игумен будеть. Ино моих князеи и бояръ и дѣтеи боярьскых люди і вся моа вотчіна в манастырьскые деревни Кирилова монастыря, да і въ слободки не ѣздять, и поборовъ не беруть. А монастырьскых людеи не силничают. А хто почпет по манастырьскым деревням и по слободкамъ ездить и поборы брать, илі силничять, и яз дал пристава Ивашка

Давыдова. А велѣл есми того поставити перед собою, а от меня быти въ казни.

136.

Се яз, князь великии Іван Васильевичь, пожаловал есми игумена Игнатьа, Кирилова монастыря з братьею, или кто по немъ иныи игумен будет, что их дворъ внутрі города на Москвѣ под стѣною и хто у них в том дворѣ учнеть жити людеи их монастырьскых и тѣмъ людем монастырьскым не надобѣ моя никотораа моя дань, ни ям, ни подвода, ни розметы, ні в какіе проторы с тяглымі людми не тянуть, ни сѣн моих не косят, ни к дворскому, ни к пятидесятцким, ни десятцким ни тянут, а намѣстніци Московскые и их тивуни тѣх людеи монастырьскых не судят ни в чемъ. Также на иныхъ дворех на монастырьских не ставится нихто. А кому будет чего искати на монастырьскых людех, ино их сужу яз, князь велики. А хто ся ослушаеть сее моея грамоты, быти ему от меня въ казні.—Князь великіи.

137.

Пречистыя ради Богородица и своего ради спасеніа, се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Кирилова монастыря Игната з братьею, или по нем кто иныи игумен будет въ Кириловѣ монастырѣ, что их села монастырьскые и слободы и деревні въ моеи вотчинѣ на Белѣ озерѣ, и которые люди туто у них живут въ их селѣх и в деревняхъ і въ слободах, а учинится у них душегубство, а изымають душегубца, и оні душегубца дадут моему намѣстніку или тивуну головою и мои намѣстник или тивун у них душегубца возмет, да велит его дати на поруку мои намѣстнікъ или тіун и за тою порукою поставят его передо мною, княземъ Михаилом Андрѣевичемъ, и яз тому сам исправу учиню. А намѣстніци мои и тивуни и доводщики болѣ того не силничають над ними ничим. А не будеть душегубца в лицѣх, и они дадут вѣры за голову рубль ноугородскои. А черезъ сю мою грамоту, что кто на монастырьскых людех возмет, быти от меня въ казни.—Князь Михаило Андрѣевичь.

138.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловал есми по отца своего грамотѣ князя Андрѣа Дімитреевича, монастыря Святыа Богородица игумена Игнатьа, или хто по нем иный игумен будет, что подавал отець мои, князь Андрѣи Дімитреевичь, земли монастырю, или которые земли подавала баба моа, великаа княгині Овдотьа, или которые земли Кирило покупил, или будет на лѣсѣ посажал кого своих людеи, і всѣ земли, которые потягли к монастырю кыгумену къ Кирилу и хто имет жити у игумена на тѣх землях людеи, и тѣм людем ненадобѣ им моа дань, ни бѣлка, ни рѣзанка, ни котораа пошлина. А намѣстніци мои Белозерьскые и Городецкіе і волостели с Волока не въсылаютъ ни по что к тѣмъ людемъ, ни судять их, а тѣ люди судить і вѣдает игумен или кому прикажет. А смѣшается суд тѣм людем монастырьскым съ волостными людми, и поселскои съехався с волостелем судить, а утяжут в чем игуменова человѣка і волостели мои на игуменовыхъ людех вины не емлють, а противу того и игуменов поселскои на волостныхъ людех вины не емлет. А которого суда не възволит игумен судити и он тѣх людеи пошлет ко мнѣ и яз, князь Михаило Андрѣевичь тому сам исправу учиню. А хто ся ослушает сеа моеа грамоты, быти от меня в казни. А на которую грамоту грамоту дамъ, а на сю грамоту, грамоты нѣт. Князь Міхаило Андрѣевичь.

139.

Причистыа ради Богородици Матери Божіа и Честнаго Еа Успеніа, по грамотѣ отца своего великого князя Василья Васильевича и по грамотѣ матері своеа великіа княгини Маріи, се яз князь Андрѣи Васильевичь, пожаловал есми игумена Игната Кірилова монастыря з братьею или хто по нем иный игумен будет, что их село Івановское и з деревнями, что имъ дал Григореи Чашніковъ на Вологдѣ, и кто у ніх имет в том селѣ і в деревнях жіти людеи и кого к себѣ в то село перезовуть людеи і в деревні изыного княженіа, а не из моих волостеи ни сел, и тѣм их людем пришлымъ и старожилцом ненадобѣ имъ мыт ни тамга, ни ям, ни подвода, ни коня

моего не кормят, ни сѣн моих не косят, ни к сотцким, ни к дворьскым, ни к десятцькым с тяглыми людми не тянуть ни в какіе проторы ни в розметы, ні иные им никоторые пошліны ненадобѣ. А намѣстніці мои Вологодцкіе і волостели Тошьнскые и Лоскомскые и их тивуни в том ихъ селѣ і в деревни и тѣм ихъ людем не въсылают ні почто, ні кормов у них не емлют, ни судять их нивчемъ, опрочь одного душегубства и разбоя и татбы с поличным, а праведщіки и доводщіки поборов своих у них не берут и не вьежжають к ним нипочто. А вѣдаеть и судять своих людеи игумен з братьею самі, илі кому прікажут. А бѫдет суд смѣстнои тѣм их людем з городцкыми людмі или с волостными, и намѣстніци мои илі волостелі и их тивуні судят, а монастырьскои пріказщик с ними судит. А правли, виноват ли будет городцкои человѣкъ і волостнои, и онъ въ правдѣ і въ винѣ намѣстніком, или волостелем, или их тивуномъ, а монастырьскои приказщик не въ ступается ни чѣм. А правли будет, виноват ли монастырьскои человѣк, и онъ въ правдѣ і въ винѣ монастырю, а намѣстніци мои і волостели и их тівуни не въступаются в монастырьского человѣка ничѣм. А кому будет искати чего на их приказницѣх, ино их сужу яз, князь Андрѣи Васильевичь, илі мои бояринъ введенои. А тяглых людеи им моих княж Андрѣевых даньскых в то село і в деревни к собѣ не принимати. А кого к собѣ примут людеи письменых и данных, и тѣх людеи намѣстници с волостели и их тивуни судят и кормы свои емлют на них. А ездоки ся у них в том ихъ селѣ не ставят і в деревнях, ни кормов, ни подводъ, ни проводниковъ не емлют. А через сію мою грамоту хто что на них возмет или чѣм ихъ изобидит, быти от меня, от князя Андрѣя Васильевича, въ казни.

1475 г.

140.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичь, что ми бил челом старець Малафеи да Ѳеодоръ келарь от игумена Кирилова монастыря от Игнатья и от всеи братьи, о том, что им далъ

Олександровъ сынъ Кнутовъ Іванъ в домъ Святѣи Богородици, в Кирилов монастырь деревню Ильинскую на рецѣ на Шохснѣ, и яз был у них ту деревню взял Ильинскую. И яз юже тое деревни Ильинскои отступился игумену Кирилова монастыря Игнатью з братьею дотоле, доколе яз самъ посмотрю тое деревни, или кому велю посмотрити. И будет ли та деревня надобѣ, и яз у них ту деревню выменю или на неи денги дам. И дотолѣ хто у них учнет в тои деревни людеи жити монастырьскых, и мои волостели Ѳеодосьина городка и их тиуні тѣх людеи монастырьскых не судять ни в чем, ни кормов своих на них не емлют. А праведщики и доводщики поборов своих на них не берут, никаких пошлин и не въежжають, ни всылают к ним нипочто. А судит і вѣдает тѣх людеи монастырьскых игумен самъ въ всемъ, в розбои і в татбѣ с поличнымъ, опрочь одного душегубства, или кому прикажет въ свое мѣсто судити. А смѣшается суд моим людем волостным с манастырскыми людми, и мои волостель или тиун судит, а монастырьскои приказник съ ними судит. А правли, виноватли монастырьскои человѣкъ, и он въ правдѣ і в винѣ игумену, о волостнои человѣкъ въ правдѣ і въ винѣ волостелю. А истьцево велят доправить. А волостель или тіун въ монастырьского невъступается, а манастырьскои приказник въ волостного не въступается. А через сію мою грамоту хто их чѣм изобидит или хто что на нихъ силно возметь, быти от меня въ казни. А дана грамота в лѣто 6983 Августа 17 день.

1473 г.

141.

Милости ради Пречистые Богородици и Честнаго Еа Успеніа и своего ради спасеніа, се яз, князь Міхаило Андрѣевичъ, пожаловал есмі игумена Игнатья, Кірилова монастыря з братьею, или кто по нем иныи игумен будет, что дал Романъ Іванович в дом Пречистои Богородици по своеи души слободку Васильевскую съ всѣмъ съ тѣмъ, что к тои слободкѣ потягло, куда соха, и коса, и топоръ ходили; и кого к себѣ игумен на тѣ земли призовет людеи жити изыных княженеи,

а не из нашеи отчины, великого княженіа, и кого посадят на пустоши, и тѣмъ людем ненадобѣ моя дань на десятъ лѣтъ. А кого посадятъ на лѣсы и тѣм людем ненадобѣ моя дань на дватцать лѣтъ, ні бѣлка, ни резанка, ни иные никоторые мои пошлины. А отсидятъ свои урок, и оні потянут въ тот же оброк, что емлю оброкъ съ всѣх съ монастырских деревенъ. А вѣдает и судит игумен своих людеи сам въ всемъ, или кому прикажет въ свое мѣсто судити в розбои и в татбѣ с поличнымъ, опрочь одного душегубьства. А сведется суд монастырьскимъ людем съ княжмі людми, или с боярьскімі и они сыгумном судятъ или кому прикажет игумен въ свое мѣсто судити. А в правдѣ и в винѣ волостнои человѣкъ или боярьскои волостелю или тіуну, а игумен и его приказникъ в волостного і в боярьского невъступается. А манастырьскои человѣкъ в правдѣ и в винѣ игумену, а волостель и тиунъ в манастырьского не въступается. А котораго суда не похочеть игумен судіті и он им срок учинить пред мною и яз, князь Міхаило Андрѣевичъ сам тому исправу учиню. А на которую грамоту свою дам, а на сію грамоту грамоты моеа нѣт. А через сію мою грамоту кто чѣмъ монастырьских людеи изобидитъ, быти от меня в казни. А дана грамота в лѣто 6981 Ѳевраля в 4 день.

1476—1482 гг.

142.

Се яз, князь Михало Андрѣевичь, что ми печаловался сынъ мои, князь Іванъ, что бы мнѣ пожаловати игумена Кирілова монастыря Ниѳонта і всю братью, деревнею Бренковскою, и яз сына своего дѣля, князя Івана, игумена Нифонта і всю братью пожаловал деревнею Бренковскою, или по нем иныи игумен кто будет, дал есми ту деревню в дом Пречистои Богородици, і с всѣм с тѣм, что к тоі деревни из старины потягло; и хто учнеть у них в тои деревні манастырьскых людеи жити, и тѣм людемъ с тое деревни с Бренковъскои къ Ѳедосьину Городку къ езу не тянути ничѣм, никоторыми дѣлы. А волостели мои Ѳедосьина Городка, и их тиуни, тѣх

людеи монастырьскых не судять ни в чемъ, ни кормов своих на них не емлют. А праведщики и доводщики поборов своих у них не берут, никаких пошлин, ни въежжають, ни вслають к ним нипочто. А судит і вѣдает тѣх людеи монастырьскых игумен самъ въ всем, в розбои і в татбѣ с поличным, опричь одного душегубства, или кому прикажеть въ свое мѣсто судити. А смѣшается суд моим людем волостным с манастырьскыми людмі, и мои волостели или их тиуни судят, а манастырьскои приказщик с ними ж судит. А прав ли, виноват ли монастырьскои человѣкъ, и он въ правдѣ і в винѣ игумену; а волостнои человѣкъ волостелю въ правдѣ і в винѣ. А истьцево велять доправити. А волостель или тиунъ в монастырьского человѣка невъступается, а манастырьскои приказщик в волостного невъступается. А через сію мою грамоту хто чѣм манастырьскых людеи изобидить или что силно възметь, быти от меня в казни тому.

143.

Пречистыа дѣля Богородици и Честнаго Еа Успенія, и Преподобнаго дѣля Отца Кирила, се язъ, князь Михаило Андрѣевичь, пожаловалъ есми игумени Серапіона, Кирилова монастыря з братьею, или хто будетъ иныи игуменъ в Кириловѣ монастырѣ, далъ есми в домъ Пречистые Богородици игумену Серапиону пожню въ Лексѣве наволокѣ, что косилъ Микула Семіонов сынъ Пѣстовъ. Да придалъ есмі къ Микулину закосу поженку Проскурницинскую в том же Лексѣвѣ наволокѣ.

144.

Милости Пречистыа Богородица и своего ради спасениа, се яз, князь Міхаило Андрѣевичь, пожаловал есми игумена Кирилова монастыря Ніѳонта з братьею или кто по немъ иныи игумен будет, дал есмі в домъ Пречистои Богородици у Колѣнца езу на Сѣземьскои сторонѣ доръ да землицо, что Чярои не косили, да об ону сторону Шохсны ломъ и с Пищалиным селищомъ, а вниз по езовую пяту. И поселскіе мои Ирдомские в тѣ пожни і в доръ і в лонъ невступаються, а

вѣдает то игумен з братьею или кто по нѣм иныи игумен будеть в Кирилове монастырѣ, и он пожни и тѣ мѣста потому же вѣдаетъ.

145.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловал игумена Кирилова монастыря Ниѳонта і всю братью, или по нем кто иныи игумен будет, хто от меня недѣлщикі будет мои на Бѣлѣ озере и они игумена и старцевъ от бельцов или от чернецов в каковѣ дѣлѣ ни буди на поруце не даеть, ни сроков имъ перед мене не чинит. А кому будетъ до игумени до Ниѳонта или до его старцовъ каково дѣло, и яз к ыгумену пошлю свою грамоту и игумен ко мнѣ того старца пришлет и яз тому исправу учиню сам, князь Михаило Андрѣевичь. А запечаталъ есми сию грамоту перьстьнемъ.

146.

Се яз, князь Михаило Андреевичь, пожаловал есмі игумена Кирилова монастыря Ніѳонта з братьею, или кто иныя игумен по нем будеть, что их селы в моем отчине на Бѣлѣ озере Рукинская слободка, да Романова слободка, да иные деревні и села в моеи отчинѣ, гдѣ ни будут деревні монастырьскые Кирилова монастыря в моем отчина на Бѣлѣ озере, и их дворники в городѣ на Белѣ озерѣ, и мои пятенники Белозерьскые, хто мои пятенщикъ на Белѣ озере ни будет, в монастырьских селех в кириловских і в деревняхъ и у монастырьских дворников и у монастырьских людеи конеи не пятнять, ни пишут, ни пошлин на них пятенного и ничего не емлють, а пятьнит и пишет у монастырьскыхъ людеи кони монастырьскои приказщикъ или кому прікажу тѣ кони пятніти и писати по сей моей грамоте.

Около 1485 г.

147.

Се яз, князь Михаило Андрѣевичъ, пожаловал есмі игумена Гурья з братьею, Кирилова монастыря, или по нем хто инои игуменъ будеть. Что ловят на Бѣлѣ озерѣ и с Кирілова

монастыря пятью неводы, и кто от меня на Белѣ озерѣ рыбник мои ни буди, и он с тѣх с пяти неводов съ Кириловскихъ рыбного не емлет и въ рыбу их не въступается по сеи по моеи грамотѣ.

1480 г.

148.

Се яз, князь великіи Іванъ Васильевичь всеа Руси, пожаловал есми игумена Ниѳонта Кирилова монастыря з братьею с старци кирилова монастыря или хто по нем иныи игумен будет. Коли их лодья поидетъ в нашу отчину въ Двинскую землю съ их товаромъ и мои намѣстники Колмогорьскые и Емецкіе и Орцецкие и их тиуні і всѣ пошлинніки съ их лодьи съдное пошлинъ не емлют никоторыхъ, ни гостиного, ни поролного, ни подъездного, ни подзорного, ни отесчего, ни помѣрного, также и зимѣ съ их возов не емлют никоторыхъ пошлинъ. А ходити им одною людьею однова на год. А в ту лодью им и на возы чюжого товару, опрочь монастырьскаго товару некласти. А вътаманов их ні осначев намѣстніци мои и их тіуни не судят ни в чем, опрочь одного душегубства. А хто ся поимает у их человѣка за поличное и мои намѣстнікы и их тиуни велят его отдати по поруцѣ, да учинят им срок статі передо мною, передъ великим княземъ. А людем намѣстничимъ къ ихъ вотаману на их лодью, ни в нозву не ходити незваным. А через сію мою грамоту хто что възмѣт их людѣи и с возовъ, тому от меня от великаго князя быти в казні. А дана грамота въ Великомъ Новѣгородѣ лѣта озмьдесят осмаго генваря.

Къ этой же грамотѣ принадлежатъ слова, въ рукописи приписанныя къ началу слѣдующей грамоты:

„Князь велики Іванъ Васильевичь всеа Руси“.

1485 г.

149.

Се яз, князь великіи Іван Васильевичъ всеа Руси, что есми дал в домъ Пречистои, Чудотворцу Кирилу, в Кирилов

монастырь, по своемъ брате, по князѣ Юрье и по князѣ Андрѣе Васильевичех, игумену Серапиону з братьею на Во(ло)гдѣ в Маслюнѣ деревни и починки и пустоші, деревню Талицу, да другую деревню Талицу ж, деревню Макаровскую, деревню Великое, деревню Боярьское, деревню Якино, деревню Пестово, деревню Васильевское, деревню Костоково, деревню Липники, деревню Павшинское, деревню Старое, деревню Сычево, деревню Горку, деревню Рѣивзино, деревню Бесѣдное, деревню Филино, деревню починок Михѣев, да починок Доловъ, да починок Дурово, почінок Кузнецовскои и з Бабиньскимъ, починок Лукино Раменье, починок Парѳеновскои, починокъ Великое, починокъ Исаковскои, да пустошь Платуново, да пустошь Степаньковскиа, пустошь Сандалово, пустошь Талица, с лугы и съ мысы и с пожнямі на поминокъ душамъ их и по всѣмъ по своем роду. И нынечѣ мнѣ бил челомъ игумен Гуреи Кириловскои з братьею, тѣ деревни, и починки, и пустоши оттдал назад, а сказывають, что имъ тѣ деревни, ненадобѣ. А просили у меня въ тѣх ихъ деревень мѣсто оброку житного. И яз, князь великіи игумена Гурьа Кириловьского з братьею пожаловал, или хто по нем иныи игумен будет, дал есми им въ тѣхъ деревень мѣсто, і въ починковъ, і въ пустошеи, по триста четвертеи ржы в прок. А емлють тот хлѣбъ на Вологдѣ у моего поселского у Ѳедки у Рублева на Рожество Христово бес переводно или кто по немъ инои поселскои будеть на тѣх селех. А игумен Гуреи и з братьею молятъ Бога за меня, за великого князя, и за мою великую княгиню, и за наші дѣти, о нашемъ здравіи, и за всѣ православное христіаньство. А дана грамота лѣта девятдесять третьаго.—Князь великіи Іван Васильевичь всеа Русіи.

1500 г.

150.

Се яз, князь великіи Іванъ Васильевичь, всеа Руси, пожаловал есми Кириловского монастыря игумена Макарья з братьею, или кто по нем иныи игумен будетъ, что их села на Вологдѣ въ Городцком стану селцо Івановское з деревнями, да селцо Билиревское з деревнями, да в Сямскои волости деревни Карычевъскые, да в Масленскои волости на Сюзмѣ

селцо Михалевьское з деревнями, и хто у них в тѣх (селех) и деревнях учнеть жити людеи, и намѣстніци мои Вологодцкие і волостели Масленскіе и их тивуни тѣх их людеи не судят ни в чемъ, опрочь душегубства и розбоя с поличным, а вѣдаютъ и судять игумен з братьею тѣх своих людеи сами въ всем или кому прикажут, а случится суд смѣстноі тѣм ихъ людем з городскыми людми или съ волостными, и намѣстници мои Вологскые і волостели и их тиуни судять, а игумен Кириловскоі з братьею или их приказщик с ними ж судит. А присудом дѣлятся на пол. А кому будет чего искати на игуменѣ или на его приказщикѣх, ино ихъ сужу яз, князь велики, или мои боярин введеноі. Писана на Москвѣ лѣта 7008 Ѳевраля въ 17 день.

Князь велики Іван Васильевичь всеа Руси.

2. Грамоты указныя.

1432—1485 гг.

151.

Отъ князя Міхаила Андрѣевича в боярьскые села по Шохснѣ в Васильевы села, в Безносовы і в Івановы села в Монастырева, і въ всѣ села боярьскые. Били ми челом старці от пречистыа Богоматери, и с Кирилова монастыря, а сказывают, что ставите сѣна на лузѣх по Шохснѣ, да тѣх сѣнъ не городите, а их стада монастырскые по лугом ходять и чье будеть сѣно не в городбѣ их стадом потравлено, ино им в том пени нѣт. І вы бы сѣна городили. А не имѣте городити, а у вас потравятъ сѣна, ино вам изстравы нѣтъ.

1455 г.

152.

Отъ князя Михаила Андрѣевича, на Белоозеро к намѣстнику и къ старостѣ городскому и къ волостелем и къ всѣм старостамъ и к рыбником, въ всю мою вотчину Белозерскую. Пожаловал есми отца своего игумена Касьана з братьею, или

по немъ иныи игумен будеть, что отца моего жаловалные грамоты и мои жаловалные грамоты і вы бы тѣхъ жаловалных грамотъ слушали. А они ходятъ по моимъ жаловалным грамотам по старинѣ. А хто ся ослушает, быти от меня в казни. А дана грамота в лѣто 6963 мѣсяца Генваря въ 26 день.

1476—1482 г.

153.

Отъ князя Михаила Андрѣевича Ѳеодору Судокову, что былъ есми у Кирилова монастыря взял в Кобачинѣ наволокѣ пожні, да дал тѣ пожни тебѣ, и язъ, нынѣче тѣ пожни опять отдалъ назадъ въ Кирилов монастырь, игумену Ниѳонту. И ты бы ся в тѣ пожни не вступал по сеи моеи грамотѣ. А язъ тебѣ жалую индѣ пожнями.

154.

Отъ князя Михаила Андрѣевича на Белоозеро, к княземъ моим, и бояромъ, и дѣтем боярьскым, і волостелемъ, и тиуномъ, в мои села поселским, і в монастыри къ игуменом, і въ всѣ волости, і в мои села, въ всю мою вотчину. Пожаловал есми игумена Ниѳонта, Кирилова монастыря, з братьею, или по нем инои игумен в Кириловѣ монастырѣ будет, и хто их чѣм изобидит игумена или братію, или монастырьскых людеи какою обидою, в моеи отчинѣ, на Белѣозере, и яз им дал своего прістава Тараса. И мои пристав Тарасъ тѣх даст на поруци отъ игумена от Ніѳонта, Кирилова монастыря, или по нем иныи игумен будет в Кириловѣ монастырѣ, или от старцовъ, илі отъ манастырьскых людеи. Да срок им запісывает передо мною, княземъ Міхаиломъ Андрѣевичемъ, за двѣ недѣли до Великого Заговенья, до мясного.

155.

Отъ князя Михаила Андрѣевича игумену Кирилова монастыря Ниѳонту і всеи братьи. Бил ми челом мои сынъ боярьскои Ѳедоръ Костянтіновичь. А сказывает так, что деи с ним хотите менять землями. А меняете де у него деревню Олек-

сѣевъскую, да Мартемьановскую, что у меня выменили в Ѳедосьинѣ городкѣ. А ему деи промѣниваете деревню Щекинскую, Новоселкы, на Углѣ. І вы бы съ ним меняли. А яз вам с нимъ меняти ослобожаю.

156.

Отъ князя Михаила Андрѣевича. Поселскому моему Мікуле Стогиніну на Ирьдму или кто иныи мои поселскои по нем будеть. Чтобы еси на всякии год давал к Пречистои Богородици в Кирилов монастырь игумену з братьею, на Кірилову память да на праздникъ Успеніе Пречистыи на мои кормли по четыре бочки пшеніци, да по шті бочек ржы, безо всякого перевода, по сеи по моеи грамотѣ. Да прочет сію грамоту да отдаи игумену и он ту мою грамоту держитъ у себя в прок.

Послѣ 1485 г.

157.

Список з грамоты.

Отъ великого князя Івана Васильевича, всеа Руси, на Бѣло озеро сотніку Городецкому і всѣмъ хрістіаном, и на Волочок на Словѣнскои, и на Ирдму, и на Углу, старостам і всѣм христіаном. Били ми чѣлом Пречистые Кирилова монастыря старци Гаврило да Теласеи, а сказывают что ся деи у них въступаете въ ихъ монастырьскые земли і пожни, а будут тѣ земли и пожні пахали и косили кириловскіе старци и их христіаня до княжа Михаилова Андрѣевича живота, і вы бы ся в тѣ землі і въ пожні не въступали. А будете на тѣх пожнях сѣно косили і вы бы то сѣно отдавали кириловским старцем, доколѣ Богъ дастъ яз, князь великіи, на тѣ земли и пожни своего дозорьщіка пошлю. А кои землі пахалі и пожни косили вы христіаня и старосты по княж Михаилов живот, и яз князь велики старцом кириловским и их христіаном в тѣ земли і въ пожни въступатися не велѣл доколѣ Богъ дастъ яз на тѣ земли и пожни своего дозорьщика пошлю. Да прочітая сю мою грамоту да оттдаваите имъ назадъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ Б.

АКТЫ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ XVI в.

по рукописи XVII в.

I. Вкладная.

1.

(1583 г.). Лѣта 7091. Се язъ старець Кирила Васильевъ сынъ Живляковъ. Далъ есми въ домъ Пречистой Богородицы и Чудотворцу Кирилу въ Кириловъ монастырь игумену Игнатію з братіею, и кто по нем иный игумен будетъ, дворъ отца своево и свои на Белѣозерѣ на посаде во дворѣ хлѣба: ржи, и овса, и ячмени, и пшеницы не мѣрно, да в дворѣ платья и всякую подворскую мѣлкую рухлядь, да денегъ семъ сотъ рублевъ и всего моево даянія на тысячу на сто рублевъ, и за то даяніе игумену Игнатію, или къто по немъ иныи игумен будет, отца моево поминати и кормити по нем два кормы на год, а меня Кирила покоити въ Кирилове монастырѣ какъ и прочую братію. А Богъ по мою душу пошлетъ и меня поминати, да кормити по мнѣ два же корма на год, а на то послуси: Михаило Ивановъ сынъ Веяновъ, да Невзор Алферьевъ сынъ, да Третьякъ Степановъ сынъ Вязмятинъ, да Костянтинъ Михайловъ сынъ, да Миронъ Разсягаи Феоѳиловъ сынъ, а вкладную писал Кирилова монастыря Казенои дьячекъ Васьякъ Дмитріевъ сынъ Рязанецъ.

И. П. Б. Q. IV, 113, стр. 331—333.

II. Данныя.

2.

(1548 г.). Се язъ Онанія Родионовъ сынъ дал есми Пречистой и Чюдотворцу Кирилу въ домъ игумену Афонасію з братьею двор и дом въ Пробоиной улицѣ в прок, без выкупа, и с огородом, по своем отцѣ и по своеи матери и по своих родителех и по своеи душе въ межах... ...(такихъ-то), а на то послуси: Мясоѣдъ Семеновъ сынъ Вислова, да Ефимъ Алексѣевъ сынъ Малышева, да Лихачь Анисимов сынъ Карпина, да Степанъ поповъ сынъ Федоровъ, а даную писалъ Иванецъ Матфѣевъ сынъ Поповъ лѣта 7056.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 304—305.

3.

(1568 г.). Се язъ, Некрасъ Ивановъ сынъ Ившина, далъ есми Пречистой Богородицы и Великому Чюдотворцу Кирилу игумену Кирилу з братьею и кто по немъ иныи игумен будетъ, на Белѣозерѣ, на посаде, на берегу дворъ сторону въ межахъ... ...(такихъ-то) и роду моему и племянѣ до того двора дѣла нѣтъ никому ни в чем никаково, а у сеи данои сидѣлъ отецъ мои духовнои священикъ чернои Сергей, да Офонасеи Матфѣевъ сынъ, да Андрѣи Лукьяновъ сынъ. А даную писалъ Роспопа Елисеевъ сынъ лѣта 7076. Генваря въ 29 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 305—306.

4 [1]).

(1582 г.). Се язъ, старецъ Кирило Васильевъ сынъ Живляковъ, далъ есми в домъ Пречистои Богородицы и Чюдотворцу Кирилу игумену Козмѣ з братьею, на Белѣозерѣ по конецъ посаду дворъ свои и отца моего благословенье, а въ дворѣ хоромъ горница болшая с комнатою, повалуша и сѣни,

[1]) Ср. со вкладной № 1.

да другую горницу, да сенникъ на подклѣте и с сенники отъ огорода до посаду да два сенника на подклѣтех с чюланомъ, отъ улицы житейска да сараи с конюшною, да посреди да ледникъ до изба житейская, да чюланъ, а на другои стороне сараи забранъ вверху и выведен по конець сарая сенникъ с подклѣтом, да в огороде поварня, да мылня, да колодез, да две житницы, да полати, да два пруда, и з садом, и с яблоки, и с вишнями, и с лужки, и съ хлѣбом, а хлѣба ржи сѣяно пол пяты четверти и з житницами, а в житницахъ хлѣба ржи, и овса, и ячмени, и что Богъ пошлетъ за четырма стами четвертеи. И то все монастырьскои, да противъ хоромъ передних лужекъ огороженъ, а тож у меня даръ отца моего благословенье, не проданъ, ни заложенъ, и гдѣ на тотъ дворъ выляжетъ кабале, или купчая, или закладная ино мнѣ тотъ дворъ очищати своими деньгами, а монастырю в том дворѣ убытка не довести никакого, да двѣ лотки Белозерские, да на писмѣ анбаръ соляной, да сто рублевъ денегъ. А на то послуси: Карпъ Семеновъ сынъ Шушпановъ, да Шумило Митрофановъ сынъ Неустроевъ, а даную писалъ Федка Аврамов сынъ Белозерець лѣта 7090 году.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 308—311.

5.

(1534 г.). Се азъ, Федоръ Гнѣвашевъ сынъ Сточинина с своеи женою и дѣтми, дали есмя Пречистои Богородицы в домъ и Чюдотворцу Кирилу Господину игумену Дософѣю и всеи о Христе братіи в городе на посаде в Ленскои слободѣ дворъ, что есми сами поставили на пустыхъ мѣстехъ у болота, а на дворе хоромъ двѣ горницы, да повалушка, да двои сѣни деревянные, да погребъ, да ледникъ, да поварня, да мыльня, да конюшна, да сенникъ болшои, гдѣ сѣно живетъ, а понадобится дворѣ братьи моеи и онѣ дадутъ въ монастырь за мои дворъ двадцать рублевъ, а сию даную писал яз Федоръ своею рукою, а даная писана лѣта 7042 и печать есми к сеи даной свою приложилъ.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 323—324.

III. Кабала.

6.

(1579 г.). Се язъ Исакъ Степановъ сынъ Малои Белозерець. Занялъ есми у Кирилова монастыря, у старца, у Мисаила у Ленидова пятнадцать рублевъ казеныхъ денегъ монастырскыхъ ходячего сребра московскаго, отъ мясного заговеина да до мясного заговеина на годъ, а заложилъ есми Государю игумену Козме и Государемъ Соборнымъ старцемъ, старцу Зеновью Келарю, Меркурью казначею, Мисаилу и всемъ государямъ соборнымъ старцомъ Кирилова монастыря, в тѣхъ денгахъ свою деревню у Белаозера у города, в Карголомѣ, деревню Улыбашево, со всѣми угодьи, что к тои деревни истари потягло, куды ходила коса и топоръ, по старымъ межамъ, в землѣ, и в лугахъ, и въ лѣсехъ, и отъ монастырьскихъ и его по данои грамоте писцовъ Дмитрѣя Ростопчина, а не заплачю язъ Исакъ Степановъ Кирилова монастыря старцу Мисаилу Нелидову[1]) тѣхъ денегъ пятинадцати рублевъ на срокъ на мясное заговейно, ино сея кабала на мою деревню Улыбашево и купчая и та моя деревня очистити отъ Царевыхъ Великои Князя деревенъ и отъ монастырскихъ тѣ слободы и отходные и крѣпостми земляными старцу Мисаилу выдати все, что тои деревни межа. А на то послуси: Кирилъ да Василеи Ивтихьевъ дѣти, да Гаврило Григорьевъ сынъ Павловъ, а кабалу писалъ Оксенецъ Поповъ сынъ Яковлевъ лѣта 7087 году.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 313—315.

IV. Купчія.

7.

(1586 г.). Се язъ, Тарасъ Вахроміевъ сынъ Петроновъ продалъ есми Кирилова монастыря старцу Васьяну лавку свою въ городе на Белѣозере въ общем ряду и с мѣстом, стороны въ межахъ .. ...(такихъ-то), а та лавка нова с чюланомъ, с по-

[1]) Выше было Ленидовъ.

лати, а у лавки у двереи замокъ нутряныи да двои пробои, а взял есми на тои лавке пол четверти рубли денегъ без выкупу, а в очищеньи тои лавке яз Тарасъ отъ кабал, и отъ записеи, и отъ закладныхъ, и отъ всякихъ крѣпостей, а на ту есми лавку старцу Васьяну и старыя крѣпости купчіе далъ, а на то послуси: Третьякъ Васильевъ сынъ Пороховъ, да Тима Васильевъ сынъ Дворниковъ, да Феодоръ Угримовъ сынъ Кормщиковъ, а купчую писалъ Завялко Селяниновъ сынъ Рушаниновъ лѣта 7094 Апрѣля въ 31 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 306—308.

8.

(1518 г.). Се язъ, Осипъ Давыдовъ сынъ Кондратьева, да язъ Первои Богдановъ сынъ Малиева, Белозерцы, посадцкие люди, продали есми Кирилова монастыря слугѣ Федору Темашеву да ихъ Кириловскому крестьянину Ивану Барсукову на Бѣлеозерѣ в городе в большом ряду лавку свою и с мѣстомъ въ межахъ Левы Боракова, а по другую сторону моево тестя Осипа, Богдана Маліева, а моево Первова отца, что нынѣ у Живоначалные Троицы на Устьи Шексны реки во иноцехъ Андреянъ, а въ тои лавки чюланъ с полами, а та лавка на одно лицо дверми, а на полатехъ в тои лавкѣ сусѣки, а двери з замкомъ с нутрянымъ в пятую стѣну на полатехъ, да двери ж в омбарѣ в пятую жъ стѣну без замка, а у болшои лавки замокъ нутрянои а на пробоехъ у тѣхъ же дверен клинчатои. А на тои мы своеи лавки и с мѣстомъ взяли у него у Кириловсково слуги у Федора, да у того монастырьского крестьянина у Ивана Барсукова монастырьскихъ денегъ двадцать рублевъ. А продали есмя тою лавку и с мѣстомъ безъ выкупа, а та лавка наша, моя Осипова и Первова, была с моимъ с Первовымъ отцомъ, а съ моимъ Осиповымъ тестемъ з Богданомъ, да с моимъ с Первушинымъ с братомъ, с Акиндиномъ, а с моимъ Осиповымъ шуриномъ, и та вопчая лавка досталась з дѣлу ему, моему Первушину отцу, а моему и брата зятю Осипу, а напередъ сего та наша лавка никому не продана, ни заложена, и по душе ни въ которои мона-

стырь не вдана, и ни въ какихъ крѣпостехъ, ни въ кабалахъ, ни въ закладныхъ, ни въ записяхъ, ни в купчихъ, ни в духовныхъ не писана. А кто в тою нашу лавку с мѣстомъ учнетъ вступатися и какую крѣпость на тою нашу лавку нибуди положитъ, и мнѣ Первому отъ отца своего Богдана, а нынѣ отъ старца Андрѣяна и отъ брата своего Анкиндина, а мне Осипу отъ тестя твоего и отъ шурина и отъ дѣтеи своихъ обѣимъ намъ и отъ всякихъ людеи и крѣпостей во всемъ очищати, а не учнемъ мы тоей своей лавки и с мѣстомъ, какъ въ сей купчеи написано, очищати, и что въ нашеи неочистки в тои нашеи лавки Кирилову монастырю и слугѣ и крестьянамъ убытка учинитца и намъ ему по сеи купчеи Кириловскому слугѣ крестьянину за лавку все сполна, и по нашей продаже та лавка с мѣстомъ монастырьская никому никакову до тое нашеи лавки дѣла нѣтъ, и в книгахъ на Бѣлѣозере в приказе намъ та своя лавка записати, а на то послуси: Дружина Третьяковъ сынъ Пороховъ, да Иванъ Дементьевъ сынъ Бушманова Белозерскои ямскои слободы охотникъ, да Дружина Тимофѣевъ сынъ Микулина, да Богданъ Никитинъ сынъ Шкурляевъ, а купчую писалъ Будимка Дмитріевъ сынъ Теритина лѣта 7026.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 318—322.

9.

(1578 г.). Се язъ, Павелъ Ононьинъ сынъ Тарянина, Двинского уѣзда Ненакозанинъ, продалъ есми в домъ Успенія Пречистои Богородицы и Преподобному Чудотворцу Кирилу и келарю Зиновью и казначею и всѣмъ соборнымъ старцомъ Кирилова монастыря, дворъ свои в Неноксѣ на посадѣ и со всѣми хоромы, а во дворе хоромовъ горница на дву щербенехъ, да противъ горницы амбаръ на дву подклѣтахъ и с предмостьемъ, да сараи на столбахъ, да сенникъ на хлѣвахъ, да мыльня и со всѣмъ тотъ дворъ. А стоитъ на земли на Петровскои. А в межахъ отъ Третьякова двора Кашина, а по другую сторону отъ Проѣзднои улицы. Да яз же Павелъ продалъ в Неноксѣ в Навеликихъ мѣстехъ росолу три двѣ-

надцатыхъ сугреба четверти варницы в Григорьевскои варницы, что есми тотъ росолъ купливалъ у Терентія Григорьева сына Кологривова ино тому росолу по тремъ двенадцатымъ сугребамъ в пренѣ и въ варницѣ и в кострицахъ, и в колодцы росолномъ и во всѣмъ угодьи варничномъ без вывѣта, а в сябрехъ тотъ росолъ с Семеномъ Григорьевымъ, да с Васильевыми дѣтьми с Феѳілатьемъ, да съ Яковомъ, да з Степаномъ и с иными сябры. А взялъ есми на томъ дворе и на росолѣ на всѣмъ на томъ что в сеи купчеи писано сто рублевъ денегъ московскимъ числомъ. А продалъ есми отступился в дерпь безъ выкупа, в очищеньи тому двору и росолу со всѣми угодьи что в сеи купчеи писано яз Павелъ отъ иныхъ купчихъ и закладныхъ своими деньгами. А старые купчеи на дворъ и на росол я Павелъ оставилъ у себя для очищенія. На то послуси: Феѳилатеи Васильевъ сынъ Кологривовъ, да Перфиреи Яковлевъ сынъ Карташевъ, Крестиногорьскои дьякъ, да Яковъ Васильевъ сынъ Житкихъ Крестиногорскои же дьякъ. Купчую писалъ Петровскои діячекъ Патрекѣецъ Петровъ сынъ лѣта 7086 августа въ 20 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 373—377.

10.

(1581 г.). Се язъ Павелъ Онаньинъ сынъ Таренина Неноκшанинъ продалъ есми Кирилова монастыря слугѣ Андрѣю Семенову сыну Ѳуникова амбаръ свои въ Неноксе надъ озеромъ на подклѣте и на подрубѣ, с мосты, и с засѣки, и с полатми, и с кровлею и з двѣрми, и з замки, и с пробои, с мостомъ передъ амбаромъ и с лѣствицами, что есми тотъ амбаръ купливалъ у Терентія Григорьева сына Кологривова. А въ межахъ тотъ анбаръ отъ Петровсково мосту, а по другую сторону отъ Троицкого амбара Сіиского монастыря. А взялъ яз Павелъ у Ондрея на томъ анбаре казенова серебра Кирилова монастыря пятнадцать рублевъ денегъ московскимъ числомъ *всеручь*, а продалъ есми тотъ анбаръ в дернъ безъ выкупа. А в снимкѣ и в очищеньи тому анбару яз Павелъ своими деньгами. А старую купчую на тотъ анбаръ с сею с новою купчею яз Павелъ Андрѣю же выдалъ. На то

послуси: Феѳилатеи Исаковъ сынъ Кологривова, да Аверкеи Михаиловъ сынъ Кологривова. Купчюю писалъ Петровскои дьячекъ Патрекѣи Петровъ сынъ лѣта 7089, февраля въ 18 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 377—380.

11.

(1581 г.). Се язъ, Іванъ Михаиловъ сынъ Кологривова, Ненокшанинъ, с своимъ сыномъ с Васильемъ, продали есмя слугѣ Кирилова монастыря Ондрѣю Семенову сыну Ѳуникову въ Неноксѣ дворъ свои и с подворною землею, в чемъ сами жили, своего ставленія. А во дворѣ хоромовъ горница с комнатою на подклѣтехъ, да повалыша на дву подклѣтехъ и з замки, да сараи на хлевѣ, да ворота с приворотьемъ и з заплотиною; кругъ двора да за дворомъ полцо земли отъ Исаковыхъ дѣтей полцо въ межахъ, а около отъ улици Проѣзднымъ, а отъ Тарасици отъ Пискова огородца отъ улицы Проѣзднои. А в межахъ тотъ дворъ отъ Борисова двора Житкихъ. А по другую сторону отъ Гуляевыхъ погребовъ. Да на тои же земли на монастырьскои во дворе стоитъ изба да клетка на погребѣ, да мылня Ивана Михаилова. А жить в нихъ Ивану да сыну ево Василью. И выдетъ Иванъ с сыномъ вонъ изъ двора и тѣ ему хоромы взять. А земля подъ хоромы монастырьская. Да на переду подъ горою продали есмя огородецъ капустникъ земли, въ межахъ отъ Гуляева огородца, а по другую сторону отъ Васильевыхъ детеи, и взяли есмя на томъ дворѣ, и на дворище, и на полцѣ, и на огородцѣ на всемъ на томь, что в сеи купчеи писано монастырьскихъ денегъ казенного серебра двадцать рублевъ московьскимъ числомъ *всевручь*. А продали есмя и отступилися в дернь, без выкупа. А где выляжетъ на тотъ дворъ, и на хоромы, и на дворища, и на полцо, и на огородецъ купчая или закладная, и намъ Івану да Василью тѣ купчія выкупити своими денгами и тотъ дворъ очищати, а Кирилову монастырю в том убытка не учинить. На то послуси: Перфіреи Яковлевъ сынъ Карташевъ, да Степанъ Михаиловъ сынъ Будаи, да братъ мои Аверкеи Міхаиловъ сынъ Кологривовъ. Купчюю

писалъ въ Неноксѣ Петровской дьячекъ Патрекеецъ Петровъ сынъ лѣта 7089 г. іюня въ 7 день.

И. П. Б. Q. IV. 113; стр. 380—384.

12.

(1584 г.). Се язъ, Василеи Ивановъ сынъ Окулова, Лисоостровецъ, продалъ есми старцу Григорью Кирилова монастыря въ Неноксѣ анбаръ свои на озере, а стоитъ тотъ анбаръ подле Борисова анбара Филиксова, по своей купчей, что есми купилъ у Федора у Карпова. А взялъ есми язъ Василей у старца Григорія на томъ на своемъ анбаре полтретьи рублеи денегъ московскимъ числомъ *вспьручь* монастырьскихъ казенныхъ денегъ. А продалъ есми тотъ анбаръ с мосты, и с кровлею, и со всѣмъ нарядомъ. А тотъ мои анбаръ не проданъ, ни заложенъ никому, ни вчемъ, опришно сеи купчеи. А кто приступитца к тому анбару с купчее, или з закладною, или братъ мои или племяники, и мнѣ Василью очищати своими деньгами, а Кирилову монастырю убытка не привести. На то послуси: Стеѳанъ Будаи Михаиловъ сынъ, да Николскои дьякъ Микула Ивановъ сынъ Кологривовъ. Купчюю писалъ земскои дьячекъ Алеша Кириловъ сынъ Офутина. Лѣта 7092 Апреля въ 14 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 384—386.

13.

(1581 г.). Се азъ, Павелъ Ананьинъ сынъ Тарянинъ, продалъ есми слуги Кирилова монастыря Андрѣю Семенову сыну Ѳунікова в Неноксе на великихъ мѣстехъ полъ двенадцати сугреба росолу в Григорьевскои варницы и потому полудвенадцатому сугребу участки в варнице, и в црене, и в дучахъ, и в колодези росолномъ, і в кострищахъ, и со всѣмі варничными угодьи; въ сябрехъ тотъ мои росолъ с Семеномъ Григорьевымъ сыномъ Кологривова да с Архангельскими старцы и с иными сябрами. А тотъ есми росолъ купилъ у Ивана Григорьева сына у Ежа. А взялъ есми язъ Павелъ у Ондрея на томъ росоле на полудвенадцатомъ сугребѣ и с угодьи и на

всемъ на томъ, что в сеи купчеи писано, казеново серебра шестнадцать рублевъ денегъ московскимъ числомъ всевручь, а продалъ есми и отступился в дернъ, безъ выкупа, а гдѣ выляжетъ на тотъ росолъ купчая или закладная, и мнѣ Павлу выкупати своіми деньгами и тотъ росолъ очищати, а Кирилову монастырю в томъ убытка не учинити. А на то послуси Перѳіреи Яковлевъ сынъ Карташева, земьскои дьякъ, да Стефанъ Михаиловъ сынъ Будаі, а купчюю писалъ Николскои дьячко Микулка Исаковъ сынъ Кологривова; лѣта 7089 г. іюня въ 3 день, и старые есми купчіе отдалъ Андрею [1]).

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 386—389.

14.

(1586 г.). Се азъ, Павелъ Ананьинъ сынъ Тарьяніінъ, продалъ есмі Кирилова монастыря слугѣ Торопу Стеѳанову сыну Колкацкому въ Неноксѣ анбаръ свои на подклѣте со всѣмъ нарядомъ з засеки, и з дверми, и з замкі, и с пробои, и с мосты, и з кровлею, и с примостьемъ, и с переходною доскою, что есмі тотъ анбаръ купливалъ у Кузмы Каляніна. А стоитъ тотъ анбаръ у озера противъ Архангельсково монастыря анбаръ. А взялъ есми язъ, Павелъ, Кирилова монастыря слуги у Торопа монастырьскихъ денегъ казеново серебра шесть рублевъ денегъ московскимъ числомъ всѣвручь. А продалъ есми тотъ анбаръ со всѣмъ нарядомъ и з старыми купчими [2]) и отступился в дернъ, безъ выкупа. А тотъ у меня анбаръ не проданъ, ни заложенъ нигдѣ, опрично сеи купчеи. А гдѣ выляжетъ купчая или закладная на тотъ анбаръ, и мнѣ Павлу очищати своими денгами, а Кирилову монастырю в томъ убытка неучинити. На то послуси: Климентовьскои дьячекъ Иванъ Бурнашъ Алексѣевъ сынъ Офутина, да сотникъ Неноксского посаду Григоріи Михаиловъ сынъ Заверткинъ. Купчюю писалъ церковный дьячекъ Патрекейко Петровъ лѣта 7095 ноября въ 27 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 389—391.

---

[1]) Эту купчую см. подъ № 21.

[2]) Означенныя купчіи см. подъ №№ 18, 19, 20.

15.

(1586 г.). Се азъ, Павелъ Ананьинъ сынъ Тарянінъ, продалъ есми Кирилова монастыря слугѣ Торопу Стефанову сыну Колкацкому половину анбара своего с перерубомъ на взмостѣ, что есмі ту пол анбара купливалъ у Бориса Никитина сына Житкихъ. А стоитъ тотъ анбаръ нынѣ во дворѣ у Матфея Клименьковьсково помаря. А другая половина того анбара Гаврила Пікина. А взялъ есмі на томъ полуанбаре у Торопа Кирилова монастыря казеново серебра два рубля денегъ Московскимъ числомъ всѣвручь. А та поланбара у меня не продана, не заложена нигдѣ, опрично сеи купчее, а гдѣ выляжетъ на ту поланбара купчая или закладная, и мнѣ Павлу очищаті своими деньгами, а Кирилова монастырю въ томъ убытка не учинити. А продалъ есмі тое поланбара и съ старою купчею [1]) и отступился вдернъ, безъ выкупа. На то послусі: Климентовскоі діячекъ Іванъ Бурнашь Алексѣевъ сынъ Офутина, да Григореи Михаиловъ сынъ Заверткинъ. Купчюю писалъ церковнои дьячекъ Ненокоцково посаду Патрекейко Петровъ лѣта 7095 Октября въ 21 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 391—394.

16.

(1582 г.). Се азъ Борисъ Никитинъ сынъ Житкихъ, продалъ есмі Павлу Ананьину сыну Таренину полъ анбара своего во дворѣ, что у насъ тотъ анбаръ вмѣсте з Гавриломъ с Пикишею, на взмосте, с перерубомъ, о четверыхъ дверяхъ, а взялъ язъ Борисъ у Павла на томъ на своемъ полуанбарѣ два рубля денегъ всевручь, а продалъ в дернъ безъ выкупа, а въ очищеніи тому полуанбару язъ Борисъ отъ купчихъ, отъ закладныхъ, отъ всякихъ записныхъ крѣпостей. А на то послуси: Гаврило Федосьевъ сынъ Пикишинъ, да Иванъ Игнатьевъ сынъ Кругловъ, а купчюю писалъ Гриша Сергеевъ сынъ Поповъ лѣта 7091 Октября въ 4 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 394—395.

[1]) Эту купчую см. № 16.

17.

(1585 г.). Се азъ Василеи Третьякъ, а язъ Мартинъ Тимофѣевы дѣти Окуловы, да язъ Иванъ Васильевъ сынъ Акулова, Двиняне, Лисоостровскіе волости, продали есмя Кирилова монастыря слугѣ Тихану Якимову сыну Карцову избу свою дрововозную в Неноксѣ на Верхнеи рѣки и з стаею с лошадиною, гдѣ дрова привозимъ на бѣрегъ к рекѣ у озера Верхнорѣцкова, свое владенье, по старой купчеи, что купилъ нашъ Третьяковъ, да Мартиновъ дядя, а мои Ивановъ отецъ Василеи Ивановъ сынъ Акулова тое избу и с стаею у Исака да у Наума Павловыхъ дѣтей Воробьевыхъ. А взяли есмя у Тихана на тои избѣ на стаи со всѣмъ нарядомъ и с своею приставною, два рубля денегъ московскимъ числомъ. А продали есмя и отступилися тое избы и стаю в дернъ, безъ выкупа. А в снимке и въ очищеніе тое избы и стаи со всѣмъ нарядомъ отъ иныхъ купчихъ, и закладныхъ, и отъ всякихъ писменыхъ крѣпостеи хто учнетъ вступатися язъ Третьякъ, да язъ Мартинъ, да язъ Иванъ своими деньгами, а Кирилову монастырю в томъ убытка не учініті. А старую купчюю язъ Третьякъ, да Мартинъ, да Иванъ оставили у себя для очищенья, и старая купчая положити намъ къ очищенью безъ денежно. На то послуси: земской діякъ Алексѣі Кириловъ сынъ Офучина, да Николскои дьякъ Микула Исаковъ сынъ Кологривова. Купчюю писалъ Петровскои дьячекъ Патрекѣйко Петровъ лѣта 7093 Апреля въ 6 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 395—397.

18.

(1580 г.). Се азъ, Андрѣй Семеновъ сынъ Горбуновъ, Архангельскои слуга, продалъ есми Ивану Григорьеву сыну Ежу амбаръ в Неноксѣ, а стоитъ у озера, у Архангельсково амбара, задомъ к Троецкому двору, а передомъ к Архангельскому амбару. А продалъ есмі стѣны голые безъ моету и без лиственицы, а взялъ есми на амбаре четыре рубли, а продалъ есми в дернъ, безъ выкупа. А в снімкѣ і в оцыщеньи тому амбару откупчихъ и отъ закладныхъ тому амбару язъ

Андрѣи оцыщати своимі денгами. На то послуси: Алексеи Ивановъ сынъ Архангельскои слуга, да Богданъ Ивановъ сынъ портноі мастер Скурцовъ. Купчюю писалъ Архангельскои дьячекъ Архипка Александровъ сынъ лѣта 7089 Декабря въ 26 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 397—399.

19.

(1582 г.). Се азъ Иванъ Григорьевъ сынъ Ежъ, Ненокшанинъ, продалъ есми Козмы Васильеву сыну Калянину амбаръ свои на подклете, а стоитъ моі тотъ амбаръ у озера противъ Архангельсково амбара, с нутремъ и с кровлею, и со всѣмъ без вывѣта и з замки, и с мосты нутряными. А взялъ есмі у Козмы на томъ амбаре и со всѣмъ нарядомъ пять рублевъ денегъ всѣвручь, а продалъ есми в дернъ, безъ выкупа. А въ очищеніе тому амбару отъ купчихъ и отъ закладныхъ и всякихъ писменыхъ крѣпостеі язъ Иванъ Ежь своими деньгами, а продалъ есми по своеи старои купчеи, что есми купливалъ у Ондрѣя Горбунова Архангельсково приказщіка, а старую купчюю ему же отдалъ за игуменною рукою. А на то послуси: Іванъ Михаиловъ сынъ Кологрівова, да Перфіреі Яковлевъ сынъ Карташевъ, а купчюю писалъ Николскоі діячекъ Микулка Исаковъ сынъ Кологрівова лѣта 7090 Іюня въ 5 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 399—400.

20.

(1582 г.). Се азъ Козма Васильевъ сынъ Калянінъ, Ненокшанінъ, продалъ есми Павлу Онаньину сыну Тарянину амбаръ свои, а стоитъ тотъ амбаръ у озера противъ Архангельского амбара, на подрубѣ, солочинои (?) с верхнеі, с нутремъ и кровлею, а взялъ есми на томъ анбарѣ у Павла пять рублевъ денегъ всѣвручь. А тотъ есми анбаръ купливалъ язъ, Козма, у Ивана Григорьева сына Ежа, а продалъ есми Павлу в дернъ, безъ выкупа, а въ очищеньи тому анбару отъ купчихъ и отъ закладныхъ и всякихъ писменыхъ крѣпостеи

язъ Козма своими деньгами, а продалъ есмі и с старыми купчими, а на то послуси: Сава Васильевъ сынъ Пряженинъ, да Невѣрь Ивановъ сынъ Обрѣсковъ. А купчюю писалъ Николскои дьячекъ Микулка Исаковъ сынъ Кологривовъ лѣта 7090 Іюня въ 15 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 400—402.

21.

(1581 г.). Се азъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Ежь, продалъ есми Павлу Онаньину сыну Тарянину половіну двѣнатцотого сугреба в Григорьевскоі варницы на Великихъ мѣстехъ и потому полудвѣнадцатому сугребу участки в варницы, і в црѣне, і в колодцы росолномъ, і в кострищахъ, а ту есми пол сугреба купливалъ язъ Иванъ Ежь у Микулы Исакова сына Кологривова. В сябрехъ та моя пол сугреба с Павломъ Таряніномъ, да с Семеномъ Григорьевымъ сыномъ и с Васильевыми дѣтмі с Феоілатьемъ, да съ Яковомъ, да Степаномъ Кологривовыми. А взялъ есми язъ Иванъ Ежь у Павла Онаньина сына Тарянина на томъ полудвѣнатцатомъ сугребе и с угодьи шеснатцать рублевъ денегъ. А в очищеньи тому полудвѣнадцатому сугребу и съ угодьі, язъ Иванъ Ежь отъ иныхъ купчихъ, и закладныхъ, и отъ всякихъ писменыхъ крѣпостей. Да и старую есми Павлу купчюю на ту пол двенатцатого сугреба выдалъ. А въ чіщеніі язъ Иванъ Ежь своимі деньгами, продалъ есмі в дернъ, безъ выкупа. А на то послуси: Григореи Михаиловъ сынъ Заверткинъ, да Ларіонъ Селивановъ сынъ Пахомова. А купчюю писалъ Николскои діячко Микула Исаковъ сынъ Кологривова, лѣта 7089 мѣсяца Маия въ 24 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 402—404.

22.

(1581 г.). Се азъ, Ондрѣи Ивановъ сынъ Белозеръ, Ненокшанинъ, продалъ есми слугѣ Кирилова монастыря Ондрѣю

Семенову сыну Ѳунікова на новолоки тринатцатыи сугребъ росолу в новои варнице, свое владенье, по лѣтноі грамотѣ Двинсково данново старосты Якима Романова с товарищі, и потому тринатцатому сугребу участьки в варніцѣ, и в ценѣ, и в дугахъ, и в колодці росолномъ, і в костріщахъ, і во всѣмъ варнічномъ угодьи. А в сябрехъ тотъ росол с Николскими старцомъ с Корѣльского монастыря, да с Микулою с Коковинымъ и с иными сябры. А взялъ язъ Ондрѣи у Ондрѣя на томъ росоле на тринатцатомъ сугребѣ и с угодьи и на всемъ на томъ, что в сеи купчеи писано, казеныхъ денегъ монастырьскихъ дватцать рублевъ московскимъ числомъ, всевручь, а продалъ есми тотъ росолъ с угодьи і отступился в дернъ, безъ выкупа, потому что не измоглъ есми с того росолу дани Царьскіе платитї и оброку и всякихъ земскихъ розметовъ. А гдѣ выляжетъ на тотъ росолъ купчая или закладная и мнѣ Ондрѣю Бѣлозеру выкупатї своими деньгами и тотъ росолъ очищатї, а Кирилову монастырю в томъ убытка не учинити. На то послуси: Яковъ Васильевъ сынъ Житкихъ, да Климентовьскои дьякъ Алексѣй Кириловъ сынъ Офутина, да Иванъ Михаиловъ сынъ Кологрівова. Купчюю писалъ в Неноксе Петровскои дьячекъ Патрекѣець Петровъ лѣта 7089 Іюля въ 19 день.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 404—406.

V. Мѣновныя.

23.

(1574 г.). Се язъ Лазарь Ферапонтовъ сынъ монастырскои жилецъ, что у меня на Белѣозерѣ на посаде мѣсто дворовое отца моего благословенья у озера близко церкви Здвиженья Честнаго Креста, въ межахъ Кириловское жъ мѣсто, что дворъ былъ брата моего Алферья и язъ Лазарь свое мѣсто дворово променилъ Кирилова монастыря игумену Козмѣ и старцомъ соборнымъ на ихъ мѣсто Олферовское брата моего в мѣру противъ ихъ мѣста и игумену Козмѣ и старцомъ

соборнымъ владѣти моимъ мѣстомъ Лазаревымъ по мѣрѣ противъ Олферьевского мѣста, а мнѣ Лазарю владѣти монастырьскимъ мѣстомъ Олферьевскимъ в черномъ тяглѣ в прокъ без выкупа, а сверхъ дворового мѣста и огородного сверхъ мѣры язъ Лазарь далъ игумену Козмѣ и старцомъ соборнымъ за свои огородъ лужекъ, а въ ихъ лужекъ, что за Олферьевскимъ огородомъ мнѣ Лазарю и дѣтямъ моимъ не вступатись, а межъ тѣмъ лужкомъ огороды Щеголева улица, а за другую сторону с Дыханывские улицы огороды, а с третье сторону межа Фоминскаго огороды межа, а за тотъ лужокъ азъ Лазарь взялъ у игумена Козмы и у старцовъ соборныхъ и изъ ихъ мѣры изъ дворововo мѣста и из огородовъ полторы сажени во всѣ дворы и огороды пашенои. А на то послуси: староста пасадцкои Иванъ Мартиновъ сынъ, да Григореи Полуехтовъ сынъ Нолинъ, да Горянинъ Григорьевъ сынъ Харадинъ, а меновную писалъ Ивашко Гурьевъ сынъ Лимоновъ лѣта 7082 г.

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 315—318.

24.

(1573 г.). Лѣта 7081 Июня в 14 денъ, Белозерские посадцкие земские старосты Карпъ Семеновъ сынъ Шушпановъ, да Иванъ Мартиновъ сынъ, да земские целовалники Иванъ Окуловъ сынъ Власовъ, да Ермолаи Ивановъ сынъ Малова с товарыщи, да посадцкие люди Александръ Осиповъ сынъ Фомина, да Офонасеи Евсѣевъ сынъ, да Василеи Михѣевъ сынъ, да Семенъ Ивановъ сынъ Осетина, да Третьякъ Яковлевъ сынъ Губанина, да Карпъ Васовъ сынъ Трофимова, да Иванъ Дмитрѣевъ сынъ Лыскова, да Фила Лихачовъ сынъ Онисимова, да Ортемѣи Офонасьевъ сынъ Тебинина, да Григореи Федоровъ сынъ Дьяконова, Исакъ Садофьевъ сынъ Калининъ, да Парфенъ поповъ сынъ Ушаковъ, да Офонасеи Ортемьевъ сынъ, да Епимахъ Сергинъ сынъ Шушпановъ, да Первои Перфирьевъ сынъ Перхина, да Ширяи Ивановъ сынъ, да Степанъ Нечаевъ сынъ Ившина, Истома Митинъ, да Истома Григорьевъ сынъ Лизовъ, да Василеи Емельяновъ сынъ Ба-

диза (?), да Степанъ Михаиловъ сынъ Тверитиновъ, да Данило Ерѣмеевъ сынъ Тѣкутовъ, да Иванъ Омросьевъ сынъ Костицынъ, да Семенъ Дмитріевъ сынъ Шишъ, да Никита Ерѣмѣевъ сынъ Тѣкутовъ, да Офонасеи Спиридоновъ сынъ Здоровецъ, да Лука Софъроновъ сынъ, Ивтихѣи Кононовъ сынъ Дудыревъ, да Докуня Деменьтьевъ сынъ Козловъ, да Чюдинъ Бакунинъ, да Матфѣи Селяниновъ сынъ Зловидова, да Ефимъ Григорьевъ сынъ Колюбанова, да Осипъ Семеновъ сынъ Жалобновъ, да Васка Вахромѣевъ сынъ Бѣлякова, да Третьякъ Евсѣевъ сынъ, да Богданъ Семеновъ сынъ Маловъ, что у насъ было на Белѣозерѣ на посаде Алферъ Ферапонтьевъ сынъ Ферутинъ, а дворъ у нево былъ на берегу в межахъ с братомъ своимъ с Лазаремъ с Ферапонтьевымъ же сыномъ с другую сторону Епимаховъ дворъ да паки Леонтьевыхъ дѣтеи Есютина, а нынѣ Олферъ преставися и после Олфера жена ево Соломанида и с своими детями з Григорьемъ да з Дмитреемъ дала тотъ дворъ в домъ Кирилова монастыря по душе мужа своего Алфера да и по своеи и да и по дѣтехъ дворъ и с мѣстомъ и с огородомъ и со всѣмъ угодіемъ, а под тѣмъ дворомъ земля Царева Государева черная, а у Кирилова монастыря по Государеве по жалованои грамотѣ мѣсто дворовое на Белѣозерѣ на посаде в Пробоинои улицѣ, что бывало Онаньинское родное и то мѣсто мы старосты и целовальники, поговоря с тѣми посадцкими людми да то Онаньинское дворищѣ взяли на промѣну к себѣ на посадъ противъ Алферьевского дворовово мѣста, что на берегу, а Олферьевское мѣсто противъ того отдали в Кириловъ монастырь Игумену Козмѣ з братьею или по немъ иныи игуменъ будетъ и намъ посадцкимъ людемъ в то в Олферьевское дворовое мѣсто не вступатися никоторыми дѣла ни во что, а старцомъ не вступатися в свою в даною в Онаньинское дворище, ни во что, никоторыми дѣло, а держати имъ то Алферьевское дворовое мѣсто противъ Онаньинскаго дворища по Государеве Цареве Великого Князя по жалованой грамоте по Бѣлой, что дана на Онаньинское дворищѣ и по данои Олферьевскіе жены Соломаниды з дѣтьми, а мѣстъ дворовыхъ мѣновную писалъ посадцкои земскои дьячекъ Соколовъ Ивановъ сынъ.

Внизу мѣновной приписано:

„По сеи меновнои Кирилова монастыря Игуменъ Козма и старцы соборные променили Лазарю Ферапонтову сыну монастырьское мѣсто Олферьевское, а взяли у Лазаря ево мѣсто в мѣру, а подписалъ на меновнои Иванъ Гурьевъ сынъ Лимоновъ“ [1]).

И. П. Б. Q. IV. 113, стр. 324—331.

---

[1]) Ср. мѣновную № 23.

ПРИЛОЖЕНІЕ В.

ИЗЪ СТОЛБЦОВЪ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

1.

Полюбовная раздѣльная запись 1663 года.

Се язъ, вдова Иудинская жена Тишкова, Марья, Кондратьева дочь договорилась есми Троицы живоначальные Семеновские пустыни с строителемъ чернымъ попомъ с Ѳеодосіемъ полюбовно в томъ, что по Государеву указу и по грамоте дано в Семеновскую пустынь в Деревскои пятине в Семеновском погосте в пустоши Холму двѣсте шестьдесятъ четвертеи пашни, и с сенными покосы, и с рыбными ловли и со всѣми угодьи, а мужу моему Июды Тишкову в тои же пустоши в Холму по государеву указу в помѣстье дано сорокъ четвертеи окромѣ их манастырскои дачи двусотъ штидесяти четвертей, и та у нас пустошь Холмъ не поделена была и мнѣ вдовы Марье с нимъ строителемъ чернымъ попомъ с Ѳеодосьемъ та пустошь Холмъ въ нынѣшнемъ во сто семдесятъ первомъ году пашню и сенные покосы, и рыбные ловли поделили по четвертямъ, в Семеновскую пустошь отвели двесте шестьсотъ четвертеи, а мнѣ вдовы Марье сорок чет-

вертеи, а выделили мнѣ та пашенная земля, и сеннои покосъ, и лѣсъ что в четвертях за рекою Луженкою и тои выделенной земли учинили намъ промежъ себя межи и грани для преди, чтобы впредь меж насъ в тои земли спору не было; и какъ мы тое пустошь Холмъ поделили и повытно и почетвертямъ по своему полюбовному договору и впредь мнѣ вдовѣ Марье о передѣле о тои пустоши Холму на него строителя чернаго попа Ѳеодосия великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу не биті челомъ; а буде яз вдова Марья о тои пустоши о Холму впредь о передѣле учну великому Государю Царю и Великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу на него строителя чернаго попа Ѳеодосия бити челомъ и противо сеи записи в чемъ нибуди в своем слове не устою как в сеи записи выше сего писано и ему строителю черному попу Ѳеодосию взять на мнѣ на вдовѣ Марье за мою неустойку зарядья денегъ серебряныхъ сто рублевъ, а впредь ся запись в запись и договоръ въ договоръ. А на то послуси: Павелъ Тимоѳѣевъ, Авдѣй Андрѣевъ. А запись писал площаднои подъячеи Степашко Никиѳоровъ лѣта 7171 года Мая въ 18 день.

На оборотѣ явка. „1700 Мая въ 11 день по указу великого Государя Царя и великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и по приказу ближняго боярина и воеводы князя Ивана Юрьевича Трубецкого с товарыщи, ся запись в Великомъ Новѣгородѣ въ приказнои палате в книгу записана и съ сей записи пошлинные денги.. соѳѣискому стряпчему заплатить".

На оборотѣ же вмѣсто Марьи росписался ея отецъ духовныи.

2.

Отпускная 1638 года.

Се язъ, Ѳедор Петров сынъ Мяхкого, отпустил есми человѣка своего крѣпосново на слободу Архипа Оньцыѳорова сына на вси четыре стороны, а впредь мнѣ Ѳедору до него

дела нѣт и въ холопство мнѣ его не имати, ни моему брату родному Матѳею Мяхкому и Степану Мяхкому, ни моему роду, ни племени до него дела нет и волнои онъ человѣкъ, где захочет, тут и живет. А отпускную писал Пречистенскои дьячек дѣвичья монастыря Сенка Иевлевъ лѣта 7146 Марта въ 3 день.

Внизу документа припись: „записаны“.

На оборотѣ явка: 162 года Генваря въ 28 день в Великом Новѣгороде по приказу боярина і воеводы князя Юрья Петровича Буйносова-Ростовскаго да дьяка Исака Кудрина ся отпускная въ записные крѣпостные книги записана и пошлины въ государеву казну взяты. Дьякъ Ісакъ Кудринъ. Справилъ Олешко Степановъ.

3.

Порядная 1620 года.

Се яз, Ондрѣи Онтиповъ сынъ, волнои человѣкъ, порядился есми яз в Соѳеискую вотчину в селцо въ Черници за митрополита за Новгородцкаго за Макариа въ крестиане, и живучи мнѣ въ Соѳеискои вотчинѣ за Макариемъ за митрополитомъ въ хрестианех и без митрополичья вѣдома из волости никуда в иную волость не порядитца, ни за ково не выти въ крестьяне за иного ни за каково сына бояръскаго никуда. А не учну яз в Соѳеискои вотчинѣ в селе в Черницах въ крестьянех жити или без митрополичья вѣдома яз куды за волость выиду или за иного во хрестьянѣ поряжусь за кого ни буди, и на мнѣ, на Ондрѣе Онтиповѣ сыне, по сеи по порядноі записи взяти застава в Соѳеискую казну десять рублевъ денегъ Московскаго числа. В том есми яз Ондрѣи на себя в Соѳеискую казну и запись дал, а на то посяуси: Кирило Михаилов сынъ Серебряниковъ, а запись порядную писал Нестерько Микулинъ сынъ Торопчанинъ Добрынинъ, с площади подъячеи, лѣта 7129 году Декабря въ 13 день.

Внизу документа припись: „сѣл на участок до 131 году к оржаному“.

4.

Порядная 1621 года.

Се яз, Степанъ Михаиловъ сынъ с сыномъ своимъ с Семеномъ волочажные люди, гулящіе, Белозерского уѣзда Чюжбальские волости, порядилися есми у великого господина Преосвященнаго Макарья митрополіта Великого Новагорода и Великалуцкого, в Соѳискую вотчину на Высокое в деревню и жити нам, мнѣ Степану с сыномъ своимъ с Семеномъ в Софѣйскои вотчине в деревне на Высокомъ и дворъ поставити крестьянскои какъ ведетца изба, да клѣть, да мшаникъ, да селникъ по измоге; а взяти нам подсобья участокъ землі по измоге, какъ наша мочь скажетъ, и тотъ участокъ роспахаті, и поля разгородіті, и пожні росчистіті, а для дворового поставленья и новые селидьбы Преосвященныи Макареі, митрополитъ пожаловал намъ лготы на четыре года с нынешняго со сто двадцать девятаго году да впред на четыре годы апрѣля с шестанадесять числа, і в тѣ урочные лѣта мнѣ Степану с сыномъ в митрополичью казну и с хлѣба никакова снопа не даваті и дѣла нікакова не дѣлаті; а какъ минуетца, проидутъ тѣ урочные четыре года и намъ с того своего участка изо всякого хлѣба даваті снопъ, чимъ насъ Преосвященныи Макареи мітрополитъ пожалуетъ, благословитъ дѣло намъ дѣлаті потому жъ и тягло всякое платіті с волощаны с сусѣдами вмѣсте, что доведетца с нашего участка по своему жеребью; а из Софѣискои вотчины намъ нікуда вон не выіті і впредь жіті за митрополітомъ в Софѣискои вотчине неподвижно по сеі порядноі записи; а на то послусі, Кирило Серебряников; а порядную запись писал Петрушка Малышкінъ лѣта 7129 Апрѣля въ 16 день.

5.

Порядная 1622 года.

Се яз Иван Ларионов сынъ Новоторецъ, волноі человѣкъ, порядился есмі Соѳіиского дому у казначея у старца Саватья Тишнева в Соѳіискую вотчину на Высоково в деревню во кре-

стьяне на четвертину обжи на Кондратовскои участок в нынешнем во сто тридесятомъ году Ѳевраля с перваго на десять числа, а лготы мнѣ с нынешняго же стотридесятого году Ѳевраля с перваго на десять числа і впредь на трі годы по тож число; а за тою лготою живучи, мнѣ поставити двор крестьянскои, а с того участка тягла мнѣ не тянути і в Соѳѣискую казну податеи не давати никаких, издѣлья не дѣлати в тѣ лготные лѣта; а какъ лготные лѣта минуютъ и мнѣ с того участка всякое тягло и подати в Соѳѣискую казну хлѣбъ и денги платити с сусѣды вмѣсте, и пашня пахати куда преж того ходила соха, и коса, и топор, и пашні не заложиті и, покиня пашні, вон не соити с того участка і впредь без выходу жити в Соѳѣискои вотчине на том участке; а будет я, покиня пашню ис того участка соіду, и на мнѣ на Іване Соѳѣиского дому Казначѣю старцу Саватью Тишневу взяті по сеи записи десять рублеі денегъ московскимъ числомъ, і в Соѳѣіскую казну всякие податі, хлѣбъ и денги и за лготные лѣта по сеі рядноі записи, а на то послуси Нестеръ Микулинъ. А порядную запись писалъ Іванко Івановъ сынъ Квасніковъ лѣта 7130 году Ѳевраля въ 11 день.

6.

Порядная 1622 года.

Се яз Мелентеи да яз Дружина Захарьевы дѣти, оба мы родные братеники, волные люди, порядилися есми Соѳѣиского дому у казначея у старца Саватія Тишнева в Соѳѣискую вотчину на Высоко въ крестьяне в нынешнемъ въ стотридесятомъ году Марта 3 двадесятъ шестого числа, а лготы намъ с нынешняго сто тридесятаго году с Георгиева дни вешнего и впредь на три годы по тож число; а за тою лготою жівучи, намъ поставити дворъ крестьянскои и в тѣ годы намъ тягла государева не тянути и в Соѳѣискую казну податеи не даваті никаких, издѣлья не дѣлаті в тѣ лготные лѣта; а какъ лготные лѣта минутъ и намъ всякое тягло и податі в Соѳѣискую казну хлѣбъ и денги платити с сусѣды вмѣсте, и пашня пахати куда

преж того ходила соха, и коса, и топор, и пашни не заложити и, покиня пашни вон не соіти и впредь без выходу жити в Соѣйскои вотчине; а буде мы, покиня пашню, соидем, и на насъ на Меленьтьѣ, да на Дружине Захарьевых Соѣиского дому казначею старцу Саватею Тишневу взяти по сеи записи двадцать рублевъ в Соѣискую казну всякие податі, хлѣбъ и денги и за лготные лѣта по сеи рядноі записи; а на то послуси: Нестер Никулинъ сынъ Торончанинъ, а порядную запись писалъ Лаврентенко Θилимоновъ лѣта 7130 году Марта въ 26 день.

7.

Порядная 1653 года.

Се яз, Ларіонъ Потаповъ сынъ Георгіева монастыря стариннова крестьянского отца сынъ из Заонежья отавозере(?) деревні Наволока, порядился есми Георгіева монастыря за архимарита Лариона з братьею въ их монастырьскую вотчину, и в монастырьскую казну бобылшина мнѣ Ларіону платити погодно почему архимарит Ларіонъ з братьею укажетъ; ис тое монастырскоі вотчины мнѣ Ларіону в Государевы дворцовые волости, и в патриаршіи, и в митрополичьи и в монастырьские вотчіны и за бояря и за детеи боярских во их в помѣстья и в вотчіны во крестьяне и в бобыли не порядитца и жіть за тѣмъ монастыремъ в бобылех безвыходно; а будет я Ларіонъ не учну в монастырьскую казну погодно оброкі платити или куда во крестьяне и в бобыли поряжуся и ему, архимариту Ларіону з братьею взяті на мнѣ на Ларіоне за бобылшину пять рублевъ московских по сеи записі, а впредь таки сія запись в запись и жить в бобылкех безвыходно, а на то послухъ Θедорко и руку приложилъ. А запись писалъ порядную площаднои подъячеи Куземка Θилиповъ лѣта 7161 году Θевраля въ 13 день.

На верху документа: „записать въ книги“.

На оборотѣ явка: 161 г. Февраля въ 13 день в Великомъ Новѣгороде по приказу боярина и воеводы князя Юрья Петровича Буйносова-Ростовскаго да дьяка Исака Кудрина ся

порядная бобылская запись в записные крепостные книги записана и пошлины взяты. Дьякъ Ісакъ Кудринъ.

Справилъ Ѳедорко Омельяновъ.

8.

Поручная 1654 года.

Се язъ Тимоѳѣі Семеновъ сынъ, Государевъ дворцовый крестьянинъ Коростинского погоста, деревни Пустоши, поручился есми въ Соѳѣіскую казну казначею старцу Никандру по митрополичье бобылѣ по Петрѣ Григорьеве в том, что жити ему за моей порукою в Соѳѣискоі вотчинѣ гдѣ похочет в бобылкахъ и в Соѳѣйскую казну по митрополичью указу бобыльское тягло платити с иными бобыли вмѣсте; из за Соѳѣискоі вотчины ни за патриарха, ни за митрополитовъ, ни за архіепископовъ, ни за бояръ, ни заокольничих, ни за дворянъ, ни за дѣтеі боярских, ни за монастыри ни в какие отчины, ни в помѣстья не порядитца, ни во крестьяне, не в бобыли; а куда онъ за моеи порукою из за Новгородцкого митрополита из бобылеі порядитца за патриарха или за митрополитов или за бояръ и за околничих или за каких нибуди вотчиников и помѣщиков, и на мнѣ на порутчикѣ и на нем Петрѣ пеня великого господина Преосвященнаго Макарія, митрополита Великого Новагорода и Великихъ Лукъ и пеня, что святитель укажетъ и того Петра взяти, по сеі записи в бобылі крѣпокъ. А на то послухъ Григореи Петровъ, а запись писал площаднои подъячеи Васка Евдокимовъ лѣта 7162 году Генваря в 24 день.

Внизу документа припись: „записана“.

9.

Порядная 1619 года.

Се язъ Давыдъ Матѳѣевъ сынъ Пищивиковъ, выходецъ и за немецкого рубежа, из за Невы реки, по указу великого

господина Преосвященного Исидора, митрополита Новгородцкого и Великолуцкого, порядился есми Софѣиского дому у казначея старца Саватія Тишнева да у митрополичья дворецкого у Бориса Семеновича Кобылина в Софѣискую вотчину Черницкого села деревню в Заблудно в Ондрѣевскои Грузинскои погостъ на Волховъ на лготу, а лготы мнѣ далі въ государевых податех и в Софѣискомъ оброке дворово поставленья на два годы с нынешняго сто двадесятъ седьмаго году Мая с перваго числа да сто двадесятъ девятаго году Мая по первое число; а какъ та деревня из лготы выидет и мнѣ платити оброкъ в Софѣискую казну на годъ по полтора рублі со всеи деревни, а заимуся тое деревни половину или болши или менши и мнѣ платити по росчету, а митрополичьимъ Черницкимъ крестьяномъ никому до тое деревни дѣла нѣтъ ни в пашни, ни в сенокоси, ни в какие угодья не вступаютися, а в государеве тяглѣ после лготных тѣх двугодовъ с чево меня великии Государь Преосященнын Исидоръ митрополитъ противо иных крестьянъ пожалуетъ, обложитъ, с тово мнѣ государевы подати и платити; а с Софѣиские с митрополичьи вотчины и с Черницкие волости из Ондревского из Грузинского погоста из деревни Заблудна никуды за волость не сойти и не збежать, а саиду я ис Софѣиские вотчины или збегу без Государева указу и без митрополичья вѣдома и гдѣ меня свѣдаютъ и митрополичьимъ приказнымъ волно меня взяті и вывесть в Софеискую вотчину и в деревню на участокъ посадить гдѣ меня митрополитъ прикажетъ. А на то послуси: Казаринъ Перфѣрьевъ сын Рускоі; а запись писал Васка Ильинъ лѣта 7127 Мая въ 1 день.

10.

Порядная 1654 года.

Се язъ, Федоръ Ѳедотовъ сынъ, волнои человѣкъ, порядился есми за великого господина преосвященого Макария, митрополита Великого Новагорода і Великолуцкого в Чюдинцеву улицу в бобылкі с нынешняго со сто шестъдесяттретьяго

году Сентября с седьмаго числа жити мнѣ Ѳедкі за ним великим господином преосвященным Макариемъ митрополитом Новгородцкім и Великолуцким в Чюдинцове улицы в бобылкех и государевы и Соѳѣиские всякие податі платіти і Соѳѣиское всякое здѣлье дѣлаті с сосѣды своимі вмѣсте, и живучі мнѣ Ѳедке за ним великим святителем или хто по нем митрополитовъ будетъ в государевы дворцовые села и в патріарши и в иные митрополичьи и в монастырьские вотчіны и за дворян и за детеі боярскихъ и ні за кого во крестьяне и в бобыли не порядитца и ні за кого не заложитца, а оброком меня чим великыі святитель пожалуетъ, укажетъ на годъ платити, а буде я Ѳедка за ним великим святителем или хто по нем митрополитом будет живучі, в Чюдинцове улицѣ в бобылкех не учну Государевых податеі и Соѳѣиских платити и Соѳѣиского всякого здѣлья дѣлати с сосѣды своими вмѣсте и живучі яз Ѳедка за нім великим святителем или хто по нем будет митрополитов в Государевы дворцовые села или за иных митрополитов и в монастырьские вотчины и дворянъ и за детеи боярских во крестьяне или в бобыли поряжусь, или за ково заложусь, или чьимъ нибуди учну называтца и на мнѣ на Ѳедке взяті в Соѳѣискую казну денег заряду пять рублевъ московских, а впредь такі яз Ѳедка за ним великии святителем в бобылкех крѣпок и сія порядная запись в запись. Ростомъ Ѳедка Ѳедотовъ среднеи человѣкъ, в лицо круглоликъ, бѣлъ, волосы на головы свѣтло русы, глаза впалі, брові и борода и ус русы, нос покляпъ с перелучіною, сказал себѣ лѣт не упомнитъ, а на то послух Юрій Толмачевъ, Сава Панкратьевъ; а запись писал площадныи подъячеи Куземка Ѳилиповъ лѣта 7163 году Сентября в 7 день.

11.

Порядная 1623 года.

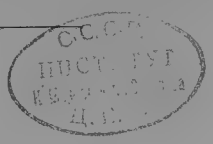
Се язъ, Степанъ Максимовъ сынъ Полицкого монастыря вкладчикъ, порядился есми в митрополичыс отчину в бобылки на село на Высоко жити мнѣ в митрополичьеи отчинѣ, а из

митрополичьеи отчины мнѣ Степану никуда не выти ни в государевоі дворцовоі, ни в монастырскои отчинѣ ни за дворяны, ни за детеі боярских, а давати мнѣ всякие митрополичьи подати и изделья делаті с чево меня Государь Святитель обложитъ, а буде яз не учну жіті в митрополичьеи отчинѣ в селе на Высоком или куда выду в государевы которые, или въ монастырские которые отчины, или за дворяны, или за детеі боярских, и на мнѣ на Степанѣ взяти по сеі порядноі записи пять рублевъ денегъ а впредь таки яз Степанко митрополичь бобыль; а на то послуси: Микифоръ Степановъ. А порядную запись писал Истомка Подцкаевъ лѣта 7131 году Ѳевраля въ 3 день.

12.

Порядная 1628 года.

Се язъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ, волноі человѣкъ, порядился есми в Соѳѣискую отчину на Высоко за Наугородцково митрополита Киприяна, в бобылки, и живучі мнѣ в Соѳѣискоі вотчине за Киприяномъ за митрополитомъ в бобылкех бобылшина мнѣ митрополиту Киприяну с иными бобылями даваті, издѣлье дѣлати какъ и прочие Соѳѣискіе бобыли; живучі в Соѳѣискоі вотчине в бобылкех без выходу, за дворянъ, и за детеі боярских, и за монастыри не гдѣ во крестьяне и в бобыли мнѣ не рядитца и с Соѳѣискоі вотчина и из за митрополита Киприяна не выити; а не учну яз, Иванъ, в Соѳѣискоі вотчине, на Высокомъ, за митрополитомъ Кипріяномъ жити какъ иные бобыли да и не учну здѣлья дѣлати и учну за дворянъ, или за детеі боярских, или за монастыри во крестьяне или в бобыли рядитца, из Соѳѣиские вотчины и из за митрополита поиду вонъ, и на мнѣ на Иване взяти в Соѳѣискую казну застава денегъ десять рублевъ московскую по сеі порядноі записи, и впредь таки яз Иванъ Соѳѣискоі бобыль, в томъ яз, Иванъ, на собя и запись порядную в Соѳѣискую казну дал; а на то послуси: Василіе Ильинъ сынъ. А запись порядную писал Казаринко Рускоі лѣта 7136 году Марта въ 20 день.



3255
28